

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Учебное пособие

*Ответственный редактор
М.Ф. Румянцева*

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2015

УДК 930
ББК 63.2
И91

Ответственный редактор
М.Ф. Румянцева

Рецензенты:
академик РАН, доктор исторических наук,
ординарный профессор НИУ ВШЭ *А.Б. Давидсон*,
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
профессор *С.М. Каштанов*

Коллектив авторов:
И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко,
М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская

И91 **Источниковедение** [Текст] : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 685, [3] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1092-6 (в пер.).

В учебном пособии системно представлено источниковедение в качестве научной дисциплины и метода научного познания. В основе концепции учебного пособия — актуальный статус источниковедения как строгой науки, понимание исторического источника как объективированного результата деятельности человека / продукта культуры и трансформации объекта источниковедения от исторического источника через видовую систему корпуса исторических источников к эмпирической реальности исторического мира. Специальное внимание уделяется мировоззренческим и эпистемологическим основаниям источниковедения, его теории и методу. Принципиальная новизна учебного пособия состоит в том, что впервые четко разделены три составляющие современного источниковедения. В первом разделе источниковедение представлено как научная дисциплина и как системообразующее основание гуманитарного знания. Во втором разделе источниковедение позиционируется как метод получения нового строгого знания о человеке и обществе в их исторической перспективе. В третьем разделе источниковедение рассматривается как инструмент исторического исследования.

Для студентов, обучающихся по программам бакалавриата и специалитета, и магистрантов гуманитарных направлений, а также для всех интересующихся природой исторического знания и способами его получения.

УДК 930
ББК 63.2

ISBN 978-5-7598-1092-6

© Данилевский И.Н., Добровольский Д.А., Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф., Хоруженко О.И., Швейковская Е.Н., 2015
© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ	
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК ДИСЦИПЛИНА	
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	
<i>Часть I. История источниковедения</i>	17
Прембула. Два подхода к истории науки	18
Глава 1. Источниковедение в классической модели науки	20
1.1. Становление источниковедения	20
1.2. Позитивистская парадигма источниковедения	25
Глава 2. Источниковедение в неклассической модели науки	42
2.1. Русская версия неокантианства	42
2.2. Принцип признания чужой одушевленности	46
2.3. Объект познания в русской версии неокантианства	54
2.4. Концепция источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского	57
Глава 3. Источниковедение в XX веке	77
3.1. Наука об исторических источниках в европейском историческом знании. Критика позитивизма	77
3.2. Источниковедение в СССР	84
<i>Часть II. Теория источниковедения</i>	89
Глава 1. Исторический источник — определение понятия	90
1.1. Два подхода к определению понятия «исторический источник»	90
1.2. Мировоззренческие и этические различия двух типов определений понятия «исторический источник»	94
1.3. Методологические следствия двух типов определений понятия «исторический источник»	98
Глава 2. Классификация исторических источников	99
2.1. Типы исторических источников	100
2.2. Письменные исторические источники в историческом познании	105
2.3. Вид исторических источников — основная классификационная единица источниковедения	109

Глава 3. Объект источниковедения: исторический источник — система видов исторических источников — эмпирическая реальность исторического мира	113
3.1. Система видов исторических источников как проекция культуры	113
3.2. Эмпирическая реальность исторического мира — глобальный объект гуманитаристики	117

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

<i>Часть I. Корпус источников российской истории</i>	125
Глава 1. Источники российской истории XI–XVII веков	126
1.1. Летописание	126
1.2. Законодательные источники	157
1.3. Акты	172
1.4. Материалы государственного и вотчинного учета	185
1.5. Литературные произведения	193
Глава 2. Источники российской истории XVIII — начала XX века	216
2.1. Общие свойства исторических источников Нового времени ..	216
2.2. Массовые источники	223
2.3. Законодательство	227
2.4. Акты	272
2.5. Делопроизводственные материалы	279
2.6. Материалы фискального, административного и хозяйственного учета	293
2.7. Статистика	311
2.8. Публицистика	331
2.9. Периодическая печать	334
2.10. Источники личного происхождения	348
Глава 3. Источники российской истории XX века	372
3.1. Общая характеристика источников Новейшего времени	372
3.2. Законодательство советского периода	377
3.3. Делопроизводственные материалы и статистика советского периода	397
3.4. Периодическая печать, публицистика и художественная литература советского периода	416
3.5. Источники личного происхождения в XX веке	450

Часть II. Компаративное источниковедение как метод сравнительно-исторического исследования	463
Глава 1. Сравнительно-историческое исследование: постановка проблемы	464
1.1. Сравнение как способ познания	464
1.2. Сравнительно-историческое исследование	466
Глава 2. Сравнительный метод в исторических теориях XVIII–XX веков	472
2.1. Метод аналогий в концепции И.Ф. Шиллера	472
2.2. Формационная модель как основание метода сравнительно-исторических исследований	475
2.3. Метод сравнения в структуре цивилизационных теорий исторического процесса	478
Глава 3. Компаративное источниковедение: апробация метода	481
3.1. Россия и Западная Европа в Новое время как объекты сравнительно-исторического исследования	481
3.2. Проблема перехода от Средних веков к Новому времени: источниковедческий критерий периодизации	483
3.3. Изменения в корпусе исторических источников при переходе от Нового времени к Новейшему	485
3.4. Изменения типологии корпуса исторических источников	487
3.5. Сравнительный анализ видов исторических источников	488
Часть III. Источниковедение историографии	505
Глава 1. Предметное поле источниковедения историографии	506
1.1. Понятийный аппарат источниковедения историографии	507
1.2. Структура историографического процесса и систематизация произведений историков в работах по истории истории	509
1.3. Формирование предметного поля источниковедения историографии во второй половине XX — начале XXI века	520
Глава 2. Классификация историографических источников	525
2.1. Научный и социально ориентированный типы исторического знания	525
2.2. Система видов историографических источников научной истории	529
2.3. Система видов историографических источников социально ориентированного историописания	544

**РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

<i>Часть I. Источниковедческое исследование</i>	563
Глава 1. Источниковедческий анализ и синтез	564
1.1. Этапы и процедуры источниковедческого анализа	565
1.2. Критика понятия «критика исторического источника»	588
1.3. Источниковедческий синтез	588
Глава 2. Источниковедческий подход к изучению историографических источников	592
2.1. Структура источниковедческого анализа историографических источников	592
2.2. Анализ происхождения историографического источника	593
2.3. Анализ содержания историографического источника	595
2.4. Процедура деконструкции историографического источника	597
Глава 3. Источниковая база исторического исследования	610
3.1. Рефлексия источниковой базы как атрибут научного исследования	610
3.2. Формирование источниковой базы исследования и обоснование ее репрезентативности	612
3.3. Характеристика источниковой базы исследования	614
 <i>Часть II. Исторический источник в эдиционных практиках</i> ..	617
Глава 1. Бытование источников в рукописной и книгопечатной традициях	620
Глава 2. Развитие научных подходов к публикации источников	622
Вместо заключения	629
Источники и литература	631
Сведения об авторах	686

ВВЕДЕНИЕ

Что такое источниковедение

Источниковедение (нем. Quellenkunde, англ. source study) — гуманитарная дисциплина, *объект* которой — исторические источники, т.е. вся совокупность произведений человека / продуктов культуры — эмпирическая реальность исторического мира, а *предмет* — изучение исторического источника как культурного феномена и на этой основе поиск, извлечение, оценка и использование в науке и иных социальных практиках информации о человеке и обществе в их исторической составляющей.

Источниковедение выросло из практической потребности установления подлинности и достоверности документов. Научное историческое источниковедение прошло сложный путь становления и развития в качестве дисциплины исторической науки. На каждом из этапов этого пути прирастали функции источниковедения, усложнялись его задачи и, главное, менялись статус и место источниковедения в системе научного исторического знания.

В течение XX в. источниковедение приобретает статус научной дисциплины. Современное состояние источниковедения определяется трансформацией нововременной науки, отличавшейся строгим дисциплинарным делением, в новый тип знания, преимущественно гуманитарного и синтетического характера. В новой социокультурной и теоретико-познавательной ситуации, сложившейся главным образом в последней трети XX — начале XXI в., источниковедение выступает как интегрирующее начало гуманитаристики, поскольку его предмет — исторический источник, понимаемый как культурный феномен, как продукт творчества человека и социума в широком смысле, — выступает одновременно как объект исследования других гуманитарных и социальных наук. Современное источниковедение принципиально полидисциплинарно, оно обращается ко всей совокупности произведений культуры с целью понимания Другого (человека, социума, культуры), расширения на этой основе опыта собственной культуры, обогащения мировосприятия.

Выступая как интегрирующее начало гуманитарного знания, предоставляя универсальный метод обращения к произведениям человека / продуктам культуры для любых гуманитарных и социальных наук, источниковедение в то же время сохраняет связи со вспомогательными историческими дисциплинами, становление и развитие которых было обусловлено необходимостью специального изучения отдельных аспектов исторических источников

(например, палеография исследует внешние признаки памятников письменности, историческая хронология — содержащиеся в них датировки, метрология — упоминаемые меры) или особых групп исторических источников (сфрагистика изучает печати, геральдика — гербы, фалеристика — знаки отличия, награды, вексиллология — знамена) с целью установления подлинности, датировки, определения авторства исторических источников.

Зачем человеку источниковедение

По логике вещей с ответа на этот вопрос и надо было бы начать. Ибо вопрос «Зачем?» весьма существенен как в науке, так и в жизни. Своевременный ответ на него зачастую позволяет сэкономить массу сил и времени. Но не могли же мы рассуждать о том, *зачем изучать*, до того как хотя бы предварительно выяснили, *что изучать*.

Исходя из простой житейской мысли и собственного научного и жизненного опыта, авторы советуют вам до начала изучения дисциплины если не ответить на вопрос «Зачем мне это надо?», то хотя бы выяснить, для чего это может вам пригодиться.

Впрочем, в такой постановке вопроса есть некоторое лукавство, поскольку ответ на этот вопрос предполагает позиционирование себя по отношению к различным сообществам. Человек в силу своей социальной природы всегда волей-неволей (осознанно или неосознанно) соотносит себя с каким-либо социумом. Поэтому поставленный вопрос трансформируем так: «Каким образом социум востребует источниковедческое знание?»

Выделим две составляющие интереса к источниковедению — общечеловеческую/общекультурную и собственно научную / профессиональную. В каждой из них можно, в свою очередь, выделить два уровня.

Общекультурная составляющая. На первом уровне освоения источниковедения вырабатывается небесполезное умение оценивать информацию, в том числе и в обыденных житейских ситуациях, с целью принятия адекватных решений. Но гораздо важнее второй уровень — выработка умения понимать человека другой культуры, Другого — в широком, философском смысле, обращаясь к созданным этим Другим вещам — продуктам его творчества, произведениям иной культуры, выступающим в системе исторического знания в качестве исторических источников. Таким образом, источниковедческий подход может и должен стать основанием толерантного отношения к Другому, что представляет собой неперемнное требование современной этики.

Профессиональная составляющая. На аксиоматическом уровне понятно, что источниковедение — основа профессионализма историка-исследователя. Однако и здесь можно и нужно выделить два уровня освоения источниковедения, хотя, на первый взгляд, профессионализм — это такая категория, которая либо присутствует, либо, увы, отсутствует. Но современное научное сообщество, вернее научные сообщества, сильно дифференцировано, в том числе

и по уровню профессионализма. Поэтому на первом уровне историк, точнее человек, обладающий дипломом историка, обязан уметь конструировать исторические факты путем строгой научной процедуры — источниковедческого анализа. Для описания более высокого уровня профессионализма прибегнем к словам русского историка-методолога Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919):

Всякий, кто стремится к познанию исторической действительности, черпает свое знание о ней из источников (в широком смысле); но для того, чтобы установить, знание о каком именно факте он может получить из данного источника, он должен понять его: в противном случае он не будет иметь достаточного основания для того, чтобы придавать своему представлению о факте объективное значение; не будучи уверенным в том, что именно он познает из данного источника, он не может быть уверенным и в том, что он не приписывает источнику продукта своей собственной фантазии. С такой точки зрения историк, в сущности, приступает и к изучению различных видов источников: он пытается установить, например, остатки какого именно факта или предание о каком именно факте заключаются в данном источнике, что и становится возможным лишь при надлежащем его понимании¹.

Профессиональный историк должен не только уметь добывать факты путем «критики исторических источников» (об этом по-прежнему любимом многими историками понятии речь пойдет далее), но и понимать природу полученного нового знания и осуществлять рефлекссию собственного исследовательского процесса.

Принципы построения учебного пособия и его структура

Нечеткость терминологии исторического/гуманитарного знания заставляет определять используемые понятия. При этом авторы не претендуют на окончательное определение вводимых понятий, а лишь стремятся к терминологической определенности в рамках настоящего учебного пособия.

В основе учебного пособия — два принципа.

Первый: единства истории и теории. Современное состояние источниковедения — в определенной степени результат его истории. Авторы понимают это весьма тривиальное утверждение не в кумулятивном смысле (как по сию пору часто происходит в истории науки — эта позиция разъясняется в начале первого раздела учебного пособия), но акцентируют внимание на том, что в современном источниковедении присутствуют составляющие, сформировавшиеся в разное время, и надо научиться их опознавать.

Наиболее продуктивно, на наш взгляд, осмысление истории источниковедения в соотнесении с разработанными в философии науки классическим,

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 64.

неклассическим, постнеклассическим и неоклассическим типами рациональности (и соответствующими моделями науки). Это задача непростая и нетривиальная, поскольку проблематика философии науки разработана в основном применительно к физике и естественным наукам.

Второй: четкое разделение трех составляющих современного источниковедения:

- источниковедение как научная дисциплина и как системообразующее основание гуманитарного знания;
- источниковедение как метод получения нового строгого знания о человеке и обществе в их исторической перспективе;
- источниковедение как один из инструментов исторического исследования.

Синтез этих двух принципов позволяет предложить концепцию развития и актуального состояния источниковедения, общая схема которой зафиксирована в структуре учебного пособия, где каждой из составляющих посвящен отдельный раздел.

Источниковедение как составляющая исторического метода формируется в рамках классической модели науки, предполагающей в результате изучения (так называемой критики) исторического источника получение исторического факта, который используется далее в практиках историописания, будучи инвариантным по отношению к ним. Такая модель уже давно не соответствует современным эпистемологическим и социокультурным реалиям. Поэтому данная, вспомогательная, функция источниковедения, сохраняясь, модифицируется с учетом требований неклассической, постнеклассической и неоклассической науки. В частности, место «критики» исторических источников с целью получения так называемых достоверных фактов, верифицируемых через соответствие «объективной реальности» и понимаемых как инвариантный элемент («кирпичик») исторического построения, занимает источниковедческий анализ, системообразующее значение в котором имеет процедура интерпретации, цель которой — понимание Другого, т.е. автора исторического источника. Поскольку источниковедческий анализ должен быть эпистемологически фундирован, то он рассматривается в третьем, заключительном, разделе учебного пособия вместе с вопросами формирования источниковой основы исследования и методиками введения исторических источников в научный оборот и социальные практики (археографией).

Обретение источниковедением статуса дисциплины связано в первую очередь с рефлексией объекта. На рубеже XIX–XX вв. в русской версии неокантианства была поставлена проблема исторического источника как специфического объекта источниковедения. Отталкиваясь от сформированного в русской версии неокантианства понимания исторического источника как объективированного результата деятельности человека, исследователи, развивавшие эту концепцию, пришли к утверждению в качестве объекта источ-

никоведения системы видов исторических источников, презентующих соответствующую культуру¹. Обоснование понятия «эмпирическая реальность исторического мира»² как не только эпистемологического, но и, по сути, онтологического позволило закрепить статус источниковедения как самостоятельной научной дисциплины в системе и исторического, и гуманитарного знания в целом. Понятие объекта и связанная с ним проблема классификации рассматриваются в первом разделе учебного пособия.

Новое понимание объекта источниковедения позволило конституировать изучение видовых систем исторических источников как самостоятельный метод изучения различных социокультурных общностей. Второй раздел учебного пособия содержит апробацию метода и презентует систему видов источников российской истории как проекцию российской культуры. Рассмотрение корпуса источников российской истории позволяет понять, каким образом метод источниковедения используется при работе с конкретным материалом, как формируются видовые методы, учитывающие особенности различных исторических источников. Изучение источников именно российской истории дает авторам возможность опираться на богатые традиции и достижения российской источниковедческой культуры и преподавания источниковедения как особой дисциплины. При этом историку, изучающему историю иной страны (культуры, этноса, региона и т.п.), предоставляется разработанная модель подхода к целостной совокупности исторических источников. В этом же разделе представлены *компаративное источниковедение* как метод сравнительно-исторического исследования и *источниковедение историографии* как приложение метода источниковедения к изучению истории истории (истории исторического знания и истории исторической науки).

Итак, общая схема развития источниковедения выглядит таким образом.

Классическая модель науки

Функция источниковедения в историческом познании — критика исторического источника с целью получения достоверных фактов, понимаемых как часть реальности прошлого.

Цель изучения в образовательной системе профессиональной подготовки историка — овладение навыком критического отношения к информации исторического источника в исследовательских практиках.

Неклассическая модель науки

Функция источниковедения в историческом познании — диалог историка с автором исторического источника с целью интерпретации его содержания

¹ Эта концепция зафиксирована в предыдущем нашем учебном пособии: Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. М., 1998 [переизд. 2000, 2004].

² Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

на основе принципа «признания чужой одушевленности» и осмысления механизма порождения исторического источника в определенной культуре.

Цель изучения — выявление феноменологической природы исторического источника, осознание конструирующей роли познающего субъекта в контексте понимания механизмов познания.

Постнеклассическая модель науки

Функция источниковедения в историческом познании — в условиях постмодернистских деконструкций предложить способ социального конструирования реальности методом источниковедения на основе понимания объекта источниковедения как системы видов исторических источников, презентирующих ту или иную культуру.

Цель изучения — конструирование исторического целого на основе метода источниковедения.

(Однако отметим, что эта часть предлагаемой конструкции наиболее спорная. Здесь скорее стоит вести речь об интертекстуальности и отчасти оппозировании этому подходу со стороны феноменологической источниковедческой концепции исторического познания, принадлежащей неоклассической модели науки.)

Неоклассическая модель науки

Функция источниковедения в историческом познании — формирование эпистемологических оснований истории как строгой науки на основе понимания его объекта — эмпирической реальности исторического мира как онтологической категории.

Цель изучения — понимание источниковедения как когнитивной науки и формирование строгих стандартов научности в историческом познании на основе понятия «эмпирическая реальность исторического мира» как онтологической категории.

Мы оставили за пределами рассмотрения философские дискуссии о соотношении постнеклассической и неоклассической рациональности. Зафиксируем для дальнейшего анализа свое видение проблемы: если первые три типа рациональности сменяют друг друга, то неоклассическая рациональность формируется параллельно с неклассической и актуализируется в условиях преобладания постнеклассической, находясь в постоянном поиске новых эпистемологических оснований строгого научного знания. Именно поэтому она не сменяет постнеклассическую рациональность, а предлагает свое видение научного познания, во многом противостоящее постмодернистской эпистемологической анархии.

Очевидно, что выделенная выше логическая структура источниковедения, по принципу которой организован материал учебного пособия, не соответствует исторической последовательности, т.е. последовательности возникно-

вения разных составляющих дисциплины. Причина этого, как уже отмечалось, — необходимость теоретического фундирования на уровне актуального научного знания как применения источниковедческого метода в историческом познании, так и процедур источниковедческого анализа, сохраняющих в исследовательской практике инструментальный характер.

Такая структура учебного пособия обуславливает его принципиальную новизну и соответствие актуальному пониманию статуса источниковедения в системе научного знания.

Помня об обещании прояснять используемые понятия, авторы должны подчеркнуть, что строго различают понятия «современный», т.е. наличествующий в существующем здесь и сейчас историческом знании, и «актуальный», т.е. адекватно отвечающий потребностям этого знания и, соответственно, удовлетворяющий потребности современного социума.

Необходимое предуведомление

Прежде чем приступить к системному изложению источниковедения как научной дисциплины и как системообразующего начала гуманитарного знания, авторы считают необходимым сделать одно предуведомление, но адресуя его только тем, кто намерен освоить источниковедение на высоком уровне профессионализма.

Рефлексивный уровень освоения знания — особенно теоретического, а теоретическая составляющая источниковедения весьма существенна, — предполагает не только обогащение памяти, но и образование, понимаемое как образование личности в прямом смысле, т.е. работу над своей личностью и углубленную саморефлексию. Авторам чрезвычайно близка формула Ж.-П. Сартра: «Понять — значит измениться, превзойти самого себя...»

Если вы готовы меняться, то давайте осваивать и присваивать источниковедение вместе. Если не готовы, то пусть источниковедение останется для вас помощником в удовлетворении вашего интереса к истории и даст некоторую пищу вашей эрудиции.

Данилевский Игорь Николаевич (раздел 2, часть 1, глава 1); *Добровольский Дмитрий Анатольевич* (раздел 2, часть 1, глава 3); *Казakov Роман Борисович* (источники и литература); *Маловичко Сергей Иванович* (раздел 2, часть 3; раздел 3, часть 1, глава 2); *Румянцева Марина Федоровна* (введение; раздел 1; раздел 2, часть 1, глава 2; раздел 2, часть 2; раздел 3, часть 1, главы 1, 3; вместо заключения); *Хоруженко Олег Игоревич* (раздел 3, часть 3), *Швейковская Елена Николаевна* (раздел 2, часть 1, глава 1, параграф 4).

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
КАК ДИСЦИПЛИНА
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ЧАСТЬ I

**ИСТОРИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

ПРЕАМБУЛА

ДВА ПОДХОДА К ИСТОРИИ НАУКИ

Историки традиционно проявляют интерес к истории исторического знания. Дань внимания работам предшественников неизменно отдается в историографическом анализе, являющемся обязательной составляющей введения к любой квалификационной работе. С рассмотрения предшествующей историографии начинаются и иные научные исследования историков. В конце XIX в. оформляется историография, сначала как вспомогательная историческая дисциплина, а затем и в качестве самостоятельной дисциплины исторической науки. Но в чем смысл историографического анализа? Подробный ответ на этот вопрос явно выходит за дисциплинарные рамки источниковедения, поэтому здесь мы лишь кратко проясним свою позицию — определим соотношение истории и теории источниковедения.

К истории науки, и источниковедения в том числе, можно подходить двумя принципиально разными способами, кардинально различающимися по целеполаганию. Один из них, по-прежнему наиболее распространенный, имеет в своей основе кумулятивную модель развития науки. Исследователи, придерживающиеся этой модели, полагают, что наука развивается путем накопления и уточнения знаний; по мере развития науки наши знания становятся все более обширными и все более точными, т.е. они все более и более полно и безошибочно описывают так называемую объективную реальность. Эта модель предполагает аксиоматичную веру в а) существование так называемой объективной, т.е. не зависящей от познающего субъекта, реальности и б) ее познаваемость в качестве таковой. При таком подходе цель изучения истории науки — показать этот путь и представить современное состояние науки как результат ее предшествующего развития.

Этот подход исчерпал себя уже к середине XX в., когда утвердились иные представления о механизме трансформаций научного знания. Маркировал новую познавательную ситуацию выход книги американского историка и философа науки Томаса Куна (1922–1996) «Структура научных революций» (1962), в которой обоснован парадигмальный характер науки. Основное понятие нового подхода — парадигма, т.е. базовая теория, разделяемая научным сообществом и служащая основанием постановки исследовательских проблем. Смена парадигм происходит скачкообразно, путем научных революций, и зависит не столько от «накопления» знаний, сколько от непредсказуемых фундаментальных научных открытий и взаимодействия с изменениями социокультурных ситуаций.

Разделяя представление о парадигмальном характере науки и, соответственно, не принимая кумулятивную ее модель, авторы исходят из того, что со времени первых опытов критического отношения к историческим источникам в раннее Новое время сменилось несколько социокультурных эпох. Следовательно, уместно и целесообразно поставить вопрос о статусе и месте источниковедческих штудий в каждую из них. Такой подход к тому же позволяет обнаружить в современном (т.е. существующем в наше время, но не всегда отвечающем актуальным потребностям науки и социальной практики) источниковедении элементы, унаследованные от более ранних парадигм, и выявить степень их адекватности актуальной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации.

В первой части настоящего раздела обозначены источниковедческие парадигмы, соответствующие разным, сменяющим друг друга, типам рациональности и моделями науки: классическому, неклассическому, постнеклассическому и неоклассическому. Этой цели соответствует и подбор анализируемого историографического материала, хотя, конечно же, история источниковедения гораздо разнообразнее и богаче, чем предлагаемая нами схема.

Приступая к рассмотрению истории источниковедения, важно отчетливо понимать, что она представляет собой исследовательский конструкт. Источниковедение как самостоятельная дисциплина сформировалось лишь в XX в. (и в полной мере — только в специфическом советском контексте). Историки XVIII–XIX вв. рассматривали вопросы исследования исторических источников в связи с изучением истории как таковой и чаще всего приводили источниковедческие наблюдения во вводной части своих трудов, а также посвящали специальные работы изучению отдельных памятников или групп исторических источников. На рубеже XIX–XX вв. историки, разрабатывавшие проблемы природы исторического источника и методов его изучения, делали это в контексте методологии истории, уделяя источниковедческой проблематике — пониманию природы исторического источника, вопросам классификации, критики и интерпретации исторических источников — более или менее существенное место в ее структуре. Таким образом, источниковедческая проблематика вычленяется нами из исторических исследований и трудов по методологии истории аналитически, с точки зрения наших исследовательских задач. В историческом обзоре рассматриваются преимущественно методологические работы, поскольку они концентрированно представляют видение историками проблем изучения исторических источников и обобщают опыт источниковедческих исследований.

1

глава

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В КЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ НАУКИ

1.1

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Научное историческое источниковедение возникло в связи со становлением научного исторического знания в Европе в Новое время, в рамках европейского рационализма. Преследуя цель обеспечения достоверности исторических фактов, как это требовалось от исторической науки того времени, историки не могли обойтись без критического анализа исторических источников. Как писал лорд Болингброк (1678–1751) в «Письмах об изучении и пользе истории» (1752¹), «критика отделяет руду от породы и извлекает из различных авторов всю историческую правду, которая лишь частично могла быть найдена у каждого из них в отдельности; критика убеждает нас в своей правоте, когда она основывается на здравом смысле и излагается беспристрастно»². Подчеркнем, что в XVIII в. критика исторических источников осуществлялась исключительно на основе здравого смысла историка.

В российской науке интерес к историческим источникам, их классификации, оценке достоверности проявляется в исторических трудах середины — второй половины XVIII в. В.Н. Татищев (1686–1750) в «Истории Российской с самых древнейших времен» (1768–1784) провел систематизацию использованных исторических источников. Г.Ф. Миллер (1705–1783) («История Сибири», 1743–1750), М.М. Щербатов (1733–1790) («История Российская от древнейших времен», Т. 1–7, 1770–1791), И.Н. Болтин (1735–1792) («Критические примечания на первый том “Истории” князя Щербатова», 1793; «Критические

¹ Здесь и далее (за исключением специально оговоренных случаев) указывается дата первой публикации.

² Болингброк [Г. С.-Дж.]. Письма об изучении и пользе истории: пер. с англ. М., 1978. С. 49.

примечания на второй том «Истории» князя Щербатова», 1794) практически поставили проблемы различения исторических источников и исторических исследований, критического отношения к достоверности сведений, содержащихся в исторических источниках. Наибольший вклад в формирование методов изучения исторических источников внес А.Л. Шлёцер (1735–1809): в работе «Опыт изучения русской летописи»¹ (1768) он ввел обобщающее понятие «*источники русской истории*», сформулировал принципы и развернул программу изучения древнейшей, Несторовой, летописи. Итогом грандиозного исследования стал трехтомный труд «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке» (в неполном русском переводе опубликован в 1809–1819 гг.). Шлёцер последовательно отказался от использования летописных сведений без предварительного анализа достоверности, но критерием достоверности, вполне в духе XVIII в., служил здравый смысл историка.

Понятие «*источник*» без придания ему строгого терминологического смысла использовали Н.М. Карамзин (1766–1826), Н.А. Полевой (1796–1846) и другие. Историками первой половины XIX в. предлагались различные классификации (систематизации) исторических источников, имеющие преимущественно прагматическую направленность и подчиненные целям исторических исследований. Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» (1816–1829) впервые специальным разделом дал обзор источников российской истории до XVII в., выделив 14 групп: летописи, Степенная книга, хронографы, жития святых, «особенные дееписания», разряды, Родословная книга, каталоги митрополитов и епископов, послания святителей, «древние монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы», грамоты, статейные списки, «иностранные современные летописи», «государственные бумаги иностранных архивов». Н.А. Полевой провел первую систематизацию всей совокупности известных источников российской истории: «летописи или временники», «памятники дипломатические», «памятники палеографические», «памятники археографические», «памятники географические», «предания, сказки, песни, пословицы» («История русского народа», 1829).

Источниковедение как неотъемлемая составляющая исторического метода оформляется в 1830–1840-е годы в Германии. Большое значение в этом процессе имеет профессионализация исторической науки. В 1810 г. открывается Берлинский университет, в котором история позиционируется как строгая академическая дисциплина. Ведущая роль в постановке преподавания истории в Берлинском университете принадлежит филологу и историку Греции Августу Бёку (1785–1867) и особенно историку Рима Бартольду Георгу Нибуру (1776–1831). С их именами связано утверждение научного метода изучения источников — метода филологической критики. Объясняя устойчивость

¹ Schlözer A.L. Probe russischer Annalen. Bremen; Göttingen, 1768. Шлёцер писал и публиковал свои труды на немецком языке.

исторической науки по отношению к позитивизму, Р.Дж. Коллингвуд (1889–1943) в «Идее истории» (1946) так описывает этот метод:

Историки начала и середины девятнадцатого столетия разработали метод изучения источников — метод филологической критики. Он в сущности включал в себя две операции, во-первых, анализ источников (которые все еще оставались литературными или повествовательными), разложение их на составные части, выявление в них более ранних и более поздних элементов, позволяющее историку различать более или менее достоверное в них; во-вторых, имманентная критика даже наиболее достоверных их частей, показывающая, как точка зрения автора повлияла на его изложение фактов, что позволяло историку учесть возникшие при этом искажения. Классический пример этого метода — анализ сочинения Ливия, сделанный Нибуром, который доказал, что большая часть того, что обычно принимали за раннюю историю Рима, на самом деле является патриотической выдумкой, относящейся к значительно более позднему периоду; самые же ранние пласты римской истории у Ливия, по Нибуру, — не изложение истинных фактов, а нечто, аналогичное балладной литературе, национальному эпосу <...> древнеримского народа. За этим эпосом Нибур обнаружил исторически реальный Рим, представлявший собой общество крестьян-фермеров. Мне нет необходимости проследивать историю этого метода, восходящего через Гердера к Вико. Важно только отметить, что к середине девятнадцатого века он стал прочным достоянием всех серьезных историков, по крайней мере в Германии¹.

Наибольшее воздействие на утверждение метода филологической критики оказал профессор Берлинского университета Леопольд фон Ранке (1795–1886), применивший метод Нибура к источникам европейской истории Нового времени.

В 1826 г. Обществом по изучению ранней германской истории начата реализация грандиозного проекта — издания *Monumenta Germaniae Historica* («Памятники истории Германии»), фактически сыгравшего роль объединителя германской нации.

Немецкий историк-методолог Э. Бернгейм (1850–1942) в конце XIX в. обосновывает развитие метода исторической науки и расширение ее источниковой базы трансформацией целей исторической науки, «развитием общего мировоззрения», становлением «генетического понимания истории» и характеризует вышеописанный этап становления науки об исторических источниках следующим образом:

Теперь не могли более довольствоваться сведениями, почерпнутыми из общений историков, некоторыми видами первоисточников, которым отдавали предпочтение, и памятниками; все шире захватывали новые области,

¹ Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории. Автобиография*: пер. с англ. М., 1980. С. 125–126.

могущие каким-либо образом служить в качестве исторического источника, а соответственно этому расширялась все более и наука об источниках.

Одновременно с этим стали точнее разбираться в своеобразных различиях источников, соответственно их значению для познания. Если прежде исследователи работали с тем материалом, который был под рукой, то теперь возникла потребность использовать по возможности весь материал и создать поэтому систематические собрания и издания на основании широких изысканий в архивах и библиотеках <...>.

Прежде всего возникла тогда потребность в исторической критике; потребность точно установить факты на основании полного знания и подробнейшей оценки материала, освободив их от различных неточностей и извращений, явившихся результатом передачи. Это столь очевидная потребность создала новейший критический метод, а вместе с тем и полное преобразование исторического исследования. Только теперь в ответ на показания историков стали последовательно задавать вопросы, насколько он заслуживает доверия по своей оригинальности, осведомленности и беспристрастности <...>.

Сознательное возникновение этого нового критического метода относится к появлению в 1811–1813 гг. первых томов римской истории Георга Нибура с предисловием и первого тома «Истории романских и германских народов с 1494 по 1535 г.» Леопольда Ранке, вышедшего в 1824 г. с приложением «Критики новых историков». Кружок историков, окружавших Ранке как учителя и участвовавших в издании *Monumenta Germaniae historica* <...>, — Георг Вайц, Вильгельм Гизебрехт, Генрих Зибель, Иог. Густав Дройзен и др. — а равно и их ученики своими исследованиями и преподаванием разработали далее методику и сделали ее общим достоянием исторического исследования¹.

Последовательная разработка методов критического исследования исторических источников в российской историографии связана с так называемой скептической школой 1810–1830-х годов (М.Т. Каченовский (1775–1842), Н.С. Арцыбашев (1773–1841), С.М. Строев (1815–1840) и др.). «Скептическая школа» отталкивалась от источниковедческих приемов, разработанных А.Л. Шлёцером, и испытывала влияние критического подхода Б.Г. Нибура. Историческая критика воспринималась историками этого направления как особый научный взгляд на историю, который помогает очищать ее от «небылиц», содержащихся в первую очередь в средневековых исторических источниках, а также в работах историков, которые без должной предварительной критики поверили таким сообщениям и наполнили ими тексты своих историй.

¹ Бернгейм Э. Введение в историческую науку / пер. с нем. В.А. Вайнштока; под ред. В.В. Битнера. 2-е изд. М., 2011. С. 32.

С этих позиций историки критиковали труды своих предшественников, упрекая их в недостаточном критицизме. Во второй половине 1830-х годов Н.И. Надеждин (1804–1856), писал, что нельзя себе представлять, «чтоб и сам Шлёцер в своих изъяснениях и выводах считался непогрешительным. Напротив, многие исследователи, разрабатывая глубже внешние источники нашей истории, открыли в нем разные ошибки, пропуски, недоразумения и поспешили их исправить». Разбирая же труд Н.М. Карамзина, он отмечал:

Карамзин был добросовестен и благороден. Он признавал права критики и решился принести ей «жертву», которую сам называет тягостною, но необходимою, — решился посвятить себя «труду мелочному, в котором скучает ум, вянет воображение». Жертва великая для художника: самому ломать и обсекать материалы своего создания! Так Карамзин сделался критиком. Но если его бессмертное произведение составляет эпоху в нашей исторической литературе, оно не могло подвинуть вперед исторической нашей критики. Сочинитель «Истории Российского Государства» в своей критике был чистым шлецеристом, хотя иногда не соглашался с своим учителем в подробностях¹.

В России в XIX в. главным образом Археографической комиссией (создана в 1834 г.) осуществлен ряд фундаментальных публикаций исторических источников: «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею» (т. 1–5. СПб., 1841–1842) и «Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею» (т. 1–12. СПб., 1846–1872); начато продолжающееся до настоящего времени издание «Полного собрания русских летописей» (1846).

Развитие практики публикации исторических источников, необходимость обобщения и универсализации накопленного фактического материала вспомогательных исторических дисциплин (в частности, дипломатики), обобщения опыта конкретных источниковедческих разысканий с необходимостью привели к выделению источниковедения в самостоятельную предметную область.

В российской исторической науке термин «источниковедение», заимствованный из немецкой историографии, впервые употребил Арист Аристович Куник (1814–1899) в 1841 г.²

¹ Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 20. С. 95–110.

² См.: Семерицкая О.В. Журнальный «текст-источник» в историографии и наукотворчестве // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. — 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. М.: РГГУ, 2008. С. 581–584.

1.2

ПОЗИТИВИСТСКАЯ ПАРАДИГМА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

1.2.1

Позитивизм в исторической науке: предварительные замечания

Позитивистская парадигма источниковедения, формирующаяся во второй половине XIX в., по-прежнему сохраняет свои позиции в современном источниковедении, явным образом не соответствуя его актуальным потребностям. Приступая к описанию позитивистской парадигмы в источниковедении, мы сталкиваемся со сложностями философско-методологического характера, разрешение которых далеко выходит за дисциплинарные рамки источниковедения. Обозначим лишь суть проблемы: позитивизм как философское направление не принадлежит к классическому типу рациональности, поскольку не предполагает описание так называемой объективной реальности, но историография, которую принято называть позитивистской, не выходит за пределы рациональности классического типа, продолжая видеть в историческом источнике «вместилище» исторических фактов и по преимуществу совершенствуя методы так называемой критики исторических источников с целью установления достоверности их информации. Суть позитивизма в историографии и смысл обращения к историческим источникам емко сформулировал Р.Дж. Коллингвуд:

Позитивизм можно определить как философию, поставившую себя на службу естественной науке, как философия Средних веков была служанкой теологии. Но позитивисты имели собственное представление (и весьма поверхностное) о том, чем является естественная наука. Они считали, что она складывается из двух элементов: во-первых, из установления фактов; во-вторых, из разработки законов. Факты устанавливаются в непосредственном чувственном восприятии. Законы определяются путем обобщения фактов посредством индукции. Под этим воздействием развился первый тип историографии, который может быть назван позитивистским.

С энтузиазмом включившись в первую часть позитивистской программы, историки поставили задачу установить все факты, где это только возможно. Результатом был громадный прирост конкретного исторического знания, основанного на беспрецедентном по своей точности и критичности

исследовании источников. Это была эпоха, обогатившая историю громадными коллекциями тщательно просеянного материала, такого, как календари королевских рескриптов и патентов, своды латинских надписей, новые издания исторических текстов и документов всякого рода <...>. Лучшие историки этого времени <...> стали величайшими знатоками исторической детали. Историческая добросовестность отождествлялась с крайней скрупулезностью в исследовании любого фактического материала¹.

Стоит заметить, что позитивизм в исторической науке обслуживал интересы политической истории, наиболее востребованной в XIX в. (да и в XX в. тоже) в связи с потребностью формирования национально-государственной идентичности. По-видимому, не случайно, что историки XIX в. — авторы ставших классическими трудов по методологии истории — одновременно входят в число заметных исследователей политической истории.

Этот этап развития науки об исторических источниках примечателен тем, что вопросы природы исторического источника, классификации источников, способов их исследования рассматривались в специальных трудах по проблематике методов исторического изучения. Рассмотрим подробнее классические методологические труды позитивистской историографии, принадлежащие разным национальным школам исторической науки. Начнем, естественно, с Германии, поскольку именно немецкие историки, как это было показано выше, стали основоположниками источниковедения. К тому же обращение в первую очередь к источниковедческим рефлексиям И.Г. Дройзена не противоречит хронологическому подходу в рассмотрении истории источниковедения.

1.2.2

Германия. Иоганн Густав Дройзен. Эрнст Бернгейм

И.Г. Дройзен (1808–1884)², с 1836 г. — профессор по кафедре древней истории и классической филологии Берлинского университета, автор концепта «эллинизм» («История эллинизма» в 2 т., 1836–1843). В 1840 г., перейдя в Кильский университет, приступает к последовательной разработке проблематики политической истории (в том числе и в университетских курсах), итогом чего стал 14-томный труд «История политики Пруссии» (1855–1886). Параллельно с этим (с 1857 г.) Дройзен читает лекции «об энциклопедии и методологии истории» — курс «историки» (теории исторического знания), подытоженный в работе «Энциклопедия и методология истории».

¹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории... С. 122–123.

² Подробнее о личности и взглядах И.Г. Дройзена см.: Савельева И.М. Обретение метода // Дройзен И.Г. Историка / пер. с нем. Г.И. Федоровой; под ред. Д.В. Складнева. СПб., 2004. С. 5–23.

Так случилось, что «Энциклопедия и методология истории» была опубликована только в 1936 г. Но, приступая к чтению лекционного курса, И.Г. Дройзен сделал его конспект (тезисы), напечатанный на правах рукописи в 1858 и 1862 г., а затем опубликованный тремя изданиями (1867, 1875, 1881), в которые Дройзен вносил изменения по мере чтения лекционного курса. Именно на него мы и будем ссылаться в описании воззрений Дройзена, поскольку именно в таком варианте (если не принимать во внимание не всегда уловимое воздействие лекций профессора на слушателей) его труд был воспринят современниками и историками следующих нескольких поколений. Построения Дройзена мы рассмотрим подробнее, поскольку именно его концепция оказала (и отчасти продолжает оказывать) существенное воздействие на понимание метода источниковедения.

Задачи истории Дройзен видит так:

«Историка» охватывает *методику* [здесь и далее выделено автором. — М. Р.] исторического *исследования*, систематику всего, что можно исследовать при помощи исторического метода, топику, изложение исторически исследованного¹.

Дройзен не использует понятие «исторический источник», точнее, он применяет понятие «источники» только к одной из групп «исторического материала». Приведем несколько фрагментов «Историки», позволяющих прояснить понимание Дройзеном природы «исторического материала»:

§ 4. Наука история есть результат эмпирического восприятия, опыта и исследования <...>.

§ 5. Всякое эмпирическое исследование регулируется по данностям, на которые оно направлено. И оно может быть направлено только на то, что непосредственно присутствует в настоящем для чувственного восприятия.

Данное исторического исследования есть не прошлые времена, ибо они прошли, а еще непреходящее, оставшееся от них в нашем Теперь и Здесь, пусть это будут воспоминания о том, что было и прошло, или остатки бывшего и прошедшего.

§ 21. Исторический материал есть отчасти то, что имеется еще непосредственно в наличии из того настоящего, понимание которого мы ищем (*остатки*), отчасти то, что от них перешло в представления людей и дошло до нас как воспоминание (*источники*), отчасти вещи, в которых объединены обе формы (*памятники*)².

Дройзен не дает общего определения «исторического материала», а сразу же выделяет несколько групп, таким образом классифицируя его. Далее Дройзен более подробно характеризует каждую из групп и раскрывает их состав:

¹ Дройзен И.Г. Очерк истории // Дройзен И.Г. Историка... С. 466.

² Там же. С. 460, 468.

§ 22. В массе *остатков* можно различать:

- а) произведения, которым дал форму человек (художественные, технические и т.д., дороги, общинный луг и т.д.);
- б) правовые институты нравственных общностей (нравы и обычаи, законы, государственные, церковные распоряжения и т.д.);
- в) изложение мыслей, выводов, духовных процессов всякого рода (философемы, литературы, мифологемы и т.д., а также исторические труды как продукт своего времени);
- г) деловые документы (корреспонденция, счета, всевозможные архивные документы и т.д.).

§ 23. Остатки, при создании которых для различных целей (украшения, практического пользования и т.д.) имело место также намерение оставить воспоминания для будущего, являются *памятниками* <...>.

§ 24. Прошлые времена, воспринятые или понятые человеком, а также сформированные им, дошедшие до нас в *источниках* как воспоминания...¹

Мы видим, что «исторический материал» Дройзен понимает предельно широко, не преследуя цель раскрыть его природу (как в гносеологическом, так и в онтологическом плане), но можно заметить, что в любом случае историк связывает его с деятельностью человека. Предложенная Дройзенем классификационная схема весьма сложна, но его последователями она была редуцирована до деления исторических источников на *остатки* — то, что непосредственно возникло в ходе исторического события и дошло до нашего времени, и *предания* — рассказ (в самом широком понимании) о событии. Рецидивы такой классификации встречались в исторической науке до недавнего времени, а возможно, где-то проявляются и по сию пору.

Подготовить «исторический материал» к дальнейшей работе историка — задача критики, в структуру которой входят «критический метод определения подлинности», который позволяет определить «является ли материал действительно тем, чем его считают»; «критический метод определения более раннего или более позднего», позволяющий выявить изменения в историческом материале по отношению к тому, чем он был первоначально; и «критический метод определения верности», который отвечает на вопрос: «был ли и мог ли быть данный материал тем, доказательством чего он считается и хочет считаться, или уже в момент своего возникновения он мог и хотел быть верным только частично, только неким образом, только относительно». Особое внимание Дройзен уделяет способам определения верности источников. «Применение критического метода определения верности к источникам есть *критика источников*», — пишет историк².

¹ Дройзен И.Г. Очерк истории // Дройзен И.Г. Историка... С. 468–469.

² Там же. С. 471–472.

За критикой в историке Дройзена следует интерпретация, но она относится уже к сфере исторического построения, а не изучения исторических источников.

Методология истории стала предметом специального изучения другого немецкого историка Э. Бернгейма (1850–1942), профессора Грайфсвальдского университета (1889) и его ректора (1899–1921). В 1889 г. он публикует «Учебник исторического метода и философии истории», ставший классическим и неоднократно издававшийся, в том числе и в переводе на многие языки¹. В 1907 г. Бернгейм издает «Введение в историческую науку», представляющее собой сокращенный вариант «Учебника исторического метода...»². Воззрения Бернгейма на историческую науку далеки от классического позитивизма: он признает историю самостоятельной наукой, отличной по своей сути и соответственно методам от естественных наук, — но отношение Бернгейма к историческим источникам и методам их изучения не выходит за пределы позитивистских построений.

Учение Бернгейма о методе изучения исторических источников лежит в русле концепции И.Г. Дройзена. Бернгейм так же, как и Дройзен, не дает дефиниции понятия «исторический источник», а определяет источники описательно, акцентируя внимание на зависимости способа изучения источников от специфики той или иной их группы:

Материал, из которого почерпаются сведения нашей науки, называется «источниками» [здесь и далее разрядка автора. — М. Р.]. Материал этот в огромном большинстве случаев не является, как в других науках, в то же время и непосредственным предметом познания, так как предметом истории являются ведь человеческие деяния, ничтожная часть которых доступна нашему непосредственному наблюдению, а именно в такой мере, поскольку мы переживаем их в качестве современников. Да и здесь только ничтожная часть непосредственно наблюдается отдельным современником, между тем как большую часть мы узнаем из сообщений других.

Отчеты, описания событий посредством устного рассказа, письма или изображения представляют второй вид источников познания. Третьим видом источников служат остатки — памятники событий, по которым мы судим о деяниях, их вызвавших и создавших. Поэтому можно судить, что материалы эти не только весьма различны, но и сведения о нашем предмете мы извлекаем из них также весьма различным способом, т.е. иными словами:

¹ На русском языке был опубликован фрагмент этой работы: *Бернгейм Э.* Философия истории, ее история и задачи / Эрнст Бернгейм, проф. истории в Грейфсвальд. ун-те; пер. с нем. прив.-доц. Моск. ун-та А.А. Рождественского. М.: Н.Н. Ключков, 1910. [2], 112 с.

² Русский перевод: *Бернгейм Э.* Введение в историческую науку / проф. д-р Э. Бернгейм; пер. с нем. В.А. Вейнштока; под ред. В.В. Битнера. СПб.: Вестн. знания (В.В. Битнера), 1908. 69, [2]; *Бернгейм Э.* Введение в историческую науку / Бернгейм, проф.; пер. с нем. под ред. проф. С.Е. Сабина. М.: М.Н. Прокопович, 1908. [4], 135 с.

методы, которыми нам приходится разрабатывать источники, соответственно их характеру, весьма разнообразны, и поэтому весьма важно резко различать характер каждого источника¹.

Бернгейм закрепил деление исторических источников на *предания* и *остатки*. Он выделяет *устные* (песня и рассказ, былина (сага), легенда, анекдот, крылатые слова, пословицы) и *письменные* (надписи, генеалогические таблицы, анналы, надгробные надписи, мемуары, периодическая печать, а также картины, рисунки и проч.) *предания*.

Особое внимание Бернгейм уделяет характеристике *остатков*, поскольку, на его взгляд, они менее задействованы в исторических исследованиях:

В отличие от сообщений, которые передают о событиях посредством наблюдений и воспоминаний, остатки представляют часто непосредственные результаты самих событий и дают нам о них сведения, которые не извращены и не изменены теми субъективными влияниями, о которых говорилось по поводу сообщений. Существуют, впрочем, памятники, содержащие описания, как, например, грамоты, акты процессов и т.п. К содержанию их мы должны тогда относиться соответственно характеру сообщаемых сведений; но грамота, акт процесса, сами по себе и в целом, изображают непосредственно правовое положение и ход процесса в том виде, как он существовал <...>.

Нужно указать еще на одно различие между рассказами и памятниками, дающее преимущество первым и в значительной степени обуславливающее, что до последнего времени историки почти исключительно пользовались ими: дело в том, что рассказы сообщают нам непосредственно произошедшее, между тем как памятники, по большей части, так сказать, немые и сведения от них мы получаем отчасти только на основании выводов из событий, которые их произвели и создали².

Остатки Бернгейм делит на «памятники — остатки в широком смысле» и «памятники». Первые «являются невольными пережитками человеческой деятельности, без всяких намерений оставить воспоминание и без всякой мысли о будущем мире»: материальные остатки деятельности людей, язык, обычаи, нравы и учреждения, произведения науки, искусства и ремесла, деловые акты (сюда же отнесены протоколы, дипломатические документы, циркуляры, статистические таблицы, метрические книги и т.д.). Вторые, «созданные в расчете сохранить воспоминание о фактах, если и не для истории, то, во всяком случае, с целью сохранить память по каким-либо специальным расчетам», это монументы и надписи, грамоты, «служащие историческими документами и составленные с соблюдением определенных узаконенных форм» (они составляют предмет вспомогательной исторической дисциплины дипломатики)³.

¹ Бернгейм Э. Введение в историческую науку / пер. с нем. В.А. Вайнштока; под ред. В.В. Битнера. 2-е изд. М., 2011. С. 34–35.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 46–48.

Задачи исторической критики Бернгейм видит аналогично Дройзену:

Обязанностью критики является решать о подлинности имеющихся в нашем распоряжении показаний источников и вытекающих из них данных. Первая задача ее — отсортировать источники и исследовать, можно ли вообще признать их за доказательство и в какой степени, и затем подвергнуть их дальнейшей оценке (внешняя критика). Затем критика должна определить внутреннюю ценность, доказательную силу свидетельств и проверить и сравнить их между собою (внутренняя критика). Она должна, наконец, расположить собранный материал по времени и месту¹.

Отметим, что Бернгейм четко делит критику на *внешнюю* и *внутреннюю*; эта традиция закрепились, и ее отзвуки мы обнаруживаем в историческом знании вплоть до настоящего времени. К тому же, в отличие от Дройзена, ограничивавшего критику подготовительной работой историка с источниками, Бернгейм включает сюда и некоторые вопросы исторического построения. Последовательность источниковедческих процедур Бернгейм выстраивает так: выяснение подлинности, определение времени и места возникновения, установление автора, выяснение степени оригинальности и восстановление первоначального текста (для письменных источников), установление достоверности — определение «действительно бывшего».

В то же время Бернгейм, в отличие от Дройзена, рассматривает интерпретацию как источниковедческую процедуру. Утверждая возможность понимания произведения, созданного в иной культуре, Бернгейм пишет:

Нам необходимо только обладать нужными познаниями, чтобы свести к привычным для нас основным элементам различные формы выражения. Это в одинаковой степени относится и к миру восприятий и представлений, как и к миру мышления. Их способы выражения и содержания у различных людей разных времен бесконечно разнообразны, но лежащие в основе физические процессы всегда одни и те же. Стоит только это признать, и отсюда возникает вторая великая задача исследования — интерпретация (истолкование)².

Осмысление необходимости процедуры интерпретации означало выведение исторического метода на новый уровень. Метод работы историков предшествующей эпохи Бернгейм характеризует следующим образом:

Первоисточники оценивали, не объясняя их своеобразными общими условиями источников каждой эпохи. Не умели видеть в других памятниках продукта иной народной культуры и воспользоваться ими для ознакомления с этой культурой³.

¹ Бернгейм Э. Введение в историческую науку... С. 50.

² Там же. С. 34.

³ Там же.

О процедуре интерпретации Бернгейм пишет так:

Интерпретация, т.е. истолкование показаний источников в смысле более тесной или широкой связи, в которой они стоят, стала <...> только недавно предметом сознательной методологической разработки и нашла применение ко всем областям, а не исключительно литературным произведениям, как в прежнее время. В разъяснении нуждаются и памятники, так как они сами по себе по большей части безгласны и <...> о них можно судить только на основании обстоятельств и обстановки, откуда они ведут начало и для которых служат свидетельством¹.

Мы видим, что акцент на интерпретации в концепции Бернгейма обусловлен отчасти его вниманием к *остаткам*.

Таким образом, в немецкой историографии во второй половине XIX — начале XX в. была разработан метод изучения исторических источников, отдельные составляющие которого (деление источников на остатки и предания, внешняя и внутренняя критика исторических источников и др.) прочно вошли в историческое знание и проявлялись в течение всего XX в.

1.2.3

Англия. Эдвард Фриман

Эдвард Фриман² (1823–1892) — профессор новой истории в Оксфордском университете (1884). Обратим внимание, что кафедру Фриман занял уже в почтенном возрасте, до этого он много лет отдал собственно исследовательской работе, круг его научных интересов весьма обширен: от истории архитектуры до исторической географии Европы, от истории Греции и ранней истории Англии до сравнительной политики. Столь богатый исследовательский опыт был обобщен Фриманом в работе «Методы изучения истории» (1886), представляющей собой лекционный курс³.

Английский историк избегает строгих формулировок, он словно приглашает слушателей к совместным размышлениям. Фриман анализирует специфику исторических свидетельств, обращая внимание на их субъективный характер, обусловленный «человеческим», а не «природным» происхождением:

Геолог может иногда ошибаться в истолковании свидетельства скал; но сами скалы не могут ни лгать, ни лжесвидетельствовать; а историк не только может сам ошибиться с истолкованием свидетельства своих источников, но и сами-то источники могут ошибаться и лжесвидетельствовать⁴.

¹ Бернгейм Э. Введение в историческую науку... С. 59.

² Еще одна принятая русская транслитерация — Эдуард Фримен; англ. **Edward Augustus Freeman**.

³ Русский перевод: Фриман Э. Методы изучения истории / проф. Э. Фриман; пер. с англ. П. Николаева. М.: К.Т. Солдатенков, 1893. 338 с.

⁴ Фриман Э. Методы изучения истории. М., 2010. С. 78.

Анализируя характер исторических свидетельств, Фриман апеллирует к здравому смыслу и жизненному опыту слушателей:

Всем известно, что почти никогда два очевидца не описывают совершенно одинаково какого-либо события, при котором, однако, они оба присутствовали. И действительно, при описании какого-либо события, например сражения, им приходится, в сущности говоря, описывать различные вещи. Им пришлось видеть разные части одного события, потому каждый из них излагает дело по-своему, хотя, собственно говоря, в их показаниях и нет настоящего противоречия. Даже в том случае, когда им пришлось видеть одно и то же, они все-таки могут видеть каждый по-своему. Это неизбежно и зависит от различия точек зрения или от незначительного различия в положении очевидцев. Кроме того, подобное утверждение верно и в другом отношении; смотря по настроению каждого, один из очевидцев обратит внимание на одну сторону дела, а другой на другую, потому-то в их рассказе не будет, может быть, настоящего противоречия, но будет значительное различие в показаниях об отношениях различных частей рассказываемого ими события. Это признается всеми настолько, что незначительные различия в показаниях о событии служат признаком достоверности повествования и, наоборот, полное согласие во всех мелких подробностях считается до некоторой степени подозрительным¹.

Фриман акцентирует внимание на отличии «оригинальных источников» от произведений историков и нацеливает историков на работу именно с источниками при изучении «новой» истории, которую, впрочем, он стремился максимально удреветь. При этом Фриман призывает сочетать изучение оригинальных источников с широким знанием истории, почерпнутым из литературы. Значение изучения оригинальных источников историк видит еще и в том, что оно вырабатывает «привычки мышления», полезные при работе с исторической литературой:

Сущность всякого здравого исторического преподавания состоит в том положении, что историческое исследование, не основанное на оригинальных источниках, не имеет никакой ценности; это не значит, однако, что я признаю правилом, что всякое историческое знание, не основанное прямо на оригинальных источниках, не имеет никакого значения <...>.

<...> для здравых научных принципов гораздо более вредно то заблуждение, будто оригинальных источников совсем нет или будто без них можно обойтись, чем заблуждения человека, для которого оригинальные источники представляются столь привлекательными, что он не решается отказаться от удовольствия изучить их все. Истина находится посередине между этими заблуждениями².

¹ Фриман Э. Методы изучения истории... С. 79.

² Там же. С. 99, 100.

К группе «оригинальных источников» Фриман относит источники повествовательные и определяет их так:

<...> если мы хотим определить, что такое оригинальные источники, мы можем определить их как сочинения таких писателей, проверить указания которых мы можем, обратившись только к указаниям других писателей того же самого разряда; это отличает их от современных историков, утверждения которых могут быть проверены утверждениями писателей другого разряда. Сочинения, которые мы признаем таким образом оригинальными источниками, мы можем разделить на первоначальные источники и на источники второстепенные, на сочинения писателей, утверждения которых не подлежат проверке, и на сочинения таких, утверждения которых когда-то подлежали проверке, но не подлежат ей в настоящее время. Мы, стало быть, должны отличать авторов, писавших на основании своих собственных сведений и являющихся потому оригинальными источниками в строгом смысле этого слова, от авторов, писавших не на основании своих собственных сведений, а бывших только представителями более древних писателей. Такие авторы, не будучи оригинальными источниками сами по себе, служат, однако, таковыми для нас¹.

Неповествовательные исторические источники Фриман называет вспомогательными и делит их на две группы: *монументальные* (орудия труда, архитектурные памятники и т.п.) и *документальные* (различные записи, в том числе и мало отличающиеся от исторических повествований).

В своем лекционном курсе Фриман не только не предлагает строгих определений, но и избегает четкого описания методов работы с историческими источниками. Он скорее делится своим опытом исследователя. Однако обширность этого опыта, разнообразие и тщательность проработки приводимых примеров делают курс Фримана чрезвычайно полезным даже и для современных историков.

1.2.4

Франция. Шарль-Виктор Ланглуа и Шарль Сеньобос

Позитивистская парадигма в источниковедении наиболее последовательно разработана в труде Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» (1898), в основу которого положен курс лекций, прочитанный ими в Сорбонне в 1896/97 учебном году². Ш.-В. Ланглуа (1863–1929) — историк-медиевист, профессор Сорбонны, обладатель диплома Национальной школы хартий, директор Национального архива (1912–1929), член (с 1917 г.), затем президент (с 1925 г.) Академии надписей и изящной словесности. Ш. Сеньо-

¹ Фриман Э. Методы изучения истории... С. 106.

² Русский перевод: Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 1898. 275 с.

бос (1854–1942) — профессор Сорбонны (1890), начинал исследовательскую деятельность с изучения древней и средневековой истории, в дальнейшем специализировался по новой истории, автор труда «Политическая история современной Европы» (1897).

«Введение в изучение истории» начинается формулой, с течением времени ставшей афоризмом:

История пишется по документам [здесь и далее выделено мной. — М. Р.].
Документы — это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей <...>. Всякая же мысль и всякий поступок, не оставивший прямого или косвенного следа, или видимый след которого исчез, навсегда потерян для истории, как если бы он никогда и не существовал <...>. *Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории*¹.

Из трех книг (частей) «Введения...» проблемам изучения исторических источников посвящены первые две: в книге первой рассматриваются вопросы эвристики (поиска документов), а также дается обзор научных дисциплин, знакомство с которыми должно составлять первоначальную подготовку историка (сюда входят и так называемые вспомогательные исторические дисциплины), книга вторая посвящена аналитическим процессам, т.е. собственно источниковедческой проблематике. Книга третья рассказывает о процессах синтетических, т.е. об историческом построении, выходящем за пределы задач источниковедения.

Размышляя о специфике исторического познания, Ланглуа и Сеньобос пишут:

Факты прошлого известны нам только по сохранившимся от них следам. Правда, эти следы, называемые историческими документами, историк наблюдает непосредственно, но кроме их, ему положительно нечего наблюдать: дальше он действует исключительно путем умозаключений, стараясь прийти к наиболее правильным выводам о фактах по находящимся в его распоряжении следам. Документ служит ему точкою отправления, а факты прошлого — конечную целью исследования. Между этой точкой отправления и конечной целью нужно пройти сложный ряд тесно связанных друг с другом умозаключений, рискуя то и дело впасть в ошибку².

Авторы настаивают на «крайней сложности и абсолютной необходимости исторической критики» и совершенно уверены, что историческому методу надо обучать, профессионализм историка необходимо специально выработать:

Естественная неприспособленность человека держаться на воде заставляет его тонуть; чтобы приобрести привычку устранять произвольные

¹ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 49.

² Там же. С. 83.

движения и выполнять другие, он учится плавать; точно так же у человека нет прирожденной способности критики, ее нужно прививать, и она входит в плоть и кровь его только путем постоянных упражнений¹.

Когда анализ и критические вопросы сделаются инстинктивными, приобретется методически аналитическое направление ума, недоверчивое и непочтительное, обозначающееся часто мистическим термином «критический склад ума» и в сущности представляющее собою только бессознательную привычку к критике².

Ланглуа и Сеньобос воспроизводят уже закрепившееся деление исторических источников на остатки и предания. Французские авторы видят большую сложность в изучении последних:

Можно различать два рода документов. Иногда факт прошлого оставляет вещественный след (памятник или какой-либо вещественный предмет). Иногда, и более часто, след, оставленный событием, бывает психологического порядка: описание или повествование. Первый случай гораздо проще, нежели второй. На самом деле между известными вещественными остатками и породившими их причинами существует определенное отношение, и отношение это, обусловленное физическими законами, хорошо известно. Напротив, психологический след имеет символический характер: это не только не сам факт, но даже не непосредственный отпечаток факта в уме очевидца, а только условное отражение того впечатления, какое произведено событием на ум очевидца. Писанные документы не имеют, следовательно, цены сами по себе, как вещественные остатки старины; они имеют значение только как отражение сложных, трудно разъяснимых психологических процессов. Громадное большинство документов, служащих исходной точкой рассуждений историка, являются в общем только следами психологических процессов³.

Исходя из того, что документ — результат сложных психологических процессов, авторы описывают смысл критики исторического источника лаконично и весьма точно:

...для того, чтобы судить по писаному свидетельству о факте, который является его отдаленной причиной, т.е. чтобы установить отношение, связующее этот документ с фактом, необходимо восстановить целый ряд посредствующих причин, породивших документ, кроме самого факта. Нужно представить себе всю нить действий, совершенных автором документа, начиная с наблюдавшегося им факта до появления рукописи (или печатного свидетельства, имеющегося у нас перед глазами. Нить поступков автора критикуется при этом в обратном порядке, начиная с исследования рукописи

¹ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории... С. 87.

² Там же. С. 182.

³ Там же. С. 83–84.

(или печатного документа) и постепенно приближаясь к факту прошлого. Такова цель и ход критического анализа¹.

Критику исторических источников Ланглуа и Сеньобос, как и Бернгейм, делят на *внешнюю* (подготовительную) и *внутреннюю* (высшую). К *внешней критике* относятся следующие исследовательские процедуры: «восстановительная критика» — текстологическая работа с целью установить оригинальный текст исторического источника; «критика происхождения» — установление автора, времени и места написания исторического источника, а также источников, которыми пользовались авторы документа, на этом же этапе проверяется его подлинность (с привлечением методов палеографии и других вспомогательных исторических дисциплин); «критическая классификация источников» с целью упорядочить (систематизировать) уже проверенный материал для последующей работы историка. К *внутренней критике* относятся положительная «критика истолкования (герменевтика)», цель которой — понять автора, что тем более важно, если автор принадлежит к иной исторической эпохе (культуре), и «отрицательная внутренняя критика достоверности и точности», проверяющая достоверность информации исторического источника. Заключительный этап внутренней критики — «извлечение <...> частных исторических фактов для исторического знания»². Таким образом, критика исторических источников завершается конструированием исторических фактов, далее включаемых в историческое построение (синтетические процедуры).

Каждый шаг в критике исторических источников Ланглуа и Сеньобос разбирают подробнейшим образом, приводя множество примеров.

Труд Ланглуа и Сеньобоса наряду с учебником Бернгейма оформил и закрепил на долгие десятилетия как само понятие «критика исторических источников»³, так и ее структуру.

«Введение в изучение истории» Ланглуа и Сеньобоса оказало существенное влияние на историческую науку. Значение этой работы признавали и яростные критики позитивизма в историческом познании. Л. Февр (1878–1956), представитель первого поколения школы «Анналов», стоявший у истоков новой исторической науки, писал:

«Историю изучают при помощи текстов». Знаменитая формула: и по сей день она не утратила всех своих достоинств, а они, без сомнения, неопценимы. Честным труженикам, законно гордящимся своей эрудицией, она служила паролем и боевым кличем в сражениях с легковесными, кое-как состряпанными опусами⁴.

¹ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории... С. 84.

² Там же. С. 182.

³ О соотношении понятий «критика исторических источников» и «источниковедческое исследование» см. ч. I, разд. третий наст. изд.

⁴ Февр Л. Суд совести истории и историка // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 11.

1.2.5

Россия. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. Николай Иванович Кареев

К основоположникам российского источниковедения часто относят К.Н. Бестужева-Рюмина (1829–1897). К.Н. Бестужев-Рюмин — профессор Санкт-Петербургского университета (1865–1884), академик Петербургской академии наук (1890), преподавал русскую историю будущему императору Александру III. Известен также как публицист и журналист. Его диссертационное исследование «О составе русских летописей до конца XIV в.» (1868) имело источниковедческий характер. Обобщающий труд Бестужева-Рюмина «Русская история» (т. 1–2. СПб., 1872–1885) фактически представляет собой обзор источников и историографии российской истории. Во введении к нему автор систематизировал исторические источники, выделив следующие группы: летописи, жития святых, мемуары и письма, записки иностранцев, «памятники юридические и акты государственные», «памятники словесности», «памятники вещественные». Специальных методологических работ К.Н. Бестужев-Рюмин не оставил, если не считать обзора книги Э. Фримана¹, в котором он выражает свое полное согласие с изложенным в ней «учением о первоисточниках»².

Характеристика исторических и источниковедческих воззрений К.Н. Бестужева-Рюмина, данная Н.Л. Рубинштейном (1897–1963) в фундаментальном труде «Русская историография» (1941), абсолютно созвучна приведенной выше характеристике позитивизма Р.Дж. Коллингвуда, сформулированной примерно в те же годы:

С позитивизмом его [К.Н. Бестужева-Рюмина] связывает и основное требование «объективного» научного знания в его крайней формалистической интерпретации <...>. Объективность знания заключается далее в формальной выверенности конкретного фактического материала. В его представлении задача историка — собирать и проверять основной фактический материал. Его основной большой труд — «Русская история» — является простым сводом выверенных фактических сведений по русской истории <...>. Этот формально-объективистский взгляд на задачи исторического исследования выливается у Бестужева-Рюмина в *своеобразное источниковедческое направление всего исторического изучения* [здесь и далее выделено мной. — М. Р.]. Осмысление самой истории как исторического процесса подменяется прежде всего вопросами техники исследования, задачами собирания и изучения исторических источников и материалов. Позднейшие воспоминания С.Ф. Платонова, а также письма А.Е. Преснякова свидетельствуют об отри-

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Методы исторических занятий // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Февраль. С. 291–319.

² Там же. С. 312.

цательном отношении Бестужева-Рюмина к постановке больших исторических вопросов, о его стремлении в самой педагогической работе *направлять историческое исследование в сторону источниковедческой тематики* <...>. Неслучайно <...> при этом историографическое значение самого Бестужева-Рюмина связано прежде всего с его *источниковедческой работой* <...>. Источниковедческое рассмотрение вопроса получило определяющее значение для всего построения «Русской истории» Бестужева-Рюмина. *Основная задача историка в его понимании и основное значение всей его работы состояло в сведении воедино всего источниковедческого материала* и в подытоживании всей исторической литературы по каждому отдельному вопросу. В его «Русской истории» единственная часть, сохранившая до известной степени свое значение, — это ее «Введение», посвященное источникам русской истории¹.

Специальная разработка источниковедческой проблематики с позитивистских позиций связана с теоретическими трудами Н.И. Кареева (1850–1931). Н.И. Кареев — профессор Варшавского (1879–1884) и Санкт-Петербургского (1885–1899) университетов, член-корреспондент Петербургской академии наук (1910). Интерес к философии и методологии истории был свойственен Н.И. Карееву на протяжении всей его научной жизни. Диссертацию «Основные вопросы философии истории» он защитил в 1883 г.

В 1913 г. Н.И. Кареев публикует свой основной труд по методологии истории «Историка² (Теория исторического знания)»³, в котором уделяет некоторое внимание работе с историческими источниками, а в 1915 г. — работу «Историология (Теория исторического процесса)»⁴.

Как и многие его предшественники, Н.И. Кареев определяет исторические источники описательно, акцентируя внимание на трех моментах: исторические источники — это материальные остатки человеческой деятельности, историк имеет дело по преимуществу с письменными («словесными») источниками⁵ и изучает их не ради них самих (как археолог или филолог), а для познания фактов истории:

Материальными остатками от прежней человеческой жизни являются разные предметы повседневного быта людей на разных ступенях развития, начиная от первобытных времен и кончая более или менее недалеким прошлым. Все, что сохранилось от таких вещей, как жилища, одежда, домашняя

¹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб., 2008. С. 471–472.

² Понятие было введено И.Г. Дройзеном (см. выше).

³ Кареев Н.И. Из лекций по общей теории истории. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1913. Ч. I: Историка (Теория исторического знания).

⁴ Кареев Н.И. Из лекций по общей теории истории. Пг.: тип. М.М. Стасюлевича, 1915. Ч. II: Историология (Теория исторического процесса).

⁵ Особое значение письменных исторических источников для исторической науки разъясняется далее, см. ч. II, разд. первый наст. изд.

утварь, орудия всякого рода, оружие, храмы и алтари, изображения богов, могилы и надгробные памятники, игрушки и музыкальные инструменты, статуи и картины, монеты и всякие иные знаки вроде пограничных камней, так называемых тессер и т.п., все это и многое другое такого же характера, доступное непосредственному наблюдению и изучению, составляет, вообще говоря, предмета особой научной дисциплины, археологии. Для историка, конечно, важны все подобные материальные остатки, не как самые вещи, подлежащие исследованию, определению, описанию, классифицированию и т.п., а как своего рода немые свидетели прошедших времен, говорящие нам, как протекала человеческая жизнь в таких-то местах и в такие-то времена. Для археолога все эти остатки суть факты, им изучаемые, для историка они — лишь свидетельства о других фактах, именно о формах прежнего, ныне не существующего быта.

Не эти, однако, материальные остатки, свидетельствующие о прошедших фактах, недоступных для непосредственного наблюдения, составляют главный материал, над которым оперируют историки. Сколько бы ни вкладывал человек своей мысли в дело рук своих, все-таки настоящим органом, при помощи которого он проявляет вовне свою мысль, внутреннее содержание своей психики, может быть только его слово <...>. Следы прежней жизни, дошедшее до нас в форме преданий и записей, отличные от материальных остатков, и составляют главный и основной источник исторического знания, источник очень богатый, донельзя разнообразный и особенно ясно говорящий о прошлом <...>.

Вещественные и словесные памятники, изучаемые археологами и филологами, являются, таким образом, для историков не самостоятельными предметами изучения, не фактами самими по себе, а лишь источниками нашего знания о других фактах, поскольку заключают в себе те или другие свидетельства о существовании таковых. <...> главную опору исторического знания являются всякого рода свидетельства, заключающиеся в вещественных или словесных памятниках, т.е. в остатках и следах, которые в том или другом виде дошли до нас от прошлого¹.

Н.И. Кареев, как и Фриман, обращает внимание на необходимость различения исторических источников от произведений историков, исторические источники он, опираясь на опыт европейской историографии, делит на остатки (которые создавались «для удовлетворения житейских нужд») и предания (которые создавались для фиксации памяти), подчеркивая сложность строгого разделения этих двух групп. Н.И. Кареев придает этому делению существенный методологический смысл. Затем он характеризует некоторые наиболее существенные виды исторических источников, выделяя памятники «бытописания»: анналы и летописи, хроники, сказания, мемуары, записки

¹ Кареев Н.И. Историка (Теория исторического знания). 2-е изд. Пг., 1916. С. 41–43.

путешественников, жития и биографии и др. Уделяет внимание Н.И. Кареев и критике исторических источников, видя ее задачу в установлении достоверных фактов. К внешней критике исторических источников историк относит определение подлинности, критику текста (выявление изменений, вставок и проч.); к внутренней критике — установление достоверности.

Фактически Н.И. Кареев проанализировал и обобщил накопленный в европейской историографии опыт в области теории и метода изучения исторических источников.

В целом для XIX в. было характерно расширение источниковой основы исторических исследований, введение в научный оборот большого количества исторических источников, детальное изучение отдельных памятников в рамках филологической и исторической критики, под которой понимался весь комплекс источниковедческих процедур — от техники атрибуции исторических источников до методов установления достоверности фактов, обзора и систематизации известного корпуса исторических источников.

Английский историк А. Тойнби (1889–1975) описывает свойственный XIX в. дух индустриализма:

Со времен Моммзена и Ранке историки стали тратить бóльшую часть своих усилий на сбор сырого материала — надписей, документов и т.п. — и публикацию их в виде антологий или частных заметок для периодических изданий. При обработке собранных материалов ученые нередко прибегали к разделению труда, в результате появлялись обширные исследования, которые выходили сериями томов <...>. Такие серии — памятники человеческому трудолюбию, «фактографичности» и организационной мощи нашего общества. Они займут свое место наряду с изумительными туннелями, мостами и плотинами, лайнерами, крейсерами и небоскребами, а их создателей будут вспоминать в ряду известных инженеров Запада¹.

Таким образом, в течение XIX в. в рамках классической модели науки источниковедение оформилось в качестве неотъемлемой составляющей исторического метода, его задача — помогать историку в вовлечении в историческое исследование добротного исторического материала.

¹ Тойнби А. Постигание истории: пер. с англ. М., 1991. С. 15.

2

глава

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ НАУКИ

На рубеже XIX–XX вв. обособляется в самостоятельное направление теория источниковедения, что обусловлено методологическими поисками, связанными, с одной стороны, с кризисом позитивизма (сохранившего во многом свои позиции в исследовательской практике), а с другой — с осмыслением специфики наук о культуре в неокантианстве, имевшем определяющее значение в становлении и развитии неклассической модели исторической науки.

Ключевую роль в формировании теории источниковедения и, соответственно, в обособлении источниковедения в самостоятельную субдисциплину исторической науки сыграло неокантианство в его русской версии.

2.1

РУССКАЯ ВЕРСИЯ НЕОКАНТИАНСТВА

Русское неокантианство — самостоятельное оригинальное эпистемологическое направление, системообразующее основание и специфика которого — во внимании к объекту исторического познания (историческому источнику). Различие русского и немецкого (Баденская школа) неокантианства — один из существенных факторов, обусловивших различие путей развития исторической науки в России и на Западе на протяжении всего XX в.

Сложности начинаются с определения, точнее, с неопределенности самого понятия неокантианства. Например, в одном из авторитетных философских словарей читаем:

Неокантианство — обозначение для многих разнородных, распространенных главным образом в Германии, философских течений XIX в., связанных с именем Канта или с его критицизмом¹.

¹ Философский словарь: пер. с нем. / основан Г. Шмидтом. 22-е изд., новое перераб. М., 2003. С. 302.

Странным образом это определение дословно повторяется в «Краткой философской энциклопедии»¹. И лишь в белорусском «Новейшем философском словаре» мы находим более внятное определение этого течения философской мысли, которое все же не очень помогает понять его суть, поскольку скорее отсылает нас к некоторым аспектам философии И. Канта, чем вскрывает специфику методологических поисков в самом неокантианстве:

Неокантианство — философское течение в Германии, развивавшее учение Канта в духе последовательного проведения в жизнь основных принципов его трансцендентально-критической методологии².

Но мы не будем вместе с философами или вместо них пытаться уточнить понятие «неокантианство» в истории философии, поскольку далее нас будет интересовать только одна его ветвь — немецкая Баденская школа неокантианства, представленная по преимуществу В. Виндельбантом (1848–1915) и Г. Риккертом (1863–1936), с их противопоставлением наук номотетических и идиографических, с поисками специфики наук о культуре как идиографических наук и, соответственно, базовых характеристик логики исторического познания.

Перейдем теперь к нашему пониманию того, что такое русская версия неокантианства. И сначала поставим вопрос: насколько вообще применимо понятие «неокантианство» к тем или иным течениям в русской философии? На первый взгляд, этот вопрос может показаться весьма странным. Существует устойчивая историографическая и историко-философская традиция характеризовать ряд русских философов (в первую очередь А.И. Введенского, И.И. Лапшина, Б.В. Яковенко) и историков (прежде всего А.С. Лаппо-Данилевского и В.М. Хвостова) как неокантианцев. Эта традиция очевидным образом восходит к их автохарактеристикам, которые мы не можем не учитывать. Однако не стоит рассматривать этот вопрос как окончательно решенный. Все зависит от ракурса исследования. Для русских философов рубежа XIX–XX вв. вполне понятно стремление и даже необходимость определиться в интеллектуальном пространстве своего времени, т.е. соотносить себя с конституировавшимися в Европе направлениями философской мысли. И в этом плане они существуют в одном интеллектуальном пространстве с немецким неокантианством.

Но если мы зададим исторический ракурс рассмотрения, т.е. посмотрим на проблему не по горизонтали, в рамках социокультурного пространства рубежа XIX–XX вв., а по вертикали, с точки зрения дальнейшей истории этих направлений, их продуктивности в эпистемологическом и этическом пространстве XX в., то мы обнаружим скорее отличие интеллектуальных построений русских неокантианцев от немецких, чем сходство. Отметим в этой

¹ Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 297.

² Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998. С. 462.

связи весьма показательный факт. В фундаментальном, выполненном на высоком профессиональном уровне малом энциклопедическом словаре «Русская философия» отсутствует статья о неокантианстве. Зато в нем есть статья А.И. Абрамова под названием «Кант в России»¹, где автор следующим образом определяет предмет своего анализа:

Кант в России — сложный и содержательно-емкий комплекс историко-философских тем, включающий в себя первоначальное знакомство с философскими идеями Канта, перевод и первые публикации сочинений Канта в России, осмысление и реакцию (положительную и отрицательную) на его учение, осознание особого места Канта в истории русско-немецких философских связей, восприятие и развитие различных школ немецкого неокантианства на русской почве, отношение к Канту и кантоведение в период господства марксистской идеологической системы, состояние и описание библиографических исследований, посвященных Канту в России.

Здесь стоит отметить два нюанса: во-первых, автор рассматривает проблему русского неокантианства в связи с вопросом о рецепции немецкой версии неокантианства и как одну из составляющих в контексте более широкой проблемы — восприятия в России философии Канта как таковой; во-вторых, далее в этой связи А.И. Абрамов пишет следующее:

В целом не сложилось духовного образования, которое можно было бы назвать феноменом русского кантианства, сравнимого с русским шеллингианством 10–20-х годов XIX в. и русским гегельянством 30–40-х годов XIX в. Сложилось мнение о почти полном неприятии Канта в России, о том, что философия в России испытывает якобы идиосинкразию к строю кантовских идей...

А.И. Абрамов отрицает само наличие неокантианства в истории русской философии:

К неокантианству обычно относят таких русских мыслителей, как А.И. Введенский, И.И. Лапшин, Г.И. Челпанов, С.И. Гессен, Г.Д. Гурвич, Б.В. Яковенко, Ф.А. Степун. Они скорее кантианцы, т.е. последователи и продолжатели философского учения Канта, чем последователи каких-то школ неокантианства.

С такой логикой согласиться невозможно. Выходит, что русских философов можно было бы назвать неокантианцами, если бы они заимствовали идеи немецких неокантианцев, а не осуществляли оригинальную рецепцию философии Канта. Логика А.И. Абрамова неприемлема именно потому, что возникновение русского неокантианства вполне органично, для рецепции философии Канта русским мыслителям вовсе не нужен был импульс из Германии.

¹ Абрамов А.И. Кант в России // Русская философия: малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 235–242.

Аналогичное направление размышлений мы обнаруживаем в энциклопедической статье В.В. Сербиненко об основоположнике русского неокантианства Александре Ивановиче Введенском:

Хотя ни одна из школ западноевропейского неокантианства и не оказала на Введенского непосредственного и серьезного влияния, его понимание методологических задач «критической» философии в целом соответствовало общему направлению развития кантианства (в частности, в ряде существенных моментов было близко принципам теории познания Г. Когена и В. Виндельбанда)¹.

Мы видим, что автор, признавая, что идеи А.И. Введенского находились в русле переосмысления философии Канта, все же счел необходимым акцентировать внимание на том, что западноевропейское неокантианство не повлияло на становление взглядов А.И. Введенского. И в этом случае создается впечатление, что русских философов можно было бы назвать неокантианцами только в том случае, если бы они заимствовали неокантианство немецкое.

Иными словами, речь идет об отсутствии укоренившейся традиции русского кантианства. Именно это отсутствие укорененности идей Канта в русской философии и обуславливает оригинальность и существенную специфику русской версии неокантианства. Русский философ-неокантианец Б.В. Яковенко (1884–1949) в «Истории русской философии» (1938) тоже не пишет о неокантианстве, а формулирует проблему почти так же, как современный историк философии: «Влияние учения Канта в России в XIX в.». При этом Б.В. Яковенко фиксирует некоторую особенность восприятия в России идей Канта по сравнению с идеями немецких и других западных философов:

Философия Канта оказала на русскую мысль достаточно сильное влияние, хотя оно начало проявляться относительно поздно и почти везде в гораздо более свободных формах, чем влияние Гегеля или Лейбница².

Любопытная конфигурация понятий «неокантианство» и «кантианство» применительно к истории русской философии представлена у современного историка философии Л.Н. Столовича. Автор озаглавил один из очерков в своей книге по истории философии в России «Русское неокантианство» (обратим внимание: не неокантианство в России, а именно русское неокантианство), но далее после первого абзаца вводных слов пишет уже о «кантианстве в России», однако все же, характеризуя русских философов этого направления, признает:

Все они были по своим философским убеждениям кантианцами. Поскольку же они продолжали традиции Канта, творчески их развивая и видоизменяя, в этом смысле они были неокантианцами, обновителями кантианства. Однако их неокантианство не находилось в связи с известными

¹ Абрамов А.И. Кант в России... С. 85.

² Яковенко Б.В. История русской философии: пер. с чешск. М., 2003. С. 274.

неокантианскими школами в Германии. Они следовали учению Канта независимо от других направлений неокантианства и по ряду вопросов придерживались иных взглядов¹.

Наконец, мы обнаруживаем констатацию феномена русского неокантианства в «Истории русской философии» (1951) Н.О. Лосского (1870–1965). Н.О. Лосский указывает на А.И. Введенского и И.И. Лапшина как на «русских неокантианцев» и начинает анализ русского неокантианства со следующей манифестации:

В Западной Европе иногда говорят, что русская философская мысль развивалась в стороне от кантовского критицизма и поэтому русская философия находится на более низком уровне развития, чем европейская. Как и в ряде других многих случаев, *такие высказывания являются следствием полного незнания русской действительности* [выделено мной. — М. Р.], ибо известно, что Кант оказал на русскую философию влияние не меньшее, чем на английскую и французскую².

Даже эти поверхностные наблюдения над историко-философским дискурсом, которые, впрочем, можно было бы продолжить, позволяют предположить, хотя бы на уровне гипотезы, существенную специфику так называемого русского неокантианства, обусловленную непосредственной апелляцией русских философов к учению самого Канта, но в новой социокультурной и познавательной ситуации, вместо прямой рецепции немецкого неокантианства. К этому можно добавить наличие существенных противоречий между русскими и немецкими неокантианцами в понимании некоторых принципиальных философских вопросов, в том числе и затрагивающих проблемы исторического познания.

2.2

ПРИНЦИП ПРИЗНАНИЯ ЧУЖОЙ ОДУШЕВЛЕННОСТИ

Что же принципиально отличает русскую версию неокантианства? Существенное, если не системообразующее значение *принципа признания чужой одушевленности*. Основоположителем русской версии неокантианства, несомненно, выступил Александр Иванович Введенский (1856–1925). Б.В. Яковенко следующим образом характеризует его вклад в развитие этого направления в России:

Самым близким к Канту и в этом смысле самым ортодоксальным критиком в России был Александр И. Введенский <...>. Несмотря на то что

¹ Столович Л.Н. История русской философии: очерки. М., 2005. С. 285.

² Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 187.

он принадлежал к поколению философов, провозгласивших лозунг «Назад к Канту», известное как неокантианство, его философское мировоззрение нельзя считать простым эпигоном: во-первых, оно было очень самостоятельно продумано, и, во-вторых, его отдельные составные части отличались подлинной оригинальностью. В этом особенно четко проявляется характерная способность и качество русского мышления вообще <...>: легко и охотно поддаваться чужим влияниям, но с определенного момента всегда или почти всегда осмысливать по-своему заимствованный материал и на его основе создавать нечто новое¹.

Исключительную роль А.И. Введенского в становлении русского неокантианства отмечает Н.О. Лосский:

В последней четверти XIX в. В России появились поборники неокантианства, не принимавшие участия в борьбе против Канта. Наиболее выдающимся представителем неокантианства в России был Александр Иванович Введенский (1856–1925), профессор Петербургского университета с 1890 по 1925 г. Все работы и курсы Введенского, посвященные логике, психологии и истории философии, определенно проникнуты философским мышлением, основанным на кантовском критицизме <...>. Опираясь на «Критику чистого разума», Введенский разработал специфическую форму неокантианства, которую назвал логизмом. Гносеологию как науку о пределах человеческого разума он развил, опираясь на логику, посредством теории умозаключений и способов доказательства общих синтетических суждений².

Принцип признания чужой одушевленности занимает особое место в философской системе А.И. Введенского. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что этой проблеме философ посвятил специальный философский трактат. А.И. Введенский видит задачу своего исследования в том, чтобы «определить, как именно каждый из нас проверяет свое убеждение, что, кроме него, есть душевная жизнь и у других существ, хотя можно наблюдать не ее самое, а только сопутствующие ей телесные явления». Полученные в ходе изучения заявленной проблемы результаты А.И. Введенский формулирует следующим образом:

...вследствие некоторых особенностей в деятельности нашего познания ни одно объективно наблюдаемое явление не может служить признаком одушевления, так что душевная жизнь не имеет никаких объективных признаков; поэтому если мы будем ограничиваться одними данными внутреннего и внешнего опыта, воздерживаясь при их обсуждении от всяких метафизических предпосылок (как материалистических, так и спиритуалистических), то нельзя будет с достоверностью решить вопрос о пределах одушевления, последнее позволительно всюду и допускать и отрицать (употребляя то или

¹ Яковенко Б.В. История русской философии... С. 284.

² Лосский Н.О. История русской философии... С. 188.

другое предположение в смысле регулятивного принципа), смотря по тому, что окажется более удобным для расширения нашего познания¹.

А.И. Введенский осмысливает проблему признания чужой одушевленности как, с одной стороны, этическую, а с другой — теоретико-познавательную. В теоретико-познавательном плане признание чужой одушевленности выступает как регулятивный принцип. А.И. Введенский сравнивает «физиологическую» и «психологическую» точки зрения:

Если в теоретическом отношении одинаково позволительно рассматривать всякое тело и как одушевленное и как бездушное, т.е. если ни в том, ни в другом случае не будет никаких противоречий с данными опыта, а вся разница между обеими точками зрения сводится только к тому, что в одних случаях неизмеримо легче провести первую из них, а в других — вторую; то очевидно, что в каждом отдельном случае мы вправе пользоваться тою точкой зрения, при помощи которой нам удобнее расширять свое познание данных опыта, т.е. тою, при помощи которой мы можем легче ориентироваться среди изучаемого класса явлений, легче предугадывать их ход и т.п. Например, мы вправе отрицать существование душевной жизни у всех окружающих нас людей, у всех исторических деятелей и объяснять их поступки и жизнь как результаты деятельности чисто физиологической (бездушной) машины. Назовем эту точку зрения физиологической. Ее <...> возможно с большим или меньшим трудом провести без всякого противоречия с фактами. Но к чему же она послужит? При ее помощи я не могу *ни восстановить исторических событий по их уцелевшим следам* [выделено мной. — М. Р.]; ни предугадать поступков людей, среди которых я живу; ни управлять своею деятельностью относительно их; ни расширять моих психологических сведений путем объективных наблюдений. Словом, она теоретически возможна, но практически бесполезна...²

С другой стороны, продолжает философ:

...я одинаково вправе допустить и обратную точку зрения, предположить, что все люди одушевлены Назовем такую точку зрения психологической. Ее признание, несомненно, содействует расширению известных видов моего познания: истории, психологии, педагогики, знания окружающих людей (житейской психологии) и т.п. При ее помощи я могу даже предугадывать поступки других лиц. Конечно, еще нельзя доказать одними эмпирическими доводами ее соответствие действительности; но ведь чисто эмпирическими доводами нельзя доказать и обратного. Поэтому я вправе и должен применять психологическую точку зрения всюду, где она оказывается более удобной и полезной для расширения моего познания, чем физиологическая; всюду, где легче рассматривать явления психологически, чем физиологически...³

¹ Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб., 1892. С. 3.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 71–72.

Еще раз подчеркнем, что, по мнению А.И. Введенского (и других неокантианцев), «чужую одушевленность» эмпирическим способом доказать нельзя, но невозможно и опровергнуть, т.е. в конкретных исследованиях она, по сути, играет роль базовой гипотезы, а вернее — аксиомы.

Конечно, концепция А.И. Введенского — не «истина в последней инстанции». Ее подвергли критике как современные нам историки философии¹, так и философы — современники А.И. Введенского². Но именно она составляет философскую основу дисциплинарного оформления источниковедения в начале XX в.

В этом плане размышления А.И. Введенского гораздо более созвучны построениям Вильгельма Дильтея (1833–1911), а не немецких неокантианцев. Поскольку В. Дильтей в истории философии стоит особняком и явно не помещается в прокрустово ложе тех или иных классификаций и систематизаций философских направлений (если не считать весьма расплывчатого отнесения его к философии жизни или к философской герменевтике, которая, в свою очередь, может строиться на разных философских основаниях), то, по-видимому, по этой причине из поля зрения историков философии часто выпадает вопрос о его влиянии на построения русских философов или, точнее, — о созвучии их идей с идеями Дильтея. А между тем в «Описательной психологии» (1894) он не только ставит проблему «возможностей и условий разрешения задачи описательной психологии» (иными словами, проблему воспроизведения чужой одушевленности), но и раскрывает механизм воспроизведения «чужого Я»:

Происходит это путем духовного процесса, соответствующего заключению по аналогии. Недочеты этого процесса обуславливаются тем, что мы совершаем его лишь путем перенесения нашей собственной душевной жизни. Элементы чужой душевной жизни, разнящиеся от нашей собственной не только количественно <...>, не могут быть восполнены нами...³

Сравним с подходом А.И. Введенского, кратко сформулированным Б.В. Яковенко:

¹ См., например: Русская философия: малый энциклопедический словарь... С. 85.

² В полемике, развернувшейся главным образом на заседаниях Московского психологического общества и, соответственно, на страницах журнала «Вопросы философии и психологии», приняли участие П.Е. Астафьев, Э.Л. Радлов, Н.Я. Грот, С.Н. Трубецкой, Л.М. Лопатин. Например, Л.М. Лопатин (1855–1920) пишет: «Я не буду долго останавливаться на том очевидном соображении, что нравственное чувство не есть способность объективного познания, что оно внушает нам обязанности в отношении подобных нам одушевленных существ, когда мы убеждаемся в реальности последних, но что само по себе оно вовсе не заставляет нас принимать одушевленность даже и там, где для того нет разумных поводов» (*Лопатин Л.М. Новый психофизиологический закон г. Введенского // Вопросы философии и психологии. М., 1893. Кн. 4(19). С. 71. (2-я pag.)*). Э.Л. Радлов (1854–1928), напротив, соглашается с А.И. Введенским: «...только собственное одушевление несомненно, <...> объективных признаков чужого одушевления нет и быть не может, ибо весь мир для нас есть не что иное, как наше представление, а посему мы, конечно, можем с одинаковым правом как отрицать одушевление, так и признавать его всюду вне собственного сознания; однако признание чужого одушевления вне нас вероятнее, чем отрицание его» (*Радлов Э.Л. Ответ проф. А.И. Введенскому // Там же. С. 105 (2-я pag.)*).

³ *Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996. С. 98.*

Всякое познание чужой душевной жизни состоит лишь в мысленной подстановке себя самого в условия данной жизни, поэтому чужая жизнь всегда формируется из элементов душевной жизни того, кто познает¹.

Ученик А.И. Введенского И.И. Лапшин (1870–1952) вслед за учителем обращается к философскому рассмотрению проблемы «чужого Я», сосредоточив свое внимание первоначально на истории вопроса и выявлении типологии подходов к проблеме. Лапшин констатирует, что «проблема “чужого Я” имплицитно, так сказать, в “неопознанной” форме решалась, и решалась весьма различно еще в древней философии»², и обращает внимание на то, что у многих философов познание «чужого Я» происходит на основе аналогии, более того, аналогия выступает как основание признания «чужого Я»³. Но при этом И.И. Лапшин настаивает на необходимости специальной философской рефлексии этой проблемы в широком научном контексте — от зоопсихологии до эстетики:

Отсутствие определенного решения проблемы чужого «Я» в теории познания отражается весьма невыгодным образом и на разработке многих вопросов *чисто психологических* [здесь и далее выделено автором. — М. Р.]. Так, например, *вся судьба зоопсихологии зависит от правильной установки «пределов и признаков одушевленности» в природе <...>*. Не менее важен затронутый здесь вопрос и для эстетики. Проблема чужого «Я» включает в себя и проблему эстетического удовлетворения или вчувствования <...>. Наконец в новейшее время значение занимающего нас вопроса понято и социологами <...>⁴.

Кроме того, И.И. Лапшин признает познание «чужого Я» — как одну из «проблем философии истории».

И.И. Лапшин выделил шесть основных способов решения проблемы чужого сознания: наивный реализм, материализм, гилозоизм, монистический идеализм, монадология и солипсизм. В результате проведенного анализа И.И. Лапшин выделяет общее в подходе к проблеме признания чужой одушевленности у всех обозначенных направлений, кроме материализма:

Во всех пяти указанных нами направлениях есть одна общая черта. «Чужое Я» рассматривается всеми или как нечто, существующее вне и помимо единичного эмпирического «Я», т.е. другие живые существа не суть нечто такое, реальность чего должна мыслиться нами пребывающей вне нашего сознания и независимой от него, но множественность чужих сознаний есть факт трансцендентный по отношению к моему сознанию. К допущению подобного трансценза указанные направления приходят путем рациональных рассуждений и изучения данных опыта⁵.

¹ Яковенко Б.В. История русской философии... С. 288.

² Лапшин И.И. Проблема «чужого Я» в новейшей философии. СПб., 1910. С. 6.

³ Там же. С. 37–38.

⁴ Там же. С. 5–6.

⁵ Там же. С. 12.

Относительно материализма И.И. Лапшин пишет:

Для представителей материалистической точки зрения проблема реальности «чужого Я» ничем не отличается от проблемы реальности собственного «Я»: и то, и другое «Я» являются «эпифеноменами», за которыми скрываются в виде истинной сущности материальные процессы. Вот почему интересующая нас проблема, как особая проблема, для большинства материалистов не существует².

С точки зрения историографической практики для нас существенный интерес представляет позиция наивного реализма, поскольку лишь она последовательно воплотилась в исторических исследованиях. И.И. Лапшин утверждает:

Согласно этой точке зрения, мы непосредственно воспринимаем чужие психические состояния <...>. В столь непосредственной и наивной форме проблема чужого «Я» не ставится, пожалуй, никем в философии XIX века, но, в сущности, к ней примыкают, сами того не зная, многие сторонники чисто объективного метода в психологии³.

Главную проблему «чужого Я» И.И. Лапшин, как и А.И. Введенский, видит в угрозе солипсизма. Впоследствии И.И. Лапшин возвращается к этой проблеме и специально разрабатывает гносеологические аспекты признания чужой душевной жизни в статье «Опровержение солипсизма» (1924), где отталкивается от типологии философских направлений, выявленной им в работе 1910 г.

Исследовав проблему «чужого Я» в современной ему философии, И.И. Лапшин приступает к рассмотрению ее с психологической точки зрения и обращается к исследованию не столько метода, сколько механизма перевоплощения, но при этом последовательно реализуя и развивая философский подход к проблеме. Естественно, что объектом исследования он выбирает художественное творчество⁴.

И.И. Лапшин пишет о том, что «...познания своей и чужой душевной жизни до того взаимно проникают друг в друга, что едва ли возможно углубленное постижение Я без Ты, как Ты без Я»⁵. Он исследует механизм взаимодействия Я и Ты в процессе художественного перевоплощения:

Познание чужого Я и своего собственного идут рука об руку. Поэтому наклонность к перевоплощению (речь идет <...> о перевоплощении не фантастическом), есть равнодействующая двух сил: 1) меткой наблюдательности к чужой душевной жизни и 2) объективно верного понимания художником своего «Я»⁵.

¹ Лапшин И.И. Проблема «чужого Я» в новейшей философии... С. 15–16.

² Там же. С. 8.

³ Лапшин И.И. О перевоплощении в художественном творчестве // Вопросы теории и психологии творчества. Т. V. Харьков, 1914. С. 161–262.

⁴ Там же. С. 168

⁵ Там же. С. 219.

И.И. Лапшин обобщает свои наблюдения над механизмом воспроизведения «чужой одушевленности» следующим образом:

Когда я вижу чужое лицо с известной экспрессией, я воспринимаю <...> N чувственных качеств <...>, но я воспринимаю эти N ощущений не как алгебраическую сумму безразличных друг ко другу психических элементов — сверх N различных ощущений, я получаю еще N+1-е чувство, которое соответствует комбинации или группировке этих элементов <...>. Таким образом, моментальная экспрессия человеческого лица охватывается мною сразу, как целое, вызывающее во мне, кроме N ощущений, N+1-е чувство целостного впечатления, которое в силу прежних опытов произвольно ассоциируется у меня с настроениями и переживаниями, подобными душевным состояниям наблюдаемого мною лица¹.

Здесь же И.И. Лапшин подчеркивает произвольность этого восприятия. Он пишет, что при наблюдении, например, плачущего человека сам он может и не заразиться симпатически его печалью. Лапшин, по сути дела, вскрывает природу иллюзорности непосредственного восприятия «чужого Я» в «наивном реализме»:

Целостное впечатление экспрессии <...> так тесно срослось с телесными проявлениями, что мы проецируем этот добавочный психический процесс в тело другого человека <...>. Вот почему нам кажется, что мы прямо видим, интуитивно постигаем чужое Я².

Спустя несколько лет И.И. Лапшин возвращается к проблеме психологии творчества в основном фундаментальном труде «Философия изобретения и изобретение в философии» (1922) и многоаспектно рассматривает различные творческие сферы — философию, науку, искусство. Одним из основных понятий в концепции И.И. Лапшина выступает вводимое им понятие «фантасм», который он отличает от фантастических образов в искусстве:

Научные фантасмы таковы, что они в сознании ученого хотя и не соответствуют вполне по своему содержанию действительности, но в гипотетической форме и в самых грубых и приблизительных чертах верно схватывают известные объективные отношения между явлениями <...>³.

Воспроизведение содержания чужой душевной жизни, таким образом, выступает теперь как частный случай фантасма. И.И. Лапшин подчеркивает, что научный фантасм формируется на основе объективных данных и не должен подменяться субъективной фантазией ученого.

¹ Лапшин И.И. О перевоплощении в художественном творчестве... С. 236–237.

² Там же. С. 237.

³ Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: введение в историю философии. М., 1999. С. 103.

Наиболее последовательно принцип признания чужой одушевленности в русском неокантианстве был реализован в методологических рефлексиях и исследовательской практике исторического познания. Внимание принципу признания чужой одушевленности уделяет В.М. Хвостов (1868–1920) в «Теории исторического процесса» (1910), посвящая ему значительную часть § 7 «Субъект и объект. Имманентная и трансцендентальная реальность» второй главы, в которой рассматривается теория исторического познания. Не останавливаясь на значении принципа признания чужой одушевленности в эпистемологической конструкции В.М. Хвостова, приведем квинтэссенцию его взглядов, данную в весьма сжатой формуле: «“Чужая душа”, в сущности, всегда “потемки”, и мы всегда судим о других по аналогии с самими собою»¹.

Принцип признания чужой одушевленности в качестве методологической основы источниковедения был разработан А.С. Лаппо-Данилевским.

Помимо гносеологической, не менее существенна этическая значимость принципа признания чужой одушевленности. Вполне очевидна связь этики и гносеологии как составляющих системы философии. Эта связь хорошо прослеживается в философии И. Канта («Критика чистого разума», 1781, и «Критика практического разума», 1788), но специальное внимание ей уделяется в русской версии неокантианства. Уже А.И. Введенский, исследуя кантовскую этику, формулирует четвертый постулат практического разума — убеждение в существовании «чужих Я». А.С. Лаппо-Данилевский также рассматривает принцип признания чужой одушевленности не только как регулятивный в сфере познания, но и «в качестве нравственного постулата, без которого нельзя представить себе Другого как самоцель, в отношении к которой наше поведение и должно получить нравственный характер»².

Следует особо подчеркнуть актуализацию этической составляющей исторического знания в ситуациях постмодерна и постпостмодерна. При всем многообразии социальных функций исторического знания, нараставших и усложнявшихся на протяжении как минимум трех последних веков, в качестве устойчивого инварианта здесь может рассматриваться функция обеспечения идентичности, поскольку потребность в самоидентификации, по-видимому, относится к первичным социальным потребностям индивидуума. Лучше всего с задачей конструирования идентичности справлялись линейные национально-государственного уровня метанарративы XIX в. С началом процесса глобализации появляется понимание коэксистенциального единства человеческого мира, а вместе с ним и задача воспитания толерантности как фундаментального условия выживания социума в XX в. В начале XXI в., с переходом от постмодерна к постпостмодерну, базовой характеристикой которого можно назвать переход от глобализации к глокализации

¹ Хвостов В.М. Теория исторического процесса: очерки по философии и методологии истории: курс лекций. М., 2006. С. 67.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... С. 340.

(т.е. не нивелирование, а, наоборот, нарастание социокультурных различий, но в едином коэксистенциальном социокультурном пространстве), предъявляются особые требования к толерантному мировосприятию и, соответственно, поведению. Именно принцип признания чужой одушевленности в качестве постулата «практического разума» (по А.И. Введенскому) может стать основой толерантности современного социума, отдельных социальных групп и человека как индивидуальности, самоопределяющейся во всем мировом социокультурном пространстве.

2.3

ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ В РУССКОЙ ВЕРСИИ НЕОКАНТИАНСТВА

Потенциал строгой научности и, соответственно, возможность реализации некоторых идей русской версии неокантианства в неоклассической модели источниковедения заложены в концепции объекта познания. Проблема объекта гуманитарного знания в общефилософском — эпистемологическом и этическом — смысле была сформулирована А.И. Введенским, в частности в полемике с Л.М. Лопатиным по поводу принципа признания чужой одушевленности.

Л.М. Лопатин указывал на общие основания, заставляющие не сводить признание чужой одушевленности исключительно к нравственному чувству:

...с одинаково непоколебимым убеждением мы признаем сознательную деятельность подобных нам существ и в тех случаях, когда дело идет об отдаленном, давно исчезнувшем прошлом и когда не может быть речи о непосредственном восприятии или каких-нибудь нравственных обязанностях¹.

Автор приводит классический пример из Фенелона²: если мы найдем на необитаемом острове мраморную статую, мы поймем, что на острове были люди, и наша уверенность не будет поколеблена, если нам докажут, что статуя находится на острове давно и скульптора уже нет в живых. Л.М. Лопатин пишет:

Мы поверим в прошлое существование художника единственно потому, что мы знаем, что *эта статуя не могла бы* [выделено автором. — М. Р.] возникнуть без технического умения и творческого гения. При этом, если бы было даже доказано, что на острове никогда не было людей, мы скорее подумали бы о чуде, чем приписали происхождение статуи простой игре случая³.

Отсюда, по мнению Л.М. Лопатина, возможен единственный вывод:

¹ Лопатин Л.М. Новый психофизиологический закон г. Введенского... С. 71.

² Фенелон Франсуа (1651–1715) — французский писатель, автор романа «Приключения Телемаха, сына Улисса».

³ Лопатин Л.М. Новый психофизиологический закон г. Введенского... С. 72.

...объясняя непосредственно наблюдаемую действительность, во многих случаях мы совершенно не можем обойтись без предположения интеллигенции, отличной от нашей, или — говоря просто — не можем обойтись без мысли о чужом уме, от нас независимом¹.

Нужно отметить, что, несмотря на философскую полемику Л.М. Лопатина с А.И. Введенским, это наблюдение Лопатина вполне созвучно построениям Введенского, который, обращаясь к проблеме способов воспроизведения чужой душевной жизни, замечает:

...наблюдать саму чужую душевную жизнь мы не можем, а должны лишь заключать об ней по ее внешним, материальным, т.е. объективным обнаружениям [здесь и далее выделено мной. — М. Р.], следовательно, при каждой попытке решать подобные вопросы мы уже должны быть уверены в том, какие именно материальные явления служат признаком, обнаруживающим присутствие душевной жизни, и какие проходят без ее участия².

Данное заключение А.И. Введенского принципиально важно для понимания специфики русской версии неокантианства в связи с актуальной для нее проблемой объекта исторического познания.

Немецкий философ Г. Риккерт, представитель Баденской школы неокантианства, разрабатывая проблему специфики исторического познания как идиографического, в отличие от естественно-научного — номотетического, сознательно и последовательно уходил от вопроса об объекте исторического познания, сосредоточивая внимание исключительно на его логике. Начинает он свой анализ с утверждения: «...логика истории является исходным пунктом и основой всех философско-исторических исследований вообще»³. Затем продолжает, уточняя и разъясняя свою мысль и вступая в полемику со сторонниками идеи выделения специфики наук о духе по их объекту:

Метод же заключается в тех формах [здесь и далее выделено автором. — М. Р.], которыми пользуется наука при обработке данного ей материала, и прежде всего именно только о формах. Конечно, и сам метод часто обуславливается особенностями материала. Совершенно неправильно, нападая на логическую трактовку научных методов, указывать при этом, что она, игнорируя предметные различия, необходимо лишается всякого значения. Выставляя *вначале* формально логические точки зрения, мы вообще, однако, не игнорируем научный материал. Исследование, принимающее во внимание различия в содержании отдельных наук, может, конечно, привести иногда к результатам, весьма ценным в логическом отношении. Но это, вообще говоря, дело случая, и потому логик, желающий наиболее верным

¹ Лопатин Л.М. Новый психофизиологический закон г. Введенского... С. 72.

² Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления... С. 7.

³ Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 135.

и кратчайшим путем достичь своей цели, должен отвлекаться от всех различий в содержании отдельных наук, чтобы тем лучше понять чисто формальные методологические различия¹.

Аргументируя свою позицию, Г. Риккерт критикует ряд своих предшественников, в том числе и В. Дильтея (концепция которого а некоторых аспектах близка русской версии неокантианства), за неопределенность используемого ими понятия «дух» в размышлениях о методе исторического познания; он считает, что в их трудах

...либо, как у Вундта и Мюнстерберга, совсем не задет тот основной, центральный пункт вопроса, уяснение которого есть необходимое условие действительно *логического* понимания истории, либо, как у Дильтея, он недостаточно резко оттенен и не настолько выдвинут вперед, чтобы стать действительно плодотворным в логике истории. Это видно уже из обычной для всех этих трудов терминологии, противопоставляющей *наукам о природе* (Naturwissenschaften) *науки о духе*. В настоящее время вряд ли найдется что-нибудь менее однозначное, чем противоположность природы и духа².

Отталкиваясь от практики современной ему психологии, Г. Риккерт приходит к утверждению:

Защитники логической противоположности природы и духа бессильны против утверждений подобного рода постольку, поскольку их основное понятие [понятие психического. — М. Р.] определяется ими недостаточно безукоризненно; что же касается понятия духа, то дать логическое определение его либо совершенно невозможно, либо, во всяком случае, возможно лишь тогда, когда предварительно уже имеется логическое понятие истории³.

Попутно отметим, что, исходя из логики Г. Риккерта, корректно — применительно к неокантианству — говорить о противопоставлении наукам о природе именно наук о культуре, а не наук о духе, как мы это видим у В. Дильтея и что время от времени встречается в современной литературе.

Не оспаривая в целом критику Г. Риккерта, отметим, что В. Дильтей, как и А.И. Введенский, обращает внимание на необходимость вовлечения в исследование «предметных продуктов психической жизни». Размышляя о различных способах разрешения задач описательной психологии как метода наук о духе, В. Дильтей отмечает, что основная сложность обусловлена «внутренним непостоянством всего психического»⁴ как процесса, и видит возможность ее преодоления следующим образом:

Весьма важным дополнением к этим методам, поскольку они занимают процессами, является пользование *предметными продуктами психи-*

¹ Риккерт Г. *Философия истории...* С. 139.

² Там же. С. 138.

³ Там же. С. 138–139.

⁴ Дильтей В. *Описательная психология...* С. 97.

ческой жизни [выделено мной. — М. Р.]. В языке, в мифах, в литературе и в искусстве, во всех исторических действиях вообще мы видим перед собою как бы объективированную психическую жизнь: продукты действующих сил психического порядка, прочные образования, построенные из психических составных частей и по их законам. Если мы наблюдаем процессы в самих себе или в других, мы видим в них постоянную изменчивость <...>; поэтому не оценимо важным представляется иметь перед собой длительные образования с прочными линиями, к которым наблюдение и анализ всегда могли бы возвращаться¹.

Эти идеи впоследствии будут развернуты А.С. Лаппо-Данилевским в эпистемологическую концепцию исторического познания, в центре которой — методология источниковедения, т.е. целостное учение о «реализованных продуктах человеческой психики» — исторических источниках, служащих основанием строго научного исторического знания.

2.4

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

В начале XX в. А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) предложил целостную теоретико-познавательную концепцию гуманитарного познания, системообразующее начало которой составляла методология источниковедения, основанная на феноменологическом понимании объекта исторического познания — исторического источника. Последовательно и системно концепция А.С. Лаппо-Данилевского представлена в его пособии к лекционному курсу, изданном в 1910–1913 гг.²

Анализу разработанной А.С. Лаппо-Данилевским концепции источниковедения стоит предпослать в качестве эпиграфа слова, которыми историк-методолог завершает исследование методов изучения исторических источников:

Без обращения к историческим источникам человек во многих случаях не мог бы испытывать на себе благотворного влияния и поддерживать преемство той культуры, в которой он родился и непрерывному развитию которой он служит. Вообще, без постоянного пользования историческими источниками человек не может соучаствовать в полноте культурной жизни человечества³.

¹ Дильтей В. Описательная психология... С. 99–100.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. М., 2010. 2 т. (1-е изд. СПб., 1910. Вып. I: Пособие к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1909/10 уч. году; СПб., 1913. Вып. II: Пособие к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1910/11 году). Третья часть курса существовала в виде литографий, литографированный курс 1909 г. включен в публикацию 2010 г.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 392.

2.4.1

Исторический источник как объект исторического познания

В концепции исторического познания А.С. Лаппо-Данилевского принцип признания чужой одушевленности становится базовым. А.С. Лаппо-Данилевский вслед за А.И. Введенским исходит из того, что в строгом онтологическом смысле решить проблему «чужого Я» не удастся, и использует принцип признания чужой одушевленности в этическом и теоретико-познавательном аспектах. Принцип признания чужой одушевленности принимается ученым в регулятивно-телеологическом значении, т.е. «в качестве научной гипотезы, нужной для объяснения некоторой части действительности». По убеждению А.С. Лаппо-Данилевского, признание чужой одушевленности необходимо «психологу, социологу или историку для того, чтобы объединять свое знание о наблюдаемых им чужих поступках и деятельности»¹. В историческом исследовании на основе этого принципа историк «конструирует <...> перемены в чужой психике, в сущности, недоступные эмпирическому <...> наблюдению»². Кстати, во многом не согласный с А.С. Лаппо-Данилевским Г.Г. Шпет, анализируя его концепцию в контексте развития герменевтической проблематики, замечает: «Общая предпосылка Лаппо-Данилевского состоит в том, что приступающий к изучению исторического материала уже исходит из признания “чужого Я”, которому он приписывает возникновение данного источника»³.

В концепции А.С. Лаппо-Данилевского базовым понятием выступает понятие «исторический источник». А.С. Лаппо-Данилевский в ходе логического анализа «добывает» (термин самого исследователя) следующее определение исторического источника:

Исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением⁴.

Мы не будем подробно рассматривать формулировку А.С. Лаппо-Данилевского. Очевидно, что она во многом фиксирует результат развития исторического знания в XIX в. в рамках линейных стадийных теорий исторического процесса. Именно поэтому А.С. Лаппо-Данилевский пишет о фактах с историческим значением, под которыми понимает факт воздействия индивидуума (в том числе и коллективного) на среду, повлекший изменение этой среды.

Из «добытого» определения следует:

Если принять такое определение понятия об историческом источнике, то можно сделать из него и несколько выводов, не лишенных значения; они

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 1. С. 340.

² Там же. С. 336.

³ Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Шпет Г.[Г.] Мысль и слово: избр. труды. М., 2005. С. 373.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 38.

проистекают, главным образом, из понятия об источнике как о реализованном продукте человеческой психики и из понятия о его пригодности для изучения фактов с историческим значением.

Всякий, кто утверждает, что исторический источник есть продукт человеческой психики, должен признать, что исторический источник в известной мере есть уже его построение. В самом деле, то психическое значение, которое историк приписывает материальному образу интересующего его источника, в сущности, не дано ему непосредственно, т.е. недоступно его непосредственному чувственному восприятию; он строит психическое значение материального образа источника, заключая о нем по данным своего опыта; но если под источником он понимает психический продукт, то, очевидно, включая в понятие о нем и его психическое значение, он тем самым всегда имеет дело с некоторым своим построением, без которого у него не окажется и исторического источника.

Далее, нельзя не заметить, что исторический источник в качестве продукта человеческой психики, — есть, конечно, результат человеческого творчества (в широком смысле)¹.

Именно в этом рассуждении А.С. Лаппо-Данилевского зафиксирован феноменологический характер его концепции: исторический источник, с одной стороны, — объективированный результат человеческого творчества, но, с другой стороны, в качестве такового он опознается исследователем и в этом смысле представляет исследовательский конструкт.

Обратим внимание на то, что момент реализованности, объективации чужой душевной жизни — ключевой для понимания природы исторического источника в концепции А.С. Лаппо-Данилевского — полностью соответствует построениям А.И. Введенского и В. Дильтея. А.С. Лаппо-Данилевский рассуждает следующим образом:

Впрочем, и с другой точки зрения можно придавать историческим источникам в узком смысле самое решительное значение для реконструкции истории человечества: без них исторические факты были бы известны лишь по влиянию их на последующие факты; но, не говоря о том, что такое влияние за известными пределами ускользает от нашего внимания, исторический факт, еще не отошедший в прошедшее и непосредственно обнаруживающий данную психику в самом процессе ее обнаружения, хотя и может служить объектом для познания другого связанного с ним факта, однако, еще не обладает некоторыми признаками, характеризующими понятие об историческом источнике в узком смысле: скоро преходящий факт сам нуждается в каком-либо закреплении для того, чтобы стать объектом научного исследования; собственно *исторический источник, напротив, отличается обыкновенно большим постоянством формы, благодаря чему он и поддается*

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 38.

более длительному изучению, к которому исследователь может возвращаться любое число раз [выделено мной. — М. Р.]¹.

Соответствует этим концепциям и способ воспроизведения чужой одушевленности, предлагаемый Лаппо-Данилевским. Ученый так описывает процесс воспроизведения чужой одушевленности в ходе исторического исследования:

...процесс собственно научного психологического понимания характеризуется не инстинктивным воспроизведением чужой одушевленности, а возможно более наукообразным заключением по аналогии; на основании аналогии с тою связью, какую ученый стремится возможно более точно установить между данным состоянием своего сознания и внешним его обнаружением, он заключает о наличности у постороннего лица состояния сознания, соответствующего тому внешнему его проявлению, тождество которого (по крайней мере, в известном отношении) с собственным его обнаружением предварительно установлено; он заключает, например, о тех, а не иных состояниях сознания (т.е. «души») постороннего лица по его внешним действиям: движениям, выражению лица, жестам, словам, поступкам и т.п. Таким образом, историк стремится перевоспроизвести в себе то именно состояние сознания, которое ему нужно для научного объяснения изучаемого им объекта; он анализирует пережитые им состояния и выбирает то из них, которое, судя по чисто научному исследованию внешних его признаков (внешнему обнаружению), всего более подходит к данному случаю; он как бы примеряет наиболее подходящие состояния своего собственного сознания к проанализированному и систематизированному им внешнему обнаружению чужой одушевленности, подделывается под нее и т.п.; ему приходится искусственно (в воображении или в действительности) ставить себя в условия, при которых он может вызвать его и т.п., хотя бы и несколько раз. Лишь после таких исследований он может перевоспроизвести в себе то именно состояние сознания, которое он считает нужным для надлежащего понимания чужих действий. Наконец, следует иметь в виду, что ученый, в частности и историк, постоянно подвергает свое научно-квалифицированное психологическое построение чужой душевной жизни научному же контролю; он признает его лишь гипотезой, сила которой зависит от степени ее пригодности и области ее применения; он принимает ее лишь в том случае, если факты ей не противоречат и если она помогает ему объяснить эти факты².

Именно невозможностью полного воспроизведения «чужого Я» обуславливает А.С. Лаппо-Данилевский границы исторического и в целом гуманитарного познания. Он пишет:

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 368.

² Там же. Т. 1. С. 347–348.

...воспроизведение чужой одушевленности во всей ее полноте представить себе нельзя, хотя бы уже потому, что в таком акте всегда соучаствует то сознание, в котором чужая одушевленность воспроизводится: «я» не могу перестать быть «я» даже в момент сочувственного переживания чужого «я». Такое переживание, ассоциирование и заключение по аналогии обыкновенно сводится к воспроизведению в себе не чужого «я», а более или менее удачной комбинации некоторых элементов его психики...¹

Исследователь подчеркивает эпистемологические сложности, возникающие при воспроизведении одушевленности исторического субъекта. А.С. Лаппо-Данилевский, как и В. Дильтей, при этом исходит из того, что его психика и психика изучаемого им субъекта различаются лишь интенсивностью составляющих их элементов. Однако историк не может быть полностью уверен в соответствии друг другу самих комбинаций этих элементов, поэтому, исходя из анализа собственной психики, историк вынужден ограничиться констатацией сходства отдельных элементов, «общих обеим одушевленностям», а не их систем².

Таким образом, А.С. Лаппо-Данилевский утверждает в качестве объекта исторического познания исторический источник, понимаемый как продукт человеческого творчества и изучаемый с точки зрения принципа признания чужой одушевленности.

2.4.2

Методология источниковедения

В учении о методах исторического исследования А.С. Лаппо-Данилевский выделяет две составляющие: методологию источниковедения и методологию исторического построения, сосредоточив основное свое внимание на первой. Приступая к анализу методологии источниковедения, разработанной А.С. Лаппо-Данилевским, следует еще раз подчеркнуть, что речь идет не о методах источниковедения как особой дисциплины, а об источниковедении как о системообразующем основании методологии истории.

Определяя смысл методологии источниковедения, историк пишет:

Методология источниковедения устанавливает, главным образом, те производные принципы и методы, на основании которых историк считает себя вправе утверждать, что факт, известный ему из данных источников, действительно существовал; она рассматривает, что именно источники дают для нашего знания об исторической действительности и в какой мере оно доступно нам при данных условиях³.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... С. 345–346.

² Там же. С. 349.

³ Там же. Т. 2. С. 9.

При этом он подчеркивает:

...различие между методологией источниковедения и методологией исторического построения проводится с точки зрения аналитической, а не генетической: в действительности изучение исторических источников идет, конечно, рука об руку с изучением исторического процесса, и, значит, могут быть случаи, когда историк уже пользуется методами исторического построения для того, чтобы выявить научную ценность данного источника: вообще можно сказать, что в тех случаях, когда источник сам рассматривается как исторический факт, к его изучению уже прилагаются методы исторического построения; но с принятой выше точки зрения все же можно и должно различать методологию источниковедения от методологии исторического построения: и задача, и предмет их изучения различны¹.

А.С. Лаппо-Данилевский четко разграничивает методы исторического исследования, обусловленные теорией исторического знания, и технические приемы, разработку которых он относит к сфере вспомогательных исторических дисциплин. Историк-методолог, предложив теорию исторического источника, далее рассматривает вопросы систематизации, интерпретации и критики исторических источников.

Систематизация исторических источников

При разработке критериев систематизации исторических источников А.С. Лаппо-Данилевский исходит из вышеприведенной цели методологии источниковедения:

...можно систематизировать исторические источники с весьма различных точек зрения, в зависимости от целей исследования. Самая общая из них состоит в том, чтобы ценить исторические источники по значению их для исторического познания. В таком смысле легко различать источники или по степени их ценности вообще для познания исторической действительности, или по степени ценности характеризующего их содержания для изучения данного рода исторических фактов².

По характеру восприятия исторического источника историком А.С. Лаппо-Данилевский разделяет источники на изображающие факт (преимущественно вещественные) и обозначающие факт (в основном «словесные», письменные). Отмечая условность и неточность такого разделения, автор соотносит его с другим, ссылаясь при этом на И.Г. Дройзена:

При восприятии некоторых из источников, изображающих факт, историк получает более непосредственное знание о факте, чем при восприятии других: источник, изображающий факт и вместе с тем оказывающийся его

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 9–10.

² Там же. С. 41.

остатком (например, склеп и проч.), с такой точки зрения представляется историку более ценным, чем источник, тоже изображающий факт, но в виде предания о нем (например, в виде картины, изображающей тот же склеп, и проч.); то же можно сказать и про источники, обозначающие факт; и между ними есть такие, которые все же можно признать остатками, например, юридический акт, международный трактат и т.п., и такие, которые содержат лишь предание о факте, хотя бы, положим, рассказ о заключении той же юридической сделки или международного договора.

С только что указанной точки зрения можно получить деление источников на *остатки культуры* и на *исторические предания* [здесь и далее выделено мной. — М. Р.] <...>.

В самом деле, историк может изучать факты двояким образом: или через посредство собственного восприятия остатков того именно факта, который его интересует; или через посредство результатов чужих восприятий данного факта, реализованных в тех или иных формах и таким образом доступных его собственному восприятию и изучению.

С такой познавательной-исторической точки зрения, значит, нужно различать *два основных вида источников*.

В тех случаях, когда историк может смотреть на источник, как на остаток изучаемого им исторического факта, он получает возможность по нему непосредственно заключить о том, что и факт, остаток которого доступен его исследованию, действительно существовал: такого рода источники я буду называть *остатками культуры*.

В тех случаях, однако, когда историк усматривает в источнике только предание об историческом факте, а не его остаток, он по нему еще не может непосредственно заключить о том, что и факт, о котором он знает нечто через посредство чужого о нем показания, сохранившегося в источнике, действительно существовал; прежде чем утверждать действительность его существования, историк должен установить, на каком основании и в какой мере он может доверять преданию о факте; такого рода источники я буду называть *историческими преданиями*.

Итак, с познавательной точки зрения, по степени близости познающего субъекта, т.е. историка к объекту его изучения, по степени непосредственности знания историка о таком историческом факте, следует различать два основных вида источников: *остатки культуры* и *исторические предания*¹.

Стоит подчеркнуть, что деление источников на остатки культуры и исторические предания имеет характер систематизации, а не классификации, и сам автор признает, что в основе проведенного деления «лежит различие в точках зрения, с которых исторические источники изучаются, а не различие самих источников»². Но далее А.С. Лаппо-Данилевский стремится придать этому

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 44–45.

² Там же. С. 46.

разделению характер классификации, выделяя остатки культуры и исторические предания как «два основных вида исторических источников»:

Под *остатком культуры* [здесь и далее выделено мной. — М. Р.] можно разуметь непосредственный результат той самой деятельности человека, которую историк должен принимать во внимание при построении исторической действительности, включающей и означенный результат; остаток культуры есть, в сущности, остаток того самого исторического факта, который изучается историком: следовательно, можно сказать, что в случаях подобного рода исторический факт как бы сам о себе отчасти свидетельствует перед историком.

Под *историческим преданием* можно разуметь отражение какого-нибудь исторического факта в источнике: последний — не остаток данного факта, а результат того впечатления, которое он произвел на автора предания, реализовавшего его в данном материальном образе¹.

Продолжая систематизацию исторических источников, А.С. Лаппо-Данилевский разделяет остатки культуры по критерию их значимости для познания исторического факта на три разновидности: воспроизведения («язык, некоторые нравы, обычаи, учреждения и т.п., возникшие до времени их изучения, но продолжающие жить во время их изучения»), пережитки («мертвеющие остатки культуры»), т.е. те же феномены, которые «продолжают сохранять некоторые следы прежней жизненности и в тот период развития культуры, с которым они уже далеко не находятся в полном соответствии и в течение которого они подвергаются изучению») и произведения культуры (некогда созданные и сохранившиеся до времени их изучения объекты). Аналогичным образом историк выделяет разновидности исторических преданий: чистые (основанные на собственном восприятии автора: рассказы очевидцев, мемуары и т.п.) и смешанные (частично основанные на чужих рассказах: жития, летописи и т.п.).

Наряду с несколько модифицированным автором, но все же устоявшимся делением на остатки и предания, А.С. Лаппо-Данилевский предлагает классификацию исторических источников по их содержанию:

...едва ли не самым общим делением следует признать то, которое различает источники, характерное содержание которых преимущественно имеет значение для познания того, что было, от источников, содержание которых преимущественно служит для познания того, что признавалось должным; или, говоря короче, можно различать *источники с фактическим содержанием* от *источников с нормативным содержанием* [выделено мной. — М. Р.]².

Источники с фактическим содержанием А.С. Лаппо-Данилевский делит на источники с идейным содержанием («дают материал для изучения мыслей

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 46–47.

² Там же. С. 49.

и чувств людей, живших в данном месте и в данное время, например: предметы культа, произведения поэтической и прозаической литературы и т.п.) и источники с бытовым содержанием («преимущественно касаются быта людей, живших в данном месте и в данное время, например: предметы житейской техники, разные бумаги делового характера и т.п.»), а также выделяет группу источников с повествовательным содержанием («источники, преимущественно рассказывающие о событиях: анналы и хроники, биографии и мемуары, повести и сказанья» и т.п.)¹. Источники с нормативным содержанием историк разделяет на источники с чисто нормативным (трактаты с изложением логических и научных норм, трактаты по этике и эстетике, системы законодательства и т.д.) и источники с утилитарно-нормативным содержанием (правила стихосложения, правила индустриальной техники и т.д.).

Мы видим, что разработка А.С. Лаппо-Данилевским важнейшей методологической проблемы — проблемы классификации — шла во многом в русле уже сложившейся источниковедческой традиции. При этом историк фактически обосновывает не классификацию, а систематизацию исторических источников, пытаясь нащупать критерий классификации в природе исторического источника. Эта часть теоретического наследия А.С. Лаппо-Данилевского представляет для нас исторический интерес как образец напряженного интеллектуального поиска, но вряд ли может быть актуально востребована современной теорией источниковедения.

Разработав понятие «исторический источник» и предложив способы источниковедческой систематизации, А.С. Лаппо-Данилевский переходит к методам источниковедческого изучения — интерпретации и критике исторических источников.

Интерпретация исторических источников

Концепция исторической интерпретации — наиболее оригинальная и отчасти сохраняющая актуальность составляющая методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского. И сам автор подчеркивает новизну своего подхода, отмечая:

Общее учение об исторической интерпретации источников, несмотря на свое значение, долгое время оставалось без систематической обработки: оно применялось только в конкретных случаях, при истолковании данного рода источников. <...> учение об исторической интерпретации долго не получало достаточно самостоятельного значения и часто поглощалось критикой или даже входило в состав методологии исторического построения².

При этом российский историк ссылается на труды Э. Бернгейма и Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, рассмотренные нами в предыдущей главе.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 60.

² Там же. С. 62–63.

Историческая интерпретация, согласно А.С. Лаппо-Данилевскому, «состоит в общезначимом научном понимании исторического источника». Историк видит значение процедуры интерпретации в историческом исследовании следующим образом:

Всякий, кто стремится к познанию исторической действительности, почерпает свое знание о ней из источников (в широком смысле); но для того, чтобы *установить, знание о каком именно факте он может получить из данного источника* [здесь и далее выделено мной. — М. Р.], он должен понять его: в противном случае, он *не будет иметь достаточного основания для того, чтобы придавать своему представлению о факте объективное значение; не будучи уверенным в том, что именно он познает из данного источника, он не может быть уверенным и в том, что он не приписывает источнику продукта своей собственной фантазии*. С такой точки зрения историк, в сущности, приступает и к изучению различных видов источников: он пытается установить, например, остатки какого именно факта или предание о каком именно факте заключаются в данном источнике, что и становится возможным лишь при надлежащем его понимании¹.

В основе интерпретации исторического источника лежит принцип признания чужой одушевленности, историк исходит из понятия о единстве чужого сознания, которое объективируется в продукте культуры — историческом источнике:

...если припомнить <...> те принципы, которые лежат в основе понятия о собственно историческом объекте изучения, то <...> понимание источника станет еще более настоятельной потребностью историка: ведь приступая к изучению исторического материала, он уже исходит из признания того «чужого я», деятельности которого он приписывает возникновение данного источника, и из соответствующего понятия о последнем; следовательно, каждый исторический источник оказывается настолько сложным психическим продуктом отдельного лица или целого народа, что правильное понимание его дается не сразу: оно достигается путем его истолкования².

Смысл процедуры исторической интерпретации А.С. Лаппо-Данилевский определяет так:

Вообще, научно понимать исторический источник значит установить то объективно-данное психическое значение, которое истолкователь должен приписывать источнику, если он желает достигнуть поставленной себе научной цели его исторической интерпретации; но, в сущности, истолкователь может придавать объективно-данное психическое значение своему источнику лишь в том случае, *если он имеет основание утверждать, что*

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 64.

² Там же.

он приписывает ему то самое значение, которое творец (автор) придавал своему произведению [выделено мной. — М. Р.]¹.

В этой части мы не можем полностью согласиться с рассуждениями А.С. Лаппо-Данилевского. Его понимание смысла интерпретации находится в контексте гуманитарного знания, еще не освоившего в полной мере идеи З. Фрейда (1856–1939), который показал, что в структуре психики есть область бессознательного. По этой причине авторское понимание произведения не может быть наиболее полным и точным, поскольку автор, как правило, не рефлексировывает «давление культуры», не способен элиминировать свое бессознательное. Соответственно, мы не можем ориентироваться на сформулированный А.С. Лаппо-Данилевским идеал интерпретации, хотя историк и осознает его недостижимость:

Идеальная интерпретация источника, разумеется, состояла бы в том, чтобы истолкователь достиг такого состояния сознания, при котором он мог бы самопроизвольно обнаружить его в произведении, тождественном с данным, и при котором он, значит, мог бы понимать его, как свое собственное; но, ввиду того понятия об интерпретации, которое дано было выше, легко заметить, что она не может претендовать на абсолютную точность всех своих заключений: исходя из гипотезы о чужой одушевленности и далеко не всегда располагая всеми объективными признаками, при помощи которых она могла бы квалифицировать ее проявления, интерпретация источника дает лишь более или менее приблизительное его понимание, да и степень такой приближенности далеко не всегда можно установить с надлежащею точностью².

В настоящее время мы не только ощущаем утопичность идеальной интерпретации по Лаппо-Данилевскому, но и владеем методами, позволяющими достичь более глубокого и точного понимания произведения культуры, чем авторское³. Но надо отметить, что А.С. Лаппо-Данилевский вплотную подошел к постановке этой проблемы: анализируя один из методов интерпретации — психологический, — он замечает:

...при помощи индивидуализирующей интерпретации историк пытается проникнуть в тайники личного творчества автора и даже хочет, в известном смысле, по возможности лучше его самого понять его произведение. Такая цель, правда, может показаться недостижимой, особенно если припомнить, что интерпретация приводит лишь к приближенным выводам; но если иметь в виду, что сам автор часто творит, не отдавая себе ясного отчета в акте своего творчества, и далеко не всегда сознает посторонние влияния,

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 65.

² Там же. С. 66.

³ См. гл. 3, ч. II наст. разд.

налагающие, однако, свой отпечаток на его произведение, и что, по объективировании творчества в последнем, некоторые из его особенностей могут обозначиться гораздо яснее, то и вышеуказанная претензия не окажется чрезмерной: в известном смысле истолкователь может лучше самого автора приблизиться к пониманию некоторых сторон его произведения¹.

А.С. Лаппо-Данилевский предлагает четыре метода интерпретации: *психологический, технический, типизирующий и индивидуализирующий*, акцентируя внимание на их взаимосвязи и взаимодействии.

Историк-методолог подчеркивает, что исторический источник — это уже результат психологической интерпретации: историк опознает «материальный образ объекта» как «реализованный продукт человеческой психики»:

...с познавательной точки зрения можно сказать, что собственно историческая интерпретация начинается с психологического истолкования источника: если бы историк не исходил, хотя бы инстинктивно, из предпосылки о существовании «чужого я» и его одушевленности, единообразной с его собственной, если бы он не выводил из нее, что носитель ее сознательно породил объект, доступный его чувственному восприятию и обладающий известными признаками, он не мог бы назвать такой продукт историческим источником и подвергнуть его собственно исторической интерпретации².

В размышлении о психологической интерпретации явно проступает феноменологическая составляющая рассматриваемой концепции. А.С. Лаппо-Данилевский утверждает, что психологическая интерпретация начинается с установления реального объекта, общего для автора (творца) исторического источника и историка. Казалось бы, здесь нет проблемы: исторический источник доступен чувственному восприятию историка, в противном случае он не мог бы служить в качестве такового. Но А.С. Лаппо-Данилевский подмечает в этой познавательной ситуации некую опасность. Он пишет:

В таком рассуждении <...> понятие об объекте смешивается с понятием о данной вещи: предмете, письменном знаке и т.п.; сама по себе взятая, она, действительно, всегда оказывается общей и автору, и историку; но с познавательной точки зрения, *всякая вещь доступна каждому из них только в виде представления о ней; а представление о ней или материальный образ источника, в сущности, часто бывает весьма сложным построением* [выделено мной. — М. Р.] и историк может усмотреть в нем не тот или не совсем тот материальный образ, с которым автор ассоциировал свою мысль. Только тогда, когда объект, в смысле представления о данном материальном образе, оказывается действительно общим и автору, и историку, последний может установить и то психическое значение, с которым он ассоциировался у автора³.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 138–139.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 75.

Еще одна опасность, которая, по мнению А.С. Лаппо-Данилевского, существует при психологической интерпретации, — подменить собственной системой ассоциаций то состояние сознания, которое автор исторического источника ассоциировал с его материальным образом. Историк-методолог тщательно разрабатывает те аналитические и синтетические процедуры, которые позволяют избежать эти опасности и приблизиться к пониманию автора исторического источника.

Особое значение А.С. Лаппо-Данилевский придает телеологической интерпретации, т.е. пониманию исторического источника с точки зрения целеполагания его автора:

...так как всякий источник — реализованный продукт человеческой психики, то историк может сказать, что такой самостоятельный продукт (поскольку он обладает характерными особенностями, отличающими его от произведения природы) вместе с тем оказывается результатом целеполагающей деятельности человека или намеренным его продуктом: он признает самый элементарный источник — какую-нибудь простейшую поделку из кремня или какие-нибудь «черты и резы» уже продуктами преднамеренной деятельности человека; с такой точки зрения он и стремится точнее установить его смысл и истолковывает те, а не иные особенности продукта¹.

На этот аспект в рассуждениях А.С. Лаппо-Данилевского стоит обратить особое внимание, поскольку он будет востребован при дальнейшей разработке источниковедческой концепции в середине XX в.

Психологическая интерпретация имеет базовое значение в исследовании исторического источника. Если бы психика историка была тождественна психике автора (творца) исторического источника, полагает А.С. Лаппо-Данилевский, можно было бы в понимании исторического источника ограничиться психологической интерпретацией. Но поскольку этого утверждать невозможно, необходимо дополнить психологическое понимание другими методами интерпретации, что позволит достичь более полного исторического понимания.

Техническая интерпретация применима преимущественно к остаткам культуры. Она, с одной стороны, обусловлена психологической, а с другой — дополняет ее. Анализ технических средств, которыми автор воспользовался для реализации своей идеи, заложенной в историческом источнике при его создании, позволяет лучше понять смысл и назначение произведения.

Далее следуют *типизирующая* и *индивидуализирующая* интерпретации. Типизирующий метод позволяет истолковать исторический источник с исторической точки зрения, поскольку нацелен на понимание исторического источника в контексте породившей его культуры. А.С. Лаппо-Данилевский замечает, что культурный контекст, в который помещается исторический источник, может быть более или менее обширным: в зависимости от целей исследования

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 79.

учитывается либо тип культуры, либо конкретная историко-культурная ситуация. Но в любом случае важно осмысливать культурный контекст в двух измерениях — по горизонтали и по вертикали:

Понятие о той культуре, к которой источник относится, получает, однако, различные значения, смотря по тому, представлять ли ее себе в виде некоей системы ее элементов или в виде некоей стадии ее эволюции, т.е. принимать ли во внимание «состояние культуры» или «период культуры» для истолкования источника; значит, можно различать и два вида типизирующей интерпретации источника: систематическую и эволюционную.

<...> благодаря типизирующему методу интерпретации историк получает возможность с систематической или эволюционной точки зрения выяснить те родовые признаки источника, которые объясняются реальной его зависимостью от среды, т.е. от данного состояния или периода культуры...¹

А.С. Лаппо-Данилевский рассматривает систематическую и эволюционную интерпретацию, анализируя множество разнообразных исследовательских ситуаций.

Выше мы уже обращали внимание на важность сопоставления баденского и русского неокантианства для понимания путей развития европейской и русской (советской) исторической науки в XX в. Здесь же отметим схожесть рассуждений А.С. Лаппо-Данилевского и Г. Риккерта, который также писал о необходимости экспликации культурного контекста и о подвижности его границ. Немецкий философ расценивал внимание к культурному контексту как атрибут научного знания:

Донаучное индивидуализирование часто вырывает свои объекты из окружающей их среды, отграничивая их друг от друга и тем самым *изолируя* [здесь и далее выделено автором. — М. Р.] их. Изолированное, однако, никогда не бывает предметом научного интереса, и нет ничего неправильнее, чем отождествлять индивидуализирующий метод с простым сопоставлением изолированных фактов <...>. История, наоборот, стремится подобно генерализирующим наукам, понять все в известной *связи*. В чем, однако, заключается *историческая связь*? Историческая связь всякого исторического объекта имеет, так сказать, два измерения, которые можно было бы назвать измерениями широты и долготы, т.е., во-первых, история должна установить отношения, связывающие объект *с окружающей его средой*, и, во-вторых, проследить от начала до конца в их взаимной связи различные стадии, последовательно проходимые объектом, или, иначе говоря, изучить его развитие. Конечно, изображенный таким образом объект является сам опять-таки частью более широкой окружающей среды и более долгого *развития*, и то же самое можно сказать и об этой более обширной связи, так что в конце концов получается ряд двух измерений, который в пределе

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 112, 137.

приводит нас к последнему историческому целому. Во всяком специальном историческом исследовании прекращение поисков исторической связи зависит от *выбора* темы. Здесь для нас лишь важно пока твердо установить понятие исторической связи вообще, понимаемой нами как известный *ряд развития*, имеющий различные связанные между собою стадии, связанные также с окружающей его средой¹.

Мы видим, что Г. Риккерт оперирует понятием «объект», не конкретизируя его. Принципиальное различие концепций двух методологов заключается в том, что А.С. Лаппо-Данилевский пишет об интерпретации исторического источника, а Г. Риккерт — о включении в контекст уже имеющихся (полученных наукой раньше) сингулярных (единичных) исторических фактов.

Совершенно очевидно, что типизирующего метода интерпретации недостаточно; поскольку исторический источник — произведение автора (творца), необходима *индивидуализирующая интерпретация*. При рассмотрении этого метода А.С. Лаппо-Данилевский уделяет особое внимание личности автора (равно и так называемому коллективному автору) исторического источника:

При истолковании источника нельзя упускать из виду личность, которая породила его и запечатлела в нем индивидуальные особенности своего творчества; но в той мере, в какой всякий исторический источник признается продуктом более или менее цельной индивидуальности, он нуждается в особом рода интерпретации — индивидуализирующей: без такого метода легко просмотреть или ложно истолковать наиболее характерные особенности источника, в силу которых он и получил, однако, свое историческое значение².

В историческом исследовании разные методы интерпретации выступают в разнообразных сочетаниях и комбинациях, которые зависят как от исследовательских задач, так и от особенностей исследуемого объекта — исторического источника.

Критика исторических источников

А.С. Лаппо-Данилевский подчеркивает, что понимание исторического источника, достигаемое путем его интерпретации, не снимает задачу критики. Однако он против того, чтобы придавать критике чрезмерное значение или даже сводить методологию источниковедения к учению о критике исторических источников, как, на взгляд русского историка-методолога, поступали его предшественники, сводя при этом критику по преимуществу к техническим приемам. Функции интерпретации и критики как двух источниковедческих процедур А.С. Лаппо-Данилевский разграничивает следующим образом:

...интерпретация стремится установить только то именно значение источника, которое автор придавал ему, а не то, какое источник действительно

¹ Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: пер. с нем. М., 1998. С. 147–148.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 137.

имеет для познания исторического факта, сведения о котором почерпаются из источника: она дает возможность, например, одинаково войти в мировоззрение или отдельное показание данного автора, будет ли оно истинным или ложным, и предоставляет критике решить вопрос, можно ли воспользоваться таким пониманием для построения той именно действительности, которая имеет историческое значение¹.

В ряде случаев процедура источниковедческой критики необходимо предшествует интерпретации:

...индивидуализирующий метод интерпретации находится в довольно тесной связи с критикой источника. В самом деле, для того, чтобы исходить из личности автора и таким образом объяснять его произведение, надобно знать, что последнее действительно принадлежит данному автору, а не другому лицу, а это уже входит в задачи исторической критики источника, его подлинности или неподлинности; вместе с тем индивидуализирующая интерпретация задается целью выяснить, что именно данный автор хотел высказать в своем произведении; но, если иметь в виду, что он хотел сказать правду или хотел солгать, решение такой задачи окажется в зависимости от критической оценки источника, а именно от критики достоверности или недостоверности его показаний².

В теоретической разработке понятия «историческая критика источников» А.С. Лаппо-Данилевский стоит на позиции неокантианства, определяя критику как «теоретическое отнесение данного объекта к общезначимой ценности, а не чисто утилитарную или произвольно-субъективную его оценку». Таким образом, он (как и Г. Риккерт) разграничивает понятия ценности и оценки, что современные историки делают не всегда. Научная критика устанавливает ценность объекта с точки зрения истины, соответственно историческая критика устанавливает научную ценность исторического источника, тем самым решая важнейшую задачу источниковедения:

Методология источниковедения стремится выяснить критерии, на основании которых историк может утверждать действительное существование того факта, которым он интересуется; но историческая критика преследует такую задачу с иной точки зрения, чем интерпретация: историк-критик входит в оценку научного значения источника, поскольку, на основании сообщаемых им данных, он получает право утверждать, что этот факт действительно был, вместо того, чтобы, подобно историку-истолкователю, стремиться только понять, какой именно факт мог бы быть восстановлен на основании данного источника. Историческая критика, значит, определяет научную ценность источника для построения действительности, что она и может сделать только путем отнесения его к научной ценности,

¹ Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории...* Т. 2. С. 155.

² Там же. С. 145.

называемой «фактической» истиной; с такой точки зрения историк стремится установить, в какой мере данный источник может служить для познания действительности, а не только желает уразуметь его содержание¹.

А.С. Лаппо-Данилевский выделяет две разновидности исторической критики, различая их по познавательным целям:

...источник может иметь научно-историческую ценность в двояком смысле: в качестве исторического факта или в качестве показания об историческом факте. С такой точки зрения можно различать и два рода критики: критику, устанавливающую научно-историческую ценность источника как факта, и критику, устанавливающую научно-историческую ценность показаний источника о факте².

Как можно заметить, речь идет об установлении подлинности исторического источника и оценке достоверности его информации. Эти понятия А.С. Лаппо-Данилевский трактует так:

Понятие о подлинности источника можно формулировать следующим образом: если историк имеет основание утверждать, что действительный источник есть тот самый факт, каким этот источник представляется ему, он и признает его подлинным. В самом деле, утверждая, что источник есть действительно тот самый факт, каковым этот источник представляется ему, историк признает, что автор его есть действительно то самое лицо (единичное или коллективное), которым он представляется; что этот источник действительно возник в то время и в том месте, которые в нем означены; что этот источник действительно сохранил ту самую форму и то самое содержание, какие он получил при своем появлении; что этот источник действительно имел то самое значение, какое он сам себе приписывает, хотя бы, например, значение оригинала, а не копии, и т.п. На основании таких суждений историк и приходит к заключению, что данный источник — подлинный³.

<...> историк приписывает достоверность источнику, если он может отнести его показания к фактической истине; и, наоборот, он приписывает ему недостоверность, если он не может отнести его показания к такой истине. Следовательно, историк признает источник достоверным, если он на основании его показаний о факте может научно судить о том же факте, как если бы он сам испытал или не испытал его в своем чувственном восприятии; и наоборот, он считает источник недостоверным, если на основании его показаний он не может судить о таком факте в вышеуказанном смысле⁴.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 159–160.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 169.

⁴ Там же. С. 242–243.

А.С. Лаппо-Данилевский разъясняет отличие его подхода к определению понятия «достоверность исторического источника» от устоявшейся к тому времени в науке точки зрения позитивизма:

Понятие о достоверности или недостоверности источника формулировано мною с той теоретико-познавательной точки зрения, которая уже была обоснована выше: но оно может показаться слишком сложным, например, приверженцу позитивизма. С точки зрения последнего, пожалуй, проще всего было бы определить понятие о достоверности или недостоверности источника в смысле «соответствия или несоответствия его показаний с действительностью». Такое определение едва ли можно, однако, признать удовлетворительным: ведь всякий, кто «судит» о действительности, в сущности имеет дело со своим представлением о действительности, т.е. с построением ее, хотя бы и очень элементарным, а не с действительностью, самой по себе взятой в ее целостности¹.

А.С. Лаппо-Данилевский анализирует множество факторов, влияющих на достоверность исторического источника, и, как и при изучении процедуры интерпретации, рассматривает разнообразные исследовательские ситуации. В завершение своего исследования историк соотносит базовые источниковедческие процедуры с двумя выделенными при классификации (систематизации) видами исторических источников:

Ввиду того, что остаток культуры оказывается лишь частью бывшего факта и, собственно говоря, как таковой часто не предназначается для потомства, он более нуждается в интерпретации, чем в критике; но, в случае его подлинности, он уже тем самым имеет и достоверность: в подлинном остатке культуры чувствуется остаток прошлой жизни; он дает историку представление хотя бы о части действительно бывшего, а не его построение. Историческое предание, напротив, составляет ввиду потомства, с тем намерением, чтобы быть понятным последующим поколениям, и с такой точки зрения легче понимается, что важно и для интерпретации остатка культуры, но в большей мере требует критики показаний о факте².

Исходя из источниковедческой концепции, А.С. Лаппо-Данилевский афористично определяет смысл исторического познания:

Итак, без исторических источников нельзя конструировать историю человечества, о которой можно узнать только из них: ведь прошлое развитие человечества в его полноте не существует в настоящем: оно известно только по более или менее явным следам, какие оно оставляет в настоящем; последние доступны непосредственному научному исследованию

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 243.

² Там же. С. 377.

в исторических источниках. С такой точки зрения можно, пожалуй, сказать, что *история есть научная гипотеза, при помощи которой мы объясняем эмпирически данные исторические источники* [выделено мной. — М. Р.]; гипотеза подобного рода возникает применительно к тем источникам, которые объясняются ею, и наоборот, те теории, которые не соответствуют источникам и не оправдываются ими, исключаются из истории: они не могут служить для ее построения¹.

Эпистемологические поиски А.С. Лаппо-Данилевского в целом шли в русле европейской традиции. Но он создает собственную теорию интерпретации исторического источника, выводящую к точному историческому знанию через фиксацию целостности культуры в системе оставшихся от нее исторических источников. Современное понимание этого подхода наиболее емко сформулировала О.М. Медушевская:

Методология истории (любого гуманитарного исследования, по сути) Лаппо-Данилевского цельна и поэтому, как всякая хорошая теория, проста в общем ее изложении: реально существуют фрагменты реальности («доступные чувственному восприятию»), изначальная системность мирового целого и человеческой деятельности в нем позволяют отыскать в этих фрагментах следы их системного качества, выявить их во всей возможной полноте (методология источниковедения); эмпирические фрагменты выступают на свет как явления, феномен культуры. Тогда наступает время синтеза культуры: если в ней стал возможен подобный (данный) феномен, то возможно логически выстроить и само целое культуры (методология исторического построения)².

Сознательно ограничив рассмотрение истории источниковедения проблемами теории и метода, представленными в методологических трудах, мы все же не можем не упомянуть русских историков, посвятивших свои исследования отдельным группам исторических источников и при этом обогативших и теорию источниковедения. Это, в первую очередь, Алексей Александрович Шахматов (1864–1920), который разработал оригинальный метод текстологического и источниковедческого исследования важнейшего вида источников русской истории — летописей, основанный на восприятии летописи как целостного произведения, а не механического соединения разнородных записей, и создал целостную картину древнерусского летописания («Общерусские летописные своды XIV–XV веков», 1900–1901; «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», 1908).

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 367–368.

² Медушевская О.М. Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. Т. 2 (120). С. 108.

Существенный интерес с точки зрения исследовательской практики источниковедения представляют написанные во многом с позитивистских позиций работы В.О. Ключевского (1841–1911) «Сказания иностранцев о Московском государстве» (М., 1866), «Древнерусские жития святых как исторический источник» (М., 1871), лекционный курс «Источники русской истории» (1888–1891), где он дает обзор исторических источников и излагает основные приемы их критики, а также труд ученика К.Н. Бестужева-Рюмина С.Ф. Платонова (1860–1933) «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник» (СПб., 1888).

3

глава

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В XX ВЕКЕ

3.1

НАУКА ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ В ЕВРОПЕЙСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ. КРИТИКА ПОЗИТИВИЗМА

В европейской исторической науке развитие науки об исторических источниках происходило весьма противоречиво. Новая историческая наука, становление которой связано со школой «Анналов»¹, была нацелена на расширение проблематики исторической науки, создание «тотальной истории», предмет которой — экономические, социальные, культурные структуры. Становление новых подходов сопровождалось критикой позитивизма, в частности сложившихся в методологии позитивизма способов изучения исторических источников и обращения с их информацией.

Говоря о методологии истории позитивизма, мы уже приводили высказывание Л. Февра, отмечавшего эффективность позитивистской формулы Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Историю изучают при помощи текстов», однако, если мы продолжим цитату, то увидим, что эта формула уже не удовлетворяет новую историческую науку. Л. Февр ратует за расширение источниковой основы исторического познания:

Но если вдуматься, формула эта представляется опасной: она как бы противостояла общему направлению различных, но действующих заодно гуманитарных дисциплин. Она предполагала тесную связь между историей и письменностью — и это в тот самый момент, когда ученые, занимавшиеся

¹ Школа «Анналов» — научное направление, сформировавшееся во Франции и консолидированное вокруг созданного М. Блоком и Л. Февром в 1929 г. журнала «Анналы экономической и социальной истории».

исследованиями доисторического периода, — как показатель само это название! — старались восстановить без помощи текстов самую пространную из глав человеческой истории. Рождалась экономическая история, которая с самого начала хотела быть историей человеческого труда, но можно ли изучать эту историю труда <...> на основании одних только бумаг или папирусов, не имея понятия о развитии техники? Рождалась гуманитарная география; она привлекала внимание молодых ученых, тотчас же обращавшихся к реальным и конкретным исследованиям, благодаря которым в затхлую атмосферу аудиторий словно бы вторгались небеса и воды, леса и деревни — словом, вся живая природа. «Историю изучают при помощи текстов» — достаточно принять эту формулу, чтобы разом покончить с тщательным наблюдением над различными ландшафтами, с тонким пониманием ближних и дальних географических связей, с изучением следов, оставленных на очеловеченной земле упорным трудом многих поколений, начиная с людей эпохи неолита, которые, отделяя то, что должно остаться лесом, от того, чему суждено превратиться в пашню, устанавливали на грядущие времена первые исторически известные типы первобытных человеческих организаций¹.

В рецензии на работу Ш. Сеньобоса и П.Н. Милюкова «История России» Л. Февр, не без иронии рисуя образ историка-эрудита, резко критикует так называемую событийную историю, т.е. историю факта, на конструирование которого и была по преимуществу направлена позитивистская источниковедческая критика:

«За неимением событий». Значит, вы призываете нас отождествить «историю» с «событием»? Важно восседая на исполинской гряде бумаги, сделанной из древесных опилок и замаранной анилиновыми красками, которые уже успели выцвести всего за какой-нибудь десяток лет, — восседая на этой гряде, именуемой вашей «документацией», вы заявляете: «История целых десяти веков непознаваема!» Нет уж, извините! Познать ее можно, да еще как можно! Это известно всем, кто ею занимается, *кто стремится не просто переписывать источники, а воссоздавать прошлое* [выделено мной. — М. Р.], прибегая для этого к помощи смежных дисциплин, подкрепляющих и дополняющих одна другую; ваш долг историка в том и состоит, чтобы поддерживать, всемерно развивать и закреплять их совместные усилия; а тем, кто высокомерно цедит сквозь зубы: «Здесь ничего не попишешь...», не удастся оправдать подобными отговорками свою явную лень и достойную всяческого сожаления близорукость...²

¹ Февр Л. Суд совести истории и историка // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 11–12. (Статья написана в 1933 г.)

² Февр Л. История современной России: За синтез против «картинной истории» // Там же. С. 63. (Статья написана в 1933 г.)

Но, с другой стороны, соратник Л. Февра по новой исторической науке М. Блок (1886–1944), размышляя непосредственно о «ремесле историка», акцентировал внимание на ограничении возможностей историка состоянием источников:

Дело в том, что разведчики прошлого — люди не вполне свободные. Их тиран — прошлое. Оно запрещает им узнавать о нем что-либо, кроме того, что оно само, намеренное или ненамеренно, им открывает. Мы никогда не сумеем дать статистику цен в мерovingскую эпоху, так как ни один документ не отразил эти цены с достаточной полнотой. Мы также никогда не проникнем в образ мыслей людей Европы XI в. в такой же мере, как в мышление современников Паскаля или Вольтера; ведь от тех не сохранилось ни частных писем, ни исповедей, и лишь о некоторых из них мы знаем по плохим стилизованным биографиям. Из-за этого пробела немалая часть нашей истории неизбежно принимает несколько безжизненный облик истории мира без индивидуумов¹.

Л. Февр возвращается к критике «истории факта» в статье 1947 г.:

Вы собираете факты. С этой целью вы отправляетесь в архивы. В кладовые фактов. Туда, где стоит лишь нагнуться, чтобы набрать их полную охапку. Затем вы хорошенько стряхиваете с них пыль. Кладете к себе на стол. И начинаете заниматься тем, чем занимаются дети, складывающие из рассыпанных кубиков забавную картинку... Вот и все. История написана. Чего вам еще надо? Ничего. Разве что одного: понять, какова цель всей этой игры. Понять, зачем нужно заниматься историей. И стало быть, понять, что такое история.

Вы не хотите ответить на этот вопрос? Что ж, тогда я раскланиваюсь².

Самым доходчивым образом трансформацию исторического знания от позитивизма к новому пониманию смысла исторического познания в исторической науке XX в. описал английский историк, современник Л. Февра и М. Блока Робин Джордж Коллингвуд. В «Идее истории» он не менее иронично, чем Л. Февр, определяет метод обращения с историческими источниками историка-позитивиста:

Историю, конструируемую с помощью отбора и комбинирования свидетельств различных авторитетов, я называю историей ножниц и клея <...>. Если история означает историю ножниц и клея, когда историк в своих познаниях зависит от имеющихся у него готовых высказываний, а тексты, содержащие эти высказывания, называются его источниками, то легко дать определение источника. Источник — это текст, содержащий высказывание или высказывания о данном предмете. Такое определение имеет известную

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: пер. с фр. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 35–36.

² Февр Л. Историзирующая история // Февр Л. Бой за историю... С. 70.

практическую ценность, потому что позволяет разделить всю существующую литературу, коль скоро историк определил область своих интересов, на тексты, которые могут служить ему источниками и потому должны рассматриваться, и тексты, которые не могут ему служить в этом качестве, и потому их можно игнорировать¹.

Стремясь преодолеть пережитки позитивизма в исторической науке, Р.Дж. Коллингвуд даже предлагает отказаться от понятия «исторический источник»:

Если история означает научную историю, то термин «источник» мы должны заменить термином «основание». Но если мы попытаемся определить «основание» в том же духе, что и «источник», мы столкнемся с большими трудностями².

В заключение Р.Дж. Коллингвуд раскрывает произошедшую трансформацию исторического знания через сравнение двух очень популярных литературных персонажей:

Историки ножиц и клея изучали периоды; они собирали все существующие свидетельства об ограниченной группе фактов, тщетно надеясь извлечь что-то ценное. Научные историки изучают проблемы — они ставят вопросы и, если они хорошие историки, задают такие вопросы, на которые можно получить ответ. Правильное понимание этой истины заставило Эркюля Пуаро выразить свое презрение к «людям-ищейкам», ползающим по полу в надежде подобрать что-нибудь такое, что может оказаться ключом к загадке преступления. Оно же побуждает его настаивать, хотя, на мой взгляд, и несколько утомительно, на том, что секрет работы детектива заключается в использовании «маленьких серых клеточек». Он имеет здесь в виду следующее: вы можете собрать основания для выводов только после того, как начнете мыслить, потому что мышление — к сведению логиков — означает постановку вопросов, и об основании логического вывода можно говорить только применительно к четко поставленному вопросу. Различие между Пуаро и Холмсом в этом плане весьма показательно. Оно демонстрирует нам глубокие изменения в понимании исторического метода, происшедшие за последние 40 лет³.

Постановка новых исследовательских проблем потребовала расширения источниковой базы исторической науки, более широкого вовлечения в исторические исследования источников иных типов, нежели письменные, — вещественных, аудиовизуальных, изобразительных, что, в свою очередь, повлекло за собой расширение междисциплинарных контактов исторической науки.

¹ Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 245, 264.

² Там же. С. 266.

³ Там же. С. 268.

Знаковой с этой точки зрения стала коллективная работа французских историков *Histoire et ses methods* (Paris, 1961), изданная под редакцией Ш. Самарана (1879–1980).

Мы видим, что критика сложившихся в историческом познании XIX в. подходов ограничивалась преимущественно сферой обращения с историческими фактами, «добытыми» из исторических источников путем их так называемой критики, но не затрагивала методы изучения самих исторических источников. Правда, на рубеже 1980–1990-х годов известный французский историк Жорж Дюби (1919–1996), обзревая развитие исторической науки во Франции во второй половине XX в., отметил в качестве новой тенденции нарастание интереса историков к «материалу» истории:

Вопреки установившемуся представлению у меня сложилось впечатление, что в современной французской историографии наиболее плодотворное и новаторское начало состоит не в обновлении проблематики, не в борьбе идей по вопросу о смысле истории и не в состязании различных исторических школ (как это было 30 лет назад). Новаторские тенденции связаны с самой скрытой частью нашей исследовательской работы, с нашей лабораторией, с методами обработки используемых материалов¹.

Примечательно, что Ж. Дюби оперирует понятием «материал». Аналогичным образом поступает польский историк-методолог Ежи Топольский (1928–1998), вводя вместо понятия «исторический источник» понятие «базовая информация», которая обеспечивает контакт историка с прошлой реальностью.

Наши наблюдения над состоянием европейской науки об исторических источниках в XX в. созвучны размышлениям современного польского историка и методолога Войцеха Вжосека, который специально исследовал этот вопрос и пришел к выводу:

Источниковедческая рефлексия обычно декретирует, чем является источник, предопределяя, *в силу очевидности, его познавательный смысл* [выделено мной. — М. Р.], или же замалчивает эту тему, представляет какую-нибудь дефиницию исторического источника и переходит к рассуждениям о том, как обращаться с его конкретными видами. Проблематика критики источника, которая доминирует в источниковедческом подходе, вскрывает *per fas et nefas*² [здесь и далее выделено автором. — М. Р.] роль, которую признает за ним в историческом познании или в историческом исследовании.

Этому привычному замалчиванию познавательных вопросов в источниковедческой рефлексии сопутствуют спонтанные попытки рассуждать не столько об *источнике* как таковом, сколько об *исторических источниках*. <...> данная перемена единственного числа на множественное обычно

¹ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории: культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991 С. 58.

² Правдами и неправдами (*лат.*).

указывает на отход от размышлений об источнике как таковом и подступ к источниковедческо-прагматической, эвристической, инструментальной проблематике.

Даже в историках эпистемологический смысл исторического источника, как правило, принимается как данность¹.

В то же время разделы об изучении исторических источников неизменно включаются в пропедевтические курсы исторического метода. Но такие курсы обычно были на уровне Ланглуа — Сеньобоса, «Введение в изучение истории» которых, по-видимому, так и осталось вершиной развития учения об исторических источниках в европейской методологии истории на протяжении всего XX в.²

Классика исторической пропедевтики — незавершенный труд М. Блока «Апология истории, или Ремесло историка» (1949)³, созданный в тяжелых условиях Второй мировой войны. М. Блок подробно рассматривает специфику «исторического наблюдения», исходя из того, что «в отличие от познания настоящего, познание прошлого всегда бывает “непрямым”»⁴. Однако французский историк подчеркивает:

Многие <...> следы прошлого <...> доступны прямому восприятию. Это почти все огромное количество неписанных свидетельств и даже большее число письменных <...>.

Однако материальные свидетельства — далеко не единственные, обладающие привилегией непосредственной доступности. И кремень, обточенный ремесленником каменного века, и особенность языка, и включенная в текст правовая норма, и зафиксированный в ритуальной книге или изображенный на стеле обряд — все это реальности, которые мы воспринимаем сами и толкуем с помощью чисто индивидуального умственного усилия. Здесь нет надобности призывать в качестве толмача ум другого <...>, вовсе неверно, будто историк обречен узнавать о том, что делается в его лаборатории, только с чужих слов. Да, он является уже тогда, когда опыт завершен. Но, если условия благоприятствуют, в результате опыта наверняка получится осадок, который вполне можно увидеть собственными глазами⁵.

Нельзя не отметить стремление М. Блока к расширению корпуса исторических источников и опровержению формулы Ланглуа — Сеньобоса. М. Блок, один из основоположников школы «Анналов», делает вывод:

¹ *Вжосек В.* Культура и историческая истина. М., 2012. С. 235–236.

² Отметим две пропедевтические работы, переведенные на русский язык: *Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка: пер. с англ. М., 2000 (первое изд.: 1984); *Про А.* Двенадцать уроков по истории / пер. с фр. Ю.В. Ткаченко. М., 2000 (первое изд.: 1996).

³ Книга написана в 1941–1942 гг. Рукопись была подготовлена к изданию Л. Февром.

⁴ *Блок М.* Апология истории... С. 30.

⁵ Там же. С. 32–33.

Разнообразие исторических свидетельств почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет, все, что он изговаривает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения¹.

Но дальше историк смещает акцент с уровня теории на уровень ремесла. Отталкиваясь от размышлений Ф. Симиана (1873–1935), М. Блок формулирует определение исторического источника:

Идет ли речь о костях, замурованных в сирийской крепости, или о слове, чья форма или употребление указывают на некий обычай, или о письменном рассказе очевидца какой-либо сценки из давних или новых времен, — что понимаем мы под словом «источник», если не «след», т.е. доступный нашим чувствам знак, оставленный феноменом, который сам по себе для нас недоступен? Не беда, если сам объект по природе своей недоступен для ощущения, как атом, чья траектория становится видимой в трубке Крукса², или если он под воздействием времени только теперь стал недоступным, как папоротник, истлевший за тысячелетия и оставивший отпечаток на куске каменного угля, или же церемонии, давно ушедшие в прошлое, которые изображены и комментированы на стенах египетских храмов. В обоих случаях процесс восстановления одинаков...³

Таким образом, нельзя не отметить внимание европейских историков к вопросам изучения исторических источников и оценки их информации, но преимущественно в связи с обучением ремеслу историка.

В целом же европейское историческое знание пошло по другому пути. Лингвистический поворот, связанный с неопозитивизмом и аналитической философией, повлек за собой внимание к историческому нарративу (А. Данто, Х. Уайт, П. Вен, Ф. Анкерсмит), но данная проблематика явно выходит за рамки истории источниковедения.

Осмысливая эту ситуацию, В. Вжосек замечает:

...проблема истины на уровне «исторического материала» не была решена эвристикой и герменевтикой, а была, в принципе, перенесена на уровень «конструкции», или в нашем понимании на уровень наррации <...>. Как результат, вопрос доступа к прошлой реальности разрешается предположением, что «исторический материал» (критически добытые из источников факты) нам предоставляет его лишь настолько, что *de facto* только историческая наррация имеет дело с вопросом истины. Доступ обеспечивается нам методикой обращения с источником⁴.

¹ Блок М. Апология истории... С. 39.

² Трубка Крукса — вакуумный прибор, изобретенный английским физиком У. Круксом (1832–1919); применялся для исследования электрических разрядов; в 1897 г. была использована английским физиком Дж.Дж. Томсоном (1856–1940), впоследствии нобелевским лауреатом (1906), для демонстрации существования электронов.

³ Блок М. Апология истории... С. 33–34.

⁴ Вжосек В. Культура и историческая истина... С. 238.

3.2

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СССР

Обновление проблематики исторической науки в новых социально-политических условиях стимулировало появление на рубеже 1920–1930-х годов нескольких работ по методам изучения истории, в которых выраженная идеологизация сочеталась с сохранявшимся еще профессионализмом в изучении истории. В этих работах существенное внимание уделялось вопросам эвристики и критики исторических источников¹. С 30-х годов XX в. основным центром изучения и преподавания источниковедения был созданный в 1930 г. Институт архивоведения (с 1932 г. — Московский государственный историко-архивный институт, с 1991 г. вошел в состав Российского государственного гуманитарного университета), что обусловлено выделением историко-архивоведения в отдельное направление, связанное преимущественно с обеспечением государственного управления, на фоне идеологизации исторического знания. В институте по мере возможности сохранялось и развивалось под руководством ученика А.С. Лаппо-Данилевского Александра Игнатьевича Андреева (1887–1959) феноменологическое направление источниковедения, разрабатывается видовая методика источниковедческого исследования, осмысливается интегрирующее значение источниковедения в системе гуманитарного знания (А.А. Зимин, В.В. Кабанов, С.М. Каштанов, Е.А. Луцкий, О.М. Медушевская, А.Т. Николаева, Л.В. Черепнин, М.Н. Черноморский, В.К. Яцунский)².

¹ Например: *Шестаков А.* Методика исторического исследования (из опыта для опытов). Воронеж: Коммуна, 1929; *Саар Г.П.* Источники и методы исторического исследования. Баку: АзГНИИ, 1930; *Быковский С.Н.* Методика исторического исследования. Л.: ГАИМК, 1931.

² О характере и масштабах этой работы дает представление серия учебных пособий, посвященных анализу отдельных видов исторических источников: *Мерзон А.Ц.* Воззвания, возникшие во время народных восстаний XVII в. М., 1955; *Его же.* Писцовые и переписные книги XV–XVII веков: учеб. пособие / отв. ред. А.Т. Николаева. М., 1956; *Черноморский М.Н.* Периодическая печать: учеб. пособие / отв. ред. В.Е. Полетаев. М., 1956; *Медушевская О.М.* Картографические источники XVII–XVIII вв.: учеб. пособие по источниковед. ист. СССР / отв. ред. В.К. Яцунский. М., 1957; *Мерзон А.Ц.* Таможенные книги XVII века: учеб. пособие / отв. ред. А.Т. Николаева. М., 1957; *Черноморский М.Н.* Статистические источники: учеб. пособие / отв. ред. В.Е. Полетаев. М., 1957; *Миронова И.А.* Прокламации и листовки России пореформенного периода: учеб. пособие / отв. ред. Н.П. Ерошкин. М., 1958; *Ее же.* Судебно-следственные материалы первой половины XIX века / отв. ред. А.Ц. Мерзон. М., 1958; *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV — первой половины XVII вв. / отв. ред. А.А. Зимин. М., 1959; *Зимин А.А.* Русская публицистика конца XV — XVII вв.: учеб. пособие по источниковедению истории СССР / отв. ред. А.Ц. Мерзон. М., 1959; *Медушевская О.М.* Воспоминания как источник по истории первой русской революции 1905–1907 гг.: пособие по источниковедению истории СССР / отв. ред.

В конце XX — начале XXI в. наиболее существенные достижения в теории источниковедения связаны с именем Ольги Михайловны Медушевской (1922–2007), непосредственной ученицы А.И. Андреева. О.М. Медушевская

М.Н. Черноморский. М., 1959; *Ее же*. Картографические источники первой половины XIX века: учеб. пособие по источниковед. ист. СССР / отв. ред. В.К. Яцунский. М., 1959; *Черноморский М.Н.* Мемуары как исторический источник: учеб. пособие / отв. ред. И.К. Додонов. М., 1959; *Зимин А.А.* Русские летописи и хронографы конца XV — XVI вв.: учеб. пособие / отв. ред. А.Ц. Мерзон. М., 1960; *Миронова И.А.* Законодательные памятники пореформенного периода (1861–1900 гг.): учеб. пособие / отв. ред. Н.П. Ерошкин. М., 1960; *Зимин А.А.* Законодательные памятники русского государства XV — начала XVII века: учеб. пособие / отв. ред. А.Ц. Мерзон. М., 1961; *Черноморский М.Н.* Работа с мемуарами при изучении истории КПСС. М.: Высшая школа, 1961 (2-е изд.: М., 1965); *Медушевская О.М.* Документы профессиональных союзов как источники по истории советского общества: пособие по источниковед. ист. СССР сов. периода / отв. ред. М.Н. Черноморский. М., 1962; *Миронова И.А.* Крестьянский вопрос в периодической печати периода подготовки реформы 1861 года (Методика анализа периодической печати): лекция / отв. ред. М.Н. Черноморский. М., 1962; *Евграфов Е.М.* Кинофотофонодокументы как исторический источник: учеб. пособие / отв. ред. М.Н. Черноморский. М., 1973; *Шмидт С.О., Князьков С.Е.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв.: учеб. пособие / отв. ред. Е.И. Каменцева. М., 1985; *Миронова И.А.* Методика изучения мемуаров XIX века: учеб. пособие / отв. ред. О.М. Медушевская. М., 1988.

Издан также ряд учебных пособий, посвященных теории и истории источниковедения: *Мерзон А.Ц.* Основные задачи критики исторических источников. М., 1958; *Николаева А.Т.* Краткий очерк развития источниковедения в XVIII в. / отв. ред. Е.А. Луцкий. М., 1962; *Николаева А.Т.* Вопросы историографии русского источниковедения XVIII — XX вв. М., 1970; *Ее же.* Теория и методика советского источниковедения: учеб. пособие для студентов заоч. фак. / отв. ред. О.М. Медушевская. М., 1975; *Ее же.* Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII–XX веков: учеб. пособие / отв. ред. О.М. Медушевская. М., 1976; *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения: учеб. пособие / отв. ред. А.Т. Николаева. М., 1977; *Медушевская О.М.* Современная буржуазная историография и вопросы источниковедения: учеб. пособие / отв. ред. А.Т. Николаева. М., 1979.

Кроме того, существуют учебные пособия концептуального и обобщающего характера: *Черноморский М.Н.* Источниковедение истории СССР (Советский период): учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1966 (2-е изд., испр. и доп. М., 1976); *Миронова И.А.* Источниковедение истории СССР XIX — нач. XX вв.: учеб. пособие для студентов-заочников / отв. ред. Е.А. Луцкий. М., 1975; *Медушевская О.М.* Современное зарубежное источниковедение: учеб. пособие для студ. ист. фак. М.: Высшая школа, 1983; *Ее же.* Источниковедение социалистических стран: учеб. пособие / отв. ред. А.Т. Николаева. М., 1985; *Ее же.* История источниковедения в XIX–XX вв.: учеб. пособие / отв. ред. Б.С. Илизаров. М., 1988; *Николаева А.Т.* Теория и методика источниковедения истории СССР: учеб. пособие / отв. ред. О.М. Медушевская. М., 1988; *Медушевская О.М.* Источниковедение: Теория, история и метод / отв. ред. М.Ф. Румянцев. М., 1996; *Кабанов В.В.* Источниковедение истории советского общества: курс лекций. М., 1997; *Источниковедение: Теория, история, метод. Источники российской истории: учебное пособие для гуманитарных специальностей / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцев. М., 1998 [переизд.: 2000, 2004]; Источниковедение: учеб.-метод. модуль. Программы курсов и планы семинарских занятий / сост. Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцев; отв. ред. О.М. Медушевская. М., 2004. (Я иду на занятия...); Источниковедение. Проблемные лекции: учеб.-метод. модуль / сост. Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцев; отв. ред. О.М. Медушевская. М., 2005. (Я иду на занятия...).*

на основе феноменологической теории источниковедения, восходящей к методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского, разработала концепцию когнитивной истории, базовое понятие которой — «эмпирическая реальность исторического мира»¹.

Значимая научно-педагогическая школа источниковедения, связанная с именем Михаила Николаевича Тихомирова (1893–1965), формируется в 1940-х годах в Московском государственном университете, где последовательно разрабатывается корпус источников русской истории².

В 1960–1970-х годах проблематика теории и истории источниковедения исследуется в Ростове-на-Дону (А.П. Пронштейн), в Томском государственном университете (Б.Г. Могильницкий; научная школа ТГУ быстро модифицировалась в собственно методологическую).

В 1970–1980-х годах под руководством И.Д. Ковальченко (1923–1995) в МГУ сформировалась научная школа количественных методов в исторических и источниковедческих исследованиях (Л.В. Милов; Л.И. Бородин).

Академическим центром источниковедческих исследований в 1930-е годы было Ленинградское отделение Института истории АН СССР (что связано с деятельностью учеников А.С. Лаппо-Данилевского С.Н. Валка и Б.А. Романова), а начиная с 1960-х годов такими центрами стали Институт истории СССР АН СССР (В.И. Буганов, В.А. Кучкин, Б.Г. Литвак, Н.М. Рогожин, А.К. Соколов, А.Г. Тартаковский), Археографическая комиссия (М.Н. Тихомиров, С.О. Шмидт) и ее издание «Археографический ежегодник» (с 1957 г.). Новый подъем интереса к теории источниковедения связан с публикацией сборника статей «Источниковедение: теоретические и методические проблемы» (под ред. С.О. Шмидта, 1969).

В 60–70-х годах XX в. сформировалось особое направление, в центре внимания которого находились теоретические проблемы источниковедения. Его отличает междисциплинарный подход (природа исторического источника рассматривается в трудах историков, исследователей истории науки и техники, философов, социологов, исследователей материальной культуры и др.). Характерно также применение сравнительного подхода при анализе проблем теории, истории и методов источниковедения

¹ Это понятие подробно рассматривается во второй части данного раздела, где речь пойдет о современной теории источниковедения. См.: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

² Это направление исследований реализовано в ряде учебных пособий для высшей школы: Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1962; Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973 (2-е изд.: 1981); Голиков А.Г., Круглова А.Т. Источниковедение отечественной истории. М.: РОССПЭН, 2000; Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. 5-е изд. М.: Академия, 2012.

(труды Г.М. Иванова, Б.Г. Литвака, О.М. Медушевской, А.Т. Николаевой, А.П. Пронштейна, Л.Н. Пушкарева, В.И. Стрельского, С.О. Шмидта и других ученых). В центре дискуссии — методы исторического исследования в их сравнительно-историческом развитии и в современном состоянии, природа исторического источника, соотношение источника и социальной реальности, диалектика субъективного и объективного в процессе социального познания.

ЧАСТЬ II
ТЕОРИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

1

глава

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Исторический источник — объективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения/понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэкзистенциальной составляющих.

Исторический источник — базовое понятие источниковедения. Понимание его природы обусловлено мировоззрением, философскими взглядами и парадигмальными пристрастиями исследователя и, в свою очередь, обуславливает цели и методы изучения исторического источника и включения его в историческое исследование.

1.1

ДВА ПОДХОДА К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК»

В исторической науке существует масса определений понятия «исторический источник». Мы рискнем свести все это богатое разнообразие к двум типам определений и покажем, что самоопределение в этой дихотомии жизненно значимо для гуманитария, поскольку не только выявляет его профессиональные приоритеты, эпистемологические установки и философские взгляды, но и фиксирует часто не рефлекслируемые мировоззренческие основания и этический выбор.

Первый тип определения понятия «исторический источник»: исторический источник — это все, откуда можно почерпнуть информацию о прошлом. Варианты этого определения: исторический источник — всякий объект..., всякий памятник прошлого... и т.п.

В советскую историческую науку это определение вошло (и продолжает функционировать в российской науке) в интерпретации С.О. Шмидта (1922–2013). Свой взгляд на проблему природы исторического источника он

сформулировал в 1969 г. в статье, опубликованной в знаменитом сборнике «Источниковедение: теоретические и методические проблемы»:

Имеется несколько точек зрения на этот счет, сводящихся по существу к двум: исторический источник — продукт человеческой деятельности и отражает эту деятельность; отражает реальные явления общественной жизни¹; исторический источник — это все то, откуда черпают сведения о прошлом [выделено мной. — М. Р.], т.е. не только отражение непосредственного исторического процесса, но и то, что помогает познать ход исторического процесса во всем его многообразии.

Такое более широкое понимание «исторического источника» охватывает не только результаты человеческой деятельности — «памятники прошлого», т.е. памятники материальной и духовной культуры, но и то, что способствует определению и объяснению человеческой деятельности, — и естественно-географическую среду в самом широком понимании этого термина (включая и залежи полезных ископаемых, и природные бедствия, например землетрясения и т.д., и явления на Солнце), и физико-психические свойства человека².

В дальнейшем С.О. Шмидт лишь уточнял формулировку, упрощая ее и акцентируя внимание на прагматическом (и, можно сказать, утилитарном) аспекте. Для сравнения приведем формулировку 1985 г.:

Применительно к задачам прикладного источниковедения можно ограничиться простой определенностью <...> и признать историческим источником всякое [разрядка автора. — М. Р.] явление, могущее быть использованным для познания прошлого человеческого общества, все, что может источать [sic! — М. Р.] историческую информацию (т.е. информацию исторического характера, полезную для работы историка)³.

Историк признает:

Словосочетание «исторический источник» допускает двойное понимание (и истолкование): источник исторической информации и источник исторического происхождения⁴.

¹ Мы здесь не рассматриваем концепцию познания как отражения, но для интересующихся: Румянцев М.Ф. Исторический источник в свете «теории отражения», или еще раз о том, «отражается» ли действительность в исторических источниках // История: электронный научно-образовательный журнал. ИВИ РАН. 2012, № 1 (9). [Электронный ресурс]. <http://history.jes.su/issue.2012.1.2.1-9> (дата обращения: 23.11.2014).

² Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 29.; То же // Шмидт С.О. Путь историка: избр. тр. по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 36.

³ Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 16. С. 7–8; То же // Шмидт С.О. Путь историка... С. 77. Невозможно оставить без комментария проводимое С.О. Шмидтом явно неоправданное деление источниковедения на прикладное и теоретическое. Такой подход ведет к отрыву теории от конкретного источниковедческого исследования, превращая первую в бесполезную «игру ума» и примитивизируя методологическую основу последнего.

⁴ Там же.

Но он применяет термин «исторический источник» в первом смысле, не проясняя соотношения первого и второго.

Не решает проблемы и предложенное Л.Н. Пушкаревым на основании тщательного анализа историографии и вошедшее в «Советскую историческую энциклопедию» определение явно паллиативного характера:

Исторические источники — все, непосредственно отражающее исторический процесс и дающее возможность изучать прошлое человеческого общества, т.е. все, созданное ранее человеческим обществом и дошедшее до наших дней в виде предметов материальной культуры, памятников письменности, идеологии, нравов, обычаев языка¹.

Ту же направленность сохраняет определение, вошедшее в энциклопедию «Отечественная история»:

Источники исторические, совокупность объектов, отражающих исторический процесс и свидетельствующих о прошлом человеческого общества².

Для того чтобы продемонстрировать устойчивость такого подхода к пониманию исторического источника, приведем еще один пример — определение, которое дает популярный интернет-ресурс «Википедия», весьма точно фиксирующий наиболее распространенные представления массового сознания:

Исторические источники — весь комплекс документов и предметов материальной культуры, непосредственно отразивших исторический процесс и запечатлевших отдельные факты и свершившиеся события, на основании которых воссоздается представление о той или иной исторической эпохе, выдвигаются гипотезы о причинах или последствиях, повлекших за собой те или иные исторические события³.

Сторонники подобных определений исторического источника для защиты своей позиции обычно выдвигают следующий аргумент: такое понимание исторического источника расширяет источниковую базу исследования за счет тех объектов (в том числе и природных), которые обычно выпадают из поля зрения историка. Подробно опровергать аргументацию такого рода нет нужды, поскольку это было сделано нашими предшественниками еще в XIX — начале XX в., что было продемонстрировано в первой части настоящего раздела учебного пособия. В дополнение приведем лишь рассуждение А.С. Лаппо-Данилевского, который писал:

¹ Пушкарев Л.Н. Источники исторические // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. Стб. 591.

² Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 406.

³ Исторические источники. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%F1%F2%EE%F0%E8%F7%E5%F1%EA%E8%E5_%E8%F1%F2%EE%F7%ED%E8%EA%E8 (дата обращения: 23.11.2014).

В самом деле, можно ли без всяких критериев пользоваться историческим источником и утверждать, что факт, восстановленный на его основании без предварительного его рассмотрения, действительно существовал? <...> достаточно здесь представить себе, пока хотя бы в самых общих чертах, что надо разуметь под историческим источником, для того, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно: в сущности, историк признает его психическим продуктом, т.е. продуктом человеческого творчества в широком смысле слова; с такой точки зрения, например, он различает какой-либо *ludus naturae* от каменной поделки, в которой запечатлелось хотя бы слабое проявление человеческого творчества, или бессмысленные знаки — от начертаний первобытной письменности и т.п.¹

Затем автор подробно аргументирует свою позицию, утверждая, что ...явления природы <...> могут служить источниками для научного знания естествоведа, но не историка; естествовед изучает их и заключает о возможности действия в прошлое время тех же факторов, которые действуют и на его глазах, а историк лишь пользуется выводами естествоведа для построения исторической действительности...²

Сложно не согласиться с А.С. Лаппо-Данилевским.

Хотя можно возразить, что А.С. Лаппо-Данилевский написал это 100 лет тому назад, в начале XX в., а становление новой исторической науки начиная с середины 1920-х годов потребовало существенного расширения источниковой базы исторической науки и пересмотра понятия «исторический источник», но напомним слова одного из основоположников нового подхода М. Блока:

Разнообразие исторических свидетельств почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет, что он изготавляет, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения³.

Обратим внимание на то, что анализируемый тип определения не указывает на какую-либо субстанцию, поскольку слово «все» вряд ли можно признать указанием на конкретную, обособленную группу объектов. «Все» — это местоимение, смысл же этой части речи в том, чтобы указывать на ранее определенный предмет. Кроме этого, такой способ определения понятия «исторический источник» противоречит принятому способу определения через подведение под более общее понятие и фиксацию особенностей данного класса объектов.

Вполне очевидно, что определения первого типа имеют утилитарный характер и оставляют без внимания природу исторического источника.

Второй тип определения понятия «исторический источник» лишен этих формально логических недостатков. Определение второго типа: историче-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 21.

² Там же. С. 32.

³ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: пер. с фр. 2-е изд. М., 1986. С. 39.

ский источник — объективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения/понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэксистенциальной составляющих. Именно это определение положено в основу концепции настоящего учебного пособия. Оно восходит к рассмотренной выше формулировке А.С. Лаппо-Данилевского: «...исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»¹. Для того чтобы осмыслить различие обозначенных подходов к определению понятия «исторический источник», рассмотрим их мировоззренческие, философские, этические различия и методологические следствия выбора одного из этих определений.

1.2

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ДВУХ ТИПОВ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПОНЯТИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК»

Постараемся для начала разграничить понятия «историческая реальность», «исторический источник», «историческое знание». Взаимосвязи в этой системе вполне понятны. Цель историка — добыть историческое знание. Историческое знание — это знание об исторической реальности. Посредником между историческим знанием и исторической реальностью служит исторический источник.

Исторический источник инвариантен. Если не принимать во внимание возможные механические повреждения (от пожаров, сырости, грызунов и т.п.), то исторический источник остается неизменным и доступным в том же виде для внимания все новых поколений исследователей. Историческое знание поливариантно. Несмотря на упорное желание значительной части социума практически во все времена получить историческое знание раз и навсегда, иметь его в правильном и неизменном виде, вся историографическая практика опровергает возможность достижения этой, быть может, и благородной, но весьма сомнительной цели. А историческая реальность инвариантна или поливариантна? Еще совсем недавно значительная часть практически любой аудитории при ответе на этот вопрос настаивала на инвариантности исторической реальности. И только в самое последнее время некоторые студенты начали серьезно задумываться при ответе на этот вопрос: по крайней мере, ответ перестал казаться столь очевидным, что, по-видимому, свидетельствует об определенных ментальных сдвигах, о начале преодоления нововременных картезианских мыслительных стереотипов.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 38.

Мы не возьмемся ответить однозначно на вопрос об инвариантности или поливариантности исторической реальности, отнеся его к разряду философских, т.е. не имеющих «правильного» ответа. Но беремся утверждать, что в глубинах сознания (а может быть, и подсознания) любого историка (и вообще любого человека) укоренен определенный вариант ответа, который зависит от его мировоззрения. Склонение к одному из вариантов влияет на исследовательскую стратегию профессионального историка.

По-видимому, значительная часть народонаселения по-прежнему убеждена, что историческая реальность инвариантна: прошлое уже прошло, вмешаться в него, что-то изменить нельзя. Какая исследовательская стратегия следует из этой убежденности? Очевидно, что в таком случае задача историка — установить, «как было на самом деле». Историк должен последовательно выявлять, накапливать достоверные исторические факты с тем, чтобы картина исторической реальности становилась все более и более полной. Такой подход предполагает кумулятивную модель развития науки. Тезис об устарелости подобных представлений мы здесь повторять не будем. Приведем иные контраргументы.

Во-первых, если спросить современного историка — того, кто, практически не задумываясь, настаивает на инвариантности исторической реальности, — должно ли существовать единственно правильное объяснение в истории или по крайней мере более правильное, чем иные, то он, скорее всего (в духе времени), начнет говорить о множественности рядоположенных равноценных объяснительных моделей, как правило, не замечая некоторой несогласованности этих двух утверждений.

Во-вторых, симптоматичен способ решения проблемы верификации или, в этом случае, проблемы достоверности полученного знания об исторической реальности. Такой историк обычно считает достоверным то знание, которое соответствует объективной реальности, не замечая при этом, что, рассуждая об объективной реальности исторического прошлого, он фактически размышляет о своих представлениях о ней, которые он почему-то считает соответствующими «объективной реальности». Постоянно существует опасность подмены своей подразумеваемой локализации в сфере исторической реальности локализацией в сфере исторического знания.

В-третьих, если мы примем заявленную позицию инвариантности исторической реальности и представим себе, что нам удалось реализовать идеальную задачу исторического познания — наиболее полно и объективно описать эту реальность, то мы вынуждены будем признать, что воспроизведенная нами «историческая реальность» принципиально не исторична. Если мы попытаемся без философских претензий дать самый простой ответ на вопрос о том, что изучает история, то, скорее всего, придем к заключению, что история изучает жизнь людей прошлого. Жизнь эта состояла как из стереотипных, традиционных проявлений, так и из принятия решений и осознанных действий для достижения поставленных целей. Но и тот и другой варианты

предполагают ориентацию человека не в объективном мире, воссозданном для него спустя несколько столетий потомком-историком, но в жизненном мире, в его субъективной, воспринимаемой им реальности. Если мы соотнесем приведенное рассуждение с определением исторического источника, то увидим, что оно вполне релевантно первому типу определения, поскольку эта дефиниция нацеливает историка именно на воссоздание «объективной исторической реальности» с помощью любых подручных средств.

Если же за аксиому наших рассуждений о природе и целях исторического познания мы примем «жизненный мир» человека прошлого, его субъективную реальность, то вполне логично рассматривать исторический источник как результат творческой активности человека в определенном социокультурном контексте. В этом случае мы вынуждены признать, что первая наша задача — понять человека прошлого, и это заставляет нас отказаться даже теоретически от возможности получить знание о прошлом раз и навсегда хотя бы потому, что в процессе понимания всегда две стороны, одна из которых постоянно меняется. Не будем сейчас подробно разбирать этот тезис, поскольку его анализ явно выходит за дисциплинарные рамки источниковедения. Но отметим, что этот подход гораздо лучше согласуется с историей исторического знания, поскольку весь историографический опыт свидетельствует о неизбежности переписывания истории каждым новым поколением. Подчеркнем, что такое переписывание не нуждается в моральных оценках в системе координат «хорошо/плохо». Это не хорошо и не плохо, это нормально.

Если при сравнении двух типов определения понятия «исторический источник» с уровня «здорового смысла» перейти на философско-мировоззренческий уровень, то очевидно, что граница пройдет по демаркационной линии между классической и неклассической философией, т.е. на рубеже первой и второй трети XIX в. К классической философии (классическому типу рациональности) с ее поисками абсолютной субстанции тяготеет определение исторического источника, нацеливающее на поиск такой субстанции в историческом прошлом. Неклассическая философия (неклассический тип рациональности) с ее вниманием к жизненному миру человека — реального человека, а не универсального познающего субъекта, — вполне корреспондирует с пониманием исторического источника в соотнесении с этим жизненным миром.

Почему же при очевидной устарелости, несоответствии познавательной практике не только XXI, но и XX в. первый тип определения понятия «исторический источник» столь устойчив? Очевидно, ответ надо искать в сферах психологической и морально-этической. Почти 100 лет тому назад, в 1910-х годах, Н.И. Кареев¹, пытаясь не столько ответить, сколько уйти от ответа на вопрос о том, зачем нужна история, писал:

¹ О взглядах Н.И. Кареева на исторический источник и методы источниковедческой работы см. гл. 1, ч. I наст. разд.

Задача истории — не в том, чтобы открывать какие-либо законы (на то есть социология) или давать практические наставления (это дело политики), а в том, чтобы изучать конкретное прошлое без какого бы то ни было попользования предсказывать будущее, как бы изучение прошлого и ни помогало в иных случаях предвидению того, что может случиться или наступить. Если данными и выводами истории воспользуются социолог, политик, публицист, тем лучше, но основной мотив интереса к прошлому в истории, понимаемой исключительно в качестве чистой науки, имеет совершенно самостоятельный характер: его источник — в том, что мы называем любознательностью, на разных ее ступенях — от простого и часто поверхностного любопытства до настоящей и очень глубокой жажды знания¹.

В середине XX в. А. Тойнби, размышляя над наследием эпохи индустриализма в историческом знании, заметил:

Индустриализация исторического мышления зашла столь далеко, что в некоторых своих проявлениях стала достигать патологических форм гипертрофии индустриального духа. Широко известно, что те индивиды и коллективы, усилия которых полностью сосредоточены на превращении сырья в свет, тепло, движение и различные предметы потребления, склонны думать, что открытие и эксплуатация природных ресурсов — деятельность, ценная сама по себе, независимо от того, насколько ценны для человечества результаты этих процессов².

Такого рода убежденность явно психологически очень комфортна для историка, поскольку оправдывает любую его деятельность по добыванию новой информации, установлению новых фактов. Представление о самоценности добывания сырья оказывается столь устойчивым, что часто в квалификационных работах разного уровня — от квалификационных работ бакалавров и магистров до докторских диссертаций — мы читаем: новизна исследования заключается в том, что автор обнаружил некие документы в архиве и ввел в научный оборот, «нашел» новые факты (будто факты находят, как грибы, а не конструируют в результате анализа исторических источников)... Введение в научный оборот новых исторических источников, накопление фактов не должно быть самоцелью и тем более предметом особой гордости историка.

Особо подчеркнем, что выбор в пользу инвариантности исторической реальности и, соответственно, первого типа определения понятия «исторический источник» этически нагружен. При таком выборе историк отказывается нести моральную ответственность за результат своего труда (конечно, в том случае, если он выполнил его добросовестно, на уровне своего ограниченного профессионализма): ведь его задача — добыть «чистое знание», описать, «как было

¹ Кареев Н.И. Историка (Теория исторического знания). 2-е изд. Пг., 1916. С. 29.

² Тойнби А. Постигание истории: пер. с англ. М., 1991. С. 16.

на самом деле». Не может же он отвечать за то, что историческая реальность такова, какова она есть, по его разумению!

Если же историк рассматривает исторический источник как произведение Другого, а свою работу как диалог с этим Другим — автором исторического источника, нацеленный на понимание жизненного мира человека прошлого, то он не может не осознавать своей моральной ответственности за результат такого диалога.

1.3

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ ДВУХ ТИПОВ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПОНЯТИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК»

Разное понимание природы исторического источника естественным образом приводит к различиям целеполагания в исследовательской работе и к различию способов исторического познания. Если исторический источник — это то, при помощи чего можно все более подробно реконструировать «объективную» реальность прошлого, то, как уже отмечалось, главная задача историка — установить достоверные факты путем так называемой критики исторического источника. Кстати, использование словосочетания «критика исторического источника» на уровне дискурса выдает исследовательскую установку историка. Не будем еще раз обращать внимание на то, что при понимании достоверности как соответствия объективной реальности историк попадает в расставленную им же самому себе ловушку. Базовой исследовательской стратегией, обусловленной пониманием исторического источника как произведения человека / продукта культуры становится интерпретация исторического источника, цель которой — научно значимое понимание его автора как Другого, как человека иной культуры¹.

¹ Процедура интерпретации рассматривается в ч. I, разд. третий наст. изд., где речь идет об источниковедческом исследовании.

2 Глава

КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Классификация — одна из основных общенаучных процедур, смысл которой в организации эмпирической совокупности. Классификация эмпирических объектов, к которым с полным основанием мы можем отнести и исторические источники, состоит в многоступенчатом делении их совокупности на систему соподчиненных классов объектов¹. Эта система должна быть такова, чтобы охватывать всю совокупность эмпирического материала; каждый объект этой совокупности должен найти свое место в системе.

Наибольшую теоретическую сложность при разработке системы классификации представляет поиск ее оснований — критериев разделения объектов (исторических источников) на группы. Таким критерием должна выступать существенная имманентная историческому источнику характеристика.

Классификацию как общенаучную процедуру следует отличать от *систематизации* — исследовательской процедуры упорядочения исторических источников в научной практике в зависимости от целей исследования.

Говоря об истории источниковедения, мы отметили, что в XIX в. сложился устойчивый подход к вопросу классификации — деление исторических источников на *остатки* и *предания*. С современных позиций мы можем охарактеризовать это разделение скорее как *систематизацию*, поскольку оно определено только по отношению к конкретному предмету исторического исследования. С общетеоретической точки зрения любой исторический источник — это «остаток» породившей его человеческой деятельности. Уже И.Г. Дройзен, стоявший у истоков классификации исторических источников на *остатки* и *предания*, утверждал: «...источники являются одновременно *остатками* того настоящего, в котором они возникли...»² Он также отмечал зависимость

¹ См., например: Новейший философский словарь / сост А.А. Грицанов. Минск, 1998. С. 316–317.

² Дройзен И.Г. Энциклопедия и методология истории // Дройзен И.Г. Историка. СПб., 2004. С. 84.

деления исторических источников на группы от задачи исследования: «Различение по значению трех видов материалов вытекает из цели, для которой они будут служить исследователю»¹.

Выше уже было отмечено, что такой подход к классификации (систематизации) исторических источников сохранялся еще и у А.С. Лаппо-Данилевского, хотя он видел одну из задач своей методологии истории в разработке специальной методологии источниковедения.

Потребность в строгой классификации возникла только в процессе утверждения источниковедения в качестве отдельной исторической субдисциплины, что сопровождалось рефлексией объекта на уровне не только отдельно взятого исторического источника, но и всей их целокупности.

Классификация исторических источников позволяет решить еще одну важную познавательную задачу: поскольку она базируется на выявлении наиболее существенных свойств исторических источников, то способствует конкретизации методики источниковедческого исследования применительно к выявляемой в процессе классификации специфике отдельных их групп.

При классификации исторических источников выделяют два основных уровня — *типы* и *виды* исторических источников².

2.1

ТИПЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Первый уровень классификации исторических источников, позволяющий упорядочить всю их целокупность, — классификация по типам.

Сравним два подхода к выделению типов исторических источников — Л.Н. Пушкарева и И.Д. Ковальченко. Эти подходы были разработаны в 70–80-х годах XX в., но до сих пор сохраняют свою актуальность.

Л.Н. Пушкарев посвятил проблеме классификации специальное исследование³, задача которого — теоретически обосновать исторически сложившуюся систему классификации исторических источников. Это важно подчеркнуть: исследование Л.Н. Пушкарева, в отличие от работы И.Д. Ковальченко, представляет собой попытку теоретической рефлексии уже сложившегося в исторической науке деления источников на группы, которые, как справедливо подчеркивает автор, не имели четко фиксированных названий: одинаковые

¹ Дройзен И.Г. Очерк истории // Дройзен И.Г. Историка... С. 469.

² В дипломатике, вспомогательной исторической дисциплине, изучающей источники одного вида — акты, разработана (в частности, С.М. Каштановым) более многоступенчатая система классификации, включающая разновидности, подразновидности и надподразновидности.

³ Пушкарев Л.Н. Классификации русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

по составу группы могли называться *тип, род, группа, вид* и т.д. На наш взгляд, именно такой подход позволил Л.Н. Пушкареву, несмотря на то что методологическую основу его работы составляла так называемая теория отражения¹, получить позитивный исследовательский результат, особенно в части анализа типов исторических источников.

Л.Н. Пушкарев предложил зафиксировать систему: тип — род — вид исторических источников. Исследователь так определяет первую ступень классификации:

...под типами исторических источников подразумеваются такие наиболее широкие категории источников, которые отличаются друг от друга самим принципом хранения и кодирования информации, т.е. наиболее общим его свойством, предопределяющим его источниковедческую ценность. Таким наиболее общим, изначально присущим свойством источника является <...> результат отображения и воплощения действительности в источнике — та информация, которую выработал человек. Как, в какой форме закодирована в источнике эта информация и какое это имеет источниковедческое значение, как это должно отражаться на методике изучения данного типа источника — вот какие вопросы возникают при определении различных типов источников. Следовательно, в основе деления источников на типы лежит способ кодирования заключенной в источнике информации².

Используя введенный критерий, Л.Н. Пушкарев выделяет следующие типы исторических источников: письменные, вещественные, устные (фольклор), этнографические, данные языка (лингвистические), кинофотодокументы, фонодокументы.

Классификация Л.Н. Пушкарева очевидным образом не охватывает все исторические источники: например, в ней отсутствует огромный корпус изобразительных источников, значение которых в современной исторической науке возрастает в связи с визуальным поворотом в историческом познании. Кроме того, сложно выявить специфический «способ кодирования информации», в таких типах исторических источников, как устные, лингвистические и этнографические³. Для того чтобы приобрести качества

¹ Мы не можем этого не отметить, хотя для исследования 1970-х годов вряд ли была возможна иная методологическая база. Но несомненная заслуга Л.Н. Пушкарева состоит в том, что он предпринял попытку модифицировать эту теорию применительно к конкретной познавательной ситуации источниковедения, постулировав, что действительность не только отображается (уточнение исследователем понятия *отражение*), но и воплощается в историческом источнике.

² Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников... С. 191.

³ Следует отметить специфику понимания Л.Н. Пушкаревым этнографических источников в системе исторических источников: «К этнографическим <...> источникам в узком смысле этого слова относятся явления культурной и общественной жизни, унаследованные человечеством от предыдущих эпох, сохраненные памятью и сознанием и продолжающие в новой форме активно жить в настоящем» (Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников... С. 199).

исторических источников, эти компоненты человеческой жизни и деятельности должны быть объективированы, т.е., если использовать понятийный аппарат Л.Н. Пушкарева, — их информация должна быть перекодирована в письменной или вещественной форме или в виде кино-, фото- или фонодокумента.

Л.Н. Пушкарев, уделяя основное внимание классификации письменных исторических источников, предлагает делить их на две группы — два рода:

Историки и источниковеды, занимающиеся изучением преимущественно письменных источников, давно уже обратили внимание на то, что этот тип источников довольно явственно разделяется на две большие категории. К одной из них относятся те письменные источники, которые были созданы как связное повествование о прошлом или как рассказ о настоящем, предназначенный для современников или потомков. К другой категории исследователи относили те письменные источники, которые создавались человеком или обществом в процессе его личной и общественной жизни, для удовлетворения текущих потребностей, в результате его экономической, политической, культурной и т.п. деятельности¹.

<...> внутренним признаком, отличающим документальные источники от повествовательных, является преобладание отображения или воплощения действительности в источнике.

Любой источник и отображает и воплощает в себе историческую действительность одновременно; он представляет собою диалектическое, нерасторжимое единство двух этих процессов. Все дело, следовательно, в том, какой из этих двух процессов — отображение или воплощение — преобладает в данном источнике. Если источник больше рассказывает о прошлом, совершившимся до возникновения самого источника, или повествует о настоящем в виде связного рассказа — перед нами источник повествовательный; если автор источника не ставит своей целью дать связный рассказ о событиях, а просто фиксирует происходящее, то мы имеем дело с документальным источником².

Такое рассуждение Л.Н. Пушкарева, на наш взгляд, очевидным образом воспроизводит традиционное деление на остатки и предания, на устойчивость которого и сам автор обратил внимание. Деление письменных исторических источников на два рода — повествовательные (нарративные) и документальные — не получило распространения. Хотя, на наш взгляд, в контексте современной гуманитаристики оно может обрести развитие, но уже на иной концептуальной основе — теории нарратива.

¹ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников... С. 206.

² Там же. С. 212.

И.Д. Ковальченко предпринял попытку максимально строго определить понятие типа исторических источников на основе теории информации¹:

Социальная информация теми или иными техническими средствами фиксируется на определенных материальных носителях в виде тех или иных знаковых систем или натурального [sic! — М. Р.] фото-, кино- и художественного воспроизведения действительности. Это позволяет хранить и передавать информацию. Для содержательного восприятия и целевого использования социальной информации наиболее удобна информация, выраженная в знаковых, прежде всего языковых (естественных и искусственных) системах².

Исходя из этого, И.Д. Ковальченко предлагает следующие основание классификации исторических источников и их типологию:

К классификации источников можно подходить с позиций трех аспектов информации — прагматического, семантического и синтаксического. Наиболее общим из них является синтаксический. Исходя из него, можно выделить первый наиболее общий уровень классификации исторических источников. По методам и формам отражения действительности вся совокупность исторических источников четко делится на четыре категории (или типа): *вещественные, письменные, изобразительные* (изобразительно-графические, изобразительно-художественные и изобразительно-натуральные) и *фонические* [выделено автором. — М. Р.]³.

С этих позиций И.Д. Ковальченко критикует традиционно сложившуюся в историографии классификацию исторических источников, зафиксированную в числе прочего и в «Советской исторической энциклопедии»:

Широко распространенное до последнего времени в советском источниковедении деление всей совокупности исторических источников на вещественные, письменные, устные, этнографические, лингвистические (фольклорные), фотокинодокументы и фонодокументы представляется непоследовательным в силу неоднозначности принципов и критериев их выделения. Одни группы выделены по форме отражения действительности, другие — по способу фиксации информации, третьи — по объекту отражения⁴.

И.Д. Ковальченко приводит такой аргумент:

Следует заметить, что если информация, возникшая в ту или иную эпоху, может функционировать будучи как зафиксированной на тех или иных материальных носителях, так и незафиксированной (устной), то в исторических

¹ Эта проблема была поставлена И.Д. Ковальченко в статье «Исторический источник в свете учения об информации (к постановке проблемы)» (История СССР. 1982. № 3. С. 129–148) и подробно рассмотрена в фундаментальной работе «Методы исторического исследования» (М., 1987; 2-е изд., доп. М., 2003).

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 124.

³ Там же. С. 135.

⁴ Там же. С. 135–136.

источниках она выступает в зафиксированном виде. Например, данные фольклора, несомненно, содержат ценную информацию о прошлом, но она, чтобы стать источником и быть использованной историком, должна быть материально зафиксирована. Чаще всего — это письменная запись, а позднее, с появлением соответствующих технических средств, и фонозапись. Сказанное относится и к другим видам нефиксированной социальной информации. Следовательно, исторический источник как носитель социальной информации содержит информацию фиксированную¹.

Значение этого аргумента невозможно не признать: действительно, историк не может пользоваться информацией, не зафиксированной на каком-либо материальном носителе. Но нельзя не признать и другое: для историка существенно не только (а часто и не столько), как зафиксирована информация, но и то, как она бытовала в течение столетий. Очевидно, например, что источники, изначально создававшиеся как письменные, не могут не отличаться от фольклорных источников, бытовавших в течение столетий в устной форме и только позже (часто в XIX столетии) зафиксированных на письме.

По-видимому, именно по этой причине классификация И.Д. Ковальченко не получила признания профессионального сообщества. Описанная Л.Н. Пушкаревым типология исторических источников в основном сохраняет свое значение. Отметим лишь, что ни Л.Н. Пушкарев, ни И.Д. Ковальченко в силу вполне понятных причин не выделили тип (а возможно, и два разных типа) источников, который приобретает все большее и большее значение, — так называемые машиночитаемые документы (от перфокарт и перфолент до современных носителей, таких как CD или флеш-карты²) и интернет-ресурсы, часть которых создается непосредственно как интернет-источники, а часть может рассматриваться как специфическая форма публикации исторических источников. Специфика этого типа (типов) исторических источников на настоящий момент остается практически не изученной, несмотря на то что проблема была поставлена К.Б. Гельманом-Виноградовым (1925–2010) еще на рубеже 70-80-х годов XX в.³

Среди выделенных типов исторических источников особое место в историческом познании занимают письменные исторические источники. Этот факт не требует доказательств — достаточно обратиться к научно-справочному аппарату любой научной работы по истории, чтобы убедиться в этом. Так почему же именно письменные исторические источники имеют столь существенное значение?

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования... С. 136.

² Оставим здесь без рассмотрения вопрос о соотносимости перфокарт как носителя специфически закодированной информации и современных носителей информации. Пока очевидно лишь одно: без специальных устройств считать данные с флеш-карты невозможно, равно как и без специальных знаний опознать в кусочке пластмассы или металла носитель огромного объема информации.

³ См.: Гельман-Виноградов К.Б. Машиночитаемые документы в СССР. М., 1980.

2.2

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Начнем рассуждение с аксиомы: мы — внутри культуры, которой свойственен определенный (но не единственно возможный) тип социальной памяти — казуальный по содержанию, письменный по механизму фиксации, и именно он может быть охарактеризован как *исторический*. Этот тип памяти идентифицируется именно по механизму хранения информации — письменности. Представить культуру с иным типом памяти (соответственно, «бесписьменным») нам непросто, поскольку, как пишет Ю.М. Лотман (1922–1993), «связь существования развитой цивилизации <...> с существованием письменности представляется настолько естественной, что альтернативные возможности отвергаются априорно»¹.

Ю.М. Лотман обращается к феномену южноамериканских доинкских цивилизаций и выделяет в качестве основной (наиболее заметной с позиций европейской культуры) характеристики отсутствие письменности. Исследователь рассматривает письменность как механизм памяти, точнее как механизм коллективной памяти, и — для нас это принципиально важно — устанавливает подобие индивидуальной и коллективной памяти:

Подобно тому как индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание, обнаруживая потребность фиксировать нечто общее для всего коллектива, создает механизмы коллективной памяти.

Высокий уровень этих бесписьменных культур общепризнан, что заставляет Ю.М. Лотмана поставить вопрос: «...является ли письменность первой и, что самое главное, единственно возможной формой коллективной памяти?»

А ответ на этот вопрос, считает ученый, «следует искать, исходя из представления о том, что формы памяти производны от того, что считается подлежащим запоминанию, а это последнее зависит от структуры и ориентации данной цивилизации»².

Далее логика рассуждений Лотмана такова:

1. «Привычное нам отношение к памяти подразумевает, что запоминанию подлежат <...> исключительные события, т.е. события единичные...»³.

¹ Лотман Ю.М. Альтернативный вариант: Бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 344–356.

² Там же. С. 344–345.

³ Можно добавить, что Фрэнсис Йейтс в фундаментальной работе «Искусство памяти» исследует именно такой, европейский, тип памяти и начинает рассмотрение с мнемонической техники римских риториков, использующей мнемонические «места и образы» и основанной на запечатлении в памяти «ряда мест» (Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997. С. 12–14.).

2. Нацеленность памяти на исключительные события в значительной степени определяет отбор информации для фиксации в письменных источниках: «Именно такие события попадают в хроники и летописи, становятся достоянием газет <...>. Этому же закону подчиняется и художественная литература. Возникает частная переписка и мемориально-дневниковая литература, также фиксирующая “случаи” и “происшествия”».

3. Поскольку для письменной культуры «характерно внимание к причинно-следственным связям и результативности действий», это влечет за собой «обостренное внимание к времени», следствием чего становится «возникновение представления об истории». Ю.М. Лотман пишет: «Можно сказать, что история — один из побочных результатов возникновения письменности».

Иными словами, только письменная культура, обусловленная определенным механизмом памяти, имеет историю.

Аналогичные умозаключения делает, например, Ю.А. Шичалин в поисках «временной границы европейского разума»¹.

1. Весьма традиционно Ю.А. Шичалин связывает возможности исторического познания с наличием исторических свидетельств: «Наше знание прошлого неизбежно ограничено тем обстоятельством, что мы можем составлять о нем какое-то представление только в том случае, если это прошлое так или иначе засвидетельствовано».

2. Далее исследователь выделяет среди разнообразных исторических свидетельств письменные источники: «Наиболее драгоценные свидетельства преимущественной деятельности европейского разума всегда связаны с обращением к письменной фиксации [выделено мной. — М. Р.] результатов этой деятельности».

3. Ю.А. Шичалин формулирует гипотезу: вслед «за изобретением греками алфавита» Гомер с его помощью создает свои поэмы. При этом автор особо подчеркивает, что разделяет ту (не самую распространенную) точку зрения, что гомеровские поэмы не просто записаны, но создавались как письменные памятники. Значение же гомеровских поэм в том, что «Гомер впервые осознает необходимость прошлого для сознательной ориентации в настоящем».

Мы можем заметить, что Ю.А. Шичалин выстраивает схему, аналогичную схеме Лотмана, но только со второго уровня — уровня свидетельств. Построение Ю.М. Лотмана имеет то преимущество, что он рассматривает определенный тип памяти как механизм отбора свидетельств, значимых как для индивидуума, так и для социума.

В отличие от письменной культуры, *бесписьменная*, по Ю.М. Лотману, обладает иным типом памяти, для которого характерно «стремление сохранить сведения о порядке, а не о его нарушениях, о законах, а не об эксцессах». Культура с таким типом памяти — это система, «ориентированная не на умножение

¹ Шичалин Ю.А. Античность — Европа — история. М., 1999. С. 68–70.

числа текстов, а на повторное воспроизведение текстов, раз навсегда данных». А это, в свою очередь, требует иного устройства коллективной памяти, средством фиксации для которой служит обычай и ритуал¹.

Объясняя причины различий механизмов памяти в бесписьменной и письменной культурах, Ю.М. Лотман пишет:

Для того чтобы письменность сделалась необходимой, требуются нестабильность исторических условий, динамизм и непредсказуемость обстоятельств и потребность в разнообразных семиотических переводах, возникающая при частных и длительных контактах с иноэтнической средой².

При этом он обращает внимание на *географическую локализацию* бесписьменных (плоскогорья Перу, долины и междугорье Анд и узкая полоса перуанского побережья) и письменных (пространство между Балканами и Северной Африкой, Ближний и Средний Восток, побережье Черного и Средиземного морей) культур.

С описанной источниковедческой ситуацией «бесписьменной культуры» мы сталкиваемся, например, при попытках изучения истории крестьянства.

Признанный специалист по истории европейского средневековья А.Я. Гуревич (1924–2006), исследуя «культуру безмолвствующего большинства», обращает внимание на такие источники, как «жития святых, “примеры”, описания странствий души по загробному миру, проповеди, памятники вульгарного богословия, “покаянные книги” — пособия для исповедников, т.е. жанры средневековой словесности, адресованные широкой массе населения [выделено мной. — М. Р.]»³. Одним словом, это источники, возникшие в рамках «высокой» культуры.

К аналогичному кругу источников привлекает внимание и выдающийся французский медиевист Жак Ле Гофф (1924–2014):

...авторитеты управляли духовной жизнью. Средневековая этика преподавалась и проповедовалась при помощи стереотипных историй, иллюстрировавших урок и неустанно повторявшихся моралистами и проповедниками. Эти сборники примеров (*exempla*) и составляют однообразный ряд средневековой нравоучительной литературы⁴.

Жак Ле Гофф обращает внимание на механизм воздействия средневековой нравоучительной литературы:

...когда сто раз обнаруживаешь их [назидательные истории. — М. Р.] в разных местах, то становится ясной эта практика постоянного *повторения* [здесь и далее выделено мной. — М. Р.], которая переводит в интеллектуальную сферу и духовную жизнь *стремление остановить время*, становится

¹ Лотман Ю.М. Альтернативный вариант... С. 346–347.

² Там же. С. 355.

³ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 161–162.

⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 304.

ясной сила инерции, как бы поглощавшая большую часть ментальной энергии средневековых людей¹.

А.Я. Гуревич и сам признает *опосредованное* отражение в перечисленных им источниках «культуры безмолвствующего большинства»:

Эти произведения, по большей части дидактического характера, служили в руках духовенства средством воздействия на религиозное и нравственное поведение паствы. Но для достижения своих целей сочинитель неизбежно должен был вступить в диалог с аудиторией и средневековые авторы не могли не испытать со стороны публики, на которую были ориентированы их произведения, определенного давления, — здесь создавалась своего рода «обратная связь»².

Но, независимо от характера и степени адекватности этой «обратной связи», исследователь опирается на источники, порожденные не «безмолвствующим большинством». Кстати, «безмолвствующее большинство» А.Я. Гуревича — все же не безмолвствующее, а скорее *бесписьменное*.

С этой точки зрения любопытно размышление А.Я. Гуревича о соотношении устной и письменной культуры в Средние века:

Деление общества на невежественных *illitterati, idiotae* и грамотных, образованных людей отражало специфическую культурную ситуацию: книжная, *письменная культура* [здесь и далее выделено мной. — М. Р.] существовала в виде своего рода островков в море систем *устной коммуникации и трансляции культурных ценностей*³.

Другой пример — исследование Е.Н. Швейковской о поморских крестьянах XVII в. Автор использует разные источники: писцовые книги, приходно-расходные книги Устюжской четверти, приходные и расходные книги всеуездных миров. Но основу исследования составили поземельные акты — купчие, меновые, закладные и др., оформлявшие сделки крестьян⁴. Таким образом, львиная доля источников этого исследования возникла отнюдь не в крестьянской среде: как правило, это материалы делопроизводства различных учреждений, а те актовые источники, которые фиксируют сделки между крестьянами, имеют смысл также только в контексте юридической практики, существующей в государственных рамках. Обратим внимание и на название книги Е.Н. Швейковской: «Государство и крестьяне...».

«Миру русской деревни» посвящено исследование М.М. Громыко, которая во введении к работе весьма патетически оспаривает утверждение о бедности источниковой базы по истории крестьянства:

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада... С. 304.

² Гуревич А.Я. Средневековый мир... С. 162.

³ Там же. С. 161.

⁴ Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 9.

...сохранилось <...> множество описаний современников, подробнейших ответов на программы различных научных обществ, решений общинных сходов, прошений, писем и других документов, по которым можно очень подробно представить жизнь старой деревни¹.

В своей исследовательской увлеченности автор не замечает главное свойство значительной доли привлекаемых источников — это материалы *этнографических исследований*.

Типология исследовательских ситуаций при изучении так называемой «низовой», народной, крестьянской культуры с точки зрения *письменной* источниковой базы может быть представлена следующим образом:

- в Средние века народная культура выступает как объект «духовного» воздействия со стороны «высокой» культуры;
- в Новое время крестьянство выступает как объект государственного интереса и как контрагент в рамках юридической культуры;
- при переходе от Нового времени к Новейшему народная культура становится объектом научного интереса.

И именно эти факторы преимущественно влияют на формирование источниковой базы исследования культуры «безмолвствующего большинства».

Таким образом, письменные исторические источники имеют особое значение для исторической науки, поскольку ее предмет — в широком понимании — это исторический тип культуры, казуальный по содержанию и, соответственно, письменный по механизму фиксации².

2.3

ВИД ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ — ОСНОВНАЯ КЛАССИФИКАЦИОННАЯ ЕДИНИЦА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Основная классификационная единица в источниковедении — *вид исторических источников*. Видовая классификация разработана применительно к письменным историческим источникам, что вполне понятно, если учесть особое значение письменных исторических источников для исторической науки (о чем шла речь в предыдущем подразделе).

¹ Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 8.

² Локализация исторического процесса во времени и пространстве — предмет теории истории (историологии) и в настоящем учебном пособии остается за пределами рассмотрения (см., например: Румянцева М.Ф. Теория истории. М., 2002).

Л.Н. Пушкарев, системно проанализировавший советскую историографию по проблеме классификации исторических источников, переходя с уровня классификации исторических источников по типам на уровень классификации по видам, пишет:

...ни содержание, ни происхождение источника не могут быть положены в основание деления письменных источников на виды <...> в основе этого деления лежит уже проанализированная выше структура, внутренняя форма источника. Не содержание источника предопределяет собою видовые отличия, а те внутренние связи, в которых находятся отображенные и воплощенные в источнике черты реальной действительности¹.

И далее:

...представляется более правильным говорить о категории вида как о таком исторически сложившемся комплексе письменных источников, для которых характерны сходные признаки их структуры, их внутренней формы².

Мы не можем признать такой подход корректным хотя бы потому, что используемое Л.Н. Пушкаревым понятие «внутренняя форма» уязвимо с точки зрения теории познания. К тому же «внутренняя форма» трудноопределима и, соответственно, не дает четкого критерия для установления видовой принадлежности исторического источника, а это важнейшая составляющая источниковедческого анализа.

Кроме того, такой подход заставляет исследователя отказать статистическим материалам, периодической печати, военно-оперативным и судебно-следственным материалам (как разновидностям делопроизводства) в видовой определенности и заставляет рассматривать их как «особые комплексы близких, однородных по своему характеру источников»³.

И.Д. Ковальченко, выделив четыре типа исторических источников, отмечает особое значение в источниковедении второй ступени классификации — классификации исторических источников по видам:

В источниковедении широко распространена видовая классификация, в основе которой лежат единство происхождения, общность содержания и назначения определенного круга источников той или иной категории. С информационной точки зрения видовая классификация основывается на прагматическом аспекте информации, а именно на единстве целевого назначения информации для ее получателя, субъекта. Единство цели, для которой выявлялась информация, естественно, обуславливало сходство принципов и методов отражения действительности, форм выражения и использования информации, что, в свою очередь, создает возможность применения единых принципов и методов ее источниковедческого и конкретно-исторического анализа⁴.

¹ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников... С. 224.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 226.

⁴ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования... С. 136.

Как мы видим, в основе этого подхода к классификации исторических источников по видам лежит критерий *единства целеполагания*. И.Д. Ковальченко выделяет этот критерий с точки зрения прагматического аспекта информации.

Основы такого подхода были заложены, — правда, на иной концептуальной основе — А.С. Лаппо-Данилевским и затем развиты его последователями. При рассмотрении истории источниковедения было показано, что разработка А.С. Лаппо-Данилевским проблемы классификации исторических источников шла во многом в русле сложившейся в XIX в. источниковедческой традиции. Но напомним, что, анализируя вопросы интерпретации исторических источников, А.С. Лаппо-Данилевский особое значение придает телеологической интерпретации, т.е. пониманию исторического источника с точки зрения *целеполагания* его автора:

...так как всякий источник — реализованный продукт человеческой психики, то историк может сказать, что такой самостоятельный продукт (поскольку он обладает характерными особенностями, отличающими его от произведения природы) вместе с тем оказывается результатом целеполагающей деятельности человека или намеренным его продуктом: он признает самый элементарный источник — какую-нибудь простейшую поделку из кремня или какие-нибудь «черты и резы» уже продуктами преднамеренной деятельности человека; с такой точки зрения он и стремится точнее установить его смысл и истолковывает те, а не иные особенности продукта¹.

На этой концептуальной основе в XX в. в источниковедении была разработана система видов исторических источников разных эпох и культур и выработаны видовые методики источниковедческого анализа. Новую интерпретацию — с точки зрения социальной функции, заложенной в произведении человека в момент его создания, — этот подход получил в концепции когнитивной истории О.М. Медушевской:

Данный подход позволяет утверждать, что универсалия создания продукта является основанием единого подхода к изучению заложенного в продукте информационного содержания. Этот метод имеет свою последовательность задач и их решения, свой алгоритм. Мы утверждаем далее, что универсалия создания продукта имеет собственную схему: продукт создается как изделие, он всегда соединяет функцию, которую он будет выполнять, и структуру, приданную ему для оптимального эффективного осуществления этой функции. Данный подход позволяет утверждать, что набор структур и функций, исторически изменяясь, создает однотипные множества продуктов, имеющих общие видовые свойства. Определяя вид как класс интеллектуального продукта, имеющего общую эталонную структуру, можно далее рассматривать возникновение, исчезновение и распространение тех

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 79.

или иных видов интеллектуального продукта: вид — индикатор происходящих изменений и основная единица для видовой историко-источниковедческой компаративистики¹.

Таким образом, вид исторического источника определяется по целеполаганию его автора и соответствует той социальной функции, которую выполнял созданный человеком продукт — произведение человеческого творчества в породившей его культуре. Соответственно, установление цели создания исторического источника — одна из основных задач источниковедческого анализа и задача непростая. Автор редко прямо пишет о цели своего труда. Но даже если исследователю и удастся обнаружить в тексте исторического источника такого рода упоминания, он не может доверять автору, поскольку автор и сам не всегда осознает свою цель. Поэтому продуктивнее определять вид исторического источника по его первичной социальной функции, а система социальных функций задана соответствующей культурой.

¹ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории... С. 226.

3 **Глава**

ОБЪЕКТ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК — СИСТЕМА ВИДОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ — ЭМПИРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО МИРА

3.1

СИСТЕМА ВИДОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ КАК ПРОЕКЦИЯ КУЛЬТУРЫ

Ряд факторов исторической науки, среди которых выделим в первую очередь переход от линейных моделей к цивилизационным, подразумевающим компаративный анализ разных культур в том числе и в коэкзистенциальном пространстве, и антропологический поворот, предполагающий акцентирование внимания на инаковости разных эпох в истории одной культуры, привел к трансформации эмпирического объекта исторического познания и, соответственно, источниковедения как субдисциплины исторической науки. В качестве объекта понимается уже не отдельный исторический источник, а система видов исторических источников, представляющая фактически проекцию той или иной культуры.

Обоснуем источниковедческий критерий периодизации — различения сменяющих друг друга социокультурных состояний на основе изменения видовой структуры корпуса исторических источников. Существует несколько вполне обоснованных концепций перехода от Средних веков к Новому времени, каждая из которых по-своему объясняет его причины.

Рассматривая исторический источник как объективированный результат творческой активности человека, мы в качестве гипотезы, объединяющей наши наблюдения над изменениями видовой структуры корпуса исторических источников, примем концепцию индивидуализации человека при переходе от Средних веков к Новому времени. Наиболее адекватен для этих целей подход немецко-американского философа Э. Фромма (1900–1980), поскольку он отмечает и вторую сторону процесса индивидуализации — установление «вторичных связей» между человеком и обществом¹. Дополним лишь, что это связи двух типов, поскольку включают человека не только в коэзистенциальное, но и в эволюционное (историческое) целое, что в наиболее общем плане проявляется в осознании хода исторического времени.

Особо подчеркнем, что, приняв концепцию Э. Фромма, мы не отрицаем иные причины, обусловившие смену эпох, однако будем считать их факторами, имплицитно включенными в выбранную нами схему, тем более что Э. Фромм уделяет внимание не только следствиям, но и причинам анализируемых им изменений человеческой личности.

Посмотрим, как работает предлагаемая гипотеза на объяснение возникновения новых видов исторических источников: мемуаристики, эссеистики, публицистики (в ее буквальном, а не расширительном понимании), периодической печати².

Наиболее четкий индикатор перехода от Средних веков к Новому времени — возникновение мемуаристики. Общепризнанно, что возникновение мемуаристики обусловлено становлением в этот период индивидуальности. И мы вполне согласны с А.Г. Тартаковским (1931–1999), который констатирует единство целевого назначения мемуаров, состоящее в стремлении «запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем»³. Такое стремление могло появиться лишь у человека, сознающего свою отделенность от окружающего его социума и понимающего ценность своего индивидуального исторического опыта. Однако А.Г. Тартаковский фактически пишет лишь о потенциальной возможности мемуаротворчества, но оставляет без внимания побудительные мотивы к нему. Мемуаротворчество требует более глубокого психологического объяснения, в частности понимания причин, порождающих стремление к запечатлению исторического опыта индивидуальности. При типологическом изучении мемуаристики как вида исторических источников необходимо

¹ Фромм Э. Бегство от свободы: пер. с англ. М., 1995.

² Подробно корпус исторических источников анализируется во втором разделе учебного пособия. Там же обосновывается метод компаративного источниковедения, основанный на различении культур по презентующим их системам видов исторических источников.

³ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 23.

подчеркнуть, что индивидуализация — это не только выделение себя в коэкзистенциальном целом, т.е. осознание своей обособленности от сосуществующих одновременно других личностей и относительной самостоятельности внутри социальной группы, но и осознание своего места в эволюционном целом, т.е. в историческом процессе или, более конкретно, в чреде поколений. Соответственно, и создание вторичных связей с социумом идет как в коэкзистенциальном, так и в эволюционном (историческом) плане. Причем этот процесс характеризуется различной степенью отрефлексированности — от целенаправленного конструирования своих социальных связей до подсознательного включения в социум, например через механизм идеологического воздействия в тоталитарном государстве. Мемуары с психологической точки зрения как раз и имеют целью осознанное создание таких связей, особенно в их исторической составляющей.

Функция публицистики как вида исторических источников состоит в явлении позиции личности, осознающей себя частью определенной социальной группы, следовательно, и в прямом установлении связей между личностью и обществом и различными социальными группами внутри общества, т.е. связей коэкзистенциальных.

Отметим также существование редко встречающегося в корпусе источников российской истории вида, занимающего промежуточное место между мемуаристикой и публицистикой. Это эссеистика, несомненно относящаяся к источникам личного происхождения, что уже свидетельствует о связи развития этой формы деятельности с процессом индивидуализации. Эссеистика, в отличие от публицистики, призванной выражать мнение той или иной социальной группы, презентует взгляды отдельной личности. Но она создается с целевой установкой на публикацию, т.е. подразумевается наличие интереса к индивидуальному мнению отдельной личности со стороны общества, следовательно, предполагает создание коэкзистенциальных связей отдельной личности и общества.

Аналогичную функцию, однако с иной направленностью — не от личности к обществу, а от общества к личности — выполняет периодическая печать. Возникновение периодической печати как средства воздействия на личность связано как с процессом эмансипации личности, так и со стремлением подчинить ее идеологическому влиянию или какой-либо общественной группы, или государства. С одной стороны, периодическая печать срастается с публицистикой, с другой — она призвана создавать коэкзистенциальные связи в обществе в целом, что может быть обусловлено внедрением государственной идеологии или же оппозиционностью к ней.

Итак, мы видим, что рассматриваемая гипотеза вполне способна объединить наши наблюдения над возникновением новых видов исторических источников.

При сравнении видовой структуры корпуса исторических источников разных стран в ее эволюции мы увидим не только отмеченные черты сходства, но и глубокие отличия. Например, в российском Средневековье мы практически не обнаруживаем биографики, что, несомненно, сказывается на характере летописей (в сопоставлении с западноевропейскими хрониками) и агиографии. В Новое время мы, как уже отмечалось, не обнаруживаем в России в сколько-нибудь сформированном виде такого распространенного в Западной Европе исторического источника, как эссеистика, при весьма значительном развитии публицистики. Кстати, отметим двоякий перевод на русский язык — как «опыт» и как «очерк» — французского слова *essai* в названиях произведений. Второй вариант перевода, очевидно, стал результатом поиска адекватного (максимально близкого) к эссеистике вида российских исторических источников.

Кроме возникновения новых видов исторических источников отметим существенные изменения в тех, которые существовали и в предшествующий период, — в законодательстве и актовых источниках.

Что касается актовых источников, то значительное увеличение числа их разновидностей свидетельствует об активизации личности в частно-правовой сфере.

Наиболее характерной чертой западноевропейского и североамериканского законодательства Нового времени можно назвать фиксацию прав личности, что не требует пояснения характера связи с принятой нами объясняющей гипотезой. В российском законодательстве Нового времени такого рода нормы отсутствуют, если не рассматривать в качестве таковых активно проводимую в XVIII в. фиксацию прав сословий. Однако если оставаться в рамках заявленного гуманитарного подхода, то мы сможем обнаружить в российском законодательстве XVIII в. целый ряд черт, позволяющих квалифицировать его как законодательство Нового времени. Дело в том, что российское законодательство в гораздо меньшей степени испытало влияние римского права, чем западноевропейское. Поэтому при относительно самостоятельном его развитии в качестве системообразующего фактора в эволюции российского законодательства Нового времени выступает изменение соотношения обычая и закона как источников права. Данный фактор вызывает установление целого ряда новых принципов российского законодательства, таких как «Незнание закона не освобождает от ответственности», «Закон обратной силы не имеет». Это ведет к установлению порядка обязательной публикации законодательных актов. Все эти изменения свидетельствуют о новом характере взаимоотношений личности и государства, по крайней мере о том, что государство признает существование личности если не через признание ее прав, то через признание ответственности.

Изменение характера государственного управления, проявившееся, в частности, в изменениях в законодательстве, породило и такой новый вид исторических источников, как статистика. Назначение статистики — реализация обратной связи в системе управления, сбор и анализ информации для принятия управленческих решений. Естественно, что такой вид деятельности мог возникнуть лишь тогда, когда личность (в том числе и законодатель) начинает осознавать изменения в эволюционном целом и стремится повлиять на направленность и ход этих изменений.

Таким образом, анализ видовой структуры корпуса исторических источников и ее трансформаций позволяет не только обозначить границы и провести различие культур как в эволюционном (историческом), так и в коэкзистенциальном пространстве, но и имеет существенное значение при изучении отдельно взятого исторического источника, поскольку позволяет понять автора в контексте его культуры, эксплицировать неотрефлексированные составляющие целеполагания при создании продукта культуры — исторического источника.

3.2

ЭМПИРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО МИРА — ГЛОБАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ГУМАНИТАРИСТИКИ

Для анализа новой ситуации могут оказаться продуктивными понятие «эмпирическая реальность исторического мира», введенное О.М. Медушевской¹, и сформулированная ею концепция когнитивной истории, акцентирующая внимание не только на происхождении исторического источника как результата творческой активности человека, но и на коммуникативной составляющей его природы².

Актуальная познавательная ситуация в историческом знании характеризуется отчетливым размежеванием социально ориентированного исторического описания и научной истории, а также активизацией поиска эпистемологических оснований последней. В структуре этой проблемы целесообразно выделить две составляющих: во-первых, выявление эмпирической основы строго

¹ Медушевская О.М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. — 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. М.: РГГУ, 2008. С. 24–34.

² Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории...

научного исторического знания с целью обнаружения в гуманитаристике общенаучных оснований, сформулированных в науковедении применительно в первую очередь к естественно-научному знанию; во-вторых, определение оснований междисциплинарности/полидисциплинарности в современном научном историческом знании. Источниковедческая концепция исторического познания дает корректный ответ на оба эпистемологических вызова.

Историческое знание, получившее дисциплинарную определенность на протяжении XIX в., в течение XX в. проходит ряд эпистемологических поворотов, из которых выделим антропологический, лингвистический, культурный. Каждый из эпистемологических поворотов, кроме своих специфических качеств, ведет к наращиванию полидисциплинарности гуманитарного знания вообще и исторического в частности, предъявляя все новые требования расширения источниковой базы исторической науки, в том числе и за счет неписьменных исторических источников, и разработки новых, более тонких, методов их анализа. С источниковедческой точки зрения особого внимания заслуживает констатируемый некоторыми исследователями «вещественный поворот» в гуманитаристике¹.

Методологические поиски в сфере социального и гуманитарного знания в XIX — начале XX в. сопровождались установлением прочных междисциплинарных контактов исторического знания, в первую очередь с социологией и психологией, причем здесь надо учитывать, что речь идет не только, а зачастую и не столько о социологическом и психологическом поворотах в исторической науке, сколько о задействовании исторической фактологии в социологических и психологических построениях.

Начало полидисциплинарности положили, по-видимому, антропологический поворот и новая историческая наука, связанные во многом с так называемой школой «Анналов». Одновременно со становлением полидисциплинарности идет процесс размывания дисциплинарной определенности, достигнутой к началу XX в. П. Нора пишет:

Враждебность «Анналов» в отношении событийной, политической, военной, дипломатической, биографической истории в принципе не означала приговора национальной истории, но на деле подготавливала его, потому что национальная история всегда писалась только как линейный рассказ о причинно-следственных связях².

¹ См., например: *Domanska E. The Material Presence of the Past // History and Theory. 2006. Vol. 45. No. 3. P. 338, 341.*

² *Нора П. Предисловие к русскому изданию // Франция — память / П. Нора, М. Озуф., Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 9–10.*

Методологические поиски в этот же период шли и в российской (советской) исторической науке, сосредоточившись в предметных полях историко-архивоведения и связанного с ним источниковедения как менее подверженно-го идеологизации.

Но если антропологический поворот происходит в историческом познании, то следующий непосредственно за ним лингвистический поворот, фундаментированный неопозитивизмом и аналитической философией, затрагивает всю сферу науки и разворачивает научное знание в сторону гуманитаристики. Правда, еще Э. Гуссерль (1859–1938) обращал внимание на то, что любая наука, по сути, — гуманитарный феномен. В середине 1930-х годов философ писал:

...подстраивать под науки о духе, желая сделать их якобы точными, естественно-научный фундамент — абсурдно.

И далее:

...естествознание (как и всякая наука вообще) представляет собой духовную деятельность, а именно деятельность сотрудничающих ученых; как таковое оно наряду с прочими духовными явлениями относится к кругу фактов, подлежащих духовно научному объяснению. Не бессмысленно ли это и не логический круг, когда историческое явление «естествознание» хотят объяснить естественно-научным образом, привлекая для этого естественные науки и открытые ими законы, которые сами — часть проблемы, ибо представляют собой духовный продукт?¹

Выскажем предположение, что здесь возможны параллели, хотя и весьма осторожные, с интересом российской эпистемологии к объекту исторического познания.

В последней трети XX в. знаком состояния постмодерна и кризиса доверия к историческому метарассказу становится микроистория. В этой познавательной ситуации источниковедческая концепция, ориентированная на видовую структуру корпуса исторических источников, противостояла постмодернистской раздробленности и предложила выход из ситуации постмодерна, когда в начале XXI в. при переходе от постмодерна к постпостмодерну явственно обозначился поиск путей новой интеграции.

В частности, источниковедческая концепция предоставляет возможности конструирования социокультурного пространства в ходе пространственного поворота и в рамках новой локальной истории — предметного поля, актуализация которого маркирует переход от глобализации XX в. к процессам глокализации начала XXI в.

¹ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 105.

Но на рубеже XX–XXI вв. начинает осознаваться и более общая проблема — проблема поиска новых оснований научности в связи с кризисом современной дисциплинарности научного знания.

Исторический источник в качестве интегрирующего начала социального и гуманитарного знания был заявлен в работах О.М. Медушевской еще в 1990-х годах¹. В начале 2000-х годов О.М. Медушевская, как уже отмечалось, пришла к понятию «эмпирическая реальность исторического мира»². О.М. Медушевская утверждает:

Главное отличительное свойство человеческого мышления — способность целенаправленно создавать продукт в виде материального образа и осуществлять опосредованный информационный обмен с себе подобными, что и создает возможность взгляда со стороны и, следовательно, создания собственной истории. Назвать рукотворную реальность человеческой или назвать ее исторической в категориях данного подхода синонимично³.

Здесь важно заметить, что внимание к вещественным источникам вынуждает историков искать (учитывая специфику вещей⁴) приемлемый интерпретационный инструментарий в первую очередь в естественно-научной сфере знания⁵. Однако, как признают исследователи, работающие в проблемном поле новой материальной культуры, нельзя забывать об уже испытанном антропологическом подходе, который, по их мнению, вполне приемлем для изучения мира человеческих вещей.

¹ См., например: Медушевская О.М. Источниковедение и гуманитарная культура // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 11–19; *Ее же*. Источники в науках о человеке // История России XIX–XX веков: историография, источниковедение: тез. докл. всерос. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 1995. С. 93–96; *Ее же*. Гуманитарий в поле современного знания // Вестник архивиста. М., 1996. № 4 (34). С. 31–35; Медушевская О.М., Муравьев В.А. Исторический источник — основа гуманитарного познания // Документ. Архив. История. Современность: сб. ст. Екатеринбург, 2000. Ч. 1. С. 7–15.

² Кроме уже указанной монографии см.: Медушевская О.М. Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: докл. и тез. XIV науч. конф. М., 2002. С. 20–36; *Ее же*. Концептуальное единство философии и эмпирической науки // Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского: сб. СПб., 2003. С. 236–246; *Ее же*. Новое знание о человеке // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: тез. докл. и сообщений XV науч. конф. М., 2003. С. 2–13; *Ее же*. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX науч. конф. М., 2008. Ч. 1. С. 24–34.

³ Медушевская О.М. Эмпирическая реальность... С. 24.

⁴ См.: Domanska E. The Material Presence.... P. 341; Massey D. Landscape as a Provocation: Reflections on Moving Mountains // Journal of Material Culture. 2006. Vol. 11. No. 1–2. P. 33–48.

⁵ См., например: Warnier J.-P. Technology as Efficacious Action on Objects... and Subjects // Ibid. 2009. Vol. 14. No. 4. P. 459–470.

Отметим, что базовые принципы этого подхода вполне когерентны основаниям источниковедческой концепции исторического познания.

Таким образом, в этой новой познавательной ситуации понятие «эмпирическая реальность исторического мира» дает эмпирическую базу для строго научно верифицируемого исторического знания. К тому же, будучи, по сути, онтологическим понятием, оно создает основу для полидисциплинарных подходов в многоаспектном изучении человека и общества в их исторической и коэкзистенциальной составляющих.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК
МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОГО
ПОЗНАНИЯ

ЧАСТЬ I

**КОРПУС ИСТОЧНИКОВ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

1

глава

ИСТОЧНИКИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XI–XVII ВЕКОВ

1.1

ЛЕТОПИСАНИЕ

Летописи по праву считаются одним из важнейших источников изучения Древней Руси. Известно более 200 их списков, значительная часть которых опубликована в «Полном собрании русских летописей».

Каждый летописный список имеет условное название: по переписчику текста (Лаврентьевский список), по месту находки (Кенигсбергский, Ипатьевский и другие списки), по месту хранения (Академический, Синодальный, Археографический и другие списки) или по прежнему владельцу (списки Радзивилловский, Оболенского, Хрущевский и др.). Иногда летописи называются по имени их заказчика, составителя, редактора или переписчика (Лаврентьевский список, Никоновская летопись). Наименования по летописному центру обычно даются целым редакциям, в которые объединяются ряд списков (Новгородская летопись, Московский свод 1486 г.). Чтобы различать летописи, носящие одно и то же название, к ним добавлялись условные номера (Псковские I, II и III летописи, Новгородские I, II, III, IV и V летописи), которые не связаны с последовательностью их создания. Некоторые списки могут иметь несколько названий: Радзивилловский список (Радзивилловская летопись) может также называться Кенигсбергским; Устюжская летопись часто упоминается как Архангелогородский летописец. Неизданные списки летописей принято называть по архивохранилищу, в котором они находятся, и шифру, под которым они там числятся. Предпринимавшиеся в середине 30-х годов XX в. попытки ввести единые правила наименования летописных списков и редакций вели лишь к большей путанице, серьезно затрудняли понимание ссылки на конкретную летопись и усложняли ее поиск, в связи с чем эта идея не была воплощена в жизнь.

1.1.1

Летописи как исторический источник и методы их изучения

Определение летописания как особого вида исторических источников вызывает серьезные трудности. Прежде всего это связано со сложным составом летописей. Будучи сводами предшествующих текстов, они могут включать ежегодные хроникальные записи, документы (международные договоры, частные и публичные акты), самостоятельные литературные произведения (повести, слова, агиографические материалы, сказания) или их фрагменты, записи фольклорного материала. В то же время каждый летописный свод принято рассматривать как цельное произведение, имеющее свой замысел, структуру, идейную направленность.

Дополнительные сложности вносит обыденное употребление слов «летопись» и «летописание». В Древней Руси под летописанием понимали повествования, расположенные в хронологическом порядке, но не обязательно точно датированные. В современных исследованиях так иногда называют местную летописную традицию (галицко-волынское летописание, летописание Москвы, летопись Твери, новгородская летопись, ростовская летопись и т.п.).

В широком смысле слова летописями называют исторические сочинения, изложение в которых ведется строго по годам и сопровождается хронографическими (годовыми), часто календарными, а иногда и хронометрическими (часовыми) датами. По видовым признакам они близки западноевропейским анналам (от *лат.* *annales libri* — «годовые сводки») и хроникам (от *греч.* *chronikos* — «относящийся ко времени»). В узком смысле летописями принято называть реально дошедшие до нас летописные тексты, сохранившиеся в одном или нескольких сходных между собой списках. Иногда небольшие по объему летописи — чаще всего сугубо местные или хронологически ограниченные — называют летописцами (Рогожский летописец, «Летописец начала царства» и т.п.). Впрочем, их могут называть и летописями. В источниковедческих исследованиях под летописью (Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись) обычно подразумевается комплекс списков, объединяемых в одну редакцию и имеющих общий исходный текст.

Летописание велось на Руси с XI в. по XVII в. Поздние русские летописи (XVI–XVII вв.) существенно отличаются от летописей предшествующих веков. В это время летописание как особый жанр исторического повествования угасает. Ему на смену приходят иные виды исторических источников: хронографы (точнее, гранографы), синопсис и т.п. При этом летописи все больше приобретают хронографические черты: повествование ведется по «граням» — периодам правления царей и великих князей. Поздние хронографы могут включать в свой состав летописные материалы.

Еще в XIX в. было установлено, что почти все летописи представляют собой своды и своды сводов предшествующих летописных текстов. В совре-

менной специальной литературе под сводом понимают реконструкцию текста, легшего в основу всех летописных списков данной редакции. Такой гипотетический исходный текст называют протографом (от *греч.* *protos* — «первый» и *grapho* — «пишу»). Иногда в основе текста списка летописи лежат несколько протографов. В таком случае принято говорить не о редакции свода, а о редакции летописи (редакции редакции).

Реконструкции текстов сводов — задача сложная и трудоемкая. К ним прибегают, чтобы прояснить состав и содержание текста гипотетического свода. Такие реконструкции имеют преимущественно иллюстративное значение. Реконструкции протографов допустимы, как правило, на заключительной стадии источниковедческого исследования, поскольку позволяют конкретнее представить результаты работы над текстами летописных списков. Однако их не принято использовать в качестве исходного материала. Своеобразным исключением выступает научная реконструкция М.Д. Приселковым Троицкой летописи, список которой погиб во время московского пожара 1812 г. Благодаря этой реконструкции Троицкий список был вновь введен в научный оборот.

В источниковедческой практике пользуются в основном реально дошедшими текстами списков летописей. В случае необходимости указываются различия, встречающиеся в иных списках летописи этой редакции.

При работе с летописными материалами следует помнить о неточности и условности научной терминологии. Поэтому необходимо различать, когда речь идет о летописи как условной редакции, а когда — о конкретном списке, не путать реконструкции летописных протографов с дошедшими до нас текстами списков и т.д.

Одно из самых сложных в летописеведении — понятие авторства. Практически каждая из известных летописей — результат работы нескольких поколений летописцев. Уже поэтому само представление об авторе (или составителе, или редакторе) летописного текста оказывается в значительной степени условным. Каждый из них, прежде чем приступить к описанию событий и процессов, очевидцем или современником которых он был, переписывал один или несколько предшествующих летописных сводов, бывших в его распоряжении. Когда же летописец подходил к созданию оригинального, авторского текста о современных ему событиях, участником или очевидцем которых он был либо о которых узнавал от свидетелей, он руководствовался высшим для христианского сознания историческим опытом, пытаясь различить в происходящем отображение Священной истории — вневременной и постоянно заново переживаемой в реальных событиях настоящего. Отсюда следовал и способ описания — через прямое или опосредованное цитирование сакральных текстов. Тексты источников, на которые опирался летописец, служили для него и его современников семантическим фондом, из которого выбирались готовые клише для описания и оценки происходящего.

Работа с летописями начинается с чтения и сличения всех списков данной редакции. При этом фиксируются и объясняются разночтения между ними. Следует помнить, что разбивка на слова и расстановка знаков препинания в публикациях летописей — результат определенной интерпретации текста исследователем (издателем).

Изучение истории летописного свода в целом и каждой летописной статьи — в рамках данной летописи и предшествующих ей сводов, до того момента, когда статья вошла в летописный текст, — исключает не критическое, потребительское отношение к летописному материалу.

Следующее важное условие научного изучения летописей — установление личности летописца, его политических, религиозных, этнических и прочих взглядов, симпатий и антипатий, пристрастий и неприятий.

Критический анализ источника должен также предусматривать историю бытовавших в тот период, когда создавался летописный свод, значений и смыслов образной системы, которая использовалась летописцем и хорошо понималась его читателями. Без этого восприятие информации, заключенной в подлинном тексте летописной статьи, становится не критическим, а проблема достоверности текста подменяется проблемой его подлинности. С этим связан так называемый наивно-исторический подход к восприятию летописных сведений, буквальное их повторение в исторических исследованиях.

Естественно, чтобы понять любое информационное сообщение, необходимо знать язык, на котором оно передается. Но этого еще недостаточно, чтобы считать, что текст понят. Историка не может удовлетворить буквальный, лингвистически точный перевод текста сам по себе. Он представляет собой лишь одно из вспомогательных средств для уяснения исторического смысла источника.

Древнерусские летописные тексты не так элементарны, как может показаться при первом приближении. Летописец, как правило, — весьма начитанный книжник, мастерски подбирающий из множества известных ему произведений фрагменты, подходящие по форме и содержанию, которые он складывает в единое по замыслу и грандиозное по масштабу мозаичное полотно летописи. Текст, скомпилированный летописцем из фрагментов произведений, созданных порой за несколько сот лет до него по совершенно другому поводу, может казаться современным и простым. Отсутствие прямых текстуальных совпадений в таких случаях вряд ли может рассматриваться как основание для отрицания близости текстов. Здесь, видимо, речь может идти о принципиально ином уровне текстологических параллелей, доказательство которых должно быть достаточно строгим, хотя и не основывающимся на буквальных повторениях.

Один из самых сложных и спорных вопросов истории летописания — проблема мировоззрения древнерусских летописцев. В советской историографии было распространено мнение о том, что летописные сведения довольно

реалистичны и по большей части протокольно точны, а религиозный момент в них выполнял этикетную роль, был чисто внешней данью требованиям времени и жанра. Поэтому, как полагали многие исследователи, церковная риторика, которая в изобилии встречается в летописных сводах, не может использоваться даже для изучения мировоззрения автора той или иной записи.

При таком подходе понимание довольно сложного и многоуровневого текста сводится исключительно к буквальным значениям, а текст адаптируется (часто в виде научного перевода или реконструкции) к возможностям понимания современного ученого.

Исследования последних лет позволяют по-новому поставить проблему осмысления летописных текстов. Понимание информации, заключенной в письменном источнике, прежде всего зависит от того, насколько точно определил исследователь цель его создания. Содержание и форма текста напрямую связаны с тем, зачем он создан. Замысел — основной фильтр, который позволяет автору отобрать необходимую для повествования информацию. Именно замысел определяет набор и порядок изложения известий в летописи. Он в значительной степени определяет также форму изложения, поскольку ориентирует автора (составителя, редактора) на определенные литературные параллели.

Таким образом, замысел позволяет объяснить: 1) причины, побуждающие создавать новые своды и продолжать начатое когда-то изложение; 2) структуру летописного повествования; 3) отбор материала, подлежащего изложению; 4) форму его подачи; 5) подбор источников, на которые опирался летописец.

Установление замысла любого (в том числе и летописного) произведения — довольно сложная процедура. Он выявляется на основании анализа содержания текстов, на которые опирался летописец (и общих идей произведений, которые он брал за основу изложения), литературных форм, встречающихся в летописи. Сначала следует восстановить актуальное для летописца и его потенциальных читателей содержание летописных сообщений, свода в целом, а уже на этом основании пытаться вычленив базовую идею, вызвавшую к жизни данное произведение.

1.1.2

Повесть временных лет и предшествовавшие ей своды

Начало древнерусского летописания связывают с устойчивым текстом, которым начинается подавляющее большинство дошедших до нашего времени летописных сводов. Отдельных списков его неизвестно. В некоторых поздних летописях он подвергся сокращениям и некоторым случайным вставкам (летопись Переяславля Южного и др.), в нескольких (Софийская I, Новгородская IV и др.) был соединен с Киевским и Новгородским сводами. По строкам,

начинающим большинство его списков, этот текст традиционно называют Повестью временных лет (ПВЛ). Он охватывает период с древнейших времен до начала второго десятилетия XII в. и в летописях доводится до разных годов: до 1110 г. (Лаврентьевский и близкие ему списки) или до 1118 г. (Ипатьевский и близкие ему списки). Это обычно связывается с неоднократным редактированием ПВЛ.

Сличение обеих редакций привело А.А. Шахматова к выводу о том, что в Лаврентьевской летописи сохранился текст первой редакции, проведенной игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром, оставившим об этом запись под 6618 г.: «Игумень Силивестръ святаго Михаила написах книги си Летописецъ, надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лета; а иже четъ книги сия, то буди ми въ молитвахъ». Безусловно, ПВЛ была составлена до даты, указанной в приписке Сильвестра.

В Ипатьевской летописи текст ПВЛ на этом не обрывается, а продолжается без пропусков вплоть до 6626 (1118) г. После этого характер годовых статей резко меняется. На смену развернутому изложению событий приходят крайне скупые отрывочные записи. Текст статей 6618–6626 гг. обычно связывается со второй редакцией Повести временных лет, проведенной, видимо, при старшем сыне Владимира Мономаха новгородском князе Мстиславе.

Указание о том, что автором ПВЛ был какой-то монах Киево-Печерского монастыря, встречающееся в Ипатьевской летописи (в Хлебниковском списке названо и имя этого монаха — Нестор), а также ряд разночтений в текстах списков Лаврентьевской и Ипатьевской редакций Повести временных лет побуждали А.А. Шахматова утверждать, что Лаврентьевская летопись сохранила непервоначальный вариант ПВЛ. По мнению А.А. Шахматова, летопись, которую принято именовать Повестью временных лет, была создана в 1112 г. предположительно автором двух известных агиографических произведений («Чтения о Борисе и Глебе» и «Жития Феодосия Печерского») Нестором.

При редактировании первоначальный текст (так называемая первая редакция Повести временных лет) был изменен настолько, что А.А. Шахматов пришел к выводу о невозможности его реконструкции «при теперешнем состоянии наших знаний». Что же касается текстов Лаврентьевской и Ипатьевской редакций ПВЛ (их принято называть второй и третьей редакциями ПВЛ соответственно), то, несмотря на позднейшие переделки, А.А. Шахматову удалось определить их состав и предположительно реконструировать. В целом представление о трех редакциях Повести временных лет разделяется подавляющим большинством современных исследователей.

Летописные своды, предшествовавшие Повести временных лет

Начальный свод. Дальнейшее исследование текста ПВЛ показало, что в нем содержится ряд фрагментов, нарушающих изложение. Некоторые из

них (например, договор князя Святослава с греками 971 г., рассказ о так называемой четвертой мести Ольги древлянам) даже нарушили структуру фраз, оторвав начало предложения от его завершения. В Новгородской I летописи, текст которой в начальной части отличается от большинства других летописей, содержащих Повесть временных лет, все подобные нарушения текста отсутствуют. Это дало основания для предположения о том, что в составе Новгородской I летописи сохранился текст свода, предшествовавшего Повести временных лет. При дальнейшем исследовании этого текста оказалось, что в нем отсутствуют все договоры Руси с греками, а также все прямые цитаты из греческой «Хроники Георгия Амартола», которой пользовался составитель Повести временных лет. Последний признак представляется особенно важным, поскольку в летописях (как, впрочем, и в любых других произведениях древнерусской литературы) не было принято как-то выделять цитируемые фрагменты из других текстов. Поэтому вычленив и удалить из летописи все прямые цитаты, внесенные из какого-либо другого текста, можно было, лишь проведя полное текстуальное сличение летописи с цитируемым произведением. Не говоря уже о технической сложности такой операции, непонятно, зачем могло понадобиться летописцу очищать свой текст от вставок из «Хроники Георгия Амартола». Это заставило сделать вывод о том, что Повести временных лет предшествовал свод, который А.А. Шахматов предложил назвать Начальным. Исходя из содержания и характера изложения летописи, его предложено было датировать 1096–1099 гг. Он-то и лег в основу Новгородской I летописи.

Проблема существования Древнейшего свода. Изучение текста гипотетического Начального свода, однако, показало, что и тот имел в основе какое-то произведение (или несколько произведений) летописного характера. Об этом говорили некоторые логические несообразности текста, отразившиеся в Новгородской I летописи. Из этого А.А. Шахматов сделал вывод о том, что в основе Начального свода лежала некая летопись, составленная между 977 г. и 1044 г. — скорее всего, в 1037 (6545) г., — под которым в ПВЛ помещена обширная похвала князю Ярославу Владимировичу. Это гипотетическое летописное произведение исследователь предложил назвать Древнейшим сводом. Повествование в нем еще не было разбито на годы и имело монотематический (сюжетный) характер. Годовые координаты (как иногда говорят, хронологическую сеть) в него внес киево-печерский монах Никон Великий в 70-х годах XI в.

Идея о существовании Древнейшего свода вызвала возражения. Считается, что эта гипотеза не имеет достаточных оснований. В то же время большинство исследователей согласны с тем, что в основе Начального свода действительно лежала какая-то летопись или ему предшествовало монотематическое повествование. Характеристики и датировки исходного текста, предполагаемые исследователями, существенно расходятся.

М.Н. Тихомиров обратил внимание на то, что в ПВЛ лучше отражено время правления Святослава Игоревича, нежели Владимира Святославича и Ярослава Владимировича. На основании сравнительного изучения ПВЛ и Новгородской I летописи он пришел к выводу, что ПВЛ базировалась на монотематической «Повести о начале Русской земли», рассказывавшей об основании Киева и первых киевских князьях. Предположение М.Н. Тихомирова совпадало с мнением Н.К. Никольского и нашло поддержку у Л.В. Черепнина. Они также связывали зарождение русского летописания с какой-то старинной повестью о полянах-руси. Ее создание приурочивалось ко времени правления в Киеве Святополка Ярополковича (Владимировича) и датировалось 1015–1019 гг. Текстологической проверки этой гипотезы проведено не было.

Д.С. Лихачев полагал, что Начальному своду предшествовало «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси». Оно представляло собой монотематический рассказ, составленный в начале 40-х годов XI в., к которому впоследствии были присоединены некие устные народные предания о князьях-язычниках. В это произведение, по мнению Д.С. Лихачева, входили сказание о крещении и кончине княгини Ольги, сказание о первых русских мучениках варягах-христианах, сказание о крещении Руси (включающее «Речь философа» и «Память и похвалу князю русскому Владимиру»), сказание о Борисе и Глебе и, наконец, похвала князю Ярославу Владимировичу. Отнесение всех этих текстов к единому источнику основывалось на якобы присущих им теснейших композиционных, стилистических и идейных связях. Однако анализ, проведенный Д.А. Баловневым, показал, что гипотеза Д.С. Лихачева не находит текстологического подтверждения.

Одну из самых ранних дат начала русского летописания предложил Л.В. Черепнин. Сопоставив текст ПВЛ с «Памятью и похвалой князю русскому Владимиру» Иакова Мниха, он пришел к выводу, что в основе последней лежал свод 996 г. Этот текст, по мнению Л.В. Черепнина, опирался на краткие летописные заметки, которые велись при Десятинной церкви в Киеве. Было также высказано предположение, что к составлению свода Десятинной церкви был причастен Анастас Корсунянин.

Несмотря на расхождения с представлениями А.А. Шахматова о характере и времени написания древнейшего литературного произведения, которое впоследствии легло в основу собственно летописного изложения, исследователи сходятся в том, что такое произведение существовало. Принципиально не расходятся они и в определении даты его составления — первая половина XI в. Дальнейшее изучение ранних летописных текстов позволит уточнить, что представлял собой этот источник, его состав, идейную направленность, дату создания.

Новгородские своды XI века. Воссоздавая начальные этапы древнерусского летописания, А.А. Шахматов предположил существование Новгородского свода, который был начат в 1050 г. и велся до 1079 г. Вместе с Киево-Пе-

черским сводом 1074 г. (сводом Никона) он лег в основу Начального свода. Новгородский свод третьей четверти XI в., по мнению А.А. Шахматова, опирался на Древнейший свод и какую-то более раннюю новгородскую летопись 1017 г., составленную при новгородском епископе Иоакиме. Однако Повесть временных лет включает незначительное количество известий о новгородских событиях XI в., что заставляет усомниться в обоснованности этой гипотезы. Многие историки древнерусского летописания полагают, что все новгородские известия Повести временных лет восходят к устным источникам (сообщениям Вышаты и Яня Вышатича).

Высказывались и иные гипотезы о новгородском летописании XI в. Так, Б.А. Рыбаков связывает составление такого свода с именем новгородского посадника Остромира (1054–1059). По мнению исследователя, это была светская (боярская, посадничья) летопись, обосновывавшая независимость Новгорода от Киева. Имея не только антикняжескую, но и антиваряжскую направленность, она в то же время первой включила в летописный рассказ легенду о призвании варягов, откуда та перешла в позднейшее летописание.

Устные источники в составе Повести временных лет. В числе своих источников летописец называет устные предания: под 6604 (1096) г. он упоминает новгородца Гюряту Роговича, рассказавшего ему югорскую легенду о народах, живущих на краю земли в «полуночных странах»; под 6614 (1106) г. сообщает о кончине 90-летнего «старца доброго» Яня, от которого «многа слова слышах, еже и вписах в летописаньи семь». Это послужило основанием для гипотезы о существовании в составе Повести временных лет «устных летописей». Считается, что киевские летописцы получали информацию от представителей рода новгородских посадников: Никон — от Вышаты, а создатели Начального свода и ПВЛ — от Яня Вышатича.

Гипотеза об устных летописях вызвала справедливую критику, поскольку опирается на ряд крайне слабо обоснованных допущений, в числе которых, например, отождествление информатора летописца Яня с Янем Вышатичем. Непосредственно перед записью о смерти 90-летнего «доброго старца» под тем же 6614 (1096) г. упоминается о том, что Янь Вышатич был послан во главе военного отряда на половцев и одержал над ними победу. Для старика такие подвиги вряд ли возможны.

Тем не менее летописец, несомненно, пользовался какими-то устными источниками, состав и объем которых пока не установлены.

Иностранные источники Повести временных лет. Летописцы, создававшие и редактировавшие Повесть временных лет и предшествующие ей летописные своды, опирались не только на отечественные, но и на зарубежные источники.

Значительную часть их составляют зарубежные хроники, прежде всего греческие. Из них ранние летописцы заимствовали не только фактический

материал, но и ряд основополагающих идей, в частности идеи исторического процесса.

Особенно многочисленны заимствования из так называемого болгарского перевода «Хроники Георгия Амартола» (т.е. «грешного») и его продолжателя. Сама «Хроника...» была создана около 867 г. и охватывала всемирную историю от Адама до смерти византийского императора Феофила (812). В тексте, которым пользовался составитель Повести временных лет, изложение было доведено до смерти императора Романа (948). Из нее были заимствованы сведения, так или иначе связанные с историей славян и прежде всего с первыми походами Руси на Константинополь. Даты, имеющиеся в «Хронике Георгия Амартола», стали основанием для летописных датировок событий ранней истории. В ряде случаев летописец взял из «Хроники...» характеристики исторических персонажей, которые были перенесены на действующих лиц древнерусской истории.

Другим важным источником стал «Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора (806–815), в котором содержался хронологический перечень важнейших событий всемирной истории, доведенный до года смерти автора — 829 г. Составитель первой редакции Повести временных лет при проведении хронологических вычислений, видимо, опирался на его вторую редакцию, известную в славянском (болгарском) переводе. В частности, «Летописец вскоре» Никифора стал одним из источников хронологического расчета, помещенного под 6360 (852) г.

Важным источником ПВЛ, по мнению ряда исследователей, выступил какой-то не дошедший до нашего времени хронограф особого состава. В него входили фрагменты уже упоминавшейся «Хроники Георгия Амартола», переводов греческих хроник Иоанна Малалы и Георгия Синкелла, а также «Пасхальной хроники».

Использовался в ПВЛ и текст еврейского хронографа «Книга Иосиппон», составленного в южной Италии в середине X в. В его основу был положен латинский перевод «Иудейских древностей» и пересказ «Иудейской войны» Иосифа Флавия (откуда и произошло название самой книги). Как показал лингвистический анализ, перевод «Книги Иосиппон» с еврейского на древнерусский язык был сделан непосредственно в Киеве.

Важным источником образных представлений первых русских летописцев стали произведения сакрального характера. Прежде всего это было Священное Писание. Поскольку до 1499 г. славянской Библии как единого кодекса не существовало, остается только догадываться, в каком виде могли использовать летописцы тексты Ветхого и Нового Заветов. Считается, что это были паремийные чтения (фрагменты Священного Писания, читающиеся в православной церкви на вечернем богослужении, чаще всего накануне праздников). Однако сличение ПВЛ с дошедшими до нашего времени списками богослужебных книг (в частности, с паремийниками) заведомо не может подтвердить

или опровергнуть это предположение. Дело в том, что соответствие богослужбных книг четким для X–XV вв. неизвестно и вряд ли когда-нибудь будет установлено. Тем более что разночтения в ранних переводах библейских текстов, по наблюдению Л.П. Жуковской, могли быть «велики, многочисленны и разнообразны». Кроме того, богослужбные книги сохранились в сравнительно поздних списках, что делает их текстологическое сличение с ПВЛ спорным. Не следует также забывать о библейских цитатах, которые пронизывают все греческие хроники, использованные летописцем. Даже по прямым цитатам невозможно установить, лежал ли текст Священного Писания непосредственно перед летописцем, когда тот обращался к библейской тематике, или же он помнил его наизусть либо близко к тексту.

Именно аналогии с библейскими событиями в первую очередь давали летописцу типологию существенного. Именно из Священного Писания он чаще всего отбирал клише для характеристики людей и событий. В соотносительности происходящего с надмирным и заключался провиденциализм древнерусских летописцев. Поэтому один из важнейших ключей к пониманию и истолкованию летописных образов должен крыться в деталях описания, опирающихся на библейские образы. Следует отметить, что для описания происходящего летописцы чаще использовали «исторические» (ветхозаветные) образы, в то время как прямые и косвенные цитаты из Нового Завета (христологические образы) в основном использовались во вставных произведениях, которые попадали на страницы летописей.

При создании летописей широко привлекалась апокрифическая литература, которая в XI–XII вв. бытовала наряду с богослужбными книгами. Помимо хорошо известных и очень популярных древнерусских переводов «Иудейской войны» и «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, к ней можно отнести также Толковую Палею (комментированный неканонический Ветхий Завет). Возможно, именно в составе Толковой Палеи летописец познакомился со статьей Епифания Кипрского о 12 камнях на ризе иерусалимского первосвященника, и отсюда был заимствован ряд образов, с помощью которых летописец давал характеристики персонажам своего повествования. Возможно, летописец был знаком и с другими апокрифическими произведениями (Книгой Еноха, «Заветами 12 патриархов» и др.), поскольку в тексте ПВЛ есть косвенные ссылки на встречающиеся в них образы.

Использовалось составителем ПВЛ и «Житие преподобного Василия Нового» — греческое агиографическое произведение, известное в славянском переводе. Из него, в частности, был заимствован образный ряд при описании походов Олега и Игоря на Константинополь 6415 (907) г. и 6449 (941) г.

Кроме того, в ПВЛ были вставлены тексты договоров Руси с Византией, помещенные под 6415 (907), 6420 (911), 6453 (945) и 6479 (971) гг. Считается, что они послужили основанием для переработки текстов Начального свода, касающихся походов князей Олега, Игоря и Святослава на Константинополь.

Для источников, на которые опирались древнерусские летописцы в своей работе, характерны некоторые общие черты. Это были сочинения, которые описывают преимущественно церковную историю и ориентированы на эсхатологическую проблематику, в частности на идею последнего царства. Особенный интерес для древнерусского летописца представляла история о гибели царства еврейского, которая рассматривалась как прообраз новозаветной истории. Отсюда же проистекал стойкий интерес к антииудейским произведениям типа Толковой Палеи, текстам Иосифа Флавия, славянскому переводу хроники Георгия Синкелла и т.п.

Цель создания древнейших летописных сводов

В явном виде она в них не формулируется. Определение ее стало одним из дискуссионных вопросов в современном летописеведении. Многие исследователи полагают, что зарождение летописной традиции на Руси связано с учреждением Киевской митрополии. Такое объяснение не позволяет понять, зачем потребовалось продолжать начальную летопись, а затем создавать новые летописные произведения. Позднейшие своды, составлявшиеся на основе Повести временных лет, представляются то публицистическими произведениями, написанными на злобу дня, то средневековой «беллетристической», то текстами, которые систематически дописывают — едва ли не по инерции. В лучшем случае дело сводится к тому, что князья проявляли заботу о своевременном записывании событий (хотя и непонятно, зачем им это понадобилось), а летописцы видели в своем труде поучение современникам, которое имело в большей степени политический характер. За него летописец якобы рассчитывал получить от князя вознаграждение — материальное по преимуществу. Из этого следовал вывод, что Повесть временных лет — малонадежный исторический источник.

Между тем цель создания летописей должна быть достаточно значимой, чтобы на протяжении ряда столетий многие поколения летописцев продолжали труд, начатый в Киеве в XI в. Должна она объяснить и затухание летописания в XVI–XVII вв. Вряд ли она может быть сведена исключительно к меркантильным интересам монахов-летописцев. К тому же признание политической «партийности» авторов и редакторов Повести временных лет противоречит представлению о единстве, цельности этого литературного произведения, а расхождения (иногда радикальные) в оценках одного и того же деятеля, сохранявшиеся при последующей переписке или редактировании летописи, в таком случае не находят объяснения.

Одним из предложенных в последние годы решений была гипотеза об эсхатологических мотивах как основной теме древнейшей русской летописи. Судя по всему, именно тема конца света была для летописца системообразующей: все прочие мотивы и сюжеты, встречающиеся в ПВЛ, лишь дополняют и развивают ее. К тому же есть достаточные основания и для гипотезы, что ориентация на спасение в конце мира — сначала коллективное (большая

эсхатология), а позднее индивидуальное (малая эсхатология) — определяла важнейшую социальную функцию летописи: фиксацию нравственных оценок основных (с точки зрения летописца) персонажей исторической драмы, разворачивающейся на богоизбранной Русской земле, которая явно претендует на то, чтобы стать центром спасения человечества на Страшном суде. Именно эта тема позволяет непротиворечиво объяснить структуру летописного повествования, отбор материала, подлежащего изложению, форму его подачи, подбор источников, на которые опирается летописец, причины, побуждающие создавать новые своды и продолжать начатое когда-то повествование.

Вместе с тем глобальность цели, которую ставил перед собой летописец, предполагала многоплановость изложения, охват широкого круга самых разнообразных по своему характеру событий. Все это задавало ПВЛ ту глубину, которая обеспечивала ее социальную полифункциональность: возможность прагматического использования текста летописи (для доказательства, скажем, права на престол, как своеобразного свода дипломатических документов и проч.) наряду с ее чтением в качестве нравственной проповеди, собственно исторического или «беллетристического» сочинения и т.д.

Следует все-таки отметить то, что до сих пор идеи и духовные ценности, которыми руководствовался летописец в ходе своей работы, во многом продолжают оставаться загадочными.

1.1.3

Местное летописание XII–XIII веков

После выделения из состава Древнерусского государства отдельных земель и княжеств летописные традиции Киевской Руси получали продолжение и развитие на местах. До нас не дошли списки летописей, относящихся к этому времени. Поэтому речь может идти только о гипотетических сводах, существовавших в домонгольской Руси. Источниками для изучения этого этапа древнерусского летописания служат более поздние летописи.

Южнорусское летописание. Источниками изучения южнорусского летописания XII–XIII вв. служат в первую очередь Ипатьевский (начало XV в.), близкие ему Хлебниковский (XVI в.), Погодинский (XVII в.), Ермолаевский (конец XVII — начало XVIII в.) и другие списки, а также списки Воскресенской и основной редакции Софийской I летописей. Их текстологический анализ позволил высказать предположение о существовании Киевского великокняжеского свода 1200 г. (А.Н. Насонов определил этот свод как «киевский свод 1198–1199 гг.»). Попытка В.Т. Пашуто отнести этот свод к более позднему времени — 1238 г. — не получила поддержки специалистов. Считается общепринятым то, что он был составлен при князе Рюрике Ростиславиче в Выдубицком монастыре. Непосредственным поводом к его написанию, как считает М.Д. Приселков, стало возведение князем каменной стены для монастыря.

Во всяком случае, свод заканчивается описанием торжеств по случаю завершения строительства 24 сентября 1199 г. Вместе с тем обращалось внимание на то, что Рюрик Ростиславич был первым правителем Киева, получившим великокняжеский титул после 1037 г., что могло стать непосредственным мотивом создания великокняжеской летописи. Автором Киевского свода предположительно называют игумена Выдубицкого монастыря Моисея.

Источниками свода 1200 г. считают: 1) Киевский свод Святослава Всеволодовича (основной источник, оканчивавшийся описанием кончины князя в 1173 г.); 2) сборник некрологов Ростиславичей (братьев великого князя, составленный в том же Выдубицком киевском монастыре при Рюрике); 3) семейный Летописец черниговского князя Святослава Ольговича и его сыновей Олега и Игоря Святославичей (доведен до 1198 г.); 4) княжеский Летописец Переяславля Южного, рассказывавший о военных подвигах Владимира Глебовича и доведенный до кончины князя — 1187 г. Из этого следует, что в XII–XIII вв. на юге Руси летописание систематически велось лишь в Киеве и Переяславле Южном. В Чернигове же существовали только семейные княжеские Летописцы.

Киевское летописание. С одной стороны, оно продолжало традицию Повести временных лет, с другой — утратило общегосударственный характер и превратилось в семейную летопись киевских князей. Оно велось непрерывно в течение всего XII в. Однако данными о продолжении такой традиции после 1200 г. исследователи не располагают, хотя известно, что в Киеве в 1238 г. велась какая-то летопись.

Летописание Переяславля Южного. Зародилось оно в начале XII в. и велось вплоть до 1228 г. Начало его было, скорее всего, заложено уже упоминавшимся игуменом Сильвестром, переведенным на переяславскую епископию. Большинство исследователей полагает, что в Переяславле существовало два летописных центра — епископский (по крайней мере до 1187 г.) и княжеский.

Галицко-волынские летописи. Вероятно, еще в XII в. начинается летописание в Галиче Волинском. К сожалению, галицко-волынские летописи за это столетие почти не нашли отражения в позднейших сводах. Тем не менее есть некоторые основания считать, что здесь систематически велись годовые записи. В конце XIII в. на их основе было создано цельное повествование, лишенное годовых обозначений. Считается, что автор его был светским человеком, возможно, из княжеской дружины. По стилю его рассказ напоминает произведения византийских «историков», не переведенные на древнерусский язык. Он-то и составил основу Ипатьевской летописи.

Летописание Северо-Востока. Источники изучения летописания русско-го Северо-Востока за XII–XIII вв. включают Радзивилловский (конец XV в.) и Московский Академический (XV в.) списки, восходящие к общему протографу (Радзивилловская летопись), Летописец Переяславля-Суздальского (список 60-х годов XV в.) и Лаврентьевский список 1377 г. При текстологическом

сличении удалось выявить лежащие в их основе три Владимирских великокняжеских свода: 1177 г. (видимо, первая летопись, возникшая на Владимиро-Суздальской земле), 1193 и 1212 гг. Последний, в свою очередь, был положен в основу Летописца Переяславля-Суздальского, продолжившего его до 1215 г. Текст его сохранился только с 1138 г. Впоследствии эта летописная традиция была продолжена Летописцем ростовского князя Константина Всеволодовича и его сыновей (1207 г., с продолжением), а также Владимирским великокняжеским сводом Юрия Всеволодовича (1228 г., с продолжением до 1237 г.), объединенными впоследствии с Владимирским великокняжеским сводом Ярослава в своде 1239 г., написанном в Ростове, или же в великокняжеском своде 1281 г. Дмитрия Александровича. Основанием для их изучения служит текст Лаврентьевской летописи (с 1206 г.). Сопоставление Симеоновского (XVI в.) и Рогожского (середина XV в.) списков, а также реконструкция Троицкой летописи (начало XV в.) позволяют установить упомянутый великокняжеский Владимирский свод 1281 г., составленный в Переяславле-Залесском. Центральной идеей этого свода — в противовес Галицко-Волынскому своду конца XIII в. — было обоснование приоритета Владимирского княжества.

Владими́ро-сузда́льское летописание. Как самостоятельная ветвь оно берет свое начало с 1158 г., когда во Владимире-на-Клязьме начали вестись непрерывные местные записи при дворе Андрея Боголюбского. В 1177 г. они были объединены с отдельными летописными заметками Юрия Долгорукого в великокняжеский свод, опиравшийся, кроме того, на епископский южнорусский (переяславский) Летописец. Продолжением его стал летописный свод 1193 г., включивший материалы княжеского Летописца Переяславля Южного. В 1212 г. на его основе был создан лицевой (т.е. украшенный миниатюрами, копии которых сохранились в Радзивилловском списке) свод великого князя Владимирского. До этого летописание, видимо, велось при владимирском Успенском соборе. Теперь же летописный свод приобрел светские черты, что связывают с ухудшением отношений владимирского князя Юрия с епископом Иваном. Скорее всего, составление свода 1212 г. было поручено человеку, близкому великому князю. В дальнейшем в связи с монгольским нашествием и разорением Владимира летописание там затухает.

Ростовское летописание. Традиции Владимирских великокняжеских сводов продолжило ростовское летописание. Уже в начале XIII в. в Ростове создается местный княжеский Летописец, во многом близкий владимирскому. В 1239 г. появляется продолжение великокняжеского Владимирского свода, вобравшего и известия Ростовского свода 1207 г.

Летописание Переяславля-Суздальского. Развивалась северо-восточная традиция летописания и в Переяславле-Суздальском. Опираясь на Владимирский свод 1212 г., переяславский князь Ярослав Всеволодович в 1215 г. создал свой Летописец. В 1281 г., в связи с переездом в Переяславль великого князя

владимирского и митрополита Киевского и всея Руси, здесь создается великокняжеский свод 1281 г., после чего владимирское великокняжеское летописание угасает.

Центральной идеей, положенной в основу северо-восточной летописной традиции, была мысль о переходе центра Русской земли из Киева во Владимир-на-Клязьме.

Новгородское летописание. Источниками изучения новгородского летописания XII–XIII вв. служат Синодальный список (XIII — первая треть XIV в.) Новгородской I летописи (старший извод), а также списки Комиссионный (XV в.), Академический (вторая половина XV в.) и Троицкий (вторая половина XV в.), объединяемые в ее младший извод. Их анализ позволяет установить, что в Новгороде летописная традиция не прерывалась с середины XI до XVI в. Около 1136 г., видимо, в связи с изгнанием из Новгорода князя Всеволода, по указанию епископа Нифонта был создан Софийский владычный свод, переработавший новгородскую княжескую летопись, которая велась с середины XI в. Вторым его источником считается киевский Начальный свод 1096 г., легший в основу новгородского летописания. Возможно, в создании первого владычного свода принимал участие известный клирик Новгородской Софии Кирик. В начале XIII в. появляется новый владычный новгородский свод. Он завершается рассказом о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г.

Параллельно с архиепископской кафедрой летописные записи велись в Неревском конце Новгорода, в церкви св. Иакова. После 1174 г. настоятель этой церкви Герман Воята (1144–1188) предпринял литературную переработку Софийского свода. При этом он использовал также какую-то южнорусскую летопись. Его работа была продолжена до конца XII в. безымянным летописцем, оставившим запись о смерти Германа. Наконец, к середине XIII в. относится летописная деятельность пономаря Тимофея, который упомянул о себе под 1230 г. На этом уличанская летописная традиция не прервалась. Возможно, сам Синодальный список — одно из ее звеньев.

1.1.4

Летописание XIV–XV веков

Зарождение общерусского летописания

К XIV в. относятся первые летописи, претендующие на охват истории всех русских земель (на самом деле они фиксировали, как правило, лишь события Северо-Восточной Руси).

Источниками для изучения зарождения общерусского летописания служат прежде всего Лаврентьевская и Троицкая летописи. Выяснить, как развивается общерусское великокняжеское летописание, позволяет сличение

Тверского летописного сборника XVI в. (дошел в списках XVII в.), Рогожского летописца и Симеоновской летописи.

В связи с тем что в 1305 г. великим князем владимирским стал тверской князь Михаил Ярославич, центр великокняжеского летописания переместился в Тверь, где, видимо, еще в конце XIII в. начали вести летописные записи. Свод 1305 г., будучи общерусским сводом, включил не только местные, но и новгородские, рязанские, смоленские, южнорусские известия и имел антиордынскую направленность. Он стал основным источником Лаврентьевской летописи.

Продолжением этого свода стали новые общерусские летописные своды 1318 и 1327 гг., также созданные в Твери. Их следы дошли в составе более поздних московских летописей (Троицкой и Симеоновской). Кроме того, остатки тверского летописания за первую треть XIV в. обнаруживаются в Тверском летописном сборнике и Рогожском летописце. В это время летописание в Твери ведется непрерывно, год за годом. В ходе работы над сводами 1318 и 1327 гг. тверские летописцы частично отредактировали текст предшествующего свода, дополнив его материалами по истории других русских земель.

Когда Иван Калита получил ярлык на великое княжение, зародившаяся в Твери традиция общерусского летописания перешла в Москву. Приблизительно в 1389 г. здесь создается «Летописец великий русский». Он не сохранился до нашего времени, но его материалами воспользовался составитель Троицкой пергаменной летописи. Однако, как известно, та погибла в московском пожаре 1812 г. Восстановить состав и содержание нового великокняжеского свода позволяет обращение к текстам Рогожского летописца, Симеоновской и Никоновской летописей. В них сохранились сообщения за 1306–1408 гг., восходящие к местным летописным традициям Твери, Суздаля, Ростова, Смоленска, Рязани и Новгорода Великого, входившие в состав Летописца 1389 г. В Москве при князе Юрии Даниловиче летописных записей, видимо, не велось. Следы подобной работы отмечаются при московском княжеском дворе только с 1317 г. Чуть позднее появляются признаки летописания, которое велось при митрополичьей кафедре, перенесенной за год до того в Москву. Судя по всему, с 1327 г. при митрополичьем дворе непрерывно ведется единая летопись. Она гораздо внимательнее к переменам на митрополичьем престоле, а не на великокняжеском. Тем не менее новый свод имел характер не собственно митрополичий, а великокняжеско-митрополичий. Он, видимо, и получил название «Летописца великого русского». Следует, однако, отметить, что взгляд московского летописца оказался значительно уже кругозора составителей тверских великокняжеских сводов.

С именем митрополита Киприана связывается появление идеи создания нового летописного свода, включающего историю русских земель, входивших в русскую митрополию, с древнейших времен. Он призван был включить материалы всех местных летописных традиций, в том числе записи по истории Великого княжества Литовского. Таким первым общерусским митрополичьим

сводом стала Троицкая летопись 1408 г., отразившаяся преимущественно в Симеоновском и некоторых других списках, а также в примечаниях Н.М. Карамзина (давшего ей общепринятое ныне название) к «Истории государства Российского». Свод 1408 г. был составлен в Троицком монастыре или в Москве. Его характерная черта — отсутствие централизаторских и антиордынских тенденций.

После нашествия Едигея и в связи с последовавшей затем борьбой за московский престол между наследниками Дмитрия Донского центр общерусского летописания вновь переместился в Тверь. В 30-х годах XV в. (по последней датировке Я.С. Лурье — в 1412 г.) здесь появляется новая редакция свода 1408 г., непосредственно отразившаяся в Рогожском летописце, Никоновской и (опосредованно) Симеоновской летописях.

Однако задача создания подлинно общерусской (в рамках Московской Руси) летописи была решена лишь в XV столетии. Важным этапом на этом пути стало составление свода 1418 г. (прежде традиционно датировался 1448 г.), который лег в основу большой группы летописных списков, объединяемых в Софийскую I и Новгородскую IV летописи. Новый свод представлял собой коренную переработку свода 1408 г. с привлечением тверских, суздальских, новгородских и других летописных материалов. Он имел общерусский характер и своим происхождением был по-прежнему обязан митрополичьему окружению. Под пером составителя свода 1418 г. идея необходимости объединения московских земель с Ростовом, Суздаlem, Тверью и Новгородом Великим для совместной борьбы с «погаными» впервые приобрела подлинно общерусское звучание.

Свод 1418 г. не дошел до нас в первоначальном виде. Возможно, это связано с тем, что он поневоле — в силу времени своего создания — имел компромиссный характер, подчас парадоксально объединяя московскую, тверскую и суздальскую точки зрения. Тем не менее он лег в основу практически всех общерусских летописей последующего периода, так или иначе перерабатывавших его (прежде всего Софийской I и Новгородской IV летописей).

Местное летописание XIV–XV веков

Ростовское (или суздальское) летописание. Оно сохранилось в составе летописного свода первого десятилетия XV в., завершающего Московско-Академическую летопись (XV в.). В его основе лежат источники, общие с Радзивилловской (до 1206 г. — предположительно Летописец ростовского князя Константина Всеволодовича) и Софийской I летописями. Окончание же его представляет краткую летопись, уделяющую особое внимание Ростову и ростовским, а также суздальско-нижегородским князьям. Это позволяет сделать вывод о том, что летописный свод, завершающий Московско-Академическую летопись, был составлен в Ростове или Суздале. Однако существование длительной и непрерывной традиции ростовского владычного летописания

представляется сомнительным. Подтверждением этого служит и то, что в 80-х годах XV в. оппозиционные центру ростовские летописцы вынуждены были основывать свою работу на московских летописях.

Новгородское летописание. Оно представлено Новгородской I летописью, старший извод которой был доведен до середины XIV в. Он дошел до нас в единственном Синодальном списке, начало которого (до 1016 г.) утрачено. В младшем изводе, представленном Комиссионным, Академическим (середина XV в.) и Троицким (XVI в.) списками, а также поздними копиями Академического списка XVIII и XIX вв., отразилось летописание Новгорода Великого второй половины XIV в. и начала XV в.

Псковское летописание. Оно включает ряд списков, объединяемых в летописи Псковскую I (первоначально доходила до 1469 г.; представлена списками Тихановским XVII в., Архивским I конца XVI в. и др.), Псковскую II (представлена оригиналом — единственным Синодальным списком середины 80-х годов XV в. и доведена до 1486 г.) и Псковскую III (представлена списками Строевским середины XVI в. и Архивским II середины XVII в.; изложение выходит за пределы XV в., а в Архивском II — даже включает начало XVII в.). В основе трех летописей лежал общий псковский протограф, датируемый 80-ми годами XV в.

Белорусско-Литовское летописание. Оно связано с традицией ранних московских общерусских сводов, представленных Троицкой и Симеоновской летописями. Белорусская I летопись представлена Никифоровским, Супрасльским, Слуцким и Академическим списками. Это сложный по составу сборник, включающий «Летописец великих князей Литовских» и «Избрание летописания изложено вкратце». Последний источник составляют заимствования из Новгородской IV (до 1309 г.), Софийской I (за 1385–1418 гг.) и Троицкой (1310–1385) летописей. В заключительной части Белорусская I летопись представляет собой своеобразное продолжение Троицкой летописи или ее протографа.

Изучение истории XIV в. серьезно затруднено тем, что свидетельства о ней весьма неполны и фрагментарны. При крайней бедности общерусского летописания до конца XIV в. особое значение приобретает единственная современная этим событиям местная летопись (доведенная, к сожалению, только до середины XIV в.) — Новгородская I старшего извода (Синодальный список). Лишь обращение к источникам других видов в какой-то степени позволяет восполнить отсутствие сведений по этому периоду. Тем не менее остается множество вопросов, решение которых вообще едва ли возможно. Недостаток фактических данных сказывается самым серьезным образом на качестве и глубине исследования проблем, связанных с историей XIV в.

1.1.5

Летописные своды конца XV—XVI веков

Общерусское официальное летописание

Начало общерусского летописания великих князей московских, заложившего основы официального летописания XVI в., относится ко второй половине XV в.

На основании сопоставления Ермолинской летописи с летописями Архивской (или Ростовской, XVII в.), Симеоновской и Воскресенской (обе XVI в.), а также так называемым двухтомным Лондонским списком (XVI в.) выявлен гипотетический протограф, который лежал в их основе. Его состав уточняется при обращении к Музейскому (конец XV — начало XVI в.) и Воронцовскому сборникам, а также летописям Лавровского, Вологодско-Пермской (конец XV — середина XVI в.) и Никаноровской. В них сохранился текст краткого летописца, который считают самой ранней редакцией московского великокняжеского летописания. По ряду косвенных данных удалось установить, что она была составлена приблизительно в 1472 г. и основывалась на своде 1418 г. В ней была закреплена московская традиция освещения событий русской истории (в том числе обстоятельств феодальной войны второй четверти XV в.), которая проникла затем во все общерусские летописи. Наиболее непосредственное отражение Московский свод начала 70-х годов XV в. нашел в Воронцовском и Музейском сборниках, Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях, а также в списке Лавровского (конец XV в.). При этом наиболее ранняя его версия (до мая 1472 г.) сохранилась в первых двух списках, тогда как общий источник Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей представлял собой более позднюю (осень 1472 г.) обработку свода, легшего в основу летописи Лавровского.

Следующими этапами великокняжеского летописания стали своды 1477 и 1479 г. От свода 1477 г. сохранилась лишь заключительная часть в так называемом «Летописце от 72 язык». О начальной его части можно судить только предположительно — на основании текста свода 1479 г. Последний дошел до нас целиком (до статьи 6926 г.), но в измененном виде. Он восстанавливается по поздним Уваровскому (XVI в.), Архивскому (XVII в., так называемая Ростовская летопись) и Эрмитажному (XVIII в.) спискам. В последнем он сохранился в неизменном виде. В Уваровском списке Московский летописный свод 1479 г. имеет продолжение до 7000 (1492) г.

К числу источников свода 1479 г. следует отнести свод 1477 г., особую редакцию свода 1418 г. (в которой были устранены компромиссные тенденции последнего), Ростовский свод начала XV в. (отразившийся в Московско-Академической летописи) и Новгородский свод, близкий Новгородским I и IV летописям. Обработка свода 1418 г. не могла проводиться при митрополичьем

дворе, поскольку из повествования были исключены в основном библейские цитаты и религиозные сентенции. Официозный и светский характер обработки позволяет характеризовать новую редакцию как памятник великокняжеского летописания. Видимо, традиция создания митрополичьих общерусских сводов на время угасает.

В своде 1479 г. были усилены антилатинская и антиновгородская тенденции, что объясняется историческими условиями, в которых он составлялся, однако систематической переработки предшествующего изложения в духе современных ему политических воззрений, которой отличаются последующие московские своды XVI в., не проводилось. Впоследствии текст этого свода лег в основу всего официального общерусского летописания — великокняжеского и царского. Он отразился в списках Погодинской, Мазуринской, Симеоновской, Новгородской IV (V), Софийской I, Софийской II и Львовской летописей, а также в основных сводах XVI в.: Воскресенской, Иоасафовской, Никоновской и других летописях. Кроме того, фрагменты свода за 80–90-е годы XV в. были включены в неофициальные своды.

Московский летописный свод конца XV в. представляет собой развернутые сообщения о важнейших актах великокняжеской политики, великокняжеской семье, строительстве в Москве и других городах и т.д. Практически все оценки, приведенные здесь, имеют вполне официальный характер, оправдывая действия великого князя московского.

Некоторые расхождения, встречающиеся в параллельных текстах этого свода, дали основание для предположения о существовании двух его редакций. Первая из редакций отразилась в Музейском списке, Софийской I летописи по списку Царского, Погодинской летописи, вторая — в Симеоновской, Мазуринской и сходных с ними летописях. Первая редакция была составлена после событий 1494 г., связанных с какой-то политической интригой, в которую оказалась замешана Софья Палеолог. Характер и время составления второй редакции уточняются на основе сопоставления Новгородской Уваровской летописи и Новгородского летописного свода 1539 г. (Новгородская IV летопись по списку Дубровского, Отрывок летописи по Воскресенскому Ново-иерусалимскому списку, вторая часть так называемой Ростовской летописи) с сообщениями Софийской I летописи по списку Царского. Скорее всего, великокняжеский свод в новой редакции завершался статьей 7008 (1500) г.

Следующая по времени редакция великокняжеского свода была доведена уже до 7017 (1508) г. Она была связана с завершением борьбы Василия III за престол. Свод 1508 г. отразился в заключительной части Софийской I летописи по списку Царского.

С начала XVI в. на Руси существует уже только одна общерусская летописная традиция, связанная с великокняжеской канцелярией. Летописи XVI в. почти никогда не расходятся между собой в оценках и характеристи-

ках. Они отличаются полнотой и имеют сугубо официальный характер, послушно реагируют на изменения в государственной политике.

С первых десятилетий XVI в. вновь активизируется митрополичье летописание. В 1518 г. появляется новый свод, лежащий в основе Софийской II и Львовской летописей, а также Уваровского вида «Летописца от 72 язык». Скорее всего, это был официальный свод, полностью лояльный к властям. Составлен он был в церковной среде, возможно, при митрополите Варлааме. Ряд критических замечаний, высказанных составителем свода в адрес митрополитов Филиппа и Геронтия, позволяет сомневаться в его официальном характере. В основу свода 1518 г. были положены великокняжеское летописание первых десятилетий XV в. и неофициальный ростовский свод 1489 г., расширенные материалами митрополичьего архива. Наряду с ними одним из важнейших источников свода 1518 г. стал особый церковный свод 80-х годов XV в., оппозиционный великокняжеской власти.

Важным этапом в завершении унификации русского летописания под эгидой Москвы стала Никоновская летопись. Она составлена в конце 20-х годов XVI в. в Москве, при дворе митрополита «всея Руси» Даниила Рязанца (1522–1539). Впоследствии Никоновский свод неоднократно дополнялся заимствованиями из официального летописания и был доведен до 1558 г. Его оригинал — список Оболенского, наличие которого позволило уточнить датировку и место составления свода, установить скрипторий, в котором он был написан, и личность составителя. Целью создания летописи стала подготовка к собору 1531 г., на котором подверглись осуждению взгляды нестяжателей на церковное землевладение. Основными источниками Никоновского свода были Симеоновская, особая редакция Новгородской V (так называемая Новгородская Хронографическая) и Иоасафовская летописи, Владимирский летописец, Устюжский свод и Русский хронограф. В числе источников Никоновского свода называется также Западно-русский хронограф середины 50-х годов XVI в. Кроме того, в состав Никоновской летописи вошел целый ряд литературных произведений: переводы Максима Грека, сборник слов и поучений митрополита Даниила, копияная книга московской митрополичьей кафедры, несколько слов и сказаний. Никоновская летопись представляет собой наиболее полный свод сведений по русской истории, часть из которых уникальна. Использование многочисленных источников, в том числе неизвестных, заставляет с особой осторожностью относиться к информации, почерпнутой из Никоновского свода. Особенно это касается «избыточных» сведений. Тем не менее Никоновская летопись — один из важнейших источников по истории русского Средневековья.

Между 1542 и 1544 гг. была составлена Воскресенская летопись — официальная летопись первой половины XVI в. Следует отметить, что помимо великокняжеского летописания конца XV — начала XVI в. ее создатели пользовались Ростовским сводом 80-х годов (отразился в Типографской летописи) и внелетописными памятниками. В частности, в нее было включено «Сказание о князьях владимирских» (20-е годы XVI в.), объединившее легенды о происхождении русской великокняжеской династии от римского императора Августа через легендарного Пруса (якобы родственника Рюрика) и о Мономаховых регалиях, которые будто бы были посланы византийским императором Константином Мономахом киевскому князю Владимиру Всеволодовичу. В первоначальных (несохранившихся) редакциях она доходила до 30-х годов XVI в. Позднейшие редакции были доведены сначала до 1541 г., а затем до 1560 г. В основу изложения Воскресенской летописи положен Московский летописный свод 1508 г.

К концу 50-х годов XVI в. относят появление «Летописца начала царства», составленного, видимо, при непосредственном участии А.Ф. Адашева. Он охватывает небольшой период (с 1533 по 1556 г.) и освещает преимущественно две темы: укрепление «самовластья» Ивана IV и присоединение Казани. Основные идеи Летописца близки официальным идеологическим установкам начального периода правления Ивана Грозного. Существенно отредактированные тексты Летописца были использованы при составлении последних двух томов Лицевого свода.

Никоновская и Воскресенская летописи представляют вполне оформившуюся единую русскую официальную летописную традицию. Эти качества и определяют прежде всего характер и трактовку сохранившихся в них сведений, следовательно, и отношение к ним со стороны историка, изучающего по этим летописям историю конца XV — первой половины XVI в. В таком унифицированном виде общерусское летописание просуществовало до 60-х годов XVI в., пока резкие перемены в годы опричнины не привели сперва к срочной переработке официальной летописи, а затем и к полному ее прекращению.

В начале 60-х годов XVI в. только что составленный новый список Никоновской (Патриаршей) летописи был привлечен для создания «Степенной книги царского родословия» — своеобразного литературно-исторического произведения, само появление которого свидетельствовало об определенных изменениях в подходе к историческому материалу и угасании летописного жанра. Составленная в окружении митрополита Макария (возможно, митрополитом Афанасием), «Степенная книга...» объединила летописные тексты с агиографическими и дополнила их устными преданиями. Название книги происходит от того, что текст ее разбит на 17 «степеней» (ступеней), по которым двигалась история Русской земли. Основная ее идея — представить русскую историю как деяния святых московских государей и их предков. Тенденциозность ее создателя повлияла на точность и достоверность

изложения исторического материала, а потому источниковедческая ценность приводимых в ней сведений крайне низка. «Степенная книга...» оказала большое влияние на последующие исторические и публицистические произведения.

Самым крупным летописно-хронографическим произведением средневековой России стал так называемый Лицевой свод Ивана Грозного (иллюстрированная редакция Никоновской летописи). Эта «историческая энциклопедия XVI в.» (А.Е. Пресняков) включала десять томов, почти каждая страница которых украшена миниатюрами (всего более 16 тыс. миниатюр). Три первых тома посвящены всемирной истории, а последующие семь — русской. Они создавались в царской книгописной мастерской при соборном храме Покрова Богородицы в Александровской слободе в течение почти целого десятилетия: с 1568 по 1576 г. Сложность изучения Лицевого свода, в частности, определяется тем, что в настоящее время его тома хранятся в разных рукописных хранилищах страны: Хронограф ГИМ (Музейский сборник), Синодальная летопись («Никоновская с рисунками») и Царственная книга — в Рукописном отделе Государственного исторического музея (Москва); Хронограф БАН и два тома Древнего летописца («Остермановский летописец») — в Библиотеке академии наук (Санкт-Петербург); Хронограф ГПБ, Голицынский, Лаптевский и Шумиловский тома — в Национальной публичной библиотеке (Санкт-Петербург). Все они представляют собой единое целое и освещают историю от сотворения мира до 7075 (1568) г. Том, содержащий начальную русскую историю, изложение которой начинается с событий 6622 (1114) г., отсутствует. Последние два тома — Синодальная летопись и Царственная книга — включают две редакции описания одних и тех же событий, связанных с началом царствования Ивана IV. В обоих томах на полях присутствуют скорописные редакторские записи. Это послужило основанием для популярной в свое время гипотезы Д.Н. Альшица о двукратном редактировании их самим царем. Однако впоследствии удалось доказать, что редактировался том лишь однажды, но при переплетении черновые и перебеленные листы оказались перемешанными: часть листов Синодальной летописи попала в Царственную книгу.

Очевидно, что по завершении работы над последней — наиболее злободневной — частью свода она была представлена на рассмотрение царю и вызвала его неудовольствие. Первоначальный текст был «отрецензирован» прямо в готовом варианте рукописи с уже выполненными в чернильном очерке, но не иллюминированными миниатюрами. Приписки внесены в первой половине 70-х годов XVI в. и основывались, несомненно, на каких-то письменных источниках. Сохранившиеся пометы редактора Лицевого свода дают полное представление о том, как работа летописцев и миниатюристов контролировалась заказчиком (в качестве которого, очевидно, выступал сам царь) во второй половине XVI в.: не только указывалось, как описывать или изображать то или иное событие, но и давались тексты, которые следовало внести

в летопись (например, только из редакторских помет известно о так называемом боярском мятеже во время болезни Ивана Грозного в 1553 г.). Эти приписки — важный источник по истории политической борьбы XVI в. Основным и непосредственным источником для русских статей Лицевого свода стал список Оболенского Никоновской летописи: на его полях имеются восковые отметки точно в тех местах, где в Лицевом своде расположены миниатюры. В качестве дополнительных источников использовались Воскресенская и Новгородская IV летописи, Степенная книга и «Летописец начала царства». Хронографическая часть Лицевого свода опиралась на Чудовский и Академический виды Еллинского летописца II редакции, дополненные текстами Русского хронографа, «Хроники Георгия Амартола» (возможно, в составе Еллинского хронографа I редакции), а также «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Причины прекращения работы над Лицевым сводом неизвестны. Лицевой свод стал последним общерусским сводом. После него летописная традиция угасает. И хотя в XVII — первой половине XVIII в. продолжают вестись местные и частные записи, внешне напоминающие летописи, они уже не могут дать и не дают общей картины истории страны.

Не исключено, что летописи зародились и бытовали как своеобразные «книги жизни», которые должны быть предъявлены на Страшном суде. Они составлялись начиная с 30-х годов XI в. непосредственно накануне конца времен (который пытались более или менее точно рассчитать) в качестве официального доказательства раскаяния того или иного лица в совершенных им грехах либо, наоборот, подтверждения его греховности и «окаянности». Если это так, то становится ясным, почему по истечении 7000 (1492) г., когда эсхатологические ожидания на Руси достигли кульминации, летописание довольно резко меняет свой характер, а после 7077 (1569) г., в котором видели последнюю ближайшую дату наступления конца света, вообще прекращается. Тогда поддаются объяснению и даты, избранные для составления новых летописных сводов и их редакций: большинство из них соответствуют предполагаемым датам второго пришествия (годы совпадения Благовещения и Пасхи — так называемая кириопасха, а также рассчитанные по тем или иным основаниям, на которых здесь нет нужды останавливаться, 1037–1038, 1492, 1499, 1562 гг. и др.). Возможно, с этим связано и особое отношение к летописям. Известно, например, что Никоновская и другие летописи, «написанные и хранимые в секрете» (Дж. Горсей), наряду с прочими сокровищами составляли часть царской казны и, видимо, рассматривались как государственное достояние. Впрочем, эта гипотеза не исключает возможности иных мотивов составления того или иного летописного свода.

Общерусское неофициальное летописание

Наряду с официальным общерусским летописанием со второй половины XV в. появляются своды, составлением которых занимались частные лица.

Эти летописи не имели официального характера и подчас противостояли сводам великокняжеским.

Один из примеров независимой местной традиции дает Ермолинская летопись (составлена в XV в.; список начала XVI в.). В ряде случаев она приводит оригинальные сведения. Ее сопоставление с текстами близких ей сокращенных сводов (Погодинского, Мазуринского и Соловецкого видов Сокращенного летописного свода 1493 г. — всего 13 списков), а также Устюжского летописца позволяет говорить о том, что все они восходят к общему протографу — севернорусскому своду 70-х годов XV в., созданному, по всей видимости, в Кирилло-Белозерском монастыре. Наряду с московским великокняжеским летописанием (Московские своды 1472 и 1479 гг.) его основу составили новгородские летописи и какой-то ростовский или суздальско-ростовский источник. Составление севернорусского свода именно в Кирилловском Белозерском монастыре подтверждается несколькими аргументами. Не будучи официальной летописью ростовских архиепископов, он демонстрирует повышенный интерес к истории северных, заволжских районов Ростово-Суздальской земли, где и был расположен монастырь. Наконец, его текст был использован при составлении в Кирилло-Белозерском монастыре сокращенного «Летописца русского» XV в. и кратких летописчиков XV–XVI вв.

Неофициальный характер Кирилло-Белозерского свода 70-х годов XV в. (он не был даже официальным сводом монастыря) позволял его составителям высказывать независимые суждения о политике великого князя, поддерживать опальных политических и церковных деятелей (например, ростовского архиепископа Трифона, московского воеводу Федора Басенка и др.), критически отзываться о ярославских чудотворцах. Несмотря на, казалось бы, частный характер, данный свод на самом деле был общерусским. Об этом говорит круг источников, использованных его составителями, и широта затрагиваемой в нем тематики. Именно благодаря общерусскому характеру он получил широкое — хотя, естественно, неофициальное — распространение.

Другим примером местного независимого летописания выступает неофициальный свод 1489 г., составленный в кругах, близких ростовской архиепископской кафедре. Он восстанавливается при сличении Типографской летописи с Софийской II и Львовской летописями. Особая роль в его реконструкции отводится Типографской летописи, известной в десяти списках. Они объединяются в две редакции: более ранняя отражена в Академическом и близких ему семи списках, а более поздняя — в Синодальном и подобном ему Библиотечном. Источниками для этого гипотетического свода послужили Московский свод 1479 г., два неизвестных источника, близких Лаврентьевской летописи (причем один из них описывал ростово-суздальские события, не известные другим источникам), и, вероятно, записи, которые велись при ростовской владычной кафедре. Эта летопись была независима, но вполне лояльна к московской великокняжеской власти. Именно руке ростовского летописца,

видимо, принадлежит целый ряд рассказов, включенных в общерусские своды (в частности, о стоянии на Угре). В конце XV — начале XVI в. этот свод был отредактирован в кругах, близких к ростовскому архиепископу Тихону. Возможно, именно в это время в него были включены фрагменты великокняжеской летописи.

Одним из источников уже упоминавшегося митрополичьего свода 1518 г. был особый свод 80-х годов XV в. Представление о его составе и характере можно получить, убрав из совпадающих текстов Софийской II и Львовской летописей сообщения, близкие Ермолинской летописи и сокращенным летописным сводам конца XV в. В результате остается ряд оригинальных известий, нигде более не упоминающихся. Дата его составления не поддается уточнению (последнее известие датируется 1483 г.). Скорее всего, он был создан в московских церковных кругах, близких митрополиту Геронтию. Этот свод отличается резко критическим отношением к великокняжеской власти, однако вряд ли он был официальной митрополичьей летописью.

Неофициальный московский свод 80-х годов XV в. и ростовский свод 1489 г. были последними памятниками независимого летописания. Скорее всего, они составлялись в каких-то монастырях, а не в митрополичьей или архиепископской канцеляриях. Их оппозиционность московским властям вызвала противодействие со стороны великого князя. С конца XV в. независимое общерусское летописание было прекращено.

Местное летописание

Помимо общерусского летописания и параллельно с ним в конце XV—XVI в. продолжали вестись местные летописи.

Так, в самом конце XV — начале XVI в. при дворе пермского епископа Филофея был создан Вологодско-Пермский свод. В 1520-х и 1550-х годах на его основе были составлены еще два местных свода. В середине XVI в. появляется Холмогорская летопись, доведенная первоначально до 1558 г. Впоследствии она была продолжена текстом краткого холмогорского летописца, изложение которого доходило до 1659 г. Отдельные сообщения Холмогорской летописи восходят к Летописцу Федора Ярославского XIII в.

К 1499 г. относят завершение первой устюжской летописи. Отдельные разрозненные записи, которые велись в Успенской церкви Устюга Великого с конца XIII в., к концу XV в. были сведены в последовательный рассказ о местных событиях. С этого времени летописная традиция Устюга существовала с перерывами в течение трех веков. Первая сохранившаяся устюжская летопись — свод первой четверти XVI в. (последняя запись относится к 1516–1517 г.), дошедший в списках XVII–XVIII вв. Кроме местных, он содержит общерусские, ростовские и новгородские известия. Устюжский свод относится к типу общерусских провинциальных летописей. Это независимый свод, созданный,

возможно, для того, чтобы обосновать близость с Москвой и неподвластность Устюга ростовским князьям. В нем встречаются критические замечания, относящиеся не только к великокняжеским воеводам, но и к самому государю. Устюжская летопись использовалась при подготовке Никоновского свода. Существование в XVI в. только одной общерусской летописной традиции во многом затрудняет изучение политической истории того времени — этот пробел лишь частично удается заполнить с помощью иных дошедших до нашего времени исторических источников.

1.1.6

Летописание и другие исторические произведения XVII века

В 1612–1615 гг. появился Пискаревский летописец (известен в единственном списке 40-х годов XVII в.). Судя по всему, он был составлен московским печатником, проживавшим в Нижнем Новгороде (Никитой Федоровичем Фофановым или Арсением Элассонским), либо приказным дьяком Нечаем Перфильевым. Изложение в Летописце охватывает события 1533–1615 гг. и дополнено приписками 1625–1645 гг. Составитель опирался на летописи типа Никоновской и Воскресенской. Кроме того, он пользовался неизвестными нам источниками, устными преданиями, слухами, сплетнями, воспоминаниями современников. Ряд последних записей сделан по личным наблюдениям. Пискаревский летописец можно отнести к летописям лишь по формальным признакам. Источник имеет компилятивный характер и интересен прежде всего оригинальными сведениями.

Самым крупным летописным произведением XVII в. стал Новый летописец. Он охватывает сравнительно небольшой период: от конца царствования Ивана Грозного до поставления на патриаршество Филарета (1619). Новый летописец был создан при патриаршем дворе, в окружении митрополита Филарета, в 20-х — начале 30-х годов XVII в. с целью дать историко-политическое обоснование воцарению Романовых. Новый летописец — один из наиболее авторитетных и информативных источников по истории Смуты и гражданской войны в России начала XVII в.

В конце 30-х годов (около 1637 г.) материалы Нового летописца были соединены с Никоновской летописью, «Повестью о честном житии» царя Федора Ивановича (отличающейся в оценках от Нового летописца), а также «Сказанием о Магмете-салтане» Ивана Пересветова. Основной переработке подверглись тексты Никоновской летописи, повествующие о взятии Константинополя турками в 1453 г. Компиляция представляла собой фактически новую редакцию Никоновской летописи. Она составлена, скорее всего, в Троице-Сергиевом монастыре и имеет ярко выраженную церковную направленность. Это Троицкая редакция Никоновской летописи 30-х годов XVII в., известная

в семи списках XVII–XVIII вв. Впоследствии она неоднократно использовалась при создании компиляций, соединявших летописные материалы с выписками из хронографов и других источников. В качестве примера можно привести Хронограф Арсения Суханова (Троицкий сборник) 50–60-х годов XVII в.

В начале 30-х годов XVII в. в Западной России был составлен Бельский летописец, который сохранился в единственном списке середины XVII в. Его появление связывают с кругами местного служилого дворянства. Начало и конец летописца утрачены. Сохранились известия только за 1598–1632 гг. Текст основывается на устных рассказах, записях дворян Бельского и соседнего уездов, местных летописцах, сказаниях и собственных воспоминаниях составителя и представляет собой важный источник изучения Смутного времени.

Вместе с тем в XVII в. продолжает развиваться, хотя далеко не так активно, как прежде, патриаршее летописание. Оно представлено Патриаршим летописцем — грандиозной летописной компиляцией, подготовленной в Казенном патриаршем приказе в 70-х годах XVII в. В нее вошли материалы Никоновской летописи, Троицкого сборника, Новгородского свода 1539 г., Хронографа 1617 г., Нового летописца, а также отдельные фрагменты из других источников («Космографии», «Хроники» Иоахима Бельского, Степенной книги, неизвестной псковской летописи). Церковное происхождение свода, как и его связь с патриаршей канцелярией, не вызывают сомнения. В нем получили дальнейшее развитие основные идеи митрополичьего летописания предшествующих веков: защита православия, обоснование союза светской и духовной властей и т.п. Одновременно свод был своего рода справочником и заменял учебную литературу.

В 1679–1680 гг. появился на свет новый Устюжский летописец. По спискам XVIII в. удалось восстановить его состав и общий характер. В основу изложения была положена Устюжская летопись первой четверти XVI в., дополненная устными преданиями. Этот летописец имел светский характер. Основное место в нем отведено описаниям военных походов, в которых принимали участие устюжане. При этом всячески подчеркивается преданность жителей Устюга московскому правительству. Видимо, причиной составления нового Устюжского летописца стало выделение церкви Устюга Великого из Ростовской епархии и образование самостоятельной Великоустюжской и Тотемской архиепископии. Аналогичные причины (образование в 1682 г. Холмогорской архиепископии) вызвали подготовку Двинского летописца. Он должен был служить своего рода исторической справкой о вновь образуемой епархии.

Особое место среди летописных источников занимают сибирские летописи XVII в. (Есиповская, Строгановская и Кунгурская), восходящие к недошедшему «Написанию, како приидоша в Сибирь...». «Написание...» повествовало о походе Ермака и было составлено, вероятно, еще в конце XVI в. кем-то из полковых казацких писарей. Сибирские летописи часто рассма-

триваются как особые редакции «Написания...» и лишь условно могут относиться к летописному жанру. Это, скорее, исторические повести, имеющие разбивку на годы.

Крайне редко историки привлекают в качестве источника Синописис Иннокентия Гизеля, изданный в 1674 г. Это была первая попытка написать единую историю «славянороссийского народа», происходившего из Киевской Руси. Синописис был составлен в Киеве и отражал очень важную тогда для Украины тенденцию единства с Россией. Подобно поздним летописям, он имеет компилятивный характер. Его создатель опирался на Густынскую летопись, «Историю Польши» Яна Длугоша (третья четверть XV в.), «Кронику» Мацея Стрыйковского (1582) и «Церковные анналы» римского кардинала Цезаря Барония (начало XVII в.). Исторической концепции И. Гизеля присущи архаические представления. Общая тенденция Синописиса заставляла его создателя дополнять русскую историю совершенно невероятными подробностями и исключать все, что не соответствовало его взглядам. Синописис приобрел большую популярность как в России, так и на Украине. Он неоднократно издавался (последний раз — в 1861 г.). Значение Синописиса как исторического источника еще не до конца оценено историками.

1.1.7 Хронографы

На смену летописям пришли иные исторические произведения. Особую популярность и авторитет в XVII в. приобрели хронографы (гранографы). Это поэтапное изложение всемирной истории от сотворения мира. Они представляли собой или переводы греческих хроник, или собственно древнерусские компиляции, включающие выдержки из Священного Писания, греческих хроник и русских летописей. И те и другие получили широкое распространение еще в Древней Руси. Первые переводы византийских хронографов (их принято называть хрониками, чтобы отличать от русских компилятивных хронографов) — Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Георгия Синкелла — стали известны еще в XI в. На их основе была составлена первая русская историческая компиляция — Хронограф по великому изложению. Кроме Начального свода 90-х годов XI в., к нему восходят хронографические палеи и Толковая Палея, Троицкий хронограф и так называемый Еллинский летописец второй редакции. «Великим изложением», очевидно, называлась «Хроника Георгия Амартола», на которую прежде всего опирался составитель Хронографа. Кроме того, в него вошли фрагменты из VII и IX книг «Хроники» Иоанна Малалы, некоторые апокрифы и фрагменты неустановленного источника, повествовавшего об Иудее в эпоху римского владычества. Хронограф по великому изложению представлял собой краткий конспект всемирной истории, однако в центре внимания его составителя (или составителей) была священная и церковная история.

Не позднее середины XIII в. был создан хронографический свод, опиравшийся на VI–X книги «Хроники» Иоанна Малалы и дополненный фрагментами из библейских книг, «Александрии», а также «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Традиционно его принято называть Иудейским хронографом. К нему восходят сохранившиеся списки Архивского и Виленского хронографов.

Видимо, еще в XIII–XIV вв. появились Еллинский (архетипная, или первая, редакция) и Троицкий хронографы. Более точной датировке они не поддаются, поскольку составлены из заведомо более древних источников и лишены внутренних датирующих признаков. Троицкий хронограф не имеет четкой композиции. По существу, это расширенная редакция Хронографа по великому изложению. В основе же Еллинского хронографа лежат полные тексты хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы, а также ветхозаветных III и IV Книг Царств. По принципам составления и структуре он близок Иудейскому хронографу и отражает начальную стадию развития древнерусской хронографии. Помимо указанных источников оба хронографа в разных комбинациях использовали библейские Книгу пророка Даниила с толкованиями римского епископа Ипполита, Книгу пророка Иеремии, а также «Сказание о Софии Цареградской», «Житие свв. Константина и Елены» и другие памятники.

Следующим хронографическим сводом был Еллинский летописец второй редакции, созданный в середине XV в. (дошли девять списков XV–XVI вв.). Его составитель продолжил изложение «Хроники Георгия Амартола» до 1391 г., включив в число источников краткий перечень византийских императоров, известный по сборникам начиная с XV в., и летопись, близкую к московскому своду 1418 г. Текст был дополнен сведениями по истории церкви, заимствованными из разных источников. Эта редакция уже представляет цельный текст, имеющий связное изложение. Все повествование разбито на краткие статьи, соответствующие периодам правления того или иного царя или императора. Тем самым была заложена основа структуры Русского хронографа.

Он был составлен на рубеже XV–XVI вв. Древнейший вид Русского хронографа представлен Хронографом 1512 г. Помимо всемирной истории в него вошло значительное число известий, касающихся русской истории (в основном заимствования из Сокращенных сводов конца XV в.). Видимо, это было связано с оформлением идеи провозглашения Руси третьим Римом. В композиционном и стилистическом отношении это удивительно гармоничное и стройное произведение, хотя и отразившее замыслы и вкусы нескольких поколений древнерусских книжников. Основной задачей его составителей было, видимо, создание своеобразной исторической энциклопедии, так сказать, научного труда.

Хронограф 1512 г. получил широкое распространение. Выявлено более 130 его списков XVI — первой трети XVIII в. Он был использован при состав-

лении Лицевого летописного свода, а также более поздних редакций Русского хронографа.

В Хронографе Западнорусской редакции отсутствует вся библейская история, история стран Востока и Руси. Зато он имеет обширное продолжение, излагающее по «Хронике всего мира» Мартина Бельского историю западноевропейских и западославянских государств с XI в. по 1527 г., дополняющее уже существующий Никоновский свод.

Хронограф Пространной редакции не сохранился. Известны лишь восходящие к нему списки Хронографа 1599 г. и Хронографа 1601 г. Основная задача, которую ставили перед собой его создатели, — не изменяя основы, расширить объем излагающейся информации. В этой редакции достаточно ясно прослеживается процерковная тенденция.

Расцвет хронографического жанра относится к XVII в. Созданные в первой четверти столетия редакции 1617 и 1620 гг. разных типов, многочисленные «хронографы особого состава» постепенно вытеснили хронографы XVI в. и почти полностью заменили собой летописи.

Содержание хронографов не исчерпывается изложением исторических событий. В них содержатся сведения естественно-научного характера, изложение произведений античной литературы, выдержки из святоотеческих произведений, христианские апокрифы, агиографические данные. Хронографические материалы редко учитываются историками. Между тем верное понимание летописных сообщений зачастую невозможно без обращения к хронографическим компиляциям, которыми пользовались летописцы, заимствуя из них сюжеты, образы и характеристики.

1.2

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Одна из важнейших функций государства — право формулировать новые нормы жизни общества, издавать законы. Система законодательства непосредственно отражает деятельность государственных институтов по осуществлению этой функции. Именно поэтому изучение политической истории невозможно без изучения документов, зафиксировавших совокупность всех правовых норм, действующих в государстве и регулирующих отдельные сферы социальных отношений. Политико-юридическая система, которую представляет собой законодательство, — наиболее общая форма социального контроля поведения человека. Личные связи индивида (прежде всего его отношения в семье) регулировались не светским законодательством, а нормами канонического права. Большая же часть повседневных отношений средневекового человека с окружающими определялась нормами обычного права, попросту

говоря, традицией. Она слабо рефлексировалась и, как правило, не находила отражения в памятниках письменного права, поскольку не нуждалась в утверждении законодательной властью. Подобная фиксация — в виде исключения — возможна в основном в тех случаях, когда обычай приходил в противоречие с новыми отношениями, формирующимися в обществе, и нуждался в корректировке. Нормы обычного права могли рассматриваться в качестве источника письменных правовых норм, которые были призваны регулировать либо отношения между новыми, прежде не существовавшими социальными группами, либо новые связи, в которые не вступали члены традиционного общества.

С официальным законодательством древнерусский человек сталкивался нечасто. Видимо, с этим связана размытость в древности понятия о законодательном памятнике: все ранние законы передаются в окружении текстов, не имеющих собственно юридического характера.

Роль традиции, обычного права в Древней Руси, судя по всему, была особенно велика, поскольку в силу ряда культурно-исторических причин здесь отсутствовала рецепция римского права, заложившая основы правовых отношений средневековых государств Западной Европы. Роль, эквивалентную римскому праву, на Руси сыграли христианские правовые нормы. К сожалению, история канонического права и его место в социальной жизни Древней Руси изучены пока недостаточно. Пробудившийся в последние десятилетия интерес к истории повседневности заставляет внимательнее отнестись к памятникам канонического и церковного права на Руси.

Каждая правовая норма и закон в целом формулируют желательные стандарты поведения и поступков. Из этого следует, что, пока действует закон, соблюдение зафиксированных в нем норм не стало общим правилом. В то же время законы несколько запаздывают относительно причин, породивших необходимость формулирования новых правил отношений людей между собой, а также между членами данного сообщества и государством. Кроме того, по крайней мере до середины XVII в. на Руси ни один закон никогда полностью не выполнялся. Одной из важнейших причин такого положения дел было отсутствие со стороны государства возможности контролировать выполнение закона не только на местах, но и в столице, поскольку не было соответствующих структур аппарата власти. Все это задает определенную специфику в изучении законодательных источников и использовании в историческом построении информации, полученной из них.

Определенные сложности в изучении ранних законодательных источников составляет разделение их на отдельные статьи. При этом учитываются киноварные заголовки, инициалы (или пропуски для них), грамматическая структура фраз. От того, насколько верно проведено такое членение текста, во многом зависит понимание как отдельных правовых норм, так и общего смысла законодательного источника.

Не менее сложной оказывается проблема определения того, как работали (и работали ли вообще) та или иная правовая норма и законодательство в целом. В ее решении большую помощь оказывает сравнение правовых норм с данными актов историкологии и нарративных источников. Желательно также привлекать для решения этого вопроса записки иностранцев, часто обращавших внимание на особенности судопроизводства в России.

1.2.1

Памятники светского права

Русская Правда

Начальные фазы законотворчества в древнерусском государстве практически не нашли отражения в дошедшем до нас комплексе письменных источников. Исключение составляют ссылки на статьи некоего Закона Руского, которые встречаются в договорах Руси с греками (6415/907, 6420/911 и 6453/945 гг.). На основании сопоставления этих статей с нормами позднейших законодательных памятников (прежде всего с Русской Правдой), делались попытки гипотетической реконструкции этого источника. Широко распространено мнение, что Закон Русский представлял запись норм обычного права восточных славян. Считается, что именно Закон Русский лег в основу первых дошедших до нас памятников письменного права Древней Руси, которые принято обобщенно называть Русской Правдой. Насколько обоснована такая точка зрения, сказать трудно.

Древнейший русский законодательный источник — Краткая Правда (20–70-е годы XI в.). Она представляет собой, судя по всему, кодекс норм прецедентного права, которые регламентируют отношения в пределах княжеского (позднее также боярского) хозяйства, вынесенного за пределы официальной столицы государства. Именно здесь, в княжеско-дружинной среде складывались новые социальные отношения, не регламентировавшиеся традицией: между самими дружинниками, между дружинниками и холопами, между князем и слугами, князем и свободными крестьянами-общинниками. Все остальное население Киевской Руси, скорее всего, продолжало руководствоваться нормами обычного права. В Русской Правде сохранились косвенные следы традиционного права. Самый яркий из них — обычай кровной мести, об ограничении которого говорится в первой статье Краткой Правды.

Краткая Правда сохранилась в двух списках XV в. (в составе Новгородской I летописи младшего извода) и 11 списках XVIII–XIX вв. Текст ее помещен в статье 6521 (1016) г. Он имеет вставной характер и в старшем изводе Новгородской I летописи отсутствует.

По структуре и источникам, которые вошли в ее состав, Краткую Правду принято делить на Правду Ярослава и Правду Ярославичей. Существова-

ние Правды Ярослава основывается на формальном признаке (ее текст предшествует записи о съезде Ярославичей, на котором они «уставили Правду»). Однако в более поздней Пространной Правде, где запись о съезде сыновей Ярослава, видимо, читается в первоначальном виде, речь идет только об отмене кровной мести и замене ее денежным штрафом, «а ино все якоже Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша». Это дает основания для сомнений в существовании Правды Ярославичей.

Иногда из состава Правды Ярослава выделяются первые десять статей, которые якобы составляли Древнейшую Правду. Считается, что она была составлена в Новгороде около 1016 г., а через 20 лет на ее основе была создана Правда Ярослава. Около 1072 г. Ярославичи дополнили ее рядом статей. Новая редакция Правды связывается с городскими восстаниями 1068–1071 гг., поскольку в нее были введены повышенные денежные штрафы за убийство княжих людей. Остальные статьи Краткой Правды, отчасти повторяющие нормы Древнейшей Правды, принято считать дополнительными, введенными позднее. К более позднему времени относят также Покон вирный, устанавливающий нормы прокорма сборщиков судебных платежей, и Урок мостникам, определяющий расценки за мощение новгородских улиц (оба датируются первой половиной XII в.). В целом Краткая Правда рассматривается как единый памятник, возникший на рубеже XI–XII вв.¹

Появление первого памятника письменного права, скорее всего, было вызвано тем, что именно в княжеском окружении начинают формироваться новые социальные отношения, не подпадавшие под обычные нормы. Основой «необычного» законодательства могли выступать как переработанные древние правовые памятники (наподобие Закона Руского) и традиционные нормы права, так и нормы принципиально новые, заимствованные, скорее всего, из наиболее авторитетного источника — Священного Писания.

Ко второму-третьему десятилетиям XII в. обычно относится появление Пространной Правды. Известно более 100 списков этого памятника в составе Кормчих книг, Мерил Праведных и юридических сборников особого состава. Самые ранние — Синодальный список Кормчей (1282) и Троицкий список Мерила Праведного (вторая половина XIV в.), прочие датируются XV–XVIII вв. Все списки Пространной Правды объединяются в три вида (извода). Синодально-Троицкий вид имел новгородский протограф, возникший не позже конца XIII в. На новгородском протографе первой половины XIII в. основывается и Пушкинско-Археографический вид. Карамзинский вид возник в Московской Руси начала XV в. на основе какого-то списка Пушкинско-Археографического вида, дополненного по спискам Синодально-Троицкого;

¹ Впрочем, недавно А.П. Толочко выдвинул обоснованную гипотезу, что Краткая Правда была создана искусственно в начале XV в. «в расчете на летопись и никогда вне летописи не существовала». Такая точка зрения радикально меняет представления об истории законодательства в Древней Руси.

он представляет интерес в основном для изучения судьбы Русской Правды в XV–XVI вв.

Пространная Правда имеет самостоятельную основу, расширенную текстами Краткой Правды (в переработанном виде) и Устава Владимира Всеволодовича Мономаха (1113). Это памятник, возникший единовременно. По объему Пространная Правда почти в пять раз больше Краткой (почему и имеет такое условное название). По мнению М.Н. Тихомирова, третьим источником Пространной Правды был протограф Сокращенной Правды. Однако эту точку зрения не разделяют большинство исследователей.

Пространная Правда чаще всего рассматривается как памятник новгородского гражданского законодательства, хотя число списков и распространенность в различных юридических сборниках позволяют относить ее к общерусскому законодательству. Степень официальности Пространной Правды неизвестна.

Наиболее спорный памятник — Сокращенная Правда, сохранившаяся в двух списках XVII в. Обычно ее датируют концом XV в. В дошедшем виде Сокращенная Правда появилась, вероятно, в Пермской земле, после присоединения ее к Московскому княжеству. Большинство исследователей видят в этом памятнике простое сокращение текста Пространной Правды, что отразилось в его общепринятом названии.

С начала XIV в. Русская Правда, по-видимому, начала терять свое значение как действующего источника права. Смысл многих юридических терминов, используемых в ней, становится неясным переписчикам и редакторам, что ведет к искажениям текста. Уже в начале XV в. Русская Правда перестает включаться в юридические сборники, составлявшиеся для практического применения, и вносится в летописные своды. При этом текст ее прекращает развиваться.

Изучение Краткой, Пространной и Сокращенной Правды как самостоятельных источников, независимо от сборников, в составе которых дошли их тексты, вряд ли можно считать верным методическим приемом с историко-ведческой точки зрения.

Законодательные памятники XIV–XV веков

После Русской Правды наиболее полный и разносторонний кодекс русского права представляет собой *Псковская Судная грамота*. Она сохранилась в двух независимых друг от друга списках XVI в.: Воронцовском, включающем весь текст грамоты, и Синодальном, содержащем только последние 12 (по современной разбивке) статей. Первый из них составлен в Вологде или на Белозере, второй — в Москве.

Вопросы происхождения Псковской Судной грамоты до сих пор вызывают дискуссии. По одной из наиболее аргументированных гипотез, первая

редакция грамоты была составлена в 1397 г. и представляла собой свод псковских пошлин, дополненный выписками из наиболее древнего законодательного памятника Пскова — грамоты Александра Невского. Впоследствии этот текст неоднократно редактировался, в результате чего появилась вторая редакция 1409–1424 гг. Дошедшие до нас списки передают уже третью редакцию, которую относят ко второй половине XV в. Она представляет собой вторую редакцию с поздними дополнениями. Все три редакции — непосредственное отражение сложного процесса кодификации действующего права северо-западного вечевых города: от начальных этапов формирования правовых норм до последних десятилетий существования.

В отличие от Русской Правды, сконцентрированной на юридических и социально-политических проблемах княжеского и боярского хозяйства, Псковская Судная грамота дает представление о мире городских и сельских обывателей, о социально-экономическом развитии русского города. Помимо истории Пскова XIV–XV вв. Судная грамота имеет и общерусское значение: нормы, зафиксированные в ней, отмечаются много веков спустя в крестьянской среде самых разных районов Руси.

Новгородская судная грамота известна в одном дефектном списке 70-х годов XV в. В сборник, в составе которого она дошла, включен также Коростынский договор 1471 г. (между Новгородом и великим князем московским), который ссылается на нее. Текст грамоты появился около 1385 г. и позднее неоднократно редактировался.

В сохранившейся части Судной грамоты читаются статьи, касающиеся судостроительства и судопроизводства некоторых дел, в частности земельных тяжб. Среди прочих вопросов в ней оговаривается сфера компетенции московского князя в решении новгородских дел.

Источником Новгородской судной грамоты послужила Русская Правда. Ряд статей сближает Новгородскую и Псковскую судные грамоты. Впоследствии некоторые нормы этих памятников (например, статьи, устанавливающие единый срок крестьянского перехода) использовались при выработке общерусского законодательства.

Законодательные памятники конца XV–XVII века

Политическое объединение русских земель вокруг Москвы породило новые отношения между центром и территориями, входящими в состав Московской Руси. Поэтому важную роль в становлении законодательства молодого государства играли уставные грамоты, содержавшие распоряжения верховной власти относительно организации местного управления (наместничьи, губные, таможенные). Известно 16 таких грамот. Имея форму актов, они выполняли несколько функций, в том числе законодательную. В них часто формулировались нормы материального, гражданского и уголовного права, фиксировались новые нормы отношений государства и отдельных его территорий, тем самым

создавались прецеденты для решения подобных вопросов в дальнейшем. Наибольший интерес представляют Двинская и Белозерская уставные грамоты.

Двинская уставная грамота (конец XIV в.), исходившая из великокняжеской канцелярии, определяла порядок взаимодействия и разделение сфер компетенции представителей центральных и местных властей. Расширение вмешательства центра в дела Двинской земли сопровождалось выдачей привилегий ее жителям (льготы двинским купцам на территории Московского княжества, их неподсудность великокняжеским судебно-административным органам на Устюге, Вологде, Костроме и др.). Источниками Двинской уставной грамоты послужили Русская Правда, великокняжеские жалованные грамоты, нормы обычного и письменного права Пскова и Новгорода.

Белозерскую уставную грамоту 1488 г. часто называют предшественницей Судебника 1497 г. Основное внимание в ней уделено регламентации деятельности органов административного управления, соотношению функций местных властей и великокняжеских наместников, а также разделению юрисдикции между наместничьим судом и центральным — великокняжеским.

Первым опытом кодификации общерусских правовых норм стал **Судебник 1497 г.** До 1817 г., когда был обнаружен его единственный список, текст Судебника был известен лишь в выдержках Сигизмунда Герберштейна. История происхождения Судебника, его источники, место в жизни Московской Руси XV — первой половины XVI в. пока изучены неудовлетворительно. В Западной Европе того времени подобного свода законодательных норм не существовало.

Судебник был составлен в 1497 г. Однако многие исследователи полагают, что работа над ним продолжалась и после этой даты. Источниками для него послужили Русская Правда (к ней восходят 25 из 68 статей), Псковская Судная (с ней связаны девять статей Судебника) и уставные грамоты (десять статей). Составители нового свода законов могли также опираться на судебные прецеденты и нормы обычного права. Не исключено, что в его основе могли лежать также особые великокняжеские «наказы», направлявшиеся на места при решении важных судебных вопросов, а также сборники процессуального права, которыми руководствовались в своих действиях представители власти на местах. Новые статьи Судебника опирались, скорее всего, на тексты Номоканона.

По составу Судебник принято делить на три части: 1) постановления о центральном суде (статьи 1–36); 2) постановления о местном суде (статьи 37–45); 3) постановления по материальному гражданскому и уголовному праву (статьи 46–66). Две заключительные статьи (67 и 68) имеют дополнительный характер: о запрещении давать посулы судьям и о правилах судебных поединков.

Судебник 1497 г. постоянно дорабатывался. Судебники Василия III, Ивана IV и Федора Иоанновича фактически были его новыми изданиями, исправленными и дополненными.

Судебник 1550 г. (известно 40 списков, в том числе 13 — XVI в.) в подлиннике не сохранился. Он был принят при участии Боярской думы в июне 1550 г. В следующем, 1551, году Судебник был утвержден Стоглавым собором. Многие списки Судебника имеют оглавление. Обычно указываются 99 или 100 статей. Последняя статья, отсутствующая в ряде списков, направлена на ограничение судебных прав удельных князей.

Появление нового Судебника объяснялось изменением официального статуса государя, принявшего на себя дополнительные сакральные функции. Вместе с тем он был призван разрешить новые социальные противоречия середины XVI в.

В Судебнике усиливалась централизация управления и судопроизводства. Например, ограничивалась власть наместников и волостелей: дела «о ведомых разбойниках» были переданы под юрисдикцию губных старост. Тем самым расширялись рамки проведения губной реформы, получавшей юридическое обоснование. Вводились приказы. Однако перестройка центральных ведомств и учреждений, подчиненных им на местах, только начиналась.

Расширялись права служилого сословия: запрещался переход служилых людей в кабальное холопство, ограничивалось право перехода крестьян, более детально регламентировались взаимоотношения между землевладельцами и зависимыми крестьянами. Однако из-за неразвитости государственного аппарата правительство не могло пойти на полное закрепощение крестьян.

Положения Судебника 1550 г. получили развитие в указах, грамотах, постановлениях, уложениях, фиксировавшихся в специальных указных книгах, которые велись при центральных учреждениях. В их числе были постановления о временном, а затем и полном запрете крестьянского выхода в Юрьев день (с 1581 г.). Впоследствии эта норма была подтверждена указами о введении урочных лет — срока хранения дворянских челобитных о сыске беглых крестьян.

Важнейшим законодательным источником XVII в. стало **Соборное уложение 1649 г.** Принятию этого кодекса предшествовала серия городских бунтов 1648–1649 гг. 2 июня 1648 г. царю была передана коллективная челобитная «от всяких чинов людей и всего простого народа» о необходимости судебных преобразований. В середине июня 1648 г. в Москве собрался Земский собор, который обратился к царю с челобитной о составлении «Судебника и Уложенной книги, чтоб вперед по той Уложенной книге всякие дела делать и вершить». 1 сентября 1648 г. новый Земский собор должен был начать слушать проект Уложения. Подготовкой его занимались Н.И. Одоевский «с товарищи». Новое законодательство опиралось на Кормчие книги, Литовский статут, судебники, царские указы и боярские приговоры, челобитья дворян, посадских людей и «выборных» участников собора, материалы практического судопроизводства и др. Уложение было утверждено Земским

собором 29 января 1649 г. После этого царь приказал «то все Уложение написать на список», «закрепить тот список» рукоприкладствами участников собора и «списать» текст «слово в слово» в книгу. Последняя должна была быть заверена подписями дьяков Г. Леонтьева и Ф. Грибоедова, а затем «с тое книги» следовало «напечатать многие книги» для рассылки в московские приказы и на места.

Оригинал Соборного уложения представляет столбец длиной в 309 м из 959 отдельных составов. На обороте его стоят 315 подписей участников собора: патриарха, митрополитов, архимандритов, игумена, благовещенского протопопа, бояр, окольных, казначей, думного дворянина, печатника, думного дьяка, московских дворян, дворян городовых, гостей, выборных от московских сотен и слобод, посадов и стрельцов. По склейкам стоят скрепы думных дьяков И. Гавренева, Ф. Елизарьева и М. Волошенинова, а также дьяков Г. Леонтьева и Ф. Грибоедова. Специальные пометы указывают на источники каждой статьи. Поправки и восстановленные пропуски сведены в «Опись поправам», приложенную к Уложению. На практике пользовались печатными экземплярами Уложения (до 1,2 тыс. книг).

От предшествовавших законодательных актов Соборное уложение отличается не только большим объемом (25 глав, разделенных на 967 статей), но и более сложной структурой. Введение содержит изложение мотивов и истории составления Уложения. Главы построены по объекту правонарушения. Это позволяло придерживаться обычной для того времени последовательности изложения: от возбуждения дела до исполнения судебного решения. Такая структура серьезно затрудняет анализ Уложения, поскольку практически любой предмет изучения оказывается разбросанным по нескольким главам.

Уложение отразило переход от сословно-представительной монархии к абсолютизму, зафиксировало роль церкви в государстве. Были определены понятия государственного суверенитета, безопасности, подданства, военного долга, государственных преступлений; осуществлена разработка вопросов материального и процессуального права и судопроизводства. Соборное уложение 1649 г. было завершающим этапом в процессе становления законодательства единого Российского государства и на протяжении длительного времени оставалось основным кодексом российских законов.

1.2.2

Памятники древнерусского канонического права

Общая характеристика канонического права

Канон (буквально: прямая палка, служащая для опоры, а также для измерения и проведения прямых линий) в церковной практике принято называть правилами веры и христианской жизни. В их основе лежат апостольские

правила, постановления вселенских и местных соборов, а также мнение отцов церкви. Канон в церковном праве подобен закону в светском и имеет такое же обязательное значение. С течением времени он вытеснил обычай — некогда единственный источник церковного права, — вполне заменив его. В церковном праве обычай признается решающим в тех вопросах, на которые канон не дает ответа.

Под каноническим правом понимается совокупность церковно-правовых норм, обязательных для представителей конфессии. Каноническое право православной церкви отличается от канонического права церкви западно-римской, католической (включающего папские декреты, извлечения из римского права, законов франкских королей и других источников).

Изучением норм канонического права традиционно занимается каноника — церковная дисциплина, тесно связанная с богословием. В отличие от догматики, выясняющей внутреннюю сторону церковной жизни, каноника занимается вопросами ее внешнего устройства, отношения к другим общественным союзам, церковной дисциплины. Кроме того, церковное право охватывает собою отношения с государственными структурами.

Каноны святых апостолов

Каноны представляют собой совокупность норм, регулирующих церковные отношения, которые создавались на основании апостольского предания в первые три века христианства. Это правила, которые затрагивали все стороны церковной жизни, касаясь жизни клира, мирян и церковного управления. Апостольские правила — канонические для всех христианских церквей. Каноны святых апостолов пользовались как местные, так и вселенские соборы, не раз цитировавшие их в своих постановлениях. В связи с этим нормы соборного канона могут иногда дословно совпадать с каноном апостольским, хотя чаще в постановлениях вселенских и поместных соборов встречаются косвенные указания на апостольские правила. Всего насчитывают 85 канонов, или правил, святых апостолов.

Каноны вселенских соборов

Вселенскими соборами обыкновенно называют собрания епископов всех поместных церквей. Вселенские соборы собираются нерегулярно, в исключительных случаях, для решения важных церковных вопросов. Обычно это были вопросы веры, разногласиями в которых порождались еретические течения. Кроме того, на вселенских соборах вырабатывались общие нормы церковной дисциплины. Вселенских соборов было семь: Никейский 325 г., I Константинопольский 387 г., Эфесский 431 г., Халкидонский 451 г., II Константинопольский 553 г.; III Константинопольский 680 г. и Трульский 691 г. (считаются одним собором), а также II Никейский 787 г.

Каноны поместных соборов

Менее важные вопросы церковной жизни решались на поместных соборах. Каноны поместных соборов — это постановления собрания епископов митрополии, которые обыкновенно созывались два раза в год для обсуждения и решения текущих административных и судебных дел, превышающих полномочия епископа. Иногда собирали епископов нескольких митрополий. Правовые решения поместных соборов были обязательны для местности, епископами которой они были приняты. Поскольку устройство церквей не отличается разнообразием, постановления, принятые на одной территории, часто принимались и в других местностях.

Известны десять поместных соборов, которые приняли правила, считающиеся общеобязательными для православной церкви: Анкирский 314 г., Неокесарийский 315 г., Гангрский (около 340 г.), Антиохийский 341 г., Сардинский 344 г., Лаодикийский конца IV в., Карфагенский 419 г., Константинопольские соборы 394, 861 и 879 гг.

К ним следует добавить каноны поместных соборов, прошедших на Руси. Развернутый источниковедческий анализ их материалов не проводился. Преимущественно постановления русских соборов изучались историками русской церкви и специалистами в области церковного права. Возможно, поэтому постановления русских поместных соборов редко используются в исторических исследованиях. Чаще других историки обращаются к решениям Стоглавого собора 1551 г.

Стоглав. Это сборник постановлений поместного собора 1551 г. Его появление вызвано борьбой с нарушениями устоев церковно-монастырской жизни, падением авторитета церкви после ожидавшегося, но не наступившего в 7000 (1492) г. конца света, а также изменением правового статуса светского государя, официально венчавшегося на царство. Заседания собора проходили, видимо, в январе-феврале 1551 г. 23 февраля началось редактирование Стоглава (памятник содержал соответствующее названию количество глав). Он продолжил древнерусскую традицию вопрошаний.

Стоглав совмещает признаки канона поместных соборов и канона святых отцов. Он написан в виде ответов высших иерархов церкви на царские вопросы о церковном «строении». Порядок следования глав неясен. Вопросы разбиты на две группы. Ответы на первые 37 вопросов охватывают основную часть Стоглава. Другие 32 ответа помещены «чересполосно» с вопросами в одной (41-й) главе памятника.

Для верного понимания информации Стоглава необходимо знать, кто был составителем вопросов, содержащих своеобразную программу реформ, представленную правительством на рассмотрение церковного собора. Приписывались они Ивану IV, но составлены были не им, а лишь по его распоряжению — несколькими лицами (священником Сильвестром, митрополитом Макарием, Максимом Греком, старцем Артемием) либо одним Сильвестром,

принимавшим участие в подготовке обращения Ивана IV к собору (25-й, 26-й, 27-й и 29-й вопросы прямо заимствованы из его послания царю).

Вопросы, представленные Собору, свидетельствуют о сакрализации и расширении функций светской власти. Именно царь выступил инициатором созыва Собора, призванного «оздоровить» русскую церковь. При этом он именует себя и своего отца — наряду с духовенством — «пастырями». Иван IV подверг сомнению необходимость сохранения монастырского землевладения и неподсудности церковных людей царскому суду. Центральное место занимает тема злоупотреблений белого духовенства и монашества. Сначала царь критиковал церковное судопроизводство (получение «святителями» посулов, волокиту). Серьезную опасность для чистоты православия, по мнению царя, представляли ошибки в переводах богослужебных книг. Резкой критике подвергался весь строй монашеской жизни. Подчеркивалось, что даже сами монастырские власти зачастую содействовали разорению монастырей и их земельных владений. Ряд вопросов касался нравственного облика прихожан и их поведения.

Второй комплекс царских вопросов (в количестве 32) был посвящен сюжетам, связанным с церковной практикой. Здесь же ставилась проблема борьбы с «ересями» и суевериями в среде мирян.

Большинство участников Собора поддержали строгую регламентацию церковно-монастырского быта, что должно было укрепить авторитет церкви. Были приняты постановления, касающиеся укрепления церковного благочиния (о церковных службах, обрядах во внутреннем распорядке в церквях, о порядке церковного пения и колокольного звона), введено требование беспрекословного подчинения священников и дьяконов протопопам, которые вместе с «поповскими старостами» обязаны были следить за исправным отправлением церковных служб и поведением клира. Непослушание протопопам, пьянство, небрежность в церковном богослужении наказывались отлучением от церкви. Подтверждено было запрещение симонии (поставления на церковные должности «по мзде»), а также вдовым попам служить в церкви.

Впервые в Москве и других городах создавались специальные училища для подготовки священников и дьяконов. Священники обязывались поддерживать в сохранности иконы (которые должны были писаться, «смотря на образ древних иконописцев») и сверять церковные книги с «добрыми переводами».

Стоглавом были жестко определены пошрины, взимавшиеся священниками («венечная» — за совершение обряда бракосочетания, за освящение церкви и др.). При этом ликвидировался институт владычных десятильников, которые собирали пошрины с церковью. Отныне «святительскую дань» собирали земские старосты и десяцкие священники. «Венечную» пошрину должны были собирать поповские и десяцкие старосты.

Собор санкционировал строгие наказания за преступления против нравственности (в том числе содомский грех, непослушание родителям, ложная присяга и др.). Под страхом церковных наказаний было запрещено чтение еретических и отреченных книг. Определялись меры помощи неимущим и немощным.

Усиливалась ответственность монастырской администрации за соблюдение монастырских уставов. Монахи должны были во всем повиноваться своим настоятелям. Вводился строгий контроль над монастырской казной. Архимандриты и игумены избирались самой «братъею», а затем по церковным правилам утверждались царем и епископом.

Вместе с тем в Стоглаве была подтверждена незыблемость церковно-монастырского землевладения: покушавшиеся на него объявлялись «хищниками» и «разбойниками». Ссылаясь на церковные законы, Стоглав категорически отклонил попытку передачи права суда над церковными людьми «мирским судиям». Царскому суду передавались только дела о душегубстве и разбое.

Таким образом, Стоглав при расширении сферы компетенции царской власти в области духовной жизни сохраняет за церковь решение важнейших вопросов, касавшихся ее внутреннего положения. Стоглав, действовавший на протяжении целого столетия, раскрывает многие стороны повседневной жизни древнерусского общества, не освещающиеся другими источниками.

Каноны отцов церкви

Под этим подразумеваются правила, установленные наиболее авторитетными епископами в виде посланий-ответов на вопросы других пастырей. Формально такие каноны могли приобрести характер закона, только будучи принятыми большинством епископов. Однако на самом деле они делались обязательными, как только вносились в сборники правил.

К XVI в. на Руси бытовало не менее сотни канонов такого рода. Часть из них была вполне официального характера, поскольку исходила от высших иерархов. Другие святоотеческие правила имели рекомендательный характер, хотя и были зачастую анонимными. К числу наиболее популярных в Древней Руси относятся канонические ответы митрополита русского Иоанна II, перевод которых с греческого сохранился в списках Кормчих книг XIV–XVII вв., и так называемое Кириково вопрошание, дошедшее до нас в составе Кормчих XIII–XVI вв. и содержащее ответы новгородского епископа Нифонта (1130–1156) и других иерархов на вопросы неких Кирика, Ильи и Саввы. Оба памятника дают развернутую картину повседневной жизни приходского священника и древнерусского прихода (семейно-брачные отношения, народное восприятие христианства, соблюдение горожанами христианских норм поведения и морали и т.п.).

Изучение текстов вопрошаний, сопоставительный анализ их между собой и с вопросниками для покаянных бесед духовников с духовными детьми позволяют получить информацию, недоступную при работе с другими источникам.

Юридические сборники

С XI в. основным сводом памятников христианского и византийского церковного права на Руси был сборник, который в XIII в. получил название Кормчей книги. Он содержал авторитетные и обязательные для православных христиан законы: апокрифические апостольские правила, правила вселенских и некоторых поместных соборов, признанных каноническими, нормативные сочинения церковных писателей IV–VII вв., а также компиляции из церковных установлений византийских императоров. Состав и переводы этих сборников были различными. К ним добавлялись толкования канонических норм. На Руси кормчие книги расширялись местными церковными и светскими правовыми кодексами и правилами.

Кормчие книги известны в большом числе списков (до 180). Основная их часть принадлежит к XV–XVI вв., но встречаются списки как более ранние (XII в.), так и поздние (XVIII–XIX вв.). Они переписывались и редактировались во всех русских землях. Наиболее важную роль играли так называемые Сборники 14 титулов. На их материалах, известных на Руси с XI в., основывались все кормчие книги XIV–XVI вв. Правовое и каноническое содержание кормчих книг было основным. Однако в процессе развития они включили также многие церковно-полемические, хронологические, календарные, экзегетические сочинения, словари и другие памятники.

Значительно позже Кормчей, в последние десятилетия XIII — начале XIV в., сформировался другой древнерусский сборник подобного рода — «*Мерило Праведное*». Он сохранился в пяти списках XIV–XVI вв., имеющих идентичный состав. Текст делится на две части. Первая включает заимствованные из Библии, апокрифов и святоотеческой литературы поучения о праведных и неправедных судах и судьях. Вторая составлена из памятников права, преимущественно канонического. Сюда вошли как русские, так и переводные (в основном византийские) законодательные памятники, а также нормы, заимствованные из библейских текстов. В основу памятника легли, скорее всего, кормчие книги. «Мерило Праведное» как исторический источник, его место в жизни древнерусского общества изучены недостаточно.

Под названием *Правосудие митрополичье* известен памятник, помещенный в «Цветнике» (сборнике слов и поучений) XVI в. Создание этого законодательного источника некоторые исследователи относят к XIII–XIV вв. Статьи, включенные в него, затрагивают вопросы, традиционно относившиеся к юрисдикции церковных судов (семейно-брачные отношения, сексу-

альные преступления, проблема определения «душегубства» и т.п.). В числе источников Митрополичьего правосудья были церковный устав Ярослава, Пространная Русская Правда и некоторые другие источники.

Памятники канонического права до сих пор неудовлетворительно изучены как исторические источники.

1.3

АКТЫ

Важной составной частью источникового комплекса, освещающего историю древней Руси, являются акты — тексты, выполняющие функции документов: предоставляющие какие-либо права и служащие доказательством наличия таких прав; деловые и служебные записи, несущие информацию о том или ином событии или процессе, положении дел, состоянии имущества и т.п. В современном отечественном источниковедении под актами в узком смысле понимаются лишь те из них, которые устанавливают определенные правоотношения либо между контрагентами сделки, либо между автором и адресатом (С.М. Каштанов). В отличие от законов, которые устанавливают, формулируют правовые нормы, акты лишь используют законодательные нормы и не должны нарушать их.

При узком определении к актам относят документы, выполняющие договорную или распорядительную функцию. При расширительном понимании актовых источников к этим группам добавляют также делопроизводственные, частно-публичные документы и частную переписку.

Изучением актов занимается дипломатика — специальная дисциплина, анализирующая документы как исторический источник.

1.3.1

Актный материал как исторический источник и методы его изучения

Общая характеристика актового материала

Древнерусские акты представляют собой обширный комплекс источников. По подсчетам В.А. Кучкина, до нашего времени дошли всего восемь актов XII в., 15 актов XIII в., 163 — XIV в. и 2048 — XV в.: всего 2234 акта, причем большая часть из них (1302 акта) датируется второй половиной XV в. Это существенно уступает комплексам западноевропейских актовых источников. Лишь с XVII в. акты на Руси сохранились в массовом количестве.

К каждой группе актов применяется свой специфический подход, повышающий информационную отдачу этого вида источников. Классификация (систематизация) актов производится по источнику права, на котором они основываются (например, публично-правовые и частные акты, первые из которых делятся на светские и духовные); тематическому принципу (по содержанию) и т.п. Каждое из этих оснований может быть удобным и целесообразным при изучении той или иной темы. Менее дифференцированные классификационные системы более удобны, когда речь идет о систематизации материала, однако они оказываются малопродуктивными, поскольку выделенные группы обычно имеют слишком общий характер. Напротив, развернутые классификации, как правило, слишком конкретизированы, что порождает ряд неудобств при их практическом использовании.

Понятие формуляра и формулярный анализ

Изучение актов начинается с анализа их внешней формы: материала, на котором написан документ, почерка писца, хронологической системы, которой пользовался составитель грамоты, знаков, удостоверяющих документ (прежде всего печатей, хотя они в настоящее время всесторонне исследуются специальной исторической дисциплиной сфрагистикой). На основе такого анализа делается вывод о подлинности акта. Это лишь предварительный этап оценки акта как исторического источника. Основная работа по его изучению начинается с исследования внутренней формы — структуры и стилистики его текста.

Структуру текста акта принято называть **формуляром**. Формуляр более или менее стабилен. Он состоит, как правило, из стандартных оборотов, расположенных в определенном порядке. Принято различать условный, абстрактный, конкретный и индивидуальный формуляры.

Под *условным формуляром* понимается наиболее общая схема построения документов в целом. *Абстрактным формуляром* называют общую схему построения документов определенной разновидности. Схематическая структура определенных небольших групп документов внутри разновидности именуется *конкретным формуляром*. Наконец, схему построения одного отдельно взятого текста принято называть *индивидуальным формуляром*.

В условном формуляре обычно выделяют: 1) начальный протокол (инвокация — посвящение Богу; интитуляция — обозначение лица, от которого исходит документ; инскрипция — обозначение адресата; салютация — приветствие); 2) основную часть (аренга — преамбула; нотификация — публичное объявление; наррация — изложение обстоятельств дела; диспозиция — распоряжение по существу дела; санкция — запрещение нарушения документа; корроборация — сведения об удостоверительных знаках документа); 3) конечный протокол (место и время выдачи; аппрекация — заключение-благопожелание); 4) удостоверительную часть (субскрипция — формула, выражающая

существо удостоверительного действия; сигнатура — подпись, личная или нотариальная).

Указанные части условного формуляра встречаются далеко не в каждом документе и не всегда в перечисленном порядке. Тем не менее использование структуры условного формуляра полезно при предварительном анализе текста акта. На ее основе устанавливается индивидуальный формуляр конкретного акта. Индивидуальные формуляры актов определенной разновидности позволяют выстроить абстрактный формуляр, а на его базе — типичную схему каждой части, из которой состоит акт данной разновидности. Такая схема представляет собой техническое средство, позволяющее изучать эволюцию внутренней формы актов во времени и пространстве.

Для ее создания элементы, из которых состоит абстрактный формуляр, сводят в таблицу под условными номерами. Если исследователя интересуют временные изменения, он размещает данные в хронологической последовательности, отмечая наличие или отсутствие выделенных элементов абстрактного формуляра в каждом конкретном акте. Исчезновение одних из них и появление других отражает изменения, происходящие во внутренней структуре данной разновидности. Если же предмет изучения составляют территориальные особенности формуляра, существующие одновременно, в таблицах выстраиваются ряды из данных, полученных при анализе актов, появившихся на одной территории. Затем результаты, полученные по разным регионам, сравнивают между собой.

Последующее прямое сличение текстов актов позволяет выявить *конкретные формуляры групп источников*, из которых состоит та или иная разновидность. Воссоздание истории конкретных формуляров — основная задача дипломатического анализа внутренней формы актов.

Принципиально важен в данном случае вопрос о том, на какие элементы и как делится текст акта. Традиционно предлагалось выделять так называемые клаузулы (мысли, отделяемые в акте друг от друга). В последнее время предложена более детальная схема членения акта на статьи — грамматически самостоятельные простые или сложные предложения (С.М. Каштанов). Если статья представлена сложным предложением, в котором каждое из составляющих имеет отдельную тему, она делится далее на обороты, а те — на элементы и, наконец, еще более мелкие частицы — характеристики, дальнейшее членение которых невозможно. Простые статьи могут делиться на элементы непосредственно. Обороты, внутри которых к одному подлежащему относится несколько определений или к одному сказуемому — несколько дополнений или обстоятельств либо одно понятие выражено многочленно, могут, кроме того, делиться на отделения, состоящие из одного главного и нескольких второстепенных членов предложения или из одного главного и нескольких второстепенных понятий.

Среди элементов и характеристик актов различают реалии, формулы и описания. К первым относятся имена лиц и топонимы, ко вторым — устойчивые выражения, к третьим — более или менее оригинальные выражения, характеризующие какие-то особые обстоятельства или условия.

Такое членение акта на составляющие называется *грамматически-дипломатическим методом* и представляет собой предварительную интерпретацию текста. Результаты, которые будут получены с его помощью, во многом зависят от того, насколько детально и обстоятельно проведен формулярный анализ — изучена структура текста акта.

Формулярный анализ может использоваться и при анализе других видов письменных источников: памятников законодательства, агиографических произведений.

На стадии изучения конкретных формуляров грамматически-дипломатический метод должен сочетаться с *методом юридического членения текста по содержанию*. Каждое законченное изложение какой-то нормы, на которую опирается составитель акта, рассматривается как постановление. Постановление может делиться на пункты. Такой подход, подкрепленный текстологическим анализом, позволяет установить социальное и политическое происхождение данной разновидности актов, а также каждого акта, входящего в нее. Завершает работу с актом логический анализ: интерпретация, установление логических противоречий, «темных мест» его текста и т.п.

Характеристика акта основывается на его происхождении: где именно создан данный акт, каковы причины его появления, каким способом удостоверяется его текст. Ответить на эти вопросы позволяют историко-юридический, историко-географический, историко-политический и историко-экономический анализ условий создания изучаемого текста.

Историко-юридический анализ состоит в сравнении акта с законодательными источниками своего времени. Он позволяет выяснить, какие нормы и как отразились в изучаемом документе, уточняет понимание сущности данной юридической нормы и время ее бытования. В ходе *историко-географического анализа* производится идентификация топонимов, упомянутых в акте с географическими реалиями, что не только конкретизирует географическое происхождение акта, но и дает важную информацию для историко-географических реконструкций (например, уточняет представления о владениях того или иного лица или целого рода). *Историко-политический анализ* состоит в сопоставлении сведений, сохранившихся в данном акте, с данными других видов источников (летописей, разрядов, родословцев и т.п.). Благодаря этому воссоздаются обстоятельства политической борьбы, породившие документ, конкретизируется состав участников происходящих событий. *Историко-экономический анализ* — важная составная часть реконструкции экономической истории района или региона, в котором был создан изучаемый акт. В основе такого анализа лежит сопоставление норм, отразившихся в акте, с данными

других источников, освещающих экономическую историю этой территории: приходно-расходных, писцовых книг и т.п.

Наиболее сложным при изучении актового материала является определение степени достоверности его информации. Методика и практика выяснения того, насколько она соответствовала реальным событиям и обстоятельствам, до сих пор слабо разработаны. Дело в том, что традиционно акты относились к так называемым источникам-остаткам, которые в меньшей степени, нежели иные виды источников, нуждаются в «критике дел». Поэтому основное внимание уделялось проблемам установления подлинности актового материала. Между тем верное понимание исторической информации, заключенной в акте, невозможно без ее культурологического истолкования и всестороннего сопоставления с известными реалиями прошлого.

Обобщение всей полученной информации об условиях появления акта, его содержании и социальных функциях позволяет воссоздать историю актов определенной разновидности как исторического явления. История актов, в свою очередь, — это составная часть истории развития договорных отношений в обществе. Она отражает становление и эволюцию прав различных социальных групп, их отношения между собой, а также между обществом и властными структурами, государством.

1.3.2

Появление актов в Древней Руси

Договорные отношения возникают прежде всего между юридически независимыми друг от друга политическими единицами (государствами) и существуют на всем протяжении истории России. Как следствие, акты Древней Руси имеют публично-правовой характер.

Наиболее ранние древнерусские акты — это договоры Руси с греками. Тексты данных договоров (907, 911, 944 и 971 гг.) сохранились в составе Повести временных лет. Все древнерусские тексты этих договоров представляют собой переводы с греческого языка. Они посвящены упорядочению торговых отношений между Русью и Византией. Обычно срок действия подобных актов составлял 30 лет.

Договор 911 г. был заключен в Константинополе. Возможно, частью процедуры заключения этого договора были переговоры Руси с византийцами в 907 г. Текст договора соответствует формуляру клятвенных грамот иностранных послов византийскому императору, известному по международным договорам, заключавшимся Византией в 992–1261 гг. В таких актах излагались условия договора и уверения в подтверждении последних правительством, которое представляли иностранные послы. Во время заключения подобных договоров стороны составляли текст согласованного акта — каждая на своем языке, с употреблением своих канцелярских и ди-

пломатических форм. Затем стороны обменивались грамотами, причем каждая получала, помимо того, перевод переданного ей текста на родной язык. Переводы служили пособиями при чтении основного текста. Поскольку в сохранившемся тексте договора 911 г. отсутствуют статьи, составленные от имени греков, он представляет собой копию клятвенной грамоты, переданной грекам, снятую до отъезда послов из Константинополя. Одни исследователи считают, что перевод сделан вскоре после заключения договора, другие — что переводы всех договоров были сделаны одновременно, в конце XI в.

В отличие от предыдущего, договор 944 г. был составлен в столице Древней Руси после предварительных переговоров византийских послов с киевским князем. Часть договора составлена от лица русских, часть — от лица греков. В русской части (соответствующей клятвенно-верительной грамоте) отсутствуют договорные статьи. Видимо, Игорю был представлен на утверждение экземпляр, скрепленный послами и нуждавшийся в принесении князем присяги (о чем прямо говорится в тексте договора). Затем скрепленный экземпляр был увезен в Византию, а в Киеве остался заверенный греческий оригинал. Возможно, на Руси осталась и копия с утвержденной грамоты русских послов.

Договор 971 г. представляет собой запись княжеской клятвы, сделанную в императорском лагере со слов посланцев Святослава. Скорее всего, эта грамота писалась без предварительного согласования текста сторонами. Фиксируя обязательства русской стороны, она не упоминает обязательств византийцев о предоставлении Руси права торговли в столице и провинциях Империи. Тем не менее они, видимо, были оформлены письменно и утверждены византийским императором.

Насколько адекватны тексты, донесенные Повестью временных лет, первоначальному виду договоров Руси с греками, судить трудно.

Особую роль в государственной жизни Древней Руси с конца X в. играла церковь. На ранних этапах стабильные формы княжеско-церковных договоров отсутствовали. Не было, соответственно, и устойчивых разновидностей соглашений между княжеской властью и церковью. О существовании подобных соглашений в конце X — середине XI в., возможно, свидетельствует упоминание в Повести временных лет под 6504 (996) г. о выделении Владимиром Святославичем десятины Богородичной церкви. Текст этой летописной статьи напоминает формуляр данных грамот XII в. Однако уверенности в том, что в летопись действительно был вставлен текст грамоты, нет. В дальнейшем подобные прецеденты передачи светской властью церкви определенных прав послужили почвой или предлогом для создания церковно-княжеских законодательных памятников — так называемых церковных уставов Владимира I и Ярослава Мудрого.

1.3.3

Акты удельного периода

Публично-правовые акты

Международные договоры. Самый ранний внешнеполитический договор удельного периода — договор Новгорода Великого с Готским берегом (островом Готланд) и немецкими городами, относящийся к концу XII в. Всего от XII–XIV вв. сохранилось 18 новгородских документов, касающихся международных отношений. Половина из них (девять) составлена от имени новгородского князя (до первой трети XIV в.), пять — от имени княжеского наместника (с 30-х годов XIV в.) и четыре — от республиканских органов власти.

Как правило, договоры заключались в самом Новгороде. Здесь иностранным послам вручали экземпляр акта, скрепленный печатями представителей новгородских властей (архиепископа, князя, тысяцкого, посадника, новгородского совета господ). Если контрагентов Новгорода было несколько (или контрагент был коллективный, например несколько городов), всем им вручались свои экземпляры договора. После возвращения послов на родину туда выезжал новгородский посол, в присутствии которого противоположная сторона утверждала другой экземпляр договора, предназначенного для вручения новгородским властям. Тогда же иностранные послы, заключавшие договор, скрепляли его своими печатями. Эта процедура означала ратификацию договора.

Кроме новгородских, сохранились также отдельные международные договоры Смоленска и Полоцка XIII–XIV вв. Их дипломатический анализ еще не завершен.

К XIV в. относится и первый московский внешнеполитический договор: перемиренная грамота великого князя литовского Ольгерда с великим князем московским Дмитрием Ивановичем (1371). Она, видимо, была составлена литовскими послами и не отражает традиции московской великокняжеской канцелярии. В докончании 1371 г. оговаривались права московского великого князя и обязательства Ольгерда не вмешиваться в борьбу с тверским князем за великое княжение. Текст договора, по-видимому, был составлен на основании предложений, подготовленных обоими контрагентами. Грамота скреплена крестоцелованиями представителей обеих сторон и печатями: литовской и московской митрополичьей (митрополита Алексия). Прочие документы московского великокняжеского архива, имевшие международное значение и известные по описи архива Посольского приказа 1626 г., утрачены.

Удельная эпоха породила **договорные политические акты и внутрирусского происхождения**. Они заключались между политическими субъектами, юридически независимыми друг от друга (между великими князьями и Новгородом, великими князьями различных великих княжеств, великим и удельными князьями одного великого княжества). Образование единой Руси привело к исчезновению почвы для политических договоров такого рода.

К числу внутривластных актов относятся также *церковные уставы, уставные и жалованные грамоты*. Самые ранние списки церковных уставов и уставных грамот относятся к концу XIII — началу XIV в. Широкое распространение получили церковные уставы князей Владимира Святославича (сохранился в многочисленных списках XIV–XIX вв., делящихся на несколько редакций, наиболее ранние из которых относятся к XIII–XVII вв.) и Ярослава Владимировича (дошедший во множестве списков XV–XVI вв., разделяющихся на редакции и изводы). Считается, что это переработанные и дополненные уставные грамоты князей. Протографы уставов относят к XII в. Они близки и к законам, и к жалованным грамотам. Полагают, что Устав Владимира представляет собой договор с Византией, приславшей на Русь первых митрополитов: в качестве контрагента князя выступает его жена, княгиня Анна, представлявшая интересы Византии на Руси. Устав же Ярослава определяет отношения между князем и Иларионом — первым «русином», занявшим митрополичий престол. Впоследствии упоминания контрагентов обоих уставов, видимо, стали восприниматься символически: как князя вообще и митрополита вообще, а договорной момент (разделение сфер компетенции и юрисдикции) постепенно вытеснялся законодательным. Поэтому данные уставы относят к законодательным источникам, несмотря на их актовую форму.

О существовании княжеско-церковных договоров с полной уверенностью можно говорить с XII в., когда создаются местные новгородский и смоленский церковные уставы. Их формуляры очень близки. Кроме собственно уставной грамоты князя (смоленского Ростислава Мстиславича и новгородского Святослава Ольговича), они включают подтверждающие грамоты епископов и дополнительные записи о размерах сборов в пользу церкви. Центральное место в их диспозитивной части занимают росписи сборов с определенных территориальных единиц. Незрелость протокольной части княжеских грамот свидетельствует о близости их к законодательным источникам.

В XII в. появляются княжеско-церковные акты, относящиеся к числу жалованных грамот. Они устанавливали социально-политические отношения между княжеской властью и монастырями. Рост влияния чернеческих обителей обусловил выдачу им княжеских грамот, которые разделяли властные полномочия князя и монастыря и ограничивали сферу монастырского землевладения определенным селом и тем, что к нему «потягло». Жалованные грамоты выдавались сначала новгородским монастырям, а с XIV в. получили распространение и на других территориях.

За первую половину — середину XII в. сохранилось четыре документа, связанных с передачей земельных участков и движимого имущества двум новгородским монастырям: Юрьеву и Пантелеймонову. Самым ранним подлинным актом такого рода считается жалованная грамота великого князя Мстис-

лава Владимировича и его сына Всеволода Юрьеву монастырю (около 1130 г.). Она написана на пергамене и имеет следы прикрепления печати, которая не сохранилась. Три других акта дошли в копиях.

Следующий комплекс жалованных грамот относится уже к XIV в. Им датируются 12 актов, из которых лишь три сохранились в подлинниках. Великокняжеские жалованные грамоты не касаются собственно московских земель и относятся к пограничным спорным территориям (районы Печоры, Волочка, Торжка и Костромы). Прочие грамоты связаны с территориями Ярославского княжества, Новгородской и Псковской республик. Судя по развитым формулярам, старейшими центрами выдачи жалованных грамот были также Тверское и Рязанское княжества.

Во всех упомянутых грамотах контрагенты явно неравноправны. Доминирующую роль играет князь. Передавая монастырю землю и превращая его в земельного собственника, он по-прежнему обладает верховной распорядительной властью. В грамотах князей Всеволода и Изяслава даже не упоминаются имена игуменов монастырей, которым адресована грамота. Незавершенность инскрипции жалованных грамот — показатель их близости княжеским уставам XII в. Последним княжеско-церковным договором стала грамота между Василием I и митрополитом Киприаном.

Княжеско-церковные договоры свидетельствуют о том, что церковь на Руси так и не стала силой, независимой от князя. Этим объясняется отсутствие договоров с церковью того типа, который характерен для взаимоотношений между князьями.

Значительный комплекс актов составляют *договоры Новгорода с великими князьями*. Для XIII–XIV вв. подавляющее большинство грамот регулируют отношения с тверскими князьями. Все новгородско-тверские договоры дошли в подлинниках. По тематике они делятся на три группы: 1) о правах князя в Новгородской земле (девять грамот); 2) о военной помощи (два экземпляра — княжеский и новгородский — одного договора рубежа XIII–XIV вв.); 3) о мире (четыре грамоты XIV в.). Только в начале 70-х годов XIV в. была составлена договорная грамота с московским великим князем Дмитрием Ивановичем (список конца XV — начала XVI в.). До XIV в. известно единственное упоминание договора с московским князем, касающегося проезда великокняжеских «ватаг» через новгородские земли.

До 1380 г. известны четыре *междукняжеские договорные грамоты*, три из которых дошли в подлинниках. Они регулируют отношения между великим и удельными князьями. Лишь в одном случае (докончание 1375 г. Дмитрия Ивановича московского с великим тверским князем Михаилом Александровичем) в качестве контрагентов фигурируют два великих князя. Порядок заключения этих договоров неизвестен. Некоторую информацию об утверждении их дает упоминание в грамотах обоюдного крестоцелования и следы печатей, привешивавшихся к подлинникам.

С конца 20–30-х годов XIV в. появляются *духовные грамоты* московских князей. Зарождение княжеской завещательной традиции обычно относят к XII, а иногда даже к XI в. При этом ссылаются на упоминания в летописных обращениях умирающих князей к членам своей семьи устойчивых оборотов, соотносимых с клаузулами (статьями) письменных завещаний последующего времени. Однако древнейшие духовные если и существовали, то в форме устного распоряжения («ряда»).

Первая сохранившаяся духовная грамота составлена Иваном Калитой (1327 или 1339). Ее появление А.Л. Юрганов достаточно основательно связывает с появлением при хане Узбеке в монгольском праве нормы, закреплявшей за местными правителями, подчинявшимися Орде, наследственное распоряжение подвластными им территориями. При составлении духовных грамот, видимо, использовалась традиция устных завещаний, следы которых и сохранились в русских летописях. Центральное место в духовных великих князей занимают благословения (наследников — членов великокняжеской семьи) и пожалования (служилых людей) землями (соответственно, уделами и вотчинами) в пределах великого княжества. Все духовные скреплялись великокняжеской печатью, а также печатями митрополитов. Последнее свидетельствует о расширении юрисдикции церкви. Позднее даже духовные частных лиц скреплялись митрополитом, архиепископом или епископом. Кроме того, при великокняжеских духовных иногда встречаются печати наследников — удельных князей. Всего к XIV в. относятся семь княжеских завещаний.

Духовные грамоты немосковских князей (тверских, рязанских, нижегородских, ярославских и др.) не сохранились, хотя известно, что составлялись. Возможно, они были уничтожены во время комплектования великокняжеского архива, по мере присоединения этих княжеств к Москве.

Значительно хуже известны *указные* и *кормленные грамоты*. К концу 60-х — началу 70-х годов XIII в. относится послание князя Ярослава Ярославича рижанам. В нем совмещены элементы указной и жалованной грамоты. Содержание послания сводится к разрешению свободного проезда через его владения немецким гостям.

Ранние указные и кормленные грамоты московских великих князей посылаются в порубежные новгородские земли. Самая ранняя указная грамота — распоряжение великого князя московского Андрея Александровича на Двину о пропуске к морю и обратно трех великокняжеских «ватаг». На Двину адресована и указная грамота 1324–1340 гг., составленная от имени Ивана Калиты и Великого Новгорода. Приблизительно в то же время утвердился и обычай московского управления Печорой. В древнейшей кормленной грамоте, выданной Дмитрием Ивановичем Московским Андрею Фрязинову, упоминается, что дядя Андрея, Матвей Фрязин, обладал кормлением на этой территории еще при Иване Калите.

Важную, хотя и плохо сохранившуюся часть публично-правового комплекса актов представляют собой *русско-ордынские документы*.

Первое упоминание о них содержится в упомянутом послании Ярослава Ярославича. Князь ссылается на указ ордынского хана Менгу-Тимура (Мангу-Темира русских летописей) по поводу проезда немецких купцов по княжеской волости.

Важную группу документов составляют ханские ярлыки русским митрополитам. В них закрепляются владельческие иммунитетные права русской церкви, которая освобождается от уплаты пошлин и повинностей. Переводы ярлыков на русский язык дошли в составе двух рукописных сборников: краткого и пространного. Самый ранний — ярлык хана Менгу-Тимура митрополиту Кириллу 1267 г., самый поздний — хана Мухаммеда Бюлека митрополиту Михаилу 1379 г. Краткое собрание включает шесть ярлыков и рассматривается как более раннее, составленное в конце XIV — первой половине XV в. Первая редакция пространного собрания была подготовлена, видимо, до 1550 г. и представляла переработку краткого с добавлением фальшивого ярлыка хана Узбека митрополиту Петру. Окончательный вид оно получило в 30-х годах XVII в. Оригиналы ярлыков, составленные, вероятно, на тюркском или монгольском языках, не сохранились. Ханские ярлыки использовались русской церковью для защиты своих имущественных прав в спорах со светскими властями.

По мнению С.М. Каштанова, к концу XIV в. выработался формуляр целого ряда разновидностей публично-правовых актов. Причем преобладает сделочная форма актов (договорные, жалованные, духовные грамоты). Жанр посланий встречается реже, чем на Западе. С этим связано слабое применение такого компонента формуляра, как нотификация (публикация). Самой неразвитой частью формуляра был конечный протокол. Даты повсеместно (за исключением ханских ярлыков) отсутствуют. Место выдачи акта не указывается. Лишь в XIV в. в санкциях распространяется угроза светских наказаний (прежде дело ограничивалось призыванием небесной кары). Особенности русских публично-правовых актов исследованы пока недостаточно.

Частно-правовые акты

При заключении частных сделок по крайней мере до XII—XIII вв. на Руси преобладала устная форма. Об этом говорит слово «послух», обозначающее свидетеля сделки. Сделки заключались устно, а послухи лишь выслушивали и запоминали условия договора, чтобы при необходимости воссоздать их.

Письменный частный акт на Руси появился не ранее XII—XIII вв. Вопрос о датировке первых актов имеет принципиальный характер, поскольку зарождение практики составления документов частного характера представляет собой важное свидетельство уровня развития социальных отношений и культуры.

Приоритет в области распространения частных актов принадлежит Новгороду и Пскову. В Новгороде, судя по берестяным грамотам, письменные традиции среди частных лиц сложились давно. Здесь духовные и уставные грамоты назывались рукописанием. Не исключено, что этот термин возник в связи с обычаем переписывания духовных на пергамен для их юридического оформления.

Частные акты западных и юго-западных княжеств за XII — последнюю четверть XIV в. представлены единичными экземплярами, а на северо-востоке вообще неизвестны.

Самые ранние новгородские акты — данная (купчая) и духовная, приписываемые Антонию Римлянину. Они сохранились в списках второй половины XVI в. Многие исследователи считают их подделкой.

Сторонники подлинности духовной датируют ее текст вторым десятилетием XII в. Большинство исследователей считают данную Антония фальсификатом¹, изготовленным монахами в ходе судебной тяжбы во второй половине XVI в. В ней присутствует поздний счет на рубли. Однако формуляр грамоты архаичен и не соответствует формуляру данных или вкладных грамот XVI в. Включение Антонием купчей в данную должно было доказать законность владения Антония земель, передаваемой монастырю. Кроме того, это позволяло точно указать ее границы, в чем усматривают зарождение правила передачи в монастыри вместе с данными и вкладными купчих и других грамот на передаваемое владение.

Древнейший русский частный акт, сохранившийся в подлиннике, — вкладная грамота Варлаама новгородскому Спасо-Хутынскому монастырю (1192–1211). В диспозитивной части грамоты оговаривается, что земля передается монастырю «с челядию и с скотиною», что сближает ее с княжескими жалованными грамотами новгородским монастырям XII в. Впрочем, по поводу подлинности вкладной Варлаама высказывались сомнения: ее формуляр признавался поздним (XV в.), а внешний вид — не соответствующим документам раннего времени. Лишь небольшое число актов второй половины XIII в. — 70-х годов XIV в. не вызывает сомнений.

Древнейший бесспорно подлинный частный акт — духовная новгородца Климента. Она написана на пергамене не позднее 1270 г. (год смерти игумена Варлаама, упомянутого в грамоте). Климент, получивший от монастыря 20 гривен в долг, в качестве компенсации завещает монастырю два села, движимое имущество, а также право взыскать долги с должников Климента. Предусматривается также обеспечение вдовы завещателя. Употребление в грамоте двойного счета — гривнами серебра и гривнами кун — характерно именно для Новгорода XIII в. и на очень коротком промежутке времени. Формуляр

¹ Подделкой XVII в. признается и духовная-вкладная грамота новгородского посадника Ивана Фомина, в тексте которой дается дата 6690 (1181/82) г.

грамоты (в частности, инвокация и диспозиция) соответствует формулярам подлинных княжеских грамот XIII в.

К последней трети XIII в. относится и древнейший подлинный псковский частный акт: «рядная» Тешаты и Якима. Сделка оформлена княжеским писцом на пергамене и заверена свинцовой печатью князя Довмонта. Впервые упоминается о том, что при составлении грамоты присутствовали послухи, и впервые вводится денежная санкция (100 гривен) за нарушение условий договора.

Данная черницы Марины суздальскому монастырю Василия Кесарийского, содержащая дату XIII в., известна в трех списках: XVI, XVIII и XIX вв. Ряд анахронизмов в формулах и выражениях грамоты, а также то, что вплоть до 80-х годов XVI в. земли, упоминаемые в данной Марине, не фигурируют в числе владений указанного монастыря, заставляет остановиться на последней дате как наиболее вероятном времени появления этого документа.

Сохранившихся частных актов XIV в. очень мало: одна новгородская мировая грамота (о полюбовном размежевании земель в Шенкурском погосте 1315–1322 гг.), три древнейшие купчие (две псковские первой половины и 70–80-х годах XIV в., одна новгородская — после 1359 г.), псковские — три меновые (вторая половина XIV в.), одна рядная (вторая половина XIV в.) и одна раздельная (вторая половина XIV в.). Возможно также, что к этому времени относится часть 11 псковских актов, датируемых XIV–XV вв.

Важнейшая особенность актов XIII–XIV вв. — расширение сферы их социально-политического происхождения. Частные акты социально-экономического происхождения этого времени редки, что свидетельствует о слабом развитии экономических отношений в древнерусском обществе. Немногие документы такого рода появлялись лишь в Новгороде и Пскове. Вероятно, эти территории обогнали южных и северо-восточных соседей в экономическом развитии. Наименее развитым при этом оказывается Московское княжество, на земли которого не выдавались жалованные грамоты. Зато именно в нем происходит юридическое оформление великокняжеской собственности в виде княжеских духовных грамот. Слабость частного землевладения в Московском княжестве XIII–XIV вв., отсутствие здесь крупного монастырского землевладения и, как следствие, усиление великокняжеской власти обусловили объединение Руси вокруг Москвы на силовой, внеэкономической основе.

1.3.4

Акты XV–XVII веков

В дальнейшем объем актового материала и его разнообразие быстро увеличиваются. Если для XV в. абсолютное число актов еще известно (их, напомним, чуть более 2 тыс., что на порядок превышает общее количество

документов за предыдущие три столетия), то для последующих веков оно уже не поддается точному учету.

Публично-правовые акты

Международных договоров (преимущественно с соседней Литвой и с Речью Посполитой) пока немного. В XV в. они заключаются не только московскими, но также тверскими, рязанскими и пронскими князьями. С завершением объединительных процессов подобная практика исчезает. С начала XVI в. суверенным государем, имеющим право на договоры с другими субъектами публичного права, остается только царь и великий князь. Вместе с тем существенно расширяется география контрагентов подобных соглашений. Это связано с признанием Московии самостоятельной и влиятельной державой.

Начиная с 80-х годов XIV в. резко возрастает число **договорных грамот русских князей**, достигающее к концу XV в. 56 единиц. Из них почти половина (24) приходится на период феодальной войны второй четверти XV в. Завершение объединения русских земель в единое государство ликвидировало правовую основу для развития данной разновидности актов.

Одновременно появляются новые разновидности актового материала. В XV–XVII вв. через **жалованные грамоты** осуществлялись местное управление, ограничение феодальных привилегий духовных и светских землевладельцев, централизация суда и финансов.

За XV в. сохранились всего десять княжеских **завещаний**. Еще девять духовных московских великих или удельных князей и княгинь дошли от XVI в. Пресечение династии Калитичей, судя по всему, считавшейся единственным собственником всех Русских земель, а также наступление Смуты привели к прекращению завещательной традиции.

Развитие общественной жизни на местах в конце XIV–XVII в., формирование сословных групп в границах волостей, уездов, посадов предопределили необходимость договорного регулирования отношений великокняжеской власти с населением этих административно-территориальных единиц. Возникают исходящие от великого князя или царя **акты управления** (наместничьи грамоты) и **самоуправления на местах** (губные, земские грамоты). Актами — на договорных основаниях, при возрастающей власти великого князя — оформляются отношения подданства (поручные записи). Впоследствии появляются своеобразные договоры царей с сословиями (акты земских соборов), характерные для второй половины XVI–XVII в. В полном смысле слова такой характер имела, пожалуй, только крестоцеловальная запись Василия Шуйского 1606 г. Государь присягал своим подданным, что никто из них не будет подвергнут опале без справедливого расследования и суда, не будут преследоваться родственники осужденного и т.п.

Все эти разновидности политических соглашений, пронизанных духом распоряжения и часто облеченных в форму пожалования, теряют смысл

в условиях абсолютистской монархии. Политические сделки государства с частными лицами или группировками редко приобретают форму письменных договоров.

Публично-частные и частные акты

Со второй половины XVII в., а особенно с петровских времен в России начинают заключаться разного рода экономические соглашения, договоры между органами государственной власти и частными лицами (акты откупа, подряда и др.). Эта очень слабо изученная история государственно-частных договоров отражает развитие новых отношений в экономике России.

Число видов и разновидностей частных актов растет по мере дальнейшего развития феодальной экономики. В них находят отражение новые социально-экономические процессы. Появляются акты на холопов (с XV в.), денежные (заемные — с XVI в.), крестьянского подряда (с XVI в.), на крестьян (с конца XVI в.), а также распорядительно-договорные (с конца XV в.) и распорядительные (с XVII в.).

В связи с резким увеличением численности актовых источников, их видов, подвидов и разновидностей начиная с XVII в. возрастает роль изучения истории архивов, в которых концентрировались актывые материалы.

1.4

МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ВОТЧИННОГО УЧЕТА

1.4.1

Писцовые книги и документы писцового делопроизводства

Среди источников государственного учета XVI–XVII вв. важную группу составляет комплекс писцовых документов: писцовые (дозорные, межевые, окладные) и переписные книги.

Писцовые книги составлялись в ходе описания земель с середины XV в. по 30-е годы XVII в. в целях государственного фиска. Писцовые книги представляли собой систематизированный свод сведений о земельных владениях (земельный кадастр) и служили фундаментом государственной налоговой системы. Кадастровые задачи составления писцовых книг диктовали набор содержательных сведений и форму их подачи.

Первая государственная поземельная перепись была проведена на рубеже XV–XVI вв. в связи с задачами унификации фискальной системы на основе

общего критерия обложения. Она продолжила начавшееся ранее описание Новгородской земли («старое письмо»). Наиболее древние из сохранившихся — писцовые книги Новгородских пятин 1495–1505 гг., составленные в период общей поземельной переписи. В них описаны земли новых и старых владельцев. Сопоставление «старого» и «нового» письма позволяет изучать состояние землевладения Новгородской республики в последний период ее существования и в первое время после ее вхождения в состав единого государства. Результатом первого описания земель Российского государства стала фиксация социальной принадлежности селений с их землями и введение на территории всей страны единой системы налогообложения, основанной на использовании общей условной окладной единицы — сохи, заменившей прежние местные единицы налогообложения (обжу, сошку и др.). Размер сохи еще не был нормирован: в разных уездах ее составляли разное количество пахотной земли и неодинаковое число дворов.

Второе крупное описание пришлось на середину 30-х — середину 40-х годов XV в. и охватило земельные владения на территории 30 уездов и Новгородских пятин. На основе записей в писцовых книгах вотчинникам и помещикам, а также выборным должностным людям дворцовых и черносошных волостей выдавались сотные грамоты. Они удостоверяли право владения землями, занесенными в писцовую книгу, а также фиксировали число сох, соразмерно которым платились государственные налоги и отбывались повинности. В этом описании для поместий отмечалось наличие леса, реки, озера, сенокоса, а в некоторых случаях указывались межевые границы.

Третье генеральное описание страны было проведено в середине 1550-х — 1560-х годах с целью обеспечить служилых людей землей, прежде всего на поместном праве. В ходе его были реформированы главные принципы описания. Земли всех владельцев: вотчинников, помещиков, черносошных крестьян — подлежали учету, единицей которого для пахотной земли становилась четверть (0,5 десятины). В ходе этого описания земля стала не только регистрироваться, но и измеряться (в четвертях). Так появился новый тип кадастра — *книги письма и меры*. Учету стали подлежать не только обрабатываемые пахотные земли, но и сенокосные, лесные, рыболовные угодья.

Главным новшеством этого писцового описания было установление нормированного значения сохи, которое зависело от социальной принадлежности земли и ее качества, а сама она получила название большой сохи. Чем меньше размер сохи (число составляющих ее четвертей), тем больше сох (их долей) входило в описываемый объект и тем выше было обложение и соответствующее ему бремя налогов и повинностей.

Следующая генеральная перепись земель приходится на 1580-е годы. Ее особенность — высокая точность подсчетов земли, вплоть до мелких долей четверти (четвертых, восьмых, шестнадцатых). Учету подлежала как пахотная земля, так и запущенная в перелог, а также вновь распаханная «наездом».

Правительство хотело знать, какая часть земли была годной как для восстановления хозяйства на ней, так и для раздачи помещикам. В описываемых уездах, где существовала неблагоприятная земледельческая конъюнктура, составлялись *книги письма и дозора*.

Необходимость точной фиксации сельскохозяйственных угодий была связана с рядом катастрофических факторов 70-х годов XVI в. — моровым поветрием, неурожаем и набегом татар 1571 г., — приведших к убыли населения и запустению земель. Сократилось количество обрабатываемой земли, с которой поступали налоги в государственную казну. В сильно разоренных уездах проводились отдельные описания — «дозоры». Их результаты и заносились в упомянутые книги письма и дозора. До этого времени *дозорные книги*, соединившие в себе описание и фиксацию размеров запустения, в практике писцового дела не встречались.

Писцы XVI–XVII вв., отправляясь в уезд, подлежащий описанию, снабжались набором документов. Наиболее важны из них *приправочные книги* — списки основных данных предыдущего описания и/или дозора. Писцы получали также выписки из книг более ранних описаний, сотные грамоты на отдельные владения и другие документы. Такой материал, подготавливаемый в Поместном приказе или приказе-четверти, был необходим для наведения справок и ориентации в бывшем хозяйственном состоянии описываемых территорий, а также для оценки произошедших изменений. При изготовлении приправочного списка книга предшествующего описания разделялась на части для ускорения работы. При этом текст перерабатывался: исключались некоторые подробности, добавлялись фрагменты из ранних книг.

Значение приправочных книг как источников велико, поскольку подлинники большинства писцовых описаний XVI в. и части XVII в. не сохранились. Комплекс приправочных документов сложен по составу и требует самостоятельного источниковедческого изучения. Благодаря различным писцовым материалам обеспечивается источниковая преемственность разновременных описаний. Это важный аспект писцового дела, который способствует верификации сведений книг.

За годы Смуты документы на поместья и вотчины погибли либо были сомнительного свойства. Проверка прав владения вотчинами и поместьями, их хозяйственного состояния проводилась в ходе отдельных дозоров в 1610-х годах, результаты которых показали большое запустение пахотных площадей и неуклонное сокращение крестьянских тяглых наделов. В 1619–1620 гг. дозорщики были посланы почти во все уезды, чтобы оценить степень опустошения каждого из них.

Восстановлению государственной экономики и финансов, приведению в соответствие хозяйственных ресурсов и платежеспособности пережившего Смуту населения должна была способствовать генеральная перепись земель 1620–1630-х годов. Это грандиозное мероприятие охватило всю Европейскую

Россию. Ему сопутствовало реформирование самой системы исчисления налогов путем введения живущей или дворовой четверти. Живущую четверть составляло определенное число крестьянских и бобыльских¹ дворов, причем один крестьянский двор приравнивался к двум бобыльским. Число «живущих» дворов стало определяющим критерием при оценке налогоспособности населения. Описанию первой трети XVII в. присуща внутренняя двойственность: обложение было перенесено на число дворов как на учетную единицу, но измерение земли сохранялось. Сложность взаимодействия обоих критериев требует дальнейших источниковедческих изысканий. Введение «живущей» четверти придало обложению подворно-поземельный характер и было направлено на эффективный сбор налогов.

Писцы измеряли в одном поле как пахотную землю, так и «перелог и что лесом поросло», причем выборочно в каждом из описываемых объектов, считая в двух других «по тому ж». Такой способ измерения в одном поле был обусловлен существованием паровой трехпольной системой земледелия.

Любая перепись фиксирует объект на определенный момент времени, дает статическое его состояние. Писцовые книги в этом смысле — не исключение. Сравнение основных показателей проводимого описания с предыдущим было важным принципом их составления: так правительство получало представление о динамике обложения земель в масштабах частного владения или какого-либо уезда, а значит, и о поступающих налогах. Накопленный опыт по регистрации объектов описания обобщался в *писцовые наказы*.

Особенно наглядными приемы описания и его структура стали в писцовых книгах 1620–1630 гг. При описании фиксировалась культивируемая земля и учитывалось число дворов во владениях. Размеры пахотной земли («жилое») и переложной («пустое») были основой для исчисления писцами сошного оклада. Писцы сначала описывали административный центр уезда, а в нем учитывали жилые дворы, лавки, ремесленные заведения, подлежащие обложению, а также городские укрепления и церкви. В уезде, двигаясь по станам и волостям от близлежащих к городу к дальним, они фиксировали земельные владения (поместные, вотчинные, церковные, монастырские — с указанием имени и чина землевладельца), села и деревни (с их названиями и местоположением), типы сельских поселений (полноценные, жизнеспособные — села и деревни; появившиеся, но не набравшие силы — починки и займища; бывшие селения — селища и пустоши). В каждом из селений сначала указывались дворы землевладельцев, их людей (холопов), приказчиков (если они были), затем перечислялись дворы крестьян и бобылей (по трем категориям: жилые, пустые и давно запустевшие — дворища и дворовые места). Указывались

¹ Бобыль — зависимый человек, не имевший собственного земельного надела и не обложенный тяглом, плативший особый оброк.

имена дворовладельцев-тяглецов в «живущих» дворах, а также живших ранее в «пустых».

В центре внимания при составлении писцовых книг была земля: пахотные, сенокосные, лесные угодья. Главным же объектом внимания была, естественно, земля возделываемая. Описание каждого из владений заключалось итогом: числом селений, дворов и людей в них, разных угодий; исчислением в сохах и их долях «живущего» и «пустого»; сошным окладом «с живущего» в четвертях, а также некоторыми иными сведениями.

После помеотно-вотчинных владений в каждой волости описывались владения монастырей, затем церковных погостов на «государевой» земле и, наконец, оброчные земли. Заключал писцовую книгу уездный итог по всем категориям владений в соответствии с указанными выше итоговыми пунктами.

Если писцам приходилось проводить межевые работы, наряду с писцовыми они составляли *межевые книги*. В них фиксировались границы владения по естественным рубежам (речкам, ручьям, оврагам), примечательным природным ориентирам (деревьям, кустам, пням), а также по специальным межевым знакам (столбам, ямам с углями или камнями).

Писцовые книги различаются подробностью информации, что зависело от личных качеств и отношения к делу разных писцов. В то же время в каждом из описаний четко выделяются основные конструктивные элементы текста, что свидетельствует о его высокой формализации. Это позволяет группировать данные книги в разных сочетаниях, манипулировать ими для суждений по широкому кругу аграрных, фискальных, демографических и других вопросов. При этом используются статистическая обработка данных с применением корреляционного анализа и компьютерных технологий.

1.4.2

Переписные книги

В другом виде кадастровых источников — переписных книгах — объектом учета был податный двор, а не земля. В них сводились результаты государственных переписей 1646–1647 и 1678–1679 гг., которые использовались в фискальных целях. В переписных книгах зафиксированы разные категории тяглого населения в городах (посадские люди и бобыли), сельских местностях (крестьяне и бобыли, принадлежавшие светским и духовным феодалам, а также жившие в дворцовых и чернососных волостях). Холопы (задворные и деловые люди) регистрировались, если они обитали в чьем-либо тяглом дворе. В перепись поименно заносили, как правило, мужчин — жителей податного двора. В случае, если дворохозяйкой, взявшей на себя обязанность нести тягло, была женщина (как правило, вдова), в переписную книгу включалась она.

Переписные книги представляют собой незаменимый демографический источник для второй половины XVII в. Перепись была ответом правительства на многочисленные челобитные рядовых дворян о бегстве крестьян и на требования установить бессрочный сыск беглых. Практическим следствием переписи стало использование ее результатов для налогообложения.

При подворных переписях использовался опыт, накопленный при писцовых описаниях. Они также инициировались наказом и начинались с уездного города, а затем велись по волостям. Записи в переписных книгах производились по следующей форме: название волости, имя и чин землевладельца, наименование селения и его тип (село, сельцо, деревня), перечисление населения двора вотчинника (помещика), перечисление жителей крестьянских и бобыльских дворов в каждой деревне; далее указывались пустые дворы, подытоживалось число дворов крестьянских, бобыльских и количество «людей» в них в каждом конкретном владении. Подворный характер переписей подразумевал поименную фиксацию жителей-мужчин каждого двора в отдельности (глава двора, ответственный за несение тягла; его сыновья, братья и племянники, а если они были женаты — сыновья каждого из них; наконец, свойственники и неродственники: пасынки и подворники). Переписчики обозначали родство или свойство всех живших во дворе по отношению к его главе. Взрослых мужчин, включая глав дворов, записывали без указания возраста, а молодых (по 15 лет в переписи 1646 г. и по 20 лет в переписи 1678 г.) — с возрастным показателем. В переписные книги включались также пустые дворы и покинувшие их жители.

Собранные на местах записи приказные люди (писцы), проводившие описание, сводили в белые книги. Их составление проходило под контролем приказных дьяков. Постепенно в Поместном приказе, инициировавшем посылку писцов в уезды, появились специалисты писцового дела, имевшие соответствующую подготовку и профессиональные навыки, участвовавшие неоднократно в описаниях разных уездов.

Писцовые и переписные книги были основанием для прикрепления крестьян к феодальному владельцу.

1.4.3

Приходные и расходные книги

Они создавались для учета денежных средств. Название источника точно отражает цель их составления: фиксация поступлений (приход) и трат (расход) денежных средств. Функции книг сказываются на форме их ведения, подаче сведений, некоторой идентичности записей, совпадении отдельных статей формуляра. Все они охватывают календарный год, записи ведутся по месяцам и дням. По происхождению приходные и расходные книги

могут разделяться на общинные, вотчинные, приказные и т.д. Может быть использована и более сложная систематизация приходно-расходных книг: книги хозяйственно-экономические, в том числе общинные (крестьянские, посадские) и вотчинные (монастырские, частно-сеньориальные); книги государственно-хозяйственные, в том числе центрально-административные (четей, других приказов и т.д.) и местного управления.

Приходно-расходные книги содержат разнообразную информацию, хотя редко фигурируют в исторических исследованиях.

Приходные и расходные книги были введены в исторический арсенал в последней четверти XIX в. Внимание к ним возобновилось с конца 1930-х, а спорадическое изучение — с 1950-х годов. Было установлено, что именно приходные и расходные книги составляют основной комплекс источников учетного характера (к числу которых относятся также книги окладные, ужинные, умолотные, оброчные, порядные и др.). Большинство приходно-расходных книг — около двух с половиной сотен — созданы в 70–90-х годах XVI в. (в то время как от предыдущих четырех десятилетий их набирается едва ли более десяти) и относятся к северным монастырям: Соловецкому, Спасо-Прилуцкому, Антониево-Сийскому и др.

Наряду с другими монастырскими хозяйственными книгами приходно-расходные были документами текущего бухгалтерского учета. В них регистрировались доходы натурой и деньгами, поступавшие с вотчин. Приходно-расходные книги дают сведения для изучения товарного производства и товарно-денежного обращения. Текущие записи приходов и расходов монастырского казначея, памяти старцев, выполнявших отдельные службы и поручения, сохранили информацию об отраслях хозяйства в монастыре, о видах, размерах и сроках выплаты крестьянами податей, о связи монастыря и его крестьян с рынком, о ценах на рыночные продукты. Они позволяют изучать ремесло и его порайонную специализацию, доходы монастырей и арендное (за оброчную плату) землепользование. Этот источник исключительно богат по своему содержанию, а сведения его на редкость надежны.

Приходные и расходные книги широко бытовали и в других хозяйственных ячейках российского общества XVI–XVII вв. Их составляли должностные лица: старосты сельских общин в монастырских вотчинах, старосты или целовальники денежного сбора черносошных общин разного уровня (уездных, волостных). Отложились приходно-расходные книги и в производственной сфере: их вели и в центральных учреждениях — приказах и приказах-четвертях, и в местных приказных избах. Эта разновидность приходно-расходных книг пока не привлекла должного внимания исследователей. Самостоятельной источниковедческой задачей остается также выяснение времени и обстоятельств возникновения приходных и расходных книг.

Содержание приходно-расходных книг зависит от функций и основных направлений деятельности хозяйственных и административных ячеек, в которых они создавались.

Так, приходные книги монастырской крестьянской общины, самого монастыря включают материал о сборе государственных налогов; поступления налоговых сумм отразили и приходные книги четвертей. Однако в монастырских приходных книгах данные о сборе государственных налогов лишь сопутствуют сведениям о монастырских податях, денежных вкладах, поступлениях от товарных продаж, по кабалам и др. В приходных же книгах четвертей главное содержание составляют сведения о государственных налогах: прямых, косвенных (таможенных, кабацких), разных сборов (оброчных, пошлинных).

Расходные книги целовальников денежного сбора (волостных или уездных) чернососных общин наполнены данными о еженедельных, ежедневных тратах на кормы воеводам, подьячим, низшим чинам съезжей и земской изб, оплату огородных, ремонтных и других работ, о расходах, связанных со сбором и отправкой государственных налогов, проездом чинов государственной администрации. Книги всеуездных старост северных городов (Устюга, Сольвычегодска, Тотьмы и др.) можно условно назвать книгами «кормов», ибо траты на покупку продуктов, предметов утвари, дров, свечей для местных администраторов (воеводы и подьячих Съезжей избы) преобладают над другими. Расходные книги четвертей при всей их непохожести на книги мирских старост по сути близки им: это кормленные книги, предназначенные для раздачи денежного жалованья («корма») дворянам разных рангов, в основном городовым.

В связи с различным объемом информации по одной тематике в книгах разного происхождения источниковедческий анализ будет различен. Изучение приходно-расходных книг мирских старост предполагает оценку достоверности и полноты их известий по вполне конкретным вопросам, например: охватывают ли записи весь календарный год, есть ли пропуски данных, имеются ли удостоверительные записи счетчиков, уполномоченных ревизовать правильность ведения старостой или целовальником книг, соответствуют ли расходные статьи истраченным суммам и т.д.

Приходные и расходные книги — богатейший источник по социально-экономической истории, в частности о поступлениях налогов и их распределении, о торговле и рыночных отношениях, о местном и центральном управлении, государственном бюджете, структуре общины. Кроме того, это источник по истории материальной культуры и повседневности, ментальным представлениям общества. Поэтому следует подходить к приходным и расходным книгам как к комплексному источнику.

Критерий обложения и его объем, подытоженные в писцовой книге, служили основанием, на котором базировалась приходная книга. При специальном источниковедческом изучении приходных книг и их сопоставлении с писцовыми можно установить, копировался ли в приходной книге итог писцовой книги или излагался. Величина сошного оклада, номенклатура налогов во всем их разнообразии, размер податей по видам, оброчные статьи и, наконец, общая сумма налогов вписывались в приходную книгу из писцовой без изменений. Поэтому приходные книги четвертей позволяют восстановить главные итоговые показатели утраченной писцовой книги.

1.5

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1.5.1

Приемы источниковедческого анализа произведений литературы

Строго говоря, художественной литературы в современном понимании этого слова в древней Руси не было. Ни одно произведение не предназначалось для удовлетворения лишь эстетических чувств читателя. Любой письменный памятник был наделен, помимо буквального, целым рядом смыслов: символическим, аллегорическим, нравственным. Поэтому для современного читателя понимание древнерусского произведения представляет определенные сложности. Вместе с тем эта особенность древнерусской книжности расширяет информационные возможности памятника письменности при его использовании в историческом исследовании.

Такая специфика семантического наполнения древнерусской литературы делает весьма условным ее деление на духовную и светскую. Чисто светских произведений, ориентированных на секулярное сознание и восприятие, до конца XVII в. не существовало. Письменная культура древней Руси была христианской по своей сути. Следы фольклора и нехристианских народных верований могли в ней отразиться лишь в косвенной форме. Тем не менее проводится условная грань между духовной литературой, основная функция которой заключается в передаче и сохранении христианской традиции, и литературой «светской», ориентированной больше на читателя-мирянина, осуществлявшей, кроме всего прочего, развлекательную функцию. Первая группа произведений может привлекаться для изучения системы представлений, присущих более образованной части древнерусского общества, вторая в большей мере раскрывает внутренний мир рядового человека.

При использовании литературных произведений древней Руси в качестве исторических источников исследователи чаще всего руководствуются наивным историзмом и потребительским отношением к источниковой информации. В литературных произведениях обычно ищут иллюстрации к выводам, полученным на основе других источников. Большинство интересных наблюдений сделаны на интуитивном уровне и не подкрепляются специальным семантическим анализом изучаемого текста.

Верное понимание средневекового произведения невозможно без привлечения широкого круга литературы духовного содержания, откуда древнерусский книжник черпал основную часть образов, сюжетов, характеристик. Долгое время в нашей стране ссылки на подобную литературу признавались нежелательными. Это существенно снизило уровень разработки источниковедения древнерусской книжности.

1.5.2

Переводы литературных произведений в древней Руси и их источниковедческое значение

Древнерусская письменная культура тесно связана с христианством. Первое время на Руси пользовались исключительно переводной литературой. Именно она задавала новую систему ценностей и представлений.

Изучение переводной литературы представляет существенные сложности. Прежде всего оно требует знакомства с оригиналом, с которого делался перевод. Иначе понять смысловую нюансировку исходного и переведенного текстов будет невозможно. Лингвисты разработали изошренный инструментарий, позволяющий установить, на каком языке был написан оригинал. Немаловажен также вопрос, где был осуществлен перевод. Однако, учитывая близость литературного языка всех славянских народов, назвать территорию, на которой сделан конкретный перевод, подчас бывает затруднительно.

Следующая группа вопросов связана со сравнением переведенного и исходного текстов. Текстологический анализ позволяет понять принципы перевода, уточнить семантическое наполнение отдельных слов, фразеологизмов и целых периодов. Результаты сличения будут во многом зависеть от того, насколько близок список, взятый в качестве основы анализа, к реальному исходному тексту.

Переводы духовной литературы

Духовную литературу принято делить на *каноническую* (бог вдохновенную) и *апокрифическую* (тайную или отреченную). Последняя, в свою оче-

редь, делится на верочитную (которую разрешалось читать) и ложную (запрещенную к хранению и чтению).

Канонические произведения распадаются на несколько жанров, тесно переплетенных друг с другом: *скриптурный* (библейские книги Ветхого и Нового Завета); *литургический* (богослужебный — служебники, требники, молитвословы, часословы, октоихи, паремийники, параклитики, служебные шестодневы, цветная и постная Триоди, служебные минеи, канонники, стихирари, ирмологии, кондакарии и месяцесловы); *вероучительный* (символы и изложения веры, огласительные поучения или катехизисы, полемические сочинения и толкования); *проповеднический* (проповеди, сборники постоянного состава — «Златая цепь», «Златоуст», «Златоструй», «Маргарит», «Измарагд» и премудротно-гностической книжности — «Пчела», патерики) и, наконец, *агиографический* (жития, похвальные слова святым и сказания о чудесах, а также их своды — прологи, синаксари, торжественники, Четьи минеи и сборники переменного состава).

Тексты подавляющего большинства из них историками не изучаются. Отсутствие к ним интереса со стороны историков кажется вполне оправданным: что может дать для изучения истории древней Руси заведомо известное содержание стандартного (к тому же переведенного) текста, определенного канонами? Наверное, поэтому ни одна из этих книг (за исключением агиографических произведений) в качестве источника по истории древней Руси не использовалась.

Конечно, есть исторические исследования, которые не обходятся без упоминаний переводов книг Священного Писания, богословских произведений и пр. Это специальные и обобщающе-обзорные работы по истории древнерусской культуры вообще, общественной мысли и книжного дела в частности. Здесь сакральные тексты в основном привлекаются для определения и характеристики противоборствующих сил, а также восстановления круга стран, с которыми древняя Русь имела книжные культурные контакты.

Поскольку образ мира, в котором и которым жил человек древней Руси, определялся преимущественно сакральными христианскими текстами, исключение их из источниковедческой практики существенно затрудняет понимание смыслов древнерусских источников. Подмена исходных образов, на которые опирался автор древнерусского произведения, системой представлений, почерпнутых из текстов, современных исследователю, ведет к недопустимой модернизации содержания источника. Использование переводных канонических и апокрифических сакральных текстов в качестве основы анализа древнерусских письменных источников позволит существенно расширить их информационные возможности.

Канонические произведения

Скриптурные и литургические произведения. Древнейшие переводы Псалтыри, Евангелий и Апостола на славянский язык были выполнены Кириллом и Мефодием. После смерти Кирилла Мефодий и его ученики завершили перевод Библии (за исключением Маккавейских книг). В основу перевода легли греческие Септуагинта и лекционная (апракосная) редакция Нового Завета. Исключение составила третья книга Ездры, переведенная с латинской Вульгаты.

Начало переводческой деятельности на Руси принято связывать с Ярославом Мудрым. В Киеве переводили не только с греческого, но также с латыни и древнееврейского. Наиболее ранние переводы евангельских текстов на староболгарский (старославянский) язык сохранили апракосное (разбитое на праздничные чтения) Остромирово Евангелие (1056–1057), Архангельское Евангелие (1092), Мстиславово Евангелие (около 1117 г.) и Юрьевское Евангелие (20-е годы XII в.).

До 1499 г. на Руси не было полного славянского списка Библии в одном кодексе. Существовали ли до Геннадиевской Библии полные систематические подборки древнерусских (славянских) переводов канонических библейских книг, неизвестно. Из-за отсутствия полных древнерусских переводов книг Ветхого Завета невозможно хотя бы приблизительно установить, где и когда они были сделаны, могли ли ими пользоваться и в каком объеме древнерусские книжники, не говоря уже о том, чтобы пытаться определить конкретные списки Священного Писания, легшие в основу тех или иных оригинальных текстов.

Вероучительные произведения. В домонгольский период на Руси были известны в переводах важнейшие восточнохристианские произведения этого рода. В болгарском переводе древнерусские книжники знали греческое «Уверие», или «Слово о правой вере», Иоанна Дамаскина — полное систематическое изложение христианского вероучения. В конспективном виде основы христианского вероучения излагались в Кирилловой книге («Огласительное поучение» Кирилла Иерусалимского), известной в болгарском переводе с XI в. (Хиландарские листы). Большой популярностью пользовалась Толковая Палея (толковый Ветхий Завет, включающий полемические статьи против иудеев), создание которой обычно относят к XII в. (самый ранний список — Коломенский, 1406 г.).

К произведениям вероучительного жанра относят также трактаты, в которых изложение богословских вопросов сочетается с наставлениями, что роднит их с проповеднической литературой. Яркий образец подобных памятников — «Лествица» Иоанна Лествичника, известная на Руси в ранних переводах и имеющая хождение по сей день. В ней излагаются основы самосовершенствования христианина, разбитые на 30 последовательных «степеней» (ступеней), поднимаясь по которым, можно достичь небесного блаженства.

Кроме того, на Руси бытовали переводы «Поучений огласительных и тайноводственных» Кирилла Иерусалимского, слово из «Трех слов против ариан» Афанасия Александрийского, два слова о богословии и несколько слов на Господские праздники Григория Богослова, трактат «О Боже, и о вещи, и о самовластестве» (славянское название), или «О свободе воли», и три слова из сочинения «О воскресении» Мефодия Патарского, «Толкования на Апокалипсис» Андрея Кесарийского, а также некоторые другие памятники.

Проповеднические произведения. Сразу после принятия христианства на Руси появляется множество переводных нравоучительных произведений. Среди них особое место занимают несколько трактатов Мефодия Патарского («О житии и деянии разумне», «О разлучении яди», «О прокажении» и др.), «Стословец» Геннадия Константинопольского (афористически излагавший нормы христианской морали), нравоучительные сочинения Анастасия Синаита «о различных главизнах», «Пандекты» Антиоха Иерусалимского, «Слово о молитве» Нила Синайского, «Пандекты» и «Тактикон» Никона Черногорца и многие другие. Большинство из них в выдержках вошло в состав многочисленных изборников.

Самый ранний переводной изборник постоянного состава — «Изборник 1073 года». Он представляет собой копию болгарского перевода, сделанного с греческого оригинала для болгарского царя Симеона. Сразу вслед за ним дьякон Иоанн создал для великого киевского князя Святослава оригинальный древнерусский «Изборник 1076 года». В основу его легли выписки из греческих нравоучительных текстов. В нем нашли отражение нравственные проблемы, характерные для Руси второй половины XI в.

«Изборник 1076 года» и подобные ему проповеднические своды стали прототипом «Измарагда». Это древнерусский сборник, созданный в XIV в. и предназначенный для домашнего чтения. В него вошли «слова» и поучения (в основном связанные с именем Иоанна Златоуста). Со временем его состав и объем изменялся.

В конце XV в. изборники типа «Измарагда» легли в основу нового собрания поучений — «Домостроя». Первая редакция его была подготовлена в Новгороде. «Домострой» вводит исследователя в обыденную жизнь древнерусского горожанина, давая ей нравственные оценки. В 50-х годах XVI в. «Домострой» был переработан и сокращен (возможно, при участии священника Сильвестра). Наиболее ранний список измененного варианта «Домостроя» — Коншинский XVI в.

В первые годы XVI в. для полемики с «жидовствующими» Дмитрий Герасимов (по поручению новгородского архиепископа Геннадия) перевел с латинского «Против иудейского безверия» Николая Делира (1501) и «Обличение иудеев» Самуила Евреина. Впоследствии Дмитрий помогал Максиму Греку: Максим переводил с греческого языка на латинский, а Дмитрий и его напарник Власий — с латыни на русский. С ними также сотрудничал русский

«толмач» монах Селиван. Обширная переводческая деятельность Максима Грека стала важнейшей частью русской культуры второго десятилетия XVI в. Благодаря ей на русском языке появились Толковая Псалтырь (1519–1522), Толковый Апостол, статьи из византийского лексикона Суда X в., евангельские беседы Иоанна Златоуста, жития из собрания греческого автора X в. Симеона Метафраста и др.

Житийные произведения. К поучительной литературе близки патерики (отечники) — сборники повестей о монахах-подвижниках и нравоучительных «слов» этих подвижников. Были также минеи (сборники пространных житийных повестей, распределенных по месяцам), а также прологи, или синаксари (сборники сокращенных житий).

Наиболее известными были жития св. Кирилла и Мефодия (последнее сохранилось в списке XII в.), житие апостола Кондрата (самые ранние фрагменты которого относятся к XI в.), житие св. Феклы (также фрагментарно представлено в списке XI в.), жития святых, память которых отмечается в марте — с 4 по 31 число (список XI в.), житие Василия Нового (использованное при создании Повести временных лет) и др. В оригинальных древнерусских памятниках XI–XII вв. упоминаются св. Николай Мирликийский, великомученица Варвара, чешский князь Вацлав, Антоний Великий, Феодосий Великий, Савва Освященный и Евфимий Великий, жития которых, очевидно, тоже были известны. В середине XVI в. все жития подверглись ревизии и значительная их часть вошла в «Великие четии минеи» митрополита Макария. Впоследствии репертуар переводной житийной литературы постоянно расширялся.

Переводные житийные повести и патерики (в частности, Синайский и Скитский) легли в основу оригинальных агиографических произведений.

Памятники отреченной литературы

Большой комплекс переводной литературы представлен апокрифическими произведениями. Основную часть их составляют греческие и иудейские апокрифы. Последние пришли на Русь в греческих переложениях и переводах, а также в оригиналах. Среди них «Сказание Епифания Кипрского о 12 камнях на ризе первосвященника», «Заветы 12 патриархов», книги Еноха, Протоэвангелие Иакова, «Хождение Богородицы по мукам», «Паралипоменон Иеремии» («Повесть о по пленении Иерусалима»), «Хождение Агапия в рай», «Откровение Мефодия Патарского» и другие апокрифы, относившиеся к числу верочитных. С XIII в. получает известность апокрифическое «Сказание Афродитиана» — переложение второй главы Евангелия от Матфея, широко распространенное в Восточной и Центральной Европе. С конца XIV в. появляется большое количество версий апокрифов, связанных с именем царя Соломона (например, «Сказание о Соломоне и Китоврасе»), имеющие параллели в талмудической литературе и новоеврейском фольклоре.

Особое место занимали «История иудейской войны» и «Иудейские древности» Иосифа Флавия. Цитаты из них во множестве рассеяны в оригинальных произведениях древнерусской литературы. Труды Иосифа Флавия обладали на Руси авторитетом, практически равным книгам Священного Писания.

В более позднее время в большом числе списков известны «Худые номоканунцы» — сборник советов и правил, не признававшихся официальной церковью. Положения, зафиксированные в «ложных церковных правилах» (буквальный перевод названия), были близки народным представлениям о добре и зле, о силах природы. Не менее популярными в народе были, видимо, различные лунники, громовники, астрологии, гадательные книги «Рафли», шестокрылы, «Златая матица» и прочие ложные книги. Несмотря на запрет, они хранились и переписывались до конца XVII в. Многие из них использовались древнерусскими еретиками в качестве основы или подтверждения своих учений.

В источниковедческом плане переводная апокрифическая литература не изучалась.

Переводы светской литературы

Переводная литература, которая может быть отнесена к светской, представлена большим комплексом произведений, не поддающихся строгому учету.

Прежде всего это многочисленные византийские хроники, составившие основу древнерусского летописания. Посредством этих хроник человек древней Руси знакомился с широким кругом западноевропейской литературы. Так, античная литература стала известна здесь благодаря переложениям в «Хронике» Иоанна Малалы. Ссылки на Омира (Гомера) и некоторые античные сюжеты имеются уже в южнорусском летописании XII–XIII вв. Не исключено, что античная литература была известна на Руси с древности и в довольно широком объеме (возможно, в оригиналах). Светский характер имели «Повесть об Акире Премудром» (переработка арамейско-вавилонской повести VII в. до н.э.) и «Девгениево деяние» (византийское эпическое произведение), известные с первых веков древнерусской письменности. Видимо, уже в Киевской Руси получила распространение «Повесть о Варлааме и Иоасафе» (переложение истории Гаутамы Будды), имеющая вид житийной повести. В основе русского перевода лежит греческий текст, приписывавшийся Иоанну Дамаскину и восходящий к грузинской переработке («Балавариани») арабской книги «Билаухара и Будасафа».

В XIV–XV вв. особое распространение получают «О Соломоне цари басни и кощуны и о Китоврасе». Интерес к ним был настолько велик, что при переработке Толковой Палеи в конце XV в. кирилло-белозерский книгописец Ефросин удалил из нее почти весь богословский материал, оставив все легенды

Соломонова цикла. Еще большее значение имело появление на Руси сербской «Александрии» (романа об Александре Македонском) и «Повести о Стефаните и Ихнилате» (древнейший список 1478 г.). «Александрия» и «Стефанит и Ихнилат» — крупнейшие переводные произведения светского содержания, которые переписывались в виде отдельных книг. В XV в. на Руси стали известны «Сказание об Индийском царстве» (южнославянский перевод с латинского оригинала письма легендарного пресвитера Иоанна) и «Прение о животе и смерти» (древнерусский перевод с немецкого оригинала).

С начала XVI в. на Руси получают распространение «Повесть о создании и поплении Тройском» (переделка южнославянской «Троянской притчи») и «Книга Троя» (западнорусский перевод романа сицилийца Гвидо де Колумна, написанного в последней четверти XV в.). Позднее, с начала XVII в., появляется еще одна версия: «О златом руне волшебного овна» — переработка одной из глав польской хроники Мартина Бельского (середина XVI в.).

Наряду с хрониками на Русь попадали и иные произведения: космографии, описывавшие мир, физиологии, рассказывавшие о животных, населявших дальние и ближние страны, шестодневны, повествовавшие не только о сотворении мира (святоотеческие толкования Священного Писания), но и об устройстве Земли и Вселенной (включая античную и западноевропейскую средневековую естественнонаучную традицию). Самой авторитетной считалась «Космография», приписываемая Козьме Индикоплову (первая половина VI в.; перевод конца XII — начала XIII в.; списки XV–XVII вв.). Из множества шестодневов в раннем периоде наиболее популярен был «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского (конец IX — начало X в.). «Шестоднев» Георгия Писиды стал известен в переводе Дмитрия Зоографа (1381), списки которого встречаются с XV в. Тогда же распространяется и «Шестоднев» Севериана Габальского. В 1667 г. Епифанием Славинецким был осуществлен полный перевод «Шестоднева» Василия Великого.

Знакомство с памятниками литературы Западной Европы и Востока способствовало вовлечению древнерусской культуры в контекст культуры мировой и оказало большое влияние на развитие оригинальной древнерусской литературы.

1.5.3

Оригинальная древнерусская литература

Поучения и послания

Один из самых ранних памятников древнерусской учительной литературы — «Слово о законе и благодати» будущего первого киевского митрополита-«русина» Илариона. Судя по всему, Иларион произнес его 25 марта

6546 (1038) г. в новоосвященной церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Золотых воротах в Киеве. Сохранилось более пятидесяти русских и южнославянских списков «Слова...» XV–XVII вв. В конце «Слова...» помещена похвала князю Владимиру, рисующая образ идеального князя-христианина. «Слово...» представляет собой уникальный памятник официальной идеологии Древней Руси. Кроме «Слова о законе и благодати» Илариону приписываются краткое догматическое изложение веры, а также «Поучение о пользе душевной ко всем православным христианам», хотя его авторство в последнем случае оспаривается.

Приблизительно в это же время появляется «Поучение к братии» новгородского епископа Луки Жидяты — первое собственно русское поучение (около 1035 г.). В нем излагаются главные обязанности христианина по отношению к Богу, самому себе и ближним. Тем самым были сформулированы основные жизненные ценности, на которые ориентировала древнерусского человека христианская церковь.

Первым русским полемическим сочинением считается трактат «Об опресноках», приписываемый киевскому митрополиту Леонтию (992–1008). Написан он по-гречески и известен в четырех списках XIII–XIV вв. Это антилатинское сочинение посвящено осуждению отступлений римской церкви от канонов христианства и противопоставлению восточной и западной церкви в вопросах догматики и соблюдения обрядов. Иногда его приписывают охридскому архиепископу Льву Болгарскому (XI в.).

На вторую половину XI — начало XII в. приходятся сочинения игумена Феодосия Печерского. Среди них два поучения — о казнях Божиих и о христианских обрядах, — обращенные ко всем русским людям, десять — к братии Киево-Печерского монастыря, два послания к киевскому князю Изяславу Ярославичу и две молитвы. В основе их лежат пророческие библейские книги, святоотеческие толкования текстов Священного Писания и произведения Феодора Студита.

К памятникам учительной литературы конца XI в. может быть также отнесена житийная «Память и похвала князю русскому Владимиру» Иакова Мниха (монаха Иакова). Считается, что в основе ее лежит летописное произведение, предшествовавшее Повести временных лет и использовавшее относительный счет лет, а также устные предания.

К этому же времени относится «Стязание с латиною» киевского митрополита Георгия (около 1062–1077 гг.), сохранившееся в сборнике конца XV — начала XVI в. «Стязание...» относится к полемическим богословским сочинениям и по тематике смыкается с «Посланием к папе Клименту» митрополита Иоанна (около 1077–1088 гг.). Оно сохранилось в славянских списках, а также в греческих и латинских переводах. Три послания против латинян оставил и митрополит Никифор (1104–1121). Ему же принадлежит «Поучение в неде-

лю сыропустную в церкви, ко игуменом и ко всему иерейскому и диаконскому чину, и к мирским людям».

Очевидно, «стяжание» с католиками приобрело на Руси в конце XI — начале XII в. особую актуальность.

К числу поучений относится и знаменитое «Поучение Владимира Мономаха», включающее три произведения: собственно поучение, автобиографию и письмо князю Олегу Святославичу. Созданные в конце XI — начале XII в., эти произведения случайно попали в состав Лаврентьевской летописи под 6604 (1096) г. Источниками, на которые опирался Мономах, были Псалтырь, «Шестоднев» экзарха Иоанна, многочисленные наставления к детям, святоотеческая литература, апокрифические «Заветы 12 патриархов» (в частности, «Завет Иуды»), «Пролог», произведения средневековой византийской и латинской, а также англосаксонской литературы. Одна из наиболее близких литературных параллелей к «Поучению Владимира Мономаха» — «Покаянный канон» грузинского царя Давида Строителя (1073–1125).

Развитие древнерусской проповеднической литературы связано с именами митрополита Климента Смолятича (1147–1154) и Кирилла, епископа Туровского (около 1169–1182 гг.). Достоверно Клименту принадлежит лишь полемическое «Послание к смоленскому священнику Фоме». Кроме ряда любопытных бытовых подробностей, оно содержит свидетельства знакомства Климента с античными философскими произведениями. Интерес представляет символическое истолкование образов и событий священной истории в их связи с событиями актуальными и злободневными. Это направление было развито в притчах и «словах» Кирилла Туровского. Его сочинения включают девять «слов», три послания к инокам, более 20 молитв и молебный канон. Кроме того, до нас дошли послание владимирского епископа Владимира печерскому монаху Поликарпу (1225–1226) и послание самого Поликарпа киево-печерскому архимандриту Акиндину (около 1231 гг.). Оба послания, имеющие отношение к учительной литературе, стали непосредственными источниками «Киево-Печерского патерика». Приблизительно в то же время появляются «Слово о небесных силах» и «Слово о мытарствах», приписываемые Авраамии Смоленскому, а также почти два десятка анонимных слов и поучений, включенных в прологи XIII–XIV вв. В них встречаются упоминания древнеславянских верований и обрядов, с которыми вела борьбу православная церковь.

К посланиям можно отнести и «Моление Даниила Заточника» (иногда в качестве особого произведения выделяется «Слово Даниила»). Жанр этого выдающегося литературного памятника домонгольской Руси вызывает множество споров и разноречивых суждений. В нем переплетаются черты публицистики и сатиры. «Моление...» оформлено в виде послания к князю. В основу положено переосмысление библейских текстов (прежде всего псалмов и книги

Притчей Соломоновых). «Моление...» сохранилось в 19 списках XVI–XVII вв., представляющих две редакции и несколько их переделок. Датировка памятника (как, впрочем, и личность автора) спорны. Обычно дается широкая дата: XII–XIII вв. Точнее можно указать место появления «Моления...»: Северо-Восточная Русь. Даниил высказывает ряд суждений по поводу многих сторон жизни древнерусского общества (семейных отношений, монастырской жизни, быта княжеских и боярских хозяйств), слабо отразившихся в других источниках.

В годы ордынского владычества традиция написания поучений и слов не прервалась. К концу XIII в. относится слово митрополита Кирилла, в котором были изложены правила Владимирского собора 1274 г. Оно было разослано по всем русским епархиям и включено в состав Кормчих книг. Близки к нему по времени и «слова» (или поучения) Серапиона Владимирского (1274–1275). Внимание епископа сосредоточено на обличении пороков своего времени и призыве к покаянию и исправлению.

Почтения и послания митрополита Петра, новгородского архиепископа Василия, митрополита Алексия, епископа сарайского Матфея, посвященные вопросам веры и нравственности, составляют значительную часть всех оригинальных сочинений XIV в. Все они отражают проблематику, волновавшую русское общество в период начала объединения русских земель. Важное место в них занимают вопросы соотношения светской и духовной властей. Особую силу в связи с грядущим 7000 г. начинают приобретать мотивы подготовки к концу света и Страшному суду.

В конце XIV — начале XV в. появляется ряд русских сочинений учительного характера, написанные выходцами из Сербии и Греции: митрополитами Киприаном, Фотием и Григорием Цамблаком.

Киприану принадлежат пять посланий: одно окружное и четыре адресованных Сергию Радонежскому и Феодору Симоновскому. Последние затрагивают конфликт, связанный с поставлением Дмитрием Донским на митрополию Митяя-Михаила. Они содержат любопытные подробности и оценки отдельных эпизодов борьбы Киприана за митрополию.

Перу митрополита Фотия принадлежат восемь «слов», или поучений, адресованных пастве, 29 посланий и грамот, а также завещание митрополита. Однако по своему значению они существенно уступают сочинениям Григория Цамблака (22 «слова», полемическая статья против латынцев и богослужебный стих на Успение Богородицы). Творчество Григория Цамблака оказало заметное влияние на русскую литературу.

В жанре учительной литературы в первой половине XV в. писали также Кирилл Белозерский (послания к великому князю московскому Василию Дмитриевичу, Можайскому князю Андрею Дмитриевичу и звенигородскому кня-

зю Георгию Дмитриевичу) и Симеон Новгородский («Поучение о молитве» и «Слово к псковичам»).

Авторы посланий и поучений второй половины столетия сосредоточили внимание на событиях, в значительной степени определивших судьбу не только древнерусской литературы, но и всей России в целом. Это, во-первых, ожидание конца света в 7000 г. и связанная с ним борьба против еретических движений; во-вторых, обретение русской митрополией автокефалии; в-третьих, объединение русских земель вокруг Москвы и, как следствие для церкви, разделение русской митрополии на западную и восточную.

Произведения, созданные по первому поводу, составляют собственно учительную (самую обширную) группу. К ним относятся шесть посланий митрополита Ионы (к новгородскому архиепископу Евфимию и ко всем новгородцам, к новгородскому князю Юрию Семеновичу, в Боголюбов монастырь, к детям, непокорным своей матери, и к жителям Вятки), два сохранившихся «слова» митрополита Феодосия (похвала апостолам Петру и Павлу и похвала по случаю чуда от мощей святителя Алексия) и одно послание митрополита Филиппа к игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону. Особенной остроты в последние десятилетия XV — первые десятилетия XVI в. достигла полемика с ересью «жидовствующих». По поводу ереси написано несколько посланий новгородского архиепископа Геннадия (к епископам сарскому Прохору, суздальскому Нифонту, Филофею Пермскому, к архиепископу ростовскому Иоасафу, к митрополиту Зосиме, а также к поместному собору). Эти послания имеют более исторический характер, излагая обстоятельства дела и призывая к гонениям против еретиков. Подобного рода послания были и у другого теоретика ортодоксального православия, Иосифа Волоцкого (или Волоколамского). Главным его трудом стал знаменитый «Просветитель» (включивший часть посланий волоцкого игумена против еретиков и их учения). Его создание заняло период примерно с 1493 по 1515 г. Возможно, в составлении «Просветителя» Иосифу помогал другой известный богослов Нил Сорский, в последние годы жизни ставший оппонентом волоцкого игумена по вопросу о монастырском землевладении. Идеи, близкие архиепископу Геннадию и Иосифу Волоцкому, высказывали в своих посланиях Дмитрий Герасимов и Нил Полев. В качестве их идейных противников выступали в своих произведениях князь-инок Вассиан Косой (Вассиан Патрикеев), поп Георгий Скрипица, новгородский архиепископ Серапион и другие авторы. Иногда Дмитрию Герасимову приписывают одно из важнейших учительных произведений того времени — «Повесть о белом клобуке». В ней обосновывалось перемещение центра православного мира на Русь.

По второму вопросу сохранились послания великого князя Василия Васильевича, адресованные константинопольскому патриарху и греческому

императору, а также послания митрополита Ионы к патриарху и своей пастве, в которых обсуждалось самостоятельное возведение на престол русского митрополита.

Третьему из указанных вопросов посвящена довольно обширная переписка. Прежде всего это послания митрополита Ионы ко всем русским людям, а также к жителям Новгорода и Вятки, в которых поддерживался великий князь Василий Васильевич в его борьбе с Дмитрием Шемякой. К 1458–1461 гг. относятся ряд посланий великого князя Василия Васильевича польскому королю Казимиру и митрополита Ионы в Литву, Новгород и Псков, в которых обсуждались вопросы государственно-конфессиональных отношений. К этому комплексу примыкают также послания в Новгород преемника Ионы, митрополита Феодосия. Впоследствии митрополиты Филипп и Геронтий (1473–1489) также направили послания новгородцам и вятичам, призывая их к покорности московскому князю.

В XVI в. центральным стал вопрос о статусе Московского государства. В связи с предсказанием немца Николая Булева о грядущем якобы в 1524 г. новом всемирном потопе появилось несколько антиастрологических произведений Максима Грека и старца новгородского Елеазарова монастыря Филофея. В учительных посланиях елеазаровского старца к государям Руси и царскому дьяку Мисюрю Мунехину (сентябрь 1527 — март 1528 г.) впервые в явном виде были сформулированы идеи перехода центра богоспасаемого мира на Русь (так называемая теория «Москва — третий Рим»). По образцу «Провосветителя» Иосифа Волоцкого был составлен «Сборник учительный», в который вошли 33 «слова» митрополита Даниила (1522–1539), закрепивших новый официальный статус царя. Серьезным вкладом в развитие отечественной учительной литературы стала трилогия Ермолая-Еразма (40–60-е годы XVI в.): «Слово пребольшее о троичности и единстве», «Слово о Божии соворении тричастнем» и «Молитва к Троице».

В XVII в. число учительных произведений пополнилось «Прениями с греками о вере» троицкого монаха Арсения Суханова, написанными в связи с богословским диспутом в резиденции Иерусалимского патриарха в 1649 г. В этом сочинении не только доказывается независимость русской церкви, но и провозглашается то, что московский царь — глава православия.

Несомненно, самой яркой страницей истории учительной литературы XVII в. стал комплекс произведений, связанных с расколом. Прежде всего это послания и слова идейных лидеров борющихся сторон — патриарха Никона (1652–1667) и протопопа Аввакума. Только из-под пера знаменитого расколоучителя (в основном в последние 15 лет его жизни) вышло не менее 90 произведений. Собственно учительный характер имеют «Книга бесед» и «Книга толкований», а также статья «Списание и собрание о божестве и о твари, и како созда Бог человека». В «Книгу бесед» вошли,

в частности, толкования «Послания к римлянам» и Евангелия от Иоанна. «Книга толкований» объясняет смысл псалмов, книги Притчей и Премудрости Соломона, книги пророка Исайи и др. Важное место в полемике отводится вопросам нравственности духовенства и паствы, отношений между светской и духовной властью, о пределах самовластья личности и др.

Раскол, ожидание скорого рождения Антихриста и конца света стали доминирующими темами во всей учительной литературе второй половины XVII в.

Житийная литература

Самое раннее оригинальное древнерусское житие — «Служба святым мученикам Борису и Глебу», атрибутируемая митрополиту Иоанну (около 1021 г.; списки XII в.). Основные положения этого жития были развиты в «Сказании о святых мучениках Борисе и Глебе» (вторая половина XI в.), известном во множестве списков. Несколько позже монахом Иаковом было написано уже упоминавшееся «Житие князя Владимира» («Память и похвала князю русскому Владимиру»).

Младшим современником Иакова был Нестор, перу которого принадлежат житийные повести о Борисе и Глебе («Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба»), а также о Феодосии Печерском. Нестор хорошо знаком с иноязычными образцами житийной литературы (в частности, с чешским житием св. Вацлава, с памятниками греческой агиографии). Житие Феодосия, видимо, опиралось на утраченное житие Антония Печерского. Оно сохранило множество живых черт быта киевских монахов и горожан конца XI в. Описывая поведение Феодосия во время конфликта Ярославичей из-за киевского престола, Нестор фактически легитимировал неподчинение деятелей церкви светской власти князя. Житие Феодосия стало образцом для последующих древнерусских житийных произведений.

К концу XI — началу XII в. относится анонимное описание жизни и чудес Николая Мирликийского. Автор, в частности, ссылается на чудеса в Царьграде и Киеве, свидетелем которых был сам.

Упомянувшиеся уже послания инока Поликарпа и адресованные ему послания Владимирского епископа Симона (1215–1226) содержали ряд рассказов о печерских подвижниках (девять — у Симона, 11 — у Поликарпа). Их объединение создало основу «Киево-Печерского патерика». Туда вошел также фрагмент Повести временных лет («Слово о первых черноризцах печерских»). Первоначальная редакция «Киево-Печерского патерика» не сохранилась. Его самый ранний датированный текст — редакция 1406 г., составленная по инициативе тверского епископа Арсения. Независимо от Арсениевской редакции в самом Киево-Печерском монастыре в 1460 и 1462 гг. были созданы так

называемые I и II Кассиановские редакции «Киево-Печерского патерика». В них первоначальный текст был расширен несколькими новыми статьями, восходящими ко времени до XIII в. II Кассиановская редакция легла в основу всех последующих переработок Патерика.

В XIII в. русская агиография пополнились «Житием преподобного Антония Римлянина», написанным его учеником и преемником Андреем, а также «Житием Авраамия Смоленского», созданным его учеником Ефремом. К последней половине XIII в. относятся житийное сказание о мученической кончине князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора, жития Александра Невского и ростовского епископа Исаяи. Эти агиографические повести отличаются рядом конкретных черт, позволяющих восстановить многие детали описываемых в них событий. Точность описаний поддается проверке при сличении их с современными летописными источниками и записками иностранных путешественников.

XIV в. пополнил список отечественных агиографических повестей житиями Кирилла Туровского и митрополита Петра, а также близкими к житиям сказаниями о благочестивых князьях Довмонте Псковском, Михаиле Тверском и Дмитрие Донском. Последние имеют светский характер и вошли в состав летописей.

В первой половине XV в. появляются жития, оказавшие влияние на все последующие агиографические сочинения, писавшиеся на Руси. Это жития Стефана Пермского, Сергия Радонежского, Дмитрия Прилуцкого и митрополита Алексия. Первые два написаны Елифанием Премудрым, лично знавшим Стефана и Сергия. Это позволило ему создать повести, которые отразили множество живых подробностей жизни и быта подвижников и их окружения. В то же время в агиографических произведениях появляются витиеватость и многословность, затрудняющие выявление достоверной информации. Около 1440 г. Пахомием Сербом (Логофетом) было написано еще одно житие Сергия Радонежского, а несколько позже — жития митрополита Алексия, Кирилла Белозерского, Варлаама Хутынского, Троице-Сергиева игумена Никона и новгородских владык Моисея и Иоанна. Кроме того, он написал несколько житий местночтимых святых. Во второй половине 60-х — начале 70-х годов иеромонах ярославского Спасо-Преображенского монастыря Антоний написал житие князя Феодора Ростиславича. Вскоре после смерти митрополита Ионы какой-то новгородец составил по воспоминаниям его житие. В 1495 г. под пером глушицкого инок Иринарха появилось житие преподобного Дионисия Глушицкого, основанное на устных рассказах-воспоминаниях и монастырских заметках.

Всего к XVI в. набралось около 40 жизнеописаний князей, митрополитов, епископов, настоятелей монастырей, живших в XI — первой половине XV в., почитавшихся святыми, но официально не канонизированных, а также не-

сколько десятков рассказов о печерских подвижниках XI–XIII вв., составивших патерик Киево-Печерского монастыря.

В 1547 г. в Москве был созван поместный собор, на котором был придан общерусский статус 11 святым, а еще девять были объявлены местночтимыми. Основанием, в частности, служило наличие житийной повести о святом, соответствующей канону. В 1549 г. состоялся еще один собор, на который были представлены вновь разысканные материалы о святых. Все они были освидетельствованы собором, после чего было принято решение об их канонизации.

За четверть века до этих соборов председательствующий на них митрополит Макарий сам вел колоссальную работу по кодификации «всех святых книг, которые в Русской земле обретаются». Итогом этой работы стали «Великие четии минеи» (т.е. месячные чтения). Они составили 12 больших книг — по числу месяцев. В каждой из них были собраны жития святых, сказания об открытии их мощей, об установлении дней их памяти, поучения, похвальные «слова», назидательные повести и изречения подвижников и т.д. В конце каждого тома были помещены наиболее авторитетные христианские произведения (Синайский и Египетский патерики, «Хожение игумена Даниила», «Шестоднев» экзарха Иоанна, «Пчела», «Космография» Козьмы Индикоплова, сочинения Григория Цамблака и др.), которые по тем или иным причинам не могли быть отнесены к определенным календарным датам. В 1541 г. все 12 книг были внесены Макарием в новгородский Софийский собор на помин души своих родителей. В 1552 г. Макарий пожертвовал еще один список «Великих четых миней» московскому Успенскому собору, а другой подарил Ивану Грозному.

После соборов подготовка житий принимает организованный характер и ведется под контролем митрополита (с 1589 г. — патриарха). С этого времени жития становятся более формальными, а конкретно-историческая информация в них сводится к минимуму. Поэтому поздние житийные произведения представляют для историка ограниченный интерес.

Исключение составляет «Повесть о Петре и Февронии» (середина XVI в.) Ермолая-Еразма, сохранившаяся в автографе. Нарушая канон, она перекликается с западноевропейским рыцарским романом и русским фольклором. Повесть не была включена в состав поздних «Великих четых миней».

Особняком стоит «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», которое формально следует отнести к житийной литературе. Первая русская автобиография (если не считать поучения Владимира Мономаха) была создана во время пустозерского заключения, по «понуждению» духовника и соузника «огнепального» протопопа, старца Епифания. В «Житии...» присутствуют полемические и учительные черты. Оно известно в двух автографах и множестве (не менее 45) списков. Списки «Жития...» делятся на три редакции: первая написана в 1672–1673 гг., третья — не позже 1676 г. Аввакумово житие

представляет собой уникальный памятник саморефлексии русского человека XVII в. Оно сохранило не имеющую аналогов информацию не только об обстоятельствах жизни автора и о расколе, но также о повседневной жизни, быте, поведении людей. В целом житие Аввакума далеко отстоит от прочих произведений жанра, из которого оно выросло.

Изучение житий с источниковедческой точки зрения большинством ученых признается малоперспективным. Это мнение опирается на фундаментальное исследование древнерусских житий, предпринятое В.О. Ключевским. Справедливое в отношении конкретных вопросов, оно не вполне бесспорно в целом. Большинство житий до сих пор не имеют научного издания.

Современное состояние источниковедения позволяет более оптимистично взглянуть на перспективы использования агиографии в исторических исследованиях. Представляется возможным шире осуществлять формулярный анализ при изучении житийной литературы. Это, в частности, может позволить точнее воспроизвести представления о святости в Древней Руси. Больше внимания следует уделить тем нравственным нормам, которые пропагандируются в житиях. Несмотря на абстрактно-трафаретные элементы содержания каждого из них, те из житий, которые принадлежали перу современников, сохранили важные исторические свидетельства. Часто они рассказывают о повседневной жизни монастырской братии, крестьян и горожан. Большой интерес представляют жития основателей монастырей. В таких памятниках можно найти сведения о местностях, где основывались монастыри, о соседних селениях, реках, урочищах, о князьях, дававших монастырям льготы, и, следовательно, выяснить, каким княжествам принадлежали земли, на которых селились монахи, как они их получали. Иногда прозвища князей, зафиксированные в житиях, дают возможность судить даже о существовании определенных княжеств. Однако ключ к полноценному использованию житийной информации в историческом исследовании пока не найден.

Хожения

Широкое распространение в Древней Руси получили хожд(д)ения — произведения, описывающие паломничества в Святую землю.

Самый ранний их образец — «Хожение» («Паломник», или «Странник») игумена Даниила (1112–1115). В качестве его литературных источников можно назвать западноевропейские описания Святой земли Зевульфа, Иоанна Вирцбургского, Фоки. В начале XIII в. описания своих «хожений» в Константинополь и на Афон оставили новгородский архиепископ Антоний (в миру Добрыня Ядрейкович) и киево-печерский архимандрит Досифей. Антоний оставил ряд уникальных упоминаний о русских реликвиях, хранившихся в Царьграде

до его разграбления крестоносцами в 1204 г., Досифей же уделит основное внимание распорядку жизни афонских монахов.

С середины XIV в. возобновились путешествия русских людей к святым местам, а с ними возродился и временно угасший жанр хождений. Около 1350 г. в «Страннике» новгородский инок Стефаний описал свое пребывание в Царьграде (умолчав при этом, что он побывал и в Иерусалиме). Гораздо обстоятельнее хождение смоленского иеродиакона Игнатия, также побывавшего в Константинополе и Иерусалиме (1389). Более светский характер имеет рассказ о путешествии «куплею» (по торговым делам) в Царьград дьяка Александра (конец XIV в.). К 1420 г. относится путешествие иеродиакона Троице-Сергиева монастыря Зосимы в Иерусалим, описанное им в «Ксеносе» (от *греч.* «гость»). Он подробно повествует о посещении Царьграда, Афона, Солуни, Иерусалима и других мест Святой земли. К жанру хождений примыкают сказания о Флорентийском соборе, приписываемые очевидцу события — суздальскому монаху Симеону: «Повесть об осьмом соборе» и «Путешествие Исидора митрополита на Флорентийский собор».

В 1466 г. появилось описание путешествия некоего гостя Василия, посетившего святыне места Палестины. Оно очень кратко и, по словам митрополита Макария, «отзывается всею детскою простотою веры».

Завершает жанр хождений знаменитое «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина (1468–1475), сохранившееся в трех изводах (редакциях): в составе Софийской II и Львовской летописей, в составе сборника конца XV — начала XVI в. (Троицкий список), а также в составе летописно-хронографической компиляции XVII в. Несмотря на светский вид, хождение Афанасия Никитина вполне может быть отнесено к духовной литературе. Оно пронизано идеей сохранения веры в условиях, когда христианин лишен привычного окружения и не имеет возможности нормально отправлять религиозные обряды. Одновременно это и серьезные рассуждения мирянина о единстве Бога независимо от того, как и кому конкретно молятся люди. Вместе с тем перед нами обстоятельный отчет об увиденном в незнакомых странах, примыкавших, по представлениям того времени, к раю. Еще одна важная сторона этого источника — особенности восприятия древнерусского человека, которые косвенно говорят о его собственных привычках и внутренних установках.

Смысл «хожений» до сих пор остается не вполне ясным. Описания паломничеств дают важный источник изучения не только деталей жизни и быта, но и общих представлений о Русской земле и ее месте в мире.

Воинские повести

Возникшие в рамках летописания, воинские повести постепенно выделились в самостоятельный жанр и обладают источниковедческой спецификой.

На их формирование оказали влияние переводные воинские повести и рыцарские романы. Это не документальные описания войн и сражений, а художественные произведения, образный язык которых специфичен и требует истолкования. Авторы воинских повестей озабочены созданием образа происходящего. Буквальное понимание и прямое заимствование из них исторической информации могут привести к серьезным ошибкам в исторических построениях.

Одно из самых ранних самостоятельных произведений, близких к такому рода жанру, — «Слово о полку Игореве». Список «Слова...» (возможно, XVI в.) был приобретен в середине 90-х годов XIX в. известным собирателем раритетов А.И. Мусиным-Пушкиным у архимандрита Спасо-Преображенского монастыря Ярославля Иоила Быковского. Текст был издан в 1800 г. Кроме того, сохранилась копия, подготовленная для Екатерины II. В 1812 г., как считается, оригинал «Слова...» сгорел вместе с частью библиотеки А.И. Мусина-Пушкина. Это дало основания для сомнений относительно подлинности памятника. Тем не менее достаточно веских доказательств поддельности «Слова...» до сих пор не найдено. Дискуссионным вопросом остается датировка текста «Слова...»: называются 1185 г., XIII, XVI и даже XVIII в. Неизвестен и автор, создавший уникальный памятник древнерусской письменности. Даже наиболее основательные атрибуции «Слова...» (скажем, боярину Петру Бориславичу) могут рассматриваться лишь в качестве рабочих гипотез или догадок. Оригинальная информация «Слова...» не может быть подвергнута независимой проверке: степень ее достоверности приходится оценивать лишь с точки зрения внутренней непротиворечивости. Работы последних лет показывают, что «Слово о полку Игореве» опирается на значительное число литературных памятников, что должно учитываться при работе с этим источником.

Как самостоятельные произведения воинские повести появляются с середины XIV в. К этому времени относят «Повесть о разорении Рязани Батыем». Она примыкает к рязанским агиографическим произведениям. Древнейшая редакция «Повести...» находится в Новгородской I летописи, однако впоследствии встречается в литературных сборниках. Написанная в стиле летописной статьи, «Повесть...» включает фантастические моменты и эпически обобщенные образы. Позднее в нее были включены эпизоды, отсутствовавшие в первоначальном варианте (рассказ о Евпатии Коловрате). В основе «Повести...» лежат устные предания, летописные и агиографические источники.

Мощным толчком к созданию целого цикла воинских повестей стала Куликовская битва. «Задонщина» — поэтическое повествование о ней, написанное, скорее всего, в 80–90-е годы XIV в. Она дошла в шести списках 70-х годов XV — конца XVII в. Текст «Задонщины» имеет множество общих мест со «Словом о полку Игореве». Кроме того, «Задонщина» испытала влияние летописной

повести о Куликовской битве. Возможно, само имя Софония Рязанца (которому традиционно приписывается «Задонщина») заимствовано из какого-то не дошедшего до нас произведения Куликовского цикла. Очевидно, автор пользовался и фольклорными источниками. «Задонщина» интересна непосредственными впечатлениями современника от сражения русских войск с отрядами Мамай.

«Сказание о Мамаевом побоище» — самый большой по объему памятник Куликовского цикла. Из него обычно заимствуется ряд подробностей об обстоятельствах и ходе сражения на берегах Непрядвы (о действиях засадного полка, контузии Дмитрия Донского и т.п.). Между тем это один из самых поздних памятников, рассказывающих о Куликовской битве, созданный не ранее первой четверти XV в. Сохранилось множество списков этой повести, делящихся на восемь редакций и большое количество изводов. Большинство исследователей считают, что, помимо письменных текстов (скажем, южнорусского летописания), ее автор пользовался устными воспоминаниями участников битвы (что, впрочем, сомнительно, учитывая позднее происхождение произведения). Для создателя «Сказания...» художественные достоинства создаваемого текста были, несомненно, важнее точности в передаче фактических подробностей.

Примерно в 1402–1408 гг. была создана «Повесть о Тимир-Аксак», рассказывающая о походе на Русь Тимура (Тамерлана) и его внезапном отступлении из русских земель. Уход войск Тимура связывается с перенесением в Москву Владимирской иконы Богоматери. Повесть сохранилась в составе летописей (Софийской II), а также в сборниках литературных произведений. Во второй половине XVI в. на основе «Повести о Тимир-Аксак» и других источников было написано «Сказание о Владимирской иконе Божьей матери». Оба памятника объединяет идея нового статуса Московского государства.

Падению Византийской империи под ударами турецких войск была посвящена «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера. Она также дошла и в составе летописей, и в отдельном виде. Она написана во второй половине XV — начале XVI в. непосредственным участником событий. Кроме рассказов очевидцев Нестор Искандер явно использовал древнерусские воинские повести (скажем, «Повесть о разорении Рязани Батыем»). «Повесть о Царьграде» занимает важное место в обосновании теории «Москва — третий Рим».

К воинским повестям близка «Казанская история» (1564–1566). В то же время ряд черт роднит ее с краткими летописцами. Есть основания говорить о связи текста «Казанской истории» с Хронографом, «Сказанием о князьях Владимирских», посланиями Ивана Грозного, «Повестью о Царьграде» Нестора Искандера, «Александрией» и «Троянской историей», что затрудняет работу с ней как с источником достоверных фактических данных. Именно в «Казанской истории» Москва впервые прямо называется третьим Римом.

Многие особенности «Казанской истории» присущи и последней воинской повести XVI в. — «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков». Она опирается на близкий комплекс текстов, в том числе переводных («Александрю», «Повесть о Стефаните и Ихнилате»).

Одной из последних древнерусских воинских повестей стала «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» (около 1641 г.). Она существует в трех вариантах: историческом, поэтическом и сказочном. Историческая версия «Повести...» появилась вскоре после захвата Азова донскими казаками весной 1637 г. в форме казачьей войсковой отписки. Наряду в сугубо документальными описаниями в ней присутствуют конфессиональные мотивы. Поэтическая версия «Повести...» была написана непосредственно после обороны Азова казаками в 1641 г. Возможно, автором ее был казачий есаул, войсковой дьяк Федор Порошин. Реальные детали перемежаются в ней с фантастическими подробностями. На автора «Повести...» оказали влияние не только древнерусские воинские повести, но и казачий фольклор. В сказочной версии «Повести...» главное место занимает художественный вымысел. Она близка «историческому баснословию» второй половины XVII в. С этого времени воинские повести прекращают свое существование, превращаясь в авантюрную беллетристику.

В воинских повестях древней Руси многие сведения имеют уникальный характер, в них — как ни в одной другой разновидности источников — отобразился дух времени, непосредственное восприятие описываемых событий современниками и ближайшими потомками.

Публицистические произведения XV–XVII веков

Формирование Российского государства связано с зарождением публицистики. Публицистические черты имеют произведения, связанные с ересями второй половины XV — первой половины XVI в. В центре их внимания — проблема человеческого «самовластья». Она развивалась прежде всего в рамках богословской традиции, поэтому все сочинения на данную тему близки учительной литературе. Темы «самовластья» касались как представители ортодоксального направления, так и еретики: Федор Васильевич Курицын («Лаодикийское послание», известное в списках конца XV — начала XVIII вв.), неизвестный автор «Написания о грамоте». Важную роль в борьбе с еретиками играли сочинения новгородского инок Зиновия Отенского («Послание многословное к вопросившим о известии благочестия на зломудрие Косого» и «Истины показание к вопросившим о новом учении», конец 50-х — начало 60-х годов XVI в.).

Существенным аспектом темы «самовластья» был вопрос о пределах царской власти, ставший одним из центральных в сочинениях Иосифа Волоцкого. Отношениям духовных наставников и светской власти посвящены публици-

стические произведения Вассиана Патрикеева. В одном небольшом сочинении он выступает против монастырского землевладения, монашеского «лихоимания», а также против казней раскаявшихся еретиков. Вассиану Патрикееву приписывается и «Ответ кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого об осуждении еретиков» (предположительно конец 1504 г.). Он составлен от имени монахов Кирилло-Белозерского монастыря и всех «заволжских старцев» (постриженников монастырей, расположенных к северу от Волги). В нем также осуждается решение о казнях еретиков, принятое церковным собором.

В ином аспекте проблема «самовластья» рассматривалась Иваном Семеновичем Пересветовым (Большая и Малая челобитные, «Сказание о Магмете-салтане» и др.; сохранились в списках не ранее 30-х годов XVII в.). Занимает его и вопрос о том, что важнее — точное соблюдение обряда или истинная вера. Иван Пересветов критикует сложившуюся систему отношений государства к своим подданным, одновременно настаивая на необходимости сильной власти.

Все упомянутые вопросы рассматривались и в переписке Ивана Грозного с Андреем Михайловичем Курбским. Она дошла в отдельных списках и сборниках второй трети XVII — XIX в. Известны три послания Курбского (1564–1579 гг.; первое — в двух редакциях) и два послания Ивана Грозного (1564 г. и 70-х годов; первое — в краткой и двух пространных редакциях). Поднимались эти темы А.М. Курбским и в «Истории о великом князе Московском» (1578). Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским и сочинения беглого князя важны для понимания процессов, происходивших в России в середине XVI в.

Распространение публицистических источников связано с событиями Смуты. По форме они близки к традиционным жанрам духовной литературы: это видения («Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия, повести о видениях в Нижнем Новгороде и Владимире, в Устюге и др.), послания («Новая повесть о преславном Российском царстве»), плачи («Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства»). В них авторы пытаются осмыслить и понять причины происходящих событий, найти выход из создавшегося положения.

К памятникам публицистики близки исторические произведения, написанные «на злобу дня». Одно из самых популярных и объемных сочинений о Смуте — «Сказание» Авраамия Палицына (1612–1620). Будучи участником описываемых событий, Авраамий оставил яркий рассказ, сопровождающийся прямыми и косвенными личностными оценками. Другой памятник такого рода — «Временник» дьяка Ивана Тимофеева (1616–1619). В нем описываются многие события, свидетелем и участником которых стал дьяк, занимавший заметный пост в государственном аппарате. Целый ряд известий

«Временника» уникален. Незадолго до 1625 г. появились «Словеса дней и царей и святителей московских», написанные князем И.А. Хворостининым, которым присущи некоторые черты мемуаров (автор явно пытался оправдать свою службу у Лжедмитрия). В то же время «Словеса...» Хворостинина интересны как памятник, вышедший из кругов, близких самозванцу. Можно отнести к публицистическим памятникам эпохи Смуты и произведения С.И. Шаховского — человека, много видевшего и знавшего, притом обладавшего литературным талантом: челобитные, «Моление патриарху Филарету», «Повесть известно сказуема на память великомученика благоверного царевича Дмитрия», «Повесть о некоем мнихе» и, наконец, «Повесть книги сея от прежних лет» (не позднее конца 20-х годов XVI в.).

Перечисленные произведения отличает присутствие в них личностного момента, элементов полемики, попыток анализа происходящего. Более четкую публицистическую направленность имеют литературные памятники периода раскола. Наиболее ярко она проявляется в посланиях, письмах и челобитных протопопа Аввакума.

Однако о развитии публицистики в собственном смысле слова можно говорить, видимо, только с появлением периодических изданий, позволявших оперативно реагировать на происходящее и своевременно обсуждать актуальные проблемы общественной жизни.

2

глава

ИСТОЧНИКИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА

2.1

ОБЩИЕ СВОЙСТВА ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Необходимость выявления общих свойств исторических источников Нового и Новейшего времени обусловлена обширностью источниковой базы этих периодов истории. Отметим, что свойства исторических источников связаны с обстоятельствами их создания, а общность свойств порождается влиянием процесса индивидуализации и вторичной социализации личности (о чем шла речь в первом разделе). Но каждое такое свойство, возникнув в системе «источник — действительность», порождает, в свою очередь, особенности взаимоотношений в системе «историк — источник». В этих двух системах отношений и рассматриваются в данной главе общие свойства исторических источников.

2.1.1

Количественный рост исторических источников

Источник — действительность

В Новое время в сравнении с предшествующим периодом появляется огромное количество исторических источников. Это вполне очевидное качество имеет системообразующее значение, т.е. во многом определяет и другие свойства рассматриваемого корпуса исторических источников. Разберемся в причинах и следствиях этого явления.

Необходимо отметить лучшую сохранность документов Нового времени, прежде всего в России. В силу разных причин в России гораздо меньше, чем в европейских странах, осталось исторических источников от Средневековья. Крупномасштабное преобразование государственного аппарата в правление Петра I, ликвидация системы приказов и, как следствие этого, необходимость организации хранения документов вне системы делопроизводства приводят к созданию архивной службы, что положительным образом сказывается на сохранности исторических источников. Этому способствует и то, что в Новое время многие исторические источники уже в момент своего создания предназначались для публикации (тиражирования).

Но главное не в этом. В первую очередь речь должна идти не о лучшей сохранности исторических источников, а о качественном сдвиге в их порождении.

Почему же в рассматриваемый период возрастает потребность в документировании?

1. Индивидуализация человека, эмансипация человеческой личности расширяют круг авторов исторических источников. Кроме того, растет грамотность, поскольку это явление производное.

2. Стремление эмансипированной личности к созданию вторичных социальных связей ведет к тому, что исторические источники начинают порождаться не только в государственной (и церковной) сфере, как это было раньше, но и в личной и общественной. Повышение мобильности населения ведет к увеличению количества эпистолярных источников, поддерживающих как межличностную, так и деловую коммуникацию.

3. Кроме того, что возникают новые области порождения исторических источников, увеличивается их количество и в государственной сфере. Это также во многом обусловлено новым характером законотворчества и взаимоотношениями между личностью и государством. Превращение закона в единственный источник права и убежденность в том, что законы могут переустроить жизнь государства и повлиять на формирование личности, заставляют принимать их на основе анализа информации о состоянии тех или иных сторон жизни общества и государства. Помимо этого, расхождение обычая и закона заставляет особо заботиться о публикации законодательных актов и о контроле их эффективности, что приводит к возрастанию количества делопроизводственных источников¹.

¹ Здесь мы не обсуждаем специально вопрос о том, что первично — усложнение государственного аппарата или увеличение документооборота. На наш взгляд, распространенное убеждение, что усложнившийся государственный аппарат порождает огромное количество бумаг, основано на подмене причины следствием. Мы согласны с Б.Г. Литваком в том, что потребность в обмене информацией, а значит, и в документировании ведет к усложнению государственного аппарата.

Историк — источник

Рост количества исторических источников создает совершенно новую познавательную ситуацию. Исследователь уже не в состоянии изучить все источники, имеющие отношение к сколь-либо значимой теме или проблеме. Он вынужден целенаправленно отбирать их в соответствии с поставленной исследовательской проблемой, со сформированной для ее решения гипотезой, что заставляет его более четко осмысливать проблему и формулировать исследовательскую гипотезу.

Иногда ученые утверждают, что возможно исследование без гипотезы, что она затрудняет работу, ограничивает поле исследовательского внимания. Но необходимо осознать, что исследования без гипотезы не бывает. При этом она может быть осознанной или нет. И чем сложнее проблематика, чем шире круг источников, тем строже должен подходить исследователь к формированию гипотезы. Гипотеза — это всегда обобщение ранее накопленного знания. В процессе исследования она трансформируется, потому что ученый получает дополнительную информацию. Если гипотеза изменилась значительно, то приходится возвращаться к началу исследования, с тем чтобы проверить новую гипотезу. Историк, занимающийся ранними периодами истории, иногда почти наизусть помнит «свои» источники, постоянно обращается к одним и тем же текстам. Историк Нового времени в целом ряде случаев не имеет такой возможности, особенно если работает с массовыми источниками или статистическими материалами. Представьте исследователя, который, не имея гипотезы, читает подряд формулярные списки чиновников или материалы земской статистики в надежде, что его осенит и он увидит за этими сотнями и тысячами цифр определенные явления и процессы.

Итак, нужно четко сознавать, что при работе с массивами исторических источников историк всегда получает ответ именно на поставленный вопрос, будучи лишенным возможности многократно обращаться к источникам в процессе исследования. Общение историка-медиевиста с историческими источниками можно сравнить с интервью, а общение историка Нового времени — с социологическим опросом.

Одновременно количественный рост источников заставляет поднять проблему выборочного исследования. При этом надо четко осознавать, что выборочный метод — особый метод исследования, корректно работающий только на математико-статистической основе. Важно различать подбор примеров, иллюстрирующих то или иное положение, и построение выборки, которая позволяет распространить полученные результаты на все аналогичные явления (генеральную совокупность).

Необходимо учитывать сферы возникновения исторических источников Нового и Новейшего времени: личностную, общественную, государственную. Тогда без труда обнаружится, например, что русские газеты возникали

не только позже европейских, но и, в отличие от них, в государственной, а не в общественной сфере.

2.1.2

Упрощение содержания отдельно взятого документа

Источник — действительность

Рост количества источников, особенно в сфере делопроизводства, приводит к упрощению содержания отдельно взятого документа, что сопровождается формализацией этого содержания¹, а также усложнением системы источников на уровне вида и разновидности.

Указанные тенденции можно отметить не только в делопроизводстве, но и в законодательстве. Не случайно в третьем Полном собрании законов Российской империи публикуются не все законодательные акты — в ряде случаев указывается лишь название документа сепаратного законодательства. Наиболее значительна формализация в статистике.

Упрощается содержание и отдельно взятого повествовательного источника. К концу XIX в. вполне очевидна дифференциация периодической печати по следующим критериям: общественно-политическая направленность, ориентация на различные сословные, профессиональные, половозрастные группы.

Как бы это ни казалось странно, такие же процессы прослеживаются и в мемуаристике. На рубеже XIX–XX вв. мемуары все чаще посвящаются отдельным событиям или выдающимся современникам автора. Относительно реже встречаются неспешные повествования обо всех памятных для мемуариста событиях.

Историк — источник

Во-первых, упрощение содержания отдельного источника и усложнение внутривидовой структуры создают дополнительные сложности при формировании источниковой базы исследования. Репрезентативная основа исторического труда должна структурно воспроизводить нарастающую сложность корпуса источников. Например, невозможно изучать газету XIX–XX вв., выражающую то или иное общественное уmonoстроение, не зная всего спектра мнений, существующих в периодике.

Второе, не менее важное, следствие рассматриваемого явления — увеличение объема скрытой (латентной) информации. Такую информацию еще называют структурной, потому что она может быть выявлена при анализе

¹ Данное положение, сформулированное Б.Г. Литваком, оспаривает С.В. Воронкова, которая утверждает, что на протяжении XIX в. усложняется информация исторических источников. Эта полемика, основанная на недоразумении, дает отличный пример того, как в споре подменяется его предмет: Б.Г. Литвак пишет об отдельном документе, а С.В. Воронкова — о системах документации.

структуры корпуса источников, взаимосвязей между его составляющими. Например, если в формулярном списке происходившего из крестьян городского города Колы написано, что он имел чин V класса Табели о рангах, то, естественно, это будет информация об одном, отдельно взятом конкретном факте. Но даже если будет установлена достоверность этой информации, невозможно выяснить, сколь типична или уникальна такая карьера. Если же проанализировать несколько сотен формулярных списков, то можно установить, каким образом от социального происхождения чиновника зависели ранг чина, имущественное положение и т.д. Традиционный метод извлечения латентной (скрытой) или структурной информации — построение таблицы, но существуют и другие методы — количественные (математические) или формализованные. Чаще всего для анализа зависимостей используют такие методы математической статистики, как корреляционный и регрессионный анализ.

2.1.3

Увеличение количества разновидностей исторических источников

Источник — действительность

Количественный рост исторических источников и упрощение содержания отдельного документа приводят к увеличению числа разновидностей внутри видов. На протяжении всего рассматриваемого периода новые и ранее существовавшие виды делятся на разновидности. Причем новых разновидностей возникает явно больше, чем исчезает исчерпавших себя форм. Это приводит к постоянному усложнению структуры корпуса исторических источников.

Увеличение разновидностей в наибольшей степени проявляется в делопроизводственной документации, учетных материалах, актовых источниках.

Историк — источник

Вполне очевидно, что историку, работающему с источниками Нового времени, приходится строже подходить к определению видовой природы источника, учитывая его принадлежность к той или иной разновидности внутри вида.

Дифференциация видов исторических источников по разным параметрам открывает более широкие возможности для их систематизации, а значит, и для выявления структурной информации. Исследователь получает дополнительные возможности для анализа путем составления разнообразных (в том числе и комбинаторных) таблиц и применения методов математической статистики. Еще одна исследовательская проблема связана с разработкой принципов группировки разновидностей и выработки методов анализа групп. В каче-

стве примера такой группы видов и разновидностей можно назвать массовые источники, активно разрабатываемые в отечественной историографии в последние десятилетия¹.

2.1.4

Публикация и тиражирование исторических источников

Источник — действительность

Может быть, самая существенная особенность исторических источников Нового времени — это то, что большинство их видов уже в момент создания были предназначены для публикации². Так, с начала XVIII в. обязательно публикуются законодательные акты³. Такие наиболее характерные для корпуса исторических источников Нового времени виды, как периодическая печать, эссеистика, мемуаристика, создавались именно для публикации.

И если для периодической печати расчет на публикацию очевиден и постоянен, то имманентно присущее мемуаристу стремление к обнародованию своих воспоминаний развивается и служит одним из критериев эволюции мемуаристики⁴.

К концу XIX в. это свойство исторических источников приобретает новое качество. Начинают публиковаться текущие законодательные акты: с 1863 г. выходит «Собрание узаконений и распоряжений, издаваемое при Правительствующем сенате». С развитием исторической периодики расширяется публикация источников личного происхождения. Систематически издаются сводные статистические данные. В начале XX в. публиковался и такой источник, как стенографические отчеты Государственной думы.

На протяжении XVIII–XIX вв. укреплялась взаимосвязь видов исторических источников. При их обзоре мы увидим, сколь тесно связаны законодательство и статистика, периодическая печать и публицистика, мемуаристика и периодическая печать, эпистолярные источники и художественная литература. Механизм взаимосвязи видов различен, и зачастую один вид мог влиять на другой именно потому, что в Новое и Новейшее время многие исторические источники изначально предназначались для публикации.

¹ Проблеме массовых источников специально посвящен следующий параграф этой главы.

² Мы различаем публикацию и тиражирование. Публикация в широком смысле включает не только печатание произведения типографским способом, но и его оглашение (например, законодательные акты) или предназначенность для прочтения другими (мемуары). Тиражирование некоторых документов (например, формуляра) нельзя рассматривать как публикацию.

³ Значение публикации в системе законодательства будет рассмотрено ниже при анализе законодательства Нового времени.

⁴ Ориентированность мемуариста на публикацию своего произведения исследовал А.Г. Тартаковский.

Историк — источник

Синхронная публикация (непосредственно после создания) исторических источников обуславливает принципиально новые условия их сохранности, что возвращает нас к началу нашего анализа — количественному росту не только создаваемых источников, но и сохранившихся от созданного.

При изучении источника историк должен отчетливо сознавать ту информационную среду, в которой творил его автор, должен пытаться выявить не только непосредственные источники текста, но и существовавший информационный континуум. Например, европейские мемуаристы уже в XVII в. имели возможность включить свои мемуары в историографический контекст (знакомясь с публикациями исторических сочинений, начиная с античных, и с произведениями других мемуаристов) и поэтому часто рассматривали их как историю настоящего (*contemporary history*); русские же мемуаристы даже в XVIII в. писали мемуары-автобиографии изолированно друг от друга.

Историк при исследовании обстоятельств создания источника также следует обратить внимание на то, предназначался ли данный источник для публикации и в какой среде он должен был бытовать, так как расчет на публикацию включается в систему целей создания источника. При этом необходимо помнить, что авторы, создавая произведение, в разной степени учитывали дальнейшее бытование. Интенсивность и направленность учета потенциальной аудитории зависели как от личности автора, так и от видовой принадлежности создаваемого произведения.

* * *

Необходимо подчеркнуть и взаимосвязь между отдельными свойствами корпуса исторических источников. Количественный рост исторических источников во многом обуславливает упрощение содержания отдельно взятого документа, нацеленность его на реализацию лишь одной функции, что, в свою очередь, порождает как минимум два следствия: увеличение количества разновидностей источников каждого вида и рост объема латентной информации внутри комплекса источников. Многие особенности анализа источников Нового времени, вытекающие из их природы, существенны и для предшествующего периода. Историк-медиевист, изучая летопись или агиографическое произведение, должен максимально осмыслить исходную гипотезу или задать себе вопрос, например, о бытовании данного источника. При исследовании проблематики Нового времени эти методические требования должны быть очень четко осознаны, так как без этого невозможно сколь-либо существенное исследование.

2.2

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для Нового и Новейшего времени массовые источники не специфичны, но в этот период растет их количество, что затрудняет (с технической точки зрения) их анализ. В связи с усложнением социальных процессов, а также включенностью в историческое действие новых слоев населения массовые источники начинают играть все более заметную роль в источниковой базе исследований. Роль массовых источников увеличивается не только по мере приближения предмета исследования к нашему времени, но и с развитием самой исторической науки, которая стремится не ограничиваться политической историей, а следованием о событиях, непосредственно описанных в исторических источниках, и все больше обращается к исследованию не отдельных фактов, а процессов, к многоаспектной реконструкции исторической реальности.

В историографии существует несколько подходов к проблеме массовых источников. Сопоставление двух основных точек зрения — Б.Г. Литвака и И.Д. Ковальченко — не только имеет значение для лучшего понимания проблемы, но и позволяет еще раз прояснить различие научных подходов, базирующихся на разных определениях понятия «исторический источник».

Б.Г. Литвак предлагает следующую систему признаков массовых источников: 1) ординарность обстоятельств происхождения; 2) однородность, аналогичность или повторяемость содержания; 3) «однотипность формы, тяготеющая к стандартизации»; наличие законодательно установленного, а также обычаем сложившегося или складывающегося формуляра¹.

Сразу же отметим, что предлагаемые признаки представляют собой определенную систему: каждый последующий признак обусловлен предыдущим. Первый указывает на возникновение массовых источников в повседневной жизни, их принадлежность к первичному пласту информации, обычно не используемому историками. И дело здесь не только и не столько в том, что при обобщении первичных данных (например, в сфере делопроизводства) теряется часть информации, а в том, что информация субъективизируется. Аналогичность, повторяемость содержания не означает его идентичности (в этом смысле трамвайный билет не есть образец массовых источников). Для массовых источников при однородности объектов описания характерна различная мера их свойств. Например, в актах купли-продажи на землю фиксируются однотипные сделки, однако размеры участка и его стоимость в разных актах различны.

¹ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации: XIX — начало XX вв. М., 1979. С. 7.

И.Д. Ковальченко, в отличие от Б.Г. Литвака, предлагает при определении понятия «массовые источники» учитывать в первую очередь то, какие общественные явления они отражают. В предисловии к коллективной монографии «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» И.Д. Ковальченко пишет: «Массовыми являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем»¹.

Вполне очевидно, что определение Б.Г. Литвака находится в пределах источниковедческой парадигмы, в основании которой лежит понимание исторического источника как произведения человека / продукта культуры. При таком подходе основное внимание уделяется обстоятельствам порождения массовых источников в обыденной жизни и информации, закладываемой в них в момент создания.

Определение И.Д. Ковальченко практически не принимает во внимание природу массовых источников: ничего не говорится о природе самого источника, речь идет об особенностях отражаемых источником явлений. Это определение соответствует источниковедческой парадигме, в которой в качестве исторического источника понимается все, что дает информацию о прошлом человеческого общества. Очевидно, что в этом определении ничего не говорится о субстанции исторического источника, а лишь указывается на функцию некоего неизвестного объекта. Именно поэтому остается не ясно, что должен представлять собой объект, чтобы он мог дать информацию об историческом событии. Точно так же дефиниция массовых источников, которую дает И.Д. Ковальченко, вызывает вопрос: какими должны быть источники для того, чтобы они давали информацию о массовых явлениях? При чем если при определении исторического источника ответ на этот вопрос обычно дается интуитивно, то при квалификации массовых источников такого не происходит.

Здесь необходимо последовательное рассуждение. Его отсутствие ведет, в частности, к включению в число массовых источников статистических материалов, по-видимому, на том основании, что если в источнике приводится множество цифр, значит отражено массовое явление. То, что статистика может искажать явление до полной неузнаваемости, хорошо известно даже из обыденного опыта. Можно, конечно, возразить, что искаженное отраже-

¹ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979. С. 6.

Точку зрения И.Д. Ковальченко разделяет представитель той же научной школы С.В. Воронкова. См.: Воронкова С.В. Проблемы источниковедения истории России периода капитализма: итоги и задачи изучения. М., 1985.

ние — все равно отражение. Но в историографии описаны случаи, когда статистика вообще не отражает того явления, которое она, казалось бы, должна отражать. Приведем лишь один пример. Историки часто используют статистические сведения об урожаях, почерпнутые из приложений к губернаторским отчетам, правда, отмечая при этом неточность данных. Однако в 1964 г. В.К. Яцунский показал, что вся статистика урожаев возникает сразу же на уровне губернаторского отчета. По крайней мере, не обнаружены не то что первичные материалы, но и источники, содержащие поузедную информацию, а это означает, что статистика урожаев — плод творчества губернских чиновников. Подход Б.Г. Литвака исключает статистику из числа массовых источников уже потому, что она не отвечает первому признаку — не возникает в повседневной жизни. В частности, Б.Г. Литвак пишет: «Даже первичное статистическое наблюдение коренным образом отличается от первичного массового источника, так как последний не имеет никакой научно-статистической заданности, не имеет цели изучить данное явление или факт, а только регистрирует его или спонтанно возникает как часть этого факта»¹.

Выяснив таким образом различия этих определений, обратимся к имеющейся в историографии попытке их примирить. Естественно, что она обречена на неудачу. Основной аргумент в пользу объединения этих двух групп — возможность применить к ним методы математической статистики. Логика такова: если можно использовать единый метод, значит эти источники обладают существенной общностью признаков. Непредвзятый взгляд сразу же позволяет увидеть, что познавательная ситуация перевернута с ног на голову. Исследователи, придерживающиеся такой точки зрения, по сути, утверждают: не метод зависит от природы объекта, а природа объекта зависит от того метода, который мы используем. Даже при полном признании значения исследовательского инструментария в процессе исследования такая позиция, будучи доведенной до логического конца, представляется абсурдной. Почему же сами авторы этого не видят? Причина все та же: невнимание к природе исторического источника, его субстанции.

Но возможны и иные возражения, кстати, более обоснованные. Ведь действительно и в том и в ином случае — и при обращении с массовыми источниками, и при работе со статистическими данными — применяются, и на первый взгляд успешно, методы математической статистики. Не тот ли это внешний признак, который должен заставить исследователя обратиться к поиску глубинной внутренней общности? Но методы математической статистики, как, впрочем, и иные, так называемые количественные методы, в их собственно математической составляющей, относятся к уровню не методики, а техники исследования, для которой, в отличие от методики, безразличны как методология исследования, так и природа исследуемого объекта.

¹ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения... С. 8.

Адекватность использования той или иной техники для решения определенной исследовательской задачи также требует обоснования. И, как ни парадоксально, применение методов математической статистики к массовым источникам имеет меньше ограничений, чем к источникам статистическим.

Таким образом, очевидно, что отнесение тех или иных исторических источников к массовым — их качественная, а не количественная характеристика. Массовость не тождественна множественности, понятие массовости противопоставлено понятию не единичности, но уникальности исторического источника. Поэтому и один или несколько исторических источников, дошедших до нашего времени, относятся к массовым, если они возникли в повседневной жизни, имеют однородное содержание и форму, тяготеющую к стандартизации. Как же узнать, обладает ли этими характеристиками единственный сохранившийся источник? Такие возможности дает исследование исторических источников других видов, чаще всего законодательных. Например, в XVIII в. законодательно был установлен порядок составления формулярных списков при всех перемещениях чиновников по службе, а с 1764 г. такие списки должны были составляться два раза в год. Обнаруживая в архиве единичные формулярные списки вплоть до начала 1780-х годов и каждый раз убеждаясь, что их составляли не по каким-то особым поводам, а именно в тех случаях, которые были предусмотрены законодательством, отнесем эти несколько списков к группе массовых источников¹.

На это следует обратить особое внимание, поскольку неотработанность понятийного аппарата исторической науки, а также введение понятия «массовые источники» в научный оборот только в конце 1970-х годов² приводят к тому, что определение «массовый» в научной и учебной литературе часто относится к тем источникам, которые сохранились в большом количестве. Например, можно встретить фразы типа: «В XIX в. мемуаристка становится массовым источником». Современный исследователь должен строго разграничивать обыденное употребление слова «массовый» и его терминологическое использование.

Четкое отличие массовых источников от статистики заставляет нас включить в учебное пособие отдельную, хотя и небольшую, главу об учетной документации, которая наряду с актами представляет собой наиболее обширную группу массовых источников. Вернувшись к позиции Б.Г. Литвака, разграничивающего массовые источники и статистику, мы можем сказать, что

¹ Хотя заметим, что при формировании источниковой базы исследования количество сохранившихся источников незначительно для исследователя.

² Если не считать статью В.К. Яцунского «О применении статистического метода в исторической науке» (Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст. М.; Л., 1964. С. 26–36. (Тр. ЛОИИ. Вып. 7)). В.К. Яцунский разграничивает статистику как таковую и иные источники статистических данных, характеристика которых, по сути, совпадает с введенным впоследствии в научный оборот понятием «массовые источники».

учетная документация «регистрирует факт», а актовые источники «возникают как часть <...> факта». Вместе с тем учетная документация имеет тенденцию к перерастанию в статистические системы.

2.3

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Законодательство — вид исторических источников, объединяющий нормативные документы, санкционированные верховной властью.

История государственной власти и управления в России, а следовательно, и история российского законодательства составляют сердцевину многих исторических и современных социальных и политических проблем. Материалы российского законодательства XVIII–XIX вв. активно используются в исторических и историко-юридических исследованиях, но при этом они остаются почти не изученными как целое, как законодательная система. В исторических исследованиях чаще всего используются законодательные источники, отбираемые тематически в соответствии с проблематикой исследования. Параллельно накапливается опыт изучения отдельных законодательных актов — истории их разработки, обсуждения, принятия, публикации.

Комплексно законодательство изучают, пожалуй, лишь праведы и историки права, но в качестве источника предмета своей дисциплины. В этом случае именно система права (понятие сформировано в правоведении с помощью обобщенного изучения главным образом европейского права, начиная с римского) выступает как основа отбора исследуемых источников, систематизации законодательных актов и определения критериев их эволюции.

Законодательство относится к тем видам источников, которые не возникают в Новое время, а переходят из предыдущего периода. Однако законодательство в это время приобретает ряд новых черт, рассмотрению которых и уделяется преимущественное внимание в данной главе. Поскольку свойства законодательства Нового времени определяются в России на протяжении XVIII в., этот период рассмотрен более подробно. Сразу же отметим, что законодательство XVIII в. отличается рядом особенностей, которые обусловлены двумя группами причин.

Во-первых, в это время, с одной стороны, возникают и проходят длительный и противоречивый путь становления те его особенности, которые можно определить как черты законодательства Нового времени; а с другой стороны, российское законодательство приобретает ряд характеристик, свойственных законодательству империи и сохраняющихся не только в XIX в., но и на протяжении большей части XX в.

Во-вторых, законодательство XVIII в. обладает целым рядом специфических черт, что обуславливает необходимость его специального изучения.

В XVIII в. распространяется философское направление в законодотворчестве, которому свойственна «мысль о возможности произвольно устраивать правовую жизнь посредством новых законов»¹, что способствует значительной активизации законодотворчества и расширению сферы законодательного регулирования, а также тематики законодательства.

Активизация законодотворчества ведет к противоречию между абсолютистской государственной властью и стремлением к детальной (если не сказать мелочной) регламентации жизни общества и частной жизни подданных, которое особо остро ощущалось в XVIII в., когда еще не была окончательно отработана законодательная процедура.

Нестабильность государственной власти на протяжении значительной части XVIII в. ярко выявляет противоречие между устойчивостью (инертностью) законодательства и его зависимостью от политической конъюнктуры, что позволяет проследить стабилизирующую роль законодательства.

Характерная черта законодательства Нового времени — регламентированная публикация законодательных актов — находит в XVIII в. оригинальное преломление. Если рассмотреть ситуацию XVIII в. в сфере информирования населения, то можно предположить, что при зародышевом состоянии газетного дела законодательные акты во многом выполняли функцию средства информации. По крайней мере, ни один другой источник XVIII в. не может быть сопоставлен с законодательством по распространенности. Это подтверждается возникновением и достаточно широким распространением в XVIII в. такой разновидности законодательных актов, как манифесты.

2.3.1 Историография

Наиболее существенные заслуги в изучении законодательства как источника права принадлежат историкам права XIX — начала XX в.² История права в XIX в. была одной из быстро развивающихся научных дисциплин. Среди разнообразных теорий происхождения права (теологическая, рационалистическая, «естественного права»), противоборствовавших в XVIII — начале XIX в. в России, как и в Германии, распространялась историческая концепция, изучение которой, в том числе и в русле исследования идейной борьбы западников и славянофилов и более поздней концепции евразийства, представляет самостоятельный интерес.

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д, 1995. С. 31.

² Рассматривая законодательство как вид исторических источников, мы отступаем от общего правила не обращаться к историографии, поскольку в данном случае преобладает историко-правовая и юридическая литература, обычно недостаточно знакомая студенту-историку.

Суть исторического подхода к проблеме происхождения права формулировали многие авторы. В частности, М.Ф. Владимирский-Буданов, отмечая кризис господствовавшей в XVIII в. теории естественного права, писал: «После переворота XVIII в. и разочарования, постигшего европейское общество в первой четверти XIX в., нельзя уже было признать истинным выражением права ни законы действующие, ни право философски построенное; оставалось признать таким право исторически данное (т.е. выразившееся в целой истории какого-нибудь народа)»¹. Аналогичную мысль находим у Н.П. Загоскина: «...право не должно и не может быть рассматриваемо ни как исключительный императив разума, ни как исключительный продукт природы, ни как результат непосредственной творческой деятельности человека <...>, право каждого отдельного народа есть продукт всей предшествовавшей исторической жизни его <...>, единственным источником права является правовое сознание народа, представляющее органическую частью всего его мировоззрения»². Но наиболее резко историческую концепцию происхождения права сформулировал И.Д. Беляев, что, учитывая его славянофильское мировоззрение, легко объяснимо: «Самостоятельное общество, пока оно самостоятельно, не может подчиниться чуждым законам, принесенным со стороны; подчинение чуждым законам есть уже явный признак падения общества. Законы должны вытекать из исторической жизни народа. Связь между законом и внутреннею историческою жизнью народа так неразрывна, что ни изучение законодательства не может быть вполне понятно без изучения внутренней жизни народа, ни изучение внутренней жизни — без изучения законодательства»³.

Значительный интерес среди трудов по истории права представляют работы И.Д. Беляева, Г.В. Вернадского, М.Ф. Владимирского-Буданова, А.Д. Градовского, Н.П. Загоскина, Н.М. Коркунова, В.Н. Латкина, Ф.И. Леонтовича, А.В. Романовича-Словатинского, В.И. Сергеевича, А.Н. Филиппова, И.П. Числова, Б.Н. Чичерина, М.И. Ясинского. В ряде работ интересующий нас период — XVIII–XIX вв. — рассматривается частично, но все эти труды представляют интерес с точки зрения теории и метода историко-правоведческого исследования.

Законодательство в историко-правовых исследованиях рассматривается как один из источников права, и в общих курсах истории права ему уделяется большее или меньшее внимание, в первую очередь в работах В.Н. Латкина. В его «Учебнике русского права периода империи (XVIII–XIX ст.)»⁴, имеющем весьма традиционную структуру: государственное право, уголовное право, гражданское право, судопроизводство, — значительное место отводится

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 31–32.

² Загоскин Н.П. История права русского народа. Казань, 1899. С. 9.

³ Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 1.

⁴ Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII–XIX ст.). СПб., 1909.

внешней истории права. В «Лекциях по внешней истории русского права: Московское государство — Российская империя» В.Н. Латкин под внешней историей русского права понимает историю законодательных памятников, а под внутренней историей права — историю юридических норм и институтов¹. Внешняя история права, по мнению исследователя, «показывает причины появления законодательных памятников, время и порядок их издания: затем источники, внешний состав и содержание памятников и, наконец, их соотношение с другими, как предшествующими им, так и последующими за ними памятниками»². Вслед за Ф.И. Леонтовичем³ В.Н. Латкин формулирует схему разбора законодательных памятников. Во-первых, надо рассмотреть историю «каждого памятника в отдельности», указав «причины издания памятника — мотивы и цели, руководившие законодателем при издании памятника; элементы, легшие в основание памятника, или его источники; редакцию памятника, т.е. как он составлен, в какое время, при участии каких лиц, учреждений и вообще органов законодательной власти; дальнейшую судьбу памятника — силу и действие его в последующие эпохи развития законодательства; наконец, научную обработку и литературу памятника»; во-вторых, «систему и содержание памятников», причем «само содержание их настолько может быть предметом исследования в этой части науки, насколько это необходимо для общего знакомства с памятниками»; наконец, в-третьих, необходимо «показать общее значение каждого памятника в целой системе современного законодательства, чтобы таким образом яснее определить общее направление законодательства известной эпохи». Как мы видим, задачи изучения памятников законодательства по Леонтовичу — Латкину, относимые В.Н. Латкиным к внешней истории права, во многом совпадают с задачами источниковедческого анализа. Соответствует нашим представлениям о смысле источниковедческого анализа и понимание В.Н. Латкиным значения изучения законодательных памятников при исследовании истории права: «...об истории отдельных постановлений памятников, само собой разумеется, нельзя говорить без предварительного ознакомления с самими памятниками. Таким образом, внешняя история права, рассматривая закон как памятник известной эпохи, исследуя списки его, критически доказывая достоверность, подлинность или подложность его, разлагая его на составные элементы и проч., этим самым работает, так сказать, для очистки материала, оперирование над которым составляет функцию внутренней истории»⁴.

К сожалению, интересующий нас период В.Н. Латкин в «Лекциях по внешней истории русского права...» исследует весьма бегло, отводя ему лишь одну

¹ Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права: Московское государство — Российская империя. СПб., 1890.

² Там же. С. 1.

³ Леонтович Ф.И. История русского права. Варшава, 1902.

⁴ Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права... С. 1–2.

главу (глава VI — «Законодательство и кодификация в период империи»). Основное внимание он уделял памятникам более раннего времени. Примечателен подход В.Н. Латкина к изучению этих памятников, что отразилось в названиях глав: глава I — «Развитие законодательства путем издания отдельных грамот» (рассматриваются уставные, судные, губные и прочие грамоты), глава II — «Первые опыты кодификации: Псковская и Новгородская судные грамоты», глава III — «Судебники 1497 и 1550 г. и дополнительные к ним указы», глава IV — «Стоглав», глава V — «Уложение 1648–49 гг. и новоуказные статьи».

Итак, В.Н. Латкин разрабатывал отдельные законодательные памятники и не смог преодолеть этот подход, переходя к изучению законодательства XVIII–XIX вв., исследование которого как анализ отдельных памятников принципиально невозможно в связи с изменением характера законодательства. В.Н. Латкин в рамках выработанного им, да и всей историко-правовой наукой подхода ограничился рассмотрением вопросов кодификации, сосредоточившись на исследовании тех законодательных памятников, которые стали ее результатом.

Определенное внимание законодательству как источнику при изучении истории русского права уделял Н.П. Загоскин. Надо отметить, что труд Н.П. Загоскина задумывался как чрезвычайно обширный. Планировалось 12-томное исследование, которое должно было охватывать период до конца правления Александра II. В соответствии с замыслом исследованию предпослана объемная вводная часть, в которой автор стремился упомянуть все источники (хотя бы на уровне видов и типов), которые могли быть полезны при изучении истории русского права: вещественные памятники, летописи и хронографы, памятники государственного и юридического быта, памятники письменной и устной словесности, записки и письма современников, сказания иностранцев. Законодательные источники он относил к памятникам государственного и юридического быта. По мнению Н.П. Загоскина, законодательные памятники — «памятники юридического быта в тесном смысле этого понятия»¹. Но из законодательных актов рассматриваемого нами периода автор упоминает лишь Полное собрание законов Российской империи, отмечая его неполноту.

К аналогичному корпусу источников в «Обзоре истории русского права» обращался М.Ф. Владимирский-Буданов. Автор отмечал, что «прежде эта наука именовалась историей законодательства и в соответствии с этим излагала лишь сведения о законодательных памятниках прошлых времен. Теперь же в содержание ее входит изложение не только норм, установленных в законе, но и существовавших помимо закона (в обычном праве)»². И далее: «Источники истории русского права — те же, что и источники самого права, т.е. обычай

¹ Загоскин Н.П. История права русского народа... С. 184–194.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 31.

и закон. Памятниками обычного права являются все памятники русской истории (летописи, записи, акты, отчасти литературные памятники), а равно живое обычное право и юридические пословицы. Памятниками законов служат договоры (международные и внутренние), уставы и указы (отдельные законы) и кодексы»¹. Упомянув отдельные разновидности законодательных актов XVIII–XIX вв., М.Ф. Владимирский-Буданов наряду с большинством других авторов основное внимание уделяет вопросам кодификации.

В целом анализу законодательных памятников, как и других источников, истории права уделяли мало внимания, используя источники прежде всего в выборочно-иллюстративных целях, что особенно заметно при описании истории права XVIII–XIX вв. Историки права, рассматривая законодательство в рамках исторической концепции происхождения права лишь как один из его источников наряду со многими другими, понимали историю права гораздо шире, чем историю законодательства, но лишь в определенном, историко-правовом смысле. За рамками исследования остался огромный массив законодательных актов, преимущественно XVIII–XIX вв.

В трудах по истории права, написанных в советский и постсоветский периоды, анализу источников, в том числе и законодательных, внимания почти не уделялось, в лучшем случае упоминались основные разновидности законодательных актов и давался очерк истории кодификации². В советский период проблемы истории законодательства затрагивались попутно при изучении истории государства и права, а также истории государственных учреждений³.

Итак, историки права, обращаясь к законодательным актам как к одному из источников права (наряду с обычаем, отразившимся преимущественно в нарративных источниках) и в силу этого как к источникам по истории права, использовали законодательство XVIII–XIX вв. лишь в незначительной степени, подходя к его исследованию почти так же, как к исследованию законодательства предшествовавших эпох, т.е. рассматривая отдельные законодательные акты, упоминая в качестве обобщающих категорий лишь некоторые их разновидности и сосредоточиваясь на проблемах кодификации. Однако наблюдения и выводы, сделанные при изучении истории права преимущественно исследователями XIX — начала XX в., весьма ценны и для исследования истории законодательства. Это в первую очередь наблюдения над изменением соотношения обычая и закона как источников права и выводы о его причинах и следствиях, которые позволяют опираться на историко-правовые исследования при характеристике нового этапа в истории российского законодательства.

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 33–34.

² См., например: Исаев И.А. История государства и права России. М., 1993. С. 102–124, 165–177.

³ См., например: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М., 1983; Его же. Место Собственной Е.И.В. канцелярии в государственности первой половины XIX в.: бюрократический централизм и его порождения // Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 137–202.

2.3.2

Закон: попытки определения понятия

Основная сложность при изучении законодательства XVIII–XIX вв. состоит в том, что в историко-правоведческих исследованиях не сформировано понятие «закон» применительно к рассматриваемому периоду. Это, естественно, стало следствием отсутствия четкого определения понятия самим законодателем. Историки права давали самые общие определения понятия «закон». Все исследователи отмечали, что в законодательстве оформляется воля императора. Г.В. Вернадский пишет: «Начиная с Петра Великого единственным источником права делается воля законодателя; это период правотворчества императорских указов...»¹. Более четко определял закон М.Ф. Владимирский-Буданов: «В период империи установилось понятие о законе как о воле государя, правильно объявленной»². На постепенную выработку порядка объявления воли императора обращал внимание и Г.В. Вернадский, который писал: «...сами государи стремились установить незыблемые формы для отправления своей законодательной деятельности». Это проявилось в том, что «определена была неременная форма публикации и регистрации законов — через Сенат» и «постепенно делались попытки установить особую неременную форму для предварительной подготовки или особой прочности юридического бытия группы наиболее существенных законодательных актов»³.

Идеологизированное, но столь же общее определение закона дает Б.М. Кочаков в работе, опубликованной в 1937 г.: «Закон, являясь общеобязательной, созданной государственной властью нормой, есть <...> определенное, в результате классовой борьбы созданное выражение воли господствующего класса, определенное орудие классовой политики государства...»⁴. Работа Б.М. Кочакова интересна тем, что общее положение автор конкретизирует, исходя из характера эволюции центральной власти, с укреплением которой «появляется необходимость в дифференциации правительственных распоряжений», тогда «закон — это уже определенный вид распоряжения, это указ, издаваемый определенным порядком»⁵. Однако в XVIII в., по мнению Б.М. Кочакова, в России не было точного понятия закона — господствовал «царский указ» и существовало стремление, остававшееся на протяжении XVIII в. безуспешным, выделить из всего многообразия указов те,

¹ Вернадский Г.В. Обзор истории права Русского государства XVIII–XIX вв. (период империи). Прага, 1924. С. 7.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 272.

³ Вернадский Г.В. Обзор истории права... С. 33.

⁴ Кочаков Б.М. Русский законодательный документ XIX — начала XX века // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 320.

⁵ Там же. С. 321.

которые по их юридическому действию можно было бы рассматривать как законы. В XIX в. поиск формальных критериев разделения закона и указа продолжался, и шел он главным образом по пути фиксации законодательной процедуры. Формальным признаком закона со времен Петра I оставалась царская подпись, но это правило в XVIII в. нарушалось объявленными указами, а в XIX в. также и законами Государственного совета, одобряемыми словесно.

Таким образом, при различии исходных посылок определения понятия «закон» и М.Ф. Владимирский-Буданов, и Г.В. Вернадский, и Б.М. Кочаков выделяют два критерия: во-первых, наличие подписи императора и, во-вторых, фиксированный порядок принятия, выработавшийся постепенно на протяжении XVIII–XIX вв.

Понятие «закон» и проблему различия закона и указа в XIX в. разрабатывал Н.М. Коркунов. В «Лекциях по общей теории права» он в теоретическом ключе поставил проблему отличия естественно-научных и юридических законов¹. В работе «Указ и закон» Н.М. Коркунов подходил к определению закона, отталкиваясь от исторического развития понятия власти и принципа разделения властей. Исследователь отмечал, что говорить об отличии закона от указа можно лишь в том случае, если исполнительная власть отделена от законодательной. По его мнению, в российском законодательстве «со словом указ не соединяется точно определенного значения. До учреждения министерств указами назывались все вообще акты всех органов власти, обращенные к подчиненным им местам и лицам». Для Н.М. Коркунова указ в XIX в. — научная абстракция, собирательное название для «всех общих правил, установленных в порядке управления»².

Итак, четкого определения понятия «закон» и критериев для отделения закона от прочих распоряжений верховной власти в российской историко-правовой науке выработано не было. По-видимому, это в принципе неразрешимая задача, поскольку теоретически разграничить закон и административное распоряжение можно, когда исполнительная власть отделена от законодательной (и здесь мы вполне согласны с Н.М. Коркуновым), чего в российской истории не было не только в XVIII–XIX вв., в условиях самодержавной империи, но и на протяжении большей части XX в.

Однако при этом необходимо учитывать, что на практике историки часто относят к законодательным актам второй половины XVII — начала XX в. то, что было отобрано в качестве законодательных актов составителями Полного собрания законов Российской империи.

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 9-е изд. СПб., 1909. С. 48–53.

² Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб., 1894.

2.3.3

Изменение соотношения обычая и закона как источников права

Начало нового этапа в истории российского законодательства, а точнее, в истории русского права и законодательства как его источника большинство авторов связывают с изменением соотношения обычая и закона как источников права и относят изменение этого соотношения либо к середине XVII в. (после Соборного уложения 1649 г.), либо к началу XVIII в. (период преобразований Петра I).

Идея приоритета закона как источника права формировалась постепенно. Некоторые признаки ее зарождения можно усмотреть, например, в наказе окольному князю Львову, определенному воеводою в Казань, «Об управлении казенными и земскими делами» от 31 марта 1697 (7205) г., в котором, кроме указания «всякие дела делать по сему Великого Государя указу», содержится наставление впредь руководствоваться приходящими из приказа Казанского дворца грамотами, «которые наказа противны не будут».

В конце 1710-х годов Петр I, по-видимому, считал, что имеющаяся законодательная база, в основе которой по-прежнему лежало Соборное уложение 1649 г., позволяет Сенату решать большинство дел, не обращаясь каждый раз к законодателю. По крайней мере, в именном указе от 22 декабря 1718 г. «О неподаче Государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения на то учрежденных правительственных мест, и о нечинении жалоб на Сенат под смертною казнью» говорится, что Сенат должен обращаться к царю только в том случае, «разве такое спорное новое и многотрудное дело от челобитчиков объявится, котораго по Уложению [выделено мной. — М. Р.] решить самому тому Сенату без доклада и без именнаго от Его Царского Величества указу отнюдь нельзя...». Указ из Юстиц-коллегии «О вершении дел без всякаго замедления и волокиты по Уложению и о выписках из судных дел» от 25 мая 1719 г. числит в составе законодательных актов, на основе которых должны решаться дела, кроме Уложения и новосостоятельные указы (по-прежнему при ведущей роли Уложения). Отметим, что данный указ был издан как мера борьбы с волокитой и ускорения судопроизводства. Он не устанавливал новой нормы, а только подтверждал ранее введенные. Эти же нормы подтверждались указом из Юстиц-коллегии от 15 октября 1719 г. «О решении дел в Московском надворном суде по Уложению и по новосостоятельным указам, а не по сепаратным, и о донесении о делах, которых судьи сами решить не могут, в Государственную Юстиц-коллегию». Указом предписывалось Московскому надворному суду дела управлять по Уложению и «по новосостоятельным Его же Великого Государя указам, которые к пополнению того ж Уложения всенародно напечатаны и повсюду объявлены...».

Основным законодательным актом, утверждавшим приоритет закона как источника права, стал именной указ от 17 апреля 1722 г. (опубликован 27 ян-

варя 1724 г.) «О хранении прав гражданских, о невершении дел против регламентов, о невыписывании в доклад, что уже напечатано, и о имени сего указа во всех судных местах на столе под опасением штрафа». В указе говорится: «Понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже все законы писать, когда их не хранить или ими играть как в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, а отчасти и еще есть, и зело тщатся всякия мины чинить под фортецию правды...». Далее оговорено, что «сим указом яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов и не точию вершить, ниже в доклад вписывать то, что напечатано, не отговариваясь о том ни чем, ниже толкуя инако».

Хотя в нашу задачу не входит реконструкция постепенно складывавшейся новой законотворческой процедуры, отметим, что указ «О хранении прав гражданских...» закрепил основные элементы системы законотворчества: апробацию указа государем, публикацию и инкорпорирование в соответствующий регламент.

Установив приоритет закона как источника права, законодатель этим не ограничился, поскольку еще сохранялись обширнейшие сферы как государственной, так и особенно общественной и частной жизни, которые продолжали регулироваться обычаям из-за пробелов в законодательстве. С 1720-х годов правительство начало прилагать существенные усилия для восполнения этих пробелов. 27 апреля 1722 г. был издан именной указ «О должности генерал-прокурора», а 13 июня того же года — «Инструкция обер-прокурору Святейшего синода», десятыя пункты которых почти дословно совпадают. В именном указе «О должности генерал-прокурора» говорится: «О которых делах указами ясно не изъяснено, о тех предлагать Сенату, чтоб учинили на те дела ясные указы, против указа апреля 17 дня 722 года [имеется в виду указ «О хранении прав гражданских...». — М. Р.], который всегда на столе держится; и как сочинят, доносить Нам и, ежели в пополнение сей инструкции что усмотрит, о том доносить же». То же самое предлагалось делать обер-прокурору Святейшего синода с тем отличием, что он должен «предлагать Синоду», а не Сенату, как генерал-прокурор.

Такой способ восполнения пробелов в законодательстве активизировался в правление Екатерины II. Например, в 11-м пункте манифеста от 15 декабря 1763 г. «О постановлении штатов...» говорится: «Когда же случится, что к решению дел точных указов не будет, о том не реша в департаментах, но иметь общее рассуждение и представлять, куда надлежит, с мнением...». Аналогичное требование содержит и именной, данный генерал-прокурору, указ «О неотступлении сенатской канцелярии от предписанного образа при докладе, о приезде присутствующим в Сенат в установленное время, о неоставлении заседания прежде положенного часа и об основывании определений Сената

по всем делам на законах». В нем говорится, с одной стороны, о необходимости точно соблюдать законы, а с другой стороны, «в случае недостатка в узаконениях, по зрелому уважению государственной пользы, доносить Нашему Императорскому Величеству».

Итак, не вступая в дискуссию о праве законодательной инициативы в России XVIII–XIX вв. и считая справедливой существующую в исторической и историко-правовой науке точку зрения, что право законодательной инициативы принадлежало царю, обратим внимание на то, что в XVIII в., особенно в годы правления Петра I и Екатерины II, должностные лица не только имели право, но были обязаны обращать внимание законодателя на пробелы в законодательстве.

С установлением приоритета закона как источника права связаны и попытки законодателя устранить противоречия в законодательстве. В частности, в именном, данном Сенату указе от 11 декабря 1767 г. «Об оставлении в Малороссии установления Магдебургских прав касательно привода к присяге свидетелей из священнослужителей, в своей силе», разрешающем коллизию между Соборным уложением и Воинским уставом в связи с порядком присяги священнослужителей, содержится ссылка на указ, данный Сенату 3 сентября 1765 г. Этим указом «повелевается, если которая коллегия усмотрит в двух равных делах разные Сената решения, то, не чиня исполнения, докладываться о сей разности Сенату и <...> Императорскому Величеству, а Сенат имеет оныя дела с объяснением своих решений <...> Императорскому Величеству вносить...».

Таким образом, к концу правления Петра I не только законодательно утвердился принцип приоритета закона как источника права, но и был принят ряд мер для восполнения пробелов в законодательстве. Впоследствии такая законотворческая деятельность была продолжена. Среди мер, направленных на создание новой законодательной системы, отметим и малоуспешные попытки кодификации.

В последующие годы самым сложным оказалось внедрить принцип приоритета закона в сознание чиновников. Эту цель, в частности, преследовали несколько законодательных актов, изданных в 1740 г. 9 февраля вышел сенатский указ «О нечинении Камер-конторе по таким делам, на которые имеются точные указы, никаких вымыслов и незаконных волокит». Поводом для издания этого указа послужило рассмотрение конкретного дела виновного подрядчика Воронцова. Камер-контора затребовала сенатский указ о мере наказания этому подрядчику за его «продерзость». Поскольку о виновных откупах и корчемстве существовали указы от 18 июня 1719 (1681) г., 28 января 1716 г., 6 мая 1736 г., на которые, кстати, в своем запросе ссылается и сама Камер-контора. Сенат указывает, что Камер-конторе «надлежало бы, не докладывая и не утруждая Правительствующий сенат, по вышеозначенным указам, а особливо по Именному Ея Императорского Величества 1736 года указу, точное решение

чинить...». Более того, в указе подчеркивается, что если Камер-контора, несмотря на ранее данное указание Сената, не приняла решение в соответствии с известными ей указами, а обратилась с требованием указа в Камер-коллегию, то «явная и незаконная волокита» чинилась «знатно для некоторой страсти или лакомства». И в конце сенатского указа содержится требование не только как можно скорее в соответствии с имеющимися указами решить дело подрядчика Воронцова, но и «впредь той конторе в таких делах, на которыхя имеются точные указы (как и на сие дело), отнюдь никаких вымыслов не употреблять и незаконных волокит к разорению не чинить под опасением тяжкого штрафа».

Правительство не ограничилось разъяснением только конкретного дела. Во время регентства Бирона, 23 октября 1740 г., был издан манифест «О поступании в управлении всяких государственных дел по регламентам, уставам и прочим определениям и учреждениям». Этим манифестом провозглашалась необходимость «во управлении всяких государственных дел поступать по регламентам и уставам и прочим определениям и учреждениям от блаженныя и вечnodостойныя памяти Государя Императора Петра Великого, и по нем во время Ея Императорскаго Величества блаженныя ж и вечnodостойныя памяти благополучнаго государствования учиненным без всяких отмен». Манифестом подтверждается устав от 6 октября 1740 г., а также «все <...> прежние в народ публикованные указы и манифесты о правосудии».

Но Бирон правил недолго. 11 ноября 1740 г., сразу же после смены правления, издается именной указ «О поступании при управлении государственных дел по регламентам и уставам и прочим учреждениям», содержащий ссылку на указ от 23 октября. В нем утверждается намерение новой власти «все <...> прежние указы <...> еще вновь наикрепчайше подтвердить» и, как и в манифесте от 23 октября, содержится повеление «всем находящимся при Управлении государственных дел, как вышняго, так и нижняго, какого б кто чина и достоинства ни были, каждому по своему месту и званию поступать по регламентам и уставам и прочим определениям и учреждениям от Предка нашего, блаженныя и вечnodостойныя памяти Государя Императора Петра Великого, и по Нем во время Ея Императорскаго Величества, блаженныя ж и вечnodостойныя памяти, Вселюбезнейшей Нашей Государыни благополучнаго Государствования учиненныя, и по вышеобъявленному Нашему, вновь выданному от 9 сего ноября Уставу, без всяких отмен».

Отметим, что, хотя попытки провести кодификацию в первые десятилетия XVIII в. не увенчались успехом, а значит, Соборное уложение 1649 г. оставалось действующим кодексом, в упомянутых законодательных актах именно указы Петра I рассматриваются в качестве основы действующей законодательной системы.

Внимания достоин и тот факт, что именно при быстрой смене временных правителей Российской империи в условиях крайней нестабильности верхов-

ной власти один за другим издавались законодательные акты, подтверждавшие необходимость руководствоваться ранее принятыми законодательными нормами. В этом, несомненно, проявилась стабилизирующая роль законодательства при смене правлений.

При Екатерине II усилия власти заставить чиновников руководствоваться имеющимся законодательством были продолжены. В 11-м пункте уже упоминавшегося манифеста от 15 декабря 1763 г. «О постановлении штатов...», кроме предложения «иметь рассуждение» о случаях, по которым нет соответствующих указов, содержится и еще одно требование: «...на что точные указы есть, о том отнюдь общаго собрания департаментов не иметь, дабы напраснаго предложения чрез то в делах по проискам каким-либо не происходило, но решить дела в департаментах».

Но самый яркий пример усилий заставить чиновников руководствоваться существующими законами, а не требовать указа верховной власти по каждому конкретному делу, содержит высочайшая резолюция на доклад генерал-прокурора «Об окончании Сенату дел, на которыя существуют ясные законы, не делая по оным особых докладов Ея Императорскому Величеству». В своем докладе генерал-прокурор просил императрицу издать указ в связи с тем, что при рассмотрении четырех апелляционных челобитных на гетманские решения Сенат не смог прийти к единому мнению. Ответ Екатерины II на эту просьбу таков: «Малороссийские права ясны, определение сенатское 24 сентября 1767 года еще яснее, Мой указ 1768 года 21 марта весьма же не темен, и Мое о сей материи мнение довольно известно Сенату; соглашать же спорящих по законам есть дело генерал-прокурора. И так Я, потеряв целое утро, которого каждая минута для Меня дорога, на такое дело, кое и без Меня *по законам* [выделено мной. — М. Р.] решить можно было, отсылая оное обратно, дабы Сенат окончал оное по вышеписанному без Меня же».

Постепенно от пожеланий должностным лицам указывать на пробелы в законодательстве через утверждение о необходимости руководствоваться при решении дел имеющимися законами законодатель переходит к требованию строгого соблюдения имеющихся законов. Такие требования содержатся в «Уставе благочиния, или полицейском», принятом 8 апреля 1782 г. Статья 46 «Устава...» гласит: «Управа благочиния имеет почесть противностию закона, буде кто не выполняет слова закона, и нарушением закона, буде кто тонкостью или хитростью избывает силы закона». В 56-й статье говорится: «Управа благочиния не дозволяет вчинять новизну в том, на что узаконение есть; всякую же новизну, узаконению противную, пресекает в самом начале». Запрет «вчинять новизну, узаконению противную» содержится и в статье 194 «Устава...», а статьей 236 из раздела «Взыскания» предусматривается за «узаконению противную новизну» отсылать в суд и наказывать «по мере вины или преступления».

В «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» от 21 апреля 1785 г. указывается: «Собранию дворянства запрещается делать положения, противные законам, или требованию в нарушение узаконений под опасением за первый случай (т.е. за положения противные законам) наложения и взыскания с собрания пени 200 рублей; а за второй случай (т.е. за требования в нарушении узаконений) уничтожения недельных требований...» (статья 49). Почти дословно с 49-й статьей «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» совпадает 37-я статья изданной одновременно с ней «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи».

В связи с утверждением приоритета закона к концу века законодатель формулирует и новое требование — точности, буквальности воспроизведения законов и цитат из законодательных актов. В именном, данном генерал-прокурору указе от 7 апреля 1788 г. «О неотступлении сенатской канцелярии от предписанного образа при докладе...» подчеркивается, что присутствующие должны «основывать свои определения везде и во всех делах на изданных законах и предписанных правилах, не переменяя ни единой литеры не доложася Нам». А в начале XIX в., уже при Александре I, был издан именной, объявленный министром юстиции указ «Об означении при выписывании по делам законов точных слов оных без сокращения и малейшей перемены». Издание этого законодательного акта связано с казусом — разбором жалобы графини Потоцкой, когда было усмотрено, что неверное решение основано на частичном использовании цитаты из законодательного акта. В связи с этим император повелел, чтобы Правительствующий сенат «подтвердил повсеместно, чтобы при выписывании по делам законов означаемы были точные слова оных без сокращения и малейшей перемены, изменяющей часто самый смысл».

Таким образом, к началу XIX в. окончательно утвердился приоритет закона как источника права. С этим связано стремление к восполнению пробелов в законодательстве, требование соблюдения законов и точности их воспроизведения при решении конкретных дел.

Изменение соотношения обычая и закона как источников права, утверждение приоритета закона — это основной, системообразующий признак, позволяющий говорить о начале нового этапа в истории российского законодательства. Он хорошо укладывается в принятое нами в качестве исследовательской гипотезы объяснение системы источников Нового времени. Закон, в отличие от обычая, не только, а часто и не столько фиксирует сложившееся положение дел, сколько моделирует будущую ситуацию. Приоритет закона складывается тогда, когда в обществе, и в частности у законодателя, появляется представление о социальной изменчивости в ходе исторического развития и зарождается мысль о возможности влияния на этот процесс.

2.3.4

Расхождение государственного и частного права

Наряду с вышерассмотренным подходом, в котором единодушны не только по сути, но зачастую и по форме выражения мысли многие авторы, существуют и другие подходы к периодизации истории русского права, также приводящие к обособлению рассматриваемого периода. В частности, М.Ф. Владимирский-Буданов, который, как и другие авторы, отмечал утверждение приоритета закона начиная с XVIII в., давал общую периодизацию развития права, исходя из соотношения права государственного и частного. Он выделял три периода истории русского права: 1) «период земский (или княжеский) IX–XIII вв.»; 2) «период московский (правильнее — двух государств Московского и Литовского) XIV–XVI вв.»; 3) «период империи XVIII–XIX вв.»¹ Отмечая, что в первом периоде господствует обычай, во втором — обычай и закон в равной мере, а в третьем — закон, М.Ф. Владимирский-Буданов утверждал, что в первом периоде «начало государственное и частное слиты, как равносильные», во втором периоде «право государственное и частное постепенно обособляются, но прежнее смешение их обнаруживается в том, что в Московском государстве государственное право строится по типу частному», а в третьем периоде «государственное право стремится к полному очищению от примеси частно-правовых начал». Этот критерий начала нового этапа в истории законодательства (хотя, точнее, в истории права) также хорошо соотносится с принятой нами объясняющей гипотезой. Расхождение государственного и частного права свидетельствует о формировании не только государственного права периода империи, но и частного права Нового времени, что вполне соответствует складыванию взаимоотношений между личностью и государством в процессе эмансипации личности при переходе от Средневековья к Новому времени.

2.3.5

Утверждение принципа

«Незнание закона не освобождает от ответственности»

Утверждение приоритета закона приводит к постепенному установлению общего для законодательства Нового времени принципа «Незнание закона не освобождает от ответственности». Заметим, что этот принцип известен со времен римского права и зафиксирован в «Законах XII таблиц» (середина V в. до н.э.). Но не стоит рассматривать утверждение этого принципа в российском законодательстве в XVIII в. как рецепцию римского права, поскольку его появление связано с изменением соотношения обычая и закона как источников права и, в свою очередь, обуславливало развитие системы публикации законодательных актов.

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 33.

Формула «дабы неведением никто не отговаривался» встречается уже в Уставе воинском, утвержденном 30 марта 1716 г. Петр I, обосновывая необходимость предпринятого им труда, в преамбуле к уставу замечает: «...за благо изобрели ино книгу Воинский Устав учинить, дабы всякой чин знал свою должность, и обязан был своим званием, и *неведением не отговаривался* [выделено мной. — М. Р.]». И в именном, данном Сенату указе «О рассылке книг Воинского устава по корпусам войск, по губерниям и канцеляриям и о принятии его в основание, как по делам воинским, так и земским» присутствует эта формула, приводимая в обоснование необходимости тиражирования устава. (Вообще эта формула очень часто сопровождала указание на порядок публикации того или иного законодательного акта.)

Специально утверждению данного принципа посвящен именной, объявленный из Канцелярии полицеймейстерских дел указ «О наказании за преступления против опубликованных указов» от 9 февраля 1720 г. Начинается он формулой «Великий Государь указал объявить всенародно». Такое начало в XVIII в. становилось обычным для тех указов, которые действительно должны были быть доведены до каждого подданного и в которых по этой причине более тщательно описывался порядок их публикации. Например, с такой формулы начинается именной указ «О мерах для искоренения воров и разбойников, о доносе об оных местному начальству под опасением за укрывательство тяжкого наказания» от 7 сентября 1744 г.

В указе «О наказании за преступления против опубликованных указов» говорится: «В минувших годах, которые Его Величества указы о разных делах опубликованы, и впредь публиковаться будут в народ, чтоб по оным исполнение чинили, как в тех указах предложено будет». Возможность исполнения указов жестко обуславливается их публикацией. Далее указом объявляется, что «кто в какое преступление впадет противу опубликованным указам, а другой, ведая те указы, но смотря на других, то же станет делать или, ведая, не известит, тот будет без пощады казнен или наказан так, как в тех опубликованных указах за преступление объявлено, не ставя то ему во оправдание, что смотря на другого чинил, чего ради надлежит всякому поступать по указам и хранить оные, и *чтоб впредь никто неведением не отговаривался* [выделено мной. — М. Р.]».

В целом же указанная формула так прочно вошла в систему публикации законодательных актов (подробно она описывается ниже), которая в рассматриваемый период регламентировалась наиболее тщательно, что мы не найдем отдельного упоминания этого принципа в законодательстве — пожалуй, за единственным исключением. 14 декабря 1819 г. был издан Таможенный устав по европейской торговле, параграф 446 третьей главы которого гласит: «Неведением закона никто, российский подданный, ни иностранный, оправдываться не может». Присутствие этой формулы в Таможенном уставе, по-видимому, рассчитано в большей мере на иностранцев, чем на российских подданных, которые к ней уже успели привыкнуть.

Законодатель устанавливал особую ответственность государственных служащих за незнание законов. Именным указом от 22 января 1724 г. «О важности государственных уставов и о неотговорке судьям неведением законов по производимым делам под опасением штрафа» предусматривались достаточно суровые меры наказания за незнание законов¹. Но этим же указом устанавливался и весьма разумный порядок ознакомления с законодательством государственных служащих, который рассматривается далее в связи с вопросом о публикации законодательных актов.

* * *

В рамках заявленного нами подхода утверждение принципа «Незнание закона не освобождает от ответственности» заслуживает особого внимания. Как уже отмечалось, российское законодательство Нового времени, в отличие от западноевропейского и североамериканского, не знало фиксации прав личности, но введением указанной нормы законодатель фактически признавал существование личности — если не через утверждение ее прав, то по крайней мере через признание ее ответственности, и в этом проявлялись новые взаимоотношения личности и государства, характерные для Нового времени.

2.3.6

Складывание системы публикации законодательных актов

Связь возникновения и развития публикации законодательных актов с системообразующим фактором — изменением соотношения закона и обычая как источников права — вполне очевидна. Справедливо замечание на этот счет М.Ф. Владимирского-Буданова: «Меры публикации усиливаются по степени удаленности от народного сознания о праве...»². Действительно, пока основным источником права был обычай, вряд ли требовались специальные меры для ознакомления подданных с указами.

Публикация законодательного акта как необходимый элемент законодательной процедуры

Порядок публикации вновь принимаемых законодательных актов был установлен именным, объявленным из Сената указом от 16 марта 1714 г. «О обнародовании всех именных указов и сенатских приговоров по государ-

¹ Заметим, что на установление принципа «Незнание закона не освобождает от ответственности» обращает внимание и М.Ф. Владимирский-Буданов, который ошибочно связывает его оформление с указом от 22 января 1722 г., в то время как здесь речь должна идти об указе от 22 января 1724 г., опубликованном, как и указ «О хранении прав гражданских...», 27 января 1724 г. Но в российском законодательстве рассматриваемый принцип, во-первых, утвердился раньше, чем полагал М.Ф. Владимирский-Буданов, а во-вторых, он имел всеобщий характер и *de jure* действовал по отношению ко всему населению.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 272.

ственным генеральным делам». Этим указом не только предусматривалась рассылка указов «в губернии к губернаторам и в приказы к судьям», но и говорилось, что «для всенародного объявления велеть в типографии печатать и продавать всем, дабы были о том сведомы». В Уставе воинском Петра I назывались и другие формы публикации законодательных актов. В 35-м артикуле говорится: «Все указы, которые или в лагерях или в крепостях при трубах, барабанах или при пароле объявятся, имеет каждый необходимо исполнять». Сам же Устав воинский предусматривалось напечатать в количестве тысячи экземпляров, из которых 300 или более на «словенском и немецком языках для иноземцев».

Кстати, в уже упоминавшемся указе из Юстиц-коллегии от 15 октября 1719 г. «О решении дел в Московском надворном суде по Уложению и по новосостоятельным указам, а не по сепаратным, и о донесении о делах, которых судьи сами решить не могут, в государственную Юстиц-коллегию» подчеркивается, что Московский надворный суд в пополнение Уложения должен руководствоваться указами, которые «*всенародно напечатаны и повсюду объявлены* [выделено мной. — М. Р.]».

Принципиально важным указом от 17 апреля 1722 г. «О хранении прав гражданских...» также закреплялась публикация законодательных актов в качестве необходимого элемента законотворческой процедуры.

Говорилось и о повторной публикации законодательного акта в случае внесения в него исправлений. Например, 22 февраля 1723 г. Петр I издал именной, данный Сенату указ «О перепечатании Табели о рангах по случаю определения вновь классов для генерал-фискала, обер-фискала государственного, обер-фискалов и фискалов». В этом указе, кроме требования перепечатать Табель о рангах в связи с некоторыми изменениями в ней, устанавливалась и общая норма: «Таковым же образом все указы надлежит в народ публиковать, ежели которые для какой нужды исправлены будут».

Законодательный акт публиковали и тогда, когда в него вносились дополнения. Например, 2 июня 1758 г. был издан сенатский указ «О публикации во всенародное известие указов, выдаваемых в пополнение инструкции о размежевании земель». Следует подчеркнуть, что речь шла не просто о публикации указов, изданных в дополнение к инструкции, — они должны были быть приобщены к ней.

К началу 1720-х годов практика публикации актов верховной власти утвердилась настолько, что правительство даже приняло определенные контрмеры, о чем свидетельствует сенатский указ от 5 июля 1721 г. «О присылке в Сенат для апробации из коллегий и канцелярий с состоявшихся указов копий; о непечатании и непубликовании коллегиям и канцеляриям своих приговоров и именных указов без доклада Сенату». Констатируя, что коллегии и канцелярии свои приговоры без апробации Сената «для исполнения и в народ публикования в печать предают», Сенат приговорил: «...ежели когда

в коллегиях и канцеляриях какой Его Царского Величества именной указ записан будет, такие для каких ни есть причин по благоизобретению, или партикулярно приговором определится о таких делах, которые во установлении вновь какого дела, или действительную силу имеют в пополонку к регламентам и Уложению и уставам или к коллежским и прочим инструкциям и указам, утвержденным в Сенате, и вновь о сборах, и по таким состоявшимся в тех коллегиях и канцеляриях указам никаких во всенародное опубликование указов не печатать и в губернии и провинции не посылать, а вносить оные для апробации в Сенат, где подпискою всего Сената утверждено и в книгу записано подлинно, и потом печатать и публиковать и исполнять по силе тех указов определено будет, а без того таковых отнюдь в действо не производить...». Таким образом, устанавливается роль Сената как регистратора и публикатора законодательных актов.

Порядок публикации законодательных актов

Как уже отмечалось, указ от 16 марта 1714 г. «Об обнародовании всех именных указов...» предусматривал печатание законодательных актов типографским способом, а Устав воинский признавал и другую форму публикации — публичное чтение. Такой же порядок публикации был предусмотрен в «Инструкции, или Наказе, воеводам», утвержденной в январе 1719 г.: «И понеже простые люди в опубликованных указах и уставах, паче же в смертных делах, не весьма все известны, для того воеводе велеть такие уставы и указы по знатым праздникам прихожанам в церквах трижды в году прочитать против указного регламента...».

Упомянувшимся ранее указом от 17 апреля 1722 г. «О хранении прав гражданских...» не только закреплялась публикация законодательных актов в качестве необходимого элемента законодательной процедуры, но и описывался еще один ее вариант: «...по данному образцу в Сенате доски с подножием, на которую оной печатной указ наклеить и всегда во всех местах, начав от Сенату даже до последних судных мест, иметь на столе яко зеркало пред очми судящих. А где такого указа на столе не будет, то за всякую ту преступку сто рублей штрафу в гошпиталь».

Но во всех этих случаях печатание законодательных актов могло быть способом публикации или начальным ее этапом. О необходимости печатать законодательные акты говорилось в именном, объявленном из Сената, указе от 10 февраля 1720 г. «О посылке по губерниям, о сборах печатных, а не письменных указов и о наказании за излишние поборы». Этим указом устанавливался следующий порядок публикации законодательных актов о сборах денег: «...в губернии и в провинции письменных указов не посылать, как прежде сего бывало, а посылать печатные, которые как в городах, так и в уездах в народ публиковать, и по селам разсылать, и отдавать попам; а им в церквах оные указы по вся праздники и воскресные дни для ведома прихожанам чи-

тать, чтоб всяк <...> подлинно был сведом». Причем за нарушение этого требования законодателя предусматривалась весьма суровая кара, такая же, как за взимание излишних поборов, — «смертная казнь или вечная ссылка на галеру с наказанием и вырезанием ноздрей и лишением всего имения». Кроме того, законодатель требовал «о тех казнях в указах печатных именно печатать, что так будут наказаны, дабы неведением не отговаривались».

Приведем несколько наиболее ярких примеров описания порядка публикации. О практике публикации дает представление, например, именной, состоявшийся в Сенате указ от 19 февраля 1721 г. «О возвращении на прежняя места беглых крестьян и бобылей», в 13-м пункте которого говорится: «Сей Его Царского Величества указ во всех городах и уездах в дворцовых, патриарших и церковных и в вотчинных селах и деревнях всякого чина людям объявить и выставить о том при всех церквах и во всех знатных местах по торжкам и ярмаркам печатные листы, чтоб сей Его Царского Величества указ всем был ведом, и священникам по вся воскресные дни и господские праздники после литургии для ведома прихожан читать, и, кто при том слушании будет, впредь для ведома записывать, чтоб никто неведением не отговаривался».

Именной указ от 11 мая 1744 г. «О запрещении ввозить и о невывозе за границу золотых и серебряных денег, слитков и посуды...» заканчивается словами: «И сей указ, как в городах, так и в селах, во всех церквах для всенародного известия в воскресные дни и господские праздники читать почасту и прибить при церковных дворах и при городских воротах и при публичных и при торжках, где пристойно, дабы о том был всяк сведом».

В ранее упоминавшемся именном указе от 7 сентября 1744 г. «О мерах для искоренения воров и разбойников...» содержалось требование: «...сей указ в городах и на ярмонках в торговые дни во всенародное известие при барабанном бое, а в церквах священникам в воскресные и праздничные дни по окончании божественные службы во всенародной при том слух, в страх другим, читать неотменно».

Но наиболее любопытна, на наш взгляд, форма публикации, предусмотренная именованием указом от 21 мая 1733 г. «О нечинении обид и притеснений ясажным людям, живущим в Якутском ведомстве и в Камчатке». Этот указ был обращен к «всякого народа и звания, домами и юртами живущим и кочующим», что и обусловило специфику его публикации: «И сей Наш Всемилоостивейший указ, как в Якутске и Охотске, так и во всех острогах и зимовьях и волостях, вкопав столбы и накрыв малою кровлею, прибить и хранить, чтоб всегда всем был известен, а князьям или старшинам каждого народа раздать, и сверх того при платеже ясачным толмачам перетолмачивать всем в слух на их языке...».

Особого внимания заслуживает форма публикации, о которой говорится, например, в именном, объявленном из Сената указе «О продолжении курса

мелких серебряных денег на два года, о приеме оных в казну во всякие подати и о переделе в крупную монету...» от 23 мая 1744 г.: «...дабы о том всякого чина люди ведали, публиковать во всенародное известие печатными указами».

В некоторых законодательных актах уточнялись отдельные аспекты порядка публикации. Например, сенатский указ от 18 сентября 1732 г. «О публикации указов в уездах из штабных дворов» возлагал эти обязанности на штабные дворы, а не на воеводские канцелярии, чтобы «для одного дела не было двойных посылок». Иногда описание порядка публикации законодательных актов сопровождалось указанием на их последующую продажу.

Итак, основными формами публикации законодательных актов были чтение в церквях после службы, оглашение в торговых местах, вывешивание отдельными печатными листами. В ряде случаев указывалось лишь, что законодательный акт должен быть напечатан. Рассмотрим регламентацию каждого из этих способов публикации.

Чтение указов в церквях. Чтение в церквях обеспечивало ознакомление с законодательством наибольшего количества подданных. Такая форма публикации была весьма распространенной, хотя ее становление проходило также постепенно. Ведь для чтения указов в церквях следовало иметь достаточное количество отпечатанных экземпляров.

16 октября 1744 г. издается сенатский указ «О посылке из Сената в Синод печатных экземпляров тех указов, которые должны быть читаны по церквам для всенародного известия». Его изданию предшествовало ведение из Святейшего синода, в котором сообщалось, что «для чтения в церквях во всенародное известие печатных указов» было прислано 50 экземпляров указа от 30 мая 1744 г. о невывозе медных пятикопеечников, денежек и полушек из-за границы в Россию и тысяча экземпляров указа от 12 сентября об искоренении воров и разбойников, а что касается указов «только для одного ведома, а не для чтения в церквях», то их доставляли «по самому малому числу, что в разсылку в епархии и в ставропигиальные лавры и знатные монастыри и по одному указу на некоторые не достает». Святейший синод сообщает, что «во Всероссийской империи в епархиях и в ставропигиальных лаврах и прочих монастырях соборных, приходских и ружных церквей всего имеется 18 688», и требует, чтобы указы присылали по их числу. Сенат принял решение: «...впредь ежели каковые указы для чтения в церквях воспоследуют, оных в Святейший синод сообщать по тому церквей числу, а кои не для в церквях чтения, но для ведения, тех по пятидесяти».

Снова к этому вопросу законодатель обратился в 1772 г. 17 февраля издается сенатский указ «Об отсылке из Сената в Синод следующих к чтению в церквях манифестов и указов», подтверждающий закрепленное в указе от 16 октября 1744 г. решение: «...как манифесты и указы, кои подлежатны были к чтению в церквях, посылаемы были и прежде в Святейший синод по числу церквей прямо из Сената, то и ныне таковые манифесты, указы или

объявлении, следующие к чтению в цервах, из Сената в Святейший синод посылать».

Публикация печатными листами. Такая форма публикации была, по-видимому, достаточно распространена. Уже Устав воинский Петра I предусматривал даже наказание за порчу или повреждение таких листов с указами. В 203-м артикуле говорится: «Ежели кто явно прибитые указы повеления нарочно и нагло раздерет, отбросит или вычернит, оный посланием на каторгу с жестоким наказанием или смертью, а ожели небрежением каким, то денежным штрафом, тюрьмою, шпицрутеном и прочим по великости преступления наказан быть имеет». Точно такая же норма содержалась и в параграфе 138 Устава морского 1720 г.

Начиная со второй половины XVIII в. печатной форме публикации отдается предпочтение. В сенатском указе от 13 августа 1758 г. «О посылке указов печатных, а не письменных, об усмирении крестьян и о приписке их для работ к заводам, и о предписании посылаемым для сего командирам, чтоб они, не чиня никаких самопроизвольных наказаний и притеснений крестьянам, немедленно доносили, когда исполнению порученной им комиссии что-либо препятствовать будет» содержится ссылка на утверждение генерал-фельдцейхмейстера сенатора графа П.И. Шувалова, что «недоверенность поселян о посылаемых к ним не токмо из государственных коллегий, но из самага Сената письменных указах о послушании помещикам или о наряде к казенным работам бедственные случаи производит». П.И. Шувалов приводил два примера неповиновения крестьян письменным указам и предлагал: «...а дело по себе сколь великой есть важности, столь малого учреждения, т.е. вместо письменнаго указу печатнаго указа <...> требует». В результате Сенат решил по делам такого рода посылать только печатные указы.

А указ от 17 марта 1764 г. «О признании публикуемых указов действительными, когда они будут печатные» вводил обязательность печатной формы распространения всех законодательных актов. В нем подтверждался сложившийся порядок публикации законодательных актов «печатными на публичных местах прибиваемыми и в Церквах прочитываемыми листами». Издание этого указа, хотя и отражало уже наметившуюся тенденцию, было, по-видимому, вызвано распространением после прихода к власти Екатерины II подложных указов. Это предположение подтверждается и тем, что в сенатском указе от 19 октября 1773 г. «О имении веры по делам, касающимся до общенародного сведения и до государственных во всей империи узаконений, одним только печатным указам» содержится ссылка на указ 1764 г. и говорится о причинах его издания: «...в разных случаях примечено, что простой народ по уездам, а особливо ныне с некоторого времени по монастырским волостям не редко обманываем бывал списками ложных от имени Ея Императорскаго Величества и от Сената указов, каковые вымышляются и составляются единственно от злых людей для приведения онаго в неизвестность и смущение».

Примечательно, что особо упоминаются монастырские волости: это связано с волнениями монастырских крестьян в начале правления Екатерины II из-за надежд, порожденных секуляризаторскими проектами Петра III. В целях борьбы с такими подложными указами императрица повелела Сенату «обнародовать обыкновенным образом печатными, на публичных местах прибываемыми и в церквах прочитываемыми листами во всех провинциях империи Ея Императорскаго Величества, что отныне никакие указы и манифесты для всенародного сведения и исполнения от имени Ея Императорскаго Величества собственно или от Сената издаваемые не должны быть признаваемы действительные, кроме печатных».

Вновь к этому вопросу законодатель обратился в 1773 г., в период восстания под предводительством Пугачева. Указ от 19 октября 1773 г. начинается формулой «объявляется всенародно», свойственной актам, которые предназначались для широкой публикации. Любопытно, что причины, обусловившие необходимость издания указа от 19 октября 1773 г., прямо противоположны причинам, породившим вышеупомянутый указ от 13 августа 1758 г.: если первый был вызван недоверием крестьян к письменным указам, то в указе 1773 г. содержится ссылка на указ от 14 марта 1764 г. и говорится о том, что крестьяне проявляют излишнюю доверчивость к подложным указам.

Деятельность типографии при Правительствующем сенате

Постепенно печатание законодательных актов сосредоточилось исключительно в типографии при Правительствующем сенате. Отстаивая монопольное право своей типографии на печатание указов, Сенат приводил разные аргументы. 18 ноября 1737 г. был издан сенатский указ «О печатании в сенатской типографии по требованию присутственных мест публичных указов, форм книгам, ведомостям и рапортам, с платежом за каждый печатный лист по 2 копейки». Типография была заинтересована в расширении своей деятельности, поскольку жалованье служащим выплачивалось из собираемых за печатание указов денег. Указом от 18 ноября 1737 г. Сенат предлагал коллегиям и канцеляриям присылать в сенатскую типографию предназначенные для тиражирования не только указы, но и формуляры делопроизводственных документов (книги, ведомости, рапорты) с тем, чтобы избежать двойной и тройной работы при переписывании документов в канцеляриях.

Содержание сенатской типографии за счет средств, вырученных при продаже опубликованных указов, подтверждалось и резолюцией кабинет-министров на сообщение Сената «О печатании в сенатской типографии указов с 1723 года и о содержании оной из денег, вырученных продажей тех указов» от 11 марта 1738 г. По-видимому, коммерческая деятельность сенатской типографии была весьма успешной, так как в своем сообщении Сенат отмечал, что собираемая типографией сумма «временем бывает праздна».

Когда в 1738 г. академия наук предложила объединить сенатскую типографию с академической, Сенат обосновывал необходимость существования собственной типографии следующим образом: «...при Сенате для всегдашняго печатания и скорейшаго отправления публичных и по многим нарядам указов обойтись никак невозможно...». Надо заметить, что к этому времени в сенатской типографии печаталось преимущественно текущее законодательство.

10 мая 1773 г. был издан сенатский указ «О печатании указных книг в одной только сенатской типографии», порожденный новой коллизией между сенатской и академической типографиями. Сенат в очередной раз со ссылкой на именной указ от 11 августа 1764 г. требовал: «...в присутственные места подтверждать, чтобы всякие в печать издаваемые на российском языке экземпляры, касающиеся до законов, для напечатания в академию не отсылали, а присылали бы в учрежденную единственно для того при Сенате типографию». И особо отметим приводимое Сенатом обоснование необходимости печатать узаконения именно в сенатской типографии: «...ибо когда бы случилась при печатании узаконений какая погрешность, то за оную академию ответственность не может; для чего и академии дать знать, дабы она отныне впредь отнюдь как указных книг, так и прочего касающегося до законов не печатала ни вновь, ни вторым тиснением, ибо оно предоставляется сенатской типографии».

Ретроспективная публикация законодательных актов

Кроме текущей публикации в XVIII в. складывалась и ретроспективная публикация законодательных актов, не утративших своей силы. В первую очередь публиковались акты кодифицирующего характера, и среди них Соборное уложение. В начале 1735 г. академия наук обратилась с докладом на высочайшее имя с просьбой разрешить перепечатать для продажи книги указов, аргументируя это тем, что «многие находятся, которые для знания желают прежде печатанных в бывшей Санкт-Петербургской типографии прошлых лет от 1714 по 1725 год опубликованным указам книжек, а оныя уже давно в народ изошли и при Санкт-Петербурге в продаже не находятся». Одновременно был подан доклад и о «напечатании вновь прежняго Уложения для всенародного употребления». В этом докладе необходимость новой публикации Уложения объясняется тем, что «многие находятся, которые в Уложении нужду имеют, а онаго нигде ни за какие деньги получить не могут». Эта просьба академии наук была высочайше поддержана.

Проявленную в 1735 г. академией наук инициативу в 1736 г. поддержал Сенат. 18 марта 1736 г. вышел сенатский указ «О немедленном напечатании с 1714 года по 1722 год указов для продажи и о изготовлении собранных указов с 1722 года для разсылки во все судебные места в губернии и в провинции». В указе сообщается, что предусмотренная докладом академии наук публикация законодательных актов с 1714 по 1722 г. осуществлена и изданные книги «во все судебные места разосланы и в продажу употреблены». При

этом говорилось, что «с того 1722 года таких указов многих лет не собрано и не напечатано». Но поскольку «в том общая всем нужда, а особливо судьям, по чему они поступать должны...», Сенат дал распоряжение академии наук разобрать и напечатать указы с 1722 г. и «для рассылки во все судебныя места и в губернии и провинции, сколько потребно, внести в Сенат, а оставшие за отсылкою для всенароднаго известия употребить в продажу».

Вновь к этому вопросу законодатель вернулся в начале 1738 г. В марте Сенат сообщил кабинету министров о выполнении принятых в 1735 и 1736 г. решений: «...с 1714 по 1722 год, прежде напечатанныя книги в 735 году в марте месяце, да из собранных вновь один 1722 год, в 1737 году февраля 25 дня в академию отосланы, из которых минувшего февраля 22 дня внесено в Сенат токмо одна книга указом 722 года, а о прочих объявлено, что печатается». И в этой же своей записке Сенат просил сосредоточить в его типографии публикацию текущего законодательства, а ретроспективную публикацию оставить при академии наук. Кабинет министров согласился с просьбой Сената, но указал в своей резолюции на сообщение Сената от 11 марта 1738 г., что «надлежит Правительствующему сенату с оною академиею о печатании означенных указов сношение иметь и по общему согласию определение учинить, чтоб оные немедленно были напечатаны и во все судебныя места разосланы и в продажу употреблены, ибо оные для разсуждения происходящих судебныхных и других дел весьма потребны». И в тот же день последовал указ из кабинета Ея Величества «О скорейшем напечатании в академической типографии указов с 1722 года». В этом указе уточнялось, что если академическая типография не справится с поставленной задачей, то следует печатать указы с 1722 г. при Сенате.

Коллизия между сенатской и академической типографиями была разрешена сенатским указом от 6 мая 1738 г. «О печатании указных книг с 714 по 722 год в академической, а с 723 года в оной же и в сенатской типографиях». В этом указе в очередной раз подчеркивалась необходимость скорейшего разбора и публикации указов за предшествующие годы и отмечалось, что указные книги с 1723 г. должны печататься в академической и сенатской типографиях «одинакою формою и на одинакой же бумаге равными литерами, чтоб в одной против другой отмены не было...».

12 июня 1761 г. последовал сенатский указ «О печатании указов, ежегодно издаваемых, особыми книгами», которым предписывалось «случающиеся впредь публичные и прочие указы <...> для лучшаго собирания и содержания в книги, по прошествии каждого года печатать так, как и прочия указныя книги напечатаны». Однако из этого не следует, что уже были напечатаны указные книги до 1761 г. Развернувшаяся с середины 1730-х годов ретроспективная публикация законодательных актов продвигалась очень медленно, о чем свидетельствует сенатский указ от 14 февраля 1763 г. «О собирании экспедиции сочинения Уложения подлежащих к вечности узаконений и об отсылке

онных в Московский университет и в канцелярию академии наук для напечатания указных книг», в котором говорится, что «с 1714, 725 года генваря по 28 число, а с того числа по 730 год подлежащие к вечности и для всенародного известия указы собраны и в двух книгах напечатаны; а с того времени и поныне таких указов не собрано и в печать не выдано». Ускорить дело, составив реестр указов, «состоявшихся в вечное узаконение и для всенародного известия» и сняв с них копии, поручалось экспедиции при сочинении Уложения. Затем эти копии следовало отослать в Московский университет и в канцелярию академии наук в Санкт-Петербурге, где их должны были напечатать и «по указной цене употреблять в продажу в народ».

18 сентября 1763 г. был издан сенатский указ «Об отдаче из комиссии сочинения нового Уложения разнообразных по материям указов для напечатания в сенатской типографии», который свидетельствует о небольшой эффективности мер, предусмотренных указом от 14 февраля. Сенат констатировал, что «многие состоявшиеся донныне по разным материям и к вечности подлежащие указы по материям еще не разобраны и не напечатаны, отчего в делах затруднение и остановка происходит», и требовал указы, разобранные уже комиссией для сочинения нового Уложения, передать для напечатания в сенатскую типографию.

Таким образом, с 1763 г., после прихода к власти Екатерины II, работа по собиранию и публикации узаконений активизировалась. Во многом это связано с началом нового этапа кодификационной работы. В первую очередь была предпринята публикация узаконений с начала нового правления. В сенатском указе от 3 ноября 1763 г. «О собирании узаконений по полугоду для печатания особыми книгами и о рассылке оных во все присутственные места» говорилось, что узаконения за период с 28 июня 1762 г. (т.е. со времени вступления на престол Екатерины II) по 1763 г. напечатаны типографией Московского университета отдельной книгой, и предписывалось разослать эти книги в присутственные места, в губернские и провинциальные канцелярии, в Синод и т.д. Для этого Сенат требовал прислать из Московского университета 300 экземпляров и отдать 350 экземпляров в сенатскую контору для рассылки, «а прочие употребить в продажу умеренною ценою без отягощения желающим покупать». В дальнейшем предписывалось печатать особыми книгами и рассылать в присутственные места «состоявшиеся ко узаконению указы, собирая по полугоду».

В то же время узаконения за период, предшествовавший правлению Екатерины II, к середине 1760-х годов так и не были напечатаны, а кодификационная деятельность была временно приостановлена. В сенатском указе от 15 декабря 1764 г. «О поручении разбора для печатания подлежащих к вечности указов секретарю с подчиненными ему служителями» отмечается со ссылкой на ведение от 4 мая того же года сената московских департаментов, что «состоявшиеся с 1730 по 1762 год именных и Правительствующаго сената подлежащих к вечности указов в книги поныне еще не напечатано». В связи

с приостановлением деятельности Уложенной комиссии Сенат поручил секретарям сенатского архива «разобрание для напечатания подлежащих к вечно-сти указов и сенатских приговоров».

Порядок ознакомления государственных служащих с законодательными актами

Как уже упоминалось, именной указ от 22 января 1724 г. «О важности государственных уставов и о неотговорке судьям неведением законов по производимым делам под опасением штрафа», опубликованный 27 января 1724 г., устанавливал особый порядок ознакомления государственных служащих с законодательными актами. Указание на причины издания этого указа свидетельствует о том значении, которое стали придавать законодательным актам: «Надлежит обретающимся в Сенате, Синоде, коллегиях, канцеляриях и во всех судных местах всего государства ведать все уставы государственные и важность их, яко первое и главное дело, понеже в том зависит правое и незасорное управление всех дел, и каждому для содержания чести своей, и убежания от впадения неведением в погрешение, и в наказание должно». Санкции, предусмотренные для должностных лиц при незнании законов, весьма суровы: «И дабы впредь никто неведением о государственных уставах не отговаривался <...> и для того отныне, ежели о каком указе где при каком деле помянуто будет, а кто в то время не возьмет того указа смотреть и пренебрежет, а станет неведением отговариваться: таких наказывать в первые отнятием чина на время и штрафу год жалованья, в другой ряд третью долею всего движимого и недвижимого имения, в третий раз лишением всего имения и чина вовсе». Обращает на себя внимание весьма конкретный и вполне разумный принудительный порядок ознакомления с законами должностных лиц, устанавливаемый этим указом.

Конкретные меры ознакомления чиновников с законодательством предусматривали и другие законодательные акты. Например, статья 55 Устава благочиния, или полицейского, изданного 8 апреля 1782 г., гласит: «Председателям, заседателям и прочим по силе учреждений употребленным людям читать и перечитывать узаконении и учреждении и по крайней мере им на то употребить един досужий час в сутках, дабы отчасу учинились известнее и памяти их возобновлялось положенное на них, и в чем ежечасно подвержены по силе присяги дать отчет и ответ небу и земли». Кстати, в предыдущей, 54-й, статье говорится о необходимости иметь «узаконении и учреждении в заседательной горнице».

Развитие системы публикации законодательных актов в XIX веке

Итог складывания системы публикации законодательных актов в XVIII в. был подведен в «Предисловии» к первому Полному собранию законов Российской

ской империи, в котором говорится: «Законы, от Самодержавной Власти исходящие, и общия постановления, Именем Ея от учрежденных мест издаваемыя, двумя путями достигают общаго сведения и исполнения: 1) через объявление и обнародование каждого из них в свое время, посредством мест и властей, для сего установленных; и 2) через издание их, уже по обнародовании, в виде собраний. Первый путь, обнародование, всегда признаваем был существенным и для обязательной силы закона необходимым».

В XIX в. развивались оба этих направления. В 1826–1830 гг. II отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии в связи с созданием свода законов Российской империи провело грандиозную работу по собиранию законодательных актов, начиная с Соборного уложения. В результате этого в 1830 г. были изданы 45 томов первого Полного собрания законов Российской империи, включающего законодательные акты от Соборного уложения до начала правления Николая I. Второе Полное собрание законов Российской империи¹ начали создавать одновременно с первым, и его первый том вышел также в 1830 г. Начиная со второго Собрания законодательные акты включались в эту публикацию по мере принятия, поэтому если первое Собрание было полностью издано в 1830 г., то очередные тома второго и третьего Собраний выходили один раз в несколько лет и их издание растянулось на весь охватываемый ими период. Второе Полное собрание законов содержит законодательство времени правления Николая I и Александра II. Издание третьего Полного собрания законов, включающего законодательные акты периодов правления Александра III и Николая II, прервала Первая мировая война.

Текущую публикацию осуществлял Правительствующий сенат, за которым в XIX в. закрепилась функция хранителя и публикатора законодательных актов. С 1863 г. дважды в неделю выходило «Собрание узаконения и распоряжений, издаваемых при Правительствующем сенате». В нем публиковались документы текущего законодательства. Особенностью было то, что законодательные акты публиковались не в порядке их утверждения, а в порядке их поступления в Сенат.

Становление порядка обязательной публикации законодательных актов среди характеристик законодательства Нового времени имеет особое значение, поскольку в этом проявилась взаимосвязь многих новых свойств законодательства.

Во-первых, в XVIII в. начал устанавливаться порядок прохождения законодательных актов, который определял их юридическую силу, что было также связано с установлением приоритета закона. И хотя на протяжении всего XVIII в. этот порядок оставался зыбким и неустойчивым, одно правило со-

¹ Иногда можно встретить упоминание о первом, втором и третьем «изданиях» Полного собрания законов, однако термин «издание» в данном случае некорректен, поскольку содержание второго Собрания не повторяет содержание первого, а включает законодательство следующего периода, поэтому более правильно говорить о первом, втором и третьем Собраниях законов.

блюдалось четко: публикация законодательного акта — обязательное условие его вступления в силу.

Во-вторых, вполне очевидна взаимосвязь публикации законодательных актов и принципа «Незнание закона не освобождает от ответственности», которую неоднократно подчеркивал и сам законодатель.

2.3.7

Обеспечение эффективности законодательства

Публикация законодательных актов выступает как одно из условий эффективности законодательства, целенаправленное стремление к которой возникает в Новое время.

В Новое время, в отличие от Средневековья, человек начинает осознавать ход исторического времени, поскольку ускорение темпов общественного развития привело к тому, что окружающая социальная действительность менялась на глазах одного поколения. В России этот существенный сдвиг в восприятии хода исторического времени усилили петровские преобразования. С данными изменениями связано возникновение мемуаристики и исторической науки, а в сфере законодательства осознание изменчивости социума привело к желанию путем законотворчества изменить личность и общество. Это, в свою очередь, усиливало стремление к обеспечению эффективности законодательных мер, что вело к налаживанию механизма обратной связи в управляющей системе через сбор статистических данных. Изучение законодательства, таким образом, позволяет выявить причины развития отдельных направлений статистики с конца XVIII в. Одновременно, идя от имеющихся знаний о развитии статистики в России, можно сделать выводы (хотя и предварительные) о системе приоритетов в государственной политике.

Иногда для суждения об эффективности того или иного законодательного акта бывает достаточно заглянуть в последующее законодательство.

Приведем в качестве примера одну историографическую легенду. В исторической науке сложилась практика определения численности служащих государственного аппарата в период, предшествующий губернской реформе 1775 г., на основании штатов 1763 г. Начало этому положила Н.Ф. Демидова в статье, помещенной в сборнике «Абсолютизм в России». Она пишет, что по штатам 1763 г. численность служащих во всех присутственных местах достигала 16 504 человек¹. Со ссылкой на статью Н.Ф. Демидовой такую цифру приводит С.М. Троицкий². Это оспаривает П.А. Зайончковский, справедливо заме-

¹ Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России XVII–XVIII вв. М., 1964. С. 239.

² Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 163.

чая, что при рассмотрении структуры предусмотренных штатами должностей обнаруживается, что в штаты включены не только служащие (т.е. чиновники и канцелярские служители), но и различный, говоря современным языком, обслуживающий персонал (сторожа, курьеры). Кроме того, как подчеркивает П.А. Зайончковский, в штаты были включены служащие военных команд, которых нельзя причислить к чиновничеству. Автор сделал вывод, что из 16 504 человек, предусмотренных штатами, более 9 тыс. составляют солдаты¹. Это существенное замечание П.А. Зайончковского оставил без внимания американский исследователь В. Пинтнер, который, будучи знаком с работой Зайончковского и даже подвергая критике некоторые из ее положений, все же приводит эту же цифру — 16 504 чиновника, ссылаясь на штаты 1763 г.²

Однако ни один из названных авторов не рассматривает вопрос о том, были ли в действительности заполнены эти штаты, хотя С.М. Троицкий, изучая вопрос численности чиновничества в 50-х годах XVIII в., указывает на то, что штаты — ненадежный источник при установлении численности служащих³. Не имея источников для определения реального количества служащих государственного аппарата накануне губернской реформы, отметим, однако, что штаты 1763 г. отличались существенной особенностью, отраженной в именном указе от 11 октября 1764 г. «Об учинении губернаторам, каждому в своей губернии, расписания о приписных городах и о всех уездах, и об определении, с какою властью комиссарства, магистраты и ратуши остаться должны». В нем говорится: «Изыскивая избавить наших верноподданных от притеснений и взятков безжалованных судей и канцелярских служителей, прошлого 1763 года декабря 15 дня в изданных штатах положили не только в главных правительствах, но и во всех судебных местах, не минуя и городовых канцелярий, судьям и канцелярским служителям довольное жалованье, которое б они получая, не имели уже причины сверх того к богоненавистой корысти». Из указа видно, что денег на жалованье чиновникам не хватало, поэтому предполагалось сократить места, предусмотренные штатами 1763 г.

К проблеме действенности законодательного регулирования можно отнести и вопрос о «неожиданных эффектах» законодательства, исследование которого проливает дополнительный свет на механизм функционирования государственной власти.

Иногда правительство получало совершенно непредвиденные результаты от своей законотворческой деятельности. Например, всем известно, что губернская реформа 1775 г. проводилась для укрепления власти и совершенствования управления. Но одним из следствий губернской реформы было

¹ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1981. С. 20–21.

² Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. P. 192.

³ Троицкий С.М. Русский абсолютизм... С. 164.

резкое увеличение численности служащих местного звена государственного аппарата. Это не осталось незамеченным современниками. Например, Г.С. Винский в мемуарах весьма иронично охарактеризовал реформу в целом: «...появилось новое учреждение или совершенное преобразование правительственной махины. Все переновлено, даже до наименований: губернии названы наместничествами, губернаторы правителями, воеводы городничими и проч. и проч.». Главное, к чему привела реформа, по мнению мемуариста, заключается в следующем: «Судебные места умножены с умножением в них чиновников, так что иная губерния, управляемая прежде 50-ю чиновниками, разделившись по сему учреждению на четыре наместничества, в каждом имела до 80 судей». Г.С. Винский также подчеркивает, что «умножение судебных мест <...> открыло многим бедным семействам средства к существованию»¹.

На открывшуюся для выходцев из непривилегированных сословий в ходе губернской реформы возможность поступать на государственную службу указывали и другие мемуаристы, например И.И. Мешков. Его прадед был крепостным, отпущенным помещиком на волю в 1748 г. И.И. Мешков поступил на службу при открытии Саратовской губернии. В своих мемуарах он замечал: «По новости Саратовской губернии, в канцелярских служителях по всем присутственным местам была общая потребность и, стало быть, не предстояло ни малейшего затруднения быть принятым на службу немедленно»². Утверждал это и Л.А. Травин: «...при наступлении 1778 года открылось Псковское наместничество <...>. Тогда свободно было вступать имеющим вечные отпускные в приказные чины»³.

В этот период служащие в местные учреждения набирались — кроме, естественно, дворян — из среды церковно- и священнослужителей, приказных, подьяческих и секретарских детей, обер-офицерских детей, солдатских детей, из купечества и даже из отпущенных на волю крепостных крестьян и господских людей.

Кардинальные изменения в социальном составе чиновничества местных государственных учреждений произошли в очень короткие сроки. Если в 1775 г. — накануне губернской реформы — среди чиновников восьмого класса на одного выходца из непривилегированных сословий приходилось 12,5 дворян, то в 1781–1782 гг., когда завершился ее первый этап, — 4,59; среди чиновников девятого класса — соответственно 6,5 и 3,16; десятого класса — 1,0 и 0,68; 12-го класса — 1,36 и 0,90; 13-го — 1,43 и 0,86; 14-го — 0,36 и 0,45; среди губернских регистраторов, архивариусов, протоколистов и канцеляристов — 0,35 и 0,30. Итак, если в 1775 г. выходцы из непривилегированных сословий численно преобладали над потомственными дворянами только среди

¹ Винский Г.С. Мое время : записки. СПб., 1914. С. 41.

² Мешков И.И. Записки Ивана Ивановича Мешкова // Русский Архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 188.

³ Травин Л.А. Записки // Труды Псковского археологического общества. 1914. Вып. 10. С. 95.

мелких канцелярских служащих и в XIV классе Табели о рангах, то в 1781–1782 гг. такое преобладание наблюдается уже в XIII–X классах при достаточно существенном изменении соотношения социальных групп в IX и VIII классах. Это общая и достаточно отчетливая тенденция. Она была замечена и верховной властью и вызвала ряд ответных законодательных мер.

Одной из причин «неожиданных эффектов» была неадекватность восприятия населением (особенно основной его массой — крестьянством) законодательных актов. Российские крестьяне зачастую демонстрировали «хитрость разума» при усвоении некоторых законодательных норм. Говоря о регламентации публикации законодательных актов, мы уже отмечали, что подданные в зависимости от направления их интересов верили то письменным, то печатным указам.

Широко известен факт мифологизации в массовом сознании личности императора Петра III. В основе лежит неверная интерпретация законодательных актов периода его правления. Манифест от 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» породил надежду на скорое освобождение и крестьян, что, в частности, отмечает в своих записках секретарь французского посланника в Петербурге К.-К. Рюльер¹. Предпринятая Петром III попытка секуляризации церковных имуществ привела к распространению среди монастырских крестьян, которые, собственно, и составляли основное церковное «имущество», слухов о скором освобождении. О своеобразной интерпретации секуляризационного законодательства в крестьянской среде свидетельствует сенатский указ от 8 октября 1763 г. «О внушении духовных вотчин служкам, мастеровым и крестьянам, чтоб они противу своих властей никаких своевольств не чинили, а поступали в исполнении своих обязанностей, как обнародованные указы 1762 августа 12 и 1763 генваря 8 повелевают, и о наказании превратных толкователей сих указов».

О том, что законодательство Петра III породило неадекватные надежды крестьянства, свидетельствуют манифест Петра III от 19 июня 1762 г. «О прощении вышедших из повиновения помещичьих крестьян, если принесут раскаяние в винах своих, и о наказании рассевателей ложных слухов, выведших крестьян из повиновения», почти дословно с ним совпадающий (в том числе и по названию) именной указ Екатерины II от 3 июля 1762 г. и сенатский указ от 8 октября того же года «О пребывании крестьян у своих помещиков в должном повиновении и послушании», в которых констатировалось, что «некоторых помещиков крестьяне, будучи прельщены и ослеплены рассеянными от непотребных людей ложными слухами, отложились от должного помещикам своим повиновения». А.С. Мыльников справедливо замечает, что хотя в манифесте Петра III и не говорится о характере слухов, но его содержание свидетельствует о том, что речь идет об ожидающемся освобождении

¹ См.: Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 261–312.

крестьян¹. Несмотря на издание этих законодательных актов, среди которых был манифест, т.е. законодательный акт, рассчитанный на максимально широкое воздействие, слухи о скором освобождении крестьян продолжали распространяться. Об этом можно судить по сенатскому указу от 16 марта 1764 г. «О пасквиле, выданном под именем именного указа». Прочная связь надежд крестьян на освобождение с законотворчеством Петра III проявилась и во время Пугачевского восстания.

Еще более ярким примером неадекватной, неожиданной — по крайней мере, для законодателя — интерпретации законодательства в крестьянской среде может служить восприятие крестьянством предпринимаемых на протяжении XVIII в. законодательных мер, направленных на возвращение беглых. Цель таких законодательных актов обусловила их самую широкую публикацию (кстати, приведенный выше порядок публикации взят как раз из законодательства о возвращении беглых).

В начале 1760-х годов — при Елизавете, Петре III и Екатерине II — политика в этой сфере активизировалась. Была издана серия законодательных актов, среди которых сенатский указ от 5 июня 1761 г. «О вызове из Польши российских беглецов; о поселении их при крепости св. Елисаветы и о даровании им льгот на шесть лет и других выгод»; манифест от 28 февраля 1762 г. «О продолжении срока для возвращения в Россию бежавших в Польшу, Литву, Курляндию разного звания людей»; именной указ от 19 июля 1762 г. «О продолжении срока беглым людям для возвращения из-за границы в свое отечество»; высочайше утвержденный доклад Сената 27 ноября 1762 г. «Об отдаче привозимых в Смоленск беглых людей без наказания прежним их помещикам, со взысканием сделанных от казны издержек»; манифест от 4 декабря 1762 г. «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу»; манифест от 13 мая 1763 г. «О вызове из Польши и Литвы беглых российских помещичьих и всякого звания людей; о дозволении им селиться в казенных волостях, где кто пожелает, и о даче им льготы от податей и работ на 6 лет».

Уже из названий законодательных актов видно, что в то время явно преобладала политика «пряника», а не «кнута». Этими законодательными актами предусматривался перевод возвратившихся беглых в государственные крестьяне и ряд льгот. О том, каким образом это законодательство было понято в крестьянской среде, можно судить по сенатскому указу от 5 марта 1764 г. «О распространении силы манифеста от 4 декабря 1762 года на тех только, кои до состояния онаго манифеста из отечества своего самовольно отлучились». В нем говорилось, что дворовые люди подполковника Сумороцкого и крестьян-

¹ Мильников А.С. Испытание чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991. С. 68.

не поручика Путина на допросах в Главной пограничной комиссии показали, что они, «оставя жен и детей своих, бежали прошлого 1763 года в июле месяце по той причине, что один их же помещика дворовой человек в разговорах сказывал им, якобы состоялся Ея Императорского Величества указ, ежели кто от помещиков давно бежал или вновь побежит и, побыв в Польше, явится, таких де велено записывать в дворцовыя волости, что они, признав за истинную, и бежали с тем намерением, что б, пожив несколько за границею и возвратясь, быть в дворцовой вотчине, а не за помещиком». Итак, осознав превратное восприятие политики «пряника», правительство в определенной степени переходит к политике «кнута»: 29 марта 1764 г. был издан сенатский указ «О препоручении сыска и высылки беглых российских людей из Лифляндии и Эстляндии тамошним губернским и провинциальным канцеляриям». Впоследствии, впрочем, все же возобладала политика возвращения бежавших, а не их запугивания.

2.3.8

Проблема кодификации законодательства

Не преследуя цели рассмотреть всю сложную, многообразную историю кодификации российского законодательства после принятия Соборного уложения 1649 г. (обобщение законодательных норм свойственно отнюдь не только Новому времени), остановимся лишь на одном аспекте проблемы, который позволит нам соотнести российское законодательство с мировыми системами права.

При соотнесении российского законодательства, как оно сформировалось на протяжении XVIII — первой четверти XIX в., с двумя мировыми системами права — англосаксонской и континентальной — необходимо прежде всего определить основные характеристики этих систем. Их различия общепризнаны юристами.

Так, континентальная система базируется на кодексах, а англосаксонская — на судебных прецедентах (что, кстати, предполагает возможность интерпретации норм права судьей). Кроме того, англосаксонское право, в отличие от континентального, не делится на публичное и частное.

Подчеркнем, что если континентальная система сформировалась по преимуществу в XIX в., начиная с наполеоновской кодификации, то англосаксонская система уходит своими корнями в глубокую древность.

Не вторгаясь в сферу компетентности юристов, заметим, что принцип приоритета закона как источника права в гораздо большей степени коррелирует с континентальной системой права, чем с англосаксонской. Системообразующее значение этого принципа в российском законодательстве XVIII в. было обосновано выше. Здесь же отметим, что с конца XVII в. Петр I прилагал

усилия к тому, чтобы облеченные властью не руководствовались бы прецедентами при принятии управленческих решений. Одним из ярких свидетельств такого подхода может служить именной указ от 20 января 1697 (7205) г. «О невыписывании в пример указов, состоявшихся в Крымском походе, о придачах поместий и других пожалований боярам, воеводам и прочим ратным людям». В указе говорится, что «Крымских походов 195 и 197 годов своих государевых указов, которые состоялись в тех годах за те Крымские походы, боярам и воеводам и ратным людям о придачах и о каких дачах впредь ни к каким делам на пример выписки не выписывать». Конечно, этот указ еще не устанавливал универсального принципа, да и подоплека его вполне ясна: не распространять льготы, заслуженные в военном походе, на мирное время.

При Петре I первые попытки кодификации предпринимались с 1700 г., когда так называемой палате об Уложении, состоявшей из членов боярской Думы и стольников, было поручено согласовать Соборное уложение с новоуказными статьями и боярскими приговорами. Палата заседала до 1703 г. Но вполне очевидно, что в период бурного законотворчества проводить кодификацию невозможно.

Основным законодательным актом и, следовательно, основным источником права в начале XVIII в. по-прежнему оставалось Соборное уложение. 15 июня 1714 г. Петр I издал именной указ «О вершении дел по Уложению, а не по новоуказным статьям». В этом указе содержится повеление судьям «всякие дела делать и вершить по Уложению; а по новоуказным пунктам и сепаратным указам отнюдь не делать, разве тех дел, о которых в Уложении ни мало не упомянуто». О новоуказных пунктах говорится, что они учинены «не в перемену, но в дополнение Уложения», поэтому они «приемлются во исполнение онаго законнаго Уложения, дондеже оное Уложение для недовольных в нем решительных пунктов исправлено и в народ опубликовано будет». Все же прочие указы, которые «учинены не в образец» или «противно положению», в том числе и именные, «отставить и на пример не выписывать, и вновь таких указов отнюдь не делать».

В уже упоминавшемся указе из Юстиц-коллегии «О решении дел в Московском надворном суде по Уложению и по новосостоятельным, а не по сепаратным указам, и о донесении о делах, которых судьи сами решить не могут, в Государственную Юстиц-коллегию» от 15 октября 1719 г., кроме предписания управлять по Уложению и изданным в его пополнение указам, содержится запрет руководствоваться «сепаратными указами» и «примерными делами».

Кстати, в докладе академии наук на высочайшее имя в начале 1735 г. целесообразность новой публикации Соборного уложения обосновывалась так: «...хотя в <...> Уложеньи некоторые пункты уже не употребительны, пока оное совсем остановлено и вместо того новое введено не будет, то оное есть необходимыя нужды и может здешнему народу, который так чрез долгое время от того пользу получал <...>, оставлено быть».

Функцию кодексов на протяжении XVIII–XIX вв. отчасти выполняли регламенты и уставы. Напомним, что в ключевом для становления новой системы законодательства указе от 17 апреля 1722 г. «О хранении прав гражданских...» говорится, что именно «все уставы и регламенты запечатываются». Этим же указом предусматривалось присоединение к регламентам вновь утверждаемых законодательных норм.

В дальнейшем, на протяжении всего XVIII в., предпринимались попытки — по ряду причин неудачные — провести кодификацию законодательства, т.е. создать новое Уложение.

Вновь проблема кодификации законодательства была поставлена в конце 1720-х годов. В 1730 г. была учреждена Уложенная комиссия, которая безрезультатно проработала более десяти лет. Новая Комиссия о сочинении Уложения была созвана в 1754 г. и с перерывами продолжала свое существование до середины 1760-х годов, подготовив несколько проектов, в частности проект уголовного Уложения. Наиболее известна в истории Уложенная комиссия 1767–1768 гг., созванная Екатериной II¹.

Павел I, придя к власти в 1796 г., назначил новую Кодификационную комиссию. Ее преемницей стала Кодификационная комиссия Александра I, работавшая с 1804 по 1826 г. С 1826 г. для кодификационной работы было создано второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. После его упразднения в 1882 г. кодификационная работа была сосредоточена в Государственном совете.

Несмотря на безуспешность попыток кодификации, можно утверждать, что уже в период правления Петра I наблюдалось стремление уйти от прецедентного права, базировать право на систематизированном законодательстве.

В XIX в. попытки провести кодификацию сначала воплотились в создании свода законов Российской империи. Свод был издан в результате деятельности второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии в 1832 г. и вступал в действие с 1 января 1835 г. В Свод вошли действующие законодательные нормы, систематизированные тематически (в отличие от хронологической систематизации Полного собрания законов). Хронологически они охватывали период от начала XVIII в. до 1 января 1832 г.

Структура свода законов была определена М.М. Сперанским. Свод включал восемь главных отделов, распределенных по 15 томам².

¹ Ее деятельность породила обширный корпус наказов в Уложенную комиссию (1465 наказов), в которых высказывались пожелания сословий и иных социальных групп. Наказы в Уложенную комиссию по своей видовой природе ближе всего стоят к публицистике. Известным философско-публицистическим произведением является и «Наказ» Екатерины II, данный комиссии для составления нового Уложения. В своем наказе Екатерина II творчески переработала идеи Монтескье, Беккариа, Гельвеция и других просветителей в соответствии со своей государственно-правовой концепцией.

² В 1832 г. эти 15 томов были изданы в восьми книгах, а в 1857 г. в связи с ростом объема свода — в 24.

Основные государственные законы (том I, часть 1).

Учреждения: а) центральные (том I, часть 2); б) местные (том II); в) уставы о службе государственной (том III).

Законы правительственных сил: а) уставы о повинностях (том IV); б) уставы о податях и пошлинах (том V); в) устав таможенный (том VI); г) уставы монетный, горный и о соли (том VII); д) уставы лесной, оброчных статей, арендных старостинских имений (том VIII).

Законы о состояниях (том IX).

Законы гражданские и межевые (том X).

Уставы государственного благоустройства: а) уставы кредитный, торговый, промышленности (том XI); б) уставы путей сообщения, строительный, пожарный, о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных селениях, о колониях иностранцев в империи (том XII).

Уставы благочиния (законы полиции): а) уставы о народном продовольствии, об общественном призрении и врачебный (том XIII); б) уставы о паспортах и беглых, о предупреждении и пресечении преступлений, о содержащихся под стражей, о ссыльных (том XIV).

Законы уголовные (том XV, книга 1) и уголовно-процессуальные (том XV, книга 2).

Свод законов не может рассматриваться как кодекс, поскольку он не снимал действия предшествующего законодательства¹. В манифесте от 31 января 1833 г., объявлявшем об издании Свода законов, говорилось: «Свод законов ничего не изменяет в силе и действии их, но приводит их только в единообразие и порядок...». Составители Свода (работу возглавлял М.М. Сперанский) при систематизации законодательства отбирали действующие нормы, затем они приняли следующие правила передачи их текста: «а) те статьи свода, кои основаны на одном действующем указе или постановлении, излагать теми самыми словами, какие стоят в тексте, без малейшего их изменения; б) те статьи, кои составлены из двух и более указов, излагать словами указа главного с присоединением из других тех слов, кои служат ему дополнением или пояснением; в) статьи, составленные из соображения многих указов, излагать по тому смыслу, какой они представляют в их совокупности»². Таким образом, допускалось вмешательство в текст законодательных актов, служивших источником Свода законов. Впоследствии эти правила уточнялись. Чаще всего в целях сокращения объема Свода опускалась мотивировочная часть законодательного акта, что в ряде случаев могло привести к расширительному толкованию законодательных норм. Но все же при создании Свода его состави-

¹ С момента издания Свода законов Российской империи в правоведческой литературе продолжают споры о его юридической силе.

² [Сперанский М.М.] Обзорение исторических сведений о Своде законов: составлено из актов, хранящихся во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1837. С. 107.

тели последовательно придерживались главного правила: «Из двух несхожих между собой законов надлежит следовать позднему, не разбирая, лучше ли он или хуже прежнего, ибо прежний считается отрешенным тем самым, что поставлен на место его другой»¹.

Первоначально предполагалось издавать Свод законов каждые десять лет. Второе издание вышло в 1842 г., а третье — только в 1857 г. Это было последнее единовременное издание Свода, впоследствии он издавался отдельными уставами. Среди этих изданий следует обратить особое внимание на Свод основных государственных законов, изданный 23 апреля 1906 г., накануне открытия I Государственной думы.

Кодификацию всего законодательства провести так и не удалось. В 1845 г. было издано «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» — пример кодификации одной из отраслей права, — впоследствии входившее в том XV Свода законов. После реформы 1864 г. в Свод был добавлен том XVI, содержащий судебные уставы.

2.3.9

Классификация законодательных актов

Сложность и значимость проблемы классификации законодательных актов обусловлена невозможностью четкого определения понятия «закон» в условиях самодержавия. Поэтому необходимо четко определить сферу действия и юридическую силу отдельных разновидностей законодательных источников и выявить их иерархию.

Классификация законодательных актов законодателем

29 апреля 1720 г. был издан именной указ «О разделении указов на временные и ко всегдашнему наблюдению издаваемые и о напечатании сих последних». В нем говорилось: «Указы все за Нашею подписью разбирать на двое: которые временные в особливую книгу, а которые в постановление какого дела, те припечатывать, а именно: что надлежит до коллегии, то в регламент коллегии, а что к уставу или артикулу и прочим делам, в регламент, а не на время, то оные припечатывать по вся годы к оным книгам». Этот короткий указ содержит важные моменты. Так, подпись царя выступает как неперменный атрибут законодательного акта. Кроме того, в этом указе можно усмотреть стремление к постоянной кодификации законодательства, проявлявшееся в прибавлении вновь принимаемых норм к уже существующим законодательным актам обобщающего характера. И наконец, законодатель делит законодательные акты на временные и постоянного действия.

¹ [Сперанский М.М.] Обзорение исторических сведений о Своде законов: составлено из актов, хранящихся во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1837. С. 109.

Более сложную классификацию законодательных актов предлагала Екатерина II в «Наказе Комиссии о сочинении проекта нового Уложения». Она выделяла три группы законодательных актов: во-первых, «законы в собственном смысле, т.е. те установления, которые ни в какое время не могут перемениться»; во-вторых, «временные учреждения»; в-третьих, «указы», изданные по частному поводу. Таким образом, Екатерина II разделяла акты верховной власти не только по времени действия (временные и постоянные), но и по масштабу действия (всеобъемлющие и частные).

В XIX в. попытки разделить акты верховной власти на временные и постоянные продолжались. Необходимость такой классификации законодательных актов отмечалась в наказе Александра I Непременному совету, созданному манифестом от 30 марта 1801 г., и в проектах государственных преобразований М.М. Сперанского. Последний предлагал разделить все акты верховной власти на два разряда: на «те постановления, коими вводится какая-либо перемена в отношениях сил государственных или в отношениях частных людей между собою» и которые представляют закон в точном смысле, и на «те, кои, не вводя никакой существенной перемены, учреждают токмо образ исполнения первых» и представляют собой предмет исполнительной власти¹.

Итак, теоретические рассуждения о классификации актов верховной власти не привели к пониманию критериев определения закона. Но решать задачу отбора законодательных актов среди постановлений верховной власти пришлось при составлении Полного собрания законов Российской империи. Его составители, признав безуспешность предпринимавшихся попыток классификации актов верховной власти, сформулировали следующий принцип их отбора для публикации: «В состав Собрания вмещать по порядку времени все постановления ко всегдашнему исполнению от верховной власти или именем ее от учрежденных ею мест и правительств изданные». Иными словами, составители Полного собрания законов останавливались на сформулированном еще при Петре I принципе отличия постоянных законодательных норм от временных постановлений, но фактически смягчали подчеркивавшийся почти всеми правоведами и историками права принцип, что закон исходит от императора. Составители Полного собрания законов также отмечали: «Судебные решения имеют силу закона единственно в тех случаях, по коим они состоялись; по сему они не должны быть помещаемы в Собрании законов общих»². Сформулировав вышеуказанные принципы отбора законодательных актов для Полного собрания законов, его составители допускали следующие исключения: «...есть судебные решения, коих сила распространена в самом

¹ Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов. М.; Augsburg, 2001. С. 16.

² [Сперанский М.М.] Обзорение исторических сведений... С. 138.

их изложении на все случаи, им подобные; есть другие, кои, быв в начале частными, приняты в последствии примером и образцом других решений и таким образом сделались общими; есть решения частные, но в них сделано изъяснение закона общего, установлен точный смысл его и отвергнуты толкования с разумом его несообразныя. Все таковые и сим подобные судебные решения положено вместить в состав Собрания. Подобное сему изъятие положено сделать и в решении дел уголовных. Важнейшия из оных, особенно по преступлениям государственным, признано полезным сохранить в Собрании».

Подобный подход был связан с характером законодательной системы, которая в это время проходила период своего становления. Но отбор законодательных актов диктовался и историческим подходом к законодательству, с которым также связывалась необходимость издания Полного собрания законов: «...история государства без познания законов не может иметь ни ясности, ни достоверности, так как, с другой стороны, законы без истории часто бывают невразумительны»¹. В соответствии с концепцией исторического происхождения права Полное собрание законов должно было использоваться в тех случаях, когда «бывает нужно прежде всего пройти ряд прежних узаконений, сообразить силу их в совокупности, чтоб составить начертание закона, утвержденное не только на настоящем, но и на прежнем разуме законодательства»². В соответствии с этой целью, хотя «все частное, все личное, все меры временныя положено исключить из состава Собрания», из этого правила были сделаны исключения, о которых говорится следующее: «...есть распоряжения, по существу своему частные и случайные, но по историческому их достоинству важные. Их положено сохранить в Собрании, как памятники того века, как указание общественных его нравов, как изображение гражданской его жизни»³.

Нечеткость определения понятия «закон» ведет к нечеткости в отборе законодательных актов при публикации в Полном собрании законов, бывшем основным источником текстов законодательных актов, которым пользовались историки и истории права, начиная со времени его публикации.

Разновидности законодательных актов

Поскольку для рассматриваемого периода, особенно для XVIII в., задача разграничения законов и иных нормативных актов принципиально неразрешима, целесообразно сосредоточить усилия на выяснении юридической роли,

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1. С. XVII (1-я паг.)

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1903. С. 156.

³ Там же. С. 140.

характера и масштабов действия отдельных разновидностей законодательных актов. Сразу уточним, что рассмотрение порядка разработки, принятия и публикации законодательных актов различных разновидностей при всей значимости этой проблемы не входит в нашу задачу, поскольку нами изначально декларировалось рассмотрение законодательства по принципу «черного ящика». Отметим лишь, что Б.М. Кочаков считает, будто разновидность законодательного акта зависела именно от порядка его прохождения¹. Правда, высказывание Б.М. Кочакова относится к рассматриваемым им законодательным актам XIX — начала XX в., когда была выработана законодательная процедура, которая в XVIII в. не отличалась четкостью. Но и применительно к этому периоду встает вопрос о соотношении причины и следствия: разновидность зависела от законодательной процедуры или определенный порядок прохождения законодательного акта обуславливался особенностями его юридической функции, т. е. его разновидностью?

Элементы предлагаемого подхода можно усмотреть, например, в том, что Н.П. Загоскин в «Истории права русского народа...» не дает определения законодательного акта в целом, а пишет следующее: «С начала XVIII столетия развитие русского законодательства совершается посредством издания отдельных законов самого разнообразного вида и содержания — регламентов... учреждений, уставов, положений, наказов, указов, манифестов и т. п.»².

В этом высказывании Н.П. Загоскина отсутствует иерархия законодательных актов: они перечисляются в произвольном порядке. Не выстраивают иерархию и другие авторы. Например, М.Ф. Владимирский-Буданов перечисляет разновидности законодательных актов в такой последовательности: уставы, регламенты и учреждения, указы, инструкции, манифесты³. Составители Полного собрания законов Российской империи в «Табели о числе уставов, учреждений, наказов, жалованных грамот, указов и трактатов, состоявшихся со времени Уложения, с 29 Января 1649 по 1 Января 1832 года» группируют разновидности законодательных актов следующим образом: 1) уложения, уставы, учреждения и указы; 2) жалованные грамоты; 3) манифесты и указы; 4) трактаты⁴.

В советской историографии дать иерархическую классификацию законодательных актов XVIII в. попытался О.А. Омельченко. В качестве высшего типа законодательного акта он определяет манифесты, которые издавались только монархом и были обращены ко всем подданным. Следующую по значимости группу составляют именные указы (в том числе и объявленные),

¹ Кочаков Б.М. Русский законодательный документ... С. 362.

² Загоскин Н.П. История права русского народа... С. 193.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 274–275.

⁴ Сборник исторических материалов... Приложение.

которые издавались монархом по существенным вопросам государственного значения и были адресованы конкретным государственным учреждениям или высшим должностным лицам. И третья группа — указы, которые могли издаваться как самим монархом, так и от его имени Сенатом (сенатские указы, указы, объявленные из Сената)¹.

В целом в историографии проблема анализа разновидностей законодательных актов не решена. Во-первых, их (по названиям в Полном собрании законов) было гораздо больше, чем упоминается в историографии. Во-вторых, вопрос об иерархии разновидностей должен решаться на репрезентативном материале путем сопоставления правовых норм, фиксируемых в законодательных актах разных разновидностей.

Выделим наиболее существенные разновидности законодательных актов, сложившиеся в XVIII в.

Манифесты — законодательные акты, провозглашавшие вступление на престол нового императора, сообщавшие о рождениях, браках и кончинах лиц императорской фамилии, а также о наиболее существенных реформах («О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 г., «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» от 19 февраля 1861 г.). Манифесты издавались при объявлении войны, заключении мира и при стихийных бедствиях (например, во время эпидемии чумы).

Указы — наиболее многочисленная и разнообразная группа законодательных актов. Указами могли регулироваться почти все сферы государственной и общественной жизни.

Уставы — специальные законодательные акты, регулирующие какую-либо сферу деятельности (Новоторговый устав 1667 г., Воинский устав 1716 г., Морской устав 1720 г., Устав благочиния 1782 г., Таможенный устав по Европейской торговле 1819 г.) или отрасль материального права (Устав о векселях 1729 г., Устав о банкротах 1800 г.).

Регламенты и учреждения — законодательные акты учредительного характера, определявшие организацию, состав, компетенцию и регулирующие деятельность государственных учреждений (Регламент главного магистрата 1721 г., Генеральный регламент 1720 г., Духовный регламент 1721 г.).

Уставы и регламенты — законодательные акты кодифицирующего характера.

Фактически разновидностей законодательных актов было гораздо больше, и их соотношение постоянно — от правления к правлению — менялось.

Рассмотрим два примера. Сравним по разновидностям соотношение законодательных актов за период правления Петра III и сопоставимый по време-

¹ Омельченко О.А. Становление абсолютной монархии в России: учеб. пособие. М., 1986. С. 72–73. По нашему мнению, выявленная О.А. Омельченко иерархичность недостаточно строга.

ни начальный период правления Екатерины II. За краткий период правления Петра III было принято 192 законодательных акта, начиная с манифеста от 25 декабря 1761 г. «О кончине государыни императрицы Елисаветы Петровны и о вступлении на престол государя императора Петра Третьего» и кончая именным, данным Сенату указом от 26 июня 1762 г. «О сборе денег, розданных в заем из банков Санкт-Петербургского и Московского и о недаче займщикам отсрочки во взносе оных». За сопоставимый период правления Екатерины II с 28 июня 1762 г., с издания манифеста «О вступлении на престол императрицы Екатерины II», по 20 декабря того же года, включая именной, данный Сенату указ «О произведении наследника цесаревича и великого князя Павла Петровича в генерал-адмиралы», было издано 148 законодательных актов. Отметим, что период правления Екатерины II с восшествия на престол по 20 декабря нами рассматривается как сопоставимый с периодом правления Петра III, поскольку следующий законодательный акт датируется 8 января 1763 г. Распределение по разновидностям законодательных актов, принятых в рассматриваемое время, приведено в *табл. 1*.

Даже беглый взгляд на приведенную таблицу позволяет сделать некоторые любопытные выводы, касающиеся в первую очередь роли отдельных государственных учреждений в то или иное правление. В перечне не раскрыты названия должностей тех лиц, которые объявляли императорские указы, а их сопоставление по различным царствованиям (и даже по разным периодам одного царствования) тоже может дать любопытные результаты.

Свод законов упорядочивал номенклатуру разновидностей законодательных актов. Статья 53 Свода устанавливала следующие их разновидности: уложения, уставы, учреждения, грамоты, положения, наказания (инструкции), манифесты, мнения Государственного совета и высочайше утвержденные доклады. Однако критерии их различения в Своде не сформулированы.

Для того чтобы понять, насколько в Своде законов удалось упорядочить номенклатуру разновидностей законодательных актов, сравним структуру законодательства по разновидностям за первые месяцы правлений императоров XIX в.

За первый месяц правления Александра I, с 12 марта по 11 апреля 1801 г., было принято 52 законодательных акта; за первый месяц правления Николая I, с 12 декабря 1825 г. по 11 января 1826 г., — 43; за первый месяц правления Александра II, с 18 февраля по 17 марта 1855 г., — 98 (с учетом того, что первый месяц правления Александра II был короче, чем у других императоров); за первый месяц правления Александра III, с 1 марта по 31 марта 1881 г., — 62. Распределение законодательных актов по разновидностям отражено в *табл. 2*.

Конечно, приведенных данных, как и в первом случае, недостаточно для каких-либо существенных выводов, но они позволяют сделать некоторые наблюдения, требующие дальнейшего объяснения. Сразу же отметим, что структура законодательства первого месяца правления Александра I явно восходит

Таблица 1

Наименование Разновидности	Количество	
	При Петре III	При Екатерине II (1762 г.)
Манифесты	5	8
Именные указы	5	14
Именные, состоявшиеся в Сенате	–	10
Именные, данные Сенату	26	12
Именные, данные Военной коллегии	5	–
Именные, данные другим учреждениям и отдельным должностным лицам	–	4
Именные, объявленные из Сената	2	5
Именные, объявленные Сенату	12	8
Именные, объявленные Военной коллегии	8	–
Именные, объявленные Адмиралтейской коллегии	–	1
Именные, объявленные Главной полицеймейстерской канцелярии	2	2
Именные, объявленные должностными лицами	2	–
Именные, следовавшие на доклад Сената	3	2
Сенатские	90	53
Сенатские, вследствие именного	11	6
Сенатские, вследствие высочайше утвержденного доклада	1	2
Сенатские, вследствие манифеста	–	1
Высочайше утвержденные доклады Сената	9	13
Высочайше утвержденные доклады других учреждений и должностных лиц	3	1
Синодские	1	–
Международные договоры	2	–
Прочее	5	6

к XVIII в., что отражается в большом количестве манифестов и именных указов, данных государственным учреждениям и должностным лицам (один — московскому военному губернатору графу Салтыкову, один — кабинету, два — Адмиралтейств-коллегии, два — Военной коллегии). Заметна также значительная роль Государственного совета в законотворчестве первого месяца правления Александра III.

Таблица 2

Наименование разновидности	Александр I	Николай I	Александр II	Александр III
Манифесты	9	3	1	2
Именные указы, данные Сенату	25	1	3	2
Именные указы, данные государственным учреждениям и должностным лицам, кроме данных Сенату	6	4	2	2
Именные объявленные указы	8	3	53	–
Сенатские указы	2	11	4	–
Высочайше утвержденные мнения Государственного совета	2	8	23*	–
Высочайше утвержденные положения Комитета министров	–	12	6	5
Прочее**	2	7	21	28

* Включая шесть высочайше утвержденных мнений Департамента государственной экономии Государственного совета.

** В категорию «Прочее» сведены разновидности, встречающиеся только во время какого-то одного царствования.

Значительное количество объявленных указов в первый месяц правления Александра II хорошо коррелирует с общим превышением количества законодательных актов, несмотря на несколько меньший промежуток времени, за который учтено законодательство Александра II¹.

Итак, анализ структуры законодательства по разновидностям фактически выводит нас на проблему неформальной структуры власти и компетенции

¹ Институт объявленных указов сложился в XVIII в. Формально юридическая сторона истории этой разновидности законодательных актов была исследована В.А. Григорьевым (*Григорьев В.А. Объявляемый указ // Журнал министерства юстиции. 1914. № 7. С. 110–143*), но любопытно проследить, как на протяжении XVIII–XIX вв. право объявления императорских указов из привилегии лица превращалось в привилегию должности, а также как изменялся состав лиц и должностей, объявлявших указы, в правление каждого императора и в разные периоды одного и того же правления.

отдельных учреждений, должностных лиц, а в первой половине XVIII в. и персоналий в сфере государственной власти и управления.

* * *

Увеличение количества законодательных актов, их разновидностей, расширение сферы законодательного регулирования не только обуславливают наиболее заметные свойства корпуса законодательных источников Нового времени, но и порождают множество проблем при их системном исследовании.

2.4

АКТЫ

Акты — документы юридического характера, фиксирующие правовые отношения между двумя и более контрагентами. В качестве контрагентов могут выступать физические и юридические лица, а также государство.

2.4.1

Частно-правовые акты

Актовые источники Нового времени многочисленны и разнообразны. Их развитие вызвано в первую очередь изменениями в области гражданского права, в частности значительным расширением сферы регулирования имущественных отношений и развитием обязательственного права.

На протяжении XVIII в. государство все более активно регулировало порядок заключения обязательственных отношений. Причем законодательство в этой сфере обладало всеми особенностями законодательства XVIII в.: законодатель также стремился охватить все возможные виды сделок и их нюансы. Но в то же время начинает проявляться стремление выработать абстрактные правовые категории и формулировки. В российском законодательстве конца XVIII в. появилось понятие «собственность». Оно было определено и закреплено в статье 420 первой части десятого тома Свода законов Российской империи: «Собственность есть власть в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вечно и потомственно».

В начале XVIII в. кардинально изменился порядок составления актов. С 1701 г. площадные подьячие стали называться подьячими крепостных дел. Основной вид актов, составлявшихся ими, — **крепости**, т.е. договоры (в основном акты купли-продажи на недвижимое имущество). Одновременно

расширялась номенклатура сделок, фиксируемых крепостями. Составление крепостей регулировалось государством, контроль деятельности подьячих крепостных дел осуществляла сначала Оружейная палата, с 1706 г. — Московская ратуша, а с 1719 г. — Юстиц-коллегия. После ликвидации в 1775 г. Юстиц-коллегии и в связи с проведением губернской реформы контроль над совершением крепостей был децентрализован: крепостное (нотариальное) засвидетельствование стали осуществлять палаты гражданского суда и уездные суды.

Формой реализации обязательственного права был *договор*. Договоры заключались по обоюдному согласию сторон и могли включать любые условия, не противоречившие законодательству. Они могли заключаться в письменной и устной форме. Традиционно сложились три формы письменного заключения договоров: *домашний*, *явочный* и *крепостной*. В первой четверти XVIII в. (по указу 1701 г.) договоры почти всех видов заключались крепостным (нотариальным) порядком, что обеспечивало максимальный контроль со стороны государства. Однако увеличение количества имущественных сделок привело к разграничению сфер крепостной и явочной форм. Крепостным порядком стали заключаться сделки, объектом которых было недвижимое имущество (мена, купля-продажа). Законодательство (в частности, указ о едином наследии 1714 г.) предусматривало введение ограничений при распоряжении недвижимым имуществом, причем они касались не только купли-продажи, но и дарения и мены. Жалованная грамота дворянству 1785 г. сняла некоторые ограничения. С 1811 г. предусматривалось публичное объявление (в газете) о сделках на недвижимость.

В гражданском законодательстве существовали следующие виды договоров: дарение, мена, купля-продажа, запродажа, найм имущества, подряд и поставка, заем и ссуда имущества, поклада, товарищество, страхование, личный найм, доверенность. Каждый из этих договоров оформлялся соответствующей разновидностью акта.

Исследователь в ходе источниковедческого анализа актов, прежде всего при использовании больших их комплексов для изучения проблем имущественных отношений между различными социальными слоями, должен детально разобраться в правовом регулировании тех или иных сделок. Особое внимание в первую очередь следует уделить выяснению как минимум двух аспектов: во-первых, какие сделки обязательно фиксировались документально и, во-вторых, какие категории населения могли вступать в договорные (обязательственные) отношения определенного вида. При анализе актов отдельных разновидностей может потребоваться и иная информация: например, анализируя договоры займа, необходимо знать, что во второй половине XVIII в. государство строго ограничивало размер процента по займам. Без этого невозможно определить адекватность картины, полученной при анализе актового материала. Очертим самые важные ограничения.

Договоры дарения, мены и купли-продажи не требуют особых пояснений. Их предметом в основном было недвижимое имущество. Договор дарения мог быть расторгнут, если заключался несостоятельным должником в пользу близких родственников в течение десяти лет до объявления несостоятельности.

В XIX в. появился *договор запродажи*, по которому продавец обязывался впоследствии заключить договор купли-продажи на недвижимость.

До 1780 г. *договоры имущественного найма* заключались в крепостном порядке, затем для них был установлен явочный порядок. При имущественном найме существовали определенные условия для обеспечения прав собственника. В 1824 г. был установлен предельный срок для сдачи недвижимости внаем — 12 лет, в 1835 г. он был увеличен до 30 лет в отношении земель, арендованных для строительства на них промышленных предприятий.

Договоры личного найма до 1780 г. также заключались в крепостном порядке, затем в явочном. Личный найм сопровождался некоторыми ограничениями: несовершеннолетние дети и жена должны были получить разрешение отца и мужа, крестьяне — помещика или управляющего. Ряд категорий населения мог заключать договоры на срок не более пяти лет. Особая процедура предусматривалась при заключении договора между мастером и учеником. Некоторые права ученика фиксировались в Ремесленном положении 1785 г. и Уставе о цехах 1799 г.

Предметом *договоров подряда и поставки* могли быть постройка, ремонт и слом зданий, поставка материалов, сырья и изделий, перевозка. В ряде законодательных актов начала XVIII в. (1701, 1703, 1705, 1706) предусматривался крепостной порядок заключения таких сделок.

Множеством ограничений оговаривался и договор займа. Наиболее существенным был запрет губернским чиновникам заключать такие договоры с местными жителями (по указу 1740 г.). А с 1837 г. заем во время следствия чиновниками земского суда или полиции у причастных к преступлению лиц рассматривался как взятка. Законодательно регулировался и размер процента, выплачиваемого по займу. По указу 1754 г. он не мог превышать 6% годовых, а в 1786 г. был снижен до 5%, в 1808 г. вернулись к 6% годовых. Запрещалось заключать договоры займа во время игры и для игры. Договоры займа оформлялись крепостным порядком до 1800 г.

Как разновидность акта, фиксирующего *договор займа*, может рассматриваться *вексель* — ценная бумага, содержащая данное в установленной форме обязательство уплатить определенную сумму денег к установленному сроку. *Вексель* — разновидность акта, составление и порядок действия которого регулировались самым детальным образом, начиная с принятия *Вексельного устава* 16 мая 1729 г. И дело не в том, что векселям придавалось особое значение в сравнении с другими видами договоров, хотя и это имело место в связи с развитием денежной системы. *Вексельный устав* — яркий пример регулирования возникающей разновидности актов. Договоры, существовавшие

и ранее, отчасти регулировались обычаем. Указами 1761 и 1771 гг. государственным, дворцовым, монастырским крестьянам, а также дворовым людям запрещалось обязываться векселями.

Предметом *договора поклажи* могло быть любое движимое имущество (в том числе деньги и ценные бумаги). Эти договоры оформлялись крепостным порядком только в первой четверти XVIII в. В дальнейшем вещи оставляли на хранение под расписку или даже без всякого оформления. Отрицание факта принятия на хранение рассматривалось как воровство.

Хотя компании формировались достаточно интенсивно уже с начала XVIII в., государство на протяжении всего столетия уделяло мало внимания регламентации *договора товарищества*. Устав о цехах 1799 г. устанавливал статус наиболее простой формы товарищества — артели. Правила учреждения товариществ были определены манифестом от 1 января 1807 г.

Договоры представительства оформлялись доверенностями, без которых поверенные лица не могли заключать договоры купли-продажи. Поверенный мог действовать строго в границах, очерченных договором, но в этих границах доверитель не мог оспаривать его действия.

В XIX в. начал регламентироваться *договор страхования*. Письменным актом договора страхования был *полис*.

2.4.2

Акты, связанные с проведением крестьянской реформы (уставные грамоты и выкупные акты)

Крестьянская реформа 1861 г. породила значительный комплекс исторических источников, среди которых в первую очередь следует выделить описания помещичьих имений, уставные грамоты и выкупные акты. Две последние разновидности относятся к актовым источникам, и, хотя они связаны с единичным историческим событием, значимость события и репрезентативность корпуса сохранившихся источников заставляют специально обратиться к их рассмотрению.

Уставная грамота фиксировала конкретные условия выхода крестьян из крепостной зависимости и взаимные обязательства сторон (крестьянина и помещика) на период временнообязанного состояния.

Первоначально предполагалось поручить разработку формуляра губернским властям, ограничившись установлением общего принципа: «общим правилом для составления уставных грамот должно быть признано то, чтобы они обнимали все взаимные обязательные хозяйственные отношения владельцев с крестьянами»¹. Но от этой идеи быстро отказались, решив подкрепить

¹ Материалы по подготовке крестьянской реформы синхронно публиковались в следующем издании: Первое издание материалов Редакционных комиссий. СПб., 1860.

сделки между крестьянами и помещиками авторитетом верховной власти. Причем изначально предполагалось, что формуляр уставной грамоты будет печатным, чтобы придать ей в мнении крестьян законный характер¹.

Формуляр уставной грамоты прилагался к высочайше утвержденному «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г. Он предусматривал включение сведений о помещике, о населении имения и его движении с 1858 г. (после последней ревизии) на момент составления уставной грамоты, о земельном наделе крестьян в дореформенный период и после реформы, об отрезке и прирезке земли, о повинностях крестьян до и после составления уставной грамоты, а также сведения о количестве усадеб, их разряде, количестве усадеб, перенесенных на другое место; описывались особые преимущества имения, оставляемые за помещиком сервитуты². В уставной грамоте также указывалась сумма выкупа за усадебный и полевой наделы и оговаривался порядок исполнения повинностей на период временнообязанного состояния.

Уставная грамота завершалась обычными реквизитами актового источника: датой подписания, утверждения и введения в действие, а также подписями помещика или его доверенного лица и крестьян.

Формуляр задавал определенные рамки сделки, и именно поэтому на практике его часто игнорировали. Уже 10 июля 1861 г. был издан циркуляр министерства внутренних дел, позволявший изготавливать бланки уставных грамот с гербом и заглавием, но без самого формуляра. Если использовались бланки без формуляра, то размеры повинностей до реформы не всегда указывались, поскольку в ходе реформы помещикам запрещалось повышать размер оброка. Зачастую не приводилось описание усадебной земли, что также давало помещику возможности для маневра.

Уставные грамоты отличаются от традиционных актов тем, что их обычно сопровождает дело (в делопроизводственном понимании — как комплекс документов), в котором присутствуют первичные документы (протокол мирового посредника, приговор сельского схода, жалобы, решения мирового съезда и т.д.), что дает редкую для актов возможность проследить процесс заключения договора.

Выкупной акт конкретизировал финансовую сторону уставной грамоты, поэтому его формуляр был производным от формуляра уставной грамоты. Но следует отметить: в силу финансового назначения выкупного акта все числовые показатели, содержащиеся в нем, признавались юридически окончательными, что позволяет привлекать их для анализа уставных грамот.

¹ См. выше об отношении подданных к печатным законодательным актам.

² Сервитут — со времен римского права — ограниченное право пользования чужим имуществом (например, право проезда по частновладельческой земле, рубки деревьев в частновладельческом лесу, пользования прибрежной полосой частновладельческой земли для нужд судохозяйства).

В заключение отметим, что и уставные грамоты, и выкупные акты относятся к массовым источникам, однако источниковедческое исследование этих разновидностей имеет свои особенности. При статистической обработке данных необходимо убедиться, что они представляют собой случайные величины, что отсутствует целенаправленное искажение информации, чего, безусловно, нельзя сказать об уставных грамотах, информация которых могла искажаться в пользу помещика, да и к тому же в каждом случае по-разному. Таким образом, проблема достоверности уставных грамот имеет два уровня: установление достоверности отдельно взятой уставной грамоты и установление достоверности их репрезентативного корпуса. Уставные грамоты активно используются исследователями в качестве исторического источника, при этом территориальный охват изучаемых комплексов постоянно расширяется, что позволило разработать специальные методы проверки достоверности больших массивов уставных грамот¹.

2.4.3

Новые разновидности актов рубежа XIX–XX веков — акты акционерного предпринимательства

В конце XIX в. возникли новые разновидности актов, что было связано с развитием частного предпринимательства, в том числе и таких его новых форм, как акционерные компании. По законодательству Российской империи необходимо было получать разрешение на учреждение акционерной компании через утверждение ее устава. Вопрос о видовой принадлежности уставов — дискуссионный, поскольку уставы акционерных компаний могли корректировать и дополнять акционерное законодательство. Поэтому уставы могут рассматриваться как сепаратные законодательные акты.

Уставы акционерных компаний представляют собой типичный массовый источник, поскольку составляли неотъемлемую часть процесса учреждения акционерной компании. Устав содержит информацию о цели образования компании, ее наименовании и местонахождении, размере капитала, количестве и номинале акций. В нем также отражены порядок формирования капитала и распространения акций, права, обязанности и ответственность компании и акционеров, порядок отчетности, распределения дивидендов. Кроме того, устав содержит информацию об организации и порядке управления компанией: структуре, функциях и правах правления и общего собрания акционеров, порядке ведения дел, решения споров, а также ликвидации компании. Формуляр устава законодательно не регламентировался, но быстро сложился по традиции, исходя из требований закона к содержащейся в уставе инфор-

¹ См. главным образом работы Б.Г. Литвака, в частности монографию «Русская деревня в реформе 1861 года» (М., 1972).

мации. Обычно устав включал следующие разделы: а) цель учреждения, учредители, права и обязанности компании; б) основной капитал, акции, права и обязанности владельцев акций; в) права и обязанности правления; г) порядок отчетности, распределения прибылей и выдачи дивидендов; д) функции, права и обязанности общего собрания акционеров; е) порядок разрешения споров, прекращения деятельности общества и его ликвидации.

Дата утверждения устава считалась официальной датой возникновения компании, но поскольку основной капитал собирался на основании утвержденного устава, то реально компания начинала функционировать спустя какое-то время либо вообще могла не начать свою деятельность.

С функционированием акционерных компаний связано и возникновение такой разновидности актовых источников, как **акции**. Законом 1836 г. вводились лишь именные акции, а уставы акционерных компаний предусматривали и акции на предъявителя. Устав акционерной компании устанавливал формуляр акции, правила владения ею и передачи от одного владельца другому.

2.4.4

Проблемы источниковедческого исследования актов

Актовое источниковедение — дипломатика. Давно и плодотворно разрабатываемое на средневековом материале, оно (за исключением отдельных разновидностей актов, например таких, как уставные грамоты) мало привлекает внимание исследователей истории XVIII–XIX вв. Актовые источники, особенно частно-правовые акты, обычно содержат чрезвычайно ценную информацию, которая не может быть почерпнута сколь-либо полно ни из какого другого источника. Это сведения о реальном правовом статусе отдельных категорий населения, реализуемом в имущественных и обязательственных отношениях. Но для получения такой информации необходимо исследовать репрезентативные комплексы актов.

Новые перспективы открывает развитие источниковедения массовых источников. Вместе с тем подчеркнем, что, прежде чем применять к актовому материалу методы математической статистики для выяснения, например, структуры имущественных отношений, необходимо тщательно исследовать достоверность отдельных актов и их комплексов, а также установить степень полноты дошедшего до нас актового материала. Частно-правовые акты имели значение лишь для лиц, вступавших в договорные отношения. В связи с этим они не поступали на государственное хранение, и даже сохранившиеся акты расплывены по различным хранилищам и фондам. Поэтому достаточно плодотворным может быть обращение к материалам государственных учреждений, регистрировавших сделки, а в некоторых случаях и к газетной периодике, в которой публиковались объявления о сделках на недвижимое имущество.

2.5

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Делопроизводственные материалы — вид исторических источников, функция которых — документное обслуживание различных управляющих систем (государственное делопроизводство, вотчинное делопроизводство, делопроизводство акционерных компаний и т.д.). В структуре делопроизводственной документации выделяются группа разновидностей, обеспечивающих принятие и реализацию управленческих решений, и группа разновидностей, обеспечивающих документооборот.

На протяжении XVIII в. и почти всего XIX в. большая часть делопроизводственных документов возникала в системе государственного аппарата. И только в конце XIX в. в связи с акционированием промышленности и созданием монополий расширилась негосударственная сфера ведения делопроизводства. Источником делопроизводственной документации, однако гораздо менее значительным, становились и общественные организации. Отметим, что делопроизводственных материалов государственных учреждений не только было намного больше, чем прочих, но они и лучше сохранились благодаря организованной в начале XVIII в. архивной системе их хранения.

Таким образом, делопроизводство как вид исторических источников воспроизводит систему государственного аппарата. Еще раз напомним о дискуссии (чаще латентной, чем явной) о направленности причинно-следственной связи: с возникновением новых учреждений порождаются новые документы, или необходимость в обработке количественно растущей и структурно усложняющейся документации (фактически за этим стоит обработка информации документов) ведет к усложнению государственного аппарата. Присоединимся ко второй точке зрения с той оговоркой, что усложнение государственного аппарата, в свою очередь, приводит к усложнению делопроизводства, появлению большого количества документов, обслуживающих документопотоки.

Зависимость делопроизводства от изменений системы государственных учреждений ведет к периодизации развития данного вида исторических источников в соответствии с кардинальными преобразованиями государственного аппарата. Внутри рассматриваемого периода выделяются два этапа: коллежский и министерский. Однако не следует пренебрегать и другими критериями — например, такими, как изменение формы документов. Отметим, что при тесной взаимосвязи этих изменений реорганизация государственного аппарата в первую очередь влияет на организацию документопотоков и систему разновидностей делопроизводственной документации. Изменения формы ведения делопроизводства — переход от столбцовой формы к тетрадной, закрепление формуляра, применение бланков документов — сказывались на сохранении отдельного документа.

2.5.1

Законодательная основа делопроизводства

Особенностью делопроизводства XVIII–XIX вв. по отношению к предшествовавшему периоду стало то, что его важнейшие основы утверждались законодательно.

В начале XVIII в. создавалась новая система государственных учреждений, причем их возникновение оформлялось законодательно, а для многих из них издавались регламенты, регулировавшие деятельность учреждения, и в том числе делопроизводство. В начале XVIII в. иногда специально оговаривалась необходимость документирования управленческих решений. Так, в 12-й главе указа от 27 апреля 1722 г. «О должности Сената» говорится: «В Сенате никакое дело исполнено быти надлежит словесно, но все письменно, понеже Сенату в таких важных повелениях вельми нужно иметь всякое опасение и осторожность, дабы наш интерес ни в чем не повредить и того ради всем членам не прийти к тяжкому ответственанию, також и нам ни в чем бы сумнительно быти могло».

28 февраля 1720 г. был издан Генеральный регламент — основополагающий законодательный акт, определивший систему делопроизводства вплоть до революции 1917 г. Впоследствии, на протяжении XVIII–XIX вв., издавалось множество законодательных актов, устанавливавших формуляр документов отдельных разновидностей, порядок их прохождения, организацию документопотоков между учреждениями и решавших многие другие частные вопросы организации делопроизводства.

Генеральный регламент состоит из 56 частей. В регламенте обосновываются преимущества коллежской системы по сравнению с приказной. Значительная часть этого законодательного акта посвящена установлению штатов и описанию должностных обязанностей. Впервые вводимая дифференциация должностей была столь значительной, что не могла не сказаться на организации делопроизводства. Как известно, коллегия состояла из присутствия (общего собрания членов) и канцелярии, в которой и было сосредоточено делопроизводство. Во главе канцелярии стоял секретарь, который готовил дело к слушанию на коллегии. Кроме секретаря предусматривались должности нотариуса, который должен был вести протоколы заседаний, актуариуса, который был обязан регистрировать документы и передавать их исполнителям, а также регистратора, отвечавшего за оформление исходящих и регистрацию входящих и исходящих документов. Основные категории служащих канцелярии — канцеляристы и копиисты, причем первые готовили документы, вторые переписывали их набело.

Генеральный регламент предполагал обязательность обучения канцелярских служащих. По указу от 10 ноября 1721 г. для подьячих была создана школа при Сенате. Кроме того, в Генеральном регламенте формулировались

общие правила составления документов, указывались основные реквизиты. Например, в начале протокола следовало проставлять дату заседания и перечислять присутствующих.

11 января 1721 г. был издан Регламент, или Устав, Главного магистрата, к которому прилагались формы ведомостей, рапортов и т.д. На протяжении XVIII в. включение в законодательный акт формуляра документов стало обычным делом. Чаще всего давался формуляр учетных документов. Хотя можно найти и иные примеры: так, в указе «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. содержится образец составления челобитной.

Законодательно регламентировалось и прохождение документов, например в Учреждении для управления губерний 1775 г.

С самого начала XVIII в. законодатель много внимания уделял порядку подачи челобитных. Челобитные всегда подавались на имя государя. В XVIII в. в силу рассмотренных выше причин их количество увеличивалось, и законодатель был вынужден пресечь практику подачи челобитных непосредственно царю.

В 1802 г. прошла министерская реформа. Указ от 17 августа 1810 г. «Разделение государственных дел по министерствам» уточнил разграничение сфер деятельности министерств, конкретизировал их функции. 25 июня 1811 г. вышло «Общее учреждение министерств», в котором фиксировалась их структура. На основании этого законодательного акта издавались уставы и положения каждого министерства. С изменением структуры государственного аппарата изменилось и делопроизводство.

2.5.2

Разновидности делопроизводственных материалов

Многообразие разновидностей делопроизводственных документов обусловлено прежде всего сложной структурой государственного аппарата. Можно выделить три группы делопроизводственной документации: 1) переписка учреждений; 2) внутренние документы; 3) просительные документы (часто выступающие как инициативные при формировании дела).

Нижестоящие учреждения или должностные лица посылали вышестоящим **доношения** (донесения). Донесение нижестоящего должностного лица вышестоящему могло называться **рапортом**. Рапортами обычно назывались и донесения, посылаемые в Сенат. Донесение об исполнении какого-либо распоряжения могло называться **экзакуцией**.

Учреждения одного уровня посылали друг другу **промемории**. Учреждения, не связанные соподчиненностью, могли также посылать друг другу **ведения**.

Частные лица обращались в государственные учреждения с прошениями, которые в XVIII в. обычно по-прежнему назывались **челобитными**.

Постепенно начала возрастать роль внутренней документации, обслуживавшей документопоток внутри учреждения. При поступлении в учреждение документы регистрировались, им присваивался номер, ставилась дата, в регистрационном журнале передавалось содержание документа и отмечалось, кому он отдан для исполнения. Входящие документы учитывались в специальных книгах (*регистратурах*), в которых отдельно в хронологической последовательности записывались документы, полученные от царя, Сената и других учреждений. Отдельно регистрировались исходящие документы. В XVIII в. при регистрации текст документа часто копировался. К внутренней документации относятся также документы, возникшие в ходе подготовки дела к рассмотрению, — *протоколы и журналы заседаний*.

В XIX в. основные разновидности делопроизводственной документации сохранились, некоторые изменили название. Ушли в прошлое челобитные, остались *прошения*, место проеморий заняли *отношения*.

Как особая разновидность донесения может рассматриваться *отчет*, посылаемый нижестоящим учреждением вышестоящему. Отчеты получают распространение главным образом в XIX в. Наибольший интерес представляют отчеты о деятельности высших и центральных учреждений, а также губернаторские и генерал-губернаторские отчеты.

Ежегодные *отчеты министров* о деятельности министерств были рассмотрены манифестом от 8 октября 1802 г. об учреждении министерств. Однако, несмотря на требования манифеста и последующие неоднократные указания, министерские отчеты, по-видимому, систематически не составлялись. Часто подготовка такого отчета и степень подробности содержащейся в нем информации зависели от воли министра. Не была устойчивой и структура отчета: он мог составляться либо по структурным подразделениям, либо тематически.

Отчеты Государственного совета составлялись периодически и были весьма краткими. В 1804 г. появились *губернаторские отчеты*. Их комплекс за XIX в. наиболее репрезентативен.

В XIX в. усложнилась регистрация документов: документ регистрировался на всех этапах своего движения. О масштабах явления дает представление опубликованное в 1858 г. «Руководство к наглядному изучению административного порядка течения бумаг в России». Согласно ему в земском суде в процессе исполнения документ проходил 26 операций, в губернском правлении — 54 операции, в департаменте министерства — 34, в совете министров — 45¹. В XIX в. сохранилась журнальная форма регистрации. В каждом структурном подразделении регистрировались все входящие и исходящие документы. Для регистрации входящих документов в канцелярии министра и департаментах существовали *общие и частные журналы*. В общий журнал вносились

¹ Подсчеты М.П. Илюшенко.

все поступившие документы. В частном журнале канцелярии министра отмечались те документы, которые исполнялись в самой канцелярии. Частные журналы велись в отделениях для регистрации документов, поступавших на исполнение из департамента. В канцелярии министра и департаментах существовало по два журнала для регистрации исходящих документов. Они также назывались общим и частным, но распределение функций между ними было иное: в общий журнал вносилось краткое содержание документа, а в частный документы (точнее, их отпуски, поскольку сами документы после записи в общий журнал отсылались адресатам) переписывались дословно.

Журнал как форма фиксации обсуждения и решения обычен для XIX в. В нем ход заседания фиксировался более кратко, чем в протоколе: излагался обсуждаемый вопрос, фиксировались мнения большинства и меньшинства, а также особые мнения, и указывалось, какое из них было утверждено в качестве решения. Журналы разных учреждений различаются по степени подробности фиксации обсуждения. Наиболее подробны *журналы Государственного совета*, менее — *журналы Комитета министров*.

В 70-е годы XIX в. появилась такая форма фиксации хода заседаний, как *стенографические отчеты*, в частности для записи заседания Особого присутствия Правительствующего сената по делам о государственных преступлениях. Эта форма получила распространение в начале XX в., а *стенографические отчеты заседаний Государственной думы* синхронно публиковались.

2.5.3

Эволюция формы делопроизводственных источников. Влияние формы на содержание

Кардинальные изменения в делопроизводстве были обусловлены заменой его столбцовой формы тетрадной по указу 1700 г. Этому преобразованию предшествовало и, по-видимому, способствовало введение в 1699 г. гербовой бумаги, продаваемой отдельными листами. На ней писали прошения, которые часто были инициативными документами.

В ряде законодательных актов того времени обосновывалось преимущество тетрадной формы ведения дел. Конечно, необходимость изменения делопроизводства была вызвана прежде всего ростом потребности в документировании, но оно, в свою очередь, оказало влияние на содержание отдельно взятого документа. При тетрадной форме бумага экономилась не только за счет того, что теперь писали на обеих сторонах листа («...как учнут писать в лист и на обеих сторонах в тетради, бумаге расходу будет меньше», — говорится в одном из указов), а прежде всего потому, что исчезла необходимость заново кратко излагать все дело, поскольку каждый раз разворачивать многометровый столбец с тем, чтобы найти инициативный документ, было неудобно, а работать с тетрадью довольно просто. Правда, знакомство

с делопроизводственной документацией XVIII в. убеждает в консерватизме чиновников: очень часто в тетрадах, так же как и на столбцах, повторялось содержание предшествующих документов. Медленному изживанию этой традиции способствовала и коллегиальная организация государственного аппарата с четким отделением канцелярии и ее определяющим значением в подготовке дел к слушанию и в оформлении решений.

Под влиянием перехода к тетрадной форме делопроизводства стабилизировался формуляр, выделились отдельные реквизиты, которые имели постоянное месторасположение на листе: разновидность документа, адресат, дата.

С 1830 г. в делопроизводстве стали использовать бланки, на которых основные реквизиты (наименование ведомства, название учреждения, его структурной части, дата, номер, заголовок) исполнялись типографским способом.

2.5.4

Специальные системы делопроизводства

К специальным системам государственного делопроизводства можно отнести судебно-следственную, военную, дипломатическую. Каждая из них имела свою специфику, более или менее выраженную.

Отличия *судебно-следственной документации* существенны. Одна из ее разновидностей для XVIII в. — *пыточные речи*. В XIX в. им на смену пришли *протоколы допросов* и собственноручные письменные показания подсудимых. Инициативным документом в судебно-следственном деле мог выступать *донос*. Документам часто сопутствовали вещественные доказательства (как письменные, так и вещественные), которые не следует относить к судебно-следственной документации, — эти исторические источники создавались их авторами с какой-то конкретной целью, а не для того, чтобы служить вещественным доказательством в процессе следствия и суда.

Основной массив судебно-следственных документов только в последнее время начал привлекать внимание исследователей. До сих пор в научный оборот были введены судебно-следственные дела, связанные с наиболее яркими эпизодами революционного движения. Существуют добротные публикации судебно-следственных материалов процессов по делу декабристов, петрашевцев; опубликовано следственное дело Н.Г. Чернышевского. Однако их специфика обусловлена не только неординарностью зафиксированных в них событий, но и тем, что в особых случаях для следствия создавались специальные государственные органы — следственные комиссии и комитеты. Хорошо известно, например, что следствие по делу декабристов осуществлял Тайный комитет для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества.

Кроме того, состав и содержание судебно-следственной документации зависели не только от характера учреждений, осуществлявших следствие

и суд, но и от уголовного и уголовно-процессуального законодательства, что, в свою очередь, было непосредственно связано с господствовавшей правовой концепцией. Уже в начале XVIII в. возросло значение документов в процессе следствия. В 1715 г. был издан указ «Краткое изображение процессов или судебных тяжб».

В целом, при всей значительности различий судопроизводства в XVIII в. и первой половине XIX в., вплоть до судебной реформы 1864 г. основу доказательства составляло признание вины обвиняемым. Поэтому ведущая роль принадлежала следствию: следственная документация количественно и качественно преобладала над судебной.

2.5.5

Справочные издания

Справочные издания можно считать самостоятельным видом исторических источников. Однако они будут рассмотрены в связи с делопроизводственной документацией, поскольку справочные издания XVIII–XIX вв. содержат информацию преимущественно о государственном аппарате (его личном составе и структуре).

В качестве примера возьмем эдиционную историю адрес-календарей — уникального справочного издания, существовавшего с 60-х годов XVIII в. до 1917 г.

Адрес-календари — это публиковавшиеся академией наук списки чиновников различных учреждений. История их издания фрагментарно отразилась в документах небольшого по объему фонда «Календарная комиссия», который хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. Нельзя с достаточной степенью точности ответить на вопрос о том, почему издание адрес-календарей с самого начала находилось в ведении канцелярии Императорской академии наук.

Частично ответ можно найти в протоколе заседания присутствия Герольдмейстерской конторы от 11 мая 1764 г. В этот день секретарь конторы Спиридонов доложил, что занимающий генерал-прокурорскую должность князь А.А. Вяземский приказал ему, чтобы «по несвобоности в сенатской типографии к напечатанию о определенных в коллегии, канцелярии, конторы и губернии о членах реестров отослано было напечатать в типографию академии наук». Точную причину передачи этого издания в ведение канцелярии академии наук установить не удалось. Даже составитель исторической справки об издании адрес-календарей с первоначального составления по 1811 г. архивариус Минеман в справке от 2 ноября 1828 г. писал: «...что ж касается до причин издания помянутого месяцеслова, так равно и других каких-либо перемен, то по делам архива комитета правления ничего не видно».

Привилегия на публикацию адрес-календарей сохранялась за канцелярией академии наук с 1765 по 1867 г. Академия очень дорожила календарной привилегией (кроме адрес-календарей она издавала и другие календари) и протестовала, если кто-либо пытался ее оспаривать. Так, в 1819 г. возник вопрос о том, печатать ли в остзейских губерниях месяцесловы согласно их привилегиям или это право принадлежит академии наук, что было подтверждено в 1803 г. 115-м параграфом ее регламента. Министр народного просвещения С.С. Уваров считал, что параграф 115 регламента 1803 г. снимает остзейские привилегии. Однако было принято решение, что остзейские губернии по-прежнему будут пользоваться своей привилегией, поскольку академия наук раньше никогда не оспаривала этого права. Регламент же 1803 г. не давал новой привилегии, а подтверждал старую.

В 1857 г. вопрос о привилегии на выпуск календарей, в том числе и адрес-календаря, возник в переписке по поводу возможности издания памятной книжки для Казанской губернии. Недовольство со стороны представителей академии наук вызвало то, что в программу памятной книжки «введены некоторые предметы, входящие в состав календарей, издаваемых академией наук, а именно: в первом отделе: а) церковное летосчисление; б) местный календарь; в) год астрономический». В ответе от 12 сентября 1857 г. президента академии наук на письма министра народного просвещения С.С. Уварова и товарища министра князя П.А. Вяземского объяснялась и причина этого недовольства: «А как по уставу академии, ей предоставлено исключительное право печатания календарей и доход от продажи оных составляет главный источник пополнения экономической ее суммы, которая высочайше назначена на многие сверхштатные расходы в § 111 того устава означенные, то по сему со стороны академии и не может быть изъявлено согласия на допущение в казанскую памятную книжку вышеназванных статей, тем более что по высочайше утвержденному 25 октября 1855 г. положению комитета гг. министров о разрешении издавать памятную книжку Олонецкой губернии <...> подобныя книжки дозволено разрешать по всем губерниям, следовательно, в случае если бы по многим губерниям были издаваемы памятные книжки с допущением в них статей собственно календарного содержания, то доход академии подвергся бы неминуемо значительному сокращению». Выпуск календарей был столь прибыльным делом, что к нему обращались и частные издатели. Стремление академии наук сохранить свои доходы от печати календарей прослеживается при обсуждении в 1858 г. вопроса об отдаче издания адрес-календарей на десять лет на откуп А.А. Смирдину.

В донесении комиссии, назначенной для рассмотрения дела о календарях, которое было оглашено на общем собрании академии наук 13 января 1858 г., содержится свод мнений по этому вопросу, составленный академиком А.А. Куником. Мнение против отдачи календаря на откуп основывалось на убеждении в недопустимости рассматривать календарь только как источник

доходов. Так может его рассматривать откупщик, не обращая должного внимания на репутацию академии и основательность календаря. Высказывались также мнения о введении календарного штемпеля и об уступке со стороны академии ее календарной привилегии правительству взамен ежегодного вознаграждения. Причем в этой части свода мнений подчеркивается, что «академия наук приобрела свою привилегию немедленно после своего основания совершенно законным путем, а именно на тот конец, чтобы сбытом календарей покрывать множество значительных, совершенно необходимых издержек, для которых в штат академии никогда не были назначены особые суммы». При том же августейшие покровители академии неоднократно подтверждали эту привилегию для означенной цели. Все возражения против введения календарного штемпеля и против уступки привилегии основывались также на возможности уменьшения доходов академии. В результате было принято решение об издании адрес-календаря на прежнем основании. Тогда же было предложено передать некоторые вопросы, связанные с выпуском адрес-календаря, в частности назначение редакторов, в ведение конференции академии наук, что свидетельствует о стремлении повысить качество адрес-календарей. До этого издание адрес-календарей полностью находилось в ведении комитета правления, который по уставу должен был заботиться о хозяйственных делах. О том, что академия наук не только рассматривала издание различных календарей как источник дохода, но и заботилась об их информационной ценности и доступности, свидетельствует докладная записка академика П.И. Кеппена от 21 августа 1845 г. об удешевлении издания календарей и возможности распространения с их помощью «общепользовательных познаний». Однако возможность получения доходов от издания календарей все-таки, по-видимому, имела первостепенное значение.

Много внимания уделяется этой проблеме и в исторической записке, составленной в 1897 г., о календарной привилегии, данной академии наук. Основная мысль этой записки состоит в том, что доходы академии наук обеспечивала лишь монополия на издание календарей (календарная привилегия), а с ее отменой доходы стали падать. Несомненно, эту специфическую цель издания адрес-календарей надо учитывать при анализе и использовании их информации.

Однако основная проблема источниковедческого анализа адрес-календарей — это изучение методики сбора сведений для данного издания. Хотя как вид исторических источников адрес-календари целесообразно отнести к справочным изданиям: все-таки они самым тесным образом связаны с системой учета чиновничества.

Сведения для издания адрес-календарей собирались автономно и не зависели от других форм учета чиновничества. Такая система сбора сведений для адрес-календарей, очевидно, была вынужденной и объяснялась неспособностью Герольдмейстерской конторы предоставить необходимые сведения,

несмотря на то что первоначально предполагалось, что именно данные о чиновниках, имеющиеся в Герольдмейстерской конторе, станут основой для издания адрес-календарей. Это видно из промемории канцелярии академии наук, посланной в Герольдмейстерскую контору 16 октября 1763 г. Канцелярия академии наук требовала от Герольдмейстерской конторы присылку ведомостей о том, «кто имяны в губерниях, провинциях и городах генерал-губернаторы, губернаторы, вице-губернаторы, воеводы и их товарищи и прочие чины даже до секретаря, так же как здесь, так в Москве в коллегиях, канцеляриях и конторах и в прочих присутственных местах кто где президенты, вице-президенты и прочие штатского чина в присутствии и при прочих должностях даже до секретаря ж в ведомстве Герольдмейстерской конторы находятся». При этом ведомость должна быть «с показанием <...> генералитетским персонам всех чинов, имен и отчеств, а штабским чинов имен». Это обстоятельство и свидетельствует о том, что речь идет об издании адрес-календаря, так как в нем указывались, как правило, именно эти данные, хотя в промемории само название «адрес-календарь» не упоминается.

Эта промемория академии наук рассматривалась в присутствии Герольдмейстерской конторы 24 октября 1763 г., и было принято решение снять копии с имеющихся списков и отослать их в канцелярию академии наук, при этом сообщив, что «хотя от Герольдмейстерской конторы из штаб- и обер-офицеров для определения к разным делам в коллегии, канцелярии, конторы, губернии, провинции и города многие и отосланы, но оные действительно ль при делах находятся или не у дел, неизвестно, за чем их в тех списках показать невозможно». 27 октября 1763 г. в соответствии с этим решением в канцелярию академии наук была послана промемория, к которой прилагался «Список высокоучрежденным господам сенаторам, генерал- и обер-прокурорам, коллежским президентам, вице-президентам и в других канцеляриях, конторах и приказах членам». Даже при беглом взгляде на этот «Список...» заметна его неполнота и особенно в той части, где речь идет о чиновниках местных учреждений: для большинства губерний указано по два-семь чиновников. Чаще всего назывались губернатор и вице-губернатор.

Неосведомленность Герольдмейстерской конторы привела к необходимости несколько изменить порядок сбора данных, о чем свидетельствует письмо от 17 ноября 1764 г. из канцелярии академии наук в Герольдмейстерскую контору. В нем, в частности, говорится: «За неприсылкою из герольдии требуемой в академию о штатских чинах ведомости в напечатании адрес-календарей учинилась крайняя остановка, ибо из всех прочих мест таковые ведомости уже получены».

В ответ на это письмо 18 ноября 1764 г. Герольдмейстерская контора послала в канцелярию академии наук промеморию с приложением списка «высокоучрежденным господам сенаторам, генерал- и обер-прокурорам, президентам, вице-президентам и членам, генерал-губернаторам, губернаторам,

воеводам и их товарищам, также прокурорам и секретарям, которые в приеме дежурном или дневальном». Изучение текста списка показывает, что на этот раз данные о составе чиновников были получены Герольдмейстерской конторой непосредственно из учреждений. К этому надо добавить, что рассматриваемый список, присланный из Герольдмейстерской конторы, лег в основу первого адрес-календаря, который был издан в 1765 г.

На протяжении второй половины XVIII в. адрес-календарь несколько раз менял свое название. В 1765–1767 гг. он назывался «Адрес-календарь российский на лето от рождества Христова <...>¹, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит»; в 1768 г. он был переименован в «Календарь, или Месяцеслов, с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова <...>», а с 1769 по 1804 г. носил название «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова <...>». Впоследствии, на протяжении большей части XIX в., это справочное издание называлось адрес-календарем, как оно обычно и упоминается.

Дата выхода в свет первого адрес-календаря дает возможность установить его прямую связь с документами Герольдмейстерской конторы, предшествовавшими появлению адрес-календаря, определить степень оперативности его подготовки и издания. Все это существенно при определении степени адекватности отражения в адрес-календарях состояния чиновничества в тот или иной период. Ведь если сведения для первого адрес-календаря были собраны в 1764 г., а вышел он в 1766 г., то сразу же напрашивается отрицательный ответ на вопрос, отражает ли адрес-календарь состояние чиновничества на тот год, которым он датирован². И естественно, что в таком случае при использовании адрес-календаря как исторического источника необходимо было бы учитывать расхождение во времени между сбором сведений и изданием.

¹ Здесь и в двух последующих приведенных названиях на месте пропуска указывался год, на который рассчитан календарь.

² Такое утверждение содержится в монографии: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974. П.А. Зайончковский в работе «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» (М., 1978) называет 1769 г., но никак не объясняет эту дату. С.М. Троицкий, как уже отмечалось, относит выход первого адрес-календаря к 1766 г., хотя в его работе есть ссылка на наличие в фонде Герольдмейстерской конторы подготовительных материалов, относящихся к первому адрес-календарю. Ошибка С.М. Троицкого при датировке выхода в свет первого адрес-календаря, по-видимому, объясняется возникшей путаницей с другим изданием, название которого С.М. Троицкий и приводит в своей работе, а именно со «Списком находящимся у статских дел господам сенаторам, обер-прокурорам и всем присутствующим в коллегиях, канцеляриях, конторах, губерниях, провинциях и городах, тако ж прокурорам, обер-секретарям, эскуторам и секретарям», издававшимся с 1766 г. и с 1769 г. получившим название «Список находящимся в гражданской службе во всех присутственных местах. С показанием каждого вступления в службу и в настоящий чин», публиковавшимся до 1773 г.

Знание точного времени выхода в свет первого адрес-календаря позволяет с большим основанием рассматривать адрес-календари как одну из важных составных частей зарождающейся системы учета чиновничества. Можно утверждать, что первый адрес-календарь был издан в 1765 г. Эта дата стоит на его титульном листе, и в уже упоминавшейся исторической справке, составленной архивариусом Минеманом 2 ноября 1828 г., говорится, что первый адрес-календарь вышел в свет в этом году.

Он был весьма несовершенным. Это признавали и его издатели, которые писали в послесловии, что в первом опыте адрес-календаря могут быть ошибки «как в титулах, так и в подробном показании присутственных мест и состоящих при разных должностях персон». Это, по их мнению, объясняется тем, что недостаток времени не позволил «отовсюды собрать верныя справки». Заслуживает особого внимания и то место из послесловия, где говорится, что улучшить адрес-календарь можно тогда, когда «не только показанные уже в сем календаре присутственные места и команды, но и те, о которых единственно по неимению об них известия ныне не упомянуто, пришлют в академию наук о состоящих при них и под их ведомством в генералитетских, штабских и обер-офицерских рангах персонах исправные ведомости». По сути, это прямое указание на то, что сведения для составления адрес-календарей после безуспешной попытки получить их из Герольдмейстерской конторы стали собираться непосредственно из учреждений, что подтверждает автономность этого направления учета чиновничества.

Надо отметить, что академия наук пыталась организовать сбор сведений о чиновниках для публикации их в календарях еще задолго до выхода в свет первого адрес-календаря. Это видно из посланной в ноябре 1746 г. из академии наук в Юстиц-коллегию лифляндских и эстляндских дел промемории, в которой говорится, что «академия наук намерена в календарь будущего 1747 году для публичного известия внести все статские чины от первого класса до ранга майорского с их званиями и честями. Чего ради сим требуется, дабы известие о всех во оной коллегии обретающихся господах присутствующих до ранга майора прислано было в канцелярию академии наук немедленно, чтоб оное в коротком сего оканчивающагося году времени можно было заблаговременно напечатать». Однако нам неизвестно, увенчалась ли успехом эта попытка.

Правда, Герольдмейстерская контора во второй половине XVIII в. также достигла успеха в организации учета чиновничества и, по-видимому, уже могла давать сведения для издания адрес-календарей, о чем свидетельствует письмо Трацинского Бакунину от 7 сентября 1797 г. по поводу источников сведений, собираемых для календарей. В письме говорится, что государь император «повелеть <...> изволил дать <...> знать, что академия наук может и должна к следующему новому году напечатать придворный и штатский календари, с тем только, чтобы она не требовала частно ни от каких мест списков

о чинах, поелику оные могут быть неверные, а что вы получите исправные списки о всех чинах по гражданской службе от генерал-прокурора, а по военной от генерал-адъютантов...». Однако практика автономного сбора сведений для издания адрес-календарей сохранилась, что подтверждают многочисленные материалы, отложившиеся в фонде календарной комиссии в результате присылки сведений о чиновниках непосредственно из учреждений. Кроме того, в исторической записке, составленной в 1897 г. о календарной привилегии, данной академии наук, говорится: «Пользуясь содействием ученых, принадлежавших к ея составу, академия всемерно старалась о постепенном усовершенствовании и пополнении научных сведений в календарях, а вместе с тем закон (Свод законов. Т. III. Устав о службе гражданской изд. 1842 г. Ст. 1425, 1426, 1427 и 1428) обеспечивал доставление академии от подлежащих властей официальных данных для составления адрес-календаря».

Процесс подготовки адрес-календарей к публикации свидетельствует о том, что они представляют собой не только справочное издание, но и существенную составляющую системы учета чиновничества, в значительной степени из-за автономности сбора сведений для их выпуска. Однако информативность адрес-календарей в начальный период их существования во второй половине XVIII в. минимальна. В них не содержится никаких сведений о чиновниках, кроме их должности, чина и фамилии. Несмотря на это, адрес-календари представляют собой ценный исторический источник, так как приводят сведения о большой группе чиновников придворных, высших, центральных и местных учреждений за продолжительный период.

При источниковедческом анализе адрес-календарей встает проблема их полноты. Тщательное исследование этого вопроса особенно необходимо при использовании адрес-календарей за XVIII в. Выше уже говорилось, что существенную неполноту первого адрес-календаря признавали даже его издатели. В дальнейшем в адрес-календарь включались сведения о все более широком круге чиновников, но его издание по-прежнему оставалось неполным, что признается в исторической справке, составленной в 20-е годы XIX в. В ней говорится: «До 1805-го года адрес-календарь составляем был без всякого систематического порядка. В оном не только опущены были многия присутственные места и в числе сих некоторые из самых важнейших, но и помещенныя в росписи не были надлежащим образом расположены, так что из онаго нельзя было усмотреть общей связи государственного управления». Поэтому при использовании адрес-календаря за какой-либо год необходима тщательная проверка его полноты путем сопоставления с действовавшими в этот период штатами и всей системой государственных учреждений.

Обширную группу адрес-календарей дополняют два других справочных издания — «Список находящимся в гражданской службе во всех присутственных местах. С показанием каждого вступления в службу и в настоящий чин» и «Список состоящим в статской службе чинах первых осьми классов»,

издававшийся в 1773, 1775–1780, 1783–1784, 1786, 1788 и 1790–1797 гг. Издание последнего «Списка...» было связано с тем, что государство гораздо больше внимания уделяло учету чиновников-дворян, чем всех прочих чиновников. Это отразилось в общей направленности составления формулярных (послужных) списков чиновников в 60–90-е годы XVIII в.

С 1828 г. памятные книжки издавались военным министерством, а с середины XIX в. — губерниями. В губернских памятных книжках, кроме сведений о чиновниках губернии, приводятся данные о географическом положении губернии, разнообразные статистические сведения о промышленных предприятиях, землевладении, урожайности, численности скота, о торговле, иногда даются сведения о купцах I и II гильдий.

С 1871 г. Московская городская дума начала издавать адрес-календарь Москвы. Постепенно количество и разнообразие сведений увеличивалось, в издание включалась информация о выборных должностях, об акционерных обществах, банках, благотворительных учреждениях, списки лиц некоторых профессий (присяжных поверенных, врачей), а также списки домовладельцев и с начала XX в. — сведения обо всех жителях — съемщиках квартир.

С 1875 г. это издание стало называться «Вся Москва. Адресная и справочная книга». С 1894 г. аналогичное издание появилось в Санкт-Петербурге.

В конце XIX в. выходили неофициальные справочные издания. Например, с 1895 г. А.С. Суворин издавал справочник «Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации».

2.5.6

Проблемы источниковедческого исследования делопроизводственной документации

В исследовательской разработке делопроизводственной документации наблюдается явный диссонанс между ее изучением, с одной стороны, с точки зрения внешних признаков, структуры разновидностей и организации документопотоков, с другой — ее источниковедческим изучением и использованием в исторических исследованиях. Первый аспект изучен более или менее удовлетворительно, прежде всего в рамках специальной научной дисциплины «История и организация государственного делопроизводства». Но данная научная дисциплина возникла и развивалась для обслуживания потребностей архивного дела и не выходила на содержательный анализ делопроизводственных источников.

В исторических исследованиях используется главным образом отчетная документация и, как правило, без тщательной источниковедческой разработки. Проблема достоверности сведений даже не всегда ставится, не говоря уже о том, что решить ее невозможно вне рамок систематического источниковедческого исследования. Исключение, пожалуй, представляет только ис-

следование губернаторских отчетов, осуществленное Б.Г. Литваком¹. Наиболее активно востребуется информация из судебно-следственных материалов, связанных с революционным движением. В целом делопроизводственная документация обычно использовалась в худших традициях позитивистской историографии: из нее извлекались отдельные факты.

Обширные комплексы делопроизводственной документации с источниковедческой точки зрения не исследовались, хотя именно такое изучение могло бы дать представление о том, как управлялась Российская империя, каковы были механизм и эффективность функционирования государственной власти (хотя бы на уровне отдельной губернии или ведомства²). Источниковедческая разработка комплексов делопроизводственной документации — задача весьма сложная из-за большого количества документов и многократного дублирования содержащейся в них информации. Поэтому исследователь должен хорошо знать организацию системы делопроизводства с тем, чтобы, во-первых, оценить степень полноты сохранившегося комплекса делопроизводственной документации, во-вторых, суметь восполнить пробелы, если такие обнаружатся, за счет дублетной информации и, наконец, выбрать оптимальный способ работы с большими массивами документации. В центре внимания исследователя непременно окажутся две разновидности делопроизводственных источников: журналы регистрации входящих и исходящих документов и протоколы и журналы заседаний.

2.6

МАТЕРИАЛЫ ФИСКАЛЬНОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО УЧЕТА

Учетная документация — группа видов исторических источников, включающая материалы фискального, административного, церковного учета населения и учета объектов промышленности и сельского хозяйства, главным образом для контроля реализации управленческих решений.

С усложнением хозяйства, управления, а также в связи с увеличением населения потребность в учете в разных административно-хозяйственных сферах растет, а следовательно, растет и количество учетных документов разных разновидностей. От статистических источников учетные документы отличаются тем, что создают их не для выработки, а для реализации уже принятых управленческих решений. Учетные документы отчасти близки

¹ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения... С. 142–205.

² Опыт такого исследования предлагается в монографии: *Середа Н.В.* Реформа управления Екатерины Второй. М., 2004.

к делопроизводственным. С другой стороны, учетные системы могут перерасти в статистические, что порой и происходит. Однако говорить о превращении учетной документации в статистические источники можно не тогда, когда ее данные начинают подвергаться статистической обработке, а лишь тогда, когда расчет на их последующее использование для выработки управленческих решений влияет на их содержание, т.е. когда в учетную форму вводятся дополнительные параметры в целях взаимной проверки собираемой информации, а также с расчетом на дальнейшее обобщение.

2.6.1

Учет населения в фискальных целях

В начале XVIII в. в связи с острой потребностью государства в деньгах прошла реформа налогообложения. Проведенная в 1710 г. перепись показала, что количество дворов по сравнению с переписью 1678 г. сократилось на 19,5%. В 1716–1717 гг. была проведена так называемая ландратская перепись. Ее итоги выявили необходимость замены нестабильной, трудно определяемой фискальной единицы — двора, и подворная система была преобразована в подушную.

Подушные переписи получили название ревизий. Таким образом, **ревизский учет населения** — это учет податного населения для сбора подушной подати и реализации воинской повинности. Указ о проведении первой ревизии был издан 26 ноября 1718 г. Сначала для подачи *ревизских сказок* устанавливался срок в один год, а вся ревизия должна была осуществляться за три года. Но эти сроки никогда не соблюдались. Проведение ревизии растягивалось на несколько лет. Сроки проведения ревизий представлены в *табл. 3*.

За 140 лет было проведено десять ревизий: пять в XVIII в. и пять в XIX в. Хронологически они распределены весьма неравномерно: между объявлением первой и второй ревизий прошло 25 лет, а между шестой и седьмой — всего четыре года. Правда, вполне очевидно, что проведение седьмой ревизии было обусловлено необходимостью учета податного населения после Отечественной войны 1812 г. В среднем между ревизиями проходило 15–20 лет, хотя указом от 16 декабря 1743 г. предусматривалось проведение ревизий через каждые 15 лет.

Прописные души искали почти до следующей ревизии, так как от полноты учета податного населения зависела собираемость налогов. Причем если вновь обнаруженные души учитывали, то умерших не исключали из учетных документов до следующей ревизии. Вспомним аргументацию известного литературного персонажа, уговаривавшего помещиков продать ему мертвые души, дабы не платить за них подушную подать.

Таблица 3¹

Порядковый номер ревизии	Дата указа о ревизии	Год начала ревизии	Время проведения ревизии
Первая	26 ноября 1718 г.	1719	1719–1727
Вторая	16 декабря 1743 г.	1744	1744–1747
Третья	28 ноября 1761 г.	1762	1762–1765
Четвертая	16 ноября 1781 г.	1782	1782–1787
Пятая	23 июня 1794 г.	1794	1794–1808
Шестая	18 мая 1811 г.	1811	1811–1812
Седьмая	20 июня 1815 г.	1815	1815–1826
Восьмая	16 июня 1833 г.	1833	1833–1835
Девятая	11 января 1850 г.	1850	1850
Десятая	26 августа 1856 г.	1857	1857–1860

В комплекс материалов ревизского учета входят:

- 1) *ревизские сказки* — первичные материалы ревизского учета, которые, как правило, составлялись на семью;
- 2) *перечневые ведомости*, содержащие сводные данные по губерниям и уездам;
- 3) *окладные книги и генеральные таблицы*, содержащие сводные данные в общероссийском масштабе.

Сведения ревизской сказки отвечали фискальным целям. При проведении первой и второй ревизий формуляр еще не был выработан. Начиная с третьей ревизии вводится печатный бланк ревизской сказки, который применялся и в последующие две ревизии. С седьмой ревизии формуляр сложился окончательно. Формуляр ревизских сказок и, соответственно, сводных документов усложнялся главным образом не из-за включения дополнительных признаков, а из-за более четкого структурирования информации. Во время двух первых ревизий учитывались лица мужского пола податных сословий с указанием единственного признака — возраста. Начиная с третьей ревизии в ревизские сказки для счета заносилось и женское население податных сословий (также с указанием возраста). Исключение составляет лишь шестая ревизия, когда в преддверии войны в спешном порядке было учтено только мужское население. С седьмой ревизии записи велись по семьям.

Ревизские сказки на крепостных крестьян составляли помещик или управляющий, помещик же и платил подушную подать по числу учтенных

¹ Данные для таблицы взяты из кн.: Гозулов А.И. История отечественной статистики. М., 1957. С. 14. Эти сведения общеизвестны, однако разные авторы расходятся в оценке продолжительности проведения ревизий. Некоторые из них указывают не период проведения ревизии, а год, когда была переписана большая часть населения.

у него податных душ. Ревизские сказки подавались в местные органы управления (их состав на протяжении XVIII–XIX вв. менялся: волостные правления, ратуши, городские думы и т.д.), где составлялись *перечневые ведомости*. Эти ведомости поступали в ревизские комиссии (помещики подавали ревизские сказки на крепостных непосредственно в ревизские комиссии). В комиссиях данные обобщались и направлялись, во-первых, в уездные казначейства (данные о податном населении) для сбора подати и, во-вторых, в казенную палату (раздельно данные о податном населении и о населении, учтенном для счета). Здесь данные проверялись и обобщались на уровне губернии, после чего поступали в соответствующее центральное учреждение (в XIX в. в министерство финансов), а оттуда в Сенат.

Перечневые ведомости, окладные книги и генеральные таблицы представляют собой результат обобщения сведений ревизских сказок в целях налогообложения.

При работе с материалами ревизского учета необходимо помнить, что в ревизиях учитывалось податное население, состав которого постоянно менялся. В XVIII в. активно проходило сословное структурирование общества. При этом уточнялся состав податного населения. Подлежали обложению подушной податью крестьяне (всех категорий), мещанство, купечество. В конце XVIII в. от подушной подати были освобождены купцы первой гильдии. Не платили подушную подать дворяне, духовенство и разночинцы¹. Не включалось в ревизский учет и население некоторых территорий (Закавказья, Польши, ясачные народы Сибири).

Мы очертили лишь наиболее многочисленные категории податного населения и населения, не платившего подушную подать. При источниковедческом исследовании материалов ревизий необходимо тщательно анализировать не только указ о назначении ревизии, в котором говорится о том, какие категории населения подлежат учету в данной ревизии, но и законодательство о правовом статусе населения в целом.

Приведем один пример. Несмотря на все усилия властей затруднить продвижение по служебной лестнице разночинцам и выходцам из податных сословий, поступившим на государственную службу в основном в ходе реализации губернской реформы 1775 г., их массовое проникновение в ряды чиновничества заставило правительство определить их социальный статус. В первую очередь они были исключены из состава податного населения.

¹ Четкое определение этой категории обычно вызывает сложности. При всем разнообразии социального происхождения разночинцев объединяет именно то, что они не платили подушную подать, не будучи при этом дворянами или лицами духовного звания. На протяжении XVIII–XIX вв. категорию разночинцев наиболее активно пополняли так называемые обер-офицерские дети, т.е. дети чиновников, получивших потомственное дворянство вместе с чином коллежского асессора (гражданский чин VIII класса): дворянами становились те дети такого чиновника, которые были рождены после получения им соответствующего чина, остальные же пополняли сословную группу обер-офицерских детей.

21 сентября 1782 г. был издан сенатский указ «О неписании в подушный оклад однодворцев, дослужившихся до штаб- и обер-офицерских чинов». По этому указу все однодворцы, дослужившиеся до штаб- и обер-офицерских чинов, имевшие «ясные о службе их доказательства» и их дети, «в офицерстве рожденные», освобождались от подушного оклада. В конце XVIII в. вопросы, связанные с исключением из подушного оклада отдельных чиновников или целых групп чиновничества, неоднократно рассматривались Сенатом. Так, в августе 1798 г. в производстве по этому вопросу находились дела 205 чиновников, из которых 29 имели обер-офицерские чины.

На основе обобщения практики рассмотрения подобных дел был издан сенатский указ от 14 августа 1798 г. «О исключении приказного звания людей из подушного оклада и о неопределении в статскую службу из купеческого, мещанского и другого подушные подати несущего звания без представления Сенату о надобности в оных», который имел решающее значение для превращения чиновничества в особую социальную группу. Этим указом предписывалось: «...действительно служащих, равномерно и детей их, которые находятся в приказном же звании, так же и малолетних никуда не определенных, из купечества, мещанства и из крестьянского подушного оклада исключить». Обосновывалось это решение тем, что «из купечества вступившие в приказное звание по желаниям их и по надобности никакими выгодами, купеческому состоянию городовым положением присвоенными, не пользуются, подобно тому из мещан и из положенных в подушный оклад не упражняются ни в каких промыслах и работах, свойственных тем состояниям, в коих в окладе числятся», а занимаются исключительно государственной службой. Будучи вынужденным не только допускать выходцев из податных сословий в государственный аппарат, но и обеспечивать им ряд привилегий, государство в то же время не оставило попыток ограничить доступ этой категории населения в число служащих государственных учреждений. Этот указ требовал: «...впредь же из купеческого, мещанского и другого подушные подати несущего звания в статскую службу без представления Сенату о надобности в оных не принимать». Правда, формулировка этой части указа все же предполагала возможность приема на государственную службу в случае необходимости выходцев из податных сословий. Указ от 14 августа 1798 г. фактически закреплял привилегированное положение служащих государственных учреждений, оформлял особый юридический статус этой социальной группы. В то же время данная социальная группа не была замкнутой. Вышеупомянутый указ предусматривал не только исключение государственных служащих из подушного оклада, но и возможность их возвращения в податные сословия. Если чиновник, не дослужившийся до обер-офицерского чина, после увольнения от службы переходил в купеческое или мещанское звание, что ему разрешалось указом, то в таком случае он «должен будет с того времени нести повинности, в законах предписанные».

Исследовать достоверность сведений ревизского учета весьма трудно из-за сложности механизма искажения информации. Естественно, что государство было заинтересовано как можно более полно учитывать податное население, а податное население (или помещики, которые платили подать за своих крестьян) было заинтересовано в обратном, причем отдельные категории, например раскольники, подлежащие двойному налогообложению, больше других старались уклониться от ревизского учета. Это могло создавать диспропорцию между численностью населения, подлежащего подушной подати, и численностью населения, учитываемого только для счета (главным образом между мужским и женским населением), в сторону увеличения последнего. Но в учете данной категории населения никто не был заинтересован, поэтому иногда он проводился непоследовательно и небрежно.

В любом случае именно ревизский учет до организации демографической статистики выступает основным источником статистических сведений о движении народонаселения на протяжении XVIII — первой половины XIX в.

2.6.2

Церковный и административно-полицейский учет населения

Церковный учет православного населения начал осуществляться в конце первой четверти XVIII в. Ведение *метрических книг* предусматривалось Духовным регламентом 1722 г.

Фактически это означало государственную регистрацию актов гражданского состояния (рождения, брака и смерти, точнее, соответствующих церковных обрядов — крещения, венчания, отпевания)¹. На основе метрических книг ежегодно составлялись ведомости по епархиям, которые поступали в Синод, где данные обобщались.

Сведения церковного учета дополнялись клировыми ведомостями, в которых содержались списки прихожан с указанием пола, возраста и сословной принадлежности и отмечалось исполнение церковных обрядов (исповеди и причастия).

Церковный учет населения других конфессий начат значительно позже: католического — с 1826 г., мусульманского — с 1831 г. (в Закавказье — с 1872 г.), лютеранского — с 1832 г., иудейского — с 1835 г., с 1874 г. стали учитывать раскольников.

Административно-полицейский учет до реформы 1861 г. опирался на материалы ревизий и с 1834 г. — на материалы церковного учета. Самостоятельное значение административно-полицейский учет имеет для 40-летнего периода — от последней ревизии до первой Всероссийской переписи насе-

¹ Для сравнения: регистрация актов гражданского состояния в Норвегии была введена в 1735 г., в Швеции — в 1749 г., во Франции — в 1806 г., в Англии — в 1838 г.

ния 1897 г. Данные административно-полицейского учета приводились в губернаторских отчетах.

2.6.3

Учет чиновничества

Ревизский, административно-полицейский и церковный учет охватывал значительную часть населения, но государство было заинтересовано и в учете отдельных групп подданных, в частности чиновничества, которое непосредственно исполняло управленческие функции. Поскольку в интересы государства входило и сохранение социального состава (по признаку происхождения) чиновничества, а значит, и целенаправленное влияние на него, то учет чиновничества довольно быстро перерос в статистическую систему. Именно этот аспект наиболее показателен в качестве иллюстрации общей тенденции эволюции учетной документации.

Первые попытки правительства ввести регулярный и систематический учет чиновничества при помощи формулярных списков относятся к 1764 г. Формулярным спискам чиновников предшествовали аттестаты и описания службы, необходимость которых при представлении чиновника к награждению чином или при отставке фиксировалась в указах от 3 марта 1763 г. «О имени гражданским чиновникам, представляемым к отставке или к награждению чинами, аттестатов о беспорочной их службе» и от 10 марта 1763 г. «О подробном описании службы чиновников, представляемых к награждению на Высочайшее усмотрение». Но эти документы предоставлялись не регулярно, а только в связи с отставкой или награждением чином отдельных чиновников. **Формулярные (послужные) списки** — это форма систематического и регулярного учета всего чиновничества, существовавшая с середины XVIII в. до 1917 г. Формуляр послужных списков складывался главным образом на протяжении 60–90-х годов XVIII в. и претерпевал некоторые изменения в середине XIX в. Эти изменения отражали усиление внимания правительства к тем или иным аспектам социального статуса и служебной деятельности чиновников.

Вопрос о присылке формулярных списков рассматривался Сенатом 7 января 1764 г. Ссылаясь на ранее принятые решения не представлять чиновников в отставку и к награждению их чинами без аттестата «от надлежащих мест о верной и беспорочной службе» и констатируя тот факт, что «в Сенате и в Герольдии о многих находящихся в статской службе, кто какими чинами происходил и каким образом службу свою продолжал, известия нет», Сенат приказал всем присутственным местам немедленно прислать сведения о состоящих в их ведомстве чинах и впредь присылать в Правительствующий сенат через каждые полгода списки служащих. На основе этого решения Сената был издан указ от 31 января 1764 г. «О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников через каждые полгода по

приложенной форме». Форма учета имела следующие графы: 1) чины и имена; 2) сколько от роду лет; 3) из каких чинов и сколько имеет за собою мужеска пола душ людей и крестьян и в которых уездах; 4) вступление в службу; 5) какими чинами и когда происходили; 6) кто в походах и у дела против неприятеля был или не был; 7) кто был в фергерах, кригсрехтах и штрафах и подозрениях; 8) к продолжению статской службы за чем кто не способен; 9) к повышению чинами достоин или недостоин и за чем. Формуляр 1764 г. стал основой почти всех форм учета чиновничества, возникавших с 60-х годов XVIII в.

После издания указа от 31 января 1764 г. были приняты как законодательные, так и организационные меры к его реализации. В частности, этот вопрос рассматривался на заседании Сената 10 марта 1764 г. В протоколе заседания введение новых учетных форм обуславливалось необходимостью упорядочить чинопроизводство, еще раз говорилось о недопустимости представления в отставку или к награждению чинами без аттестата о службе. Для проведения в жизнь этого и предыдущих решений Сенат постановил во всех учреждениях иметь журналы, в которых отмечать не только вступление на службу чиновника и его социальное происхождение, как раньше, но и то, «с каким кто достоинством и особливою заслугою или же, напротив того, пороком и погрешностию службу свою производил, также и за что, когда и как награжден, исправляем или наказан был». Судя по содержанию дополнений, вносимых этим решением, целью их было приведение формы журналов учета чиновников в соответствие с формой послужных списков, вводимых указом от 31 января 1764 г.

Второй пункт данного решения Сената устанавливал порядок, по которому не только чинопроизводство и назначение на более высокую должность, но и переход из одного учреждения в другое или с одной должности на другую не допускались без «уведомления из тех журналов о бытности и службе» чиновника на прежнем месте.

Третий пункт этого решения подтверждал необходимость таких свидетельств при производстве в чин «по надобности службы, по старшинству, по особливому достоинству» и при отставке и устанавливал порядок, по которому свидетельством о прохождении службы могли быть «особливые персональные аттестаты от главных командиров, под чьими повелениями где, кто и когда находился». На основании этого решения Сената 16 марта 1764 г. был принят указ.

31 октября 1771 г. издается сенатский указ «О присылке из всех присутственных мест списков о служащих и неслужащих дворянах по прилагаемой форме». В этом законодательном акте после указания на нерегулярную присылку в Герольдмейстерскую контору списков чиновников-дворян содержится требование прислать в 1772 г. ведомости как о служащих, так и об уволенных от службы дворянах. Причем формуляр ведомости о неслужащих дворянах

был значительно менее подробным, чем формуляр ведомости о дворянах-чиновниках. Кроме того, сведения о служащих дворянах должны были включаться в полугодовые послужные списки.

Эти сведения нужны были Герольдмейстерской конторе для составления списков служащих и неслужащих дворян. Однако, несмотря на ранее принятые меры, такие списки Герольдмейстерская контора не составила. Об этом свидетельствует то, что ведомости, которые должны были быть присланы по указу от 31 октября 1771 г. в 1772 г., рассматривались как основа составления списков. Последние затем будут постоянно уточняться и дополняться посредством ежегодных известий о дворянах, «которые получили повышение чинов или умерли, или родились, или женились, и на ком», и полугодовых послужных списков о служащих дворянах.

Вместе с указом был опубликован формуляр полугодовых послужных списков, который предусматривал, так же как и формуляр, прилагавшийся к указу от 31 января 1764 г., девять граф. В них в основном должны были содержаться те же самые сведения, что и в послужных списках 1764 г. Правда, в новом формуляре отдельные графы прежнего формуляра были объединены и, кроме того, добавились две графы, а именно: «много ли раз в нынешнем чину был в отпусках»; «кто дети и где обретаются». В графе о владении крестьянами отныне надо было указывать название не только уезда, но и селения. Дополнения должны были упорядочить чиновничество и усилить контроль над социальным составом чиновничества.

С развитием учета чиновников-дворян определенным образом связан и сенатский указ от 28 сентября 1782 г. «О распространении силы статута ордена Св. Владимира на заслуги, по издании онаго оказанныя; о выборе кандидатов для составления Думы сего ордена и о составлении обстоятельных росписей об отличиях, в 12 статье статута упоминаемых». В этом указе говорилось о порядке награждения чиновников орденом св. Владимира, в числе прочего и о том, не следует ли «потребовать вновь, в следствие статута, о всех отличившихся сведения», так как в «послужных списках ничего больше не показывается, как способность и достоинство». Было принято решение, что «имеющиеся списки и каждого места или члена онаго сведения о служащих могут быть достаточны <...> к выбору». Таким образом, на послужные списки чиновников возлагалась еще одна функция. Правда, надо отметить, что были случаи, когда с мест присылались специальные ведомости на чиновников, представляемых к награждению орденом св. Владимира.

Законодательное регулирование учета служащих государственных учреждений было продолжено изданием 31 марта 1788 г. сенатского указа «О доставлении из всех присутственных мест в Герольдию ежегодно в августе месяце формулярных списков о всех чинах, состоящих в классах, и о приложении оных при каждом представлении к определению в должности и к награждению чинами». Этот законодательный акт содержит указание на то, что принятые

ранее меры по учету чиновников-дворян дали свои результаты и Герольдмейстерская контора имеет список «находящимся в штатской службе чинам первых восьми классов». В то же время отмечалось, что Герольдмейстерская контора часто не получает из некоторых наместничеств сведений о зависящих от местных властей перемещениях чиновников. Для улучшения учета движения чиновничества признавалось необходимым, чтобы «как из наместничеств, так и из прочих департаментов штатской службы присылаемы были в Герольдию в августе месяце каждого года списки». Одна из целей составления таких списков заключалась в том, «что при случающемся избрании кандидатов на председательские места и при определении в другие должности удобнее сохранить порядок». Этим указом в очередной раз подтверждалась необходимость при представлении к определению на должность и к награждению чинами прилагать послужные списки.

Формуляр, прилагавшийся к указу от 31 марта 1788 г., совпадал с формуляром, введенным указом от 31 октября 1771 г., кроме того, что была исключена графа «на ком женат, кто дети и где обретаются» и добавлены две новые графы: о том, кто получил при отставке чины, и о том, достоин ли чиновник награждения орденом св. Владимира.

Из этих изменений формуляра видно, что он постоянно приводился в соответствие с порядком чиновничества и прохождения службы чиновниками. Например, добавление графы об отставке соответствовало многочисленным законодательным мерам, проводившимся в это время, чтобы исключить злоупотребления при получении чинов при отставке и обеспечить преимущество при прохождении службы и чиновничестве действительно служащим чиновникам, особенно дворянам. Для обеспечения преимуществ действительно служащих чиновников была введена графа об отпусках.

Хотя указ от 31 марта 1788 г. и упорядочивал учет чиновничества в числе прочих и в целях чиновничества, но в указе Сената от 16 декабря 1790 г. «О правилах производства в статские чины» содержится требование при рассмотрении в общем собрании Сената вопросов чиновничества опираться на «внесенные от генерал-губернаторов, правящих ту должность и прочих мест и чинов, право к сему имеющих, удостоверение по губерниям по порядку одна за другою», т.е., по сути, этот указ вводил еще одну форму учета движения чиновничества.

Таким образом, в 60–80-е годы XVIII в. в основных чертах сложилась система учета чиновничества, в первую очередь чиновников-дворян. Дополнительные меры для учета этой категории чиновников вводились сенатским указом от 15 июня 1794 г. «О доставлении в Герольдию послужных списков о чиновниках первых восьми классов, по прилагаемой форме». Необходимо отметить, что форма учета чиновников, вводившаяся этим указом, дополняла уже существующие формы, о чем свидетельствовало указание на то, что новая

форма учета не заменяла «списки о всех чинах, состоящих в классах», вводимые указом от 31 марта 1788 г. Вводимые этим указом послужные списки чиновников первых восьми классов предусматривали отдельный учет «служащих от короны и по выбору дворян», что соответствовало указу от 31 марта 1788 г. Формуляр «списка о чиновниках первых восьми классов» хотя и состоял всего из пяти граф, но по содержанию практически совпадал с формуляром «списка о всех чинах, состоящих в классах».

Завершал формирование системы учета чиновничества в XVIII в. сенатский указ от 15 марта 1798 г. «О присылке в Герольдию ежегодно к 1 октября послужных списков о классовых чиновниках», который, по сути дела, не вносил уже ничего нового, а лишь подтверждал необходимость присылки в Герольдмейстерскую контору послужных списков, что было нужно, как подчеркивалось в указе, для успешного выполнения ее функции по учету чиновничества. Иными словами, в 60–90-е годы XVIII в. сложился формуляр послужного списка чиновников.

Некоторые изменения в этот формуляр внес указ Сената от 16 июля 1849 г. Новый формуляр включал 15 граф:

1) чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание;

2) из какого звания происходит (сословное происхождение);

3–6) есть ли имение (отдельно учитывалось родовое и благоприобретенное имение у него самого, у родителей или жены);

7–9) где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил службу; не было ли каких особенных по службе деяний или отличий; не был ли особенно, кроме чинов, чем награжден и в какое время; сверх того, если, находясь под судом или следствием, был оправдан и признан невиновным, то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено (с указанием точных дат);

10) был ли в походах против неприятеля и в самих сражениях и когда именно;

11) был ли в штрафах, под следствием и судом; когда и за что именно предан суду; когда и чем дело кончено;

12) к продолжению статской службы способен и повышения чином достоин ли; если же нет, то по каким причинам;

13) был ли в отпусках, когда, на сколько именно времени; являлся ли на срок и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительной;

14) был ли в отставке с награждением чина или без оно, когда и с которого по какое именно время;

15) холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число рождения детей; где они находятся и какого вероисповедания.

Указом Государственного совета от 25 мая 1864 г. из послужного списка была исключена 12-я графа, в которой фиксировалась аттестация чиновника начальством.

Таким образом, формулярный список чиновника — типичный учетный документ, составлявшийся с целью контролировать чинопроизводство. Когда же эта учетная система начала перерастать в статистическую? Первые признаки обнаруживаются уже в самом факте издания указа от 31 января 1764 г. «О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников через каждые полгода по приложенной форме», поскольку он предполагал аккумуляцию и обобщение информации разрозненных формулярных списков. Однако наладить сбор такой информации удалось только начиная с 1780-х годов XVIII в.: в результате губернской реформы в местное звено государственного аппарата на службу набирались представители непривилегированных сословий, вплоть до бывших крепостных, что не могло не привести к размыванию сословной определенности личного состава государственных учреждений. Социальный состав местного чиновничества заметно изменился уже к началу 1780-х годов. Выходцы из разночинцев и податных сословий в 1775 г. численно преобладали над потомственными дворянами лишь в XIV классе и среди мелких канцелярских служащих, а в 1781–1782 гг. еще и в XIII–X классах. В VIII и IX классах, где преобладание дворянства сохранилось, оно стало гораздо менее выраженным. Сразу же была налажена система сбора формулярных списков местного звена государственного аппарата, и на основе обобщения их данных начали вырабатывать управленческие решения, издавать указы, цель которых — отрегулировать механизм чинопроизводства, затруднить получение классных чинов, особенно чина VIII класса, дающего права потомственного дворянства для выходцев из непривилегированных сословий¹. Правда, несмотря на усилия центральной власти, численность выходцев из разночинцев и податных сословий среди государственных служащих даже сравнительно высоких рангов постоянно увеличивалась, но законодательство в этой сфере нельзя признать неэффективным, поскольку к концу XVIII в. выходцы из непривилегированных сословий по-прежнему преобладали над дворянами лишь в X классе Табели о рангах², хотя соотношение этих двух категорий чиновников в низших классах все же изменилось не в пользу дворян.

¹ Итогом законодательства, направленного на решение этой задачи, стал указ от 16 декабря 1790 г. «О правилах производства в статские чины», который обобщал предшествующее законодательство и упорядочивал систему чинопроизводства.

² В конце XVIII в. выходцы из непривилегированных сословий имели чины V–VII классов. Причем в V классе на одного такого чиновника приходилось 6,75 дворян, в VI классе — 4,53, в VII классе — 2,13, т.е. намного меньше, чем до реформы 1775 г. в гораздо более низких рангах. В VIII классе в конце XVIII в. на одного выходца из непривилегированных сословий приходилось 2,93 дворян, в IX классе — 1,19, в X — 0,43, в XII — 0,56, в XIII — 0,93, в XIV — 0,26, среди губернских регистраторов, архивариусов, протоколистов и т.п. — 0,30. Ср. с данными на с. 259.

Итак, в последней четверти XVIII в. формулярные списки выполняли функцию типичного статистического источника, о чем говорит и факт составления, начиная с конца XVIII в., так называемых групповых формулярных списков, в которых приводились сведения о чиновниках всего учреждения, а для местных учреждений — и целой губернии. Такая практика сохранялась и на протяжении XIX в.

2.6.4

Хозяйственный учет в частновладельческих хозяйствах¹

Подворные описи крестьянских хозяйств

Если учет всего населения и чиновничества осуществлялся в общегосударственном масштабе, то система учета сельскохозяйственного производства и экономического состояния крестьянских хозяйств первоначально сложилась в частновладельческих хозяйствах. В крупных вотчинах и в предыдущий период существовали вотчинные архивы, собиравшие разнообразную, в том числе и учетную, документацию. Но лишь со второй половины XVIII в. хозяйственный учет в поместьях стал распространенным явлением. Об этом свидетельствует то, что в конце XVIII в. просвещенный помещик А.Т. Болотов опубликовал в «Трудах Вольного экономического общества» рекомендации помещикам по составлению подворных описей крестьянских хозяйств, рассматривая их как один из существенных элементов обеспечения эффективности хозяйственной деятельности.

В 1837 г. вышла книга У. Карповича «Хозяйственные опыты тридцатилетней практики, или Наставления для управления имениями», обобщающая большой опыт управления поместьями разных губерний. У. Карпович предлагал подробный формуляр подворной описи и давал рекомендации по ее составлению. На титульном листе описи указывались название селения, его местоположение, качество почвы, способ осуществления крестьянских повинностей. Лист описи делился на три части. В левой стороне содержалось 15 показателей: данные о крепостных (с указанием пола, возраста, соотношения с данными восьмой ревизии); данные об имуществе — количество лошадей (раздельно рабочие и молодняк) и другого скота (волов, быков, коров, телят, овец, свиней), птицы, а также хлеба, сена, пчел, садов; данные о землепользовании — сколько земли отводится под огороды, рожь, яровые и пар, сенокосы, количество арендованной земли и др. Таким образом, приводились объективные показатели состояния хозяйства. Завершалась эта часть оценкой хозяйственного состояния двора, которую давало лицо, проводившее описание (например, приказчик).

¹ Основной материал параграфа взят из книги: Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации... М., 1979. С. 10–122.

В правой стороне листа приводились десять показателей: количество тягл¹, продолжительность барщины (указывались недельная и годовая с подразделением на пешую и конную)², зимние подводы, все прочие платежи и повинности, а также общественные должности крестьян. В эту часть входили сведения о повинностях крестьян.

В средней части листа давались посемейные списки проживавших в селе с указанием их родства, что делает подворные описи весьма ценным источником для генеалогических и просопографических исследований.

У. Карпович давал рекомендации по обеспечению точности показателей, вносимых в подворную опись. Например, он советовал для взаимопроверки сведений опрашивать хозяев на сельском сходе, а также проверять ряд данных по материалам ревизий.

Практика составления подворных описей была реконструирована Б.Г. Литваком при изучении массовой документации XIX в. Ему удалось опровергнуть распространенное в литературе мнение о существенных утратах исторических источников данного вида, основанное на простом логическом выводе из наблюдения о значительном увеличении количества подворных описей в предреформенное время. Но утраты могут быть причиной малочисленности подворных описей конца XVIII — начала XIX в. лишь во вторую очередь, а первопричину следует искать в развитии на протяжении этого периода практики их составления. Б.Г. Литвак, изучая документы архивных фондов крупных вотчин, пришел к выводу о неравномерности составления описаний и доказал, что сохранившийся корпус источников отражает рост интереса владельца к хозяйственному состоянию крестьянского двора в условиях развития рыночных отношений.

Сделанный Б.Г. Литваком вывод еще раз показывает различия в подходах к массовым источникам, обусловленные разными методологическими позициями. До тех пор пока исследователи рассматривали подворные описи лишь как «резервуар» разнообразной информации, они объясняли пробелы утратами источника. Как только исторический источник начинает рассматриваться в связи с обстоятельствами его возникновения, сам факт его создания становится значимым и указывает на новое явление в хозяйственных отношениях.

2.6.5

Проблемы изучения подворных описей

Не исследуя специально методы изучения отдельных видов и групп исторических источников, остановимся на развитии методики изучения подворных описей в качестве примера, иллюстрирующего подходы к изучению

¹ Тягло — единица обложения крестьян в пользу помещиков. Как правило, одно тягло составляли муж и жена. Работоспособными считались люди с 18 до 60 лет. Поэтому У. Карпович советовал проверять сведения о возрасте по ревизским сказкам.

² В рекомендациях У. Карпович учитывал известный манифест «О трехдневной барщине».

массовых источников в целом. Выделим два круга взаимосвязанных проблем: достоверности данных подворных описей и возможности изучения на их основе динамики экономических показателей крестьянского хозяйства.

Напомним, что понятия достоверности и точности информации совпадают не полностью. При точности всех показателей подворной описи она может не содержать достоверную информацию о хозяйственном состоянии двора в целом из-за неполноты сведений.

Первое же обращение к подворным описям в качестве исторического источника в краеведческих исследованиях 1920-х годов выявило некоторые противоречия: например, однолошадные и безлошадные хозяйства оказывались не самыми бедными. Это наблюдение выводит на проблему критериев характеристики экономического состояния хозяйства, которая давалась в самих подворных описях. Исследователи высказывали различные точки зрения: от мысли, что в основе характеристики лежит исправность хозяйства в исполнении повинностей в пользу помещика, до идеи расчета хозяйственных показателей на душу населения крестьянского двора (или на работника). Но точно установить эти критерии не удалось.

Нерешенность этой проблемы затрудняет изучение экономических показателей крестьянского хозяйства в динамике, поскольку невозможно сопоставлять данные о различных хозяйствах и разновременные сведения об одном хозяйстве. Постановка проблемы изучения динамики хозяйства заставила исследователей отказаться от оценок, данных приказчиками, и самостоятельно искать критерии распределения крестьянских дворов по степени их хозяйственной состоятельности. Наиболее распространенной была группировка по обеспеченности лошадьми, но она также не решила проблему.

Современные подходы изучения подворных описей (в том числе и с применением математических методов) были заложены И.Д. Ковальченко, который ввел в научный оборот огромный массив подворных описей¹, что позволило по-новому подойти к целому ряду проблем. Во-первых, ученый предложил сгруппировать крестьянские хозяйства по комбинации признаков, а затем ввел агрегированный показатель — характер воспроизводства, разделив хозяйства на обеспечивающие расширенное, простое и не обеспечивающие простое воспроизводство².

¹ Предшественники И.Д. Ковальченко использовали от одной до трех подворных описей.

² Эти критерии были предложены И.Д. Ковальченко в работах «Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в.: к истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства» (М., 1959) и «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.» (М., 1967). Уже в названии первой из них заявлен региональный аспект рассмотрения, и предложенный в ней критерий распределения хозяйств в зависимости от обеспеченности разными категориями скота (более пяти лошадей, не менее двух-трех коров, 10–15 овец и несколько свиней — зажиточные; две и менее лошадей, одна корова и несколько свиней — бедные; все остальные — средние хозяйства) был приемлем только для данного региона (с преобладанием барщинного хозяйства). Во второй монографии проблема рассматривалась в общероссийском масштабе и предлагался универсальный критерий хозяйственной состоятельности крестьянского двора.

Если рассмотреть проблему поиска критерия оценки хозяйственной состоятельности крестьянского двора с точки зрения формализованных методов исследования, то, во-первых, следует констатировать, что оценка приказчика, включенная в подворную опись, — это типичная экспертная оценка, т.е., по сути, оценка интуитивная, основанная на частично осознаваемом, а частично подсознательном учете множества разнообразных факторов. Следовательно, сколько-нибудь полно объяснить оценку, содержащуюся в подворной описи, невозможно. Если рассматривать хозяйственную характеристику крестьянского двора как сложный качественный признак, то измерить его можно тремя способами: выделив в качестве определяющего один из признаков, по комбинации признаков и путем агрегирования показателей. И в развитии методики исследования подворных описей последовательно реализуются все три подхода: оценка по одному признаку — количеству лошадей, по комбинации признаков — количеству скота разных категорий и путем агрегирования информации — по характеру воспроизводства.

И.Д. Ковальченко по-новому подошел и к проблеме изучения экономического состояния крестьянского хозяйства в динамике. Он прослеживал хозяйственную историю отдельных дворов, что предполагает предварительную сложную работу по отысканию и идентификации крестьянского двора в разновременных подворных описях. Но исследование хозяйственной истории отдельных дворов задает совершенно новый ракурс рассмотрения ключевой проблемы социально-экономической истории XIX — начала XX в. — проблемы расслоения крестьянских хозяйств, позволяя не только констатировать наличие дифференциации крестьянских хозяйств, но и судить о степени ее необратимости, т.е. понять, мог ли и при каких условиях богатый двор разориться, а бедный перейти в категорию средних или зажиточных.

В целом история изучения подворных описей крестьянских хозяйств еще раз демонстрирует взаимозависимость источниковедческого исследования отдельных источников, относящихся к группе массовых, с разработкой крупных их комплексов с целью выявить масштабные явления и процессы социально-экономической истории.

2.6.6

Учет промышленного производства¹

В отличие от учета экономического состояния крестьянских хозяйств учет промышленного производства изначально был организован государством. Отдельно велся учет обрабатывающей и горнодобывающей промышленности.

В конце первой четверти XVIII в. (1724 г.) после организации Берг- и Мануфактур-коллегий законодательно было предусмотрено предоставление вла-

¹ В основу параграфа положен материал монографии: Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX в.: источниковедческое исследование. М., 1976.

дельцами ведомостей о промышленных заведениях (получивших название «*ведомости фабрик и заводов*»¹) два раза год в соответствующую коллегию, а затем в Сенат. На протяжении XVIII в. необходимость присылки таких сведений неоднократно подтверждалась законодателем. В зависимости от реорганизации государственного аппарата много раз менялся порядок предоставления сведений². С 1775 г. такие ведомости должны были присылаться один раз в год. На протяжении XVIII в. установился формуляр ведомостей, но наладить их систематический сбор так и не удалось.

В начале XIX в., после образования министерства внутренних дел, которому был поручен сбор разнообразных сведений о социально-экономическом состоянии империи, были предприняты дополнительные усилия по организации учета промышленных заведений, но они оказались малоэффективными, в первую очередь в силу отсутствия в законодательстве четкого определения объекта учета как в части объема производства, так и в части отраслевой принадлежности.

Последнее обстоятельство особенно важно при выяснении сопоставимости данных учета промышленного производства. Номенклатура производств, подлежащих учету, в разные годы была различной и с середины XIX в. постоянно расширялась, причем происходило это в губерниях не одновременно³. Конечно, на сопоставимость влияет и определенность размера предприятий, но следует отметить, что номенклатура учитываемых производств расширялась в основном за счет отраслей, в которых преобладали мелкие предприятия, что еще более осложняет исследовательскую ситуацию. Кроме того, мелкие предприятия преобладали в сфере переработки сельскохозяйственной продукции, поэтому большое количество мелких предприятий учитывалось в сельскохозяйственных губерниях⁴. Таким образом, общей тенденцией эволюции ведомостного учета было неравномерное увеличение учета мелких предприятий за счет расширения номенклатуры учитываемых производств.

¹ Понятия «фабрика» и «завод» в законодательстве не различались. В данном случае словосочетание «фабрика и завод» служит синонимом словосочетания «промышленное предприятие».

² Например, по указу 1766 г. ведомости должны были поступать из Мануфактур-коллегии в Комиссию о коммерции. С 1775 г. они должны были поступать только в Мануфактур-коллегию. В 1779 г. Мануфактур-коллегия была упразднена и восстановлена только в 1796 г. В этот период ведомости не собирались. После восстановления Мануфактур-коллегии и до образования министерств ведомости вновь поступали в Мануфактур-коллегию. Затем функции сбора сведений о промышленных предприятиях были поручены департаменту торговли и мануфактур министерства финансов.

³ Ю.Я. Рыбаков приводит такой пример: Я.Н. Черняк, исследуя кирпичное производство, пришел к выводу, что в 1840-е годы в Москве и Петербурге выпускалось 40% всего производимого в стране кирпича, что, учитывая строительство из кирпича в губернских городах и дворянских усадьбах, выглядит по крайней мере странно. Автор не учел, что в этот период кирпичное производство включалось в «ведомости фабрик и заводов» не повсеместно.

⁴ Например, в середине XIX в. мукомольные предприятия (проще говоря, мельницы) были учтены только в Ярославле, а в конце века они учитывались повсеместно, в то время как, по подсчетам Ю.Я. Рыбакова, на десять мельниц в среднем приходилось от 16 до 21 работника.

Ведомостный учет в 80-е годы XIX в. начал перерастать в статистическую систему. На это повлияло единовременное обследование промышленности в связи с Всероссийской промышленно-художественной выставкой в Москве в 1882 г. В 1884–1885 гг. был установлен новый формуляр ведомости, в котором предусматривалось несколько групп показателей: состав рабочей силы с распределением по полу и возрасту, мощность и структура энергетического оборудования, количество и состав применяемых машин и механизмов. Сообщались также сведения о сырье, топливе и т.д. На места стали рассылаться отпечатанные бланки ведомостей.

Наиболее существенное преобразование было связано с введением ценза промышленного предприятия: учету подлежали заведения с годовой стоимостью производства более 1 тыс. руб. Такой ценз определялся в связи с предложенной министром финансов Н.Х. Бунге реформой налогообложения, предусматривавшей трехпроцентный сбор с чистого дохода. Но этот ценз был неудобен, поскольку не была отработана методика определения стоимости производства.

Итак, с середины 1880-х годов учет промышленного производства тесно увязывался с налогообложением, что меняло качество учета. В это время были составлены «Материалы для определения внешних признаков обложения промышленных предприятий», в которых в качестве критерия налогообложения были выделены два основных признака: наличие определенного энергетического оборудования и численность работающих. Вслед за этим в 1895 г. была предпринята последняя попытка реорганизовать учет промышленного производства при помощи ведомостей фабрик и заводов. Ценз промышленного предприятия был установлен по числу рабочих (не менее 15) или по наличию парового двигателя (при меньшем числе рабочих). Такой ценз отвечал требованиям закона «О государственном промысловом налоге», принятом в 1898 г., в бытность министром финансов С.Ю. Витте. Закон вводился в действие с 1899 г. и распространялся как на обрабатывающую, так и на горнодобывающую промышленность. По закону все промышленные предприятия делились на восемь разрядов по числу рабочих (с учетом наличия механического двигателя). Но эта попытка реформирования ведомостного учета была малоуспешной, в первую очередь из-за нежелания владельцев присылать сведения. Это заставило правительство в самом конце XIX в. перейти к собственно статистике промышленности, собираемой методом переписей. Правда, в 1903 г. снова попытались возобновить ведомостный учет, но опять безуспешно.

В начале XX в. сохранялся учет предприятий по производствам, облагаемым акцизом, и предприятий горнозаводской промышленности. Следует отметить, что в этих производствах была высока доля казенных предприятий, что во многом обуславливало значение учета их производства для правительства.

Вызывает интерес проблема достоверности сведений ведомостей фабрик и заводов. Излишне упоминать применительно к массовым источникам о необходимости сочетать проверку точности информации отдельного источника

и проверку полноты корпуса источников. Что касается второго из этих аспектов, то он непосредственно связан с отмеченной тенденцией неравномерного расширения круга учитываемых производств. В отличие от ревизского учета, когда государство было заинтересовано в точности сведений, или от подворных описей крестьянских хозяйств, когда в достоверности данных был заинтересован помещик, точность приводимых данных не представляла существенного интереса для органов управления. Высказывавшееся в историографии мнение о занижении показателей владельцами предприятий с тем, чтобы платить меньше налогов, не выдерживает критики, потому что в России на протяжении большей части XVIII–XIX вв. система налогообложения была сословной и если и была связана с объемом производства, то весьма опосредованно. Поэтому владельцы могли как занижать, так и завышать показатели, иногда просто от незнания (например, численности работающих при надомной организации труда, распространенной в ткацком производстве, или годовой стоимости производства, для определения которой необходимы были специальные навыки).

2.7

СТАТИСТИКА

Статистика — система сбора сведений для обеспечения обратной связи в системах управления разного уровня и выработки управленческих решений.

Слово «статистика» многозначно. В источниковедческом дискурсе оно имеет как минимум три значения, которые надо четко различать. Во-первых, под статистикой (статистической информацией) понимают любые массовые данные, которые могут быть подвергнуты статистической обработке. Во-вторых, когда говорится о статистической обработке данных, то имеется в виду статистика (математическая или теоретическая) как отрасль математики, базирующаяся на теории вероятностей, задача которой интерпретация данных с ощутимой случайной изменчивостью¹.

И, наконец, статистика как вид исторических источников. От учетной документации статистика в первую очередь отличается тем, что статистические данные собираются для выработки управленческих решений вплоть до долго-

¹ Теоретико-вероятностный подход — одна из парадигм математической статистики наряду с аппроксимационной и алгоритмической. Не имея возможности обсуждать различия этих парадигм, все же обратим внимание на то, что теоретико-вероятностная парадигма чаще используется в исторических исследованиях, в то время как ее отличают наиболее строгие требования к степени осмысления исходного материала. Строго говоря, именно данные массовых источников наиболее подходят для статистической обработки; что же касается непосредственно статистики, то здесь необходимо предварительное доказательство, что статистические данные представляют собой совокупность случайных величин (случайная величина — основополагающее понятие теории вероятностей).

временной политики в той или иной сфере, тогда как учетная документация обычно обеспечивает реализацию уже принятых решений. Из этого следует, что статистическая информация собирается с расчетом на последующую обработку для того, чтобы выявить состояние той или иной экономической или социальной сферы, в том числе и в развитии. Последнее чрезвычайно важно, поскольку именно развитие того или иного процесса позволяет судить об эффективности принимаемых управленческих решений. Из этого, в свою очередь, следует, что для проведения статистического обследования вырабатывается специальная программа, которую отличают от формуляра учетной документации по крайней мере две особенности. Во-первых, расчет на обработку полученных данных методами математической статистики заставляет вводить в формуляр «избыточную» информацию, необходимую для математической проверки достоверности сведений. Во-вторых, и это основное, необходимость выявления процесса в динамике заставляет стремиться к сопоставимости данных разновременных статистических обследований. Например, рассматривая ведомости фабрик и заводов как разновидность учетной документации, мы видели, что к концу XIX в. уточнялась номенклатура учитываемых производств и вводился ценз, который должен был обеспечивать устойчивость единицы статистического учета.

Как это ни парадоксально, именно наличие специально разработанной программы статистического обследования не позволяет безоговорочно применять к нему методы математической статистики, поскольку уже на уровне программы может быть заложена такая тенденциозность собираемых сведений, которая не позволит рассматривать полученные данные как случайные величины.

В XVIII–XIX вв. в России статистика прошла период становления. Абсолютистское государство было заинтересовано в детальной регламентации многих сфер жизни общества, но в XVIII в. возможности сбора статистической информации были весьма ограничены. Учетная система могла перерасти в статистическую только при острой заинтересованности государства в регулировании какой-либо сферы (как это показано на примере формулярных списков).

В начале XIX в. коллежская система управления была заменена министерской. Одно из ключевых министерств — министерство внутренних дел — возглавили «молодые друзья» Александра I, попытавшиеся наладить широкомаштабный сбор сведений.

Но в первой половине XIX в. по-прежнему преобладали учетные системы. Статистика была представлена главным образом статистическими приложениями к губернаторским отчетам. Новый этап в развитии отечественной статистики начался в 1860-х годах с образованием Центрального статистического комитета МВД. Несколько позже появилась земская статистика. В конце XIX — начале XX в. в статистике получил распространение метод переписей.

Были проведены первая Всероссийская перепись населения, три промышленные и две сельскохозяйственные переписи. Кроме того, в это время сбором, обработкой и публикацией статистической информации занимались не только государственные учреждения и земства, но и предпринимательские организации и акционерные общества. Статистика акционерных обществ интересна тем, что кроме промышленности она исследовала кредит, торговлю, транспорт и страхование¹.

2.7.1

Организация статистики

Статистику по способу организации сбора и обработки статистической информации можно разделить на четыре группы: статистика, собираемая отдельными ведомствами²; статистика Центрального статистического комитета; земская статистика; статистика, собираемая научными учреждениями в научных целях. Поскольку история науки — фактически самостоятельная отрасль научного знания, источниковая база которой отличается своей спецификой, последнюю из названных групп мы рассматривать не будем.

Идея организации государственной статистики, высказываемая еще в первой половине XVIII в., оформилась в трудах русских статистиков на рубеже XVIII–XIX вв. Строгая министерская система государственного управления обусловила как необходимость, так и возможность создания государственного органа, ведавшего статистикой. Губернаторские отчеты, составление которых было предусмотрено с начала XIX в., присылались в министерство внутренних дел, где обобщением их данных занимались чиновники, выделенные в особую группу. В 1810 г. при реорганизации министерской системы статистику передали в министерство полиции, в котором было создано статистическое отделение во главе с К.Ф. Германом³ — для обобщения данных по всей империи на основании сведений губернаторских отчетов.

Сбором и обработкой статистической информации занимались также министерство финансов и министерство государственных имуществ, но доминирующая роль министерства внутренних дел в организации статистики сохранялась на протяжении всего XIX в.

¹ Система показателей акционерной статистики отлична от государственной, она содержит сведения о капитале обществ (его величине и структуре), составе правления и т.д.

² Выражение «статистика, собираемая отдельными ведомствами» весьма громоздко, однако его нельзя заменить напрашивающимся — «ведомственная статистика», поскольку ведомства собирали разнообразную информацию, не только о подведомственной им сфере.

³ Герман Карл Федорович (1767–1838) — русский статистик; родился в Данциге; получил образование в Геттингенском университете; приехал в Россию в 1795 г. в качестве воспитателя детей графа Гурьева; с 1806 г. занимал кафедру статистики в Петербургском педагогическом институте (впоследствии — университете); с 1811 г. — руководитель статистического отделения при министерстве полиции; с 1805 г. — адъютант, с 1836 г. — ординарный академик; издавал «Статистический журнал» (1806–1808).

В 1834 г. статистическое отделение министерства внутренних дел было расширено, при нем была создана сеть корреспондентов. В 1852 г. отделение было реорганизовано в Статистический комитет, который до 1857 г. действовал как временный, а в 1857 г. было издано положение, по которому он был переименован в Центральный статистический комитет (ЦСК).

Следующее положение об организации статистики было издано в 1863 г. Создается Статистический совет, который должен был разрабатывать направления статистических работ. На Центральный статистический комитет возлагалась организация статистических обследований, разработка и публикация их материалов.

По положению 1863 г. Статистический совет определял способ организации статистических обследований, устанавливал порядок и формы разработки и издания статистических сведений, координировал деятельность различных ведомств, вносил предложения об устройстве и деятельности их статистических учреждений и подготовке кадров статистиков, разрабатывал формы представления сведений для земских и городских статистических учреждений, обсуждал организацию сбора статистических данных в губерниях. Однако рекомендации Статистического совета фактически не имели обязательной силы. В основном он оказывал влияние на Центральный статистический комитет и в гораздо меньшей степени на другие ведомства, занимавшиеся сбором статистических данных.

Центральный статистический комитет должен был собирать, проверять, обрабатывать и издавать сведения, поступавшие из местных органов статистики, собирать и обрабатывать данные, необходимые для распределения земской повинности, разрабатывать и публиковать статистические материалы других ведомств и предоставлять им свои, осуществлять иные виды статистических работ по решению Статистического совета. В 1864 г. ЦСК возглавил П.П. Семенов¹.

Органами Центрального статистического комитета на местах были губернские статистические комитеты, которые должны были составлять статистические таблицы, требующиеся ЦСК, и статистические приложения к губернаторским отчетам. Сведения по губерниям в качестве приложения к губернаторским отчетам собирались с периодичностью раз в пять лет и ежегодно. Один раз в пять лет в приложение включались данные о численности населения в городах и уездах с делением по полу, сословию и вероисповеданию; о количестве скота, землевладении, количестве зданий и др. Ежегодно

¹ Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович (1827–1914) — русский географ, статистик, ботаник и энтомолог; окончил Санкт-Петербургский университет; с 1849 г. — член Русского географического общества; с 1889 г. — председатель Русского энтомологического общества; в 1864–1875 гг. — директор Центрального статистического комитета; в 1875–1897 гг. — председатель Статистического совета; в 1870 г. организовал первый Всероссийский статистический съезд, заложивший основы земской статистики; руководил проведением первой Всероссийской переписи населения в 1897 г.; с 1897 г. — член Государственного совета.

в отчет включались сведения о посеве и урожае хлеба (с подразделением на владельческие и крестьянские земли); о количестве промышленных предприятий, сумме производства и числе рабочих; о естественном движении населения, количестве учебных заведений, а также статистика преступности.

Закономерно возникает вопрос о соотношении статистических сведений, собираемых губернскими статистическими комитетами, с разнообразными учетными формами, рассмотренными в предыдущей главе. Конечно, иногда систематически ведущийся учет выступал источником статистической информации, но порой сведения губернаторского отчета вполне могли быть плодом воображения какого-нибудь чиновника, например волостного писаря, поскольку непосредственно сбор данных возлагался на полицейских чинов, которые действовали через волостные правления.

2.7.2

Демографическая статистика

Становление демографической статистики происходило в 60–90-е годы XIX в. До 60-х годов XIX в. подсчет населения Российской империи имел оценочный характер (иными словами, численность населения определялась приблизительно, на основе частичных данных).

К предыстории собственно демографической статистики можно отнести составление «Списков населенных мест Российской империи» по данным на 1858 г. Работа по сбору материалов была начата академией наук и Синодом через церковные приходы в 1857–1859 гг., но оказалась малоуспешной. Поэтому ЦСК и Русское географическое общество предприняли сбор сведений силами местной полиции на основе данных десятой ревизии и церковного учета. В течение 1861–1885 гг. осуществлено издание «Списков населенных мест...».

Но демографическая статистика как таковая не велась. Правда, с 1866 г., после того как в 1864 г. Центральный статистический комитет возглавил П.П. Семенов, в «Статистическом временнике Российской империи» начали публиковаться данные о численности населения и его движении. В 1860-е годы в городах проводились местные переписи населения¹, опыт которых был учтен при проведении всеобщей переписи 1897 г. Административно-полицейский учет явно не соответствовал потребностям государства. Особенно ярко недостатки учета населения проявились в ходе реализации военной реформы 1874 г. в связи с формированием призывного контингента. Началась разработка проекта положения о всеобщей переписи населения. Первый проект

¹ См.: Перепись Санкт-Петербурга 15 декабря 1881 г. СПб., 1883–1884. Т. I: Население; Т. II: Квартиры. Ч. 1–3; Т. III: Дворовые места; Статистические сведения о жителях г. Москвы по переписи 12.XII.1871 г. М., 1874; Перепись г. Москвы 1882 г. М., 1885. Вып. I; Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы. 31 января 1902 г. М., 1902–1907. Вып. I–VI; Перепись г. Москвы 1902 г. Вып. I–III. М., 1904–1906; Результаты однодневной переписи г. Одессы в декабре 1892 г. Одесса, 1894. Ч. I: Население; и др.

принадлежал П.П. Семенову, который учел опыт западноевропейской статистики и проведения городских переписей в Санкт-Петербурге в 1864 и 1869 гг. Автор второго проекта А.Б. Бушен предлагал провести перепись как 11-ю ревизию¹. В основу положения о всеобщей переписи, которое было утверждено только 5 июня 1895 г., был положен проект П.П. Семенова.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи была проведена 28 января 1897 г. В переписи учитывались три категории населения: наличное, постоянное и приписное. Таким образом, отмечались временно отсутствующие, фиксировались как административное, так и фактическое место жительства. Использовались три формы переписных листов: для крестьянских хозяйств, для владельческих хозяйств и для городского населения.

Программа переписи включала следующие вопросы: 1) имя и фамилия; 2) пол; 3) возраст; 4) отношение к главе семьи и к главе хозяйства; 5) семейное положение; 6) сословие, состояние или звание; 7) место рождения; 8) место приписки; 9) обыкновенное место жительства; 10) отметка о временном отсутствии или временном пребывании; 11) вероисповедание; 12) родной язык; 13) грамотность и образование; 14) род занятий — ремесло, промысел, служба; при этом отмечались главное и побочное, или вспомогательное, занятия.

Данные переписи при публикации были разработаны по 25 таблицам².

2.7.3

Аграрная статистика

Аграрную статистику можно разделить на две части: 1) статистика землевладения и землепользования, 2) статистика аграрного производства.

Статистика землевладения и землепользования

Материалы Генерального межевания

Традиции учета землевладения и землепользования сложились еще при поземельной системе налогообложения. Писцовые книги — один из основных источников по социально-экономической истории XVI–XVII вв. Однако в XVIII в. с изменением системы налогообложения систематический учет земель не велся. Первым крупномасштабным обследованием состояния земель

¹ Бушен Артур Богданович, фон (1831–1876) окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1851 г.; преподавал географию в Александровском лицее; в 1857 г. поступил на службу в Центральный статистический комитет младшим редактором; в течение двух лет изучал постановку статистики в Австрии, Франции, Бельгии, Англии и Швеции; научно разрабатывал статистику раскола; автор ряда работ по статистике и другим наукам; член Вольного экономического общества, Российского общества садоводства, Географического общества, в котором с 1852 г. был помощником секретаря, а затем председателем отделения статистики.

² Основные публикации материалов переписи: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1898–1905. Вып. I–VIII; Первая всеобщая перепись Российской империи (по губерниям). СПб., 1903–1905. Т. 1–89; Общий свод по империи результатов разработки всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1–2.

в Новое время было Генеральное межевание, предпринятое по манифесту Екатерины II с конца 60-х годов XVIII в. и продолжавшееся в первой половине XIX в. Обширные материалы Генерального межевания составляют особый архив, который делится на графическую и письменную части.

К статистике землевладения и землепользования принадлежат *«Экономические примечания»* к картографическим материалам Генерального межевания — результат крупномасштабного хозяйственно-экономического описания. В них содержится краткое географическое и экономическое описание каждой дачи (в терминологии Генерального межевания «дача» — синоним слова «владение»), указанной на соответствующей карте. Различаются *«Экономические примечания к планам Генерального межевания»* и *«Краткие экономические примечания»*. Первые, более подробные, прилагались к планам и с 1782 г. назывались *«Полные экономические примечания»*. Кроме описания местоположения дачи, географических условий (с указанием разновидностей древесных пород, зверей, птиц) и условий хозяйствования (качества лугов и пашни, основных сельскохозяйственных культур), в них вошли сведения о промысловых занятиях крестьян, размерах оброка, величине барской запашки (иногда и сведения о крестьянской пашне).

«Краткие экономические примечания» составлялись с 1780-х годов. Они прилагались к атласам и содержали меньше сведений: географические данные, количество дворов, число мужского и женского населения, размер землевладения в целом и по угодьям, а также сведения о наличии помещичьей усадьбы. Степень сохранности «Кратких экономических примечаний» значительно выше, чем «Полных...».

Переписи поземельной собственности Европейской России

Во второй половине XIX в. сведения о землевладении собирал Центральный статистический комитет. Для этих целей предполагалось один раз в пять лет проводить переписи поземельной собственности Европейской России. Но были проведены лишь три переписи — в 1877, 1887 и 1905 гг.

Проведением первой переписи руководил П.П. Семенов. Ее программа была достаточно простой: указывались фамилия, сословие или звание землевладельца, количество принадлежащей ему земли, для крестьянских обществ — количество дворов, число душ и способ использования пашни (общинный или подворный). Опросные листы заполняли сами землевладельцы, а по крестьянским землям — волостные правления. Сбор материалов по первой переписи длился до 1880 г., после чего данные были сведены и опубликованы¹. При сведении данных о землевладении владения менее полудесятины не учитывались, но их владельцы включались в общее количество. В публикации приводились данные о количестве и размерах земельных владений в 49 губерниях,

¹ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1880–1885. Вып. 1–8.

систематизированные по сословиям и категориям владельцев. В издании помещена таблица процентных соотношений категорий землевладельцев и шесть таблиц по каждой губернии: 1) сведения о размере поземельной собственности с распределением на частную, общинную, казенную; 2) о частновладельческой земле с распределением по размерам землевладений; 3) о частновладельческой земле с распределением по категориям владельцев; 4) о наделных землях; 5) о количестве населенных мест; 6) о количестве строений.

В 1881 г. было проведено дополнительное обследование распределения земель по угодьям (пашням, лесам, выгонам), данные которого публиковались в «Статистическом временнике».

Этот показатель учитывался и при проведении второй переписи в 1887 г.¹ Ее программа в основном совпадала с программой первой переписи, но некоторые различия делают их результаты практически несопоставимыми². Следует отметить и низкий уровень организации переписей, которые по-прежнему проводились главным образом силами полиции.

Третья поземельная перепись была проведена преимущественно летом 1905 г. и продолжалась до начала 1906 г. Кроме сложностей, связанных с революционными событиями в стране, на качество этой переписи повлияло и то, что способ ее проведения на местах был отдан на усмотрение губернаторов. Центральный статистический комитет лишь рекомендовал сверить полученные результаты с данными окладных книг; это, естественно, привело к тому, что в ряде мест именно такие данные и сообщались как результаты переписи³.

Статистика сельскохозяйственного производства

Попытки наладить статистику урожаев наблюдались уже в конце XVIII в., но на протяжении большей части XIX в. почти единственным источником статистических сведений о сельскохозяйственном производстве продолжали оставаться статистические приложения к губернаторским отчетам, в которых учитывались только объем высеваемого и собираемого зерна и урожайность в самах (сам — единица измерения урожайности, показывающая соотношение посеянного и собранного зерна; например, урожай «сам три» означал, что зерна собрано втрое больше, чем было посеяно). Размер посевных площадей не принимался во внимание.

В 1881 г. Центральный статистический комитет разослал опросные листы с тем, чтобы получить сведения о посевных площадях. Данные были собраны

¹ Сводные данные переписи 1887 г. см.: Статистика Российской империи. СПб., 1892–1909. Т. 22–23. Вып. 1–46.

² Например, перепись 1887 г. учитывает как удобные, так и неудобные земли, а в переписи 1877 г. неудобные земли крестьянских наделов не фиксировались; в переписи 1877 г. купленные крестьянами земли учитывались то как наделные, то как частновладельческие и др.

³ Сводные данные переписи 1905 г. см.: Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

и обработаны в течение 1882–1883 гг., и ими пользовались до 1889 г. В 1887 г. снова собирались сведения о посевных площадях. С 1893 г. эти сведения стали собирать ежегодно и публиковать.

До 1903 г. посевные площади учитывались по видам высеваемых на них культур и делились на наделные и владельческие. С 1904 г. система учета посевных площадей стала более дифференцированной: учитывались земли наделные, купленные, арендованные и частновладельческие.

Одновременно с переписями посевных площадей собирались данные об урожайности. Эти данные поступали через сеть корреспондентов Центрального статистического комитета.

Кроме комитета, статистикой урожайности занимался департамент земледелия и сельской промышленности (с 1894 г. — отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики) министерства земледелия и государственных имуществ. Сведения об урожайности с единицы площади на наделных и частновладельческих землях собирали добровольные корреспонденты. Размеры посевной площади также не учитывались. Корреспондентская сеть министерства земледелия и государственных имуществ была намного меньше, чем сеть Центрального статистического комитета, и распределялась она неравномерно, поэтому возникавшие пробелы восполнялись данными комитета.

Статистика скотоводства

Сведения о поголовье скота также включались в губернаторские отчеты. С 1863 г. данные о численности скота собирало Ветеринарное управление министерства внутренних дел¹. Но наиболее ценны **военно-конские переписи**, которые проводились с 1880-х годов.

Первая военно-конская перепись была проведена Центральным статистическим комитетом в 58 губерниях в 1882 г. С 1888 г. такие переписи проводились регулярно². Они дают подробные сведения о распределении лошадей не только по возрасту, но и по разным категориям владельцев. В них также приводится группировка владельцев в зависимости от обеспеченности лошадьми (безлошадные хозяйства, однолошадные и т.д.). Именно поэтому значение военно-конских переписей выходит за рамки исследования состояния коневодства. Они дают ценную информацию о состоянии крестьянского хозяйства в целом в первую очередь потому, что заинтересованность военного ведомства обеспечивала высокое качество статистической информации³.

В 1900 г. Центральный статистический комитет анкетным методом собрал и опубликовал данные о количестве рабочего и продуктивного скота.

¹ Эти сведения публиковались с 1908 г. в издании «Состояние скотоводства в России».

² Данные военно-конских переписей публиковались в продолжающемся издании «Статистика Российской империи».

³ Достаточно сказать, что информация собиралась экспедиционным способом, причем не просто путем обхода дворов, но с осмотром самих лошадей для определения их пригодности к военному делу.

* * *

Итак, на протяжении XIX — начала XX в. в области сельскохозяйственно-го производства собирались сведения главным образом об урожайности, затем о посевных площадях и о состоянии скота (с особым вниманием к лошадям). Первоначально они были представлены в статистических приложениях к губернаторским отчетам. Начиная с 1860-х годов постепенно формировались специальные статистические системы учета и анализа этих показателей. Многоаспектные сельскохозяйственные переписи были проведены только в канун революции.

Сельскохозяйственные переписи

В конце XIX — начале XX в. появляется интерес и к другим аспектам сельскохозяйственного производства. По инициативе Вольного экономического общества в 1895–1896 гг. отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики министерства земледелия и государственных имуществ собрал сведения о сельскохозяйственных орудиях. Сведения, собиравшиеся через корреспондентскую сеть отдела, были весьма неполными. В публикацию были включены лишь данные об орудиях пахоты, боронования, а данные об орудиях уборки и обработки урожая в издание не вошли¹. В 1910 г. Центральный статистический комитет также собрал сведения об обеспеченности крестьянских и частновладельческих хозяйств орудиями и машинами. В ходе обследования была выявлена обеспеченность хозяйств всеми видами орудий для пахоты, обработки посевов, уборки урожая, а также сенокосилками и конными граблями².

В 1916 и 1917 гг. прошли две сельскохозяйственные переписи, кардинально различавшиеся по своим задачам, а значит, и по программам обследования.

Первая Всероссийская сельскохозяйственная перепись была вызвана необходимостью учета сельскохозяйственных ресурсов в ходе Первой мировой войны. Она прошла летом 1916 г. и охватила 77 губерний — большую часть территории Российской империи. Перепись проводили земские учреждения и уполномоченные Особого совещания по продовольственному делу. Опыт земских статистических учреждений способствовал высокому качеству полученных данных, хотя проводимая перепись по своим задачам кардинально отличалась от земских обследований: она преследовала цель выявить состояние сельскохозяйственного производства. Программа переписей предусматривала фиксацию следующих показателей для крестьянских хозяйств: размера пашни (с подразделением на надельную, купленную и арендованную), численности населения (включая наемных работников), количества скота, разме-

¹ Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1903.

² Сельскохозяйственные машины и орудия в европейской и азиатской России в 1910 г. СПб., 1910.

ров посевов по культурам на надельных, купленных и арендованных землях. Предусматривалось также выборочное описание 5% крестьянских хозяйств с указанием количества скота и размеров посевов на 1915 г. Более подробно описывались 2% хозяйств: учитывались приход и расход основных продовольственных и фуражных ресурсов¹.

Несмотря на достаточно высокое качество полученных данных (хотя подробное исследование хозяйств, попавших в выборки, провести не всегда удавалось), уже через год выявилась недостаточность собранной информации. В революционных событиях 1917 г. активно проявились крестьянские требования земли. В 1917 г. была проведена земельная и сельскохозяйственная перепись, в которой более детально учитывалось население, а также собирались подробные данные о найме рабочей силы, промысловых занятиях крестьян, сельскохозяйственном инвентаре. Но наибольшее внимание было уделено изучению землевладения: сведения собирались по видам угодий (пашня, выгон и др.) и по категориям (надельная, купленная, арендованная земля, хутора, отруба). Всего в переписи 1917 г. учитывалось 194 показателя, что должно было позволить всесторонне изучить крестьянское хозяйство (в переписи 1916 г. такая задача не ставилась). Однако нестабильность внутривнутриполитической ситуаций не позволила обеспечить полноту информации, что привело к несопоставимости результатов двух переписей².

* * *

Таким образом, при острой заинтересованности государства в статистической информации о состоянии сельскохозяйственного производства в условиях войны и поземельной собственности во время активизации революционного движения удастся, несмотря на сложности военного и революционного времени, провести сбор сведений. Адекватный метод в этом случае — перепись. Метод переписей получил распространение и в промышленной статистике начала XX в.

2.7.4

Статистика промышленного производства³

Учет промышленного производства при помощи ведомостей фабрик и заводов перерос в собственно статистическую систему в 60–80-е годы XIX в.,

¹ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года (по подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Вып. I: Европейская Россия. Пг., 1916; Вып. II: Кавказ. Пг., 1917; Вып. III: Степной край, Сибирь и Дальний Восток. М., 1917.

² Материалы переписи были опубликованы ЦСУ уже после революции: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям / ЦСУ // Тр. 1921. Т. V. Вып. 1; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям / ЦСУ // Тр. 1923. Т. V. Вып. 2.

³ Статистика промышленного производства наиболее полно исследована в работах Ю.Я. Рыбакова и С.В. Воронковой.

когда законодательно определилась единица статистического учета — был введен ценз промышленного предприятия.

30 ноября 1857 г. министерство внутренних дел издало циркуляр, предусматривавший ежегодный сбор губернскими статистическими комитетами сведений о количестве промышленных предприятий, числе занятых на них рабочих, характере и объеме выпускаемой продукции. Собранные данные публиковались в изданиях Центрального статистического комитета¹. Но эти материалы обладали всеми недостатками, присущими ведомственному учету, главный из которых — отсутствие четкого определения единицы статистического учета, что не позволяло получать сопоставимую информацию, т.е. подвергать получаемые сведения дальнейшей статистической обработке. Данные группировались по производствам.

Более четко во второй половине XIX в. была налажена *статистика производств, облагаемых акцизом, и горнозаводской промышленности*, что было связано с необходимостью обеспечить контроль этих отраслей со стороны государства. Правда, сбор статистических сведений о производствах, облагаемых акцизом, осуществлялся на основании многочисленных уставов и правил, разных — в том числе и по набору показателей — для различных отраслей. Эти правила устанавливались для винокуренного производства Уставом о питейном сборе, для свеклосахарного — Уставом о свеклосахарном производстве и Временными правилами об акцизе с сахара, для табачного — Уставом о табачном сборе. Существовали Правила об акцизе с зажигательных спичек и о продаже фосфора, Правила об акцизе с осветительных нефтяных масел.

До 1898 г. данные о производствах, облагаемых акцизом, публиковались в «Отчетах департамента неокладных сборов», с 1899 г. — в ежегодном издании министерства финансов «Статистика производств, облагаемых акцизом». Именно в самом конце XIX в. В России — с переходом к методу переписей при сборе статистической информации — окончательно сложилась система статистики промышленного производства. И в этом плане изменение названия публикации дает наглядный пример перехода от учетных систем к собственно статистическим.

Сведения по производствам, облагаемым акцизом, публиковались по следующим отраслям: 1) свеклосахарное и рафинадное производство; 2) винокурение; 3) дрожжево-винокуренное; 4) фруктово-виноградно-водочное и коньячное производство; 5) пивоваренное; 6) медоваренное; 7) казенные винные склады; 8) табачные фабрики; 9) спичечное производство; 10) производство папиросных гильз и разрезной папиросной бумаги; 11) нефтеперерабатывающее производство.

¹ Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. Сер. I. Вып. 1; СПб., 1872. Сер. II. Вып. 6; СПб., 1882; Сер. III. Вып. 8; Статистика Российской империи. Сборник сведений по Российской империи... СПб., 1896. Т. XV и др.

Систему учета горнозаводского производства определял Устав о горных заводах. Сведения собирал горный департамент, входивший в министерство государственных имуществ. «Сборник статистических сведений по горнозаводской промышленности России» публиковался с 1859 по 1918 г. Первичные материалы собирали горные инспекторы, управления казенных заводов, губернские статистические комитеты. Набор показателей, собираемых этими органами, также был разнообразным.

В конце XIX — начале XX в. существенно изменилась промышленная статистика. Во-первых, кроме государственной статистики появилась и начала быстро развиваться статистика предпринимательских организаций российских промышленников. В нее включались сведения о технической структуре производства, о его технологических особенностях, объеме выпускаемой продукции и ее сбыте, обеспеченности предприятий топливом, сырьем, емкости рынка, а также о положении рабочих. Эта статистика чаще всего была отраслевой или региональной — например, организация нефтепромышленников Баку с 1894 г. издавала «Обзор бакинской нефтяной промышленности».

В 1909 и 1914 гг. Совет съездов представителей торговли и промышленности осуществил анкетирование промышленных предприятий всероссийского масштаба¹. А в 1915–1917 гг. анкетное обследование промышленных предприятий в связи с потребностями ведения войны проводили Особое совещание по обороне государства и его местные органы — заводские совещания.

Значительно изменилась и государственная статистика промышленного производства. Напомним, что развитие учета промышленного производства к концу XIX в. при помощи ведомостей фабрик и заводов привело к становлению уже собственно статистической системы. Определяющую роль здесь сыграло установление в 1883 г. ценза промышленного предприятия и его уточнение в 1895 г. Однако уже к концу века ведомостной учет почти прекратился — в основном из-за нежелания владельцев систематически предоставлять информацию. На смену ведомостному учету пришли промышленные переписи. Правда, одновременно с обработкой данных первой промышленной переписи в 1902 г. была предпринята попытка вновь собрать сведения с владельцев предприятий — был разослан опросный листок, предполагавший предоставление довольно подробной информации. Однако требуемые сведения предоставили только треть из них.

Таким образом, переход к методу переписей во многом был вынужденным. Тем не менее не следует забывать, что организации предпринимателей во многом взяли на себя функции текущего учета, хотя это нельзя расценивать как целенаправленное разделение функций между государством и общественными организациями промышленной буржуазии. Такое разграничение со стороны государства было вынужденным, поскольку предпринимательские

¹ См.: Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914.

организации ограничивали доступ государственных служб к первичной документации предприятий.

Метод переписей имел предысторию в виде **анкетных обследований**. Напомним, что метод анкетных обследований еще в XVIII в. находился у истоков российской статистики, в этом смысле промышленная статистика повторила общий путь эволюции данного вида исторических источников.

С целью разработать методику единовременных обследований ЦСК в 1868 г. провел анкетирование предприятий Московской и Владимирской губерний. Однако разработанная для этого программа затем не использовалась.

Масштабное обследование промышленности было осуществлено в связи с проведением в 1882 г. в Москве Всероссийской промышленно-художественной выставки. Существенным достижением методики статистического обследования стало применение систем перечней в вопросах: человек, заполнявший опросный листок (чаще всего владелец предприятия), выбирал вариант ответа из предложенного перечня и лишь указывал количество объектов описания, что существенно повышало сопоставимость данных. Но единица статистического учета по-прежнему не была строго определена. Не было ясности в том, что относить к промышленному предприятию.

В середине 1890-х годов проводилось новое крупное анкетирование промышленности. Его целью было налаживание постоянного собственно статистического учета промышленного производства, что обуславливалось, как указывается в циркуляре министра финансов С.Ю. Витте владельцам промышленных предприятий от 7 июня 1895 г., потребностью государства в экономической информации. Анкета 1895 г. включала 35 вопросов, многие из которых были разбиты на ряд подпунктов, а также требовала заполнения системы таблиц. Основные вопросы анкеты: название промышленного предприятия и его местонахождение, номенклатура производств, данные о владельце, об аренде, о складах, сырье и топливе, а также об источниках их получения, характеристика энергетического оборудования с подвопросами о разновидностях двигателей (особое внимание уделялось паровым машинам, данные о которых должны были быть приведены в таблицах), сведения о станках, машинах, их производительности, численности занятых на них рабочих. Ряд вопросов имел социальный характер: состав рабочих предприятия, число рабочих, количество праздничных дней в году, продолжительность рабочего дня, размер заработной платы, жилищные условия рабочих, характер медицинской помощи и страхования. В анкете также требовалось кратко изложить историю предприятия.

Анкетирование 1895 г. внесло существенный вклад в разработку метода статистического обследования. На этот раз была четко определена единица статистического учета: промышленное предприятие должно было иметь не менее 15 рабочих или, при численности рабочих менее 15, паровой либо иной механический двигатель. Четко была определена номенклатура произ-

водств по 12 группам: 1) производства по обработке хлопка; 2) производства по обработке шерсти; 3) производства по обработке шелка; 4) производства по обработке льна, пеньки, джута; 5) смешанные производства по обработке волокнистых веществ; 6) бумагомассное, бумагоделательное и полиграфическое производства; 7) производства по обработке дерева; 8) производства по обработке металлов, производству машин, аппаратов и орудий ремесла; 9) производства по обработке минеральных веществ; 10) производства по переработке животных продуктов; 11) производства по обработке питательных веществ; 12) химические производства. Таким образом, в обследовании 1895 г. сохранялась классификация промышленного производства, выработанная в российской статистической науке в начале XIX в.

Во время обследования 1895 г. был достигнут некоторый прогресс и в технике сбора сведений. В основном рассылка ведомостей, надзор за их заполнением и сбор сведений были поручены фабричным инспекторам. Однако масштабность предпринятого обследования заставила привлечь к работам и чиновников других ведомств.

Анкетное обследование 1895 г. подготовило возможности для перехода к **промышленным переписям** как наиболее прогрессивному способу статистического обследования, обеспечивавшему высокий уровень достоверности и сопоставимости информации. Переписи преследовали цель изучить состояние промышленности для выработки экономической политики.

В конце XIX — начале XX в. в России были проведены три промышленные переписи: в 1900, 1908 и 1910–1912 гг. Они существенно отличались друг от друга по охваченной территории и номенклатуре производств, что влияет на сопоставимость данных.

Перепись 1900 г. охватывала заведения, подчиненные надзору фабричной инспекции, поэтому распространялась лишь на губернии Европейской России и частично на Кавказ. Статистическому обследованию подлежали только производства обрабатывающей промышленности, не облагаемые акцизом. Для этой переписи был установлен ценз промышленного предприятия — годовая производительность не менее 1 тыс. руб. В целом по переписи 1900 г. было учтено меньше предприятий, чем по данным фабрично-заводской инспекции за это же время.

Перепись 1908 г. охватывала почти всю территорию Российской империи, включая Сибирь, Среднюю Азию и Кавказ. Была расширена и номенклатура производств. Перепись включала производства обрабатывающей промышленности, не облагаемые акцизом, производства, облагаемые акцизом, и горнозаводские предприятия. Несмотря на то что предполагался учет предприятий разных ведомств, в том числе и казенных, технические возможности проведения переписи на предприятиях, не подчиненных горной или фабричной инспекции, были значительно хуже, и сведения об этих предприятиях неполны.

Перепись 1910–1912 гг. была более локальной. Предусматривалось обследование предприятий, продукция которых могла быть предметом международной торговли. В ходе этой переписи исследовалась только промышленность европейской части России и лишь предприятия, поднадзорные горной и фабричной инспекции.

На протяжении всего этого времени действовал ценз промышленного предприятия, установленный циркуляром от 7 июня 1895 г.: не менее 15 работающих или, при меньшем числе работающих, наличие парового или иного механического двигателя. Заполняли анкеты, так же как и ведомости фабрик и заводов, владельцы предприятий.

В ходе переписей была уточнена номенклатура и классификация производств. 12 групп, выделенных главным образом в зависимости от обрабатываемого сырья, делились на 171 разряд по 286 производствам.

Характер собираемых сведений обуславливался программой переписи. В целом преобладала информация о производстве, менее полно были представлены данные о состоянии рабочей силы. В составлении программы переписи 1900 г. участвовал известный статистик В.Е. Варзар, служивший в то время фабричным ревизором отдела промышленности министерства финансов¹.

Анкета включала три бланка, первый из которых предполагал предоставление основной информации о промышленном предприятии: о времени его возникновения, владельце, характере и структуре производства, продолжительности ежедневной и ежегодной работы, численности и половозрастной структуре рабочей силы, соотношении основной рабочей силы, вспомогательного состава, количестве и мощности энергетического оборудования, структуре производственного оборудования, потреблении топлива, стоимости произведенной продукции, а также о расходах на заработную плату, содержание администрации. Дополнительные бланки включали подробные сведения о сырье и производимой продукции. Во всех трех бланках применялась система подробных перечней.

Анкета переписи 1908 г. была аналогичной анкете переписи 1900 г., но менее подробной. В ней отсутствовали детальные сведения о сырье и техническом оборудовании. Например, перечень оборудования в анкете 1908 г. имел 60 позиций, а в анкете 1900 г. — 500.

В целом методика проведения переписей 1900 и 1908 гг. базировалась на единых принципах, что дает возможность сопоставлять их результаты.

Перепись 1910–1912 гг. существенно отличалась от первых двух. Основное внимание при ее проведении уделялось данным о количестве и цене произведенной продукции. В таблицах отдельно содержались данные о про-

¹ Варзар (Варзер) Василий Егорович (1851–1940) — русский статистик и экономист; с 1875 г. — статистик при Черниговской губернской земской управе; составитель программ обследования промыслов и описания и оценки городского недвижимого имущества, а также автор ряда методов и программ земской статистики; один из организаторов промышленных переписей 1900 и 1908 гг.

изведенной и реализованной продукции, причем отдельно за 1910, 1911 и 1912 гг., что должно было выявить динамику процессов. В анкетах переписи 1910–1912 гг. также широко применялись перечни.

Первичные материалы переписей не введены в научный оборот. В литературе высказывается мнение об их утрате. Исследователи используют публикации итогов переписей.

Материалы переписи 1900 г. опубликованы в изданиях под редакцией В.Е. Варзара «Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г.» (СПб., 1903); «Список фабрик и заводов Европейской России» (СПб., 1903).

В первом издании сведения сгруппированы по 12 производствам, а внутри них — по губерниям и экономическим районам. В издании приводятся четыре вида таблиц. Таблица А «Общие экономические и технические сведения о заведениях» содержит характеристику производства, информацию о количестве предприятий, численности и половозрастном составе рабочей силы, количестве и структуре энергетического оборудования, стоимости оборудования (с подразделением на отечественное и зарубежное), структуре расходов на сырье, топливо и заработную плату, на содержание администрации и зданий.

В таблицу Б «О количестве и стоимости переработанных и потребленных материалов» включены подробные сведения о сырье. Таблица В «О количестве и стоимости продуктов, изделий и полуфабрикатов, изготовленных на продажу» дает информацию о результатах производства. В качестве объекта описания в этих таблицах выступает отдельное предприятие, что обеспечивает сопоставимость данных. В таблице Г «Число рабочих, число часов, главных орудий, аппаратов, приборов и механизмов» сведения сгруппированы по отдельным производствам в разных губерниях. Естественно, что в публикации разработаны не все показатели анкеты переписи.

Данные переписи 1908 г. также опубликованы под редакцией В.Е. Варзара и с его обширным введением, содержащим анализ статистических данных, в следующих изданиях: «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г.» (СПб., 1912); «Список фабрик и заводов Российской империи» (СПб., 1912).

В основе издания лежат те же принципы, что и в издании материалов переписи 1900 г. Отличие состоит в меньшем количестве показателей, что обусловлено сокращенным формуляром анкеты переписи 1908 г.

Материалы переписи 1910–1912 гг. также были сгруппированы по 12 производствам и в соответствии с этим опубликованы в 12 выпусках издания «Фабрично-заводская промышленность Европейской России в 1910–1912 гг.» (СПб., 1914–1915) и в специальном выпуске «Общие итоги» (СПб., 1915).

Данные были сгруппированы в таблицах двух видов: «Количество изготовленных и проданных продуктов и изделий и их средние цены в 1910–1912 гг.» и «Число заведений и рабочих по группам производств в 1910–1912 гг.».

Особенностью издания было то, что по группам производств отмечалась степень репрезентативности данных, полученных в результате переписи.

2.7.5

Статистика труда

Статистика промышленного производства включала некоторые сведения о рабочей силе. Кроме этого, с конца XIX в. существовала статистика фабричной инспекции. Фабричная инспекция создавалась для контроля исполнения рабочего законодательства на протяжении XIX в. в разных странах. В России это произошло в 1882 г., когда был издан закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». Поскольку задачей фабричной инспекции было регулирование взаимоотношений владельцев предприятий и наемных рабочих, в отчеты фабричных инспекторов, кроме данных о численности рабочей силы, включались важные социальные показатели — такие как заработная плата, уровень травматизма, интенсивность забастовочного движения. В конце XIX в. *отчеты фабричных инспекторов* были более описательными. Примером такого отчета может служить публикация «Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882–1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних Московского округа» И.И. Янжула (СПб., 1884)¹. «Свод отчетов фабричных инспекторов» систематически публиковался с 1901 г.²

2.7.6

Земская статистика

В 1864 г. прошла земская реформа, начали создаваться земства — органы местного самоуправления. Первоначальные функции земской статистики, организованной земствами в целях земского обложения, расширились, поскольку земские статистики (многие из них находились под влиянием народнической идеологии) часто ставили задачи глубокого научного исследования экономического положения крестьянства. В этом смысле земская статистика объединяет в себе черты (в том числе и недостатки) текущего учета и статистики, собираемой в научных целях.

Эпизодически статистические работы проводились земствами с конца 1860-х годов, еще до образования специальных статистических учреждений при земских управах. Например, подворные описания крестьянских хозяйств были проведены в 1869 г. в Подольском и Херсонском земствах, в 1870 г. — в Вятском и Рязанском, в 1871 г. — в Тверском.

¹ Янжул Иван Иванович (1846 или 1845–1914) — русский экономист и статистик; с 1876 г. — профессор Московского университета по кафедре финансового права; с 1882 по 1887 г. — фабричный инспектор Московского округа; с 1895 г. — действительный член академии наук.

² Свод отчетов фабричных инспекторов [за 1901–1914 гг.]. СПб.; Пг., 1902–1915.

С 1871 г. в земствах стали создаваться статистические учреждения: столы, отделения, — которые затем повсеместно преобразовывались в статистические бюро. К 1886 г. статистические органы были созданы почти во всех земствах. В 1875 г. статистические отделения были открыты в Черниговском и Московском земствах. Статистические исследования этих земств оказали существенное влияние на земскую статистику, особенно на первом этапе ее становления, когда разнообразие программ земских статистических обследований было весьма значительным¹. В Московском земстве первоочередное внимание уделялось выяснению общего экономического состояния крестьянства, изучению каждого крестьянского хозяйства, общих условий крестьянского быта. Этим задачам соответствовала основная форма статистики — *подворная перепись*. В черниговской земской статистике главными объектами исследования были земля, виды почв, средняя урожайность и т.п. Основной тип статистических работ, соответствующий этим задачам, — *поселенное обследование*.

Одна из задач земской статистики — оценка недвижимых имуществ, и в первую очередь земли. Место оценочных работ во всей системе земской статистики служит критерием для периодизации ее развития. Выделяются три этапа.

1. До 1893 г. — период становления земской статистики, когда она существовала без особого вмешательства со стороны правительства. В это время земская статистика занималась главным образом изучением крестьянских хозяйств, не преследуя цели оценки.

2. С 1893 г. оценка хозяйства занимает основное место в земских статистических работах.

3. С 1900 г. земская статистика подчиняется задаче налоговой оценки недвижимого имущества на основании закона 1899 г.²

От этапа к этапу постепенно меняется методика организации статистических обследований.

Земская статистика делится на *основную* и *текущую*. К основной статистике относятся единовременные статистические обследования, к текущей — постоянное статистическое наблюдение. Основная статистика собиралась, как правило, экспедиционным методом, а текущая — путем рассылки анкет.

Основная земская статистика

Главным объектом интереса земской статистики было крестьянское хозяйство, для исследования которого проводились подворные переписи и выбороч-

¹ В литературе черниговская земская статистика иногда характеризуется как земледельческая, а московская — как промысловая. В любом случае очевидно, что разница в программах была обусловлена глубокими различиями хозяйственной деятельности в этих губерниях, в том числе и из-за отличия природно-климатических условий.

² В научной литературе начало третьего этапа часто датируют 1905 г., используя в качестве критерия периодизации не изменение задач земской статистики, а развитие методики статистических обследований.

ные бюджетные обследования. На первом этапе развития земской статистики практиковались поселенные списки, включавшие сведения о населении, хозяйстве, посевах, скоте, промыслах, покупке и аренде земли, способах ее обработки.

Подворные переписи. Программа подворной переписи изменялась, со временем становясь более сложной и подробной; она была различной в разных губерниях. В подворную перепись входили сведения о размерах и составе семьи по полу, возрасту и грамотности, о числе мужчин-работников и об их грамотности, о промыслах с их характеристикой (указанием места и сезонности), о торгово-промышленных заведениях, о числе на них собственных и наемных работников с подразделением по полу, о найме сельскохозяйственных рабочих и прислуги, о поголовье скота (по видам), о наличии сельскохозяйственного инвентаря, размерах земли (с подразделением на надельную, приобретенную и арендованную), о сдаче земли в аренду, стоимости инвентаря (который делился на «живой» и «мертвый») и построек, о доходах от промыслов и иной деятельности, о собранном урожае, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов, а также скота. Примером наиболее детальной программы служит программа подворной переписи Пензенской губернии 1909–1913 гг.

С середины 1880-х годов при проведении подворных переписей перешли от списочной формы фиксации наблюдений к карточной. Это формальное изменение имело существенные последствия, поскольку, во-первых, позволило обследовать часть хозяйств по более полной программе и, во-вторых, обеспечивало возможность разработки данных по комбинациям признаков и создания групповых и комбинационных таблиц.

Бюджетные обследования. Цель бюджетного обследования — изучить в динамике приходно-расходный бюджет крестьянского хозяйства. В 1870–1880-е годы бюджетные обследования были эпизодическими. Массовое изучение крестьянских бюджетов было начато Воронежским земством в 1884 г. и затем получило широкое распространение. Такими обследованиями в губернии было обычно охвачено несколько сотен хозяйств (от 200 до 1 тыс.), которые отбирались методом типической выборки. Программы бюджетных обследований в разных земствах также различались. Выделяют несколько типов программ. Программа Воронежского земства включала около тысячи вопросов, объединенных в девять разделов. Эта программа предусматривала подробный учет доходов и расходов в натуральном и денежном выражении, а также данные о составе семьи, найме рабочих, землевладении, имуществе. Достаточно широкое распространение получили и программы Калужского, Вологодского земств.

Кроме изучения крестьянских хозяйств, земские статистики обследовали промышленные предприятия и ремесленные заведения, состояние дорог. Особое внимание уделялось статистическому изучению школ, больниц, поскольку эти учреждения были одним из основных объектов приложения усилий земских деятелей. В Тверском земстве Ф.Ф. Ольденбург в 1893 г. даже организо-

вал статистическое справочно-педагогическое бюро¹. В 1911 г. была проведена школьная перепись, а в 1913 г. прошел общеземский съезд по школьной статистике, после чего земская школьная статистика получила новое развитие.

Текущая земская статистика

Объектом исследования в текущей статистике были метеорологические явления, размер посевных площадей, урожайность, поголовье скота, цена на наемный труд в сельском хозяйстве. К текущей земской статистике условно можно отнести *динамические гнездовые обследования* — непрерывное наблюдение группы хозяйств одного селения. Начаты такие исследования были в 1895 г. Тверским земством. В отличие от основной массы текущей статистики наблюдения велись экспедиционным методом.

Земские статистики не только собирали статистическую информацию, но и публиковали сводные данные земской статистики, а также разрабатывали полученные данные для исследования различных проблем. Кроме экономического состояния крестьянского хозяйства, земских статистиков интересовали вопросы грамотности сельского населения, санитарии и гигиены. Например, Ф.Ф. Эрисман² по приглашению Московского земства с 1879 по 1885 г. изучил санитарное состояние промышленных предприятий Московской губернии, по результатам чего опубликовал 17-томный труд.

Современные исследователи активно используют публикации, осуществленные земскими статистиками, хотя применявшиеся ими группировки данных (например, очень распространенная группировка по количеству надельной земли, мало отражавшая реальную структуру землепользования) часто не адекватны современным исследовательским проблемам³. Первичный материал земской статистики не введен в научный оборот.

2.8

ПУБЛИЦИСТИКА⁴

Публицистика — вид исторических источников, возникающий в общественной сфере. Публицистика призвана выражать мнение какой-либо социальной группы об общественно значимой проблеме.

¹ Итоги исследования школьной статистики отражены в работе: *Ольденбург Ф.Ф.* Народные школы Европейской России в 1892/93 г. СПб., 1896.

² Эрисман Федор Федорович (1842–1915) — российский врач-гигиенист, швейцарец по происхождению; получил образование в университетах Цюриха, Вюрцбурга и Праги; в 1869 г. переехал в Россию; в 1882–1896 гг. — профессор кафедры гигиены Московского университета.

³ См.: *Григорьев В.Н.* Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г. М., 1926–1927. Вып. 1–2.

⁴ В этой главе значительно расширено, по сравнению с традиционным, понятие о публицистике как виде исторических источников. При этом обозначаются лишь подходы, поскольку история и содержание наиболее ярких публицистических произведений известны из общего курса истории.

Как правило, публицистическое произведение — авторское, но автор явно или имплицитно выражает мнение социальной группы. Чтобы определить, взгляды какой из них выражены в том или ином публицистическом произведении, необходимо исходить из принятой в данном обществе социальной стратификации, а не привносить социальную структуру, разработанную в исторической науке (например, рассматривать каждого автора как представителя того или иного класса). Естественно, при таком подходе в любом обществе на каждом отрезке его развития можно выявить разномасштабные и разноуровневые социальные группы.

Публицистические произведения могут иметь как индивидуального, так и коллективного автора. Характерная особенность публицистики России — то, что ее значительная (подавляющая) часть разделяется на проправительственную и антиправительственную, в отличие от европейской публицистики, представлявшей различные социальные силы, боровшиеся за политическую власть или по крайней мере за влияние на эту власть (например, публицистика вигов и тори в Великобритании с конца XVII в.¹).

Классификация публицистики как вида исторических источников не разработана, однако можно выделить (хотя и весьма условно) несколько групп публицистических произведений: авторские публицистические произведения, публицистика массовых народных движений, проекты государственных преобразований и конституций.

2.8.1

Авторские публицистические произведения

Значительная общественная полемика развернулась вокруг петровских преобразований. Именно в это время российская публицистика формируется как вид исторических источников Нового времени. Виднейший представитель публицистики Петровской эпохи Феофан Прокопович в своих произведениях дал идеологическое обоснование абсолютистской власти в России.

Крупные события и существенные преобразования XVIII в. порождали общественный отклик, реализуемый в публицистических произведениях. Новый всплеск авторской публицистики произошел в эпоху Екатерины II. В это время наметилась тенденция к сращиванию публицистики с периодической печатью. Журналы «Трутенъ» (1769–1770) и «Живописецъ» (1772–1773) Н.И. Новикова или «Почта духов» (1789) и «Зритель» (1798) И.А. Крылова могут рассматриваться как публицистические произведения. Правда, читательская аудитория такой публицистики была весьма ограниченной.

¹ В Великобритании публицистическая полемика была чрезвычайно развита уже в XVII в. Как публицисты выступали многие влиятельные люди того времени. Развитие публицистики способствовало даже некоторому ослаблению цензуры в конце XVII в.

В XIX в. наметившиеся тенденции продолжали развиваться. Можно выделить следующие крупные комплексы публицистических произведений: публицистика западников и славянофилов, публицистика идеологов народнического движения. В начале XX в. с появлением политических партий возникла публицистика партийных лидеров. В партийной печати происходило максимальное соединение публицистики с периодикой. Их сращивание началось в России в пореформенный период, в то время как в ряде европейских стран распространение публицистических произведений в форме памфлетов предшествовало возникновению газет.

2.8.2

Публицистика массовых народных движений

Яркие образцы публицистики в России создаются в ходе массовых народных движений, начиная с «прелестных писем» Степана Разина. По сути публицистическими произведениями можно назвать манифесты Емельяна Пугачева и значительную часть указов, исходивших из его военной коллегии. Совершенно очевидно, что целью манифестов (маскирующихся под законодательный источник) было не установление новой нормы, а провозглашение целей и задач движения. Не случайно из всего многообразия разновидностей законодательных актов выбирались именно манифесты, т.е. та разновидность законодательных актов, которая обычно использовалась государством, когда нужно было провозгласить то или иное решение, довести его до всех подданных. При всем различии происхождения манифесты Пугачева по их назначению можно сравнивать с манифестами российского императорского дома в изгнании после революции.

2.8.3

Проекты государственных преобразований и конституций

Особенность источниковой базы российской истории составляет и то, что значительную долю проектов государственных преобразований также можно отнести к публицистическим произведениям. Естественно, это относится не ко всем проектам: часть из них действительно разрабатывалась для реализации, но другая часть очевидным образом не могла быть воплощена и выражала стремления какого-либо слоя общества. Наиболее яркие примеры в XVIII в. — дворянские проекты 1730 г. К таким проектам в XIX в. можно отнести «Русскую правду» П.И. Пестеля и Конституцию Н.М. Муравьева, ряд проектов, предшествовавших реформам 1860-х годов¹.

¹ Традиция публицистичности проектов реформ сохранялась в российском обществе и впоследствии. Наиболее типичный пример — проект конституции А.Д. Сахарова (1989).

При источниковедческом исследовании публицистических произведений необходимо точно определить их видовую принадлежность, для чего следует максимально полно выяснить намерение автора, цель создания произведения и предполагаемый круг его читателей. Последнее особенно важно, поскольку публицистическое произведение (что следует из этимологии самого термина) изначально предназначается для распространения.

2.9

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Периодическая печать — вид исторических источников, представленный долговременными изданиями периодического характера, функции которых — организация (структурирование) общественного мнения, осуществление идеологического воздействия государства, информационное обслуживание экономической деятельности в сфере частного предпринимательства, установление обратной связи в системе управления.

Периодическая печать делится на три разновидности: *газеты, журналы, повременные издания научных обществ*. Термины, используемые для обозначения разновидностей, соответствуют принятым в настоящее время их самоназваниям. Но на протяжении XVIII — первой половины XIX в. газеты чаще всего назывались ведомостями, реже журналами¹. Слово «газета», которое первым употребил Н.М. Карамзин для обозначения иностранных ежедневных изданий, затем появилось в названии «Новой Санкт-Петербургской газеты» в 1809 г. и стало обычным для обозначения ежедневных изданий со второй половины XIX в. В самоназваниях журналов часто встречаются слова «вестник» и, реже, «записки». Слово «журнал» получило терминологическую определенность также во второй половине XIX в.

Классифицировать периодические издания можно и по их функциям. Основная задача периодической печати — *формировать общественное мнение*. *Функция идеологического воздействия*, строго говоря, может рассматриваться в системе функции структурирования общественного мнения, но, поскольку ни одна общественная группа, как правило, не может выступать наравне с государством (это тем более относится к России, где государство традиционно сильно), мы их разделяем. Эти функции можно признать системообразующими для периодической печати.

Функция *реализации обратной связи в системе управления*, оказания воздействия на правительство отличается от иных тем, что степень ее реали-

¹ По своей этимологии слово «журнал» вполне подходило для обозначения именно ежедневных изданий, каковыми стали газеты в XIX в., и сохранялось в этом значении в материалах цензуры вплоть до конца XIX в.

зации (речь идет в первую очередь о России, где не сформировалось гражданское общество) во многом зависит от «доброй воли» самого правительства, от степени его заинтересованности в достоверной информации о состоянии общества¹. Но, с другой стороны, и издатель может целенаправленно стремиться к воздействию на правительство.

Все эти функции реализуются, но в разной степени, и через газеты, и через журналы. Они могут сочетаться в одном издании.

Но, подчеркнем, некорректно выделять так называемую информационную функцию: сообщение информации не может быть целью, а только средством для ее достижения.

В Западной Европе становление периодической печати началось в XVI в. Для периода до XIX в. применяется более точный термин — «повременные издания», поскольку в это время многие из них не имели строгой периодичности. Например, с 1566 г. в Страсбурге и Базеле выходили газеты с порядковой нумерацией, но без определенной периодичности.

Важнейшая характеристика периодической печати — *количество изданий, выходящих одновременно*: значительное количество открываемых изданий оказывались недолговечными, особенно на начальных этапах становления периодической печати и во время общественных потрясений. Поэтому часто используемый показатель общего количества периодических изданий неадекватно отражает состояние газетного и журнального дела.

Другая существенная характеристика печати — *тираж периодического издания*. Эти две характеристики непосредственно взаимосвязаны. Очевидно, что когда изданий много, то тираж каждого из них может быть меньше, чем когда существует лишь одно издание. Например, тираж первой русской газеты «Ведомости» доходил до 2,5 тыс. экземпляров. Для сравнения: тиражи английских газет в это время не превышали нескольких сотен экземпляров. Но в России в первой четверти XVIII в. выходила лишь одна газета, а в Лондоне — от десяти до 20.

Необходимо учитывать, является ли периодическое издание *частным или официальным*, а также более конкретно знать *источники его финансирования*. Это тоже обычно сказывается на тираже: как правило, только государство может позволить себе не думать об окупаемости издания².

Последнее обстоятельство влияет и на способ тиражирования издания. Первые газеты, выходявшие в европейских странах в XVI в., были рукописны-

¹ Корректная постановка целей в сфере управления — важнейший критерий эффективности функционирования управляющей системы. Поэтому эффективно функционирующая система всегда заинтересована в достоверной информации, что сказывается на качестве государственной статистики, а также на отношении к периодической печати.

² Известны примеры издания частными лицами явно убыточных газет: например, князь Мещерский выпускал газету «Гражданин» на свои деньги. Но такая ситуация встречается редко: чаще убыточное издание выпускалось политическими партиями, но в России они появились только в начале XX в., до этого выходила нелегальная газета «Искра», издававшаяся РСДРП с 1900 г.

ми, поскольку издавать их типографским способом было невыгодно, и только в XVII в. появились первые печатные повременные издания.

В связи с этим отметим, что как некорректно выделять чисто информационную функцию периодических изданий, точно так же некорректно говорить и о том, что какие-то издания преследуют чисто коммерческие цели. Будет точнее сказать, что некоторые газеты, издаваемые государством или политическими партиями, имеют некоммерческий характер. Стремиться к получению прибыли абсолютно нормально для частного издания.

В развитии российской периодической печати можно выделить три периода. В XVIII в. очень медленно происходило становление повременных изданий. С начала XIX в. стали бурно развиваться как газетная, так и журнальная периодическая печать, но преобладала все-таки журнальная. В 1860-е годы существенно изменились как журнальное, так и, особенно, газетное дело, и в 1870-е годы газетная периодическая печать начала преобладать над журнальной, что знаменовало начало нового этапа развития этого вида исторических источников.

Становление и развитие газет будет рассмотрено подробно, поскольку данная разновидность наиболее полно воплощает модель вида в целом. Но обратимся сначала к цензуре, которая задавала рамки развития газетного и журнального дела.

2.9.1 Цензура

В становлении и развитии цензуры можно выделить те же три этапа, что и в развитии периодической печати. Но сделаем два предварительных замечания.

Прежде всего цензура влияет, естественно, не только на газеты и журналы, но и на все издания, однако три обстоятельства заставляют обратиться к истории цензуры именно в связи с рассмотрением периодической печати. Во-первых, взаимосвязь периодической печати с публицистикой обуславливает наиболее пристальное внимание к ней цензуры. Во-вторых, периодический выход изданий, распространение их на протяжении большей части XIX в. исключительно по подписке и впоследствии сильная финансовая детерминированность розничной продажей делали зависимость периодической печати от цензуры весьма жесткой. В-третьих, наиболее существенное свойство периодических изданий — их кумулятивный эффект, необходимость учета которого затрудняет в их отношении цензорскую деятельность.

Далее необходимо определить понятие «цензура»: если понимать под этим вообще контроль государства (и церкви) над печатью, то он существовал с момента возникновения книгопечатания, а до этого осуществлялся контроль

распространения рукописных текстов. Это необходимо учитывать в источниковедческом исследовании, но формы контроля были столь многообразными, что требуют специального, исторически конкретного исследования. В определенный момент такой контроль принимает строгие организационные формы — возникает цензура как государственный институт. И этот момент принципиально важен, потому что свидетельствует о новом отношении государства к печатному слову. Достаточно сказать, что в Англии подобный контроль возник в XVI в., при королеве Елизавете¹. Во Франции королевский рескрипт, запрещающий печатать в газетах что-либо, касающееся государственных дел, был издан в 1624 г., а в России такая цензура появилась в начале XIX в. Новое качество цензорской деятельности проявилось, во-первых, в издании соответствующих законов и, во-вторых, в создании учреждений, призванных специально заниматься цензорской деятельностью.

С конца XVIII в. цензорские функции находились в ведении управ благочиния. 9 июля 1804 г. был издан первый Устав о цензуре, который узаконил предварительную цензуру всех изданий. В это же время закладывалась и система организации цензуры. Предварительная цензура была отдана в ведение министерства народного просвещения. В 1811 г. в связи с ужесточением цензуры был создан особый комитет при министерстве полиции, в обязанности которого входили цензура уже выпущенных изданий и надзор за цензорами.

В 1817 г. была проведена децентрализация цензуры, введена множественная цензура, т.е. издания рассматривались в соответствующих ведомствах до поступления их в министерство народного просвещения.

Новый цензурный устав был принят 10 июня 1826 г. Он предусматривал столь мелочную регламентацию печати, что его трудно было применять, и следующий цензурный устав был издан 22 апреля 1828 г. Этот устав действовал до начала 1860-х годов. В период его действия было издано множество подзаконных актов, уточнявших условия пропуска в печать материалов различной тематики.

В 1848 г. в связи с событиями в Европе цензура ужесточилась. Был создан межведомственный орган для негласного наблюдения за литературой — так называемый Бутурлинский комитет. Он существовал до конца 1855 г.

С середины 1850-х годов действовали противоречивые тенденции: с одной стороны, расширялась гласность, началась подготовка реформы печати, а с другой стороны, в 1859 г. был создан Комитет по делам книгопечатания —

¹ В 1586 г. Елизавета распорядилась ввести строгие меры контроля над книгопечатанием. Было принято решение об обязательной регистрации всей печатной продукции. Наблюдение за разрешением новых изданий было поручено архиепископу Кентерберийскому и епископу Лондонскому, ни одно издание не могло выходить за пределами Лондона (исключение было сделано только для двух университетских городов). На протяжении XVII в. был принят ряд законодательных актов, ужесточавших цензуру (указ 1637 г., устав 1643 г., акт о цензуре — Licensing Act 1662 г.), а с конца XVII в., когда в 1695 г. истек срок действия акта о цензуре, началось некоторое ослабление цензуры под давлением развития периодической печати.

новый межведомственный орган, призванный оказывать влияние на печать (правда, он прекратил свое существование в конце того же 1859 г.). С начала 1860-х годов к цензурированию привлекалось министерство внутренних дел. В течение 1862 г. цензура находилась в ведении двух министерств — министерства народного просвещения и министерства внутренних дел. Функции разделялись следующим образом: министерство народного просвещения ведало предварительной цензурой, на министерство внутренних дел возлагались карательные функции, причем по отношению как к изданиям, так и к цензорам, пропустившим в печать неподобающий материал. Одновременно реорганизовывалось цензурное ведомство. В 1862 г. ведомственная цензура была упразднена, Главное управление цензуры ликвидировано. Была создана Особенная канцелярия министра народного просвещения, просуществовавшая до января 1863 г., когда цензура окончательно перешла в ведение министерства внутренних дел, в котором был создан совет министра по делам книгопечатания.

В это же время была обновлена и нормативная основа цензорской деятельности. Со времени утверждения последнего цензурного устава (1828) в результате издания множества инструкций, уточнявших условия пропуска через цензуру тех или иных материалов, нормативная база была запутана. 12 мая 1862 г. были изданы Временные правила о печати, состоявшие всего из 13 пунктов, 12 из которых содержали запреты на пропуск в печать материалов определенной тематики, а в 13-м пункте говорилось, что эти правила вводятся вместо многочисленных нормативных актов 1828–1861 гг.

Реформа цензуры — одна из Великих реформ — была проведена 6 апреля 1865 г., когда были утверждены новые Временные правила о цензуре и печати, вошедшие как приложение в цензурный устав. По этим правилам от предварительной цензуры освобождались «в обеих столицах <...> все выходящие доныне на свет повременные издания, коих издатели сами заявят на то желание».

Отсутствие предварительной цензуры означало судебную ответственность издателя за содержание периодического издания. Цензурой с этого времени ведало Главное управление по делам печати.

После реформы 1865 г. выделяются два направления влияния властей на периодическую печать: традиционное ограничение возможности публиковать материалы определенной тематики и принципиально новое — увеличение финансовых убытков издателя в случае какого-либо конфликта с цензурным ведомством. Особо отметим второе направление, связанное с коммерциализацией периодической печати. Например, в 1866 г. редакциям временно приостановленных периодических изданий было запрещено выдавать подписчикам какую-либо замену, в 1868 г. разрешено в качестве санкции запрещать на время розничную продажу периодического издания и, наконец, в 1874 г. предписано предоставлять в цензурное ведомство корректуру только тогда, когда отпечатан весь тираж.

В 1882 г. цензура вновь ужесточилась, что зафиксировано в новых Временных правилах о печати. По этим правилам совещание в составе трех министров (внутренних дел, просвещения и юстиции) и обер-прокурора Синода могло запретить дальнейший выход любого издания. Цензура несколько смягчилась только в ходе революции 1905 г.

2.9.2

Газеты как разновидность периодической печати

Становление газетного дела

Периодическая печать повсеместно начинает развиваться с издания газет, но происходит это по-разному. Первая газета появилась в XV в. в Венеции и была рукописной¹.

Первой русской газетой стали «Ведомости», издававшиеся со 2 января 1703 г. по указу Петра I. Правда, в XVII в. при дворе царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича существовала рукописная газета «Куранты», в которой сообщались политические известия и династическая информация, поступавшая из-за границы от послов. Но «Куранты» не могут расцениваться как периодическое издание — и не потому, что были рукописными (первая венецианская газета также переписывалась от руки), а потому, что не предназначались для тиражирования и распространения.

Можно выделить три цели возникновения газет, положившие начало трем направлениям газетной периодической печати. Газеты могут преимущественно обслуживать экономические потребности, формировать общественное мнение в интересах той или иной общественной группы (структурировать общественное мнение), проводить государственную идеологию².

Во-первых, газеты возникали для распространения информации в интересах торговли. Такой, по сути, и была первая газета, не случайно появившаяся именно в Венеции — крупнейшем центре мировой торговли XVI в. Известны также газеты, издававшиеся во время Франкфуртской и Лейпцигской ярмарок. Часть английских газет первого периода их существования (XVII в., время Стюартов) представляла собой небольшие листки с рассказами об отдельных событиях³. В России газеты, обслуживающие экономические интересы, появились лишь в XIX в.

Во-вторых, в некоторых европейских странах, в частности в Англии и Италии, появлению газет предшествовали тиражирование и распростране-

¹ Строго говоря, первая газета «Столичный вестник» выходила в 911 г. в Китае и издавалась тысячу лет, однако традиционно корпус источников российской истории рассматривается в европейском контексте.

² Конечно, это деление весьма условно. Функции могут переплетаться, но еще раз подчеркнем, что сообщение информации не может быть целью, но только средством для ее достижения.

³ В английском языке наряду с термином «newspaper» для обозначения таких изданий существуют слова «newssheet» и «newsletter».

ние памфлетов. Памфлет — разновидность публицистики¹. И если в России сращивание публицистики с журнальной периодической печатью началось в конце XVIII в., а с газетной происходит лишь в начале XX в., то в указанных странах распространение публицистики — фактически изначальная функция периодической печати. В Англии уже в XVII в. публиковались развернутые редакторские комментарии на текущие политические события. Правда, акт о цензуре 1662 г. затруднил публикацию новостей, и существовавшие в это время еженедельные газеты «Новости» (News) и «Осведомитель» (Intelligencer) к середине 1660-х годов закрылись.

В-третьих, газеты издавались государством для воздействия на подданных в нужном направлении (внедрения государственной идеологии) путем распространения официальной информации. Подобные газеты возникали в европейских столицах на протяжении XVII в. Например, во Франции «Французская газета» официального характера издавалась с 1631 г.; в Лондоне «Лондонская газета» — с 1666 г. (кстати, во второй половине 1660-х — 1670-е годы в связи с ужесточением цензуры она была единственной разрешенной газетой в Англии). В России именно такой была первая газета «Ведомости», и такими оставались российские газеты на протяжении XVIII и значительной части XIX в.

В первой четверти XVIII в. в России выходила лишь одна газета. В первом номере «Ведомостей» содержались сообщения о производстве пушек, штурманской школе, подарках индийского правителя русскому царю, об открытии месторождения медной руды. Такую информацию газета помещала и впоследствии. Особое внимание уделялось событиям Северной войны.

Для сравнения отметим, что в Лондоне в первое десятилетие XVIII в. выходило от 10 до 20 газет и журналов одновременно. Во второй половине 1710-х годов (в начале правления Георга I) объем газетной периодической печати в Лондоне составил 200 полулистов в месяц. И, кроме новостей, в этих газетах значительное место отводилось комментарию к ним. В 1704 г. начала выходить газета Д. Дефо, которая со временем получила название «Обозрение государства английской нации» (A Review of the State of the English Nation). В ней содержался уже серьезный политический комментарий текущих событий, а в разделе «Совет от клуба сплетников» давался сатирический обзор лондонской жизни. Газета издавалась до 1713 г. и имела нескольких подражателей. В 1709 г. Дж. Эддисон и Р. Стил приступили к изданию газеты «Сплетник» (Tatler) с намерением давать комментарий политических событий, но очень скоро перешли к освещению социальных и литературных тем. Газета просуществовала до конца 1710 г., а уже в марте 1711 г. эти же издатели начали выпускать новую газету — «Наблюдатель» (Spectator), которая выходила до

¹ Для сравнения: в США знаменитый памфлет Томаса Пейна «Здравый смысл», написанный в 1776 г., был отпечатан общим тиражом 120 тыс. экземпляров.

конца 1712 г. В конце 1710-х годов в лондонских газетах начали публиковаться отчеты о парламентских дебатах, а к 1722 г. палата общин стала объектом репортажей, регулярно публикуемых в газетах¹.

Правда, тиражи лондонских газет в это время составляли несколько сотен экземпляров, в то время как тираж «Ведомостей» мог достигать до 2,5 тыс., хотя не совсем ясно, каким образом газета распространялась. Объем лондонских газет зависел от количества актуальной информации (от двух до 20 страниц²). «Ведомости» не имели устойчивой периодичности, выходили через одну-две недели. Для сравнения отметим, что большинство лондонских газет этого времени выходило или еженедельно, или два раза в неделю. В 1702 г. начала издаваться первая ежедневная газета «Daily Courant».

В 1728 г. газету «Ведомости» сменили «Санкт-Петербургские ведомости», издававшиеся академией наук. Характер газеты сохранился, но от предшествующего издания ее отличала строгая периодичность: «Санкт-Петербургские ведомости» выходили два раза в неделю по почтовым дням (вторник и пятница), их объем — четыре страницы³.

С 1756 г. при Московском университете издавалась газета «Московские ведомости», которая была менее официальной, о чем свидетельствует и ее тираж — до 600 экземпляров. В «Московских ведомостях» публиковалась информация о культурной жизни, известия из-за рубежа. В бытность редактором «Московских ведомостей» Н.И. Новикова (1779–1789) в газете расширился внешнеполитический раздел.

На этом почти исчерпывается история русских газет XVIII в. Обе газеты, издававшиеся в России к концу XVIII в., просуществовали до начала XX в.⁴

Газетное дело с начала XIX века до 1860-х годов

В начале XIX в. газетное дело в России заметно активизировалось. За первое десятилетие возникло до десяти новых газет, но они, в отличие от газет XVIII в., были недолговечными. В 1809 г. была основана «Северная почта» (или «Новая Санкт-Петербургская газета», издавалась до 1819 г.) — орган департамента почт министерства внутренних дел. Выпускалась она два раза в неделю. В том же году начали выходить «Сенатские ведомости». Из устойчивых изданий можно также назвать «Санкт-Петербургские коммерческие ведомости», существовавшие с 1802 по 1810 г. и в 1811 г. слившиеся с «Северной почтой». Частных газет по-прежнему не было⁵.

¹ Публикация репортажей о парламентских дебатах составляла основное содержание некоторых популярных газет. В 1770 г. начала выходить Morning Chronicle, имевшая успех благодаря публикации парламентских отчетов; она проиграла в конкуренции Gazette, издаваемой Дж. Перри. Его газета благодаря созданию команды парламентских репортеров давала более детальные репортажи о дебатах в палате общин.

² В XVIII — первой половине XIX в. газеты выходили на листах небольшого формата.

³ При устойчивом объеме газеты часть информации публиковалась в приложениях («прибавлениях»).

⁴ В Великобритании с 1785 г. начала издаваться газета «Times», существующая до сих пор.

⁵ Если не считать газету-журнал Н.И. Греча и Ф.А. Шредера «Гений времен» (1807–1809).

Первая частная газета — «Северная пчела» Ф.В. Булгарина¹ и Н.И. Греча² выходила с 1825 г. В «Северной пчеле» преобладала иностранная информация, хотя печатались и внутривосточные известия. Значительное место занимал литературный отдел. С конца 1820-х годов «Северная пчела» имела довольно значительный для того времени тираж — от 2 тыс. до 2,5 тыс. экземпляров³.

В 1830-х годах возник ряд новых газет коммерческого направления («Земледельческая газета», «Северный муравей» и др.). Появились литературные газеты: «Литературная газета» А.А. Дельвига, «Художественная газета» Н.В. Кукольника⁴.

С конца 1830-х годов предпринимались малоуспешные попытки наладить выпуск специализированных промышленных газет. В 1838–1839 гг. выходила газета «Листок промышленности, ремесел, искусств и фабрик». Более продолжительное время издавалась газета «Посредник» (1840–1855). Обще-ственно-политических газет в это время не существовало.

В этот период газеты распространялись только по подписке, дохода они почти не приносили, так как объявления печатались лишь в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях» и не имели коммерческого характера.

Авторы газетных материалов, за редким исключением, не указывались. Газеты не претендовали на достоверность информации, часто встречались сообщения «по слухам», преобладало стремление к сенсационной информации. В этих условиях оперативность газетной информации не имела большого значения. Правда, столичные новости попадали в печатавшиеся в столицах газеты сразу же, провинциальные — через 5–20 дней, но много времени занимала доставка газеты подписчикам.

В конце 1840-х годов, с ужесточением цензуры после событий в Европе 1848 г., газетное дело пришло на некоторое время в упадок и ожило только в период Крымской войны. Новый этап его развития начался в пореформенный период.

¹ Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) — русский журналист, издатель; сотрудничал в «Сыне Отечества» Н.И. Греча; с 1822 г. издавал исторический журнал «Северный архив»; с 1825 г. начал издавать газету «Северная пчела»; автор ряда литературных и литературно-критических сочинений.

² Греч Николай Иванович (1787–1867) — русский журналист, филолог; сотрудничал в «Журнале для пользы и удовольствия» и в «Журнале российской словесности»; в 1806–1815 гг. служил в цензурном ведомстве; в 1807–1809 гг. издавал газету-журнал «Гений времен» (вместе с Ф.А. Шредером), в 1809–1810 гг. — «Журнал новейших путешествий», с 1812 г. — журнал «Сын Отечества»; с 1825 г. принимал участие в издании газеты «Северная пчела» и в 1831 г. был ее со-редактором; автор литературных произведений и переводов.

³ Для сравнения: популярная лондонская газета «Times», имевшая в конце XVIII в. тираж около 1 тыс. экземпляров, в 1820-е годы печаталась в количестве 15 тыс. экземпляров в день.

⁴ Кукольник Нестор Васильевич (1809–1868) — русский литератор; стоял на позициях официальной народности; автор ряда исторических романов, поэтических и драматургических произведений.

Газеты 60–90-х годов XIX — начала XX века

Наиболее существенные изменения произошли в издании газет в России в 60-е годы XIX в. Они были обусловлены преимущественно двумя факторами: расширением читательской аудитории в связи с ростом городского населения и потребностью в оперативной информации. К этому времени достаточно четко определились функции газет и журналов. От газет требовалась оперативная информация, в первую очередь для обеспечения коммерческой деятельности, активизировавшейся в пореформенный период. С начала 1870-х годов газет выпускалось больше, чем журналов. В 1870 г. выходило 36 газет, в 1877 г. — 51, в 1881 г. — 83 газеты¹. Активизации газетного дела в конце 1870-х годов способствовала Русско-турецкая война 1877–1878 гг. В 1880-е годы выходило более 80 газет, в 1890-е — более 90 и в 1900-е — более 100 общероссийских газет. С середины 1860-х годов газеты в основном издавались большим форматом объемом в четыре-шесть (иногда до восьми) полос. Определилась и внутренняя структура газет: полоса, как правило, делилась на шесть колонок и подвал, в который обычно печатали так называемый фельетон — большую статью, очерк².

Обеспечить оперативность, достоверность и полноту информации были призваны информационные агентства. В 1835 г. во Франции возникло информационное агентство «Гавас»³. Сотрудники Ш. Гаваса, основателя агентства, Б. Вольф и П. Дж. Рейтер открыли информационные агентства соответственно в Берлине (1848) и Лондоне (1851)⁴. До 1866 г. русские газеты могли перепечатывать зарубежные сообщения из официальных газет или публиковать их с разрешения министерства иностранных дел. В 1866 г. было создано «Русское телеграфное агентство». До этого, с 1862 г., телеграфное бюро существовало при газете «Биржевые ведомости». В 1871 г. возникло Международное телеграфное агентство, а в 1882 г. — Северное телеграфное агентство.

К этому времени большинство российских газет выходили ежедневно или шесть раз в неделю, но для повышения оперативности информации необходим был выпуск газет два раза в день, а также выпуск вечерних газет. В 1827 г. в Лондоне начала выходить газета «The Evening Standard». В России первая вечерняя газета выходила с 1865 г. как приложение к «Биржевым ведомостям» (фактически это был второй дневной выпуск, отличавшийся от утреннего лишь составом телеграмм). Стремление к оперативности информации, а также рост конкуренции привели к созданию корреспондентской сети.

¹ Подсчеты Б.И. Есина (*Есин Б.И.* Русская дореволюционная газета: 1702–1917 гг.: краткий очерк. М., 1971).

² В это время фельетон не имел сатирического характера и обозначал не столько жанр, сколько определенное местоположение на газетном листе.

³ Просуществовало до 1940 г., после оккупации в 1944 г. на его основе создано ныне действующее агентство «Франс Пресс».

⁴ Агентство «Рейтер» до сих пор остается крупнейшим информационным агентством, распространяющим иностранную информацию.

Газетное дело начинает приносить прибыль, главным образом за счет рекламы. Ограничения с публикации частных объявлений были сняты в мае 1862 г.¹ С 1865 г. была разрешена розничная продажа газет, что также создало дополнительный источник финансирования, который нельзя недооценивать. Напомним, что с конца 1860-х годов одна из экономических санкций против газет состояла как раз в запрете розничной продажи, что свидетельствует о существенности этого источника доходов. Возможность увеличивать розничную продажу заставляла газеты стремиться к публикации остро актуальной и сенсационной информации.

В 1860-е годы в газетном деле появилась тенденция к дифференциации по целому ряду признаков, свойственная многим видам источников Нового времени. С 1863 г. стали выходить газеты, рассчитанные на самую широкую читательскую аудиторию: крестьян, ремесленников, городскую прислугу, мелких служащих. Среди них выделялись газеты, адресованные конкретным социальным группам, например «Мирское слово», рассчитанное на низшие слои духовенства. Выделим также «Народную газету» — первую, которая продавалась отдельными номерами.

Началась общественно-политическая дифференциация газет. Именно в это время газетная периодическая печать сражается с публицистикой, чему, в частности, способствовало развитие такого газетного жанра, как передовая статья, которая, по сути, была политическим обзором.

Ведущие газеты в то время имели тиражи более 10 тыс. экземпляров. Среди популярных газет можно назвать «Московские ведомости», «Биржевые ведомости», «Голос», «Русские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости»². Газета «Голос» А.А. Краевского³, тираж которой с середины 1860-х до середины 1870-х годов вырос с 5 тыс. до более чем 20 тыс. экземпляров, получала информацию из 600 мест России и 146 пунктов Европы, Азии, Америки. Одной из самых популярных с конца 70-х годов была газета «Новое время» А. С. Суворина⁴, приобретенная им в 1876 г.⁵

В 1880-е годы на первый план вышли «Русский курьер», «Свет», «Новости дня», «Русское слово», отесняя популярные в 1870-е годы «Голос» и «Санкт-

¹ В 1870-е годы была даже предпринята попытка издания рекламной газеты с бесплатной рассылкой, но такие издания станут жизнеспособными только в самом конце XIX в.

² «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» в 1860-е годы изменили свой характер, фактически превратившись в частные газеты, поскольку были переданы в аренду соответственно М.Н. Каткову и В.Ф. Коршу.

³ Краевский Андрей Александрович (1810–1889) — русский издатель и журналист; начал деятельность в «Московском вестнике» М.П. Погодина; издавал «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду»; с 1839 по 1884 г. выпускал журнал «Отечественные записки»; с 1863 по 1884 г. — газету «Голос».

⁴ Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) — русский издатель и журналист; с 1860-х годов сотрудничал в провинциальной печати, затем в журналах «Отечественные записки», «Современник»; с 1876 г. издавал газету «Новое время»; в 1911 г. совместно с Волжско-Камским банком учредил типографское и книготорговое товарищество «Новое время».

⁵ Газета «Новое время» была закрыта в ноябре 1917 г. по постановлению Военно-революционного комитета Петрограда.

Петербургские ведомости». Одновременно активизировалась промонархическая печать. В 1881 г. правительство начало издавать газету «Сельский житель», рассылавшуюся бесплатно в волостные правления. Промонархический характер сохраняли и «Московские ведомости», издававшиеся М.Н. Катковым¹.

Наблюдались новшества и в организации газетного дела. Создавались посреднические организации — конторы, агентства объявлений, обеспечивавшие источники дохода периодических изданий. В это время более половины газет выходили ежедневно или шесть раз в неделю.

На рубеже веков самой распространенной стала газета «Русское слово», основанная в 1895 г. и в 1897 г. приобретенная известным книгоиздателем И.Д. Сытиным². В 1899 г. ее тираж составлял 22 тыс. экземпляров, а в начале века превысил 100 тыс. Большими тиражами издавалась и так называемая бульварная периодика («Петербургская газета» — 30 тыс. экземпляров, «Московский листок» — 40 тыс.).

Итак, к рубежу XIX–XX вв. в России газеты издавались правительством, государственными учреждениями, земствами, общественными организациями и частными лицами. В 1900 г. выходило 125 газет общественно-политического содержания. Произошла дифференциация: появились рекламные, юмористические, спортивные, профессиональные (технические, медицинские) газеты. Периодичность издания составляла от одного до семи раз в неделю. Газеты выходили, кроме русского, на армянском, грузинском, латышском, эстонском, немецком, польском, французском языках. Если в конце XIX в. значительным считался тираж в 25–30 тыс. экземпляров, то в начале века наиболее популярные газеты имели тираж 60–100 тыс.

В начале XX в. продолжали сохранять свои позиции такие газеты, как «Новое время» А.С. Суворина (в 1902 г. ее тираж, распространяемый по подписке, составил 65 тыс. экземпляров), «Московские ведомости» (перешедшие после смерти Каткова к другому издателю), националистическая газета «Свет». Пользовались спросом газеты либеральной направленности: «Биржевые ведомости», «Курьер», «Новости», «Право», «Россия», «Русские ведомости», «Русское слово». Новым явлением был выход с 1903 г. самостоятельной «Вечерней газеты» В. Абазы.

В период между революцией 1905 г. и началом Первой мировой войны появилось несколько заметных газет. Это, с одной стороны, крупные ежедневные «Раннее утро» (1907–1918) и «Утро России» (1907, 1909–1918), изда-

¹ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) — русский публицист; в 1830-х годах сотрудничал в «Отечественных записках»; в 1850–1855, 1863–1887 гг. был редактором газеты «Московские ведомости» (с 1863 г. арендовал ее); с 1856 г. издавал журнал «Русский вестник» (совместно с П.М. Леонтьевым).

² Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) — крупнейший русский книгоиздатель и книготорговец; в 1883 г. выступил соучредителем книгоиздательского товарищества; в 1885 г. основал типографию; к началу XX в. предприятие Сытина представляло собой крупнейший печатно-издательский комбинат (в 1915 г. выпускало 12% всей книжной продукции России).

вавшиеся на средства известных московских промышленников Рябушинских, и, с другой стороны, массовые газеты, рассчитанные на самые широкие читательские слои: «Газета-копейка» в Петербурге (1908–1918) и газета с таким же названием в Москве (1909–1918).

О признании общественно-политической роли газет свидетельствует тот факт, что каждая политическая партия (а они, кроме РСДРП, провозглашенной в 1898 г., стали возникать в России в начале XX в.) издавала одну или несколько газет. В самом конце XIX в. Российская социал-демократическая рабочая партия начала издавать нелегальную газету «Искра». В ходе революции 1905 г. возникли легальные большевистские газеты «Новая жизнь», «Волна», «Вперед» и др. С 1912 г. выходила легальная газета «Правда». Меншевики издавали газеты «Начало», «Народная дума», эсеры — «Дело народа», трудовики — газету «Крестьянская Россия». Но, естественно, наибольшим влиянием пользовались периодические издания буржуазных партий. Кадеты издавали газету «Речь», октябристы — «Голос Москвы». «Русское знамя» было черносотенной газетой. Разворачивался процесс политической дифференциации периодических изданий общественно-политического характера.

Таким образом, в начале XX в. окончательно определилась основная функция газет — выражение общественного мнения и структурирование общества.

Губернские и городские газеты

Местная газетная периодическая печать появилась позже столичных газет. Ее становление в разных странах проходило по-разному и во многом напоминало появление периодических изданий в столицах.

В Великобритании уже в начале XVIII в. влияние столичных газет на местах, несмотря на их незначительные тиражи, было весьма ощутимым. Провинциальные типографии отбирали сообщения из лондонской прессы и помещали их в свои еженедельные издания (дайджесты)¹. Это вполне объяснимо: местные новости пока еще быстрее передавались устно. Местные газеты были коммерческими, поэтому для них было выгодно, когда сообщалось много новостей (особенно в период военных действий), и они закрывались, когда новостей было мало. В Великобритании с 1701 по 1760 г. издавалось более 130 провинциальных газет, но только 35 существовали к концу этого периода².

Со второй половины 1710-х годов в местных газетах увеличилось количество объявлений, в том числе и рекламных³. С 1760-х годов английские провинциальные газеты давали многоаспектную картину местной жизни.

¹ Из местных газет этого времени можно назвать «Norwich Post», «Bristol Post-Boy», «Exeter Post-Mari» и др.

² По подсчетам С.А. Granfield (The Development of the Provincial Newspapers, 1700–1760).

³ Описания домов и другого недвижимого имущества, сдаваемого внаем или продаваемого, информация о крупном рогатом скоте для продажи и жеребцах для конных заводов, а также о бежавших подмастерьях или утерянном имуществе. Публиковались также объявления врачей, учителей, реклама товаров, сведения о театральных постановках и транспортных тарифах и т.д.

К началу XIX в. определилось политическое размежевание провинциальных английских газет. Они, так же как и лондонские, возникали для поддержки какой-либо политической партии (тори или виги)¹.

В России местная печать начала развиваться с официального издания — «Губернских ведомостей»². Положение об их издании было утверждено в 1830 г., но наладить выпуск в большинстве губерний удалось только с 1838 г. Издание «Губернских ведомостей» курировал губернатор, а редактировал их, как правило, чиновник для особых поручений.

Частные газеты в российской провинции появились с 1860-х годов. Возникали они в основном из «ярмарочных листков». Во-первых, преобладала потребность в коммерческой информации, во-вторых, на открытие таких газет легче соглашались местные власти.

2.9.3

Особенности изучения периодической печати

Когда говорят об изучении периодической печати, обычно имеют в виду либо исследование истории какого-нибудь издания или группы изданий (например, большевистской печати), либо анализ материалов, опубликованных в газетах и журналах по определенной теме. Но решение второй исследовательской задачи без предварительного целостного изучения того издания, откуда извлекается информация, будет некорректным, поскольку периодическая печать рассчитана на аккумуляцию воздействия на читателя, а читатель воспринимает ту или иную информацию во многом в соответствии со своими ожиданиями, основанными на репутации издания, литературном и общественном прошлом его авторов.

Очевидно, что при таком подходе минимальной единицей периодического издания выступает его комплект за весь период издания (или за период издания при одном редакторе).

При обращении к отдельным материалам, опубликованным в газетах или журналах, кроме общего направления издания, необходимо учитывать, создавался этот текст специально для данного издания или с иной целью. Такое разделение материалов приемлемо не только при работе с повременными изданиями исторической тематики, в которых постоянно печатались наряду с исследовательскими трудами исторические источники, но и для многих других изданий — например публикация статистических материалов в «Статистическом журнале» или официальных документов в ведомственных изданиях.

¹ Например, в 1821 г. в Манчестере основана «Manchester Guardian», поддерживавшая вигов, и в 1825 г. начала выходить «Manchester Courier», выступавшая на стороне тори. В Йоркшире в конце XIX в. выходили газеты «Yorkshire Post» (тори) и «Leeds Mercury» (виги).

² Если не считать единичные опыты: например, при Казанском университете с 1811 по 1820 г. выходили «Казанские известия», с 1828 по 1832 г. — «Тифлиссские ведомости».

На протяжении всего периода существования дореволюционной периодической печати были велики роли издателя и редактора (часто совмещавшиеся в одном лице). Поэтому исследование того или иного периодического издания следует начинать с изучения личности издателя, понимания целей, которые он преследовал. При этом необходимо иметь в виду, что в дореволюционное время в России проще было купить уже существующее издание или арендовать его, чем открыть новое. Особое внимание надо уделять причинам смены издателя. Иногда с приходом нового издателя кардинально менялось направление периодического издания. И, наконец, необходимо проанализировать взаимоотношения издания с цензурой, помня, что после реформы 1865 г. часть изданий была свободна от предварительной цензуры.

2.10

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Процесс эмансипации человеческой индивидуальности и во многом обусловленный им процесс становления межличностных отношений породили новую сферу возникновения исторических источников. В первом разделе настоящего учебного пособия подробно рассматривалась объективация процессов индивидуализации и создания вторичных социальных связей в системе исторических источников Нового времени. Именно источники личного происхождения наиболее последовательно воплощают эти тенденции.

Источники личного происхождения — группа видов исторических источников, функция которых — установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэксистенциальном целом и автокоммуникации. Они наиболее последовательно воплощают процесс самоосознания личности и становление межличностных отношений. К источникам личного происхождения относятся дневники, частная переписка (эпистолярные источники), мемуары-автобиографии, мемуары — «современные истории», эссеистика, исповеди.

2.10.1

Классификация

Первым и основным критерием классификации источников личного происхождения выступает направленность устанавливаемых ими коммуникационных связей, которая, в свою очередь, рассматривается в двух аспектах.

Во-первых, источники личного происхождения можно разделить на **автокоммуникативные** (дневники) и **межличностной коммуникации**. Вторую группу можно разделить на источники с **фиксированным адресатом** (эпистолярные источники, отчасти мемуары-автобиографии, адресованные собствен-

ным потомкам мемуариста) и с неопределенным адресатом (мемуары — «современные истории», эссеистика, исповеди).

Во-вторых, источники личного происхождения могут быть преимущественно направлены на установление связей в эволюционном или коэксистенциальном целом.

К источникам, **ориентированным на коммуникацию** главным образом **в коэксистенциальном пространстве**, относятся дневники и частная переписка. Но основная функция источников личного происхождения — **установление вторичных социальных связей индивидуума в эволюционном целом**. Это подтверждается и тем, что часто источники, отнесенные к первой группе, предназначаются (уже в момент создания) для длительного хранения, а следовательно, потенциально и для прочтения потомками¹.

Приведенная классификация принципиально важна не только потому, что обуславливает различия в методике изучения разных видов исторических источников. Например, вполне очевидны различия в степени влияния адресата на автора при фиксированном и нефиксированном адресате и т.д. Но важно отметить, что различная адресность и направленность коммуникации на эволюционное или коэксистенциальное целое самым существенным образом сказывается на степени сохранности исторических источников, их сосредоточенности в архивохранилищах, возможностях их поиска. Все это в конечном счете определяет степень адекватности наших представлений о том или ином виде исторических источников.

Говоря об общих свойствах источников Нового времени, мы отмечали, что значительная часть их уже в момент создания предназначалась к изданию. Что касается источников личного происхождения, то к источникам с нефиксированным адресатом, предназначенным к публикации, относятся мемуары — «современные истории», эссеистика, исповеди. Причем их необходимо разделить на источники, предназначенные, как правило, к немедленному опубликованию (эссеистика), и источники с отложенной публикацией (значительная часть мемуаров — «современных историй»). Дневники как автокоммуникативные источники, частная переписка, имеющая конкретного адресата, и мемуары-автобиографии, нередко адресованные прямым потомкам, зачастую если и не уничтожались самим автором или адресатом, то хра-

¹ Для сравнения приведем своеобразную классификацию источников личного происхождения, которую дает Н.А. Бердяев в философской автобиографии «Самопознание» (1949): «Книги, написанные о себе, очень эгоцентричны. В литературе “воспоминаний” это часто раздражает. Автор вспоминает о других людях и событиях и говорит больше всего о себе. Есть несколько типов книг, написанных о себе и своей жизни. Есть прежде всего дневник, который автор вел из года в год, изо дня в день. Это очень свободная форма, которую сейчас особенно любят французы... Есть исповедь. Блаженный Августин и Ж.-Ж. Руссо дали наиболее прославленные примеры. Есть воспоминания. Необъятная литература, служащая материалом для истории. “Былое и думы” Герцена — самая блестящая книга воспоминаний. Наконец, есть автобиография, рассказывающая события жизни внешние и внутренние в хронологическом порядке. Все эти типы книг хотя с большей или меньшей правдивостью и точностью рассказать о том, что было, запечатлеть бывшее».

нились небрежно и гибли, и если даже бережно сохранялись потомками, то системы их приема на государственное хранение (в отличие от, например, делопроизводственных источников, также не предназначавшихся для печати) не существовало, да и не существует до сих пор. Попастъ в архив они могли, как правило, в составе личных фондов, а еще чаще — коллекций, что затрудняет их поиск и использование.

Кроме того, отношение к сохранению источников личного происхождения было различным в разных слоях общества и не оставалось неизменным на протяжении всего рассматриваемого периода. В 60-е годы XVIII в., а затем в 60-е годы XIX в. отношение к источникам личного происхождения менялось.

Итак, прежде чем перейти к рассмотрению эволюции источников личного происхождения, подчеркнем, что наши представления о мемуарах — «современных историях», эссеистике и исповедях гораздо более адекватны, чем о дневниках, эпистолярных источниках и мемуарах-автобиографиях с внутри-фамильными целями.

2.10.2

Эволюция источников личного происхождения

Выделенные виды источников личного происхождения (кроме исповедей) формировались в Западной Европе на протяжении XVI–XVII вв., в России преимущественно в XVII в., после Смуты (кроме эссеистики).

Дальнейшая эволюция источников личного происхождения в России существенно отличалась от западноевропейского процесса, что сказывалось в первую очередь на эволюции мемуаристики. В Западной Европе развитие мемуаристики определялось двумя факторами, почти отсутствовавшими в России: постоянным накоплением исторических знаний (европейские мемуаристы имели возможность читать античных и средневековых авторов, знакомиться со своей национальной историей — достаточно напомнить, что «Большие французские хроники» издаются типографским способом с 1480 г.) и формированием общественного мнения. Для России же характерно позднее становление исторического сознания и формирование общества.

XVIII век

В начале XVIII в. в поступательный процесс эмансипации человеческой индивидуальности и создания вторичных социальных связей, формирования и структурирования общества начало резко вмешиваться государство, ускоряя и, естественно, деформируя этот процесс, что не способствует развитию источников личного происхождения, и на протяжении почти всего XVIII в. эти источники в России развивались мало. О степени распространенности дневников и частной переписки в силу вышеуказанных причин судить сложно. Эссеистика почти отсутствует, а что касается мемуаристики, то в основном речь может идти о мемуарах-автобиографиях. Русские мемуаристы еще

в XVIII в. писали свои мемуары-автобиографии изолированно друг от друга, не имея возможности знакомиться с имеющимися произведениями и ориентируясь только на косвенные данные о степени распространенности мемуарного творчества. А.Г. Тартаковский очень точно подметил, что многочисленные ссылки русских мемуаристов на уже существующие прецеденты говорят «не о сложившейся преемственности, а как раз о ее почти полном отсутствии на ранних стадиях развития мемуаристики, ибо сама потребность опереться на чей-то прежний опыт, оправдаться перед собой и узким кругом возможных читателей указывает на то, каким необычным, дерзким являлось для автора ведение записок, как остро ощущал он “новизну жанра”, а отнюдь не его традиционность»¹.

В 60-е годы XVIII в. в русском обществе начал проявляться интерес к истории — пока еще не к истории собственного народа и государства, а к ее классическим образцам.

60-е годы XVIII века — 60-е годы XIX века

В это время указанная тенденция хотя и весьма существенна, но затрагивает по преимуществу образованную часть общества. На «демократизацию» авторского состава мемуаристов повлиял ряд крупных исторических событий, в частности губернская реформа Екатерины II и в гораздо большей степени Отечественная война 1812 г. Это воздействие на отдельные виды источников личного происхождения будет рассмотрено особо, а пока отметим, что на первый план постепенно начали выдвигаться мемуары — «современные истории».

К 60-м годам XIX в. завершилось длившееся в течение века становление исторического сознания русского общества. Самое убедительное свидетельство — начало издания исторических журналов, в частности «Русского архива» П.И. Бартенева. От традиционной историографии их отличает внимание преимущественно к недавней отечественной истории XVIII–XIX вв., чем предшествующая историография почти не интересовалась. В этих условиях мемуаристика естественно приобретает статус исторического свидетельства. Мемуарист по преимуществу пишет не о себе на фоне эпохи, а о современных ему событиях, которые общество признает историческими. Именно через отбор объектов описания проявляется унифицирующее влияние среды на мемуариста при переходе от Нового времени к Новейшему.

2.10.3

Историография

Поскольку предлагаемая нами система видов источников личного происхождения существенно отличается от традиционной, остановимся на том представлении о них, которое сложилось в отечественной историо-

¹ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М., 1991. С. 18.

графии (при этом цель дать полноценный историографический обзор не преследуется).

Обычно выделяют два или три вида источников личного происхождения: мемуары, которые, в свою очередь, делятся на дневники и воспоминания, и частную переписку; или же мемуары и дневники рассматриваются как отдельные виды исторических источников наряду с перепиской. С этим связан и спор о целесообразности использования обоих терминов («мемуары» и «воспоминания») или одного («мемуары»). В качестве исторического источника почти исключительно разрабатывается мемуаристика.

Интерес к мемуаристике как виду исторических источников возник еще в середине XIX века, но в позитивистской историографии мемуаристика рассматривалась преимущественно как источник фактического материала. Такой подход оказался весьма устойчивым. Еще в середине 1970-х годов П.А. Зайончковский в предисловии к указателю «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях современников» уверенно утверждал: «...ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна»¹.

В 80-90-е годы XX в. исследование мемуаристики как вида исторических источников (культурного феномена) прочно связано с именем А.Г. Тартаковского — автора трех фундаментальных монографий. В монографии «1812 год и русская мемуаристика» ученый новаторски ставит проблему, подчеркивая, что не собирается традиционно рассматривать отражение событий 1812 г. в русской мемуаристике, а сосредоточивает внимание на влиянии этого исторического события на мемуаротворчество как форму человеческой деятельности, на расширение социального состава мемуаристов. Автор определяет мемуары как «повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти мемуариста» и утверждает: «Сравнительно с другими источниками личного происхождения именно в мемуарах с наибольшей последовательностью и полнотой реализуется историческое самосознание личности — в этом и состоит специфическая социальная функция мемуаров как вида источников»². В целом соглашаясь с Тартаковским, мы не можем не отметить, что если руководствоваться только тремя предложенными признаками, то к мемуарам придется отнести «Почтение» Владимира Мономаха или «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, поскольку и тот и другой писали о прошлом, основываясь при этом на своем личном опыте и памяти. Если же в полном соответствии с теорией источниковедения попытаться определить вид источника по первичной социальной функции — реализации исторического самосознания личности, то можно столкнуться с еще большими проблемами, поскольку явно, что историческое сознание в русском обществе формируется в основ-

¹ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976. Т. 1. С. 4.

² Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 24.

ных чертах с 60-х годов XVIII в. по 60-е годы XIX в., а мемуары появляются веком раньше — с конца XVII в.

Кроме А.Г. Тартаковского, существенный вклад в разработку данной проблематики внесли С.С. Минц и А.Е. Чекунова. Минц, разрабатывая проблему эволюции мемуаристики, предлагает следующий критерий: «...отражение в мемуарах степени осознания мемуаристами сущности явлений и процессов общественного развития, связи индивидуального и социального в общественной жизни»¹. И хотя Тартаковский спорит с Минц, отмечая, что предлагаемый ею критерий «не учитывает реально-исторических, имманентно предопределенных возможностей мемуаристики как специфической отрасли духовной культуры, ибо познание “сущности и механизма общественных отношений” составляет задачу целой системы наук гуманитарного цикла»², представляется, что их позиции не противоречат одна другой, а дополняют друг друга. В самом деле, Тартаковский, выделяя в эволюции мемуаристики три крупные вехи: 1) «переход от внутреннефамильных по преимуществу целей мемуаротворчества к предназначению мемуаров для обнародования, для печати», 2) «превращение их в фактор идейно-политической борьбы и литературно-общественного движения», 3) «осознание значимости мемуаров для исторического познания и включение в их целевую установку расчета на будущего историка»³, — практически конкретизирует в границах мемуаристики общие тенденции эволюции личности в Новое и Новейшее время. При этом Тартаковский справедливо считает, что речь идет не о смене функций, а о их наложении. Таким образом, получается, что мемуары, в которых повествуется об общественно значимых событиях, возникли веком позже мемуаров преимущественно с внутрифамильными целями. Но эта вполне логичная для русского материала конструкция не действует при обращении к западноевропейским источникам. Первые европейские мемуары — мемуары Филиппа де Коммина (конец XV в.) — преследуют отнюдь не внутрифамильные цели.

Отличие нашей позиции состоит не только в расширении круга источников личного происхождения за счет эссеистики и исповедей, но и в том, что нами рассматриваются мемуары-автобиографии и мемуары — «современные истории» как два вида исторических источников, отличающихся по своим первичным социальным функциям.

Итак, представленная в настоящем учебном пособии система хотя и не абсолютно противоречит сложившейся в отечественной историографии, но существенно отличается от нее. Причина этого заключается в привлечении не только российского, но и западноевропейского материала.

¹ Минц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера (к постановке проблемы) // История СССР. 1979. № 6. С. 64.

² Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика... С. 10.

³ Там же. С. 16.

2.10.4

Мемуары — «современные истории»

В первую очередь, требует пояснения сам термин. Выше отмечалось, что отечественная историография не разделяет мемуары на виды, а выделяет этапы становления и развития мемуаристики; однако выход за пределы источников только российской истории заставляет выделять эту группу мемуаристики, поскольку именно она наиболее характерна для западноевропейской источниковой базы. За неимением лучшего авторы используют термин, принятый в англоязычной историографии (*contemporary history*), а также по смыслу соответствующий самоопределению данного вида во французской традиции.

Мемуары — «современные истории» представляют собой вид источников личного происхождения, целью которых выступает индивидуальная фиксация общественно значимых событий для передачи их в эволюционном целом.

Признано, что начало данному виду положили «Мемуары» Филиппа де Коммина, написанные в конце XV в. и впервые опубликованные в 1524 г. Автор следующим образом определял цель создания своих мемуаров и понимание особенностей этого жанра:

Монсеньор архиепископ Вьеннский, удовлетворяя Вашу просьбу, с коей Вы соблаговолили ко мне обратиться, — вспомнить и описать то, что я знал и ведал о деяниях короля Людовика XI, нашего господина и благодетеля, государя, достойного самой доброй памяти (да помилует его Господь!), я изложил как можно ближе к истине все, что смог и сумел вспомнить <...>. Хронисты обычно пишут лишь то, что служит в похвалу тем лицам, о которых они говорят, и о многом умалчивают или же подчас не знают правды. А я решил, невзирая на лица, говорить только о том, что истинно и что я видел сам или узнал от достаточно важных персон, которые достойны доверия. Ведь не бывает, надо полагать, столь мудрых государей, что не ошибались бы иногда, а при долгой жизни — и частенько. Но такими они и их дела предстают тогда, когда о них сказана вся правда. Самые великие сенаты и консулы, какие только были и есть, заблуждались и заблуждаются, и это можно наблюдать каждодневно <...>. Хотя меня не было на месте этих событий, я был осведомлен о том, как там идут дела, в которых хорошо разбирался, поскольку имел о них представление и знал, в каком положении находятся обе стороны; позднее мне о них рассказали те люди с той и другой стороны, которые их вели...¹

Недаром мемуарист сравнивает свой труд с трудом хрониста: ведь мемуары — «современные истории» восходят именно к хроникам в отличие от

¹ Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1987. С. 5, 191–192.

мемуаров-автобиографий, которым в европейской традиции предшествует биографика.

В России произведения, написанные с аналогичной целью — запечатлеть в памяти историческое событие, появляются в XVII в. Сильвестр Медведев, современник и участник события периода регентства Софьи Алексеевны, создал труд с примечательным названием «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же, что содеяся во гражданстве». Самоназвание источника — «созерцание» — свидетельствует о намерении описать то, чему автор был свидетелем; свою задачу он понимал так:

...Подобает нам содеявша в наша времена какие-либо дела не придавать забвению <...>. Писанием оставити вежество, ибо мнози о тех делах глаголют и соперство между себе творят <...> абаче инии истинствовати не могут...

Младший современник Сильвестра Медведева А.А. Матвеев также пишет записки с аналогичной целью:

...Сей автор не за любочестие свое и не праздную себе хвалу, но для общей всех памяти о том потщится сей малый труд принять, дабы всегда в Российском государстве благоразумные и любопытные читатели, вразумляющиеся полезно, к будущему известию своему, для познания родящихся сыновей своих от род в род оставляли незабвенно...

В Европе в XVII в. рассматриваемый вид источников личного происхождения вполне сформировался. В Англии к этому времени относится «История восстания» («The History of Rebellion») Э.Х. Кларендона¹, повествовавшая о событиях гражданской войны 1642–1660 гг., в которой автор участвовал на стороне короля. В конце XVII в. епископ Солсбери Гилберт Бернет написал произведение с символическим названием «История моего собственного времени» («The History of My Own Times»). Бернет постоянно перерабатывал свой труд и готовил его к публикации.

Классику данного вида представляют собой мемуары французского вельможи Луи де Рувруа Сен-Симона, который не только создал обширное произведение о событиях, современником которых он был, и о людях, в них участвовавших, но и дал пример осмысления задач «современной истории». Вот выдержка из предисловия к мемуарам «О дозвоительности писания и чтения исторических книг, особенно тех, что посвящены своему времени» (июль 1743 г.):

Во все века изучение истории считалось столь достойным занятием, что, думается, было бы пустой тратой времени приводить в защиту этой истины несчетные высказывания самых уважаемых и ценимых авторов <....>.

¹ Граф Эдуард Хайд Кларендон (1609–1674) — лорд-канцлер Англии 1660–1667 гг.; во время Английской революции был одним из лидеров роялистов.

Уж если, учась ручному труду, нельзя обойтись без наставника, по крайности без наглядного примера, то тем более нужны они в различных умственных и научных занятиях, где невозможно руководствоваться только зрением и прочими чувствами.

А коль скоро лишь уроки, полученные от других, делают разум способным усвоить то, что он должен усвоить, нет науки, без коей было бы трудней обойтись, нежели история <...>. Для достойного выполнения своей задачи автор всеобщей или частной истории обязан досконально изучить предмет посредством углубленного чтения, точного сопоставления и верного сравнения других тщательнейше отобранных авторов, разумной и ученой критики, и все это должно подкрепляться большой образованностью и остротой суждения. Я именую всеобщей историей ту, что является таковой, ибо обнимает много стран, много веков жизни церкви или одного народа, несколько царствований либо одно очень давнее или важное религиозное событие. Частной я именую историю, если она относится к временам автора и его стране, повествуя о том, что происходит у всех на глазах; и, будучи более узким по охвату, подобный исторический труд должен содержать гораздо больше мелких подробностей и вводить читателя в гуцу действующих лиц, чтобы ему казалось, будто он не читает историю или мемуары, а сам посвящен в тайны того, что перед ним изображают, и воочию видит то, о чем ему рассказывают. Такой жанр требует щепетильной точности и достоверности каждого сюжета и каждой черты <...>, особенно же важно, чтобы, описывая события, сочинитель опирался на источники, личные впечатления или рассказы своих близких друзей; в последнем случае самолюбие, дружба, неприязнь и собственная выгода должны приноситься в жертву истинности даже наимельчайших и наименее важных подробностей <...>. Писать историю своей страны и своего времени — значит тщательно и обдуманно воскрешать в уме виденные, пережитые, узанные из безупречного источника события на театре жизни, различные их механизмы и подчас ничтожные на первый взгляд пустяки, которые привели в движение пружины этих механизмов <...>. Поучительность ее воспитывает для жизни в свете, общения с людьми и в особенности для занятий делами. Примеры, которые начерпывают в ней читатели, направляют и остерегают их тем легче, что живут последние в тех же местах, где произошли события, и во времена еще недостаточно отдаленные, чтобы нравы и образ жизни, правила обхождения и поступки существенно изменились. Каждый мазок авторской кисти вооружает рекомендациями и советами в отношении изображаемых лиц, поступков, стечений обстоятельств и следствий, ими вызванных, но эти рекомендации и советы насчет предметов и людей извлекаются самими читателями и воспринимаются ими тем легче, что они свободны от многословия, сухости, навязчивости, докучности, кои делают неприятными и бесплодными рекомендации и советы тех, кто навязывает их нам. Итак, я не вижу ничего, что было бы полезнее этой двойной отрадной возможности

просвещаться, читая историю своей страны и своего времени, и, следовательно, ничего более дозволенного, чем писать последнюю <...>. Тот, кто пишет историю своего времени, стремясь только к правде и никого не щадя, всячески старается скрыть, чем занимается <...>. Следовательно, автор, ежели только он не решился ума, ни за что не позволит, чтобы его заподозрили в написании истории. Он даст книге созреть, упрятав ее под ключ и надежные замки, так же тайно передаст своим наследникам, а те благоразумно выждут одно-два поколения и выпустят ее в свет не раньше, чем время станет ей защитой от преследований...¹

Иногда в мемуары — «современные истории» перерастают мемуары или дневники, которые автор начинал писать «для себя». Например, Арман де Коленкур — автор хорошо известных мемуаров о наполеоновских войнах — пишет:

...Когда я начал вести свои записи, я не преследовал другой цели, кроме желания отдать себе отчет в своей жизни, в своих впечатлениях и своих поступках. Но потом эти заметки показались мне материалами, дающими необходимое дополнение к официальной части моей посольской корреспонденции и, может быть, даже к истории этой великой эпохи, ибо все, что относится к России, имеет для этой истории существенное значение, так как Россия в мировых делах занимала тогда первое место после Франции².

В России Отечественная война 1812 г. также породила обширный корпус мемуарных произведений³. Примечательность его в том, что он инициирован общественно значимым событием. И далее на протяжении XIX–XX вв. любое общественно значимое событие вызывало к жизни более или менее обширную мемуаристику. Такого рода «социальный заказ» неизбежно влиял и на содержание мемуаров: авторы, освещавшие одно и то же событие, не могли не учитывать уже высказанные другими авторами (не обязательно мемуаристами, но и публицистами, историками) точки зрения, консолидируясь или полемизируя с ними.

К началу XX в. принадлежат, например, мемуары С.Ю. Витте, написанные фактически в ответ на газетную полемику вокруг инициированных им реформ.

Очевидно, что мемуары — «современные истории» уже в момент написания рассчитаны на публикацию. Однако на протяжении почти всего рассматриваемого периода авторы предполагают публикацию спустя какое-то время, иногда весьма продолжительное. Об этом писал Сен-Симон, так же относился к своим мемуарам через полтора века С.Ю. Витте.

¹ Сен-Симон. Мемуары: избранные главы: в 2 кн. М., 1991. Кн. 1. С. 42–62.

² Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 3–4.

³ Корпус мемуарных произведений, порожденных событиями 1812 г., исследован в уже упоминавшейся монографии А.Г. Тартаковского «1812 г. и русская мемуаристика».

2.10.5

Мемуары-автобиографии

Мемуары-автобиографии — вид источников личного происхождения, цель которых — установление вторичных социальных связей мемуариста в эволюционном целом. Мемуары-автобиографии преследуют чаще всего внутрисемейные цели, предназначаются непосредственным потомкам. Для них, по крайней мере на первом этапе их существования, характерен произвольный отбор информации в соответствии с индивидуальными представлениями мемуариста.

В России мемуары-автобиографии восходят к житийной традиции, поскольку в российском Средневековье не было других биографических жанров, в отличие от Западной Европы (достаточно вспомнить хотя бы классику вида — биографию Карла Великого).

Как уже отмечалось, исследование мемуаров-автобиографий затруднено из-за отсутствия общественного механизма их сохранения.

Во многом автобиографично «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (1672–1675). Аввакум так оправдывает свое неслыханное предприятие:

Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием, — понеже отец ему духовной иннок, — да не забвению предано будет дело Божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу Богу нашему <...>. По сем у всякаго правовернаго прощения прошу; иное было, кажется, про житие-то мне и не надобно говорить, да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова, — апостоли о себе возвещали же, егда что Бог соделает в них: не нам, Богу нашему слава. А я ничто ж есм...

Житийная традиция (житие-мартиролог) однозначно прочитывается в мемуарах Натальи Борисовны Долгорукой, хотя это уже мемуары в чистом виде.

Классику вида мемуаров-автобиографий, несомненно, представляют собой мемуары А.Т. Болотова. Остановимся на них подробнее, с тем чтобы выявить специфику данного вида в сравнении с мемуарами — «современными историями».

В соответствии с заявленным подходом обратимся сначала к личности мемуариста — и сразу же обнаружим парадоксальный феномен: А.Т. Болотов известен в нашей истории почти исключительно как мемуарист, т.е. не мемуары интересны нам потому, что написаны известным историческим лицом, участником исторических событий, а личность приобрела известность потому, что была автором одного из обширнейших мемуарных произведений в русской истории. Но интересные мемуары не могут быть написаны заурядным человеком. Незаурядность А.Т. Болотова — в абсолютной типичности его судьбы,

¹ Аввакум. Житие протопопа Аввакума // Русская литература XI–XVIII вв. М., 1988. С. 217, 239.

о которой сам мемуарист писал: «...в ней нет никаких чрезвычайных и таких достопамятных и важных происшествий, которые бы достойны были переда- ны быть свету»¹.

Андрей Тимофеевич Болотов родился 7 (18) октября 1738 г. в семье офицера и по обыкновению того времени малолетним был зачислен в полк, которым командовал его отец. А.Т. Болотов получил типичное домашнее образование, изучал немецкий и французский языки, некоторое время учился в частном пансионе. В 17 лет, уже осиротев, он поступил на действительную службу, вскоре получил офицерский чин и участвовал в Семилетней войне. Во время одного из главных сражений этой войны, при Грос-Егерсдорфе (1757), полк, в котором служил А.Т. Болотов, находился в резерве и Болотов описал это сражение как близкий наблюдатель. Позиция наблюдателя становится для него обычной: он был свидетелем, но не участником многих событий второй половины XVIII в., которые и описал в своих мемуарах. Это Семилетняя война, кратковременное правление Петра III, «чумной бунт» 1771 г. в Москве, Пугачевское восстание (впрочем, прошедшее стороной от его имени) и казнь Пугачева, события начала правления Павла I и многое другое.

XVIII в. — век чиновников. После завоевания Восточной Пруссии Болотов служил в канцелярии русского военного губернатора Н.А. Корфа, который, став санкт-петербургским генерал-полицмейстером, в начале 1762 г. сделал Болотова своим адъютантом. На короткое время Болотов стал очевидцем событий в Петербурге. Воспользовавшись возможностью, предоставленной манифестом от 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», Болотов вышел в отставку и приступил к благоустройству своего имения Дворенинова в Тульской губернии. Многие из ушедших в отставку по Манифесту о вольности дворянства вскоре вернулись на службу. Не избежал этого и Болотов, хотя на сей раз служба его была не совсем традиционной: с 1774 г. он управлял Киясовской, а затем Богородицкой дворцовыми волостями. Нетрадиционность службы не помешала Болотову при выходе в отставку, после перехода Богородицких волостей в собственность графа Бобринского, в 1797 г. получить чин коллежского асессора. С этого времени и до конца жизни он жил в своем имении. Если и во второй половине XVIII в. жизнь молодого Болотова не была богата событиями, тем более исторического характера, то в XIX в. мемуарист стал вполне типичным помещиком, почти безвыездно жившим в своем имении и занимавшимся сельским хозяйством. Умер А.Т. Болотов 7 (19) октября 1833 г., прожив ровно 95 лет.

Увлечения Болотова были также вполне традиционными для его времени. XVIII в. — век энциклопедистов, и Болотов был увлечен науками, в первую очередь агрономией. Его труд «Изображения и описания разных пород ябло-

¹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 4 т. СПб., 1871–1873. Т. I. Стб. 1 (2-я пар.).

ков и груш, родящихся в Дворенинских, а отчасти и в других садах; рисованы Андреем Б. 1797–1800» позволяет считать Болотова родоначальником отечественной помологии. Он разводил новые для XVIII в. культуры — помидоры, луговые травы; предложил свою систему землепользования. Болотов занимался практическим врачеванием в своем имении и исследованиями в области медицины, результатом чего стала его работа «Краткие и на опытности основанные замечания о электризме и о способности электрических махин к помощи от разных болезней» (1803). В XVIII в. российская наука оформлялась организационно, возникали научные общества. Наиболее известным из них было Вольное экономическое общество (ВЭО), созданное в русле не только отечественной, но и общеевропейской традиции XVIII в. В 1767 г. Болотов стал членом ВЭО и активно сотрудничал в издаваемых им «Трудах».

Вторая половина XVIII в. — время зарождения русских журналов, и А.Т. Болотов в 1778–1779 гг. издает журнал «Сельский житель», а с 1780 по 1789 г. как приложение к газете «Московские ведомости» и при сотрудничестве с Н.И. Новиковым — журнал с традиционным для XVIII в. длинным названием «Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся для земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до других всяких нужных и не бесполезных городским и деревенским жителям вещей в пользу российских домостроителей и других любопытных людей образа журнала издаваемой».

Екатерининская эпоха — период философских увлечений, и Болотов публикует философские труды «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожой и ея детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей» (1776–1779), «Чувствование христианина при начале и конце каждого дня на неделе, относящееся к самому себе и к Богу» (1781) и «Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философских рассуждений о благополучии человеческой жизни и средствах к приобретению онаго» (1784).

XVIII в. — время становления русской литературы, драматургии, театра, и А.Т. Болотов пишет пьесу «Нещастныя сироты» (1781) и делает несколько переводов литературных произведений. Из «увлечений» своего века Болотову удалось избежать лишь участия в дворцовых переворотах (хотя он достаточно близко был знаком с Г. Орловым и последний попытался вовлечь Болотова в заговор против Петра III), а также участия в масонских обществах, несмотря на длительное знакомство и деловые отношения с Н.И. Новиковым.

На протяжении многих десятилетий А.Т. Болотов вел дневники. По свидетельству его внука, после отставки в 1797 г. и почти до последних дней своей долгой жизни Болотов начинал день с записей в «Книжке метеорологических замечаний», «Журнале вседневных событий» и «Магазине достопримечатель-

ностей и достопамятностей». Эта разделенность обыденных и примечательных событий говорит о том, что Болотов и в XIX в. продолжал воспринимать себя не как деятеля, а как наблюдателя.

Итак, с одной стороны, вполне заурядная судьба, а с другой стороны, многоаспектная реализация творческих устремлений в самых разных сферах — от медицины до философии. Каково же место мемуаров в жизни Болотова? Зачем он на протяжении многих десятилетий изо дня в день писал воспоминания?

Свои уникальные как по объему, так и по абсолютной типичности для XVIII в. мемуары А.Т. Болотов начал писать в 1789 г. 9 января 1811 г. в 248-м письме своих «записок», относящемся к событиям 1789 г., он отмечает:

Наступившее затем утро достопамятно было тем, что я в оное впервые основал порядочную ежедневную записку всем случающимся со мною происшествиям, и самый тот исторический журнал, который, начавшись с сего года, продолжался и продолжается непрерывно даже до сего времени, и из которого составились у меня уже несколько переплетенных, порядочных книг, которыя, по нужде, могут уже служить продолжением описания моей жизни или, по крайней мере, быть наилучшими материалами к замышляемому мною около сего времени особому сочинению, содержащему в себе порядочное описание всей моей жизни в пользу моих детей и потомков, которое вскоре после сего и начал <...>.

Я занимался отчасти продолжением своих экономических сочинений для журнала, отчасти затеванием кой-каких новых письменных работ, но из коих только две получили в сие время свое порядочное основание. Первое состояло в основании порядочных исторических записок, относящихся до всего нашего отечества <...>, а второе состояло в пристальнейшем продолжении описания собственной моей жизни и всех бывших со мною происшествий <...>¹.

Хотя отдельные попытки писать мемуары А.Т. Болотов предпринимал и раньше, но 24 января 1789 г. он приступил к мемуарам вновь и — что примечательно — одновременно с началом работы над историческим заметками.

Не тщеславие, и не иные какие намерения побудили меня написать сию историю моей жизни, — пишет А.Т. Болотов. — <...> Мне во всю жизнь мою досадно было, что предки мои были так нерадивы, что не оставили после себя ни малейших письменных о себе известий, и через то лишили нас, потомков своих, того приятного удовольствия, чтоб иметь о них, и о том, как они жили, и что с ними в жизни их случалось и происходило, хотя некоторое небольшое сведение и понятие <...>. Я винил предков моих за таковое небрежение и не хотя сам сделать подобную их и непростительную погрешность, и таковые же жалобы навлечь со временем и на себя от моих потомков, рассудил потребить некоторые праздные и от прочих дел остающиеся часы на описание всего того, что случилось со мною во все время продолжения моей жизни².

¹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения... Т. IV. Стб. 495, 505–506.

² Там же. Т. I. Стб. 1 (2-я пар.)

А.Т. Болотов не понимал, да и не мог понять, что не нерадивость предков виною тому, что они не писали мемуаров. Стремление «запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем» (А.Г. Тартаковский) могло появиться лишь у человека, сознающего свою отделенность от окружающего его социума и понимающего ценность своего индивидуального опыта. И Болотов стремился передать именно свой индивидуальный опыт, а не «историческое бытие». Типична для XVIII в. и адресность мемуаров Болотова:

...писал сие не в том намерении, чтоб издать в свет посредством печати, а единственно для удовольствования любопытства моих детей и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведение...

И мемуарист не лукавит. Подтверждение тому — аккуратное оформление рукописи, переплетенной в отдельные тома приблизительно равного объема, с виньетками и заставками, рисованными пером самим автором.

А.Т. Болотов формулирует принцип отбора событий таким образом:

...При описании сем старался я не пропускать ни единого происшествия, до которого достигала только моя память и не смотрел, хотя бы иныя из них и самая маловажныя, случившиися еще в нежнейшия лета моего младенчества <...>. А как я писал сие не в том намерении, чтоб издать в свет посредством печати, а единственно для удовольствования любопытства моих детей, и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведение: то и не заботился я о том, что сочинение сие будет несколько пространно и велико; а старался только, чтобы чего не было пропущено, почему в случае если кому из посторонних случится читать сие прямо набело писанное сочинение, то и прошу меня в том и в ошибках благосклонно извинить...¹

Естественно, что руководствоваться такими «критериями» отбора при написании «современной истории» невозможно.

Как уже отмечалось, писание мемуаров не было распространенным занятием в России XVIII в. Однако на рубеже XVIII–XIX вв. появился комплекс мемуаров, объединенных сходным социальным составом их авторов, — мемуары провинциальных чиновников, порождение губернской реформы 1775 г.

В связи с рассмотрением законодательных актов и учетной документации говорилось, что создание большого количества новых чиновничьих и канцелярских мест в системе местного государственного аппарата породило определенный дефицит кадров. Это заставляло пополнять государственный аппарат выходцами из непривилегированных сословий. В этот период служащие

¹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. I Стб. 1 (2-я пар.).

в местные учреждения набирались — кроме, естественно, дворян — из среды церковно- и священнослужителей; приказных, подьяческих и секретарских детей; обер-офицерских, солдатских детей, из купечества и даже из отпущенных на волю крепостных крестьян и господских людей. Кардинальные изменения в социальном составе местного чиновничества произошли в очень короткие сроки, уже к началу 1780-х годов. Эти изменения не остались незамеченными и современниками-мемуаристами. Один из них, И.И. Мешков, писал в своих записках: «По новости Саратовской губернии, в канцелярских служителях по всем присутственным местам была общая потребность и, стало быть, не предстояло не малейшего затруднения быть принятым на службу немедленно»¹. Кстати, прадед мемуариста был крепостным, отпущенным помещиком на волю в 1748 г. Сам же И.И. Мешков, поступив на службу при открытии Саратовской губернии, в 1782 г., в возрасте 15 лет, стал копиистом, в 1784 г. — подканцеляристом, 16 марта 1787 г. был произведен в канцеляристы, а 23 ноября того же года — в губернские регистраторы. Первый классный чин коллежского регистратора он получил 1 декабря 1791 г., т.е. после десяти лет канцелярской службы.

Писал об этом и выходец из крестьян Л.А. Травин, отец которого «находился крепостным графа Павла Ивановича Ягужинского и его жены»: «...при наступлении 1778 года открылось Псковское наместничество <...>. Тогда свободно было вступать имеющим вечные отпускные в приказные чины»². На это же указывали и мемуаристы-дворяне, например Г.С. Винский, который замечал: «Судебныя места умножены с умножением в них чиновников, так что иная губерния, управляемая прежде 50-ю чиновниками, разделившись по сему учреждению на четыре наместничества, в каждом имела до 80 судей. Умножение судейских мест, конечно, открыло многим бедным семействам средства к существованию...»³. Развитие этой тенденции в начале XIX в., после министерской реформы, уже в рамках системы центральных государственных учреждений, описал другой мемуарист — Ф.П. Лубяновский (кстати, с 1819 г. — пензенский гражданский губернатор): «Нынче сто рук нужны там, где тогда одиннадцатая была лишнею. Едва ли однако же это можно безусловно приписать лишь разделению работы, впрочем до роскоши дробному. Нужда здесь, кажется, сама о себе промышляет: тысячи молодых людей всякого звания, редкий из них не нищий, приготавливают себя по отеческому преданию к статской службе дома, в судах, в частных, публичных заведениях, и, как на море волна за волной, так они толпа за толпой спешат выйти на этот берег. Изъяв немногих, которым способности, более или менее обработанные наукою, и еще немногих, которым счастливые случаи пролагают дорогу, большая часть, и то не все правильно, изучают одно ремесло, не мудреное,

¹ Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 188.

² Труды Псковского археологического общества. 1914. Вып. 10. С. 95.

³ Винский Г.С. Мое время. СПб., 1914. С. 41.

но в их глазах выше всякой промышленности, ремесло владеть пером как челноком за ткацким станом, этим ремеслом начинают и оканчивают служебное поприще, не приготовив себя ни к чему иному, не имев к тому и способов»¹.

В ходе губернской реформы не только создавалась новая система местных государственных учреждений, но и формировался новый тип чиновника — выходца из разночинцев или податных сословий по социальному происхождению и маргинала по своей социальной сущности. Такой маргинальный тип чиновника — тип исключительно российский. Он мог возникнуть лишь в специфических российских условиях целенаправленного формирования и длительной консервации сословного деления общества.

Для провинциального чиновника конца XVIII в. характерно сочетание извечного чиновничьего превосходства и определенной социальной ущербности, с психологической точки зрения не столь уж редкое и вполне понятное. Свидетельством осознания мелкими чиновниками своей социальной значимости выступают их мемуары, причем не только, а может быть, и не столько содержание, сколько сам факт писания, однозначно говорящий о самоосознании личности. Значительный интерес представляют мемуары П.С. Батурина, Г.С. Винского, Г.И. Добринина, Т.П. Калашникова, Ф.П. Лубяновского, И.И. Мешкова, Ф.П. Печерина, М.С. Ребелинского, Я.И. де Санглена, Л.А. Травина, И.А. Тукалевского, В.С. Хвостова².

Чувство чиновничьего превосходства во многом основывалось на осознании феномена могущества канцелярии. Глубокие размышления или отдельные наблюдения на эту тему можно найти у многих мемуаристов. Например, П.С. Батуриин писал: «При первом моем входе в судилище я почувствовал некое священное движение в душе моей, происходящее от воображения, что от должности судящих зависит благосостояние и жизнь человека»³.

¹ Русский архив. 1872. Кн. 3. Стб. 472.

² Батуриин П.С. Жизнь и похождения Г.С.С.Б. Повесть справедливая, писанная им самим // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 45–78; № 4/6. С. 173–210; № 7/9. С. 99–132; Винский Г.С. Мое время. СПб., 1914; Добринин Г.И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добринина (прожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим писанная в Могилеве и Витебске. СПб., 1872; Калашников Т.П. Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год // Русский архив. 1904. Кн. 2. Вып. 10. С. 145–187; [Лубяновский Ф.П.] Воспоминания Федора Петровича Лубяновского // Русский архив. 1872. Кн. 1. С. 98–185; Кн. 3. С. 449–532; Печерин Ф.П. Записки о моих предках и о себе, на память детям в 1816 г. сделанные // Русская старина. 1891. Т. 72. № 12. С. 587–614; Ребелинский М.С. Из дневника // Русский архив. 1897. Кн. 1. Вып. 3. С. 464–481; Санглен Я.И. де Записки // Русская старина. 1882. Т. 36. № 12. С. 443–498; Травин Л.А. Записки // Труды Псковского археологического общества. 1914. Вып. 10. С. 25–129; Тукалевский И.А. Воспоминания. СПб., 1843. Хвостов В.С. Описание жизни тайного советника, сенатора и кавалера Василия Хвостова, писано в 1832 году, самим им для детей своих // Русский архив. 1870. Кн. 1. Вып. 3. С. 551–610; [Мешков И.И.] Записки Ивана Ивановича Мешкова // Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 177–242.

³ Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 68.

Но далее Батуриин, подробно описывая порядки в учреждении, показал, что реальная власть была у секретаря канцелярии и основывалась она, по мнению мемуариста, на исключительном преимуществе знания законов, с которыми чиновники присутствия обычно не имели охоты знакомиться; а те же, кто хотели это сделать, включая и самого Батурина, наталкивались на сопротивление канцелярии: «Секретари, хотя имели некоторые собрания под названием “Свода законов”, но они с ревностью хранили их от желающих познать оныя, а паче от присутствующих, подобно древним Гиерофантам, хранившим тайны свои, дабы не потерять уважения от несмышленных; так и секретари судебных мест, дабы они могли руководствовать в делах судящими и быть указателями законов, по мере прибыли, им от такого присвоения приносящей, укрывали законы от присутствующих».

Описывая те препятствия, с которыми ему пришлось столкнуться при стремлении изучить законодательство, П.С. Батуриин отмечает и такое: «В каком источнике оное познание черпать надлежало, мне было не известно, ибо законов печатных не много тогда было и те, кроме некоторых указанных книг, печатны были порознь и не во всяком присутственном месте находились»¹.

Это свидетельствует о малой эффективности усилий правительства, направленных на публикацию законодательных актов, предусмотренную, в частности, еще объявленным из Сената указом от 16 марта 1714 г. «О обнародовании всех именных указов и Сенатских приговоров по Государственным генеральным делам». Но поскольку, согласно именному указу от 22 января 1724 г. «О важности государственных уставов и о не отговорке судьям неведением законов по производимым делам под опасением штрафа», незнание закона чиновником рассматривалось как преступление, члены присутствия всячески старались продемонстрировать свою компетентность. Например: «Председатель притворялся, будто он читаемое дело понимает, а когда доходило до выписок под экстрактами из законов, тогда он читать их не приказывал, желая через то показать, что он законы и без чтения знает...»²

Естественно, что при таком отношении членов присутствия служащие канцелярии ощущали свою значимость, несмотря на невысокие чины.

Основания для особого самоощущения чиновников в сравнении с другими представителями покинутой ими социальной группы (мещанами, купцами, детьми священников) давала перспектива повышения социального статуса с получением очередного чина — вплоть до потомственного дворянства с чином коллежского асессора (VIII класс), открываемая перед чиновником петровской Табелью о рангах. Чин выступает для государственного служащего

¹ Там же. С. 69.

² Там же. 1918. № 4/6. С. 178.

го как ценность, равноположенная, а иногда и более значимая, чем жалование: «В России человек без чина, — утверждает Г.И. Добрынин, — человек без звания»¹. Однако здесь выходцев из непривилегированных сословий ждало разочарование. При чинопроизводстве явное предпочтение отдавалось дворянам, что прекрасно осознавали все государственные служащие. В частности, Ф.П. Печерин, описывая получение им чина коллежского асессора в 1806 г., отмечал: «Причиною моего долговременного бытия в 9 классе непредставление, отчасти по безопасности, грамоты на дворянство или достаточного свидетельства о службе предков»².

И это заставляло приподнявшегося над своим сословием купца или сына священника постоянно ощущать свою ущербность. Особенности самосознания провинциальных чиновников — выходцев из непривилегированных сословий нашли отражение в их мемуарах, где они уделяли значительное внимание вопросам чинопроизводства и вознаграждения за службу, фактически свидетельствуя о действенности законодательных усилий правительства, направленных на сохранение дворянского характера государственного аппарата. Так, И.И. Мешков пишет о конце 80-х годов: «Классных же чинов гражданским чиновникам тогда не давали, по случаю приостановления производства года на четыре, по протесту обер-прокурора Правительствующего сената Колокольцева, так как оно шло беспорядочно и неуравнительно: ибо я помню, что иные по два чина в год получали, а другие и в несколько лет ни одного. Поэтому-то впоследствии и вышел известный указ 1790 г. о терминах на все чины до надворного советника включительно».

Он также отмечает эффективность и другой законодательной нормы, связанной с чинопроизводством: «...чинов в то время никому не давали, кроме как на вакансии»³. По принятии указа от 16 декабря 1790 г., по свидетельству другого мемуариста Я.И. де Санглена, награждение чинами происходило, как правило, «не по знанию, не по достоинству, а по назначению и старшинству»⁴, что вполне соответствовало принципам указа этого законодательного акта. В целом мемуаристы отмечают эффективность названного указа и четкость порядка чинопроизводства после его издания. Пожалуй, лишь В.Ф. Малиновский в своих мемуарах пишет о торговле чинами (правда, не в провинции, а в Петербурге) и по слухам приводит даже такой неприглядный факт: «Ныне слышал, что одному коллежскому секретарю захотелось асессорского чина. У него была дочь красавица. Ему сказали, что если ее отпустить на ночь к (ген. ад.) А.Б., то ему будет чин. Он отпустил дочь и за ее честь получил чин»¹. Но, на наш взгляд,

¹ Добрынин Г.И. Истинное повествование... С. 163.

² Русская старина. 1891. Т. 72. № 12. С. 613.

³ Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 191–192, 194.

⁴ Русская старина. 1882. № 12. С. 447.

такие свидетельства В.Ф. Малиновского скорее можно объяснить плохим характером мемуариста.

Часто, сетуя на задержку чинопроизводства, мемуаристы обращают внимание на привилегированное положение дворян, которые могли начинать службу на военном поприще или служить по выборам. Интересно в этом плане свидетельство Я.И. де Санглена: «Тогда ни единый дворянин не начинал службы с коллежского регистратора, разве большой, горбатый и проч., и переходил в статскую по крайней мере в штаб-офицерском чине...»².

И.И. Мешков, описывая в своих «Записках...» баллотировку уездного предводителя дворянства, отмечает: «Особливого примечания заслуживает оказавшееся при открытии губернии рвение дворянства служить по выборам: каждый за особливую себе честь поставлял быть избранным в какую-либо должность»³.

Правда, у выходцев из непривилегированных сословий была возможность ускорить чинопроизводство. И эта возможность не осталась незамеченной мемуаристами. В.С. Хвостов, в частности, так описывал набор чиновников для службы в Иркутской губернии: «Для поощрения же, чтобы туда ехали люди способные, испросили по два чина; следовательно, сделался я из капитанов надворным советником и был определен советником в гражданскую палату...»⁴.

Кстати, то, что в качестве поощрения за службу используется преимущественное чинопроизводство, а не повышенное жалованье, весьма примечательно.

Вопросы вознаграждения за службу также занимали мемуаристов. Значительное место в мемуарах чиновников уделяется денежному жалованью. Г.С. Винский, отмечая, что «умножение судейских мест <...> открыло многим бедным семействам средства к существованию», пишет, что «жалованье по тогдашнему времени назначено было довольно достаточное»⁵. Как вполне достаточное оценивали свое жалованье сами чиновники. Т.П. Калашников в мемуарах, описывая получение им жалованья при поступлении на службу, пишет: «...первой раз за первую треть получил я жалованье 93 копейки — великая для меня сумма». И, конечно же, для мелких канцелярских служащих весьма ощутима была прибавка жалованья при занятии более высокой должности. Тот же Т.П. Калашников замечает: «...в 21 апреля 1776 года сделан был подканцеляристом, а с чином и жалованья уже стал получать 60 рублей в год»⁶.

¹ Малиновский В.Ф. Мелочи прошлого // Голос минувшего. 1915. № 12. С. 241.

² Русская старина. 1882. Т. 36. № 12. С. 455.

³ Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 186.

⁴ Русский архив. 1870. Кн. 1. Вып. 3. С. 570.

⁵ Винский Г.С. Мое время... С. 41.

⁶ Русский архив. 1904. Кн. 2. Вып. 10. С. 152, 157.

Получение жалованья считает значимым фактом своей жизни титулярный советник М.С. Ребелинский. 15 сентября 1794 г. он записывает в дневнике: «Жалованья получил 82 р. 10 к. в треть»¹. О жалованье как о единственном источнике существования пишет и И.И. Мешков, правда, применительно уже к началу XIX в.: «Без должности оставаться было мне невозможно, так как у нас с женою особенных средств к жизни не было, и мы жили одним только моим жалованьем»².

Итак, в мемуарах основное внимание уделяется вопросам службы, особенно чиновничества, и получения жалованья. Однако никакого стремления запечатлеть ход истории или хотя бы какие-нибудь исторические реалии здесь не обнаруживается.

В XIX в. мемуары-автобиографии отходят на второй план, будучи отнесенными мемуарами — «современными историями», и в дальнейшем общественный интерес вызывают (а значит, становятся широко известными) мемуары-автобиографии преимущественно творческих деятелей, хотя механизм отбора фактов изменяется под усиливавшимся влиянием социальной среды.

2.10.6 Эссеистика

Эссе — вид исторических источников, предназначенных для передачи уникального опыта индивидуума в коэкзистенциальном целом. Эссеист излагает свое мнение по произвольно выбранной им или по общественно значимой проблеме. Существенно важно, что, в отличие от публициста, эссеист не выступает от имени какой-то социальной группы.

Эссеистика как вид исторических источников Нового времени восходит к «Опытам» М. Монтеня (1581), в которых он сообщает свое мнение по самым разным проблемам, например о скорби, о стойкости, об уединении. В предисловии «К читателю» Монтень пишет:

Это искренняя книга, читатель. Она с самого начала предуведомляет тебя, что я не ставил себе никаких иных целей, кроме семейных и частных. Я нисколько не помышлял ни о твоей пользе, ни о своей славе. Силы мои недостаточны для подобной задачи. Назначение этой книги — доставить своеобразное удовольствие моей родне и друзьям: потеряв меня (а это произойдет в близком будущем), они смогут разыскать в ней кое-какие следы моего характера и моих мыслей и, благодаря этому, восполнить и оживить то представление, которое у них создалось обо мне. Если бы я писал эту книгу, чтобы снискать благоволение света, я бы принарядился и показал себя в полном параде. Но я хочу, чтобы меня видели в моем простом, есте-

¹ Русский архив. 1897. Кн. 1. Вып. 3. С. 466.

² Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 222.

ственным и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо, а себя самого. Мои недостатки предстанут здесь как живые, и весь облик мой таким, каков он в действительности, насколько, разумеется, это совместимо с моим уважением к публике. Если бы я жил между тех племен, которые, как говорят, и посейчас еще наслаждаются сладостной свободой изначальных законов природы, уверяю тебя, читатель, я с величайшей охотой нарисовал бы себя во весь рост, и притом нагишом. Таким образом, содержание моей книги — я сам, а это отнюдь не причина, чтобы ты отдавал свой досуг предмету столь легковесному и ничтожному. Прощай же!

Первого марта тысяча пятьсот восьмидесятого года¹.

Если ориентироваться только по этому обращению, вполне можно принять произведение Монтеня за мемуары. Действительно, Монтень излагает свой личный опыт, однако в его произведении почти отсутствует ретроспективная информация.

Эссеистика получила весьма широкое распространение в Западной Европе; в дальнейшем она выступала в том числе и как форма научного гуманитарного произведения (например, «Опыт о даре» М. Мосса).

В России этот вид исторических источников был распространен чрезвычайно мало. Лучшим свидетельством тому может служить отсутствие в русском языке слова для адекватного перевода французского слова *essai* (его переводят то как «опыт», то как «очерк»). По-видимому, первые, весьма немногочисленные, произведения этого вида появились в России в начале XIX в. — например, «Избранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя или «Философические письма» П.Я. Чаадаева. Но очень быстро эссеистика была подавлена публицистикой, личностная позиция подчинена общественному интересу. Впоследствии эссеистика осталась как один из философских жанров. Примеры произведений такого жанра — «Уединенное» В.В. Розанова, «Роза мира» Д.Л. Андреева и др.

В целом отсутствие развитой эссеистики, в частности в литературной, научной и философской сфере, — характерная особенность структуры российской источниковой базы. Осознание этого факта позволяет лучше понять российскую ментальность, характер взаимосвязи личности и общества.

2.10.7

Исповедь

Исповедь — вид философских произведений, утверждающих уникальность человеческой индивидуальности. Такое предназначение данного вида исторических источников сближает его с эссеистикой.

¹ Монтень М. *Опыты*: в 3 кн. М., 1992. Кн. 1. С. 5.

Жанр исповеди нельзя отнести к распространенным, но он принципиально важен для понимания источников Нового времени. Во-первых, необходимо строго разграничивать «исповедь» в системе источников Нового времени и средневековые источники с тем же названием (например, «Исповедь блаженного Августина»). Средневековые источники имеют явно выраженный теологический и нравоучительный характер.

Начало виду в системе источников Нового времени положила «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, написанная во второй половине 1760-х годов. Попробуем разобраться, в чем заключается цель создания данного произведения. Если ориентироваться только на формальные признаки, принятые в отечественной историографии при характеристике мемуаров, то произведение Руссо вполне можно бы отнести к мемуарам: в центре повествования — личность автора, он по памяти воспроизводит события своей жизни, а понятие об историческом самосознании как первичной социальной функции мемуаристики слишком расплывчато для того, чтобы использовать его в качестве практического критерия. Руссо, казалось бы, не отбирает события. Он пишет обо всем, о чем вспомнит, вплоть до мелочей, и в этом он похож на А.Т. Болотова; но произведение Руссо содержит еще более мелкие, мало значимые детали его жизни. Ключ к пониманию смысла произведения — в первых его абзацах:

Я предпринимаю дело беспримерное, которое не найдет подражателя. Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы — и этим человеком буду я.

Я один. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмеливаюсь думать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то по крайней мере не такой, как они. Хорошо или дурно сделала природа, разбив форму, в которую она меня отлила, об этом можно судить, только прочтя мою исповедь.

Пусть трубный глас Страшного суда раздастся когда угодно, — я представлю пред Верховным судьей с этой книгой в руках. Я громко скажу: «Вот что я делал, что думал, чем был. С одинаковой откровенностью рассказал я о хорошем и о дурном. Дурного ничего не утаил, хорошего ничего не прибавил; и если что-либо слегка приукрасил, то лишь для того, чтобы заполнить пробелы моей памяти. Может быть, мне случилось выдавать за правду то, что мне казалось правдой, но никогда не выдавал я за правду заведомую ложь. Я показал себя таким, каким был в действительности: презренным и низким, когда им был, добрым, благородным, возвышенным, когда был им. Я обнажил всю свою душу и показал ее такую, какую ты видел ее сам, Всемогущий. Собери вокруг меня неисчислимую толпу подобных мне: пусть они слушают мою исповедь, пусть краснеют за мою низость, пусть сокрушаются о моих злополучиях. Пусть каждый из них у подножия твоего престо-

ла в свою очередь с такой же искренностью раскроет сердце свое, и пусть потом хоть один из них, если осмелится, скажет тебе: «Я был лучше этого человека»¹.

Итак, произведение Руссо — философское. Смысл его — в утверждении уникальности человеческой индивидуальности в противовес общепринятому мнению эпохи Просвещения о единообразии природы человека.

Другие известные нам исповеди также имеют философский характер (не забудем при этом, что этика — часть философии).

В российской традиции выделим два произведения рассматриваемого вида: «Исповедь» Л.Н. Толстого и «Самопознание» Н.А. Бердяева (хотя последнее произведение и находится вне хронологических рамок данного раздела, но по сути оно тяготеет именно к этой эпохе).

Сопоставление приведенных примеров заставляет сделать вывод о нарастающем влиянии социальной среды на индивидуальность. В произведении Н.А. Бердяева социальный фон гораздо более ощутим, чем в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо.

¹ Руссо Ж.-Ж. Исповедь // Руссо Ж.-Ж. Избранное. М., 1996. С. 7.

3

глава

ИСТОЧНИКИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА

3.1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Единство и внутренняя целостность Новейшего времени как исторической эпохи, включающей в себя большую часть XX в., не бесспорны.

Зачастую (особенно в англоязычной научной традиции) выделяются не один, а два периода, один из которых («межвоенный период», *англ.* Interwar period, аналогичные термины имеются во французском и немецком языках) охватывает время между Первой и Второй мировыми войнами, а второй («послевоенная эра», *англ.* Postwar era) — простирается со второй половины 40-х по начало 90-х годов XX в. Напротив, французское понятие «l'époque contemporaine» (буквально «современная эпоха») объединяет в себе все исторические события с конца XVIII по второе десятилетие XXI в. включительно. История России, в которой существует так называемый советский период 1917–1991 гг., резко обособленный как от предшествующего, так и от последующего времени, выглядит в этом отношении парадоксальным исключением, возникшим как результат сознательного изъятия «одной отдельно взятой страны» из мирового исторического процесса. Вместе с тем источниковедческий (т.е. ориентированный на цели и пути созидательной деятельности человека) подход позволяет обозначить характерные черты Новейшего времени, отличающие этот период от всех прочих и обеспечивающие его внутреннее единство.

Наступление Новейшего времени было подготовлено ходом промышленной революции. Механизированное фабричное производство остро нужда-

лось в притоке новых людских сил, а развитие транспорта создавало условия для постоянного пополнения рабочего контингента. При этом стремление предпринимателей к извлечению максимальной прибыли обуславливало высокие требования к интенсивности труда, тогда как относительная простота технологий, напротив, понижала требования к квалификации основной массы заводских рабочих. В результате хлынувшие в города люди либо не отличались развитыми умственными способностями и утонченной душевной организацией, либо не имели физической возможности реализовывать свои таланты; те немногие, кому удавалось вырваться из заколдованного круга, стремительно поднимались по открывшейся социальной лестнице, вытесняя прежнюю элиту — дворянство. Отрываясь в момент переезда от традиционной сельской культуры, новые горожане не могли в то же время освоить и классическую культуру Нового времени, ориентированную на более подготовленного реципиента. Возникал культурный вакуум, который заполнялся упрощенными по форме и содержанию произведениями, получившими в дальнейшем собирательное название массовой культуры. До известного времени зародыши массовой культуры существовали параллельно с высокой культурой как ее искаженная проекция, однако с развитием записывающей и воспроизводящей техники (фотография, звукозапись, кино съемка, в дальнейшем — радиовещание и телевидение) массовая культура получила инструменты для интенсивной экспансии и начала уже не транслировать, а вытеснять классическую культуру, диктуя ей жесткие условия выживания в новом мире. Преодоление неграмотности, ставшее (по крайней мере в развитых странах) одним из важнейших социальных достижений второй половины XIX — начала XX в., лишь усугубило ситуацию, поскольку овладение навыками чтения и письма еще не означало приобщения ни к образцам высокого искусства, ни к новейшим достижениям научной мысли. В итоге масса и массовая культура сделались знаковыми социальными феноменами наступившего XX в.

Ключевая характеристика массовой культуры вытекает из описанных выше обстоятельств ее появления и состоит в ориентации большинства создаваемых произведений на неискушенного потребителя. Прежде всего, данная тенденция наблюдается в области источников личного происхождения, появившихся в Новое время и служивших средством выстраивания межличностной коммуникации. Классическая культура Нового времени породила сложную систему видов и разновидностей источников личного происхождения, обслуживавших различные варианты соответствующей целевой установки. Теперь же отложенная во времени коммуникация с самим собой (целеполагание дневников) утрачивает свое значение (очевидно, ввиду сложности самого процесса саморефлексии), коммуникация с ограниченным кругом реципиентов (близкими людьми) осуществляется с помощью телефона, снимающего потребность в эпистолярном жанре, а мемуары и эссеистика, служившие раньше

индивидуализированной коммуникации с неограниченным кругом читателей, сливаются с публицистикой, теряя личностное начало вплоть до распространения практики написания политических «мемуаров» бригадами референтов той или иной высокопоставленной персоны. Итогом становится системный кризис всей обсуждаемой группы видов.

Существенные трансформации переживает законодательство. Проблема основных прав человека была в целом решена, по крайней мере на бумаге, еще в предыдущую историческую эпоху. К началу Новейшего времени в большинстве европейских стран был юридически обеспечен статус таких важнейших институтов гражданского общества, как органы политического представительства, независимый суд и свободная пресса; в значительной степени эти институты присутствовали и в России (особенно после оглашения Высочайшего манифеста от 17 октября 1905 г.). Поскольку же основные права уже были сформулированы и предоставлены, то на передний план вышли новые вопросы, и прежде всего — вопрос социальных гарантий, острота которого подогревалась циклическими кризисами экономики, включая знаменитую Великую депрессию 1929–1939 гг. Социалистические, рабочие и крестьянские партии, пользуясь широкой поддержкой всех слоев населения, требовали от властей обеспечить право на труд и достойную заработную плату, провести перераспределение земли в пользу тех, кто ее обрабатывает, сформировать систему социального страхования и государственной поддержки малоимущих, прекратить дискриминацию по половым, этническим и религиозным признакам. Обеспечить достойные условия жизни для всех оказалось непросто: для этого требовалось известное самоограничение властей предрержащих, шедшее вразрез с интересами существовавшей элиты. Кроме того, предоставление социальных гарантий влекло за собой значительные финансовые обязательства и дисбалансило экономику, провоцируя инфляцию и создавая благоприятную почву для разного рода спекуляций. Но игнорировать социальные требования тоже было невозможно — лозунги защиты «обездоленных» и «униженных» стали ключевым оружием практически всех существующих политических сил. Неблагоприятное сочетание указанных факторов породило такой характерный феномен XX в., как популизм законодательства, принимавшегося не для исполнения, а для демонстрации известной тенденции в развитии общества и государства. Понятно, что прибегать к такого рода уловкам можно не в последнюю очередь потому, что основной аудиторией закона-прокламации оказываются не профессиональные управленцы, юристы и экономисты, а неискушенные «простые» люди.

Наступление «века масс» мало что изменило в положении делопроизводства и статистики, которые с самого начала создавались для управления массовыми процессами. В XX в. получает дальнейшее развитие тенденция к формализации делопроизводства и математизации статистических иссле-

дований, а внедрение вычислительной техники (табуляторов, затем ЭВМ) делает актуальной задачей приспособление формы документов к автоматизированной обработке. Результатом стало максимально широкое распространение бланков, происходившее, кстати, еще и потому, что заполнять формуляр проще, чем составлять даже шаблонные фразы, а значит, разработка бланков снижает требования к компетентности низового управленческого персонала.

Наконец, подлинный расцвет переживают периодическая печать («средства массовой информации» или «средства массовой коммуникации») и публицистика, чьи возможности по структурированию общества оказываются востребованы как никогда. Периодические издания характеризуются колоссальными тиражами, а также многообразием разновидностей и жанров. Уже в начале XX в. интенсивное развитие средств связи и полиграфической техники обеспечивает газетам невиданную ранее оперативность. Так, первое сообщение о столкновении «Титаника» с айсбергом появилось в «Нью-Йорк Таймс» спустя всего лишь несколько часов после того, как беспроводной станцией системы Маркони в Кейп-Рейсе на Ньюфаундленде был принят сигнал бедствия с тонущего лайнера, и содержало только догадки относительно хода трагедии, которая разворачивалась в Северной Атлантике параллельно с подготовкой очередного номера газеты¹. Однако и эти рекорды скорости были превзойдены с появлением радиовещания и, спустя еще несколько десятилетий, телевидения, сделавших возможными прямую трансляцию с места событий. Распространение прямых трансляций поставило перед обществом новые этические проблемы, связанные с возможностью случайной (а иногда и намеренной) демонстрации в эфире неприемлемых сцен и непристойного поведения, а исследователям, обращающимся к подобного рода материалам в поисках исторической информации, приходится осваивать приемы работы с новым типом источников — аудио- и видеозаписями. Важнейшей проблемой при этом оказывается отпечаток, налагаемый на публикуемые сведения (а зачастую и на ход самого исторического процесса) особенностями жизненного цикла «актуальных новостей».

В предложенной общей характеристике Новейшего времени намеренно не затрагиваются вопросы, связанные со спецификой исторического развития России XX в. До известной степени такое решение связано с тем, что о России будет говориться во всех последующих параграфах этой главы, однако за ним стоят и соображения содержательного плана. Облик российского общества минувшего столетия был определен тоталитарным режимом, сложившимся после большевистского переворота 1917 г. и распавшимся

¹ Latest News from The Sinking Ship // The New York Times. 1912. Apr. 15. Режим доступа: <http://query.nytimes.com/mem/archive-free/pdf?res=9E05E2DA1F31E233A25756C1A9629C946396D6CF>, свободный (дата обращения — 07.08.2012).

в конце 80-х — начале 90-х годов. Сам этот режим интенсивно эксплуатировал тезис о собственной уникальности (до Великой Отечественной войны как «первого в мире государства рабочих и крестьян», а после — как флага «мировой системы социализма») и в некоторых случаях действительно преуспел в выстраивании стен между «самой передовой страной на планете» и окружающим миром. Скажем, упомянутая выше периодика в ее советской «редакции» радикально отличается от периодики, как ее понимали и развивали на Западе: это касается и оперативности информации, и жанровой структуры, и стилистики. В то же время уже самопозиционирование советской власти как «власти рабочих и крестьян» раскрывает суть коммунизма как феномена Новейшего времени, ориентированного на трудящуюся массу, а подчеркнута биполярная, не признающая оттенков и полутеней советская картина мира практически идеально воплощает теоретическую модель массовой культуры, будучи прежде всего исключительно простой для восприятия (и в значительной степени антиинтеллектуальной). Немаловажно и то, что режимы, подобные советскому, сложились в XX в. не только в России и государствах Восточной Европы, попавших в советскую зону влияния по итогам Второй мировой войны, но и других странах — Италии, Германии, Китае, Северной Корее, Вьетнаме, Кампучии. Данное обстоятельство позволяло и позволяет рассматривать тоталитаризм как универсальное историческое явление минувшего века. Правда, оформившийся как идеология в 20-е — начале 30-х годов «марксизм-ленинизм» представляет собой реакцию прежде всего на актуальные проблемы именно этого исторического периода — резкое социальное расслоение в городах, обезземеливание крестьянства, рост популярности крайне правых, реваншистских и популистских течений. Социально-политические изменения, произошедшие в странах Запада после Великой депрессии (в частности, «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта), а тем более послевоенное «государство всеобщего благосостояния» не вписывались в советскую картину мира, по крайней мере в ее версии, предназначенной для массового распространения. Однако нараставшее отставание от истории и связанная с ним гротескность многих проявлений коммунистической идеологии не отменяют того факта, что эта идеология сформировалась именно как продукт Новейшего времени и несла на себе его характерные черты, а значит компаративное исследование советской культуры и ее феноменов — обосновано и уместно.

Столь же сознательно обойдена вниманием тема Постновейшего времени — исторической эпохи, переход к которой обозначился с началом научно-технической революции, а закончился распадом СССР в 1991 г. Типология и видовая структура источников, создаваемых в последние десятилетия, заслуживают отдельного рассмотрения.

3.2

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

3.2.1

Советское законодательство как исторический феномен

Падение монархии как вызов юридической системе

Вступление России в Новейшее время ознаменовалось падением самодержавного строя. 2 (15) марта 1917 г. в обстановке «начавшихся внутренних народных волнений» Николай II отрекся от престола в пользу своего брата Михаила Александровича. 3 (16) марта Михаил подписал документ, где сообщал о своем «твердом решении в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы государства Российского»¹. В итоге *de jure* верховная власть в стране перешла к Временному правительству во главе с князем Г.Е. Львовым, а по сути начался период так называемого двоевластия, переросший в продолжительную и кровопролитную Гражданскую войну.

События марта 1917 г. не только положили начало череде политических потрясений, но и поставили перед страной ряд юридических проблем. Государственное устройство Российской империи опиралось на тезис о сакральном происхождении царской власти, «повиноваться» которой «не за страх, а за совесть сам Бог повелевает»; все конкретные законодательные установления были реализацией этого фундаментального принципа. С отречением Николая II и тем более после заявления Михаила Александровича данная форма обеспечения легитимности утратила силу. Требовалось выработать и предложить обществу новые основания правопорядка.

В общем случае такие основания не обязательно формулировать в виде конкретного документа. Существуют современные демократические государства (Великобритания и ряд ее доминионов, Израиль), в которых нет единого Основного закона, а принципы функционирования правовой системы задаются совокупностью юридических актов (в том числе судебных решений), не всегда имеющих даже специальное самоназвание, отличающее эти фундаментальные законы ото всех прочих. Однако такая система может сложиться либо на базе длительной непрерывной традиции, либо в условиях сплоченно-

¹ Об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти впредь до установления в Учредительном собрании образа правления и новых основных законов государства Российского // Российское законодательство X–XX веков. М., 1994. Т. 9. С. 126.

сти общества вокруг определенного комплекса идей. Едва ли надо пояснять, что в революционной России не наблюдалось ни того, ни другого, а значит, появилась необходимость в писаном Основном законе, для обслуживания которой возникла новая, не известная в российской истории предыдущих периодов разновидность законодательных источников — конституции¹. Одних конституций Советского Союза было принято три — 1924, 1936 («сталинская») и 1977 («брежневская») гг.

Трансформации российского законодательства при переходе от Нового времени к Новейшему не ограничились появлением конституций. Накануне революции Российская империя столкнулась не только с кризисом системы управления и ростом социальной напряженности, но и с обострением национального вопроса. Постановлением от 20 марта (2 апреля) 1917 г. Временное правительство отменило все ограничения личных прав по этническому и вероисповедному признаку, существовавшие в царской России. Однако позиция центральной власти по отношению к политическим претензиям местной элиты была непоследовательной, что, впрочем, почти не мешало объявлять автономию и даже независимость в одностороннем порядке. В свою очередь, большевики одним из первых декретов провозгласили «право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»². Выдвигая подобные лозунги, В.И. Ленин и его соратники³ придавали дополнительный стимул сепаратистским тенденциям

¹ В литературе, особенно в исследованиях, написанных эмигрантами, можно встретить упоминания о «конституции Российской империи от 23 апреля 1906 г.» (см., например: *Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914)*. М., 1995. С. 439–468. [Репринт. изд.]). Такая позиция опирается на представление о «конституционном строе» как о форме государственного устройства, при которой имеет место «деление властей» (Там же. С. 440). Однако, характеризую царскую «конституцию», сторонники этого термина ссылаются, как правило, на «Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы» от 23 апреля 1906 г. (ПСЗРИ. Собр. третье. Т. 26. Отд. 1. № 27805), текст которых имеет в значительной степени сводный характер, на что прямо указано в преамбуле этого документа: «...в видах укрепления основ обновляемого государственного строя, Мы повелели свести воедино постановления, имеющие значение Основных Государственных Законов, подлежащих изменению лишь по почину Нашему, и дополнить их положениями, точнее разграничивающими область принадлежащей нам нераздельно власти верховного государственного управления от власти законодательной». Основные государственные законы легли в основу 1-й части 1-го тома Свода законов Российской империи в редакции 1906 г., представлявшего собой инкорпорацию множества законодательных положений; признаком сводного и несамостоятельного характера этого законодательного источника являются присутствующие в нем многочисленные ссылки на предшествующие законодательные акты, вплоть до законов XVIII в. Очевидно между тем, что конституция как документ высшей юридической силы должна быть единым, цельным и полностью самостоятельным произведением. Отсутствие в царской России единой конституции не исключает постановки вопроса о конституционном праве императорского периода; естественно предположить, что, не случись революции 1917 г., развитие российского конституционализма пошло бы по британскому пути и возникла бы совокупность разных по статусу юридически значимых актов, определяющих основные принципы государственного устройства. В то же время важно отдавать себе отчет в том, что понятие «конституция 1906 г.» имеет скорее метафорическое, чем источниковедческое содержание.

² Декларация прав народов России // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 40.

³ Первая подпись под документом принадлежит народному комиссару по делам национальностей Иосифу Джугашвили-Сталину.

на «национальных окраинах» бывшей империи и в то же время пытались оседлать эти тенденции, поставив их на службу «делу мировой революции». Попытка оказалась успешной: в 1922 г. на большей части территории бывшей Российской империи было создано весьма нетривиальное по устройству союзное государство — Союз Советских Социалистических Республик. Субъектами союзного договора выступили четыре союзные республики (Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, Украинская Социалистическая Советская Республика, Белорусская Социалистическая Советская Республика и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика), которые пользовались правом выхода из состава Союза, обладали широкими полномочиями в области внутренней политики (включая законодательство) и могли прямо или опосредованно включать в свой состав государственные образования более низкого уровня с разными наименованиями и объемом прав — советские социалистические республики (в Закавказье), автономные республики, автономные области и национальные округа¹. В дальнейшем структура Союза ССР неоднократно изменялась. Так, в 1924–1925 гг. было начато «национально-государственное размежевание Средней Азии», включая территории двух формально самостоятельных государств — Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик. В результате этого процесса возникли и вступили в Союз Туркменская, Узбекская и Киргизская ССР. Была распущена Закавказская Федерация (по конституции 1936 г. составлявшие ее республики вошли в Союз напрямую), и образованы («повышением» из автономных республик) — Казахская и Таджикская ССР. В 1940 г. были сформированы, также на базе уже существовавших автономий, Карело-Финская и Молдавская ССР, и приняты в состав Союза — Литовская, Латвийская и Эстонская ССР. Наконец, в 1956 г. Карело-Финская ССР была преобразована в Карельскую АССР в составе Российской Федерации, после чего число «союзных республик» достигло классической цифры 15 и официально больше не менялось вплоть до расторжения договора о создании СССР в декабре 1991 г. В союзном государстве существовала (и тоже эволюционировала) система разделения полномочий между союзными и республиканскими властями, а также между властями республик и национально-государственных образований более низкого уровня. В структуре источниковой базы данные процессы выразились в том, что к разделению законодательных источников на разновидности добавилось разделение по статусу на общесоюзное законодательство, республиканское законодательство и законодательство автономных республик (автономные области и национальные округа собственного законодательства не имели).

¹ В конце 1970-х годов в связи с официально провозглашенным складыванием «новой исторической общности — советского народа» упоминание *национальностей* в названии административно-территориальных единиц перестало соответствовать принципам дискурса и *национальные округа* были переименованы в *автономные*.

Вызовы, связанные с кризисом прежней легитимности и необходимостью выстроить отношения внутри неоднородных в этнокультурном плане общностей, не были специфичны для России. В разное время с похожими проблемами сталкивались и другие государства. Принятые решения — выработка конституционного права и переход от строгой централизации к договорным (хотя бы формально) отношениям между локальными сообществами — также не были оригинальны; на общемировом фоне выделяется разве что утонченная детализация, с которой была проработана иерархическая структура «братской семьи советских народов». Однако существовали и специфические черты, обусловленные тем, что в кровопролитной борьбе за власть, развернувшейся в нашей стране после падения династии Романовых, победила именно партия большевиков. Разъяснение этих черт потребует экскурса в теорию советского государства и права, а также в историю государственных учреждений СССР.

Классовая природа советского государства. Советы

Краеугольным камнем большевистской идеологии была идея «диктатуры пролетариата», т.е. безоговорочного и подкрепляемого ничем не ограниченным насилием доминирования одной социальной группы — «рабочего класса» — над всеми прочими. Иным «классам» предстояло либо поступить под плотное руководство «класса-гегемона», либо вовсе исчезнуть с исторической сцены, причем большевики считали себя вправе форсировать ход истории, организуя физическое уничтожение «социально чуждых элементов». Определенное ограничение сферы действия этой откровенно агрессивной концепции наметилось только в конце 1950-х — 1960-е годы, когда теоретики марксизма-ленинизма сформулировали концепцию «общенародного государства». При этом «общенародное государство» определялось не как альтернатива «диктатуре пролетариата», а как закономерный итог успешной и — если не считать отдельных «нарушений социалистической законности» — правильной политики предшествующих четырех десятилетий.

Проявления «диктатуры пролетариата» в структуре и содержании советского законодательства многоаспектны. В первые годы революции в юридический оборот были введены такие категории, как «классовая целесообразность» и «социальная близость», а предусмотренная конституцией РСФСР 1918 г. и сохраненная конституцией РСФСР 1925 г. возможность «лишать отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции»¹, обогатила русский язык словом «лишенец». Но наиболее существенным из следствий этой политической концепции стало

¹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Ст. 23 (Здесь и далее тексты конституций цит. по публикации: Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 237–365). В конституции 1925 г. это положение находилось в ст. 14. Список категорий лиц, подлежащих лишению избирательных прав, приводился в ст. 65 и 69.

неприятие принципа разделения властей, получившего в советской публицистике эпитет «буржуазного» и поэтому — естественно — ложного.

Разделение властей предполагает, как известно, строгое разграничение функций: законодательная власть определяет правила, исполнительная обеспечивает их реализацию, а судебная следит, чтобы реализация не отклонялась от правил, по крайней мере дальше некоторых молчаливо устанавливаемых общественным консенсусом пределов. Этот принцип был сформулирован еще в «Политике» Аристотеля, развит в «Духе законов» Ш.-Л. де Монтескье и получил конкретное воплощение уже в первой созданной человечеством конституции — Конституции США 1787 г. Польза от разделения властей также хорошо известна: существование нескольких конкурирующих центров силы гарантирует, что власть не будет узурпирована одним лицом или узкой группой лиц, а значит, возникает «система сдержек и противовесов», защищающая общество от злоупотреблений. Нетрудно понять, что при историческом изучении общества, где проведено разделение властей, границы законодательства как вида источников могут быть установлены по формальному признаку: законом считается документ правоустанавливающего характера, прошедший процедуру утверждения в органе народного представительства.

Однако идеологи «диктатуры пролетариата», особенно в ранний, романтический период революции, исходили из представления о том, что самодурство, кумовство, взяточничество и другие подобные злоупотребления характерны только для «загнивающего» капиталистического строя, а рабочий класс в силу самой своей сущности обладает абсолютным иммунитетом против любых соблазнов, связанных с неограниченной властью. С данной точки зрения разделение властей казалось избыточным формализмом, на смену которому должна была прийти система органов прямого и непосредственного действия — *советов*.

Если рассматривать вопрос в глобальном масштабе, то история советов уходит корнями как минимум в XIX в., когда на волне революционного и национально-освободительного движения европейские «униженные и оскорбленные» — рабочие, студенты, представители национальных меньшинств — начали образовывать совещательные органы для коллективного отстаивания своих прав и интересов. Отличительной чертой советов XX в. (существовавших не только в России, но и в других странах — от Ирландии до Китая) стало то, что эти поначалу неформальные структуры заявили претензии на реальную политическую власть, более того, осуществляли ее, выпуская распорядительные документы, вмешиваясь в управление традиционными учреждениями и даже проводя силовые акции против врагов рабочего класса с помощью добровольных дружин (Красной гвардии). Уже в 1906 г., обобщая опыт первой русской революции, В.И. Ленин писал, что созданные рабочими советы «действовали, как власть, захватывая, напр[имер], типографии (Петербург), арестуя чинов полиции, препятствовавших революционному народу

осуществлять свои права (примеры бывали тоже в Петербурге, где соответствующий орган новой власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна). Они действовали как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству. Они конфисковывали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на юге) и обращали их на нужды нового, народного правительства...»¹. В свою очередь, Февральская революция и октябрьский переворот 1917 г. завершили начавшийся процесс институционализации неформальных объединений, составивших стержень нового государственного устройства.

Исходно неформальная природа советов как объединений по социальному и/или профессиональному признаку ощутимо сказалась на их статусе в качестве государственных органов. В рамках парламентской демократии предполагается, что депутат выполняет свои обязанности на профессиональной основе, получая зарплату, равную зарплате чиновников высокого ранга или сопоставимую с ней; может быть даже, как в современной России, установлен запрет на совмещение депутатства с другой работой (хотя обычно он ограничивается запретом на занятие должностей в структуре исполнительной и судебной власти). Депутаты советов заседали в них на общественных началах и лишь в определенных случаях могли «освободиться» (так!) от работы на производстве. Депутат парламента располагает так называемым свободным мандатом, а значит, действует по собственному разумению и может быть лишен своего статуса только в случае совершения противоправных деяний. Депутаты советов получали императивный мандат, т.е. были обязаны (по крайней мере если следовать букве закона) выполнять полученные при избрании *наказы* населения, отчитывались об их выполнении и могли быть отозваны собранием избирателей в случае пренебрежения поручениями последних. Наконец, депутат парламента рассматривается как представитель всего населения своего избирательного округа (или всей совокупности граждан, голосовавших за выдвинутый его партией избирательный список). Депутаты советов представляли только «трудовой элемент» («нетрудовой» лишился права избирать и быть избранным²), что воплощалось, среди прочего, и в самоназвании соответствующих органов — *Советы рабочих, солдатских (матросских, казачьих, красноармейских) и крестьянских (селянских, батраческих, дехканских) депутатов* в 1920-е годы, *Советы депутатов трудящихся* по Конституции 1936 г., *Советы народных депутатов* по Конституции 1977 г. Правда, в конституциях 1936 и 1977 г. утверждалось и то, что «выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет <...>, имеют право участвовать

¹ Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 317.

² Упоминания о «лишении избирательных прав» как самостоятельной форме наказания были окончательно изъяты из советского законодательства только с принятием Конституции 1977 г.

в выборах депутатов и быть избранными»¹. Однако значение приведенных слов существенно ограничивалось тем обстоятельством, что выдвигать кандидатов могли только «коммунистические партийные организации, профессиональные союзы, кооперативы, организации молодежи, культурные общества» (в формулировке ст. 141 Конституции 1936 г.), или «организации Коммунистической партии Советского Союза, профессиональных союзов, Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, кооперативные и другие общественные организации, трудовые коллективы, а также собрания военнослужащих по воинским частям» (ст. 100 Конституции 1977 г.); при этом круг «других общественных организаций» был жестко ограничен — попытка диссидентской группы «Выборы-79» выдвинуть собственных кандидатов в Верховный совет СССР X созыва была целенаправленно сорвана бюрократическим аппаратом². В теории такая организация советов должна была обеспечить их неразрывную связь с «прогрессивной» рабоче-крестьянской средой. Однако на практике «народные» депутаты превращались в представителей бюрократического аппарата и оказывались в зависимости от властей предрежащих.

Но еще более способствовала бюрократизации советов упомянутая выше принципиальная установка на отказ от разделения властей. Распределение государственных функций, принятое в «нормальных» демократических государствах, не только обеспечивает баланс силы, но и упрощает управление, отводя каждому институту строго ограниченную и посильную ему область. Советы отвечали за все, а если учесть, что марксистско-ленинская идеология предписывала тотальное огосударствление всех областей жизни, то объем функций этих суперорганов возрастает до поистине циклопических масштабов. Такая ответственность тяжела даже для профессионала в области управления, а нести ее на общественных началах, без отрыва от производства — в принципе невозможно. Компромиссом стало значительное уменьшение длительности сессий советов (а совет общегосударственного уровня — *Верховный совет СССР* — вообще был учрежден только в рамках конституционной реформы 1936 г.) и создание, условно выражаясь, системы представительных органов второго порядка, формировавшихся из числа депутатов и принимавших на себя руководство страной в промежутке между сессиями советов. На местном уровне эти структуры именовались *исполнительными комитетами (исполкомами)*, на республиканском и общесоюзном их структура и наименование менялись, от громоздкого (с 1924 г. — двухпалатного) *Центрального исполнительного комитета* Союза ССР в 1920–1930-х годах, избиравшего собственный *президиум*, до относительно компактных *президиумов Верховных советов* (в 1938–1991 гг.). Основные функции (но не правовой статус) исполкомов

¹ Статья 135 Конституции СССР 1936 г.; в Конституции 1977 г. норма сформулирована немного короче и перенесена в ст. 96.

² *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР: новейший период. М., 2006. С. 282.

сопоставимы с функциями современных мэров и губернаторов, а Президиум Верховного Совета иногда и не без оснований описывают как коллективного главу советского государства; во всяком случае, символические и церемониальные обязанности, обычно возлагаемые на президентов или монархов, — присуждение воинских званий, награждение орденами и медалями, выдача и прием верительных грамот, помилование осужденных — в Советском Союзе выполнял именно Президиум ЦИК или ВС в лице своего председателя¹. В то же время ЦИК, его президиум, а в дальнейшем президиумы общесоюзного и республиканских Верховных Советов могли издавать нормативные документы, имевшие силу закона, — декреты, кодексы, указы, постановления и распоряжения; и эти документы не нуждались в утверждении иными органами советской власти. В результате функция законодателя и исполнителя была не только совмещена, но и досталась структуре, не имеющей, по сути дела, представительного характера и, более того, не способной его иметь хотя бы в силу своей ограниченной численности². Таким образом, провозглашенная на словах власть народа на деле оборачивалась передачей этой самой власти небольшой по численности и к тому же инертной по составу группе людей.

Паллиативы народного представительства

Нетрудно понять, что изолированная от общества система советов не отличалась эффективностью в выявлении и решении насущных социальных проблем. Напротив, по мере развития советского государства пропасть между элитой и народом только росла. В то же время жесткие интеллектуальные рамки, заданные официальной марксистско-ленинской идеологией, не позволяли сформулировать ни проблему, ни ее очевидное решение — возврат к традиционным формам народного представительства. Вместо демократизации политической жизни предлагались разнообразные паллиативы, делавшие советскую правовую систему еще более причудливой и пестрой.

Наиболее известным из таких паллиативов стало помещение законодательной деятельности под постоянный контроль со стороны Коммунистической партии, которая позиционировала себя в качестве носителя подлинных интересов «трудового народа». Норма о партии как «руководящей и направ-

¹ В конце 1930-х — середине 1970-х годов самый высокий *de jure* в советском государстве пост председателя Президиума ВС СССР занимали М.И. Калинин, Н.М. Шверник, К.Е. Ворошилов, Л.И. Брежнев, А.И. Микоян, Н.В. Подгорный; практика совмещения этой должности с фактически главной в стране должностью генерального секретаря ЦК КПСС появилась только на излете коммунистической эпохи (Л.И. Брежнев с 1977 г. до смерти в 1982 г., Ю.В. Андропов, К.У. Черненко), да и тогда подобное «совместительство» не имело систематического характера — М.С. Горбачев возглавил ЦК КПСС в 1985 г., а Президиум ВС СССР только в 1988, сменив на этой должности А.А. Громыко. Столь вопиющее несопадение номинальной и реальной власти наглядно свидетельствует о крайней неэффективности советов как механизма управления государством.

² Максимальная численность президиумов ЦИК и ВС — несколько десятков человек, тогда как в состав, например, Верховного совета СССР входило от 1143 (I созыв) до 1517 (VII–IX созывы) депутатов.

ляющей силе», пресловутая «шестая статья», вызывавшая критику со стороны перестроечных публицистов, появилась в советском законодательстве только с принятием Конституции 1977 г. Однако практика партийного контроля над всеми этапами законодательного процесса (состоявшая, помимо прочего, в деятельном участии партийного аппарата в подготовке законопроектов) сложилась уже в первые годы советской власти.

Наряду со статьей, закреплявшей верховенство Коммунистической партии, Конституция СССР 1977 г. содержала нормы участия в управлении государством профсоюзов, комсомола и других общественных организаций (ст. 7), «обсуждения и решения государственных и общественных дел» трудовыми коллективами (ст. 8), а также поощрения и постоянного расширения политической активности граждан (ст. 9). Реализацией этих норм и стоящих за ними идеологических установок стала практика всенародного обсуждения законодательных актов, когда законопроекты публиковались в периодической печати для максимально широкого распространения, а специально созданные комиссии собирали и обобщали письма от отдельных лиц, трудовых коллективов и общественных объединений с предложениями по совершенствованию представленных на обсуждение текстов. Такую процедуру прошли и сама конституция 1977 г., и предшествовавшая ей конституция 1936 г. В отличие от традиционных законопроектов, поправок и запросов, вносимых депутатами на заседании соответствующего представительного органа, замечания и мнения граждан не подлежали обязательному обсуждению, не выносились на голосование и учитывались лишь выборочно — в той степени, в которой они соответствовали уже избранному заранее курсу. В то же время всенародные обсуждения помогали создавать видимость всенародного участия. С точки зрения историка, материалы всенародных обсуждений, отложившиеся в архивах в виде совокупностей писем, обращений, протоколов и т.п., и частично опубликованные в периодической печати, содержат крайне интересный социокультурный материал.

Наконец, неэффективность законодательной системы компенсировалась расширением полномочий сугубо исполнительных органов — общесоюзного и республиканских Советов народных комиссаров (в 1917–1946 гг.) или Совета министров (в 1946–1991 гг.). Многие нормы, обычно устанавливаемые законами, в Советском Союзе вводились и отменялись постановлениями Совета народных комиссаров или Совета министров, а иногда и отдельных ведомств — Государственного планового комитета Совета министров СССР (Госплана), Государственного комитета по материально-техническому снабжению (Госснаба), Государственного банка и других подобных организаций. В некоторых областях (заработная плата, охрана труда, обеспечение жильем) правоустанавливающий характер могли иметь даже постановления общественной организации — Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов. Подобные тенденции деформировали структуру советского законодательства,

делая его аморфным и одновременно крайне запутанным. Юристы 1980-х годов признавали, что разобраться в хитросплетении норм не всегда под силу даже профессионалам. Примечательно, что аморфность и расплывчатость советского законодательства в значительной степени напоминали такие же качества законодательства императорской России, характеризовавшегося исключительным разнообразием форм и отсутствием строгого порядка принятия законов. Пытаясь порвать с традициями старого права, большевики фактически возродили это последнее, причем наиболее тщательно были воссозданы наименее привлекательные черты.

В целом законодательство советского периода являет собой весьма предстательное воплощение коммунистической идеологии, а его достоинства и недостатки — это черты марксистско-ленинского учения о государстве. Без знания идеологом, которыми определялось развитие советской правовой мысли, невозможно понять ни логику развития законодательства как целого, ни сущность конкретных документов и установленных ими правовых норм.

3.2.2

Группы и разновидности законодательных источников советского периода

Декреты первых месяцев советской власти

Из предыдущего должно быть понятно, что системообразующей разновидностью российского законодательства Новейшего времени были конституции, представлявшие собой документы наивысшей юридической силы. Соответственно, и характеристику источников данного периода следовало бы начать с рассмотрения принятых при советской власти конституций. Однако первая из конституций появилась только в июле 1918 г., спустя почти восемь месяцев после низложения Временного правительства и перехода власти в руки большевиков. Правовой вакуум между падением старого режима и оформлением нового был заполнен весьма пестрой по характеру, самоназваниям и структуре совокупностью документов неодинаковой видовой природы. Доминирующим самоназванием такого рода документов было заимствованное из терминологии Великой французской революции слово «декрет», а время существования данного комплекса ограничивается периодом от октябрьского вооруженного переворота до принятия первой конституции РСФСР, где была впервые определена строгая законотворческая процедура. В отечественной историографии указанные документы получили собирательное название «декретов первых месяцев советской власти». Историческое значение первых декретов советской власти очень велико, поскольку именно в них была определена конфигурация политического и социального устройства «первого в мире государства рабочих и крестьян», а источниковедчески они примечательны прежде всего отсутствием единой процедуры принятия,

разнообразием форм и широтой тематики (от вопросов землеустройства и военной службы до организации автомобильного хозяйства, национализации Третьяковской галереи и «объявления врагом народа председателя Мурманского совета»), в полной мере соответствовавшим экстраординарным обстоятельствам создания этих документов.

Специфика конца 1917 — первой половины 1918 г. состояла в том, что советской власти надо было решать не только управленческие, но и пропагандистские задачи, привлекая сторонников как внутри страны, так и (в идеале) за ее пределами. Эта дополнительная идеологическая задача придала текстам публицистическую направленность, что особенно видно в Декрете о мире от 26 октября 1917 г., который представляет собой, по сути дела, не закон, а воззвание, обращенное ко «всем воюющим народам и их правительствам» и написанное в откровенно митинговой стилистике:

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, Временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств, Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в героической борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии — все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации¹.

Примечательно, что механизм исполнения этой декларации не только не прописан, но и не предусматривался в принципе, что крайне необычно

¹ Декреты Советской власти... Т. 1. С. 15–16. Нетрудно заметить, что в приведенной цитате то ли потеряны какие-то слова, то ли рассогласованы падежи: «великие образцы [именительный падеж] <...> в Англии, ряд революций [именительный падеж], совершенных французским пролетариатом, и, наконец, в героической борьбе [предложный падеж] <...> в Германии <...> — все эти образцы [именительный падеж] служат...» [курсивы и примечания в скобках мои. — Д. Д.]. Такая небрежность языка недопустима для законодательства, но естественна для выступления на митинге, где эмоциональный порыв важнее грамматической правильности. Опубликованный в газетах и в виде листовок текст «Декрета о мире» был просмотрен, после чего в «Известиях» появилось «указание» заменить точку, стоящую в первой публикации между словами «в Германии» и «все», на тире (Декреты... Т. 1. С. 16, примеч. 1). Однако, примечательным образом, В.И. Ленин не стал ни восполнять пропуск, ни править падежные окончания: нарочитая рассогласованность (анаколуф) — почтенный риторический прием, известный со времен античного красноречия, и в данном случае деформированный синтаксис как нельзя лучше воплощал исключительные обстоятельства создания документа и связанный с ними эмоциональный накал.

для законодательных источников. Но среди первых декретов присутствуют и существенно более конкретные по содержанию документы, свидетельствующие об определенной проработке регулируемой области. До известной степени такая проработка сказалась в Декрете о земле, включившем в себя так называемый Крестьянский наказ о земле, обобщавший «242 местных крестьянских наказа», и в еще большей мере — в Основном законе о социализации земли, утвержденном 27 января (9 февраля) 1918 г. Примечательно, что Основной закон о социализации земли не декларировал такого резкого разрыва со «старым миром», как многие другие законодательные акты того времени, а, напротив, содержал отсылки к «исторически сложившейся системе землепользования»¹, в чем сказалось осознание сложности задач государственного управления, особенно в масштабах такой страны, как Россия.

Огромный масштаб и стихийный характер изменений, происходивших в первые месяцы советской власти, сказался на том, от чьего имени выпускались ее декреты. Самые первые документы данной группы — обращения «К гражданам России», «Революция восторжествовала», «К тылу и фронту» и еще несколько, вышедших в первые часы после переворота, — подписаны Военно-революционным комитетом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, далее инициатива перешла в руки делегатов II Всероссийского съезда советов, а 30 октября (12 ноября) был выпущен декрет «О порядке утверждения и опубликования законов», определявший, что «впредь до созыва Учредительного собрания» законы рассматриваются и принимаются Советом народных комиссаров, подписываются председателем СНК или одним из народных комиссаров и либо публикуются в «Газете Рабоче-Крестьянского правительства», либо передаются по телеграфу для опубликования на местах². Левые эсеры возражали относительно права СНК на самостоятельное издание декретов, требуя поставить правительство под контроль советов. Однако 4 (17) ноября 1917 г. это право было подтверждено специальной резолюцией Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). «Советский парламент рабочих масс, — гласил первый пункт указанной резолюции, — не может иметь ничего общего по своим методам с буржуазным парламентом, где представлены разные классы с противоположными интересами и где представители правящего класса превращают регламент и наказ в орудие законодательной обструкции», — а значит, как утверждалось во втором пункте того же документа, нельзя и «отказать Совету Народных Комиссаров в праве издавать без предварительного обсуждения Центральным Исполнительным Комитетом неотложные декреты в рамках общей программы Всероссийского съезда Советов»³. Чуть позже, 17 (30) ноября, был выпущен «Наказ о взаимоотношениях ВЦИК и СНК», где указывалось, что, «согласно реше-

¹ Декреты Советской власти... Т. 1. С. 408.

² Там же. С. 29–30.

³ Там же. С. 44.

нию II Всероссийского съезда Советов, Совет Народных Комиссаров целиком ответственен перед Центральным Исполнительным Комитетом», и вместе с тем признавалось, что СНК имеет право не только осуществлять «мероприятия по борьбе с контрреволюцией», но и принимать «законодательные акты, а равно и распоряжения крупного общеполитического значения», представляя последние «на рассмотрение и утверждение Центрального Исполнительного Комитета»¹. Таким образом, центром законотворчества первых месяцев советской власти стал Совет народных комиссаров. Ряд декретов, например декреты «Об обязательном обучении военному искусству», «О порядке замещения должностей в Рабоче-Крестьянской Красной Армии» и «О сроке службы в Красной Армии» (все — 22 апреля 1918 г.), были выпущены не СНК, а ВЦИК. Наконец, некоторые декреты — «О дарениях» от 20 мая 1918 г., Положение о революционном трибунале при ВЦИК от 29 мая 1918 г., «Об организации и снабжении деревенской бедноты» от 11 июня 1918 г. — оформлялись как совместные решения ВЦИК и СНК. Очевидно, за этими колебаниями стоял поиск оптимального режима функционирования советского государства как системы.

Рассмотренные в своей совокупности декреты первых месяцев советской власти демонстрируют всю глубину социальных потрясений, охвативших российское общество в 1917 г.

Конституции советского периода

Следующим важным шагом на пути становления советского государства и оформления советского законодательства стало принятие Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Созданная ВЦИКом в апреле 1918 г. конституционная комиссия под председательством Я.М. Свердлова рассмотрела три проекта — «Общие положения Конституции РСФСР», подготовленные большевиками, «Проект Конституции Трудовой Республики», выдвинутый эсерами-максималистами, и «Основные начала Конституции», разработанные правоведем и психоаналитиком М.А. Рейснером и воплощавшие радикальные анархо-синдикалистские взгляды так называемых левых коммунистов. Обсудив эти документы, комиссия, в составе которой доминировали большевики, высказалась в пользу первого проекта, который и был с некоторыми поправками утвержден V Всероссийским съездом советов 10 июля 1918 г. в качестве первой конституции РСФСР.

Распространение большевизма на окраины бывшей империи повлекло за собой принятие следующих конституций — Советской Социалистической Республики Белоруссии (февраль 1919 г.), Украинской Социалистической Советской Республики (март 1919 г.), Хорезмской Народной Советской Республики (апрель 1920 г.), Дальневосточной Республики (апрель 1921 г.), Советской Социалистической Республики Азербайджана (май 1921 г.), Бухарской Народ-

¹ Декреты Советской власти... Т. 1. С. 102.

ной Советской Республики (сентябрь 1921 г.), Социалистической Советской Республики Армении (февраль 1922 г.), Социалистической Советской Республики Грузии (март 1922 г.), Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (декабрь 1922 г.), Хорезмской Социалистической Советской Республики (октябрь 1923 г.), и наконец — первой Конституции Союза ССР (31 января 1924 г.). Не все перечисленные конституции были типично советскими и имели последовательно социалистический характер. Напротив, Конституция Хорезмской НСР 1920 г. признавала частную собственность на средства производства, вакуфное землевладение, духовное образование, суды шариата и обычное право, а Конституция ДВР говорила о многоукладной экономике и не содержала термина «совет» (хотя функции собраний уполномоченных и Народного собрания ДВР во многом совпадали с функциями советов, а руководил государством не президент, а коллективный орган — Правительство, избираемое Народным собранием примерно так же, как в РСФСР избирался ВЦИК). Не прослеживалось полного тождества и между конституциями республик, объявленных *социалистическими советскими*: скажем, в Конституции РСФСР было установлено фиксированное число наркоматов (17), а в Конституции УССР вопрос о численности народных комиссаров и предметах их ведения оставлялся на усмотрение Всеукраинского ЦИК. Наконец, Конституция СССР 1924 г. представляла собой не оригинальный законодательный акт, а инкорпорацию двух документов — Декларации об образовании СССР, провозглашенной в декабре 1922 г., и существенно расширенного варианта принятого тогда же союзного договора. В подобных вольностях сказался, с одной стороны, стихийный характер государственного строительства первых лет советской власти, а с другой — стремление большевиков привлечь максимально большое число сторонников, особенно в тех регионах, где не просматривалось возможности установить новый порядок исключительно силовым путем. Однако победа в Гражданской войне сделала подобные компромиссы излишними, буферные и марионеточные государства были ликвидированы, а конституции — приведены к общему знаменателю.

Первая волна подобной правовой унификации прокатилась во второй половине 20-х годов в связи с принятием союзной конституции 1924 г. и национально-государственным размежеванием Средней Азии, вторая — после принятия «сталинской» конституции 1936 г., третья — в конце 70-х годов, после принятия конституции 1977 г. При этом как общесоюзная конституция была основой для конституций союзных республик, так и конституции союзных республик становились основой для конституций автономных республик. Итогом процесса стало возникновение совокупности почти тождественных документов и полная унификация правового поля страны.

Конституции разрабатывались не только советской властью и ее сателлитными режимами. Как примеры небольшевистских конституций, появившихся в период Гражданской войны на территории будущего Советского Союза,

можно отметить Конституцию (Статут о государственном устройстве, правах и свободах) Украинской Народной Республики от 29 апреля 1918 г. и Основные законы Всевеликого Войска Донского, принятые Большим войсковым кругом 15 сентября 1918 г. Как правило, местные государственные образования небольшевистской направленности прекращали свое существование раньше, чем успевали обзавестись собственной правовой системой; однако целью значительной части белых движений было не столько утверждение нового порядка, сколько восстановление старого, в том числе законодательства Российской империи, так что зачастую законодательная активность белого правительства ограничивалась декларацией о восстановлении действия царских законов. В то же время подобное нормотворчество представляет большой интерес как феномен социальной психологии и свидетельство определенной правовой культуры.

Важнейшая черта советских конституций — их агитационная направленность. Своеобразная митинговая тональность была задана уже в первой конституции РСФСР 1918 г., включившей в себя написанную В.И. Лениным и утвержденную III Съездом советов Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. В этой декларации (а значит и в Конституции 1918 г.) в частности говорилось (ст. 4):

Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей преступнейшей из всех войн, III Всероссийский Съезд Советов всецело присоединяется к проводимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения во что бы то ни стало революционными мерами демократического мира трудящихся без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций.

В некоторых фрагментах стиль законодателя возвышался до церковно-славянизмов:

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «*Не трудящийся да не ест*» (ст. 18.) [выделено мной. — Д. Д.].

При этом сама конституция провозглашалась временным документом, принятым на переходный период и призванным способствовать

...установлению диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти (ст. 9).

В таком позиционировании документа, повторенном в Конституции РСФСР 1925 г., сказалось воздействие марксистской теории об отмирании государства на пути к коммунизму.

Тексты общесоюзной конституции 1924 г. и созданных после ее принятия республиканских конституций были выдержаны в более строгой тональности — лозунги остались только в Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик:

Со времени образования советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма.

Там, в лагере капитализма — национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны.

Здесь, в лагере социализма — взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов.

Напротив, «сталинская» конституция 1936 г. вернула некоторые лозунги (со стилистической правкой) и даже расширила их число:

Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу «Кто не работает, тот не ест».

В СССР осуществляется принцип социализма «От каждого по его способности, каждому — по его труду» (ст. 12).

Наконец, «брежневская» конституция 1977 г. содержала развернутую характеристику «Основ общественного строя и политики СССР» (ст. 1–32), где привычные уже лозунги сопровождались развернутыми пояснениями:

Источником роста, общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека является свободный от эксплуатации труд советских людей.

В соответствии с принципом социализма «От каждого — по способностям, каждому — по труду» государство осуществляет контроль за мерой труда и потребления. Оно определяет размер налога на доходы, подлежащие налогообложению.

Общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе. Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, поощряя новаторство, творческое отношение к работе, способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека (ст. 14).

При определенных условиях такого рода статьи превращались в грозное оружие расправы с неудобными. В частности, слова про работников и едоков послужили формальной основой для криминализации так называемого *тунеядства*, т.е., по сути дела, извлечения средств к существованию из любой деятельности, кроме официально разрешенной. Очевидно, однако, что включение подобной афористики в состав конституции преследовало не только и не столько формально-юридические, сколько агитационные задачи.

Периодические изменения советских конституций также свидетельствуют об идеологической направленности последних. Смена основного закона — не экстраординарное событие, но, как правило, она происходит на фоне политических потрясений — войн, установления и падения диктатур, правительственных кризисов и т.п. В Советском Союзе и его республиках конституции изменялись в ситуации относительной стабильности, знаменуя собой не новый этап развития общества, а постепенную эволюцию его идеологической основы. Если содержание конституций 1920-х годов определялось романтическими идеями мировой революции, то конституция 1936 г. зафиксировала «успешное построение социализма» в одной отдельно взятой стране. На этом фоне несколько удивляет разрыв между следующим крупным поворотом в генеральной линии партии, связанным с хрущевской оттепелью, и очередной конституционной реформой, состоявшейся только в конце 1970-х годов, в совершенно иной политической обстановке. Однако конституционная комиссия, итогом трудов которой стало принятие общесоюзной конституции 1977 г., была создана Верховным Советом СССР еще в апреле 1962 г., а ее долгая работа связана, с одной стороны, с политическими изменениями, вызванными отставкой Н.С. Хрущева, а с другой — с общим падением эффективности советского государственного аппарата во второй половине 1960-х — 1970-е годы.

В целом конституции периода 1917–1991 гг. представляют собой наглядное свидетельство идеологических перипетий, сопровождавших эволюцию советского общества и государства от момента его возникновения и до распада.

Кодексы и «Основы законодательства»

Следующей важной разновидностью советского законодательства стали **кодексы**, в которых объединялись правовые установления, действовавшие в той или иной конкретной сфере. Разработка кодексов, призванных утвердить новые общественные отношения, началась почти сразу после прихода большевиков к власти, так что первый в этом ряду документ — Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве — был утвержден ВЦИКом уже 16 сентября 1918 г. Вторым стал Кодекс законов о труде, принятый в декабре того же года. Показателен выбор областей, которые следовало перестроить на новый лад в первую очередь: максимальная простота в области семейных отношений и защита прав рабочих составляли основополагающие и тщательно проработанные пункты программы российских социал-демократов.

В 1920-е годы работа над кодексами продолжилась. В 1922 г. появились Уголовный, Гражданский и Земельный кодексы РСФСР, чуть позже — новый Кодекс законов о труде, Кодекс о семье и браке, Лесной кодекс, Таможенный кодекс и др. В 1926 г. УК РСФСР, оказавшийся в своей первой редакции

слишком коротким и оттого мало применимым на практике, был переработан. Примечательно, что если при разработке основ семейного, трудового или земельного права большевики ставили своей целью порвать с правовыми принципами царских времен, получившими ярлык «буржуазных», то нормы уголовного и гражданского права широко заимствовались из предшествующего законодательства и опыта западных стран. В этом сказались как отсутствие у законодателей необходимого опыта, так и сложность регулирования подобных правовых отношений. Обращение к юридическому опыту «старого режима», а в некоторых ситуациях и к обычному праву было в такой ситуации неизбежно.

Важная особенность советской кодификации состояла в том, что законодателю необходимо было не только сформировать основы нового социалистического права, но и приспособить эти последние к особенностям союзного государства. Союзный договор 1922 г. и Конституция СССР 1924 г. (ст. 1) установили, что гражданское и уголовное законодательство, регулирование трудовых отношений, землеустройство, землепользование, эксплуатация природных ресурсов, здравоохранение и образование составляют совместную компетенцию Союза ССР и отдельных республик, причем центр определяет «основы» и «общие начала», а республики проводят эти общие принципы в жизнь. Реализация таких установлений вызвала к жизни специфическую разновидность законодательных источников под названием **«Основы законодательства»**, имевших характер своеобразных рамочных законов, нормы которых развивались и конкретизировались кодексами союзных республик. Скажем, в утвержденном постановлением Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. «Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» содержалась только общая часть, определявшая пределы действия советского уголовного законодательства, сроки давности, основные виды наказаний, отягчающие или смягчающие вину обстоятельства и т.п. Конкретные составы преступлений вводились в особенных частях уголовных кодексов союзных республик, которые могли варьироваться в зависимости от местных условий. Так, если, например, «контрреволюционная деятельность» в УК РСФСР 1926 г. описывалась ст. 58, то в УК УССР, принятом в 1927 г., этот же состав преступления определялся в ст. 54. Кроме уже упомянутых «Основных начал уголовного законодательства», в 1924 г. были утверждены «Основы судоустройства» и «Основы уголовного судопроизводства», а в 1928 г. появились «Общие начала землепользования и землеустройства». Появление каждого из таких документов предполагало издание соответствующих кодексов союзных республик, благодаря чему обеспечивались одновременно и единство правового поля страны, и приспособление общесоюзного законодательства к местным условиям.

Кодексы 1920-х годов несли на себе отпечаток времени своего создания. В уголовном праве провозглашался классовый подход, и причастность обви-

няемого «в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплуатирующих чужой труд», рассматривалась как отягчающее обстоятельство, а принадлежность к рабочему классу или трудовому крестьянству — как смягчающее. Однако в гражданском праве нашли свое воплощение специфические черты «новой экономической политики», в том числе признавались три вида собственности — государственная (национализированная и муниципализированная), кооперативная и частная, причем в частной собственности могли находиться:

...немуниципализированные строения, предприятия торговые, предприятия промышленные, имеющие наемных рабочих в количестве, не превышающем предусмотренного особыми законами; орудия и средства производства, деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотая и серебряная монета и иностранная валюта, предметы домашнего обихода, хозяйства и личного потребления, товары, продажа коих не воспрещается законом, и всякое имущество, не изъятое из частного оборота.

Напротив, важные для советского права более позднего времени понятия о колхозно-кооперативной и личной собственности в кодексах 1920-х годов отсутствовали. Указанные особенности не служили препятствием ни для сворачивания нэпа в конце 1920-х годов, ни для коллективизации сельского хозяйства, ни для индустриализации промышленности: новые формы собственности и способы хозяйствования получали юридическое оформление путем внесения в кодексы поправок. В свою очередь, в конце 1950-х — начале 1960-х годов была осуществлена масштабная правовая реформа. Были выпущены сначала новые «Основы законодательства», а затем и новые республиканские кодексы по всем отраслям права. Из новых советских кодексов были изъяты нормы, ставшие одиозными в годы культа личности (прежде всего пресловутая 58-я статья), и включены положения, регулировавшие новые правоотношения и реагировавшие на новые виды правонарушений (например, в УК РСФСР 1960 г. появилась ст. 88, каравшая за «нарушение правил о валютных операциях»). Кроме того, научно-технический прогресс сделал актуальным принятие новых кодексов в таких областях, как недропользование и эксплуатация природных ресурсов, воздушный транспорт и т.п.

Перестройка и связанная с ней смена социально-экономического уклада вызвали корректировку существовавших кодексов, в основном путем внесения поправок. В таком откорректированном виде советские кодексы продолжали действовать вплоть до принятия современных российских законов.

Законы. Постановления Президиума ЦИК и указы Президиума Верховного Совета

Если кодексы определяли общие принципы функционирования сразу целой области общественной жизни, то **законы** вводили или отменяли отдельные меры и практики — обязательную воинскую службу, паспортный

режим и так называемую прописку, изменение размера и порядка начисления пенсий, осуществление индивидуальной трудовой деятельности, проведение митингов и собраний и т.п. Если в первые годы советской власти многие законодательные акты такого рода получали название «декрет» (хотя также использовались термины «постановление» и «распоряжение»), то в Конституции 1936 г. термин «декрет» уже не применялся. В рамках общего отказа от революционной романтики 20-х годов было возвращено привычное русскому слуху слово «закон».

Исследователи отмечают спад в интенсивности советского законодательства, наступивший в 1940–1970-е годы: по подсчетам С.В. Журавлева, «за сорокалетие (1938–1977 гг.)» появилось всего около 150 законов, т.е. «в три раза меньше <...>, чем за предыдущие 20 лет, с 1917 по 1937 г.»¹. В какой-то степени такая динамика может объясняться стабилизацией общественной структуры и воплощающих ее правовых институтов, но более вероятно иная интерпретация данного процесса — рост влияния бюрократического аппарата, увеличивавший значение разного рода подзаконных нормативных актов, которые вытесняли собой законодательство как таковое². Представляется, что сокращение интенсивности законодательной работы стало воплощением общей бюрократизации советского государства, вызванной его принципиальной неконкурентоспособностью.

Характерным феноменом советской власти стала такая разновидность законодательных актов, как *постановления Президиума ЦИК* и *указы Президиума Верховного Совета*. Формально эти документы занимали самую низшую ступень в иерархии законодательства, поскольку их публиковал не собственно представительный орган, а всего лишь сформированный этим последним специальный комитет, и обычно подобного рода указами оформлялось присвоение наград или воинских званий. Однако некоторые из постановлений и указов президиума ВС СССР приобретали большое социально-политическое значение. Так, 26 мая 1947 г. указом Президиума ВС СССР в Советском Союзе была отменена смертная казнь за преступления, совершенные в мирное время, а указом от 12 января 1950 г. эта «исключительная мера охраны государства»³ была восстановлена. Указ от 4 мая 1964 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» предписывал «по постановлению районного (городского) народного суда» или даже «по общественному приговору, вынесенному коллективами трудящихся по предприятиям, цехам, учреждениям, организациям, колхозам и колхозным бригадам», подвергать так называемых тунеядцев «выселению в специально отведенные местности

¹ Журавлев С.В. Современные методы и новые источники изучения истории России XX века: учеб.-метод. пособие. М., 2010. С. 113.

² Ср.: Там же. С. 113–114.

³ Термин, установленный ст. 21 Общей части УК РСФСР 1926 г.

на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем, и обязательным привлечением к труду по месту поселения». Наряду с антиобщественными элементами жертвами данного указа становились лица творческих профессий, включая знаменитого поэта И.А. Бродского. Возможность установления и отмены уголовной ответственности на основании указов Президиума ВС СССР приводила к окончательному размыванию понятия и границ советского закона.

Советское законодательство прошло в своем развитии несколько этапов. Стихийное революционное законотворчество первых лет советской власти сменилось планомерным формированием законодательной базы «страны победившего социализма», а социально-политические и идеологические изменения времен хрущевской «оттепели» сделали необходимым пересмотр сложившихся правовых установлений. При этом логика законотворчества диктовалась, с одной стороны, требованиями жизни, а с другой — особенностями советской власти как политической структуры. Системное изучение советского законодательства как исторического феномена наглядно демонстрирует уровень эффективности породившего его государства.

3.3

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ И СТАТИСТИКА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Законодательство определяет принципы построения социальных отношений. Реализация этих принципов — отдельная задача, для решения которой в любом относительно развитом обществе приходится назначать специальных людей, образующих в своей совокупности так называемый управленческий аппарат. Этому же управленческому аппарату поручается и работа по подготовке законов, становящаяся все более трудоемкой по мере усложнения общественной структуры.

В процессе функционирования управленческого аппарата возникают два вида источников. Первый — *делопроизводственные материалы* — обеспечивает принятие управленческих решений и доведение их до исполнителей. Второй — *учетные документы* — нужен для контроля выполнения принятых решений. Кроме того, управленческая работа опирается на сведения об обществе, получаемые путем *статистических исследований*. При этом делопроизводственные и учетные документы создаются зачастую одними и теми же лицами и в рамках одних и тех же процедур, так что различие между данными видами источников незначительное; иначе говоря, что верно для

одного вида, то с несущественными изменениями верно и для другого. Напротив, материалы статистических исследований обладают выраженной спецификой и эволюционируют по собственной логике. Поэтому сначала будет дана характеристика делопроизводственных и учетных документов (с акцентом на первые), а затем рассмотрена история советской статистики.

3.3.1

Советское делопроизводство как исторический феномен

Общая характеристика советского делопроизводства

Марксистская теория социального развития связывала потребность в управленческом аппарате с «эксплуатацией человека человеком»; в коммунистическом обществе, где с эксплуатацией должно быть покончено, управлять станет некому и некем, а значит, и орудия управления неизбежно отомрут. Однако практика борьбы за власть заставила отложить выполнение этой романтической программы. Уже летом 1919 г. В.И. Ленин разъяснял, что пролетарская революция не только не означает немедленной ликвидации «государственной машины», но и требует ее всемерного укрепления.

Глава советского государства, выступая перед слушателями Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, говорил:

Этой машиной или дубиной мы разгромим всякую эксплуатацию, и, когда на свете не останется возможности эксплуатировать, не останется владельцев земли, владельцев фабрик, не будет так, что одни пресыщаются, а другие голодают, — лишь тогда, когда возможностей к этому не останется, мы эту машину отдадим на слом¹.

В итоге провозглашенное на идеологическом уровне отмирание управленческого аппарата ограничилось национализацией частных компаний. Государственные учреждения и управленческие структуры общественных объединений (единственной легальной партии, профсоюзов, кооперативов и т.п.) не только не были распущены, но и значительно укрепились, а значит, получали стимулы к развитию и соответствующие отрасли делопроизводства. Более того, частный капитал был окончательно ликвидирован лишь в начале 1930-х годов, так что с момента перехода к нэпу (1921) и до конца 1920-х годов существовали определенные условия для развития делопроизводства коммерческих организаций (хотя бы в объеме, необходимом для взаимодействия с уполномоченными органами профильных ведомств, — Народного комиссариата финансов и Народного комиссариата труда).

Советский управленческий аппарат не отличался высокой эффективностью. Профессиональные чиновники царских времен, имевшие твердые навыки «письмоводства», как правило, не хотели сотрудничать с новой вла-

¹ Ленин В.И. О государстве: лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 84.

стью, а квалифицированных служащих — большевиков было немного. Поэтому в первые годы существования советского государства на управленческие посты пришло множество случайных людей, не обладавших необходимыми знаниями и умениями. В свою очередь, новое поколение управленцев, воспитанное на опыте 1920-х годов, стало одним из основных объектов массовых репрессий 1930-х. В результате развитие делопроизводства было вновь отброшено назад. Кроме того, с середины 1920-х годов существовали перечни (номенклатуры¹) руководящих должностей, назначения и даже выборы на которые осуществлялись только после согласования кандидатур в соответствующих по уровню партийных органах (вплоть до ЦК, когда речь шла об управленцах высшего звена), а партийное руководство ориентировалось в своей кадровой политике не только и не столько на деловые качества кандидатов, сколько на последовательность в проведении «генеральной линии», так что очередные назначения не всегда доставались достойнейшим с профессиональной точки зрения. Вместе с тем власть никогда не утрачивала контроля над страной, а советское делопроизводство представляло собой стройную и внутренне взаимосвязанную систему.

Характеризуя делопроизводство с источниковедческой точки зрения, приходится считаться с чрезвычайным многообразием его разновидностей. Все учреждения и организации должны взаимодействовать с гражданами, аккумулировать необходимые сведения, вырабатывать решения и доводить их до адресатов, а также периодически оценивать собственные достижения и неудачи, и каждое из этих действий оформляется созданием как минимум одного, а обычно нескольких делопроизводственных документов. Кроме того, в областях управления, обладающих выраженной спецификой, складываются так называемые **специальные системы делопроизводства** — дипломатическая, военно-оперативная, судебно-следственная и ряд других². В каждой из этих систем существуют особые разновидности делопроизводственных ис-

¹ Со временем слово «номенклатура» стало собирательным обозначением советского чиновничества как социального слоя.

² Обыкновенно историки говорят именно о трех специальных системах делопроизводства — дипломатической, военно-оперативной и судебно-следственной (ср.: *Черноморский М.Н. Источниковедение истории СССР: Советский период. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1976. С. 195–198; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. М., 1998. С. 398–399*). Однако при изучении современного общества, жизнь которого немалым без сложной техники, большое значение приобретают и другие такого рода системы, например инженерно-конструкторская. Доступ к материалам научно-исследовательских, опытных и конструкторских работ, а также к сведениям об эксплуатации изготовленных изделий часто ограничен по соображениям государственной, военной или коммерческой тайны, хотя в некоторых особо резонансных случаях ограничения могут быть сняты; так, широко опубликованы материалы, относящиеся к аварии на Чернобыльской АЭС. Чтение подобных документов — непростая задача для ученого-гуманитария, не имеющего, как правило, специальных инженерных знаний. Очевидно, однако, что от судьбы технических новинок может напрямую зависеть судьба общества в целом, а пути развития техники, в свою очередь, воплощают в себе тенденции развития страны. Значит, историкам необходимо осваивать приемы работы со специфическими разновидностями документов, вызванными к жизни техническим прогрессом.

точников, появление которых обусловлено отличительными чертами соответствующих управленческих функций. Наконец, с первых же лет существования советской власти в нашей стране осуществлялось централизованное планирование экономической деятельности¹, а в конце 1920-х годов вся экономика была подчинена задачам выполнения «пятилетних планов развития народного хозяйства». Материалы планирования — это сложный конгломерат разных по происхождению документов², и традиционно их рассматривают в качестве самостоятельного вида исторических источников. Очевидно, однако, что планирование — это один из уровней управления экономикой, а значит, и материалы планирования могут трактоваться в качестве группы делопроизводственных документов; формальное тождество документов Госплана с документами других ведомств дополнительно убеждает в справедливости такого решения. В принципе, каждая из упомянутых отраслей советского делопроизводства заслуживает собственной характеристики. Но сложность и разнообразие делопроизводственных источников грозят сделать ее слишком объемной. В дальнейшем будут рассмотрены наиболее типичные разновидности делопроизводственных источников, встречающиеся практически во всех системах документации. Желающие углубить свои знания по какой-либо конкретной отрасли или специальной системе делопроизводства могут обратиться к дополнительной литературе, прежде всего — к методическим пособиям, разрабатываемым профессионалами в соответствующих областях³.

Локальные нормативные акты

Системообразующая разновидность делопроизводственных документов — локальные нормативные акты, имеющие разные самоназвания: **уставы, положения, правила, приказы** и т.д. Функция такого рода документов состоит в определении целей, задач и принципов работы учреждений, организаций и общественных объединений или в установлении норм, применяемых в каких-либо частных областях (строительство, рыболовство, торговля и т.п.).

Видовая природа локальных нормативных актов неоднозначна. С одной стороны, такого рода документы устанавливают нормы и в этом отношении

¹ Первым документом такого рода стал План электрификации РСФСР, разработанный Государственной комиссией по электрификации России в 1920 г. (широко известен как План ГОЭЛРО).

² Основой для составления пятилетних планов служили «директивы», принимавшиеся на съездах ВКП(б)/КПСС. Разработку очередного плана осуществлял Государственный плановый комитет (создан в феврале 1921 г. под названием Государственная общеплановая комиссия), опиравшийся, с одной стороны, на результаты собственной аналитической работы, а с другой — на предложения отраслевых ведомств, местных властей и руководства отдельных предприятий. Когда работа над планом завершалась, он утверждался либо партийной конференцией, либо съездом ВКП(б), либо (в послевоенные годы) Верховным советом СССР. В последнем случае пятилетний план приобретал статус закона.

³ См., например, о судебно-следственном делопроизводстве: Публикация документов следственных и судебных дел политического характера (1920–1950 гг.): метод. пособие / сост. И.А. Дегтярева (рук. темы), Н.И. Кудрявцев. М., 2008.

примыкают к законам. С другой стороны, уставы общественных объединений возникают (по крайней мере в теории) на основе соглашения между всеми членами этих объединений¹, а лица, присоединяющиеся к объединению уже после создания такового, самим фактом своего вступления подтверждают готовность следовать действующему уставу. Такой договорной характер сближает уставы с актовыми источниками. Вместе с тем положения и уставы не проходят утверждения представительными органами власти, а значит, не могут рассматриваться как законы в строгом смысле слова. Что же касается договорной природы локального нормотворчества, то она имеет ограниченный характер: ведомственные положения, уставы, правила, нормы, рекомендации и т.д. вырабатываются и вводятся в действие сугубо бюрократическим путем, а уставы общественных организаций зачастую приходится согласовывать с теми или иными органами власти (а в советской практике такое согласование требовалось всегда). Напротив, управленческая роль локальных нормативных актов колоссальна, ибо всякое управленческое решение принимается лишь постольку, поскольку оно предусмотрено в подобном документе. Как следствие, представляется возможным рассматривать локальные нормативные акты как одну из разновидностей делопроизводства.

Уставами, как правило, назывались нормативные документы, которые определяли принципы работы общественных организаций. Важнейшим из уставов советского времени был *Устав коммунистической партии* (РСДРП(б) до 1918 г., РКП(б) в 1918–1925 гг., ВКП(б) в 1925–1952 гг., КПСС с 1952 г. и до ее ликвидации в 1991 г.). Первый устав РСДРП был принят на II съезде партии в 1903 г. и послужил причиной раскола между большевиками и меньшевиками, а в дальнейшем текст устава неоднократно перерабатывался и изменялся (выделяется порядка десяти редакций). В момент октябрьского переворота действовала редакция устава, принятая на VI съезде РСДРП(б) в августе 1917 г., а в момент распада СССР — редакция XXII съезда КПСС (1961 г.) с изменениями, внесенными на XXIII (1966), XXIV (1971) и XXVII (1986) съездах. Устав определял порядок приема в партию и исключения из нее, права и обязанности ее членов, организационную структуру партии (в том числе состав и порядок формирования руководящих органов), отношения партии с государственными и общественными организациями, а также (в общих чертах) порядок формирования партийных денежных фондов, включая суммы обязательных членских взносов. Поскольку до конца 1980-х годов коммунистическая партия была единственной легальной политической организацией в стране и контролировала все области общественной жизни, то влияние ее устава на жизнь страны было очень велико.

¹ Внешним проявлением согласия становится, как правило, голосование на общем собрании или съезде.

По образцу устава союзной коммунистической партии составлялись уставы республиканских компартий, существовавших в каждой союзной республике, кроме РСФСР, местные партийные организации которой подчинялись напрямую центральным органам ВКП(б)/КПСС.

Свои уставы имели и другие общественные (или, во всяком случае, формально общественные) организации — Коммунистический союз молодежи, пионерская организация, профессиональные и творческие союзы, академии и т.п. В частности, уставы Академии наук СССР принимались в 1927, 1930, 1935, 1959 и 1963 гг. и фиксировали изменения как в административной структуре, так и в статусе члена академии.

Органы государственного управления — народные комиссариаты (с 1946 г. — министерства) и другие ведомства — опирались в работе на **Общее положение** о народных комиссариатах (министерствах), а также на **положения** об отдельных ведомствах, составлявшиеся с учетом отраслевой специфики. До 1936 г. эти документы принимались центральными исполнительными комитетами общесоюзного или республиканского уровня, в дальнейшем — советами народных комиссаров (министров). Положение определяло задачи ведомства и способы их решения, а также его организационную структуру и штатное расписание (или порядок формирования таковых). Сами ведомства, в свою очередь, принимали специализированные нормативные акты в сфере своей компетенции — **положения, уставы** (в армии и других военизированных структурах), **правила** и т.п. Число такого рода документов постоянно росло, и все они время от времени обновлялись с учетом актуальных тенденций в развитии регулируемых отраслей.

На ведомственном уровне утверждались и **положения** об отдельных учреждениях и организациях, находившихся в подчинении у соответствующих структур. Если в структуре какого-нибудь наркомата (министерства) существовало много однотипных учреждений (больницы в системе министерства здравоохранения, школы в системе министерства просвещения и т.п.), то разрабатывалось **примерное положение** об учреждениях данного типа, а отдельные нормативные документы воспроизводили этот «примерный» текст с минимальными отклонениями. Нормотворчество руководства самих организаций оформлялось **приказами** или **положениями**.

Наконец, законодательство времен нэпа допускало акционерный капитал, а значит, существовала и такая разновидность локальных нормативных актов, как **уставы акционерных обществ**. В свою очередь, ставка партии и правительства на коллективные формы собственности сделала необходимой разработку **уставов кооперативных организаций и коллективных хозяйств** (колхозов). Большое социальное значение имело принятие Примерного устава сельскохозяйственной артели (1935) и двух Примерных уставов

колхозов (1969 и 1988 г.)¹. В этих документах определялись рекомендуемый состав и полномочия колхозного руководства, порядок ведения и принципы оплаты сельскохозяйственных работ, а также размеры приусадебных участков и максимальное поголовье домашнего скота, находящегося в личной собственности у отдельных членов колхоза. Изменения в Примерном уставе колхоза фиксировали эволюцию аграрной политики в СССР.

В целом локальные нормативные акты образуют своеобразный скелет советской управленческой системы. Знание подобного рода документов — необходимое условие адекватной интерпретации отдельных управленческих решений.

Заявления и обращения граждан

Следующая важная разновидность делопроизводственных документов — **заявления и обращения граждан**.

В принципе, управленческий аппарат не нуждается в том, чтобы к нему обращались; более того, некоторые группы функционеров (например, сотрудники правоохранительных органов) наделены правом самим вмешиваться в жизнь граждан (особенно если имеются основания полагать, что эти последние заняты чем-то противозаконным). В то же время существует множество ситуаций, в которых аппарат не может начать действовать без инициативы извне. Формальным выражением такой инициативы и становятся заявления и обращения.

Подавляющее большинство **заявлений** советского времени (как и сегодня) создавалось в стандартных ситуациях вроде поступления на работу или увольнения с нее, приема в какую-либо организацию, регистрации брака и т.п. По канцелярской традиции заявления должны были быть исключительно рукописными: почерк выступал в данном случае дополнительным признаком подлинности составляемого документа; бланки использовались лишь в некоторых случаях. Однако тексты оставались трафаретными; менялись только отдельные фрагменты, относящиеся к личности заявителя. Личностное начало в подобных документах выражалось лишь постольку, поскольку заявитель осознанно или неосознанно отступал от действующих образцов.

Больше свободы давали заявления, вызванные к жизни конфликтными или нетривиальными ситуациями (скажем, жалобы или заявления о преступлениях). В таких заявлениях нормативами определялись только реквизиты, а основная часть составлялась заявителем в меру его способностей к выражению своих мыслей². Такого рода документы дают относительно большое

¹ Документы принимались Всесоюзными съездами колхозников, а потом утверждались совместным постановлением ЦК партии и СНК или Совета министров СССР.

² В принципе, в СССР существовала система «юридических консультаций», работники которых помогали гражданам в правовом разрешении конфликтных ситуаций. Однако штат этих организаций был невелик, а деятельность адвокатуры находилась под строгим контролем со стороны партии и государства. Как следствие, среднестатистический советский жалобщик должен был рассчитывать прежде всего на собственные силы.

пространство для самовыражения автора, позволяя историку увидеть не только суть ситуации, но и внутренний мир ее участников.

Наконец, **обращениями** граждан принято именовать письма, адресованные депутатам, руководителям регионов и ведомств, а также лидерам страны, вплоть до первых лиц партии и государства. Для авторов такие письма служили последним аргументом в особенно длительных конфликтах; власть, в свою очередь, видела в письмах граждан, во-первых, индикатор общественных настроений¹, во-вторых — возможность показать себя защитницей слабых и обездоленных, подпитывая старую, но очень выгодную всем правящим режимам мифологии «доброты царя в окружении злых бояр». Особенно действенными были коллективные письма, демонстрировавшие широкий общественный интерес к заявленной проблеме. Работой с обращениями граждан занималось одно из подразделений аппарата соответствующих органов власти (обычно общие отделы или секретариаты, хотя иногда для таких целей создавались и специальные структуры), которое анализировало поступившую информацию, готовило ответы или перенаправляло обращения в профильные ведомства для принятия мер.

Как правило, заявления и обращения граждан в массе своей не подлежат приему на государственное архивное хранение и уничтожаются «по минованию надобности». Фрагментарная сохранность препятствует исследованию такого рода документов в качестве массового источника: трудно собрать надлежащего размера корпус. Однако если обращения во властные структуры сохраняются (скажем, в личных архивах заявителей или в составе каких-либо резонансных дел), то ученый получает уникальную возможность взглянуть на жизнь страны глазами рядового человека.

Анкеты

При всей жизненности и нетривиальности информации, поступающей из заявлений и обращений, этих сведений, как правило, недостаточно для принятия решений. Следовательно, получив тот или иной «сигнал», аппарат должен собрать дополнительные сведения по затронутому вопросу.

Работа советских чиновников по аккумуляции данных приводила к появлению множества разнообразных документов — **запросов, справок, заключений** и т.п. Наименования, состав, порядок оформления и требования к содержанию этих материалов могут быть различными в зависимости от исторического периода, отрасли или региона и обычно определяются в каком-либо нормативном акте. Но одна форма сбора сведений заслуживает особого внимания как по значимости в жизни рядового жителя СССР, так и по своим информационным ресурсам. Эта форма — **анкета**.

¹ На различных уровнях управленческого аппарата систематически готовились аналитические записки, обобщавшие содержание поступивших обращений.

Анкеты или опросные листы возникали и возникают не только в рамках делопроизводства, но и в статистике, где они выступают основным инструментом сбора первичной информации. Анкетирование широко применяется при проведении социологических и психологических исследований. Наконец, и в XIX, и в XX в. составление и заполнение анкет с вопросами о «жизни и мнениях» практиковалось как способ досуга¹, и такие анкеты следует относить к числу источников личного происхождения. Цель делопроизводственных анкет — получить сведения о заявителе, а специфические черты (по сравнению с анкетами, используемыми, скажем, в социологии) — расчет на собственноручное заполнение самим анкетиремым, необходимость сообщать точную информацию, невозможность отказаться от ответа на «неудобные» вопросы и определяющее воздействие на дальнейшую судьбу заполняющего их лица.

Использовавшиеся в советском делопроизводстве анкеты были рассчитаны на то, что отвечать на вопросы будут люди, несведущие в канцелярских процедурах, а возможно, и малограмотные. Поэтому при разработке бланков анкет делалось все, чтобы исключить возникновение ошибок: вопросы формулировались максимально развернуто, а типичные ответы по возможности вносились в бланк заранее, чтобы заполняющему осталось только выбрать нужный. Попутно решалась еще одна задача: чем меньше свободы в форме ответов, тем сложнее скрыть неблагоприятную информацию о себе, иными словами — тщательная разработка бланка должна была способствовать достоверности предоставляемых данных.

Наиболее распространенной из анкет, которые приходилось заполнять гражданину СССР, был *личный листок по учету кадров*, оформлявшийся каждый раз при приеме на работу. При этом в соответствии с господствующей идеологией отделы кадров интересовались не только профессиональными качествами, но и «классовой сущностью» будущего работника. В частности, в личных листках 1930-х годов наряду с привычными и сегодня вопросами о дате рождения, образовании, владении иностранными языками и военной обязанности присутствовали графы «Сословие или происхождение до революции» (с вариантами ответа: из крестьян, мещан, дворян, купцов, духовного звания, военного сословия), «Кто из родственников ваших или вашей жены (мужа) лишен избирательных прав и за что?», «Имеете ли родных или близких знакомых за границей, где и чем занимаются, когда и почему выехали из СССР и их адрес», «Партийность: а) какой организацией принят в ВКП(б), б) время вступления, в) № партбилета и/или кандидатской карточки», «Состояли ли раньше в других политических партиях, в какой именно, где, когда и причины выхода», «Состояли ли раньше в ВКП(б), когда и причина

¹ О подобных анкетах, составлявшихся и заполнявшихся советскими школьницами второй половины 1980-х годов, см. подробнее: Девичий альбом XX века / предисл. и публ. В.В. Головина и В.Ф. Лурье // Русский школьный фольклор: от вызываний «Пиковой дамы» до семейных рассказов. М., 1998. С. 296–297.

исключения или выбытия», «Участвовали ли в оппозициях, каких и когда»¹, «Были ли за границей», «Служили ли в войсках и учреждениях белых правительств (белых армий) в каком чине, должности, где и когда; были ли на территории белых, когда, где и сколько времени», «Участвовали ли в революционном движении и подвергались ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции (за что, когда, каким)», «Принимали ли активное участие в Октябрьской революции и гражданской войне, когда, где и чем именно выразилось ваше участие», «Подвергались ли вы партвзысканиям за время пребывания в ВКП(б)», «Результат прохождения партчистки»². Существенно подробнее, чем сегодня, расспрашивали о родственниках: о родителях надо было написать, «владели ли недвижимым имуществом, каким именно, где и когда», «чем занимались до революции (указать конкретно)», «чем занимаются и где находятся (указать точный адрес) в настоящее время»; состоящим в браке, кроме того, требовалось ответить на ряд вопросов о супруге и родителях супруга. В 1960–1970-е годы формуляр личного листка по учету кадров стал проще: скажем, об участии в оппозициях уже не спрашивали. Однако исключительную остроту приобрел вопрос о национальности, шедший в большинстве советских документов под номером 5, откуда его разговорное название — «пятый пункт». В пристальном внимании кадровиков к этому «пункту» сказалась официально замалчиваемая, но широко существовавшая в СССР практика дискриминации представителей определенных национальностей, прежде всего евреев. Можно только догадываться о чувствах тех, кому приходилось заполнять изощренные советские анкеты. Вместе с тем историк может извлечь из анкет не только уточненные биографические данные того или иного конкретного лица, но и информацию об изменениях в политике советского государства.

Протоколы заседаний, постановления и стенографические отчеты

Господствовавшая в СССР идеология диктовала не только классовый подход ко всем сторонам общественной жизни, но и максимально широкое использование совещательного принципа принятия решений. В нашей стране не получили развития идеи рабочего самоуправления, предполагавшие, что трудовые коллективы (напрямую или через выборных представителей) распоряжаются средствами производства и доходами предприятий: в 1918 г. фабрично-заводские комитеты, явочным порядком бравшие на себя эти функции

¹ Вариант формулировки: «Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях».

² Например, заполненный личный листок по учету кадров образца 1938 г.: Муниципальный архив г. Петрозаводска. Раздел I: Заслуженный врач РСФСР К.А. Гуткин (1893–1984 гг.) // Режим доступа: <http://arhiv.ptz.ru/resources/4012-original.jpeg>, <http://arhiv.ptz.ru/resources/4013-original.jpeg>, свободный (дата обращения — 26.08.2013).

после Февральской революции, объединились с профессиональными союзами, которые вмешивались в вопросы администрирования лишь настолько, насколько это было нужно для защиты гарантированного рабочим права на труд. Соответственно, не сложилось и системы коллективного управления производством. В то же время коллегиальный характер имела работа ряда органов государственной власти (советов, вплоть до Верховного и его президиума, исполнительных комитетов, Совета народных комиссаров / министров), а также управленческих структур партии, комсомола и других общественных объединений. В 1917–1932 и 1957–1964 гг. существовали коллективные органы управления производством на региональном, республиканском и всесоюзном уровнях — советы народного хозяйства, а в 1920–1937 гг. действовал, кроме того, Совет труда и обороны, отвечавший за координацию деятельности в оборонной области. Наконец, в наркоматах (министерствах) и ведомствах существовали коллегии и научно-технические советы, на заседаниях которых обсуждались многие вопросы из компетенции соответствующих ведомств. Как следствие, значительный объем управленческих решений принимался совещательным путем. Материальное воплощение коллегиального принятия решений представляют собой три разновидности источников — **протоколы заседаний**¹, **постановления** и **стенографические отчеты**.

Наиболее распространенная из этих разновидностей — **протокол заседания**. Протокол должен следовать строгому формуляру, все элементы которого имеют свое значение. В заголовке документа приводятся название органа, ход заседания которого протоколируется, порядковый номер документа согласно принятой системе нумерации и дата заседания. Затем перечисляются присутствующие² (или указывается их число), отдельно следует назвать председателя (ведущего заседание) и секретаря, ответственного за оформление протокола. Основная часть документа выстраивается согласно так называемой повестке дня (т.е. списку рассматриваемых дел) и включает содержательные блоки двух типов — «Слушали» (где характеризуется предмет

¹ В специальных системах делопроизводства существуют и другие протоколы: например, в судебно-следственной — протокол осмотра места преступления, протокол допроса, протокол обыска, протокол следственного эксперимента и т.п. Однако эти документы оформляют не принятие решений, а сбор информации к таковым. Процесс рассмотрения дела фиксируется протоколом судебного заседания.

² Анализируя списки присутствующих, важно учитывать, что никакой коллегиальный орган не может начать работу, если в зале заседаний нет кворума; более того, для обсуждения некоторых особо значимых вопросов могут быть установлены повышенные требования к числу и составу участников. Однако собрать кворум сложно: кто-то не пришел по личным обстоятельствам, кто-то опаздывает, кого-то срочно вызвали к руководству и т.п. Формально, обнаружив отсутствие кворума, председательствующий обязан распустить собрание, но в современной практике этого зачастую не происходит, поскольку организаторы заседания неофициально договариваются с не явившимися и вносят их в список участников задним числом. Нельзя исключать, что такая же практика существовала и в советское время. Но если это верно, то следует думать, что сведения о составе участников, включаемые в протокол, воплощают скорее пожелания организаторов, чем реальное состояние дел. Впрочем, эти пожелания тоже могут быть предметом изучения, и иной раз даже более интересным, чем реальная динамика явки.

обсуждения¹) и «Постановили» (где излагаются принятые решения)². В конце протокола указывается дата его создания (не обязательно совпадающая с датой проведения заседания), а также ставятся подписи председателя и секретаря. В приложения к протоколу помещаются материалы, подготовленные к заседанию в письменной форме (повестка дня, разосланная до начала заседания, тексты докладов, иллюстративный материал к выступлениям, проекты решений и т.д.). В итоге протокол не всегда дает детализированное представление о ходе заседания, однако всегда формирует впечатление основательной подготовки и легитимности принимаемых решений, обоснование которой и есть основная задача протокола. Если кому-либо надо сообщить информацию только об одном из принятых решений, на основании протокола создается *выписка* из него, заверяемая подписью секретаря.

Из комплекса протоколов, фиксирующих деятельность важнейших советских учреждений, особенно детально изучены протоколы Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны начала 1920-х годов, когда председателем обоих органов был В.И. Ленин; кроме того, опубликованы протоколы заседаний Президиума Высшего совета народного хозяйства РСФСР за 1917–1920 гг. и Президиума Госплана СССР начала 1920-х годов.

Постановление посвящается одному из пунктов повестки дня и состоит, как правило, из двух частей — мотивировочной, в основу которой кладутся материалы обсуждения, и резолютивной, содержащей изложение принятых решений в соответствии с тем, как они были записаны в протоколе. Советская делопроизводственная практика допускала лаконичные мотивировочные части или даже отсутствие таковых. Так, мотивировка постановления СНК СССР от 28 апреля 1933 г. «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории Союза ССР» ограничивается ссылкой на «статью 3 Постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 27 декабря 1932 г. об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов». Но ярким проявлением особого стиля советского делопроизводства стали пространные и цветистые мотивировочные части, наполненные оценочными суждениями:

Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) констатируют, что преподавание истории в школах СССР поставлено не-

¹ В зависимости от степени подробности блока «Слушали» протоколы делятся на две разновидности — краткие и полные. Краткие (или «глухие») протоколы содержат только перечисление пунктов из повестки дня и имена докладчиков по каждому из них. Полные протоколы включают изложения или даже записи прозвучавших выступлений. Образцом кратких протоколов советского времени могут служить протоколы Совета народных комиссаров за первые годы советской власти, образцом полных — протоколы Президиума Госплана СССР.

² Блоки могут располагаться либо последовательно, либо в две колонки: блок «Слушали» слева, соответствующий ему блок «Постановили» — справа.

удовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей — учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами.

Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории.

В соответствии с этим Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) постановляют:

1. Подготовить к июню 1935 года следующие новые учебники по истории...¹

Поскольку постановления высших органов советской власти и ЦК Коммунистической партии широко публиковались, такие развернутые преамбулы играли не столько делопроизводственную, сколько пропагандистскую роль. В некоторых случаях (например, в постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г.) резолютивная часть отсутствует, так что делопроизводственный по происхождению документ утрачивает управленческое содержание и превращается в образец специфической публицистики, позиционируемой как официальная позиция «партии и правительства».

Еще интенсивнее пропагандистская составляющая выражена в *стенографических отчетах* о разнообразных заседаниях, тем более что такие отчеты систематически публиковались как в периодической печати, так и в виде отдельных изданий². В принципе, *стенография* — это особая техника ускоренного письма, позволяющая вести синхронную фиксацию человеческой речи. Когда средства звукозаписи были громоздкими и сложными в использовании, стенографирование было единственным способом дословной записи высту-

¹ О преподавании гражданской истории в школах СССР // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. Отд. 1. 27 мая 1934 г. № 26. Ст. 206.

² См., например: Первый Всесоюзный съезд советских писателей (1934). Стенографич. отчет. [Репринт. изд.]. М., 1990; О положении в биологической науке: стенографич. отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. 31 июля — 7 августа 1948 г. М., 1948; и многие другие.

плений и дискуссий. Значение таких записей могло быть разнообразным. Самим участникам заседания стенографирование позволяло вернуться к ходу обсуждения и переосмыслить выдвинутые аргументы, чтобы полнее использовать сказанное в дальнейшей работе. В свою очередь, вышестоящие инстанции получали возможность проконтролировать организацию дискуссии, в частности убедиться, что председательствующий соблюдал регламент и предоставил слово всем, кто имел право высказаться¹. Наконец, стенографирование заседаний, проходивших на высшем уровне (например, сессий Верховного совета СССР или съездов партии), воплощало статус соответствующих органов: коль скоро партийные съезды позиционировались пропагандой как эпохальные события в жизни страны и «всего прогрессивного человечества», то каждое слово, произнесенное со съездовской трибуны, следовало сохранить для истории, и стенография давала для решения этой задачи подходящий инструмент.

Вместе с тем, анализируя отложившиеся в архивах (а тем более опубликованные) стенографические отчеты, важно помнить, что необработанная расшифровка стенограммы или аудиозаписи сохраняет не только логику и стилистические особенности живого обсуждения, но и неизбежные в устной речи оговорки, незаконченные фразы, слова-паразиты и т.п., и если эти шероховатости не вычистить, то итоговый текст будет крайне трудно читать. Кроме того, необходимо продумать пунктуацию и разделить выступление на абзацы, которые также необходимы в письменном тексте, но по понятным причинам отсутствуют в устном. Как следствие, перед включением в отчет исходная запись проходит как минимум стилистическую правку. Но зачастую осуществляется и правка содержательного характера, призванная уточнить позицию автора, а то и подкорректировать ее, исходя из результатов обсуждения. В итоге текст, вошедший в стенографический отчет, может существенно отличаться от того, что было реально произнесено. При этом в стенографических отчетах наряду с развернутыми текстами всех прозвучавших выступлений приводятся вопросы к докладчикам, ответы на них и даже не предусмотренные протоколом реплики из зала, вплоть до хулиганских выкриков; более того, с помощью специальных ремарок обозначаются невербальные проявления эмоций — аплодисменты, смех, шум, свист и т.п. «Спонтанные» реакции аудитории большинства публичных мероприятий советского времени были, скорее всего, заранее срежиссированы; об этом свидетельствуют и наблюдения участников, и сам характер этих

¹ В частности, именно затем, чтобы проконтролировать соблюдение процедуры при присуждении ученых степеней, в советское время стенографировались все защиты диссертаций. Ряд таких стенограмм сегодня опубликован (Например: Стенограмма заседания Ученого совета Института мировой литературы им. А.М. Горького о защите С.А. Бугославским диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук // *Бугославский С.А. Текстология Древней Руси*. М., 2007. Т. 2. С. 602–629).

реакций¹. В то же время благодаря подобным ремаркам читатель словно бы сам оказывается на описываемом заседании, так что широкая публикация такого рода материалов (параллельно с киносъемкой, радио- и телетрансляцией стенографируемых заседаний) помогала создать ощущение причастности «простого советского человека» к работе важнейших учреждений и организаций, а через это — и чувство участия в судьбах страны. Таким образом, делопроизводственный по происхождению документ подчинялся публицистической по своей сути задаче, превращаясь в инструмент агитации и пропаганды.

Планируя исследования, основанные на делопроизводстве советского периода, необходимо считаться с рядом ограничений. Далеко не все разновидности делопроизводственных документов Новейшего времени в должной степени сохраняются в архивах, что затрудняет формирование репрезентативного корпуса источников. Определенная часть материалов содержит не предназначенные для публикации личные сведения либо данные, составляющие государственную, военную или коммерческую тайну, и поэтому недоступна для исследования. Вместе с тем даже доступные материалы, при всей их специфичности, дают основания для выводов о том, как складывались отношения власти, общества и отдельного человека в едва ли не самый противоречивый период истории нашей страны.

3.3.2

Статистика советского периода

Хотя статистика и представляет собой, среди прочего, инструмент обратной связи в вертикально интегрированных системах, ее развитие никак не связано с развитием управления. Напротив того, многие статистические исследования возникают как общественная или частная инициатива: например, важнейшая разновидность статистических исследований XX в. — вычисление фондовых индексов, представляющих собой обобщенное числовое выражение движения капиталов на бирже, — появилась по инициативе финансовых журналистов², а осуществлялась (и осуществляется сегодня) либо информа-

¹ Так, аплодисменты (варианты: «продолжительные аплодисменты», «бурные аплодисменты», «бурные, продолжительные аплодисменты»), сопровождавшие доклады Л.И. Брежнева на съездах КПСС, как правило, разграничивают тематические блоки выступления, так что в записи соответствующие ремарки оказываются по большей части непосредственно перед красной строкой. «Бурные, продолжительные овации», переходящие в «здравлицы в честь Коммунистической партии Советского Союза, ее ленинского Центрального Комитета, мощные “Ура!”, “Слава КПСС!”, “Да здравствует наша ленинская партия!”, “Да здравствует великий советский народ!”», звучали только в конце многочасового доклада (*Брежнев Л.И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики: доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М., 1976. С. 107*).

² Первый фондовый индекс был предложен в США в середине 80-х годов XIX в. одним из издателей газеты «The Wall Street Journal» Ч. Доу.

ционными агентствами, либо редакциями деловых газет, либо самими биржами (представляющими собой, как правило, коммерческие организации)¹. Потребителями собранных статистикой данных также оказываются не только работники управленческого аппарата разных уровней, но и частные лица — предприниматели, исследователи, активисты политических партий и общественных организаций. С этой точки зрения объединение информации о советской статистике в один параграф со сведениями о делопроизводственных документах может показаться искусственным.

Системообразующей чертой советского социума было почти полное отсутствие общественной активности в традиционном понимании этого слова. Легальные «общественные» организации работали в тесном взаимодействии с государственными учреждениями и фактически представляли собой органы управления, а частное предпринимательство за редчайшими исключениями считалось противозаконным. Независимая исследовательская деятельность вне научных институтов, функционировавших в системе академии наук или отраслевых министерств, также была практически невозможна. Как следствие, единственными «производителями» и «потребителями» статистики оказывались либо собственно государственные чиновники, либо люди, состоящие на службе в аффилированных государству структурах. Статистики вне государственного управления в СССР не существовало: она формировалась исключительно для целей управления страной, а значит, и рассматривать ее естественнее в ряду других аналогичных по функциям инструментов.

Положение статистики в обществе и отношение к ней со стороны властей предрержащих были разными на разных этапах истории советского государства, соответственно менялось и содержание создаваемых материалов.

1920-е годы характеризовались относительно благоприятной обстановкой для развития статистических исследований. На основании декрета СНК «Положение о государственной статистике» от 25 июля 1918 г. было сформировано Центральное статистическое управление РСФСР, в ведение которого поступили все сохранившиеся наработки дореволюционного Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Многие видные дореволюционные экономисты и статистики (В.Е. Варзар, В.Г. Громан, Б.Л. Кафенгауз и др.) были приняты на работу в органы управления промышленностью, в частности в Центральный отдел статистики Высшего совета народного хозяйства. Опираясь на систему ведомственных органов статистики

¹ Так, американские индексы Доу-Джонса (в том числе самый знаменитый — Industrial Average) вычисляются и публикуются компанией S&P Dow Jones Indices, совместным дочерним предприятием медиахолдинга McGraw-Hill, группы бирж CME Group и информационного агентства Dow Jones & Company, которое, в свою очередь, принадлежит медиахолдингу News Corp. Японский индекс Nikkei 225 рассчитывается газетой «Nihon Keizai Shimbun», а немецкий DAX — финансовой компанией Deutsche Börse AG, управляющей, среди прочего, Франкфуртской фондовой биржей.

и местных статистических организаций, ЦСУ проводило масштабные единовременные обследования (Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г., переписи промышленности 1920 и 1923 гг., гнездовая сельскохозяйственная перепись 1919 г. и сплошная 1920 г., две всеобщих переписи населения — 1920 и 1926 гг., городская перепись 1923 г.), а также налаживало сбор текущей статистики, в частности текущей промышленной статистики, основывавшейся на регулярных самообследованиях предприятий по специальным бланкам. Получили дальнейшее развитие достижения дореволюционной статистики в области изучения крестьянства, в частности практика выборочных обследований крестьянских хозяйств и изучения крестьянских бюджетов; в разработку соответствующей проблематики внес значительный вклад известный экономист А.В. Чаянов (1888–1937). Было освоено сравнительно новое для российской статистики предметное поле — статистика правонарушений и девиантного поведения («моральная статистика»), организатором которой выступал известный с дореволюционных времен юрист и криминолог М.Н. Гернет (1874–1953). Результаты исследований широко публиковались отдельными изданиями в виде тематических ежегодников («Сельское хозяйство СССР в <...> году», «Промышленность в СССР», «Труд в СССР»), а до 1927 г. и в томах продолжающегося издания «Труды ЦСУ». Специалисты подчеркивают, что переписи и обследования 1918–1920 гг. проводились в тяжелых условиях Гражданской войны и разрухи и охватывали только те регионы, в которых уже утвердилась новая власть. Это негативно сказалось на репрезентативности данных и осложнило подготовку итоговых материалов. В свою очередь, со второй половины 1920-х годов обозначилась тенденция к подчинению статистики задачам разработки государственного плана и наблюдения за его выполнением. В результате тематика статистических обследований была ограничена прикладными вопросами управления промышленностью и сельским хозяйством. Вместе с тем советская статистика пока еще сохраняла научную основу.

Радикальные изменения наступили в начале **1930-х годов**. И.В. Сталин и его окружение не испытывали потребности в статистике как инструменте оценки принимаемых ими управленческих решений. Более того, проведение статистических обследований в их классической форме стало опасным, ибо результаты такой работы могли опровергнуть старательно создаваемую пропагандой картину процветающей страны под мудрым руководством вождя. Многие ученые-статистики стали жертвами политических репрессий.

В 1930 г. было упразднено ЦСУ СССР, а вся статистическая работа возложена на экономико-статистический сектор Госплана. В 1931 г. сектор был повышен в статусе до Центрального управления народно-хозяйственного учета при Госплане СССР, которому подчинялась сеть республиканских и областных управлений. Однако уже название нового учреждения указывало на второстепенность статистической работы по сравнению с деятельностью по созданию

форм отчетности и обобщению ее результатов¹. ЦУНХУ продолжило практику широкой публикации цифровых показателей социально-экономического развития страны. В частности, увидели свет статистический справочник «Народное хозяйство СССР» (1932), несколько томов ежегодника «Социалистическое строительство СССР» (1934, 1935, 1936), а также ряд других изданий. Указанные издания отличаются выстроенностью и стабильностью структуры и в то же время обращают на себя внимание специфическим подбором данных². Наконец, с середины 1930-х годов складывается новая форма «статистических» публикаций, в которых отдельные обобщенные цифры подаются как иллюстрации к актуальным пропагандистским лозунгам. Такие издания выходили под грифом ЦУНХУ, но по сути представляли собой не результат научной обработки статистических данных, а соответствующим образом препарированные материалы для агитационной работы. Относительно адекватные показатели социально-экономического развития страны если и собирались, то оставались достоянием высшего руководства.

Ярким проявлением нового статуса статистики стала судьба результатов (и организаторов) Всесоюзной переписи населения 1937 г. К моменту начала переписи были неоднократно опубликованы оценки, согласно которым численность населения СССР должна была составить 170–172 млн человек; в речах И.В. Сталина соответствующие цифры использовались как данность. Между тем в ходе переписи было учтено только 162 млн человек, т.е. на 8–10 млн меньше, чем ожидалось. Официально признать ошибочность прогноза было нельзя, тем более что расхождение предсказанных и эмпирических цифр косвенно свидетельствовало о потерях, которые страна понесла в ходе коллективизации сельского хозяйства и массовых репрессий. Как следствие, материалы переписи 1937 г. были объявлены «дефектными», специалисты, ответственные за ее подготовку (вплоть до начальника ЦУНХУ И.А. Краваля), признаны «троцкистско-бухаринскими агентами», арестованы и расстреляны, а в январе 1939 г. прошла новая перепись, по итогам которой население страны составило 170 млн человек, что уже соответствовало цифрам, заявленным с высоких трибун. Понятно, что в итоге процесс сбора и анализа информации о численности населения СССР был существенным

¹ Название «Центральное статистическое управление» было восстановлено в 1941 г.

² Так, важнейший показатель эффективности сельского хозяйства — урожайность, т.е. количество растениеводческой продукции, получаемой с единицы площади. Но в агрономии понятие «урожайность» неоднозначно, в частности различаются биологическая урожайность («урожайность на корню»), т.е. количество выращенной продукции, и амбарная урожайность («амбарный вес»), т.е. количество продукции, оприходованной по завершении уборочной кампании. В принципе, оценка работы сельхозпредприятия должна опираться на оба показателя, так как масштаб расхождений между биологической и амбарной урожайностью позволяет определить, насколько хорошо в данном хозяйстве налажены сбор урожая и доставка собранного в закрома. Однако исследователи давно заметили, что с 1932 по 1953 г. в СССР публиковались только сведения об урожайности на корню. Очевидно, такая практика должна была замаскировать неудовлетворительную работу колхозной системы.

образом нарушен. Однако сохранить в неизблемости тезис о преимуществах социалистического строя было для власти важнее, чем получить точные сведения о численности и распределении народонаселения.

Очередной перелом в отношении руководства страны к статистике наступил в **середине — второй половине 1950-х годов**. Период с середины 1950-х до конца 1980-х годов характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями.

С одной стороны, статистике постепенно возвращался статус самоценного вида деятельности, не связанного ни с учетом затраченных ресурсов и произведенной продукции, ни с задачами агитации и пропаганды. Еще в 1948 г. ЦСУ СССР было выведено из подчинения Госплану и восстановлено в правах самостоятельного ведомства, а с начала 1960-х годов начальник управления входил в состав Совета министров. Прошли четыре всесоюзных переписи населения (в 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.), итоги которых были относительно полно опубликованы¹. Совершенствовались методы сбора текущей промышленной и сельскохозяйственной статистики, а также состав анализируемых в ней показателей. С 1960-х годов к анализу статистических данных стали привлекаться электронно-вычислительные машины, в частности с 1963 г. действовал Главный вычислительный центр ЦСУ. При участии ЦСУ разрабатывались проекты (впрочем, так никогда и не осуществленные) создания Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС), которая должна была представлять собой всесоюзного масштаба компьютерную сеть для сбора сведений о состоянии экономики и выработки управленческих решений. Статистические данные по-прежнему активно использовались в пропагандистских целях. С 1956 г. был налажен выпуск системы статистических сборников, в которую входили обобщающее ежегодное издание «Народное хозяйство СССР в <...> году» и отраслевые сборники, посвященные промышленности, транспорту, сельскому хозяйству, внешней торговле и т.д. Структура этих изданий отсылала к структуре сборников «Социалистическое строительство СССР», выходивших в первой половине 1930-х годов, т.е. еще до радикального сокращения объема публикуемых статистических данных. Аналогичные издания выходили на уровне союзных республик. Все перечисленное свидетельствовало о заинтересованности государства в сборе точной информации о состоянии страны.

Однако при публикации результатов статистических исследований сохранялась практика манипуляции показателями. Скажем, объемы производства промышленной продукции было принято описывать не в натуральных измерителях (штуках, погонных метрах и т.п.), а в стоимостном выражении. Такая практика упрощала получение средних цифр по отрасли и экономике

¹ Результаты последней — в 1992–1993 гг. и в полном объеме только для территории Российской Федерации.

в целом и в то же время приводила к завышению темпов роста промышленности, поскольку итоговые показатели могли увеличиваться не только из-за интенсификации производства, но и из-за повышения стоимости продукции¹. Значительный объем данных оставался закрытым, а некоторые важные и давно принятые мировой экономической наукой статистические показатели (валовой внутренний продукт) вообще не рассчитывались до конца 1980-х годов. Компромиссом между нежеланием власти предавать огласке неудобные с идеологической точки зрения цифры и необходимостью опираться на достоверные сведения при выработке социально-экономической политики стала практика публикации статистических исследований с грифом «Для служебного пользования». Такие материалы рассылались по спискам руководителям ведомств и профильных научно-исследовательских институтов и содержали существенно более подробную картину жизни в стране, чем опубликованные статистические ежегодники.

В целом состояние дел в статистике соответствовало уровню развития экономической науки и общественной мысли: данные собирались качественно и полно в той мере, в какой власть была готова их воспринимать, те же процессы, к осознанию которых правительство было не готово, оставались за рамками статистических исследований.

3.4

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ, ПУБЛИЦИСТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Периодическая печать, публицистика и художественная литература выполняют в обществе разные функции. Если *периодические издания* и *публицистические сочинения* служат структурированию социального пространства, то *художественная литература* в обычном случае — занятие сугубо частное, как по происхождению, так и по преследуемым целям. И.А. Бродский писал об этом следующее:

Будучи наиболее древней — и наиболее буквальной — формой частного предпринимательства, оно [искусство. — Д. Д.] вольно или невольно по-

¹ Во второй половине 1980-х годов невысокая достоверность многих из принятых в советской статистике показателей стала предметом совместной статьи журналиста В.И. Селюнина и экономиста Г.И. Ханина (*Селюнин В.И., Ханин Г.И. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 181–201; см. также ответ авторов на возражения оппонентов: Их же. Статистика знает все? // Новый мир. 1987. № 12. С. 255–257.*). Появление этой публикации стало одним из важных интеллектуальных событий эпохи перестройки.

ощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности — превращая его из общественного животного в личность. Многие можно разделить: хлеб, ложе, убеждения, возлюбленную — но не стихотворение, скажем, Райнера Марии Рильке. Произведения искусства, литература в особенности и стихотворение в частности обращаются к человеку тет-а-тет, вступая с ним в прямые, без посредников, отношения¹.

Объединение характеристик периодики, публицистики и художественной литературы советского времени в одном разделе учебного пособия с идеально-типической точки зрения может показаться противоестественным. Вместе с тем специфика исторической ситуации, сложившейся в России XX в., такова, что подобное объединение становится не только оправданным, но и единственно возможным.

Еще в XIX в. в российской культуре сформировалась интеллектуальная традиция, носители которой рассматривали писательство исключительно как форму общественного служения, отрицая самостоятельное (эстетическое) содержание литературного труда. «Литература, — писал, в частности, Н.А. Добролюбов, — представляет собою силу служебную, которой значение состоит в пропаганде, а достоинство определяется тем, что и как она пропагандирует»². Естественно, такого рода утилитаризм не был единственным направлением отечественной литературной критики³, однако он был весьма популярен в определенных кругах общества, причем как раз в тех, откуда вышли люди, осуществившие и Февральскую революцию 1917 г., и тем более последующий октябрьский переворот. В итоге социальная значимость стала основным критерием оценки литературного творчества властью, а поскольку власть претендовала на всеобъемлющий контроль над всеми сторонами общественной жизни, то этот критерий качества был навязан и литераторам. Грань между эстетикой и пропагандой оказалась полностью стертой, а попытки писать без оглядки на социально-политический контекст (что было весьма характерно для того же И.А. Бродского) сами по себе превращались в особого рода политический жест. Рассматривать художественную литературу как что-то отдельное от публицистики в такой ситуации нелогично.

Убежденность в наличии у всякого творчества политического содержания обусловила то, что почти сразу же по приходе к власти большевики озаботились установлением максимально плотного государственного контроля над представителями творческих профессий. Для решения этой задачи было создано несколько управленческих инструментов, как сугубо репрессивных,

¹ Бродский И.А. Нобелевская лекция // Бродский И.А. Избранные стихотворения: 1957–1992. М., 1994. С. 465–466.

² Добролюбов Н.А. Луч света в темном царстве // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 308.

³ См., например, критику взглядов Н.А. Добролюбова: Достоевский Ф.М. Г-н -бов и вопрос об искусстве // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 70–103.

так и призванных поощрять за лояльность. Знание этих инструментов и механизмов их действия необходимо для адекватного понимания как журналистики, так и художественной литературы советской эпохи.

3.4.1

Инструменты управления творческой интеллигенцией в СССР

Возникновение и принципы работы советской цензуры

Первым инструментом управления советской творческой интеллигенцией была цензура. Большевистская идеология не требовала обязательной национализации печати, напротив — представителям рабочего класса и «трудового крестьянства» следовало обеспечить максимально широкий доступ к печатному станку. Частные и кооперативные издательства действовали по меньшей мере до конца нэпа, а в дальнейшем допускалась и даже поощрялась издательская деятельность общественных организаций, например Союза писателей СССР. В то же время следовало оградить массы от воздействия «враждебных» и «реакционных» взглядов. Выполнять эту охранительную функцию должна была советская цензура.

История цензуры в Стране Советов началась в первые же часы после переворота 25 октября 1917 г. Во все издательства и типографии Петрограда были назначены комиссары, подчинявшиеся общегородскому комиссару по делам печати. Типографским рабочим (считавшимся априори более сознательными, чем журналисты и владельцы издательств) «предлагалось» не выполнять никаких работ без указания своего комиссара. Издания, от коллективов которых следовало ожидать наиболее упорного сопротивления новым порядкам (а это были большинство авторитетных центральных газет, в частности «День», «Речь», «Биржевые ведомости», «Новое время» и др.), были закрыты, их типографии оцеплены революционными солдатами, а запасы бумаги описаны и арестованы на складах. Так, явочным порядком, сформировалась первая форма цензуры, осуществлявшейся комиссарами на местах.

27 октября (9 ноября) 1917 г. Совет народных комиссаров (СНК) издал Декрет о печати, состоявший из двух частей — обширной преамбулы, где говорилось о необходимости «пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса»¹, и краткой резолютивной части в трех пунктах, объединенных заголовком «Общие положения о печати»:

1. Закрытие подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому Правительству, 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов,

¹ Декреты Советской власти... Т. 1. С. 24. Зеленый цвет упомянут, очевидно, потому, что он использовался в символике Конституционно-демократической партии; органом партии была закрытая одной из первых газета «Речь».

3) призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно-наказуемого характера.

2. Запрещения органов прессы, временные или постоянные, проводятся лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров.

3. Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни¹.

Эти слова не только подтверждали уже принятые решения о закрытии газет, но и давали понять, что в дальнейшем практика закрытий будет продолжена. По мере укрепления советской власти комиссары по делам печати назначались во всех контролируемых большевиками городах.

Несколько раз повторенные в Декрете о печати слова о временном характере вводимых мер внушали надежду на скорое прекращение административного нажима на журналистов и издателей. На заседании ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г. большевик и известный публицист Ю. Ларин (М.З. Лурье) предложил обсудить отмену Декрета о печати как исчерпавшего свои задачи и явно неуместного в связи с приближающимися выборами в Учредительное собрание. Предложение было поддержано лидерами левых эсеров, включая двух будущих наркомов А.Л. Колегаева и В.А. Карелина. Однако позиция В.И. Ленина и его окружения оставалась жесткой. В утвержденном варианте резолюции говорилось:

Закрытие буржуазных газет вызывалось не только чисто боевыми потребностями в период восстания и подавления контрреволюционных попыток, но и являлось необходимой переходной мерой для установления нового режима в области печати, такого режима, при котором капиталисты-собственники типографий и бумаги не могли бы становиться самодержавными фабрикантами общественного мнения.

Дальнейшей мерой должна быть конфискация частных типографий и запасов бумаги, передача их в собственность Советской власти в центре и на местах с тем, чтобы партии и группы могли пользоваться техническими средствами печатания сообразно своей действительной идейной силе, т.е. пропорционально числу своих сторонников².

Иными словами, указание на временный характер декрета от 27 октября было перетолковано в том смысле, что грядущий постоянный закон не просто не смягчит, но и ужесточит уже введенные ограничения.

Дополнительной формой подавления неугодной издательской деятельности стала государственная монополия на публикацию частных объявлений, установленная специальным декретом в конце ноября 1917 г.³ Согласно этому декрету, правом печатать частные объявления наделялись «только

¹ Декреты Советской власти... Т. 1. С. 25.

² Там же. С. 43.

³ Точная дата принятия документа неизвестна.

издания Временного рабочего и крестьянского правительства в Петрограде и издания местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Прочие периодические издания в случае публикации ими объявлений или иных форм коммерческой рекламы подлежали немедленному закрытию. Предполагалось, что данная мера лишит «буржуазные» газеты и журналы источников финансирования. Однако наладить выполнение декрета о государственной монополии на объявления долгое время не удавалось, так что реальный эффект от этой меры был незначителен.

Несогласованность и непоследовательность были вообще характерной чертой политики первых месяцев советской власти в области печати. Местные комиссариаты и отделы по делам печати действовали в значительной степени автономно, а сформировавшие их советы издавали собственные декреты, распоряжения и постановления о печати, зачастую входившие в противоречие с Декретом о печати, выпущенным СНК. Многие комиссары обнаруживали склонность к самодурству и запрещали те или иные издания исключительно по своей прихоти, чем дополнительно усложняли осуществление единой политики. Общество, со своей стороны, восприняло меры по ограничению свободы печати крайне болезненно. В кампанию протеста включились носители самых разнообразных взглядов — от поэтов-символистов (Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Ф.К. Сологуб) до старых народовольцев и левых писателей (В.И. Засулич, В.Г. Короленко, М. Горький), а солдаты Преображенского и Семеновского полков даже заявляли о готовности защищать созданную ими газету «Серая шинель» с оружием в руках¹. Появлялись однодневные газеты «в защиту свободы слова»: «Газета-протест», изданная в Петрограде Союзом русских писателей 26 ноября 1917 г., «Слову — свобода!», выпущенная Клубом московских писателей в декабре того же года, и др.² Некоторые издания выходили с пустыми полосами, что должно было символизировать невозможность распространения информации в условиях большевистской цензуры. Наконец, возникла практика возобновления закрытых комиссарами газет под видоизмененными названиями. Так, упомянутая выше газета партии кадетов «Речь» возродилась под названием «Наша речь», а издатели петроградской газеты «Голос солдата» воспользовались этим приемом восемь раз («Солдатский голос», «Искры», «Солдатский крик», «Мира, хлеба и свободы», «За свободу», «За свободу народа», «Революционный набат», «Набат революции»)³. Но, несмотря на все сложности и сопротивление, курс новых властей на ликвидацию небольшевистской печати оставался неизменным. Только за два последних месяца 1917 г. было закрыто более 100 газет и журналов.

¹ Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 42.

² Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв.: учеб. пособие. М., 2001. С. 227.

³ Там же. С. 229.

Попыткой систематизировать политику в области периодики и книгоиздания стали революционные трибуналы печати, учрежденные декретом СНК от 28 января 1918 г. В задачи трибуналов и сформированных при них следственных комиссий входило пресечение «преступлений и проступков против народа, совершаемых путем использования печати»¹. Заседания трибуналов проходили открыто, процесс имел состязательный характер, а спектр назначаемых наказаний был расширен и допускал как жесткие меры (денежный штраф, приостановку или закрытие издания, конфискацию имущества редакции, высылку издателя), так и более мягкое воздействие в форме общественного порицания (с публикацией сведений о таковом за счет обвиняемого) или обязательной публикации опровержений. Открытость работы трибуналов должна была расширить социальную базу принимаемых решений. Но уже весной 1918 г. работа трибуналов была свернута и власти вернулись к прежней практике административного закрытия неудобных изданий с конфискацией типографского оборудования и запасов бумаги. Действительно новый этап в развитии советской печати наступил с принятием 21 мая 1919 г. Положения о Государственном издательстве РСФСР.

Госиздат был основан декретом от 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.), подписанным наркомом А.В. Луначарским и утвержденным на заседании ВЦИК. В задачи нового органа входили подготовка «дешевых народных изданий русских классиков» (причем сразу в двух вариантах — «полном научном» для специалистов и «сокращенном» для массового читателя), подготовка и издание «исправленных» в соответствии с требованиями времени учебников, а также субсидирование общественных и частных издательских проектов, если таковые будут сочтены «общепользовными». Положение 1919 г. сохранило эти издательские функции, но дополнило их функцией контроля над всей издательской деятельностью на территории страны. Госиздат выпускал инструкции и предписания, обязательные для всех издательств, включая кооперативные и частные, руководил (с 29 июля 1919 г.) деятельностью отделов по печати местных советов, а кроме того — распределял запасы бумаги, производство и продажа которой были полностью сосредоточены в руках государства. Последняя функция была особенно значимой, ибо создавала ситуацию, при которой издатели были сами заинтересованы в скрупулезном выполнении распоряжений Госиздата. Более того, обойти запрет Госиздата стало физически невозможно, что сделало эту структуру безраздельным хозяином положения в области периодической печати и книгоиздания.

Параллельно с развитием политической цензуры складывалась система охраны государственной и военной тайны. Военная цензура печати была учреждена 21 июня 1918 г. и осуществлялась на тот момент структурами Народного комиссариата по военным и морским делам. В развитие Положения

¹ Декреты Советской власти... Т. 1. С. 432.

о военной цензуре были разработаны «Инструкция военным цензорам» и «Перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру». Существенными проблемами военной цензуры первых лет советской власти были нехватка кадров и их низкая квалификация, вынуждавшие ограничивать круг контролируемых изданий. При этом цензоры пытались не только ограничивать распространение секретных сведений, но и вмешиваться в редакционную политику. Такое поведение создавало конфликтные ситуации и вынуждало руководство военного ведомства выступать с разъяснениями относительно функций военной цензуры¹.

Работа Госиздата в качестве цензурного ведомства оказалась также не слишком успешной. Руководствуясь предельно упрощенным пониманием марксизма, Госиздат запрещал не только публикации религиозной или идеалистической направленности, но и переиздания трудов народников и революционеров-демократов; под запрет (как «несвоевременные») попали, в частности, сочинения М.А. Бакунина, Н.К. Михайловского и П.А. Кропоткина². Отдельную проблему составляло дублирование цензурных функций Госиздата военной цензурой, которой, согласно распоряжению РСФСР от 10 августа 1920 г., следовало предоставлять на предварительный просмотр «весь предполагаемый к опубликованию печатный материал (за исключением бланков, торговых книг и т.п.)»³. Наконец, запутанная цензурная политика усугублялась плохой работой Госиздата как издательства, что вызывало протесты со стороны писателей, включая М. Горького. Поиск более эффективных форм проведения государственной политики в области издательского дела заставил власти выработать новый порядок осуществления цензурных функций. 6 июня 1922 г. было сформировано Главное управление по делам литературы и издательств Народного комиссариата просвещения РСФСР, сокращенно — Главлит. Создание Главлита стало третьим и последним этапом организационной эволюции советской цензуры. В последующие десятилетия Главлит неоднократно переименовывался и переподчинялся (так, при образовании Союза ССР были созданы отдельные цензурные ведомства для всех союзных республик, кроме Российской Федерации, оставшейся в ведении общесоюзного Главлита; с 1933 г. Главлит был наделен статусом самостоятельного ведомства при Совете народных комиссаров), однако в целом принципы его функционирования оставались неизменными вплоть до ликвидации цензуры в 1991 г. На местах функционировали республиканские, областные и краевые управления по делам литературы и издательств, которым, в свою очередь, подчинялись районные уполномоченные, контролировавшие работу отдельных издательств. Структуры Главлита утверждали планы выпуска издательской

¹ О становлении советской военной цензуры см. подробнее: *Жирков Г.В.* История цензуры... С. 235–236.

² См. подробнее: *Жирков Г.В.* История цензуры... С. 241.

³ Там же. С. 236.

продукции, разрешали и запрещали выход периодических изданий, отслеживали деятельность типографий и комплектование библиотек, а также контролировали ввоз литературы на иностранных языках. Опубликовать что-либо типографским способом без ведома Главлита было невозможно.

Поступавший на цензуру (в советском речевом обиходе — «на литование») материал проходил проверку по двум параметрам. С одной стороны, цензоры следили, чтобы в тексте и на иллюстрациях к нему не происходило разглашения государственной тайны. В этом чиновникам помогали «Перечни сведений, составляющих военную и государственную тайну», регулярно перерабатывавшиеся с учетом технического прогресса и политической обстановки. С другой стороны, надлежало не допускать к печати ничего «идеологически вредного», и здесь цензору предлагалось опираться как на буквы директивных документов¹, так и на свою собственную «партийную совесть». Обобщив наблюдения, проверяющий мог поставить визу, разрешающую печать, мог внести изменения, иногда весьма масштабные, а мог в принципе запретить публикацию; в первые годы существования Главлита его чиновники работали с писателями напрямую, в дальнейшем сложилась практика, при которой решение цензора доводилось до сведения редакции, а той уже предстояло работать с автором. Некоторые издания, выпускавшиеся партийными органами, государственными учреждениями и структурами академии наук, освобождались от идеологической цензуры, но все равно подлежали проверке на предмет разглашения секретов. Характерной чертой советской цензуры было расширительное использование понятия «государственная тайна»: засекречиванию подлежали не только сведения, значимые для обороноспособности страны, такие как, например, расположение воинских частей, детали атомного проекта и направления военного использования космоса, но и данные, которые могли быть «ошибочно истолкованы». Скажем, под запретом могла оказаться информация об авариях на транспорте, числе самоубийств, количестве психически больных, частоте разводов, ареалах распространения насекомых-вредителей и даже о самом факте существования цензуры. «Партийная совесть» и «революционная бдительность» цензоров проявляли себя иной раз также весьма причудливым образом. В частности, у ленинградского Гублита возникли возражения против «Мухи-Цокотухи» К.И. Чуковского:

В Гублите мне сказали, что муха есть переодетая принцесса, а комар — переодетый принц!! Надеюсь, это было сказано в шутку, так как никаких оснований для подобного подозрения нет. Этак можно сказать, что «Крокодил» — переодетый Чемберлен, а «Мойдодыр» — переодетый Милюков. Кроме того, мне сказали, что Муха на картинке стоит слишком близко к комарику и улыбается слишком кокетливо! Может быть, это и так (рисунки

¹ С 1932 г. центральный аппарат Главлита регулярно рассылал на места ведомственный бюллетень, в котором обобщалась текущая цензурная практика и давались руководящие указания на будущее.

вообще препротивные!), но, к счастью, трехлетним детям кокетливые улыбки не опасны.

Возражают против слова «свадьба». Это возражение серьезнее. Но уверяю Вас, что Муха венчалась в Загсе. Ведь и при гражданском браке бывает свадьба. А что такое свадьба для ребенка? Это пряники, музыка, танцы. Никакому ребенку фривольных мыслей свадьба не внушает.

«Где гарантия, — возмущался детский писатель, — что в следующий раз тот же Гублит не решит, что клоп — переодетый Распутин, а пчела — переодетая Вырубова?»¹

Цензорским эксцессам способствовал низкий культурный уровень сотрудников Главлита, при подборе которых основное значение имело не образование, а рекомендации партийных органов. Опытные авторы и редакторы, со своей стороны, вырабатывали чутье на будущие придирки, сознательно обходя политически неоднозначные сюжеты, а те, кому такая самоцензура претила, прекращали всякое взаимодействие с официальными издательскими структурами Советского Союза, пополняя своими сочинениями пласт неофициальной литературы и публицистики, распространявшейся в копиях, изготовленных на печатной машинке (*самиздат*).

Итогом продолжительного цензурного вмешательства в журналистику и литературу стало выхолащивание их содержания. Официальная печать и подцензурная литература Советского Союза реагировали на общественно значимые события, может, и «взвешеннее», но существенно медленнее и осторожнее, чем это делали журналисты и писатели на Западе. Многие болевые точки в жизни страны оставались не замеченными вплоть до последних лет существования СССР.

Формирование новой творческой интеллигенции

Цензура была инструментом подавления. Однако советская власть не ограничивалась сугубо репрессивными мерами по отношению к творческой интеллигенции. Напротив, наряду с системой подавления действовала разветвленная система привлечения новых кадров и поощрения «прогрессивных» авторов за лояльность.

В области журналистики основным инструментом привлечения новых кадров было движение рабочих и сельских корреспондентов, сокращенно — рабселькоров. Рабселькорами назывались рядовые рабочие и крестьяне, которые в порядке собственной инициативы, на безвозмездной основе принимали на себя обязанность сообщать в те или иные периодические издания о событиях и проблемах в жизни своего города, села, завода, колхоза и т.п. Этот феномен зародился еще до революции, когда партийная (в том числе большевистская) пресса широко использовала в своей работе сообщения с мест, под которые

¹ Чуковский К. Дневник: 1901–1929 / подготовка текста и комментарии Е.Ц. Чуковской. М., 1991. С. 345.

отводились специальные рубрики («письма с фабрик и заводов»). Практика была высоко оценена В.И. Лениным и сохранилась после прихода большевиков к власти. Центральные и местные газеты неоднократно получали указания расширять рабселькоровское движение, развитие которого пользовалось вниманием первых лиц государства¹. Для руководства деятельностью рабочих и сельских корреспондентов систематически организовывались их совещания и слеты — всесоюзные (в 1923, 1924, 1926, 1928, 1931 гг.) и местные. Издавались специальные журналы, посвященные развитию рабселькоровского движения, — «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Селькор», «Красная печать».

Пережив бурный рост в 1920-е годы, рабселькоровское движение пришло в упадок в 1930-е, что очевидным образом было связано с изменением политической обстановки в стране. Критическая составляющая, характерная для материалов рабселькоров в 1920-е годы, уже не пользовалась таким благоволением руководства страны, как раньше, а новые функции рабселькоров как «организаторов масс для дела социалистического строительства, выполнения производственных планов и развернутого наступления на классовых врагов»² требовали иного личностного склада. Вошла в практику публикация статей, подписанных именами местных ответственных работников — руководителей фабрик и отдельных цехов, председателей колхозов и т.п.

Попытка оживить институт рабселькоров была предпринята во второй половине 1950-х годов. ЦК КПСС принимал постановления «Об улучшении руководства массовым движением рабочих и сельских корреспондентов советской печати» (1958), «О дальнейшем развитии общественных начал в советской печати и радио» (1960), «О повышении роли районных газет в коммунистическом воспитании трудящихся» (1968) и т.д. В местных газетах для рабселькоровских заметок отводились порой целые полосы. До известной степени активность рабселькоров заменяла слабо развитую в советской административной системе обратную связь между населением и властью. Однако официозная и идеологическая составляющая журналистики все равно превалировала над непосредственными наблюдениями с мест, снижая авторитет рабочих и сельских корреспондентов.

Более сложной была история взаимоотношений власти и сообщества литераторов. В советском литературоведении полагалось связывать мысль о создании «партийной литературы» со статьей В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», опубликованной в ноябре 1905 г. в газете «Новая жизнь». Лидер большевиков действительно сформулировал взаимоотношения партии и писателей с исчерпывающей точностью:

¹ См., например: *Троцкий Л.Д.* Очередные задачи рабкоров: речь на всесоюзном совещании рабкоров «Рабочей газеты» 13 января 1926 г. // *Троцкий Л.Д.* Соч. М.; Л., 1927. Т. 21. С. 397–405.

² О перестройке рабселькоровского движения: постановление ЦК ВКП(б) от 16 апреля 1931 г. // *Справочник партийного работника.* М., 1934. Вып. 8. С. 367.

Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полуобломовского, полуторгашеского русского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает¹.

Однако практической работой по созданию партийной литературы занимались не только большевики, но и другие революционные партии. Так, в 1912 г. по инициативе одного из лидеров партии эсеров В.М. Чернова был создан журнал «Заветы», в котором печатались М. Горький, И.А. Бунин, Л.Н. Андреев, А.А. Блок, Е.И. Замятин, А.М. Ремизов и другие крупные литераторы того времени. Сотрудничество фигур такого масштаба превращало эсеровское издание в заметное явление на литературной карте страны. В то же время В.М. Чернов называл «Заветы» «идеологическим журналом» и рассматривал его как один из инструментов обновления «партийного мирозерцания» и средство воспитания «молодых побегов от старых корней эсеровства»². Иными словами, идея о политическом содержании литературного творчества была вообще характерной для революционных партий начала XX в.

Первой организационной формой большевистского партийного искусства стал *Пролеткульт*, представлявший собой сеть «пролетарских культурно-просветительных организаций». История Пролеткульта началась еще в сентябре 1917 г., когда по инициативе профсоюзов была созвана Первая конференция пролетарских культурно-просветительских организаций. Неудивительно, что уже к 1919 г. по всей стране действовало около 100 местных пролеткультов, в работе которых участвовало порядка 70–80 тыс. человек. Идеологическую основу этой деятельности составляло разработанное Г.В. Плехановым и А.А. Богдановым представление о классовой природе всякой культуры, а целью, соответственно, была «выработка самостоятельной духовной культуры» рабочего класса путем «организации коллективного опыта» трудящихся. Средствами для достижения этой цели стали театры, клубы, изобразительные и поэтические студии, а также литературные журналы («Пролетарская культура», «Грядущее», «Горн», «Гудки» и др.), которые должны были дать площадку для свободного творчества пролетарских масс. Пользуясь этими новыми возможностями, массы, как считалось, породят новое по форме и содержанию искусство. Исследователи часто характеризуют эстетическую позицию организаторов Пролеткульта как огульное отвержение всей предшествующей культуры. В значительной степени подобные оценки опираются на то, как писали о себе

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 101–102.

² Чернов В.М. Перед бурей: [воспоминания]. М., 1993. С. 280.

сами лидеры пролеткультовского движения. В частности, в стихотворении «пролетарского поэта» В.Т. Кириллова «Мы» (1918) есть такие строки:

Мы во власти мятежного, страстного хмеля,
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»;
Во имя нашего Завтра — сождем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Однако такое самопозиционирование было связано не столько с «варварством» и недостатком образования, сколько с представлением о несоответствии прежней культуры изменившимся социальным условиям (как написано в следующей строфе того же стихотворения В.Т. Кириллова: «Девушки в светлом царстве Грядущего / Будут прекрасней Милосской Венеры...»). Эстетическая программа Пролеткульта представляет собой радикализированную версию футуризма, представители которого также говорили об устаревании прежнего художественного языка в новой исторической обстановке.

Важным элементом идеологии Пролеткульта было представление о независимости рабочей культуры от каких-либо внешних воздействий, включая воздействие со стороны государства. Новое должно было органически вырастать «снизу» и не нуждалось в руководстве каких-либо официальных структур, включая Народный комиссариат просвещения. Требования автономии вызывали неприятие у руководства страны, видевшего в Пролеткульте прежде всего орудие «классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры» и считавшего недопустимой тенденцию пролеткультовцев «замыкаться в свои обособленные организации»¹. Следствием этого концептуального расхождения стала критика, которой подвергались деятельность Пролеткульта и воззрения его лидеров в публицистике и официальных документах РКП(б), в том числе в письме ЦК РКП(б) «О пролеткультах», опубликованном в газете «Правда» 1 декабря 1920 г. Виднейшие деятели Пролеткульта, со своей стороны, разочаровались как в политике советской власти (особенно после введения нэпа, воспринятого ими как возвращение к буржуазному обществу), так и в собственной эстетической программе. Часть литераторов откололась от движения, образовав литературную группу «Кузница», а оставшиеся не смогли спасти Пролеткульт от стагнации. В 1925 г. оставшиеся организации Пролеткульта были переподчинены профсоюзам, чтобы вплоть до своей ликвидации в 1932 г. служить центрами организации художественной самодеятельности рабочих.

Следующая попытка сплотить литераторов вокруг «дела революции» была связана с созданием Ассоциаций пролетарских писателей.

Первая такая ассоциация возникла на базе группы «Кузница» в ходе I Всероссийского съезда пролетарских писателей, состоявшегося в октябре

¹ Ленин В.И. О пролетарской культуре // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 336–337.

1920 г. Однако сформированная съездом организация оказалась недолговечной и большой роли в литературном процессе не сыграла.

В марте 1923 г. в Москве прошла Первая Московская конференция пролетарских писателей, на которой было объявлено о создании их Московской ассоциации (МАПП). Ключевым органом МАПП стал литературно-критический журнал «На посту», редакционная программа которого, оглашенная в первом номере издания, сочетала унаследованный от Пролеткульта классовый подход к литературе с нападками на так называемых *попутчиков*, т.е. тех писателей и поэтов, кто не противопоставлял себя революции, но и не присоединялся решительно к партии, отстаивая независимость искусства от политики. «Напостовцы» обличали «попутчиков» в преклонении «перед гранитным монументом старой буржуазно-дворянской литературы»¹ и требовали административным путем лишить их доступа к печатному станку, расчищая пространство для нового, подлинно пролетарского творчества. По образцу московской создавались аналогичные ассоциации в других городах, также издававшие свои журналы. С июня 1924 г. у МАПП появился еще один печатный орган — журнал «Октябрь», а в 1925 г. были образованы Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей (ВАПП) и ее наиболее мощный российский «отряд» — Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), взявшие на себя руководство работой региональных и городских писательских ассоциаций, а также рабселькоровским движением и рабочими литературными кружками. В руководство ВАПП и РАПП в разные годы входили Л.Л. Авербах (долгое время — генеральный секретарь Всесоюзной ассоциации), Д. Бедный, А.А. Фадеев, Д.А. Фурманов, Ф.В. Гладков и др.; повседневная жизнь МАПП послужила прототипом писательской организации МАССОЛИТ, фигурирующей в «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова. Активность рапповских критиков в деле обличения разного рода «врагов» быстро привела к тому, что понятия «рапповец» и «рапповский» стали нарицательным обозначением вульгарно-социологического подхода к литературе.

Радикальная позиция журнала «На посту» пользовалась определенной поддержкой в руководстве большевистской партии, в частности у Л.Д. Троцкого. В то же время рапповская критика писателей-«попутчиков» (И.Э. Бабеля, Б.А. Пильняка, М.М. Пришвина, К.Г. Паустовского и др.) имела откровенно уничижительный характер. Более того, журнал «На посту» атаковал и литераторов-коммунистов, у которых не сложились отношения с руководством ВАПП; в частности, объектом критики оказался В.В. Маяковский. В ответ на перегибы рапповцев 18 июня 1925 г. было принято постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», где объяснялось, среди прочего, что многих «попутчиков» можно

¹ От редакции // На посту. 1923. № 1. С. 8.

назвать «квалифицированными “специалистами” литературной техники», вследствие чего устанавливалось следующее:

Общей директивой должна здесь быть директива тактичного и бережного отношения к ним, т.е. такого подхода, который обеспечивал бы все условия для возможно более быстрого их перехода на сторону коммунистической идеологии¹.

Постановление вызывало пересмотр позиций РАПП. Наиболее экстремистски настроенные критики образовали так называемое левое меньшинство организации, остальные, включая А.А. Фадеева и Д.А. Фурманова, приняли новые политические установки. Однако работа РАПП оставалась неэффективной: организация объединяла лишь часть литераторов, ее идеология была слабо проработана в философском отношении, а по художественным достоинствам сочинения рапповцев, как правило, уступали творчеству прозаиков и поэтов, занесенных в «попутчики». Весной 1928 г. состоялся I Всесоюзный съезд пролетарских писателей, на котором была осуществлена структурная реформа системы писательских ассоциаций. Каждая союзная республика получила свою ассоциацию, а общая координация литературной работы была возложена на Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП). Но и в реформированном виде ассоциации пролетарских писателей не справлялись со своими задачами, которые становились особенно сложными в связи с провозглашенным партией курсом на индустриализацию и коллективизацию. 23 апреля 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», в соответствии с которым все ассоциации пролетарских писателей были ликвидированы и началась работа над созданием писательской организации нового типа — Союза писателей СССР. Эта работа завершилась созывом I Всесоюзного съезда писателей, прошедшего в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 г. На съезде был утвержден устав и сформировано первое правление новой организации, просуществовавшей вплоть до распада СССР в 1991 г. Главным докладчиком Съезда и первым председателем правления СП СССР стал вернувшийся в 1932 г. из эмиграции знаменитый русский писатель М. Горький.

Характерной чертой нового писательского объединения была гибкость его идеологической основы. Участники I Съезда писателей провозгласили верность творческому методу, получившему название *социалистический реализм*. Однако содержание этого метода было сформулировано в предельно общих категориях:

Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных спо-

¹ Власть и художественная интеллигенция: док-ты ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / под ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 1999. С. 55.

собностей человека, ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю, как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью¹.

Таким образом, сущность метода можно было перетолковывать в зависимости от изменявшихся политических обстоятельств.

Решительному пересмотру подверглась позиция прежних писательских организаций по отношению к классическому наследию, к шедеврам мировой и русской литературы. Нигилистическое отвержение предшествующих достижений, характерное для Пролеткульта и РАПП, сменилось требованием учиться у великих реалистов прошлого в том, как они изображали героя и окружающую его социальную среду. Манера делить писателей на «реакционных» и «прогрессивных» сохранялась, однако критерием выступала уже не классовая принадлежность, а соответствие творчества текущим идеологическим установкам. Эта гибкость дополнительно расширяла кадровую базу Союза, в который входило и подавляющее большинство членов расформированных ассоциаций пролетарских писателей, и недавние мишени рапповской критики — уже упомянутый М. Горький, А.Н. Толстой, а также М.М. Зощенко, Б.Л. Пастернак, И.Э. Бабель и др.

Важнейшей чертой Союза писателей была его разветвленная управленческая структура. При правлении СП СССР действовали Литературный институт, где можно было получить высшее образование, издательство «Советский писатель», Литературная консультация для начинающих авторов, Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы, а при местных организациях существовали «секции молодых писателей», работа в которых становилась первым шагом на пути в сообщество пишущих. Органами Союза писателей либо его республиканских или региональных организаций были ведущие литературно-критические журналы — «Новый мир» (с 1947 г.), «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Наш современник», «Вопросы литературы», «Сибирские огни» и др. Таким образом, союз брал на себя обеспечение всех этапов творческого цикла — от формирования замысла до публикации и последующей защиты авторских прав. Более того, Союз писателей сохранил и расширил все достижения предшествующих литературских организаций в плане обустройства писательского быта. При его правлении был создан Литературный фонд, по линии которого велось жилищное строительство, создавались дачные кооперативы, действовали медицинские, санаторно-курортные учреждения и пансионаты («дома творчества писателей»). Аналогичные структуры существовали на республиканском и региональном уровнях. В результате членство в Союзе писателей гарантировало получение определенного уровня достатка,

¹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей: стеногр. отчет. Репринт. изд. М., 1991. С. 17.

а исключение влекло за собой автоматическую потерю доступа к сопряженным со статусом писателя материальным благам. Таким образом, лояльность писателей подкреплялась мощными финансовыми стимулами, что превращало писательство в престижную форму карьеры.

В целом, несмотря на неудачные эксперименты 1920-х годов, советской власти удалось создать эффективную структуру управления «пишущим словом», позволявшую привлекать к «делу строительства социализма» людей с самыми разнообразными творческими установками. Обращение к жанровой структуре и содержанию возникавших в результате произведений позволит понять, каковы были результаты столь плотного управляющего воздействия на творческий процесс.

3.4.2

Советская периодическая печать: группы изданий и особенности содержания

Борьба большевиков с оппозиционной печатью привела к закрытию множества авторитетных периодических изданий. Наряду с уже упоминавшимися основными газетами в конце 1917 или в течение 1918 г. прекратили свое существование журналы «Нива», «Вестник Европы», «Русские записки» (как в последние годы издания назывался журнал «Русское богатство»), «Русская мысль» и др. Те немногие из газет и массовых журналов, которые пережили революцию, либо имели преимущественно досуговую направленность («Вокруг света»), либо сохранились постольку, поскольку перешли под контроль большевиков («Известия»), либо с самого начала существовали в качестве партийных изданий большевистской фракции РСДРП («Правда», «Работница»). Традиции дореволюционной журналистики в какой-то степени сохранялись на территориях, находившихся под властью белых правительств, однако по мере уничтожения последних монополия большевиков на печатное слово распространилась на всю страну. Попытки изменить ситуацию и возродить независимую периодику предпринимались уже в 1960–1970-е годы, когда в рамках самиздата появился информационный бюллетень «Хроника текущих событий», а также ряд журналов — «Часы», «Вече» и др. Однако эти издания распространялись только в копиях, изготовленных кустарным способом на печатных машинках, и только среди узкого круга доверенных лиц. Полномасштабное освобождение от партийно-государственной монополии на средства массовой информации наступило только в конце 1980-х.

В отсутствие частной периодики издателями газет и журналов выступали органы власти, центральные и местные комитеты КПСС и Коммунистического союза молодежи, другие общественные организации, научные учреждения, а также администрации предприятий. Административная принадлежность

периодических изданий служит наиболее естественным основанием для их классификации. С этой точки зрения выделяются восемь основных групп¹.

К первой группе — **центральной партийной печати** — относятся газеты «Правда», «Беднота», «Рабочая газета» (первоначальное название — «Рабочий»), «Крестьянская газета», «Культура и жизнь», «Сельская жизнь», «Социалистическая индустрия», «Советская культура», журналы «Коммунист» (до 1952 г. — «Большевик»), «Партийная жизнь», «Агитатор», «Вопросы истории КПСС», «Огонек», «Работница», «Крокодил», «Крестьянка»² и ряд других, выходивших в издательстве ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС «Правда». Формальный статус перечисленных изданий неодинаков. Некоторые («Правда», «Беднота», «Рабочая газета») считались изданиями ЦК, некоторые выходили под эгидой отделов ЦК (газету «Культура и жизнь» выпускал отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС), некоторые были органами структур, действовавших при ЦК (в частности, журнал «Вопросы истории КПСС» был органом Института марксизма-ленинизма), а некоторые создавались как приложения к печатным органам ЦК, а затем обрели самостоятельность. Читательская аудитория центральной партийной печати также была исключительно широкой — от «ответственных работников», которым адресовались аналитические журналы, до широких слоев населения, читавших «Правду», «Огонек», «Работницу» или «Крестьянку». Разнообразие и миллионные тиражи партийных изданий должны были обеспечить идеологическую обработку всех граждан страны, а яркий состав авторов (особенно в 1930–1940-е годы, когда в партийной печати выходили статьи М.Е. Кольцова, Б.Н. Полевого, К.М. Симонова, И.Г. Эренбурга и др.) сделал публицистику «Правды», «Огонька» и других подобных изданий значимым явлением советской культуры. Однако официальный статус флагамена советской журналистики ограничивал партийные издания в выборе сюжетов и стилистических средств. Тематика «Правды» и родственных ей изданий была ограниченной, а язык постепенно выхолащивался. К концу советского периода популярность партийной периодики ощутимо упала.

Вторую группу периодических изданий образывали **издания центральных органов советской власти**. Основным из этих изданий была массовая общественно-политическая газета «Известия советов народных депутатов СССР» (до 1923 г. — «Известия ВЦИК», в 1923–1938 гг. — «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», в 1938–1977 гг. — «Известия советов депутатов трудящихся СССР»). Находясь в подчинении у высшего органа государственной власти, «Известия» выступали в роли официального периодического издания, публи-

¹ Основано на классификации М.Н. Черноморского: *Черноморский М.Н. Источниковедение истории СССР...* С. 231–242.

² В 1920–1930-е годы «Работница» и «Крокодил» выходили как приложения к «Рабочей газете», а «Крестьянка» — к «Крестьянской газете»; с ликвидацией указанных газет журналы стали самостоятельными, но издавались по-прежнему в издательстве ЦК КПСС.

кую тексты важнейших законодательных актов¹. В то же время на страницах газеты публиковались и «обычные» журналистские материалы — аналитические статьи, очерки, заметки и т.п. Более того, в определенные периоды (в частности, в конце 50-х — первой половине 60-х, когда газету возглавлял А.И. Аджубей) «Известия» выгодно отличались от официозной «Правды» в тематическом и стилистическом отношении. В 1960 г. у газеты появилось иллюстрированное воскресное приложение «Неделя», ставшее первым представителем данного формата периодических изданий в послесталинской журналистике. С ноября 1917 г. наряду с газетой «Известия» выходил журнал «Власть Советов», в дальнейшем существовавший под названиями «Советы депутатов трудящихся» и «Советы народных депутатов». На страницах этого издания, адресованного прежде всего профессиональным управленцам, размещались аналитические статьи о теории и практике советского государственного строительства, а иногда и законопроекты, выносившиеся на широкое обсуждение. Наконец, в систему изданий органов советской власти входили отраслевые периодические издания, выпускавшиеся при Совнарком (Совмине) или отдельных министерствах и ведомствах, — газеты «Экономическая жизнь», «Торгово-промышленная газета» (другие названия — «За индустриализацию», «Индустрия»), «Сельскохозяйственная газета», «Красная звезда» и т.п. Содержание отраслевых газет и журналов воплощало в себе специфику работы издававших их ведомств.

К изданиям органов власти тесно примыкали **издания профессиональных союзов**, представляющие собой третью группу периодических изданий советского периода. Органами ЦК ВЦСПС были газета «Труд» и журнал «Вестник труда». Кроме того, издавались газеты и журналы по отраслям — «Гудок» (газета ЦК профсоюза работников железнодорожного транспорта), «Учительская газета» (орган ЦК профсоюза работников просвещения), или, например, газета «Пищевик» (орган ЦК профсоюза работников пищевой промышленности). Характерной и едва ли возможной вне специфического советского контекста тенденцией в развитии профсоюзной прессы было ее постепенное превращение в совместные издания ЦК отраслевых профсоюзов и соответствующих министерств. Так, «Гудок» превратился в объединенный орган ЦК профсоюза железнодорожников и Министерства путей сообщения, «Учительская газета» издавалась одновременно под эгидой профсоюза и Министерства просвещения и т.д. В силу своей специфики профсоюзные газеты публиковали прежде всего материалы, посвященные жизни курируемых ими отраслей.

Четвертая группа советских периодических изданий — это **издания центральных органов Коммунистического союза молодежи**. Наиболее известное

¹ Остальные с 1938 г. публиковались в специализированном издании «Ведомости Верховного Совета СССР».

из периодических изданий комсомола — газета «Комсомольская правда», впервые вышедшая в свет 24 мая 1925 г. Наряду с этой основной газетой ЦК ВЛКСМ выпускал ряд журналов: общественно-политических («Молодой коммунист»), литературно-художественных («Смена», «Юность») и научно-популярных («Знание — сила», «Техника — молодежи»), а также комплекс изданий, адресованных детям и подросткам: газеты «Пионерская правда» (совместно с Центральным советом Всесоюзной пионерской организации), журналы «Пионер», «Костер» (одно время совместно с Союзом писателей СССР), «Юный техник», «Юный натуралист», «Мурзилка» и др. Основную тематику перечисленных газет и журналов составляла, выражаясь языком эпохи, «борьба советской молодежи на всех фронтах социалистического строительства»¹. Вместе с тем молодежный статус и ориентация на соответствующую аудиторию требовали предоставлять слово начинающим авторам и знакомить читателя с новыми тенденциями в общественной жизни, науке и искусстве. На страницах «комсомольской» печати 1960–1970-х годов публиковались лучшие образцы отечественной и переводной фантастики (К. Булычев, А.Н. и Б.Н. Стругацкие, Ф. Дик, А. Кларк, С. Лем), познавательные очерки об интересных явлениях природы и технических новинках. Относительно широкая жанровая и стилистическая палитра делала молодежную периодику популярной среди читателей всех возрастов.

К пятой группе советской периодики относятся *периодические издания общественных организаций* — Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (Советского Красного Креста), Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Союза воинствующих безбожников, Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим) и его преемника Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) и т.п. Тематика такого рода изданий определялась сферой деятельности курирующей их организации: так, Общество политкаторжан выпускало историко-революционный журнал «Каторга и ссылка», Союз воинствующих безбожников публиковал антирелигиозную газету «Безбожник» и спектр атеистических журналов, рассчитанных на все слои населения, и т.п. Особое значение для массовой культуры приобрели журналы, выпускавшиеся ДОСААФ, в частности автомобильный журнал «За рулем», где наряду с неизбежными пропагандистскими статьями о задачах советских автомобилистов накануне очередного съезда партии публиковались полезные сведения о новинках автомобильной промышленности, советы по обслуживанию и ремонту автомобилей, а также редкие материалы по истории автомобильного дела. В свою очередь, читателям из интеллигенции адресовались газеты и журналы, выпускавшиеся творческими союзами — Союзом писателей и его региональными организациями, Союзом художни-

¹ Черноморский М.Н. Источниковедение истории СССР... С. 238.

ков, Союзом кинематографистов, театральными обществами. Эти издания (журналы «Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Наш современник», «Литературная газета» и др.) заняли нишу, в дореволюционное время принадлежавшую общественно-литературным журналам вроде «Отечественных записок» или «Современника». Как и профсоюзная периодика, издания советских общественных организаций часто перерастали в совместные с отраслевыми ведомствами, в частности журнал ДОСААФ «Радио» издавался совместно с Министерством связи, а журналы Союза кинематографистов «Искусство кино» и «Советский экран» — вместе с Государственным комитетом по кинематографии при Совмине СССР.

Шестую группу советской периодики составляют *издания научных учреждений и обществ*¹. Научные издания — нетипичная разновидность периодической печати. Их материалы ориентированы на узкое сообщество специалистов в той или иной области знания и подаются в труднодоступной для массового читателя форме. Как следствие, аудитория научных изданий по определению ограничена, тиражи невелики, а влияние за пределами малочисленных академических сообществ незначительно. Этот специфический статус несколько затормозил советизацию российской научной периодики, выведя данную задачу из разряда первоочередных для новой власти. Некоторые научные журналы, основанные и получившие признание еще в царской России («Журнал Русского физико-химического общества» и др.), продолжили выходить как минимум до конца 1920-х годов и в дальнейшем были не ликвидированы, а реорганизованы с сохранением преемственности². Отдельные журналы, приостановленные во время Гражданской войны, возобновили выход по ее завершении («Бюллетень Московского общества испытателей природы»). Те же из дореволюционных научных изданий, которые закрылись в первое десятилетие советской власти, сделали это скорее из-за тягот разрухи и эмиграции значительной части авторов, чем под непосредственным давлением властей. Задача формирования коммунистической науки, способной противостоять «объективизму» старой профессуры, возлагалась в 1920-е годы на вновь созданные печатные органы, выходившие под эгидой Социалистической (с 1924 г. — Коммунистической) академии, Института К. Маркса и Ф. Энгельса, Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б), — журналы «Пролетарская революция», «Под знаменем марксизма», «Вестник Коммунистической академии» и т.п.

¹ Периодические издания данной разновидности принято отличать от так называемых продолжающихся изданий, отдельные выпуски (тома) которых сохраняют единую тематику и однотипное оформление, но выходят нерегулярно, по мере накопления материала.

² Так, на базе «Журнала Русского физико-химического общества» были созданы не менее авторитетные «Журнал общей химии» и «Журнал экспериментальной и теоретической физики», причем одним из ответственных редакторов вновь созданного ЖЭТФ был академик А.Ф. Иоффе, который редактировал последние тома ЖРФХО. Подробнее см.: Каганов М.И. ЖЭТФу — 125 лет // Успехи физических наук. 1999. Т. 169. № 1. С. 85–86.

К началу 1930-х ситуация изменилась. От политики постепенного замещения дореволюционных исследовательских кадров новыми власть перешла к планомерному уничтожению «буржуазной науки» вместе с ее институтами, в числе которых оказалась и научная периодика. Поиск оптимальной для новых условий структуры научной периодической печати занял несколько десятилетий, а результатом его стала своеобразная иерархия изданий, оформившаяся к концу 1950-х годов. Академия наук СССР выпускала собственные «Известия» (в ряде серий, разграниченных по дисциплинарному признаку), адресованные специалистам, и «Вестник», имевший более популярный характер. Научно-исследовательские институты публиковали журналы по профилю своей деятельности (в гуманитарных науках, в частности, выходили журналы «Вопросы истории», «Вопросы литературы», «Вопросы философии», «Вопросы языкознания», «История СССР», «Народы Азии и Африки», «Новая и новейшая история», «Советская археология», «Советское славяноведение» и др.). Отличительной чертой советской научной периодики была ее слабая вовлеченность в международный информационный обмен, особенно заметная в гуманитарных областях знания. В то время как на Западе научная периодика почти полностью утратила национальный характер, отбирая авторов со всего мира, советские издания предоставляли свои страницы почти исключительно местным специалистам, статьи которых не всегда сопровождались аннотациями на каком-либо из иностранных языков. В совокупности с идеологическим контролем, осуществлявшимся уже на этапе отбора материалов редколлекцией, такая изоляция негативно сказывалась на содержании отечественных журналов, снижая их авторитет в и без того ограниченной читательской среде.

Седьмую группу советской периодической печати составляют *местные издания*, к числу которых относятся газеты и журналы республиканского, краевого, областного (губернского), районного (уездного), а в крупнейших городах — и городского уровней. С формально-правовой точки зрения местные издания представляли собой, как правило, объединенные органы партийных и советских организаций соответствующего региона, с чем связано другое название этой группы изданий — *объединенные*¹. К числу объединенных принадлежат, например, газеты «Московская правда», «Полярная правда» (Мурманск), «Красноярский рабочий» и т.п. В содержательном отношении местная периодика отличалась от центральной существенно бóльшим вниманием к вопросам транспорта, образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения; принципиальные идеологические статьи, материалы по вопросам общегосударственной значимости и сведения о международной жизни публиковались в такого рода изданиях в ограниченном числе и с учетом местной специфики. В союзных и автономных республиках, а также в автономных областях и национальных (автоном-

¹ Ср.: Черноморский М.Н. Источниковедение истории СССР... С. 239–240.

ных) округах наряду с русскоязычными выходили периодические издания на языках народов, населяющих эти территориальные единицы. На уровне союзных республик число изданий на языках местного населения могло достигать десятков названий¹, а видовая структура напоминала видовую структуру общесоюзной периодической печати (центральные партийные и советские, профсоюзные, комсомольские издания и т.д.); если же народ был малочисленным и не мог обеспечить спрос хотя бы на одно издание, то под публикации на национальном языке отводились отдельные номера, полосы или колонки в изданиях на русском языке. В ряде случаев региональные издания, созданные по инициативе партийных и советских структур, становились важнейшими центрами кристаллизации национальной литературы. В частности, в конце 40-х годов в газете «Советская Чукотка» началась творческая карьера известного чукотского писателя Ю.С. Рытхэу.

Наконец, восьмая группа советской периодики — это **многотиражные издания**, или, в просторечии, **многотиражки**. Многотиражные издания (в большинстве случаев это были газеты) выпускались средствами оперативной полиграфии на предприятиях, в колхозах и совхозах, в учреждениях и учебных заведениях. Соучредителями многотиражек выступали администрация, первичные партийная и комсомольская организации, а также местный комитет отраслевого профсоюза. Основными авторами такого рода изданий должны были быть сами работники издающего их предприятия, но практиковалось и привлечение профессиональных журналистов, в обязанности которых входило обучение корреспондентов «от станка» и литературная правка поступающих статей. Содержание многотиражек определялась их статусом как изданий, выходящих на производстве и для нужд производства: наряду со статьями о важных событиях в жизни предприятия, о передовиках производства и новых методах работы, написанными в обычном публицистическом ключе, многотиражки периодически публиковали технически точные описания и чертежи рекомендованных к внедрению новинок, авторами которых выступали специалисты с необходимой технической подготовкой. Предполагалось, что такая практика ускорит распространение технологических новшеств. Характерной чертой советских многотиражек (отличающей их от современной корпоративной периодики) была развитая критическая составляющая: помимо материалов об успехах публиковалась критика «отстающих участков», призванная бичевать отдельные недостатки и способствовать скорейшему изживанию таковых. Очевидно, что в условиях рыночных отношений подобная публичная самокритика скорее повредила бы развитию предприятия, создавая ему негативный имидж. Однако в советском контексте публикация критической

¹ Так, на Украине выходили газеты «Радянська Україна» («Советская Украина»), «Молодь України» («Молодежь Украины»), «Робітнича газета» («Рабочая газета»), «Радянська освіта» («Советское просвещение»), «Літературна Україна» («Литературная Украина»), журналы «Вітчизна» («Отчизна»), «Наука і суспільство» («Наука и общество»), «Дніпро» («Днепр») и др.

статьи в многотиражке была инструментом воздействия на нерадивых. В целом многотиражные газеты были звеном в управлении предприятиями и одним из множества существовавших в советское время неформальных способов стимулирования труда.

Отсутствие частных газет и журналов сказалось не только на составе разновидностей, но и на содержании советской периодической печати. Поскольку все периодические издания были прямо или косвенно аффилированы либо с государством, либо с правящей партией, появилась возможность публиковать в периодических изданиях официальные документы — международные договоры и дипломатические ноты, речи руководителей страны, стенограммы партийных съездов и громких политических процессов. В практике частной прессы получить доступ к официальным документам — событие чрезвычайное. Для этого нужны надежные информаторы во властных кругах, готовые делиться «эксклюзивом» и делающие это обычно лишь в той степени, в какой грядущая утечка соответствует их политическим интересам. Советские газеты и журналы печатали официальные документы по разнарядке, выполняя решения власти о всестороннем освещении значимых событий в истории страны. Избрание очередного состава руководящих органов сопровождалось публикацией в центральных изданиях галереи официальных портретов, представлявших населению вновь назначенных функционеров. Фотографии вождей в неформальной обстановке, напротив, публиковались в ограниченных объемах. Обилие официальных материалов, представленных в бюрократической манере, было одним из важнейших факторов, определявших стилистическую специфику советских газет и журналов.

Существенные трансформации претерпела публицистическая составляющая периодических изданий. Социальная функция публицистики состоит в том, чтобы структурировать общественное мнение вокруг известного комплекса идей, и если указанные идеи провозглашаются от имени частного лица или даже общественной организации, то соглашаться с высказанными оценками или нет — дело добровольное. Однако когда публицистическое по форме сочинение выходит в периодическом издании, имеющем статус государственного или издаваемого под эгидой правящей партии, ситуация меняется радикально: несогласие превращается в жест нелояльности, а сам текст приобретает черты распорядительного документа. Управленческая функция советской публицистики особенно ярко проявила себя в сталинскую эпоху, когда статьи в центральной печати обозначали поворотные моменты в политике. Так, появление в «Правде» от 2 марта 1930 г. статьи «Головокружение от успехов: к вопросам колхозного движения», подписанной именем самого вождя, знаменовало собой существенные изменения в партийной политике на селе; редакционная статья той же газеты «Сумбур вместо музыки» (28 января 1936 г.) запустила кампанию против формализма в искусстве, и в частности против Д.Д. Шостаковича, а публикация под

названием «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» (28 января 1949 г.) дала официальный старт так называемой борьбе с космополитизмом. Смерть Сталина и последовавшее разоблачение «культы личности» смягчили тональность и ослабили прямое действие газетных и журнальных выступлений. Вместе с тем в рамках «восстановления партийной демократии» была возрождена предусмотренная Уставом Коммунистической партии практика «общепартийных дискуссий» по разнообразным общественно значимым вопросам, и периодическая печать оказалась важнейшей площадкой для такого рода обсуждений. В частности, широкая полемика развернулась в 1962–1964 гг. после публикации в «Правде» статьи профессора-экономиста из Харькова Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия». Итоги обсуждения дали старт «косыгинской реформе» в экономике СССР, а сама дискуссия на страницах печати оказалась паллиативом невозможной в советских условиях полемики парламентских фракций.

Своеобразной заместительной практикой стало и то, как в советской периодической печати обходились с письмами читателей. Письмо в редакцию — простейшая и наиболее демократичная форма публицистики, с которой может выступить любой достаточно смелый для такой активности человек. Однако в советской ситуации, где не существовало ни независимой судебной власти, ни культуры отстаивания собственных интересов через суды, а обратная связь через процедуру выборов только провозглашалась, письмо в газету оказалось одним из немногих способов добиться какой-то реакции со стороны властей предрежащих. Не все обращения в газету писались от чистого сердца. Напротив, периодически публиковались более или менее откровенно инспирированные письма, в которых «простые советские люди» — рабочие, крестьяне и представители трудовой интеллигенции — «гневно осуждали» «врагов народа» или «очередную провокацию израильской военщины». В то же время в газетные отделы писем поступали и вполне искренние обращения от граждан, которые видели в журналистах потенциальных заступников и защитников от несправедливости; иногда самого факта публикации письма или статьи по его материалам могло хватить для того, чтобы ситуация изменилась в лучшую для отправителя сторону. Рубрики, посвященные письмам читателей, и статьи, написанные по мотивам таких писем (в частности, статьи Ф.А. Вигдоровой, О.Г. Чайковской, Е.М. Богата и др.), представляют собой наименее формализованную и наиболее «живую» часть советской периодической печати.

В целом структура, содержание и стилистика советских периодических изданий соответствуют их статусу в качестве государственных или партийных органов. Если западные журналисты XX в. были окончательно признаны свободными художниками, продающими свое умение видеть и формулировать, то их советские коллеги — это прежде всего функционеры, встроенные в систему управления государством. Потребности власти накладывали отпечаток на все аспекты деятельности советских журналов и газет.

3.4.3

Художественная литература советского периода

Художественная литература есть повествование о вымышленных объектах, лицах и происшествиях, и даже если рассказ перекликается с реальностью, то претензий на документальность автор не предъявляет; опознаваемые детали быта и вкрапления исторического материала (в том числе подлинные документы и известные по источникам реплики персонажей) вводятся не для точности в ее научном понимании, а для обеспечения необходимого антуража. «Фикциональность, т.е. то обстоятельство, что изображаемый в тексте мир является *фиктивным*, вымышленным» рассматривается филологами как «один из основных признаков повествовательного художественного текста», отличающих «повествование в художественном произведении от повествования в житейском контексте, например от повседневного рассказа, от сообщения последних известий по телевизору, от протокола, составленного полицией, или от репортажа спортивного корреспондента»¹. Сказанное не следует понимать в том смысле, что художественную литературу в принципе нельзя изучать с точки зрения отмеченных автором исторических обстоятельств; в определенных ситуациях (например, при изучении современной автору повседневности или массовых представлений о прошлом) такого рода работа перспективна и полезна. Однако использовать художественную литературу только как особой конфигурации линзу для разглядывания специфических «фактов», ускользающих от прочих «наблюдательных инструментов» историка, — значит безосновательно ограничивать собственные познавательные возможности. Специфический социальный статус литературных произведений придает изучению последних универсальный характер, ставя их в один ряд с «классическими» для нашей науки видами источников — законодательством, делопроизводством, периодической печатью и т.п.

Социальная функция художественной литературы определяется тем, что читающей публике свойственно примерять на себя изображаемые авторами характеры, взгляды и поступки. Встретив в тексте что-либо для себя интересное, читатель начинает сопереживать персонажу повествования или лирическому герою стихотворения, и это сопереживание обогащает духовный опыт или как минимум позволяет на время отвлечься от повседневных забот. Таким образом, литература может играть в жизни человека воспитательную, развлекательную, а зачастую и своего рода психотерапевтическую роль. В свою очередь, историк может использовать литературу как индикатор общественных настроений. То, о чем повествуют писатели, и то, чего от них ждут читатели, способно многое рассказать о «состоянии умов» в момент появления произве-

¹ Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 22.

дения. Иначе говоря, значение художественной литературы для исторической науки определяется тем, что написание и чтение такого рода произведений — важная социальная практика. Художественная литература интересна историк-у постольку, поскольку она есть социальный феномен, воплощающий чаяния и надежды как отдельных людей, так и общества в целом.

Художественная литература в ее описанном выше понимании существует далеко не во всяком обществе: так, социальная функция «памятников древнерусской литературы» (летописей, житий, проповедей и т.п.), о которых шла речь в первой главе, может быть выполнена и без соперничества со стороны читателя, поэтому можно говорить о художественной составляющей древнерусской книжности, но не о древнерусской художественной литературе. Видимо, появление художественной литературы в узком смысле следует трактовать как примету наступления Нового времени и датировать (применительно к корпусу источников российской истории) XVII–XVIII вв. В свою очередь, в Новейшее время российская литература оказывается объектом беспрецедентного интереса со стороны властей предрежущих, что оказало деформирующее воздействие на литературный процесс.

В принципе, сообщество русских литераторов¹ было в значительной степени подготовлено к революционным событиям:

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

В.В. Маяковский.

Облако в штанах (1914–1915)

Мысль о неизбежности социальных потрясений диктовалась как развитием реалистических и социально-критических традиций русской литературы XIX в., так и убеждением в скорой гибели культуры, характерным для fin de siècle в общеевропейском масштабе. В российском контексте предчувствие кризиса было дополнительно усилено травматическим опытом русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. В частности, один из ключевых поэтов-символистов писал:

Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима,
Наш царь — кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,

¹ Параграф написан на материале русскоязычной литературы XX в. Развитие литературы на языках народов СССР отчасти протекало по общей с русской логике (в частности, ни одна национальная литература Страны Советов не избежала эпохи насаждаемого сверху соцреализма), но в значительной степени определялась спецификой, связанной с особенностями исторического развития местной культуры. Постигание этой специфики потребует углубленных экскурсов в историю бывших «окраин империи», что едва ли входит в задачи данного пособия. Впрочем, первая рекомендация тому, кто задумает ознакомиться с разнонациональной литературой Советского Союза, очевидна: необходимо изучить соответствующие языки.

В котором разуму — темно.
Наш царь — убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь-висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.
Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет — час расплаты ждет.
Кто начал царствовать — Ходынкой,
Тот кончит — встав на эшафот.

К.Д. Бальмонт

Наш царь (из цикла «Песни мстителя», 1907)

Давно (как минимум с лермонтовского «Предсказания») знакомая русской литературе тема падения монархии наполняется в этом стихотворении новым содержанием за счет перечисления конкретных неудач и ошибок царского правительства.

подавляющее большинство пишущих с восторгом приняло Февральскую революцию и взялось поддержать ее словом. Например, тот же К.Д. Бальмонт написал текст для проекта нового государственного гимна, сочиненного композитором А.Т. Гречаниновым:

Да здравствует Россия, свободная страна!
Свободная стихия великой суждена!
Могучая держава, безбрежный океан!
Борцам за волю слава, развеявшим туман!
Да здравствует Россия, свободная страна!
Свободная стихия великой суждена!
Леса, поля, и нивы, и степи, и моря,
Мы вольны и счастливы, нам всем горит заря!

Исторический оптимизм сочетается в этих строках с уверенностью в правоте революционного дела. Получи приведенный текст официальный статус, образы неназванных «борцов за волю» легли бы в основу нового национального пантеона.

Но революционная повседневность 1917 г. и тем более октябрьский переворот вызвали резкое изменение настроений в среде литераторов. Сотрудничество с советской властью было относительно естественным для поэтов-футуристов, литературный радикализм которых хорошо сочетался с политическим радикализмом большевистского правления. Воплощением революционных настроений наиболее радикальных представителей русского литературного спектра стали, в частности, стихотворение В.В. Маяковского «Левый марш» (1918) и серия текстов, написанных поэтом для агитационных плакатов (окон) Российского телеграфного агентства (1919–1921)¹. Представи-

¹ Самоназвание «окна (иногда — «окна сатиры») РОСТА» связано со способом распространения этих плакатов путем расклейки в витринах опустевших из-за разрухи магазинов.

тели других направлений литературы встретили большевиков настороженно (М. Горький), а иногда и прямо враждебно (И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, А.М. Ремизов).

Власть не была полностью закрыта для сотрудничества со сложившимся сообществом пишущих. Напротив, и известные, и начинающие литераторы активно привлекались для издательской и культурно-просветительской работы по линии Наркомпроса, Госиздата или Пролеткульта (М. Горький, В.Я. Брюсов, А.А. Блок, В.Ф. Ходасевич, А. Белый, О.Э. Мандельштам и др.). Однако интеграция в структуры, подконтрольные большевистскому режиму, требовала компромиссов, становившихся особенно тяжелыми в условиях «красного террора» (в августе 1921 г. был арестован и расстрелян Н.С. Гумилев). Некоторые известные писатели принимали активное участие в белом движении (И.А. Бунин, А.И. Куприн), и очень многие крупные деятели русской литературы предпочли или были вынуждены покинуть страну. Эмиграция значительной части интеллектуальной элиты не могла не нарушить естественного развития русской литературы.

Развитие литературы в 1920-е годы характеризовалось сосуществованием противоречивых тенденций. С одной стороны, власть пытается вмешиваться в литературный процесс, оказывая поддержку «идеологически правильным» авторам и направлениям (интенсивно возвеличивался, в частности, «пролетарский поэт» Демьян Бедный). Обозначается тенденция к героизации революционной борьбы, Гражданской войны и «восстановления промышленности», воплощенная романами Ф.В. Гладкова «Цемент», А.С. Серафимовича «Железный поток», А.А. Фадеева «Разгром», Н.А. Островского «Как закалялась сталь», повестью А.П. Гайдара «Р.В.С.» и др. Художественные решения, найденные в этих произведениях, станут в дальнейшем образцами советского «большого стиля», а упомянутые авторы займут прочное место в первом ряду классиков советской литературы.

С другой стороны, в печати появляются сочинения, написанные отнюдь не в романтико-героическом ключе, — циклы И.Э. Бабеля «Одесские рассказы» и «Конармия», «Белая гвардия» и «Дни Турбиных» М.А. Булгакова, «Чевенгур» и «Котлован» А.П. Платонова, рассказы М.М. Зощенко, «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» И.А. Ильфа и Е.П. Петрова и многие другие. Специфическим явлением стало творчество А. Грина («Бегущая по волнам», «Алые паруса»). Эти произведения либо вообще не имеют «глубокого социального содержания» («Одесские рассказы» И.Э. Бабеля, романы А. Грина), либо показывают революционные перемены и зарождающееся новое общество с точки зрения рядового человека, не всегда «сознательного», а иногда и враждебного советской власти. Неоднозначно выражена авторская позиция в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон». Наконец, «нереволюционная» поэзия была представлена творчеством О.Э. Мандельштама, Б.Л. Пастернака,

С.А. Есенина, А.И. Введенского, Д.И. Хармса, Н.Е. Заболоцкого и др. До середины 1920-х годов печатались стихи А.А. Ахматовой.

«Непонимание момента», выражавшееся в аполитичности или стремлении оценить события недавнего прошлого не с классовых, а с общечеловеческих позиций, могло вызвать неудовольствие высокопоставленных лиц (так, «Конармия», посвященная польскому походу знаменитой Первой Конной, сильно задела бывшего командующего армией С.М. Буденного¹) и провоцировало серию негативных отзывов, основными авторами которых выступали критики из РАПП. Однако последствия критических кампаний до известного времени оставались нефатальными: «Дни Турбиных» все-таки ставились, причем не только в 1920-е, но и в 1930-е годы, а кампания против О.Э. Мандельштама прекратилась после обращения группы писателей, поддержанного, среди прочих, и одним из ключевых официальных литераторов А.А. Фадеевым. В 1931 г. по политическому обвинению были арестованы члены группы ОБЭРИУ (Объединение реального искусства), в частности Д.И. Хармс и А.И. Введенский, причем Д.И. Хармса первоначально приговорили к трем годам заключения. Но итоговое решение коллегии ОГПУ оказалось относительно мягким и сводилось к запрету проживания в крупнейших городах и приграничной местности. Советская идеология переживала период становления, а значит, и литература могла еще пользоваться относительной свободой.

Поворот наступил в 1932–1934 гг. В подпараграфе 3.4.1 было отмечено, что состоявшийся в конце лета 1934 г. I Всесоюзный съезд писателей обозначил отказ от деления литературных деятелей на «пролетарских авторов» и «попутчиков». Власть стремилась объединить все сообщество пишущих на общей платформе социалистического реализма. Однако участие в объединении предполагало сдачу ряда творческих позиций и требовало написания идеологически актуальных произведений, например очерков о «перевоспитании» заключенных на строительстве Беломорско-Балтийского канала². Некоторые писатели приняли условия компромисса с готовностью, некоторые — с трудом, но для ряда видных литераторов обмен творческих позиций на комфортные условия существования оказал неприемлем. В частности, принципиальную позицию занял О.Э. Мандельштам, в конце 1933 г. написавший и прочитавший нескольким друзьям антисталинское стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...»:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца, —
Там припомнят кремлевского горца.

¹ Воплощением обиды командарма стала статья с оскорбительным названием «Бабизм Бабея из «Красной нови»» (Октябрь. 1924. № 3. С. 196–197).

² Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: история строительства / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1934.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.
А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подковы кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него — то малина
И широкая грудь осетина¹.

Однако в новых условиях политически несознательного поэта ждала уже не критика, а репрессии. Весной 1934 г. О.Э. Мандельштам был арестован и сослан в Чердынь (ныне Пермский край), откуда после попытки самоубийства и серии ходатайств ему разрешили переехать в Воронеж. В изменившейся политической обстановке ценой творческой последовательности и принципиальности становилась личная свобода.

«Большой террор» конца 1930-х годов унес жизни многих литераторов — в том числе О.Э. Мандельштама, вернувшегося из ссылки в 1937 г. и вновь арестованного в 1938 г., «новокрестьянского поэта» Н.А. Клюева, И.Э. Бабеля. В начале Великой Отечественной войны были арестованы Д.И. Хармс, А.И. Введенский. С 1939 по 1943 г. находился в заключении Н.А. Заболоцкий. У А.П. Платонова и А.А. Ахматовой были арестованы сыновья. Художественным осмыслением террора стал поэтический цикл А.А. Ахматовой «Реквием», написанный в 1935–1940 гг. и объединяющий личный опыт поэтессы с опытом целого поколения:

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.

¹ Известно и другое, панегирическое, стихотворение поэта о Сталине — «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» (*Мандельштам О.Э. Собр. соч. М., 1991. Т. 3–4. С. 439–442*). Но эти стихи писались тяжело, и сам поэт определял их как «болезнь» (*Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 2006. Т. 1. С. 236–240*). Очевидно, психологическому складу О.Э. Мандельштама претила всякая попытка компромисса с диктатурой.

Специфические обстоятельства создания «Реквиема» продиктовали необычную форму сохранения составивших цикл произведений. А.А. Ахматова была убеждена, что, имея поэтический дар, она обязана зафиксировать переживания, связанные с трагическим этапом в истории страны¹. Но понятно было и то, что хранить рукопись подобного содержания нельзя. Как следствие, работа над «Реквиемом» велась по большей части в уме и только отдельные фрагменты записывались на небольших клочках бумаги. Когда очередное стихотворение складывалось окончательно, А.А. Ахматова зачитывала сочиненное кому-нибудь из своих друзей (в частности, Л.К. Чуковской и Н.Я. Мандельштам) и просила выучить наизусть, после чего все вспомогательные записи (если они существовали) уничтожались. Лишь в начале 1960-х цикл был реконструирован и впервые занесен на бумагу в полном объеме. Такие чрезвычайные меры позволили не только уберечь от репрессий саму поэтессу и ее первых слушателей, но и сохранить живой опыт человека, столкнувшегося с жестокостью государственной машины.

С началом войны значительная часть профессиональных литераторов переквалифицировалась в военных корреспондентов (М.А. Шолохов, А.А. Фадеев, А.А. Сурков, А.П. Гайдар, А.П. Платонов), публицистов (А.Н. Толстой) или фельетонистов (М.М. Зощенко). Широкую известность приобрели публицистические статьи журналиста и писателя И.Г. Эренбурга, в частности статья «Убей!», опубликованная в «Красной звезде» от 24 июля 1942 г., написанная в предельно агрессивном ключе и ставшая одним из ключевых текстов советской военной пропаганды. Исключительно популярны были стихотворения К.М. Симонова («Жди меня», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», «Убей его!» («Если дорог тебе твой дом...») и др.), а также поэма А.Т. Твардовского «Василий Теркин», выходявшая отдельными главами сразу в нескольких центральных газетах. Стремление к художественно убедительному описанию войны сокращало пространство для идеолога; в «Василии Теркине», например, не фигурируют ни Сталин, ни партия, а сам главный герой подается максимально просто («парень сам собой / Он обыкновенный») и подчеркнута неромантически («Разрешите доложить / Коротко и просто: / Я большой охотник жить / Лет до девяноста»), чему дополнительно способствует простонародная частушечная ритмика поэмы. Необходимость мобилизовать на борьбу с врагом весь народ вынудила авторов, редакторов и цензоров временно отказать хотя бы от самых искусственных из добровольно принятых на себя ограничений, так что во время войны литература развивалась в относительно либеральной обстановке.

Послевоенное развитие советской литературы можно разделить на три этапа. Во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов партийные идеологи не только отозвали все уступки, сделанные во время войны, но и уже-

¹ См. «Вместо предисловия» и часть 2 «Эпилога» цикла.

сточили контроль над творческой жизнью. В это время состоялись как минимум две крупные идеологические кампании, имевшие непосредственное отношение к литературе. Первая — критика Ленинградского отделения Союза писателей — началась весной 1945 г. с «дискуссии о ленинградской теме» (о «неприятных особенностях» в изображении блокады)¹, а увенчалась Постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» и докладом секретаря ЦК А.А. Жданова перед партактивом и собранием писателей Ленинграда (август-сентябрь 1946 г.). Вторая кампания прошла в рамках «борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом» и достигла апогея в статье «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» («Правда» от 28 января 1949 г.). В начале 1953 г., уже на самом излете сталинской эпохи, была подвергнута резкой критике работа журнала «Новый мир» (в том числе публикация произведений В.С. Гроссмана, Э.Г. Казакевича, Н.Н. Асеева). Предельно грубое как по методам, так и по словесной оболочке вмешательство партийной верхушки в дела литературы имело двоякий результат. Во-первых, были поименно названы «враги» подлинно советской литературы (ими оказались, в частности, М.М. Зощенко и А.А. Ахматова), подлежащие исключению из литературного процесса. Во-вторых, устами высокопоставленных «литературоведов» была обозначена схема качественного, по партийным понятиям, произведения. Положительный герой советской литературы должен был быть целеустремленным, патриотичным и партийным; сюжет следовало строить вокруг борьбы такого коммуниста-патриота с коварным врагом и/или «отдельными негативными явлениями» советской жизни. Изобретенная идеологами схема была крайне жесткой и почти не получила удачной в художественном отношении реализации (в статье о театральных критиках назывались пьесы А.В. Софронова, А.Е. Корнейчука, Н.Е. Вирты и ряда других, но литературные достоинства этих сочинений не очевидны). Однако вольного обращения с «канонами» не прощали даже признанным классикам советской литературы. Так, знаменитый роман А.А. Фадеева о юных подпольщиках-антифашистах «Молодая гвардия» существует в двух редакциях (1945 и 1951 гг.): в первой юные герои действуют самостоятельно, во вторую под воздействием критики (в частности, статьи в «Правде» от 3 декабря 1947 г.) были добавлены образы партийцев, руководящих подпольной борьбой. Очевидно, власть считала свои позиции «на литературном фронте» достаточно сильными, чтобы от предложений и рекомендаций перейти к прямым указаниям, о чем и как писать.

Второй этап послевоенного развития советской литературы наступил с началом хрущевской оттепели (1956–1964), само устоявшееся название которой было литературным по происхождению: так называлась опубликованная в 1955 г. и ставшая символом новых времен повесть И.Г. Эренбурга. Литера-

¹ Материалы частично опубликованы: Ленинград, 1945. № 7–8. С. 26–27.

турный облик «оттепели» был сформирован действием нескольких разнонаправленных тенденций.

С одной стороны, наблюдалось определенное расширение круга обсуждаемых проблем и используемых при этом стилистических средств. В описании общества стало возможным упоминать о чванстве и косности партийных бюрократов (роман В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым»), о репрессиях (повесть «Один день Ивана Денисовича» и рассказ «Случай на станции Кочетовка» А.И. Солженицына), о культурных традициях русского крестьянства (солженицынский же «Матренин двор», произведения В.В. Овечкина, Ф.А. Абрамова, В.П. Астафьева). В трактовке войны основное внимание уделялось теме простого солдата, начатой еще в сталинские годы романом В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда», а теперь подхваченной и развитой Ю.В. Бондаревым, Г.П. Баклановым, В.В. Быковым¹, К.М. Симоновым и рядом других авторов. В лирике и драматургии появились изображения сложного, неоднозначного чувства. Существенно обогатилась палитра поэтических форм и тем (стихи Е.А. Евтушенко, А.А. Вознесенского, Р.И. Рождественского, Б.А. Ахмадулиной). Стали публиковаться и обсуждаться доселе запрещенные произведения 1920–1930-х годов. Все это создавало атмосферу невиданной ранее свободы.

С другой стороны, партийный контроль над литературой не ослабевал, а свобода выбора тем и трактовок существовала лишь постольку, поскольку это отвечало интересам момента. Крайне жесткую реакцию властей вызвал роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», и, когда в 1957 г. произведение, отвергнутое советскими редколлегиями, вышло за рубежом, против автора была развернута беспрецедентная кампания травли, закончившаяся исключением из Союза писателей. В 1961 г. был запрещен к публикации роман В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба»; рукописи романа были конфискованы КГБ. Даже ценой значительных уступок цензуре не удалось опубликовать роман А.И. Солженицына «В круге первом». В типологическом плане политика власти по отношению к литературе вернулась к состоянию 1930-х годов, когда доступ в литературный истеблишмент был, в принципе, открыт, но требовал компромисса и сдачи определенных творческих позиций.

Ограниченность и непоследовательность официальной либерализации вызвали к жизни новое явление — неофициальную литературу, или *самиздат*. Идея распространения произведений, не прошедших цензуру, в кустарно изготовленных копиях была не новой. В XIX в. в списках ходили «Горе от ума» А.С. Грибоедова, запрещенные стихотворения М.Ю. Лермонтова и Н.А. Некрасова, а также другие сочинения. Однако технический прогресс предоставил для такой деятельности новые инструменты — пишущие машинки²,

¹ Писал по-белорусски, но многое из написанного сам переводил на русский.

² Техническое преимущество машинки состояло не только в ускорении процесса, но и в возможности печатать через копировальную бумагу, получая сразу несколько экземпляров.

бытовую фототехнику и копировальные аппараты (а в 1970–1980-х — и первые массовые модели ЭВМ). При этом если специальная множительная техника находилась в СССР под строгим контролем, то пишущие машинки и принадлежности к ним, а также устройства и реактивы для печати фотографий продавались свободно. Произведения могли попадать в самиздат как по инициативе авторов (и тогда «запуск» очередного сочинения становился не только литературным событием, но и политическим жестом), так и помимо желания создателей — усилиями поклонников или издательских работников¹; кроме того, репертуар самиздата пополнялся за счет воспроизведения старых, редких или зарубежных публикаций. В 1959–1960 гг. журналист А.И. Гинзбург собрал и распространил в самодельных копиях несколько номеров журнала «Синтаксис». Эта деятельность была пресечена КГБ, однако появление журнала свидетельствовало об институционализации неофициальной литературы. Из инициативы одиночек самиздат превращался в постоянно действующий фактор литературного процесса.

Завершающий этап эволюции советской литературы наступил в середине 1960-х годов, после смены руководства страны. Если позволяла идеология, официальная литература брежневского времени развивала темы и проблемы, поднятые в период «оттепели». В частности, продолжали появляться произведения о простом человеке на войне (В.В. Быков, Б.Л. Васильев). Интенсивное развитие получила тема традиционной деревенской культуры, выросшая в самостоятельное направление «деревенской прозы» (В.М. Шукшин, В.Г. Распутин, В.П. Белов, Ф.А. Абрамов, В.П. Астафьев и др.; направление было широко представлено на страницах журнала «Наш современник»). Активно развивалась фантастика (А.Н. и Б.Н. Стругацкие, Кир Булычев), детектив (А.А. и Г.А. Вайнеры, Ю.С. Семенов) и историко-приключенческая литература (В.С. Пикуль). Все жанры позднесоветской литературы были пронизаны влиянием идеологии. Так, в ряде фантастических произведениях братьев Стругацких («Парень из преисподней», «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике» и др.) Земля предстает планетой победившего коммунизма «по Марксу», где колоссальные технические возможности высвобождают энергию человека для преобразования окружающего мира, причем объяснить такое направление авторской мысли только соображениями цензурной проходимости невозможно: существование коммунизма на нашей планете становится необходимым условием разворачивающейся интриги; произведения фантастов, где судьба земного общества рассматривается с иных позиций («Сказка о Тройке», «Улитка на склоне» Стругацких), оказывались под запретом. Впрочем, и в такой

¹ Изучая произведения, прошедшие через самиздат, важно учитывать, что автор не мог контролировать целостность и точность передачи собственного текста. Зачастую сочинения перепечатывались с искажениями, купюрами и вставками, в черновых вариантах и т.п. Органы госбезопасности, со своей стороны, засоряли самиздат подделками в надежде скомпрометировать как авторов, так и распространителей произведений.

идеологизированной форме художественная литература пользовалась активным читательским спросом благодаря как сложности затрагиваемых проблем, так и нетривиальности сюжета и материала.

В свою очередь, авторы, находящиеся вне рамок официальной литературы, активно экспериментируют с формой и содержанием, что представляется естественной реакцией на однообразие позднесоветского дискурса. У разных авторов этот литературный эскапизм приобретал разные формы. Например, И.А. Бродский писал подчеркнуто сложные стихотворения и поэмы, насыщенные отсылками ко множеству произведений всемирной и отечественной литературы, а Венедикт Ерофеев — сюрреалистическую прозу. Неофициальный характер ограничивал возможности для распространения написанного: произведения не признанных властью авторов попадали к советским читателям либо через самиздат (значимым событием в истории которого стало появление в 1979 г. альманаха «Метрополь»), либо через зарубежные публикации, ввезенные в обход таможенного контроля (для этого последнего класса литературы в речевом обиходе было изобретено еще одно слово — *тамиздат*). Однако свобода творчества была важнее признания в широких читательских массах.

Гласность, провозглашенная партийным руководством во второй половине 1980-х годов, способствовала снятию искусственных ограничений на выбор тем для творчества и средств выражения. Кроме того, в публичное пространство вернулись произведения, ранее не допускавшиеся в печать. Снятие цензурных ограничений способствовало интенсификации литературного процесса.

В целом нетрудно убедиться, что траектория развития советской литературы тесно коррелирует с траекторией развития страны.

3.5

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В XX ВЕКЕ

Под общим названием «источники личного происхождения» объединяются четыре вида исторических источников, обслуживающих сходные, но не тождественные социальные функции. Это *мемуары*, в которых индивидуум представляет «городу и миру» себя и свое время, *дневники*, ведение которых (в их классической, не рассчитанной на публикацию форме) позволяет людям осуществить автокоммуникацию, *частная переписка*, с помощью которой отдельные индивидуумы выстраивают взаимодействие между собой, и, наконец, *эссеистика*, через которую субъект выражает свой сугубо индивидуальный взгляд на окружающий мир. Возникновение перечисленных видов источни-

ков связано с фундаментальными социокультурными процессами, ознаменовавшими собой наступление Нового времени. В Новейшее время статус и форма источников личного происхождения претерпели существенные изменения, частично обусловленные политическими процессами, характерными для советской эпохи, а частично — глубинными сдвигами на фундаментальных уровнях культуры.

Не во всех упомянутых видах источников эти изменения могут быть прослежены с должной степенью детальности. В частности, эссеистика XX в. крайне фрагментирована. Расцвет этой формы самовыражения в культуре русского модернизма (В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, К.Д. Бальмонт, В.Ф. Ходасевич, М.И. Цветаева, О.Э. Мандельштам и др.) оказался недолгим, а эссе, написанные русскими писателями-эмигрантами на иностранных языках (В.В. Набоков, И.А. Бродский), создавались с целью интегрироваться в новую культуру¹, ориентировались на характерные для этой новой культуры понятийные структуры², а значит, и рассматриваться должны в инокультурном, а не в русском контексте. Уверенно говорить об эволюции вида при такой фрагментации материала не представляется возможным.

Однако письма, дневники и мемуары представлены в корпусе источников существенно лучше. Можно выделить две модели развития — одна была реализована дневниками и частной перепиской, а вторая — мемуаротворчеством XX в.

3.5.1

Дневники и частная переписка в изменившемся коммуникационном пространстве

Дневники и частная переписка были важным, в чем-то даже системообразующим элементом культуры XVIII–XIX вв. В то же время поддержание корреспонденции и ведение ежедневных записей о пережитом и прочувство-

¹ Так, И.А. Бродский пишет, что его эссеистика руководствовалась «единственным стремлением» — «очутиться в большей близости к человеку, которого <...> считал величайшим умом XX века: к Уистену Хью Одену». Поскольку же У.Х. Оден — поэт англо-американский, то «лучшим способом приблизиться к нему, работать на его условиях, быть судимым если не по его кодексу интеллектуальной чести, то по тому, что сделало в английском языке кодекс этот возможным», оказалось «писание по-английски» (*Бродский И.А. Поклониться тени // Бродский И.А. Меньше единицы: избранные эссе / пер. с англ. Е. Касаткиной. М., 1999. С. 341–342*).

² В эссе И.А. Бродского «Путеводитель по переименованному городу», посвященном советскому Ленинграду, присутствуют многочисленные «страноведческие» вкрапления о портретах Ленина, обстановке советских учреждений, быте рабочих и т.п. (*Бродский И.А. Меньше единицы... С. 9–10, 14, 16*). Русскому читателю поэта такие вкрапления едва ли были нужны, а западному, наоборот, необходимы. Возможен и другой эффект, также отмеченный в цитируемом произведении: «То немного, что я помню, сокращается еще больше, будучи воспоминаемо по-английски» (Там же. С. 8). Смена языка дает автору новый инструментарий для конструирования мира, а вместе с этим изменяется и, условно говоря, угол преломления действительности в его сочинениях. Поэтому наиболее адекватным интерпретационным контекстом для сочинений, написанных по-английски, будет английский языковой и литературный контекст.

ванном требовали, с одной стороны, времени и располагающей к письму обстановки, а с другой — определенных навыков выражения своих мыслей на бумаге. Более того, чтобы написать письмо, надо не только владеть пером, но и знать систему правил, диктующих и графическое решение (обращение, подпись и дата — на отдельных строках), и выбор лексических средств («Никогда не начинайте писем “уважаемый такой-то”, только “многоуважаемый”». Это дворнику я могу сказать: уважаемый»¹), и даже структуру текста («во первых строках» положено поинтересоваться делами и здоровьем адресата, а закончить письмо — благопожелательной формулой, выбираемой к случаю из определенного спектра). Сложность дела устанавливала высокий «порог вхождения»: в течение долгого времени культура дневников и писем оставалась по преимуществу достоянием элиты. Некоторое расширение круга пишущих наметилось в эпоху промышленной революции, когда стало расти число грамотных, а рабочим, пришедшим на заводы «от сохи», потребовались средства коммуникации с оставшимися в деревне родными. В свою очередь, в XX в. дневники и частная переписка оказались под воздействием нескольких разнонаправленных факторов.

С одной стороны, радикально выросло число людей, умеющих читать и писать. Декретом СНК от 26 декабря 1919 г. была запущена кампания по массовому обучению грамоте (известная как *ликвидация безграмотности*, сокращенно *ликбез*), а с 1923 г. велась подготовка к введению всеобщего начального обучения (всеобуч), которая увенчалась совместным постановлением ЦИК и СНК от 14 августа 1930 г., введившим обязательное образование в объеме четырех классов. В рамках второй пятилетки (1933–1937) в городах и рабочих поселках был осуществлен переход к обязательному семилетнему обучению; распространение этой практики на селе планировалось на третью пятилетку (1938–1942), но задержалось из-за Великой Отечественной войны. С 1958 г. обязательным стало восьмилетнее образование, а в 1970–1980-е годы осуществляется переход к обязательному среднему образованию в объеме либо десяти классов школы, либо восьми классов школы и последующих нескольких лет в профессионально-техническом училище. В итоге СССР стал страной с почти стопроцентно грамотным населением, а значит, практически каждый советский человек мог, возникни у него такая необходимость или желание, что-нибудь написать.

Радикально выросло и число ситуаций, в которых предполагались чтение и письмо. Мировые войны и локальные военные конфликты, «раскулачивание» и политические репрессии, индустриализация 1930-х годов и всесоюзные стройки 1960–1970-х отрывали людей от родных и близких, создавая необхо-

¹ Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2001. С. 255. Высказывание принадлежит известному филологу-классику С.И. Соболевскому (1864–1963).

димось обмена письмами. Крупные исторические процессы не могли не вызвать к жизни соответствующие им комплексы писем — письма фронтовиков и «воинов-интернационалистов», письма заключенных и ссыльных, письма комсомольцев-стройотрядовцев и т.п. Вовлеченность больших масс людей в масштабные и значимые с исторической точки зрения события должна была способствовать расширению практики письма. Но действовали и факторы, снижавшие число писем и дневников.

Сокращению объемов корреспонденции и упадку культуры дневников способствовал репрессивный характер советского государства. Вообще говоря, претензии тоталитарных режимов на контроль над всеми и всем ограничиваются нехваткой ресурсов. Ни одна спецслужба мира не сможет перлюстрировать все письма и ознакомиться с содержимым всех ящиков всех письменных столов. В то же время надзор за определенными группами людей может быть весьма плотным.

Так, исключительно жесткие формы имело ограничение переписки в местах лишения свободы: разрешение на получение и отправку писем, а также манипуляции с периодичностью и объемом дозволенной корреспонденции были важным инструментом воздействия на «контингент» со стороны администрации. В свою очередь, родные и близкие заключенных (особенно осужденных по «политическим» статьям) должны были считаться с тем, что переписка с лицом, отбывающим срок, рано или поздно привлечет внимание органов госбезопасности, а за этим могли последовать неприятности по службе или «по партийно-комсомольской линии» (а в сталинскую эпоху — и административная высылка в качестве «члена семьи врага народа»). Требовалось личное мужество, чтобы сохранять отношения с человеком, находящимся в заключении. Что же касается дневников, то их ведение в условиях советского лагеря было практически невозможным из-за дефицита писчих материалов и регулярных обысков. Как следствие, корпус писем заключенных и тем более лагерных дневников будет невелик.

С определенными ограничениями сталкивались военнослужащие действующей армии. В частности, во время Великой Отечественной войны органами военной цензуры осуществлялся сплошной просмотр всей переписки солдат и офицеров, причем цензоры не только вымарывали из писем фрагменты, содержащие секретные сведения, но и сообщали «куда следует» о политически некорректных высказываниях корреспондентов. Контролировать ведение дневников на фронте было сложнее, однако и скрывать записки было трудно, так что рано или поздно многие авторы дневников вынуждены были давать объяснения командирам или политработникам частей, а то и контрразведке. Не все фронтовики сознавали опасность, вытекающую из того, что их письма и дневниковые записки могут быть просмотрены посторонними лицами. В частности, за корреспонденцию с критическими

характеристиками И.В. Сталина, «прозрачно закодированного» участника переписки «из Отца в Пахана», был арестован и осужден А.И. Солженицын¹. Но многие понимали, что необходимо соблюдать осторожность², и это сказывалось на содержании отправляемых писем. Признаками самоцензуры могут быть сокращение объема писем или записей, исчезновение подробностей, изменение стиля (особенно в сторону шаблонных формулировок, напоминающих риторичность газет). Понятно, что появление подобных черт свидетельствует скорее об изменившихся жизненных обстоятельствах, чем об интеллектуальной эволюции автора в сторону большей лояльности к существующему режиму.

Наряду с политико-административными, существовали и бытовые факторы, затруднявшие написание писем и ведение дневников. Так, урбанизация страны обернулась ухудшением жилищных условий — как для лиц, приезжавших в города из деревни, так и для тех, кто жил в городах от рождения. С первых послереволюционных лет и вплоть до 1960-х годов преобладающим типом жилья стали коммунальные квартиры и бараки, обстановка в которых далеко не всегда способствовала вдумчивому письму и хранению написанного. Некомфортная бытовая обстановка превратилась в фактор, препятствующий письменному творчеству индивида. В свою очередь, в 1960–1970-е годы, когда жилищная ситуация начала меняться в лучшую сторону, широкого распространения достигло и новое средство коммуникации — телефон. Письма проигрывали телефонной связи в оперативности и удобстве, а значит, интенсивность переписки между частными лицами все более и более сокращалась. Что же касается дневников, то на них зачастую не хватало не только культуры, но и времени. В итоге изменения стиля жизни привели к системному кризису обоих рассматриваемых видов источников, выход из которого если и наметился, то лишь с распространением технологий обмена информацией с помощью компьютерных сетей (электронная почта, BBS и Fidonet, с начала 1990-х — передача гипертекста через сеть Интернет). Впрочем, в Советском Союзе указанные технологии оставались практически неизвестны, а Интернет в принципе возник за несколько месяцев до распада СССР.

В целом тенденции в эволюции писем и дневников советского времени свидетельствуют о сокращении личного начала в культуре. В изменившейся социальной среде человеку становится сложно, а иногда и вовсе невозможно выразить свое индивидуальное «я».

¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: опыт художественного исследования // Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 2010. Т. 4. С. 131.

² Описав обстоятельства своего ареста, А.И. Солженицын признает: «Когда я потом в тюрьмах рассказывал о своем деле, то нашей наивностью вызывал только смех и удивление». (Там же.)

3.5.2

Мемуары XX века: новое содержание

Мемуаристика XX в. развивалась по несколько иной логике, чем письма и дневники. Впрочем, результат этого развития оказался сопоставимым и состоял в сокращении личного начала, иногда — вплоть до полного исчезновения такового.

Мемуарописание вообще не может рассматриваться как сугубо личностная практика. В основе своей мемуары опираются на собственные впечатления автора о событиях, происходивших на его глазах или при его участии. Однако индивидуальные наблюдения необходимо выразить так, чтобы они были восприняты потенциальными читателями, и это ставит мемуариста перед необходимостью согласования своего неповторимого опыта с уже существующими в обществе правилами построения нарративов. В результате социум оказывает воздействие на форму и содержание воспоминаний.

Сценарии согласования индивидуального и социального многообразны.

На уровне стилистики этот процесс выражается в воспроизведении автором повествовательных моделей, сложившихся в художественной литературе и воспринимаемых в читательской среде как необходимые атрибуты эстетически приемлемого текста. Порой эстетическая обработка воспоминаний проходит относительно безболезненно, и рассказ приобретает в выразительности, не теряя одновременно в достоверности сообщаемых деталей. Но зачастую стремление к изяществу слога вынуждает мемуариста отступать от точности. Так, в мемуарах генерала и диссидента, члена Московской и Украинской Хельсинкской групп П.Г. Григоренко рассказывается среди прочего о сельском священнике о. Владимире Донском, имевшем большое влияние на автора в детстве. О. Владимир предстает перед нами талантливым проповедником. В частности, с помощью пространной, насыщенной примерами из Писания речи он убедил дядю автора, человека верующего, но церковь не посещавшего, в необходимости ходить на службы и принимать причастие. При этом речь священника приводится полностью, хотя очевидно, что подобный текст не может сохраниться в памяти, тем более в памяти мемуариста, присутствовавшего при беседе ребенком¹. Явная нестыковка не говорит о недостоверности воспоминаний П.Г. Григоренко. Напротив, почти не приходится сомневаться в том, что в разбираемом тексте точно воплотились детские впечатления мемуариста. Ясно в то же время, что далеко не всякая приводимая в мемуарах деталь документальна. Стремясь к эффекту присутствия или просто ориентируясь на литературные образцы, мемуарист может конструировать реальность, действуя не столько как историописатель, сколько как сочинитель.

¹ Григоренко П.Г. В подполье можно встретить только крыс... М., 1997. С. 25–26.

Тематика и структура мемуаров также определяются не только личными установками автора, но и запросами среды. Ни одни, даже самые пространственные мемуары не могут охватить всего жизненного опыта написавшего их человека. Приходится отбирать эпизоды, а значит, и формировать некую модель будущего текста, задумываясь, в частности, о том, зачем он будет написан. Многие мемуаристы подходят к своим сочинениям сугубо индивидуалистически, ориентируясь только на собственное ощущение важности излагаемого. Но есть и те, кто берется за перо постольку, поскольку ощущает общественную значимость событий, известных им из первых рук. Социум в этом случае естественным образом направляет творчество мемуаристов, требуя, по словам одного из крупнейших отечественных филологов Е.М. Мелетинского, «выбирать соответствующие темы — самые “героические”, всем интересные»¹. Воспоминания самого Е.М. Мелетинского, посвященные участию автора в Великой Отечественной войне и пребыванию в сталинских лагерях, написаны с полным осознанием контраста между официальным пониманием героического и тем, что помнит обычный человек; в некоторых случаях этот контраст даже становится предметом иронии:

Как назло, о начале войны я узнал очень негероично, от своей бабушки, а бабушка — от лифтерши².

Однако далеко не у всех мемуаристов есть силы и возможность сопротивляться давлению извне.

Ориентация на общественную значимость особенно характерна для разновидности мемуаров, определяемой как «мемуары — современные истории» и посвященной не личности автора, а встречам автора с другими людьми, или событиям, которым он был свидетелем. Признание обществом важности того или иного исторического эпизода (или, напротив, ощущение всеобщего забвения) выступает в данном случае основным фактором, побуждающим взяться за перо и оправдывающим написанное как с точки зрения самого автора, так и в глазах окружающих³. Однако и мемуары-автобиографии тоже могут быть построены с оглядкой на общество, вплоть до попыток подгонять собственный жизненный путь под одобренные обществом модели. Понятно, что для адекватной интерпретации таких мемуаров необходимо иметь детальное представление о государственной идеологии и общественных настроениях времени их создания, в противном случае историк будет обречен воспроизводить шаблоны самоописания, сложившиеся в изучаемом социуме.

¹ Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М., 2008. С. 433.

² Там же. С. 437.

³ Как пишет Е.М. Мелетинский, «пережитое кажется ценным только потому, что за него заплачено страданиями, теми или иными. Это — общее положение для всякой жизни, а не только для такой, которая богата несчастьями <...>. Но большое количество специально несчастных, да еще по вине “эпохи”, как бы дает дополнительное право вспоминать о себе, и вот этим-то правом я и воспользуюсь». (Там же. С. 433.)

В принципе, указанные тенденции характерны для любой мемуаристики. Однако в XX в. (и, в частности, в рамках советского общества) естественная тенденция к сокращению личностного начала мемуаристики обозначилась с небывалой прежде ясностью. Этому способствовало действие двух факторов.

Первый из этих факторов — интенсификация информационных потоков. Было относительно легко абстрагироваться от воздействия среды, когда его инструментарий ограничивался личными контактами и письменными текстами. Но современные формы культуры и средства коммуникации — кино, радио и телевидение — оказывают существенно более сильное давление на человека, потому что выдают информацию в непрерывном режиме и воздействуют на органы чувств комплексно (радио — словом и музыкальным сопровождением, а кино и телевидение, кроме того, еще и изображением). Влияние уплотнившегося информационного поля на мемуаристов может проявляться по-разному, от попыток полемики с «рупорами» и «голубыми экранами» до стремления подстроить всю свою биографию под требования киноиндустрии. Предельную интенсивность взаимодействия кинематографа и памяти представляет сочинение «самодеятельного писателя», пенсионерки из города Первомайска Ворошиловградской (Луганской) области (ныне — Украина) Е.Г. Киселевой. Это произведение, введенное в научный оборот в середине 1990-х годов культурологами Н.Н. Козловой и И.И. Сандомирской¹, озаглавлено «Киселева, Кишмарева, Тюричева: я так хочу назвать кино» и имеет синкретическую форму: начинается как воспоминания, а продолжается как дневник, разделенный на записи, сопровождающиеся точными датами. Уже само заглавие указывает на то, что Е.Г. Киселева хотела бы сделать свою биографию основой для фильма. В свою очередь, детальный анализ текста обнаружил как прямые отсылки к советскому кинематографу, так и косвенные (возможно, подсознательные) заимствования из ряда кинокартин, особенно военных². Случай Е.Г. Киселевой — крайний; для малограмотной, живущей вдалеке от основных центров культуры мемуаристики с неполным средним образованием радио и телевидение заменили все прочие формы культуры по необходимости. Но в воспоминаниях одного из создателей советской водородной бомбы, а в дальнейшем крупнейшего правозащитника академика А.Д. Сахарова также присутствуют и упоминания о передачах советского радио и телевидения, и даже беглое сопоставление собственного опыта мемуариста в науке с тем, как советские физики представлены на киноэкране:

История с «фальшивыми» нейтронами получила некоторое отражение в фильме режиссера Михаила Ромма «Девять дней одного года», вышедшем

¹ Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Я так хочу назвать кино: «наивное письмо»: опыт лингвосоциологического чтения. М., 1996; Сандомирская И.И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. С. 115–143.

² Подробнее см.: Сандомирская И.И. Книга о Родине... С. 132, 139.

на экраны в 60-х годах; недавно его вновь показывали по телевидению <...>. Герой фильма — Гусев — имеет имя и отчество, напоминая мои — Дмитрий Андреевич, но он экспериментатор; отец его живет в деревне (воплощает народную мудрость). Ромм пытался в своем фильме показать изнутри жизнь научно-исследовательского ядерного института, пафос и психологию работы над мирной (и — за кулисами — немирной) термоядерной тематикой. Мне первоначально фильм скорее понравился; теперь мне кажется, что его портит слишком большая «условность» большинства ситуаций¹.

Выявление содержательных и стилистических перекличек, которые связывают советскую мемуаристику с кино, радио и телевидением, — нетривиальная исследовательская задача, требующая от историка навыков параллельной работы с несколькими типами исторических источников. В то же время игнорировать влияние новых средств коммуникации на мемуарные тексты нельзя.

Вторым фактором, усиливавшим влияние среды на мемуаристов XX в., было развитие исторических знаний. Еще во второй половине XIX в. авторы воспоминаний начали воспринимать свой труд как общественное служение, долг перед будущими поколениями и, в частности, перед будущими историками. В XX в. такое восприятие стало достоянием всего общества и повлекло за собой качественное изменение социального статуса мемуариста. Автор воспоминаний стал фигурой уважаемой, а труд его — не увлечением одиночки, а общественно значимой работой. Последствия этих изменений оказались разнообразны.

Прежде всего сами мемуаристы (или, во всяком случае, часть из них) стали строже относиться к своим сочинениям, оценивая написанное с точки зрения полноты и достоверности. Простейшим проявлением этого нового восприятия воспоминаний становятся ссылки на недостатки человеческой памяти, сопровождающие многие мемуары. Так, «Воспоминания и размышления» маршала Г.К. Жукова начинаются со слов об этом:

На склоне лет своих трудно вспомнить все, что было в жизни. Годы, дела и события выветрили из памяти многое, особенно относящееся к детству и юности. Запомнилось лишь то, что забыть нельзя².

Подобные оговорки избыточны для квалифицированного читателя, понимающего, что специфика и ценность воспоминаний — не в полноте информации, а в уникальности представленной точки зрения. Вместе с тем приведенные слова исключительно важны как проявление новых требований к мемуарному тексту, выдвигаемых изменившейся культурной средой.

¹ Сахаров А.Д. Воспоминания. М., 1996. Т. 1. С. 203.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Изд. 9-е. М., 1988. Т. 1. С. 9.

Предотвратить неточности (и одновременно несколько облегчить груз ответственности) помогают обращения к источникам и специальной литературе, также составляющие отличительную черту мемуаристики XX в. Авторы воспоминаний используют материалы из личных и государственных архивов, привлекают издания и исследования, прибегают к помощи других участников описываемых событий или научных консультантов. В частности, в уже упомянутых «Воспоминаниях...» Г.К. Жукова использованы документы, хранившиеся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, Центральном партийном архиве, Архиве Министерства обороны СССР и др., мемуары советских и немецких военачальников, ряд научных исследований, включая коллективную многотомную монографию по истории Второй мировой войны, выпущенную в середине 1970-х, Советскую военную энциклопедию и множество других материалов. Кроме того, маршал с благодарностью говорит о помощи «ряда товарищей», в том числе «генералов и офицеров Военно-научного управления Генерального штаба Советских Вооруженных Сил и Института военной истории»¹. Работа с источниками и литературой, рассматриваемая авторами воспоминаний как неизбежное следствие их высокой общественной роли, сближает мемуары с научными исследованиями и публицистикой и в то же время сокращает пространство для проявления личностного начала.

Общество, со своей стороны, прилагало специальные усилия по сбору и публикации воспоминаний о значимых этапах в истории страны. Советское историческое сознание формировалось в условиях неравномерного внимания власти к важнейшим для страны «местам памяти». Увековечение истории революционного движения началось уже в первые месяцы советской власти. Напротив, официальные представления о Великой Отечественной войне и соответствующие им практики коммемораций прошли несколько этапов становления, окончательно сформировавшись лишь в 1960–1970-е годы. Наконец, даже после разоблачения культа личности память о сталинских репрессиях существовала по большей части подспудно и получила признание на государственном уровне только в конце 1980-х. Соответственно, и усилия, затраченные властью на сбор и систематизацию воспоминаний о разных периодах истории страны, были неравномерны. Однако если мемуарист писал на приемлемую с точки зрения текущего момента тему и проходил идеологический контроль в частности, то перед ним открывались широкие возможности публикации написанного как на страницах периодической печати, так и в виде самостоятельных книжных изданий. Воспоминания революционеров и участников Гражданской войны публиковались в журналах «Пролетарская

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 5. Во втором и последующих изданиях этот фрагмент текста отсутствует.

революция» (1921–1941), «Каторга и ссылка» (1921–1935), сборниках «Материалы по истории профессионального движения в России» (1924–1927), «Старый большевик» (1930–1934), некоторых томах серии «История фабрик и заводов» (1931–1938), а также в ряде других периодических и непериодических изданий, выходящих под эгидой нескольких государственных и общественных организаций (Комиссий по истории Октябрьской революции и РКП(б)¹, Института К. Маркса и Ф. Энгельса и Института Ленина², Комиссий по изучению истории профессионального движения в России и СССР³, Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Общества старых большевиков и др.), и в дальнейшем переиздавались. Военные мемуары печатались на страницах «Военно-исторического журнала» (выходил с 1939 по 1941 г. и с 1959 г. по настоящее время), в книгах серии «Военные мемуары» (1963–1990) и в самостоятельных изданиях; причем особенно значимые воспоминания издавались неоднократно⁴. Воспоминания репрессированных на государственном уровне никогда не собирались, но в те краткие периоды, когда позволялось обсуждение темы репрессий, точками концентрации такого рода воспоминаний становились «толстые» литературные журналы, и прежде всего «Новый мир», репутация которого в качестве либерального и антисталинского была сформирована публикацией (в № 11 за 1962 г.) повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Систематический подход к сбору и изданию мемуаров позволил сохранить много уникальных материалов. В то же время перспектива снискать славу носителя памяти о героических и трагических страницах в истории страны выступала дополнительным стимулом писать «как надо», оглядываясь на ожидания властей и «широкой читательской аудитории».

Примечательным проявлением нового общественного статуса мемуаристов стала практика так называемой *литературной записи* воспоминаний крупных исторических деятелей профессиональными *hommes de lettres* — журналистами или писателями. Литературные записи появились еще в XIX в. (так, рассказ Н.С. Лескова «Кадетский монастырь» представляет собой обработанную стенограмму воспоминаний издателя и общественного деятеля Г.Д. Похитонова), однако в советское время эта практика получила интенсивное развитие, не в последнюю очередь благодаря поддержке М. Горького, который видел в литературной записи ценную возможность сохранить уни-

¹ Известны под сокращенным названием *Истпарты*.

² С 1931 г. Истпарт при ЦК ВКП(б), Институт Маркса и Энгельса и Институт Ленина были объединены в Институт Маркса–Энгельса–Ленина, в дальнейшем известный как Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Накопленные архивные материалы, при этом, были переданы в Центральный партийный архив, являвшийся структурным подразделением ИМЛ.

³ Сокращенно — *Истпрофы*.

⁴ В частности, воспоминания Г.К. Жукова выдержали в советское время девять изданий.

кальный исторический опыт «бывалых людей» и в свое время сам осуществил литературную запись воспоминаний Ф.И. Шаляпина. В 1930-е годы интенсивно публиковались записи рассказов рабочих¹, в 1940–1980-е выходили и переиздавались записи воспоминаний участников Великой Отечественной войны², а уже в 1990-е увидели свет записи бесед писателя Ф.И. Чуева с видными деятелями сталинской эпохи В.М. Молотовым и Л.М. Кагановичем³. За устоявшимся понятием «литературная запись» могут скрываться различные формы сотрудничества, от редактирования профессионалом уже готовой рукописи воспоминаний до написания текста фактически с нуля. Разнообразие сценариев взаимодействия обеспечивает разное соотношение личностных начал: в одних случаях воздействие литератора незначительно и ограничивается стилистической правкой, в других «помощник» осуществляет отбор и структурирование материала, плотно контролируя мысль мемуариста, личность которого едва угадывается в итоговом тексте. Более того, в некоторых случаях записываемые явно обозначают свое нежелание создавать мемуары⁴, особенно в сотрудничестве с третьими лицами⁵. Но личные соображения отступают на второй план перед обязанностью человека поделиться своим уникальным опытом и социальной значимостью последнего.

В итоге мемуаристы XX в. оказались заложниками господствующих в обществе исторических представлений: социум определял за них и о чем, и что, и как писать. Это заставляет историка, привлекающего мемуары в качестве исторического источника, обращать особое внимание на литературные нормы и идеологические конструкты, характерные для того времени, когда они были написаны. Зная требования, которые общество предъявляло к презентации собственного прошлого, проще увидеть те ситуации, где автор позволил себе отступить от фактически сложившегося стандарта, а значит, и приблизиться к новому знанию о прошлом, расширяющему границы сложившихся представлений.

¹ Боровик В.Н., Мирер С.И. Революция: устные рассказы уральских рабочих о Гражданской войне. М.; Л., 1931; Люди Сталинградского тракторного / сбор мат. и обработка Я.Н. Ильина и Б.А. Галина. М., 1933; Были горы Высокой: рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни / под ред. М. Горького, Д. Мирского. М., 1935 и переизд. и др.

² В частности: Бек А.А. Волоколамское шоссе. М., 1945 (литературная запись рассказов Б. Момыш-Улы); Федоров А.Ф. Подпольный обком действует / лит. запись Е. Босняцкого. М., 1947. Кн. 1: Коммунисты уходят в подполье; Покрышкин А.И. Небо войны / лит. запись А.М. Хорунжего. М., 1966 и др. Все упомянутые книги неоднократно переиздавались полностью или в отрывках.

³ Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М., 1991; *Его же*. Так говорил Каганович: исповедь сталинского апостола. М., 1992.

⁴ «— Все ждут, когда вы напишете мемуары.

— Мне это неинтересно. Ленин не писал, Сталин не писал...» (Чуев Ф.И. Так говорил Каганович... С. 452).

⁵ «Нет, — резко сказал Баурджан Момыш-Улы, — я ничего вам не расскажу. Я не терплю тех, кто пишет о войне с чужих рассказов» (Бек А. Волоколамское шоссе: тетралогия // Бек А. Собр. соч. М., 1991. Т. 2. С. 7).

ЧАСТЬ II

**КОМПАРАТИВНОЕ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
КАК МЕТОД
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Компаративное источниковедение — метод сравнительно-исторического исследования, базирующийся на теоретическом осмыслении положения, что основная классификационная единица источниковедения — вид исторических источников — репрезентирует объединенные единством целеполагания определенные формы социальной деятельности человека, совокупность которых составляет историю общества. Компаративное источниковедение позволяет выявить как общее в социокультурных ситуациях, зафиксировав схожесть видовой структуры порождаемых ими систем исторических источников, так и особенное — через экспликацию специфики становления отдельных видов исторических источников.

К определению «компаративное источниковедение» следует относиться как к термину, т.е. как к словосочетанию, обозначающему понятие, о содержании которого мы только что условились. В противном случае оно выглядит как тавтология, поскольку исследование вообще, и в том числе источниковедческое, вне сравнения невозможно.

1

глава

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

1.1

СРАВНЕНИЕ КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ

Сравнение — один из универсальных и наиболее распространенных методов научного познания. Сравнение — это, по сути, способ не только исследования, но и восприятия действительности. Видя какой-либо предмет, мы сравниваем его с теми образцами, которые уже содержатся в нашем сознании. Часто под сравнительным исследованием понимается обнаружение сходства/аналогий. Но результатом сравнительного исследования должна быть констатация черт как сходства, так и различия исследуемых объектов.

Если объекты обнаруживают больше различий, чем сходства, это вовсе не означает, что их нельзя сравнивать, а это есть нормальный вывод сравнительного исследования. Неучет этого обстоятельства ведет зачастую к слишком узкому пониманию возможностей сравнения.

Для иллюстрации приведем лишь один произвольно взятый, но весьма характерный пример — статью известной польской исследовательницы античности А. Вонсович «Сравнительный метод в изучении греческой колонизации», опубликованную в рамках дискуссии «Великая греческая колонизация: итоги и перспективы изучения»¹. Рассматривая вопрос о границах применимости сравнительного метода при изучении различных регионов греческой колонизации, А. Вонсович указывает, что в ряде случаев анализируемые историками явления не подлежат сравнению. Исследовательница ставит проблему следующим образом: при сравнительном анализе необходимо предварительно ответить на вопросы: «Какие районы колонизации следует сравнивать, когда использовать параллели и в какой степени? Можно ли сравнивать механически все районы греческой колонизации или следует учитывать действительно сходные примеры?» Иллюстрируя эту мысль, А. Вонсович предлагает сравнивать милетские колонии в Причерноморье и фокейские в западной части греческой ойкумены. «Основой для сравнения этих двух линий колонизации, — пишет она, — можно считать сильно развитую торговлю, специфические отношения с местным населением <...> и т.д.» В то же время А. Вонсович предостерегает от сравнения «между, с одной стороны, колониями Милета в Колхиде и, с другой, ахейскими и дорийскими колониями в Великой Греции и Сицилии: их корни разные, неодинаковы функции, что а priori делает их различными и, соответственно, неудобными для сравнения»².

Но если посмотреть на проблему чуть шире, чем это делает А. Вонсович, то мы заметим, что вывод о сопоставимости милетских и фокейских колоний, равно как и о несопоставимости колоний Милета в Колхиде с ахейскими и дорийскими в Великой Греции и Сицилии, есть *результат сравнительного исследования*, а именно его первого этапа — установления *одномасштабности* и *изоморфности* сравниваемых далее объектов.

В связи с рассмотренным примером подчеркнем, что вопрос «Можно ли сравнивать два объекта, понятия и т.д.?» принципиально некорректен. Если такой вопрос возник, значит сравнение уже началось.

Итак, в процессе сравнения необходимо решить вопрос об *одномасштабности* сравниваемых объектов и их *изоморфности*. Но еще раз заметим, что этот вывод может быть получен лишь в процессе сравнения и должен рассматриваться как его результат.

¹ Вонсович А. Сравнительный метод в изучении греческой колонизации // Вестник древней истории. 1995. № 4. С. 106–110.

² Там же. С. 108–109.

Затем следует поставить вопрос о *критериях* сравнения. И это, как правило, вопрос самый сложный.

В обыденном понимании поставленные два вопроса могут быть интерпретированы следующим образом: с чего начинается сравнение — с обнаружения сходства или различия? Не углубляясь в поисках ответа в сферу психологии восприятия, заметим, что в процессе исследования эти два аспекта неразрывно связаны, но аналитически следует поставить на первое место сходство, т.е. определение одномасштабности и изоморфности объектов сравнительного исследования.

В рассмотренном выше примере из статьи А. Вонсович первый этап был практически выведен за рамки исследования, что часто происходит в случаях, когда проблема уже неплохо изучена и накоплен большой эмпирический материал, позволяющий специалисту на уровне интуиции уловить изоморфность объектов.

1.2

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Сравнительно-историческое исследование предполагает отрефлексированное отношение к объекту, методу и задачам сопоставления исторических феноменов, четкую экспликацию критериев их сопоставления.

Проблематизация задач и метода сравнительно-исторического исследования происходит на рубеже XIX–XX вв., во-первых, в связи с кризисом линейных, в том числе стадийных, моделей исторического процесса, расширением *умопостигаемого поля истории* (терминология А. Тойнби) от государства к цивилизации, а также, во-вторых, в связи с осмыслением в ходе методологического кризиса рубежа веков оппозиции номотетики и идиографии как различных способов построения научного знания.

Оппозиции «номотетика — идиография» до сих пор отчасти сохраняет свой познавательный смысл¹. Как было замечено выше, сравнение — универсальная категория мышления и универсальный метод научного познания, поэтому глобальные различия познавательных подходов не могут не проявиться по отношению к целям и способам сравнительно-исторических исследований.

На протяжении XX в. оба подхода обнаружили свою ограниченность в силу невозможности достижения на их основе целостного исторического знания. Противоречие между целостностью восприятия и дискретностью

¹ Заметим, что представители Баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт применяли понятия «номотетика» и «идиография» для противопоставления методов наук о природе и наук о культуре. Мы же используем эти понятия для обозначения различных подходов внутри научного исторического знания.

знания по-разному проявляется в номотетических и идиографических направлениях. Номотетический (типизирующий) подход моделирует историческое целое, абстрагируясь от деталей, иногда весьма значимых. Идиографический (индивидуализирующий) — воссоздает локальное целое, но не дает методологического инструментария для включения его во всемирно-историческое целое. Максимально ясно ограниченность возможностей и номотетического, и идиографического подходов проявляется при решении наиболее актуальных проблем современного исторического познания — гуманитаризации исторического знания и сравнительно-исторического исследования. Идиографический подход, сохраняя гуманитарный характер исторического познания, не дает, по сути, метода сравнительно-исторического исследования, поскольку имеет дело с индивидуальными культурными феноменами. Номотетический подход, давая возможность сравнительно-исторического исследования, ведет к дегуманизации исторического познания, поскольку абстрагируется от конкретного человека.

С точки зрения метода сравнительно-исторического исследования очевидно, что номотетические подходы нацелены на выявление общего, повторяющегося, а идиографические — на выявление различий.

Известный русский историк Н.И. Кареев (1850–1931), считавший себя последовательным позитивистом, предлагал весьма оригинальный способ примирения противоречий внутри данной оппозиции, разделяя *сравнительно-исторический* и *сравнительно-социологический* методы.

Исходным пунктом рассуждений Н.И. Кареева служит следующее утверждение:

Известная сумма фактов может изучаться вместе или потому, что между ними существует более или менее прямая связь, или потому, что, вне какой бы то ни было реальной связи между ними, наблюдается сходство их между собою, кроме случаев, когда и само сходство объясняется реальной связью¹.

Н.И. Кареев, отмечая заслуги О. Конта в становлении сравнительного метода в социологии, подчеркивает, что этот метод применялся «*в интересах номологического, а не идиографического знания*», а «*вопрос о сравнительной методе в идиографических целях остается неразработанным*»².

Н.И. Кареев раскрывает значение в истории наследования и заимствования различных культурных и социальных форм и приходит к выводу:

Во всех случаях, когда сходство того и другого у отдельных народов объясняется либо тем, что они нечто сообща унаследовали, либо тем, что нечто одни у других заимствовали, между сходными фактами устанавливается

¹ Кареев Н.И. Историка (Теория исторического знания). Пг., 1916. С. 142.

² Там же. С. 143.

прямая генетическая связь, подобная той, которая существует между кровными родными или лицами, находящимися в свойстве¹.

При всей сложности различения наследования и заимствования и в том и в другом случае важно «наличие общих корней». Но Н.И. Кареев выделяет ситуации и другого типа:

Существует еще масса примеров поразительного сходства, иногда доходящего почти до тождественности, между бытовыми формами у народов, не имеющих общего происхождения и не находившихся в каком-либо соприкосновении между собою².

В качестве примера Н.И. Кареев приводит наблюдения этнографов над тем, что у самых разных народов существует обычай кровной мести, которая затем заменяется вирой. Такие совпадения, по его мнению, могут объясняться либо случайностью, либо «действием одинаковых причин». Познавательные ситуации разного типа требуют разных исследовательских подходов:

Следует <...> в сравнительном изучении различать сравнительно-историческое и сравнительно-социологическое: оба пользуются для сравнения историческими (или этнографическими) фактами, но историка интересуют лишь факты, между которыми можно установить генетическую связь, социолога же преимущественно факты, свидетельствующие о наличии в каждом примере одинаковой причины, приводящей к одинаковому следствию³.

Стоит заметить, что Н.И. Кареев полагал, что на тех же основаниях и при помощи тех же сравнительно-исторического и сравнительно-социологического методов могут «сравниваться между собою и целые исторические процессы в их обобщенных и отвлеченных формулировках»⁴.

Проводимое Н.И. Кареевым различение сравнительно-исторического и сравнительно-социологического подходов представляет для нас интерес еще и потому, что выбор сравнительно-исторического или сравнительно-социологического метода зависит не только и не столько от характера взаимосвязи исследуемых феноменов (наследование, заимствование или сходные причины возникновения), сколько от нацеленности историка на номотетический или идиографический метод исторического построения:

Предприная <...> сравнение, социолог будет интересоваться установлением общей истины, касающейся всех однородных предметов распространительно и вне тех, которые были взяты в расчет, тогда как историк, кроме того общего, что можно сказать о данном круге сравниваемых процессов, будет иметь в виду и то еще, что характеризует и каждый данный предмет в отдельности⁵.

¹ Кареев Н.И. Историка... С. 145–146.

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 147–148.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Там же.

Естественно, что Н.И. Кареев сосредоточивает свое внимание на сравнительно-историческом методе, как, во-первых, отвечающем задачам собственно исторического познания и, во-вторых, менее разработанном. При этом он подчеркивает:

Сравнительное изучение однородных процессов в двух или нескольких странах может служить не только целям исторической генерализации, но и целям лучшего понимания отдельных разновидностей одного и того же общего исторического явления¹.

Н.И. Кареев оспаривает заблуждение (кстати, и по сию пору распространенное, что было отмечено выше), что задачей сравнительного исследования выступает исключительно обнаружение черт сходства сравниваемых объектов, а если объекты обнаруживают существенное количество различий, то применяется имеющийся штамп — «эти явления не сопоставимы» (при этом забывают, что такое утверждение — результат уже проведенного сравнения). Он утверждает:

Представление о сравнительном методе как об исключительном изучении сходств в целях обобщения — представление, существующее, кстати сказать, у многих, — ошибочно, и как раз сравнение пунктов различия помогает схватить все своеобразие отдельных частных случаев и тем лучше понимать местные, индивидуализирующие причины, условия, обстоятельства².

Любопытна переключка размышлений русского философа, социолога и историка рубежа XIX–XX вв. Н.И. Кареева и современного французского историка М. Эмара, отстаивающего самобытность исторического познания перед лицом опасности наступления социологии³. Социологический вызов истории во французской традиции социального знания М. Эмар связывает с тезисом Э. Дюркгейма: «История может считаться наукой только в той мере, в какой она объясняет мир, а объяснить его возможно только благодаря сравнению». Следствием этого утверждения, по мнению М. Эмара, становится своеобразный социологический «империализм», выразившийся в формуле «Встав на путь компаративизма, история становится неотличимой от социологии».

Критически оценивая воздействие социологического компаративизма на историческое знание, М. Эмар подмечает одну особенность неравноправных взаимоотношений между историей и социологией:

Сравнение способов производства или политических режимов предполагает проведение различия между категорией общего и способами его проявления, или иными словами — проведение различий между существенным

¹ Кареев Н.И. Историка... С. 152.

² Там же. С. 153.

³ Эмар М. История и компаративизм // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России: материалы из цикла семинаров «Поддержка региональных инноваций в программах и методах преподавания истории». М., 1999. С. 70–82.

и дополнительным. Таким образом, из общей исторической картины изымается все то, что представляется лишенным какого бы то ни было значения, поскольку отклоняется от модели или нормы. Однако же эти небольшие отклонения, значение которых еще и преднамеренно преуменьшается, вновь обретают свою важность всякий раз, когда возникает возможность списать на них неудачу в итоге...¹

Итак, мы показали, что номотетические и идиографические подходы различаются в числе многого другого и задачами применения сравнительного метода, нацеленностью его на поиск черт сходства или, наоборот, различий сравниваемых объектов.

Один из возможных вариантов синтеза номотетического и идиографического подходов дает оригинальная эпистемологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского, к которой в конечном счете восходит метод компаративного источниковедения.

Как уже отмечалось, на рубеже XIX–XX вв. наблюдается кризис линейных моделей историописания, начинает осознаться необходимость глобальных подходов к изучению истории. Одно из основных понятий в концепции А.С. Лаппо-Данилевского — *мировое целое*; при этом объектом исторического познания выступает человечество как часть мирового целого. Понятие «мировое целое» не конструируется как эпистемологическая категория (например, как понятие общественно-экономической формации в марксизме). А.С. Лаппо-Данилевский констатирует восприятие человеческим сознанием *мирового целого*:

...только мировое целое, единое и единичное, становится в полной мере действительностью, каждая из частей которой лишь искусственно может быть извлекаема из реального единства для научного ее рассмотрения².

Таким образом, понятие мирового целого — это предельное понятие. Историк вычленяет объект своего исследования: человечество как часть мирового целого, наделенную сознанием и в качестве таковой воздействующую на мировое целое.

Кроме понятия «мировое целое», А.С. Лаппо-Данилевский вводит понятие «эволюционное целое», как часть которого рассматривается отдельный факт культуры (исторический факт). Поскольку факты культуры мыслятся как уникальные, не повторяющиеся во времени, «положение таких фактов в данном эволюционном целом <...> может быть только одно»³. Выстраивая эволюционное целое, исследователь, оставаясь на позициях идиографии, должен иметь в виду не изменения, повторяющиеся в действитель-

¹ Эмар М. История и компаративизм... С. 70.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 536.

³ Там же. Т. 1. С. 335.

ности (поскольку признание устойчивой повторяемости ведет к фиксации закономерности, что свойственно номотетике), а единичный процесс изменения — как таковой, взятый как целое.

А.С. Лаппо-Данилевский, отталкиваясь от современного ему деления наук на номотетические и идиографические, синтезирует эти понятия, рассматривая их как два подхода к единому объекту истории. Он пишет:

С номотетической точки зрения историк изучает то, что есть общего между изменениями, с идиографической — то, что характеризует данное изменение, отличает его от других и, таким образом, придает ему индивидуальное значение в данном процессе¹.

Необходимость сочетания номотетического и идиографического подходов в исследовании объекта культуры при ведущей роли идиографического вытекает из самой природы идиографии. Интересуясь каждым единичным уникальным фактом, исследователь вынужден выбирать из них факты с историческим значением. При номотетическом подходе критерием такого отбора выступает типичность, при идиографическом — ценность, определяемая в том числе и по силе воздействия на *эволюционное целое*. Таким образом, А.С. Лаппо-Данилевский, синтезируя номотетический и идиографический подходы, показывает, что отличие выявляется на фоне сходства, а сходство, в свою очередь, выявляется при элиминировании различий.

«Номотетическое изучение влияния среды на индивидуумов в ее уравнительном значении» в полной мере реализуется в основной классификационной единице источниковедения — виде исторических источников², что и позволяет на этой основе построить метод компаративного источниковедения.

Два основных вопроса сравнительно-исторического исследования — выбор одномасштабных и изоморфных объектов и определение критериев сравнения — мы и попытаемся разрешить на основе метода компаративного источниковедения, апробировав его в применении к сравнительно-историческому исследованию России и Западной Европы в Новое время.

Сравнительно-историческое исследование необходимо проводить в контексте как эволюционного, так и коэксистенциального целого, и метод компаративного источниковедения предоставляет такую возможность. Но, прежде чем приступить к его демонстрации, проанализируем, как работает сравнительный метод в исторических теориях XVIII–XX вв., дабы четче выявить специфику и возможности источниковедческого подхода при решении этой методологической проблемы.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 1. С. 332.

² См. п. 3.1, гл. 3, ч. II, разд. первый наст. изд.

2

глава

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ XVIII–XX ВЕКОВ

На протяжении XVIII — начала XXI в. задачи и метод сравнительно-исторического исследования развивались от прагматического сравнения отдельных фактов до сравнения крупных социокультурных структур как основы построения концепций глобальной истории.

Поскольку нас интересует по преимуществу сравнительно-историческое исследование не отдельных исторических фактов, а социокультурных общностей в их коэксистенциальной и исторической составляющих, мы не будем обращаться к историческим трудам эпохи Просвещения, задача которых была дать нравоучительные примеры и посему «события и деяния» не оценивались по их месту в историческом целом, а сравнивались с вневременными моральными образцами.

2.1

МЕТОД АНАЛОГИЙ В КОНЦЕПЦИИ И.Ф. ШИЛЛЕРА

Историк конца XVIII в. уже не мог вслед за лордом Болингброком сказать: «Защищенный от обмана, я могу смириться с неосведомленностью»¹. Новое восприятие истории как целостного процесса, завершающегося в настоящем, заставило поставить совершенно новые проблемы: как при ограниченности и отрывочности источниковой базы воссоздать целостность?

Обратимся к попытке И.Ф. Шиллера (1759–1805) дать целостное видение исторического процесса. Историко-теоретическая концепция И.Ф. Шиллера

¹ Болингброк [Г.С.-Дж.]. Письма о пользе и изучении истории: пер. с англ. М., 1978. С. 11.

обуславливает и его теоретико-познавательную позицию; они обе компактно изложены во вступительной лекции И.Ф. Шиллера к курсу всеобщей истории (1789)¹. И.Ф. Шиллер настолько убежден, что все народы проходят одинаковые ступени исторического развития, что предлагает использовать знания об обнаруженных европейцами на других континентах народах для изучения ранней европейской истории. Он рассматривает метод аналогий как один из основных в историческом познании, позволяющий реконструировать те периоды прошлого, от которых не осталось исторических источников:

Как будто какая-то мудрая рука сохранила для нас эти дикие народы до того времени, когда мы в нашем культурном развитии шагнули достаточно далеко вперед, чтобы из этого открытия сделать полезное применение для самих себя и в этом зеркале увидеть потерянное начало нашего рода².

И.Ф. Шиллер живописует мрачную картину состояния многих народов, стоящих на более низкой ступени исторической лестницы, и продолжает:

Таковыми были и мы сами восемнадцать столетий тому назад. Цезарь и Тацит нашли нас не в лучшем состоянии...³

И весьма эмоционально подытоживает сравнение вновь открытых народов с современным ему европейским обществом конца XVIII в.:

Как противоположны эти картины! Кто мог бы узнать в утонченном европейце XVIII века лишь ушедшего вперед в своем развитии теперешнего канадца или древнего кельта? Все эти усовершенствования, стремление к искусству, завоевания опыта, все эти произведения разума выражены и развились в человеке лишь на протяжении немногих тысячелетий <...>. Через какие состояния прошел человек, пока он дошел от одной крайности до другой, от уровня дикого обитателя пещеры до талантливого мыслителя, до образованного человека? Всеобщая история дает ответ на этот вопрос⁴.

Для И.Ф. Шиллера философским основанием компаративного подхода была убежденность в единстве и неизменности законов природы и человеческого духа. Именно поэтому сравнение по аналогии имело для него универсальный характер. И нацелено оно было более на выявление общего, чем различий. И.Ф. Шиллер приходит к выводу:

Именно это единство является причиной того, что при совпадении аналогичных внешних условий события, имевшие место в отдаленнейшей древности, могут повторяться в новейшие времена, вследствие чего,

¹ Шиллер И.Ф. В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения // Шиллер И.Ф. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1937. Т. VII: Исторические работы. С. 593–612.

² Там же. С. 600.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 603–604.

отправляясь от новейших явлений, лежащих в круге нашего наблюдения, ретроспективно можно делать выводы и проливать свет на явления, которые теряются в доисторических временах. Метод заключений по аналогии всюду является мощным вспомогательным средством, в том числе и в истории¹.

Таким образом, И.Ф. Шиллер четко формулирует задачу сравнительного исследования применительно к изучению европейской истории, особенно ранней. Но ставит он и другую проблему — проблему сравнения разных периодов истории одного народа при воссоздании ее целостности.

Сравнительный анализ различных обществ выступает как средство выстраивания главным образом эволюционного целого, которое воплощается, в частности, в виде двух аналогий:

- «ступени исторического развития»: разные народы находятся на разных ступенях этой единой лестницы;
- «возраста человечества»: европейцы — это взрослые, остальные народы сопоставимы с детьми разных возрастов.

Наиболее существенной характеристикой этого этапа становления методологии сравнительных исследований можно назвать то, что *коэксистенциального целого человечества как бы не существует*. И это парадоксально только на первый взгляд. *Парадоксально* потому, что историк не может не ощущать себя живущим одновременно с другими людьми, т.е. в коэксистенциальном пространстве истории. Хотя включенность в коэксистенциальное пространство наиболее отчетливо начинает ощущаться только в XX в., что ведет к изменению целей компаративного исследования. Парадоксально *на первый взгляд* потому, что если мы обратимся к образу лестницы, рассматривая каждую ступеньку как некоторое коэксистенциальное пространство, то европейцы с позиций европоцентризма окажутся одни на своей ступеньке и будут воспринимать другие, одновременно живущие с ними народы как представителей более ранних ступеней истории человечества (рецидив такого подхода мы обнаруживаем в работе Ф. Энгельса (1820–1895) «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) и даже в определенной мере у З. Фрейда (1856–1939) в книге «Тотем и табу» (1913)).

Цель сравнительно-исторического исследования в этом случае — изучить иные социокультурные общности, как существующие одновременно с проводящим исследование историком и доступные этнографическому описанию, так и уже исчезнувшие и доступные только историческому изучению, и *на этой основе реконструировать начальные периоды собственной истории*, в частности заполнить те пробелы, которые обусловлены недостатком сведений исторических источников.

¹ Шиллер И.Ф. В чем состоит изучение мировой истории... С. 603–604.

2.2

ФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ КАК ОСНОВАНИЕ МЕТОДА СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Теория общественно-экономических формаций К. Маркса (1818–1883) и Ф. Энгельса — по сути, классический образец стадийной теории. В своем модельном виде она предполагает, что все народы последовательно проходят через все общественно-экономические формации — ступени исторического развития. Будучи именно стадийной, теория общественно-экономических формаций работает на уровне метода. В предисловии к первому изданию «Капитала» К. Маркс, исходя из убеждения в закономерности общественного развития, писал:

Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития <...> не может ни проскочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов¹.

Как хорошо известно, К. Маркс выбрал в качестве объекта исследования «капиталистического способа производства и соответствующих ему отношений производства и обмена» Англию как «классическую страну этого способа производства». Но при этом К. Маркс подчеркивает, что Англия «служит главной иллюстрацией для <...> теоретических выводов», поскольку установленная закономерность имеет всеобщий характер:

Дело здесь само по себе не в более или менее высокой ступени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего².

Мы видим, что в той части, которая касается методологии сравнительно-исторического подхода к исследованию разных обществ, К. Маркс высказывает мысль не просто созвучную, но практически полностью соответствующую вышеприведенным размышлениям И.Ф. Шиллера. Но при одном весьма существенном дополнении: у Маркса *сравнение опосредуется знанием законов общественного развития, социальной модели, которая и служит образцом для сравнений*.

¹ Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: в 9 т. М, 1987. Т. 7. С. 7–8.

² Там же. С. 6.

Такой метод компаративного исследования получил значительное распространение. Например, М. Вебер (1864–1920), изучая формы религиозного неприятия мира, следующим образом описывает исследовательский метод:

Прежде чем обратиться к названной религиозности, мы считаем целесообразным уяснить себе в схематической и теоретической конструкции, под влиянием каких мотивов вообще возникали религиозные этики неприятия мира и в каких направлениях они развивались, другими словами, каков мог быть их возможный «смысл». Назначение конструируемой здесь схемы состоит, конечно, только в том, чтобы служить *идеально-типическим средством* ориентации... [выделено мной. — М. Р.]¹

Таким образом, если руководствоваться теорией исторического процесса Маркса — Энгельса в качестве метода, то основанием для сравнения будет служить формационная модель и мы будем определять исследуемое общество в первую очередь как первобытнообщинное, рабовладельческое, феодальное и т.д. Именно опосредующее значение модели отличает метод сравнения в рамках стадияльной теории общественно-экономических формаций от того метода прямых аналогий, который сформулировал И.Ф. Шиллер.

Рассматривая историко-теоретические концепции Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831) и К. Маркса, как правило, их сближают, особенно в сфере метода, часто определяя метод Маркса как гегельянский и различая лишь онтологические основания их построений.

Б. Рассел, резко критикуя философию Гегеля, признавал:

...его философия истории оказала глубокое влияние на политическую теорию. Маркс, как всем известно, был в молодости учеником Гегеля и сохранил в своей системе, в ее окончательном виде, некоторые существенные гегельянские черты...²

Р.Дж. Коллингвуд в «Идее истории» идет еще дальше. Выстраивая изложение третьей части своего труда главным образом по авторскому принципу, он объединяет критику Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса в одном параграфе и называет Маркса «непосредственным учеником» Гегеля.

Мы же попытаемся показать, что с точки зрения выстраивания исторического целого концепции Гегеля и Маркса принципиально различны. Маркс как философ эпохи практически безраздельного господства позитивизма не мог целостно воспринять (не в смысле понимания, а в смысле адаптации к нуждам XIX в.) концепцию Гегеля.

Но начнем с выявления сближающих эти концепции моментов. Концепции Гегеля и Маркса объединяет следующее:

¹ Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Вебер М. Избр. произв.: пер. с нем. М., 1990. С. 307.

² Рассел Б. История западной философии. М., 1993. Т. II. С. 245.

- сравнительный анализ проводится во всемирно-историческом масштабе;
- и в той и в другой концепциях формулируется единый критерий сравнения: степень обретения свободы Абсолютным духом у Гегеля и развитие производительных сил у Маркса.

И в этом мы можем согласиться с Коллингвудом, который писал:

Марксовская концепция истории отражает как сильные, так и слабые стороны гегелевской: с тем же искусством Маркс проникает вглубь фактов и выявляет логические связи понятий, лежащих в их основе; но и слабости Гегеля отражаются на его взглядах: выбирается один из аспектов человеческой жизни (у Гегеля — политический, у Маркса — экономический), который якобы сам по себе наиболее полно воплощает ее разумность. Маркс, как и Гегель, настаивает на том, что человеческая история — не некий набор различных и параллельных историй, историй политики, искусства, экономики, религии и т.д., но одна, единая история. Но опять же, как Гегель, Маркс мыслит это единство не как органическое, в котором каждый элемент процесса развития сохраняет свою непрерывность и вместе с тем тесную связь с другими, а как единство, в котором лишь один непрерывный элемент (у Гегеля — политическая история, у Маркса — экономическая), в то время как другие факторы исторического процесса не имеют такой непрерывности...¹

Именно этот непрерывный фактор и дает критерий сравнительного исследования.

Но у концепций Гегеля и Маркса есть ряд принципиальных различий (при этом мы специально не останавливаемся на различиях собственно философского характера):

- принципиально важно, что концепция Гегеля собственно историческая, поскольку он не только выстраивает свою концепцию на основе накопленного к тому времени исторического знания, но и рассматривает исторический процесс как целое, имеющее свой логический конец здесь и сейчас;
- концепция Маркса имеет существенную прогностическую составляющую, поэтому строится на основе выявления закономерностей;
- применяя сравнительный метод, Гегель выстраивает также коэкзистенциальное целое, разделяя народы на две большие группы: неисторические народы и исторические, выделяемые по признаку создания государства;
- теория общественно-экономических формаций Маркса — Энгельса представляет собой типичную стадильную теорию: каждый народ проходит одни и те же стадии развития;
- Гегель выстраивает эволюционное целое именно как целостность исторического процесса в границах выделенного им коэкзистенциального целого — тех народов, которые создали государство;

¹ Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 118–119.

- теория Маркса как стадияльная теория не воссоздает целостность исторического процесса, потому что остается неясным, каким образом народы, каждый из которых проходит в своем развитии одни и те же ступени, сосуществуют в коэкзистенциальном пространстве.

Обратим особое внимание на то, что мы не рассматриваем здесь такие вопросы, как, например, обращение Маркса к проблеме азиатского способа производства, что, в принципе, может привести к выстраиванию коэкзистенциальной модели. Но напомним, что мы не исследуем историю становления сравнительного метода, а рассматриваем основания современных подходов (современных не в смысле их качества, а в смысле распространенности в XX в.), из марксизма же была усвоена (за пределами узкого круга академических ученых, занимающихся историей Востока) именно теория общественно-экономических формаций как стадияльная теория.

Гегель использует принцип сравнения по отношению к системообразующему фактору — созданию и изменению государства как в коэкзистенциальном, так и в эволюционном целом. Таким образом, он фактически выстраивает свою историческую теорию, проводя сравнение как в рамках коэкзистенциального, так и в рамках эволюционного целого, что будет свойственно наиболее разработанным концепциям только в XX в.

2.3

МЕТОД СРАВНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТЕОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

XX в. поставил перед историческим знанием новые задачи, главная из которых — конструирование целостного исторического процесса, выход за пределы национально-государственных историописаний. Одним из методов воссоздания историко-культурной целостности призван был стать сравнительно-исторический анализ, который непременно должен был разворачиваться и в эволюционном, и в коэкзистенциальном плане. Второй аспект этой проблемы следует выделить особо. Если марксизм, например, давал универсальный способ сравнительного исследования в границах национальных историй путем сопоставления различных этапов истории того или иного общества с формационной моделью, то теперь ощущалась потребность охвата мировой истории как совокупности различных культур. Очевидно, что в первом варианте сравнение нацелено на выявление общего у конкретной национальной истории с формационной моделью, во втором варианте предполагается акцент на выявлении различий.

Наиболее тщательно метод сравнительного исследования и его место в построении целостной картины исторического процесса описывает О. Шпенглер (1880–1936).

Мы не рассматриваем специально философские основания цивилизационной теории О. Шпенглера, но упомянем, что он разделял взгляды Ф. Ницше и считал, что исторический процесс нетелеологичен и бесконечен. Это принципиально важно подчеркнуть в связи с исследуемой нами проблематикой. Логика здесь такова, если исторический процесс бесконечен, а «число форм всемирно-исторических явлений ограничено», то они неизбежно должны повторяться и *аналогия* — наиболее адекватный способ их исследования:

Средство для познания мертвых форм — математический закон. Средство для понимания живых форм — аналогия.

Но не всякая аналогия правомочна:

Сознание того, что число форм всемирно-исторических явлений ограничено, что века, эпохи, обстоятельства, личности повторяются по типу, всегда присутствовало. Едва ли когда-либо обсуждали поведение Наполеона, не косясь при этом на Цезаря и Александра, причем первое сопоставление <...> было морфологически недопустимым, а второе правильным...¹

Морфологический метод О. Шпенглера позволяет утверждать, что сопоставление отдельных феноменов некорректно, необходимо определить место каждого из них в «организме» той культуры, к которой он принадлежит, а затем уже сравнивать. Если здесь позволительно будет биологическое сопоставление, то, прежде чем сравнивать части двух организмов, нужно их идентифицировать как часть, например, системы кровообращения или дыхательной системы. Возможно, это сравнение слишком вольное, но, на наш взгляд, его оправдывают как минимум два обстоятельства:

- во-первых, уподобление истории человеческого организму имеет длительную философскую традицию;
- во-вторых, и это гораздо важнее, определить место, занимаемое исследуемым феноменом в его культуре, невозможно, с одной стороны, без восприятия этой культуры как целого (всего организма), и с другой — без понимания его функции в поддержании жизнеспособности системы.

Итак, в глобальных историко-теоретических построениях метод сравнения работает преимущественно на выявление *специфики* составляющих целостной картины развития человечества. Несмотря на это, метод, реализуемый в цивилизационных построениях (преимущественно концепция А. Тойнби), вызвал резкую критику со стороны известного французского историка, одного из основателей школы «Анналов» Л. Февра (1878–1956):

¹ Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой культуры. М., 1991. Т. 1. С. 129.

Давайте сравнивать. Но сравнивать так, как подобает историкам. Не ради извращенного удовольствия поваляться в двадцати одной пустой скорлупе, а ради здравого и разумного постижения конкретных фактов, ради все более и более глубокого проникновения в те останки былых времен, которыми являются цивилизации. Давайте сравнивать — но не для того, чтобы из неудобоваримой мешанины китайских, индийских, русских и римских фактов извлечь в конце концов некие абстрактные понятия вроде Вселенской Церкви, Всемирного Государства или Варварских Вторжений. Давайте сравнивать, чтобы с полным знанием дела заменить все эти нарицательные имена именами собственными. Чтобы — позволю себе воспользоваться знакомым материалом — говорить не о Реформации, а о реформациях XVI века, показывая, сколь различным образом свершались они в различных сферах, национальных и социальных, в ответ на «раздражения», исходящие от разлагающегося средневекового мира¹.

¹ *Февр Л.* От Шпенглера к Тойнби // *Февр Л.* Бои за историю: пер. с фр. М., 1991. С. 93.

3

глава

КОМПАРАТИВНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: АПРОБАЦИЯ МЕТОДА

3.1

РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В НОВОЕ ВРЕМЯ КАК ОБЪЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Как отмечалось в первом главе данной части, начальный этап сравнительно-исторического исследования предполагает формирование гипотезы об одномасштабности и изоморфности объектов, подвергаемых сравнительно-историческому исследованию.

В Новое время, с одной стороны, завершается процесс складывания современных государств на основе национально-территориального принципа. Этим обуславливается определенность объектов сравнительного анализа. С другой стороны, в этот период начинается активизация не только межгосударственных, но и межнациональных связей, в том числе и в форме непосредственного торгового обмена и культурного влияния, что отчасти способствует нивелировке наиболее резких различий (вспомним петровскую европеизацию) и в перспективе ведет — при переходе от Нового времени к Новейшему — к формированию «всеединого человечества».

Понятие «Новое время» выступает также как объект сравнительно-исторического исследования — только в эволюционном, а не коэксистенциальном значении, поскольку само это понятие может быть выделено при сравнении с предшествующим и последующим историческими периодами.

В пределах Нового времени объектами сравнительно-исторического исследования выступают страны. Понятие «страна» необходимо отличать от более узкого понятия «государство». Оба эти понятия относятся, как правило,

к единому национально-территориальному объекту, но первое из них включает не только тип государственности, но и определенный тип общества и национальный тип личности. Таким образом, понятие «страна» структурируется в единстве и взаимодействии составляющих: личность — общество — государство.

Взяв в качестве основного объекта сравнительного исследования Россию, необходимо уяснить, насколько она сопоставима с Западной Европой в целом или все же необходимо попарное сравнение России с отдельными европейскими странами. Но, по-видимому, возможно рассмотрение Западной Европы как единого объекта сравнительного исследования, что подтверждается наличием устоявшегося понятия для обозначения этой группы стран (здесь мы не приводим аргументы из области теории истории, но они есть). Рассматривая Западную Европу как единое понятие и таким образом фактически пренебрегая различиями между странами, мы не расцениваем эти различия как несущественные. Мы лишь фиксируем следующую *исследовательскую гипотезу*, которая позволит нам объединить эмпирический материал: различия между Россией и Западной Европой в целом более существенны, чем между отдельно взятыми странами Западной Европы.

Выбрав объекты сравнительно-исторического исследования, поставим вопрос о критериях сравнения. В качестве критерия метод компаративного источниковедения предлагает *сравнение видовых систем исторических источников* при последующем *сопоставлении видов по ряду признаков* (например, время возникновения, внутривидовая структура, взаимосвязь с другими видами исторических источников: мемуаристика и публицистика, мемуаристика и эссеистика, периодическая печать и публицистика и т.п.).

Поставив задачу сравнительного анализа России и Западной Европы в Новое время и стремясь к последовательной реализации для решения этой задачи предлагаемого метода компаративного источниковедения, мы должны выделить несколько этапов достижения цели:

- выявить критерии, по которым мы определяем период Нового времени, показать отличия корпуса источников этого периода от предшествующей и последующей систем;
- описать те общие свойства, которые придают единство и качественную определенность выделенному корпусу источников;
- и, наконец, провести сравнительный анализ отдельных видов исторических источников внутри выявленного корпуса исторических источников Нового времени.

Поскольку задача этой главы — демонстрация возможностей метода, а системное описание корпуса исторических источников Нового времени дано в первой части данного раздела настоящего учебного пособия, то здесь мы ограничимся лишь минимальной компаративной характеристикой (с опорой на вышеизложенный материал) трех групп (источники личного происхождения — периодическая печать — законодательство), адекватно фиксирующих структурные связи в системе *личность — общество — государство*.

За основу сравнения взят корпус источников российской истории, поскольку у любого историка существует представление о его родной истории и сформировавшаяся в связи с этим модель основы для сопоставления, в том числе и в случаях, когда это не осознается самим исследователем. Кроме того, сравнительно-историческое исследование чаще всего выступает как способ лучшего понимания собственной (отечественной) истории.

3.2

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Проблема периодизации исторического процесса — одна из основных в историческом познании с момента кардинального изменения представления об историческом времени в 1760–1780-х годах. Переход от Средних веков к Новому времени — длительный исторический процесс. В зависимости от концепции можно выделить различные критерии начала нового этапа исторического развития: от формирования капиталистических производственных отношений до эмансипации личности и структурирования общества. В качестве определяющей вехи также выступают различные события: от нидерландской до французской революции и даже до отмены крепостного права в России (при локальном исследовании российской истории). Источниковедческий подход, прежде чем предложить свой критерий периодизации — трансформацию видовой структуры корпуса исторических источников, предполагает выяснение вопроса о совпадении или несовпадении общеисторической и источниковедческой периодизации и выбор той общеисторической периодизации, которая способна наиболее адекватно объяснить трансформацию корпуса исторических источников.

Итак, может ли не совпадать периодизация истории общества и эволюции корпуса исторических источников? Исходя из представленного в первом разделе настоящего учебного пособия понимания природы исторического источника как объективированного результата творческой деятельности человека и одновременно продукта определенной культуры, мы должны признать, что трансформация корпуса исторических источников не просто совпадает с эволюцией общества, а это единый процесс. И действительно: исторические источники не возникают помимо человеческой деятельности, совокупность различных форм которой и составляет историческую действительность.

Система видов исторических источников Нового времени была рассмотрена нами ранее¹. Напомним, что для нее характерны источники личного происхождения (мемуары, дневники, частная переписка), общественного

¹ См. гл. 3, ч. II, разд. первый наст. изд.

происхождения (периодическая печать, публицистика), а также статистики как новый элемент в системе управления и проч.

Рассмотрим теперь, каким образом изменение видового состава и структуры корпуса исторических источников, презентующих ту или иную культуру, выступает как критерий перехода от одной социокультурной ситуации к другой.

На рубеже XVII–XVIII вв. и в течение XVIII в. в России происходят кардинальные изменения в характере исторических источников, в видовой структуре их комплекса. В это время угасают и отходят на второй план летописание, житийная литература, но появляются мемуаристика, художественная литература, научные сочинения, в том числе и исторические, публицистика (в собственном смысле этого слова), периодическая печать, статистика, существенно меняется характер законодательства, актовых источников и делопроизводства. Не ограничиваясь исследованием только письменных исторических источников, отметим, что практически одновременно с такими личностными источниками, как мемуары, появляется в России и портретная живопись.

Виды источников российской истории этого периода были подробно охарактеризованы во второй главе первой части настоящего раздела. Мы видели, что в Новое время расширяется сфера возникновения исторических источников за счет текстов личного происхождения, а также возникающих в области общественных отношений. Нетрудно заметить, что виды исторических источников, доставшиеся Новому времени от Средних веков, практически полностью связаны с государственной сферой, а вновь возникающие виды исторических источников имеют главным образом личное и общественное происхождение.

Столь существенные изменения в структуре корпуса источников российской истории не могут не быть обусловлены глубокими изменениями как в российском обществе, так и в ментальности данного социума. Но аналогичные трансформации происходят в близких хронологических рамках и в других странах. Обратимся для примера к обзору источников английской истории, данному Дж.Дж. Бэгли¹. Его работа состоит из двух частей: «Sources of English Medieval History», 1066–1540 («Источники английской средневековой истории, 1066–1540») и «Sources of English History, 1540 to Present Day» («Источники английской истории с 1540 г. до нашего времени»). Вполне очевидно, что автор выбрал чисто исторический, традиционный критерий периодизации, но если мы посмотрим хотя бы на оглавление томов, то увидим, что второй том начинается с характеристики источников периода 1540–1660-х годов, многие из которых в видовом отношении восходят к источникам, обзор которых был дан автором в первой части. При этом мы

¹ Bagley J.J. Historical Interpretation. N.Y. [1972]. P. 1: Sources of English Medieval History, 1066–1540; P. 2: Sources of English History, 1540 to Present Day.

сразу заметим, что этот раздел очень беден, в нем практически отсутствуют повествовательные источники. Дело в том, что автор, обозревая источники английской истории, избрал принцип упоминания каждого вида источников только по одному разу при их появлении. Таким образом, в период с 1540 по 1660 г. автору не удалось обнаружить новые виды повествовательных источников. Зато в следующем периоде, охватывающем 1660–1760-е годы, мы находим дневники, автобиографии и «современные истории» (contemporary histories), а также памфлеты и первые газеты, т.е. виды источников, наиболее типичные именно для Нового времени.

Для сравнения напомним, что, несмотря на столь очевидные изменения корпуса источников российской истории на рубеже XVII–XVIII вв., учебный курс источниковедения в соответствии с формационной теорией долгое время разделялся по рубежу XVIII–XIX вв.

3.3

ИЗМЕНЕНИЯ В КОРПУСЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ НОВОГО ВРЕМЕНИ К НОВЕЙШЕМУ

В рамках заявленного подхода некоторые сложности вызывает маркирование перехода от Нового времени к Новейшему, традиционно относимого к рубежу XIX–XX вв. (в широком его понимании). Отталкиваясь от разных исторических событий — франко-прусской войны 1870 г., англо-бурской войны начала XX в., Первой мировой войны, революции в России, конца Первой мировой войны, — мы можем определить рамки этого перехода — 1870–1918 гг. Вполне очевидно, что границы здесь более определены, чем при переходе от Средних веков к Новому времени. Обосновав выше в качестве критерия перехода от одной исторической эпохи к другой изменения в видовой структуре корпуса исторических источников, попытаемся применить его к рассмотрению данной проблемы.

И здесь нас ожидает разочарование: в конце XIX — начале XX в. новых видов исторических источников не возникает. Конечно, появляется большое количество разновидностей. Но, во-первых, этот процесс идет постоянно и не делает качественных скачков на рубеже веков, во-вторых, он не сопоставим с масштабами порождения новых видов при переходе от Средних веков к Новому времени.

Тем не менее некоторые изменения происходят в корпусе источников и при переходе к Новейшему времени. Этот переход характеризуется усилением унифицирующего влияния окружающей социальной среды на человеческую личность, определяющего воздействия социальной группы на самосо-

знание личности, что не могло не отразиться на характере основных видов исторических источников.

На рубеже XIX–XX вв. проявляется тенденция к унификации формы и содержания многих видов письменных источников — делопроизводственных материалов, периодической печати и т.д., вплоть до столь личностного источника, как мемуаристика, отчасти попадающего в зависимость от картины событий, формируемой средствами массовой информации. В целом существенно увеличивается удельный вес источников, изначально, уже в момент возникновения, предназначенных к публикации в той или иной форме.

В законодательстве мы наблюдаем рост значения международных договоров. В Новейшее время идея приоритета государственного законодательства постепенно теснится идеей доминирования международного права, по крайней мере в некоторых правовых сферах. И хотя этот процесс протекает очень медленно, учитывать систему международного права при анализе законодательных источников в рамках национальных историй необходимо.

В статистике переход к Новейшему времени связан с началом преобладания переписей как способа получения статистических данных. Усложнение стоящих перед статистикой задач ведет к применению все более сложных методов анализа статистических данных, а усложнение методик — к трудностям в интерпретации получаемых результатов. Историк, использующий итоговые данные, должен учитывать это обстоятельство, а историк, обращающийся к первичным материалам статистических обследований, должен помнить, что возможность многоаспектной обработки данных закладывается на уровне программы статистического обследования, и уметь четко различать, получение каких данных составляет цель обследования, а какие данные необходимы для проверки получаемого результата.

Наиболее существенные изменения при переходе от Нового времени к Новейшему заметны в тех видах исторических источников, которые порождаются в общественной и личностной сферах. В периодической печати мы наблюдаем преобладание газетной периодики над журнальной, изменение характера публикуемой информации (явное стремление к достоверности), следовательно, и источников ее получения (появление информационных агентств, формирование сети собственных корреспондентов). С переходом к Новейшему времени в России периодическая печать срашивается с публицистикой. Проявляется отчетливая дифференциация периодической печати, в том числе и по общественно-политическим направлениям. Уточняется адресность отдельных периодических изданий.

Публицистическую составляющую мы наблюдаем и в источниках личного происхождения, особенно в мемуаристике, которая все чаще предназначается к немедленному опубликованию.

Появляются новые взаимосвязи внутри видовой структуры. Например, начало издания исторических журналов и, следовательно, расширение публикации источников личного происхождения оказывают обратное влияние на сами эти источники. Появляется мода на писание дневников, что приходится учитывать при анализе целеполагания автора исторического источника. Явно усиливается влияние информационного образа события, создаваемого в том числе и средствами периодической печати (постепенно перерастающими в средства массовой информации), на мемуариста. Это проявляется в первую очередь в отборе общественно значимых событий, описываемых в мемуарах. Растет и влияние мемуаристов друг на друга.

Осознание ценности источников личного происхождения приводит к тому, что такие источники, как дневники и частные письма, начинают специально собираться и тщательно храниться. Это обстоятельство в свою очередь оказывает влияние на авторов уже в момент писания личного дневника или частного письма, поскольку теперь автор (осознанно или бессознательно) предвидит возможность будущей публикации своего произведения.

Но в целом мы должны признать, что заявленный нами метод не позволил выявить существенные характеристики этого транзитарного периода, а наоборот, заставляет предположить, что сложившееся в историографии мнение, возможно, несколько преувеличивает его значимость. Впрочем, в последние годы исследователи все больше сдвигают транзитарный период, связанный с окончанием Нового времени, на последнюю треть XX в., что получило выражение в концепциях постмодерна. Таким образом, на основании введенного нами критерия мы можем рассматривать Новейшее время как период, выделяемый также на основании видоизменений в корпусе исторических источников, но внутри эпохи Нового времени.

Для фиксации перехода от Нового времени к постмодерну уже недостаточно анализа видовой структуры корпуса письменных источников, т.е. тех источников, которые практически всецело составляют предмет традиционного источниковедения. Необходимо обратиться к типологии корпуса исторических источников.

3.4

ИЗМЕНЕНИЯ ТИПОЛОГИИ КОРПУСА ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Усиление унифицирующего влияния на личность при переходе от Нового времени к Новейшему во многом связано со становлением фабричного производства, изменившего характер труда, усилившего отчуждение человека от конечного результата его деятельности, а также унифицировавшего окружающую человека бытовую среду. Таким образом, существенные транс-

формации происходят не только внутри корпуса письменных исторических источников. Значимо то, что на рубеже XIX–XX вв. начинают происходить изменения и в структуре типов источников: появляются фото- и киноматериалы, позже — так называемые машиночитаемые документы. Изменения в типах источников, по-видимому, свидетельствуют о глобальных сдвигах в истории человечества, поскольку типы источников, как и виды, появляются не одновременно, и последовательность возникновения основных типов источников (вещественные — изобразительные — письменные) вполне соответствует последовательности трех стадий в развитии человечества (дикость — варварство — цивилизация).

В ситуации постмодерна, в последней трети XX в., мы наблюдаем фактически смену типа коммуникации. И можно предположить, что переход от письменных источников к интернет-коммуникации, формирование виртуального пространства маркируют ситуацию глобального перехода — возможно, перехода такого же уровня, какой был отмечен в свое время возникновением письменных источников.

3.5

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВИДОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Как и было заявлено при описании метода компаративного источниковедения, мы начали с выявления сходства: основное внимание было уделено вычленению периода Нового времени из исторического целого и выявлению общности его характеристик в России и Европе. При этом различие европейской и российской социокультурных ситуаций может быть прояснено при сопоставлении между собой отдельных видов исторических источников, принадлежащих разным культурам, что отчасти уже было сделано при описании корпуса источников Нового времени.

Акцентируем внимание лишь на некоторых характеристиках.

3.5.1

Мемуары

Мемуары как источник личного происхождения наиболее показательны для корпуса исторических источников Нового времени, к тому же они позволяют наиболее наглядным образом продемонстрировать возможности метода компаративного источниковедения. Посмотрим с этой точки зрения на тот материал, который был уже отчасти изложен в части первой данного раздела. И еще раз подчеркнем, что предложенная в первой части классификация

и периодизация источников личного происхождения — результат компаративного исследования.

Приступая к сравнительному исследованию одновидовых источников России и Европы, следует обратить внимание на то, что прямое сопоставление не приведет к корректному результату, необходимо сформировать видовую модель, которая и опосредует сравнение отдельных источников между собой.

Обратимся теперь к более детальному рассмотрению метода, применение которого и позволило получить новую видовую модель мемуаристики.

В отечественной историографии видовая модель мемуаристики, основанная (что принципиально важно) исключительно на российском материале, создана главным образом усилиями А.Г. Тартаковского¹. Эта модель имеет два измерения: по «горизонтали» (коэкзистенциальное измерение) фиксирует три видовых признака мемуаров — (1) повествование о прошлом, основанное на (2) личном опыте и (3) собственной памяти мемуариста²; по «вертикали» (эволюционное измерение) выделяет три этапа эволюции мемуаристики — «переход от внутреннефамильных по преимуществу целей мемуаротворчества к предназначению мемуаров для обнародования, для печати»; «превращение их в фактор идейно-политической борьбы и литературно-общественного движения»; «осознание значимости мемуаров для исторического познания и включение в их целевую установку расчета на будущего историка»³.

Итак, исследование российской мемуаристики приводит А.Г. Тартаковского к выводу, что мемуары, в которых повествуется об общественно значимых событиях, возникают веком позже мемуаров, имеющих преимущественно внутрифамильные цели.

Проведем испытание этой модели с привлечением западноевропейского материала.

Признавая огромный вклад А.Г. Тартаковского в развитие источниковедения российской истории, мы не можем не отметить некоторые сложности в практическом применении предложенной им видовой модели мемуаристики.

Можно согласиться с тем, что функция мемуаров — реализация исторического самосознания личности. Именно на этом в точном соответствии с теорией источниковедения, предполагающей выявление видовой природы исторического источника по его первичной социальной функции, строит А.Г. Тартаковский определение вида. Однако назначение определения не только в том, чтобы раскрывать содержание понятия, но и в том, чтобы позволять отграничивать определяемую совокупность объектов от всех прочих.

¹ См. с. 353–355 наст. изд.

² Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 24.

³ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М., 1991. С. 16.

Понятие «реализация исторического самосознания», хотя и чрезвычайно важное для постижения природы мемуаристики, с трудом применимо в качестве критерия определения вида. В конце концов, несложно показать, что изменение исторического самосознания привело, например, к изменению характера законодательства, а это в свою очередь вызвало к жизни такой далекий от мемуаристики вид исторических источников, как статистика, что и было сделано в первом разделе данного учебного пособия при характеристике видового корпуса исторических источников как объекта источниковедения. Правда, А.Г. Тартаковский подчеркивает, что в мемуарах «*историческое самосознание*» реализуется с «*наибольшей последовательностью и полнотой*»¹, но, на наш взгляд, это уточнение все же не снимает проблемы.

Кроме того, если мы опять же в полном соответствии с теорией источниковедения попытаемся определить вид источника по первичной социальной функции — «реализация исторического самосознания личности», то столкнемся со значительной проблемой, поскольку вполне очевидно, что историческое сознание в русском обществе формируется с 60-х годов XVIII в. по 60-е годы XIX в., а мемуары появляются веком раньше — с конца XVII в.

Можно, конечно, считать возникновение мемуаристики устойчивым признаком существования «исторического самосознания» и на этом основании утверждать, что оно сложилось одновременно с возникновением мемуаристики, — при этом не суть важно, относить ли возникновение мемуаристики к 60-м годам XVIII в. или считать, что историческое самосознание сформировалось в конце XVII в., и в том и в другом случае мы столкнемся с существенными сложностями.

Рассмотрим подробнее оба варианта.

Вариант первый: отнести возникновение российской мемуаристики к 60-м годам XVIII в.

Во-первых, оставаясь в границах данного вида исторических источников, мы не сможем определить видовую принадлежность целого ряда весьма известных источников российской истории, таких как, например, «Записки» Н.Б. Долгорукой, традиционно считающиеся классическим примером мемуаристики.

Во-вторых, при сопоставлении с западноевропейским материалом мы будем вынуждены признать, что в России мемуары возникли спустя два с половиной века после их появления в Европе, что, конечно, теоретически возможно, но сразу же вызывает патриотическое желание поточнее проверить этот вывод и смириться с ним только в том случае, если он будет научно доказан.

¹ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика... С. 24.

В-третьих, при рассмотрении мемуаристики в соотнесении с корпусом исторических источников Нового времени окажется, что мемуары возникают позже, чем появляются другие виды исторических источников этого периода или чем происходят значительные изменения существовавших и в предшествующий период видов, таких как законодательство, что совершенно не согласуется с теми критериями выделения корпуса исторических источников Нового времени (эмансипацией индивидуальности и созданием вторичных социальных связей), которые были обоснованы выше.

Вариант второй: отнести формирование исторического самосознания к концу XVII в.

В этом случае оказывается, что историческое самосознание возникает в России веком раньше, чем в Европе. Конечно, для такого утверждения необходимо было бы вначале прояснить смысл понятия «возникновение исторического самосознания». Но чтобы не втягиваться в дискуссии, поясним лишь, что определение этого понятия для нас неразрывно связано с восприятием истории как процесса.

Если же попытаться — в порядке эксперимента — совместить оба варианта, то мы получим чрезвычайно удивительный вывод: историческое самосознание в России возникает веком раньше, чем в Европе, а мемуары — двумя с половиной веками позже.

Если при определении мемуаристики руководствоваться только тремя предложенными признаками («повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти мемуариста»), то мы столкнемся с той же проблемой — трудностью идентификации произведения как мемуаров, но в ее зеркальном отражении: если, руководствуясь критерием «реализация исторического самосознания», мы рисковали не заметить первые опыты российской мемуаристики, то, используя предложенные признаки, мы будем вынуждены весьма расширить круг мемуаров.

Приведем несколько примеров. И сразу же отметим, что здесь и далее мы выбирали из рассматриваемых в качестве примеров произведений главным образом те места, в которых характеризуется цель автора, — в полном соответствии с принятым в источниковедении определением видовой природы исторического источника по его первичной социальной функции, которая идентифицируется через цель создания.

Августин Аврелий¹ (IV–V вв.).

Книга первая. I.

1. Я буду искать Тебя, Господи, взывая к Тебе, и воззову к Тебе, веруя в Тебя, ибо о Тебе проповедано нам. Зывает к Тебе, Господи, вера моя, которую

¹ *Августин Аврелий. Исповедь Блаженного Августина, епископа Иплонского // Августин Аврелий. Исповедь. Петр Абеляр. История моих бедствий. М., 1992. С. 8-222. Далее в квадратных скобках приводятся номера страниц по указанным изданиям.*

дал Ты мне, которую вдохнул в меня через вочеловечившегося Сына Твоего, через служение Исповедника Твоего. [С. 8]

Книга первая. II.

2. Но как воззову я к Богу моему, к Богу и Господу моему? Когда я воззову к Нему, я призову Его в самого себя. Где же есть во мне место, куда пришел бы Господь мой? [С. 8]

Книга пятая. I.

1. Прими исповедь мою, приносимую в жертву Тебе языком моим, который Ты создал и побудил исповедовать имя Твое... [С. 54]

Книга пятая. III.

3. Я расскажу пред очами Господа моего о том годе, когда мне исполнилось двадцать девять лет... [С. 55]

Книга десятая. III.

3. Что же мне до людей и зачем слышать им исповедь мою, будто они сами излечат недуги мои? Эта порода ретива разузнавать про чужую жизнь и ленива исправлять свою. Зачем ищут услышать от меня, каков я, те, кто не желает услышать от Тебя, каковы они? И откуда те, кто слышит от меня самого обо мне самом, узнают, правду ли я говорю, когда ни один человек не знает, что «делается в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем»? Если же они услышат о самих себе от Тебя, они не смогут сказать: «Господь лжет». А услышать от Тебя о себе — не значит ли узнать себя? А разве не солжет тот, кто, узнав себя, скажет: «это неправда»? Но так как «любовь всему верит», по крайней мере среди тех, кого она связала воедино, то я, Господи, исповедуюсь Тебе так, чтобы слышали люди, которым я не могу доказать, правдива ли исповедь моя; мне, однако, верят те, чьи уши открыла для меня любовь. [С. 129]

Петр Абеляр¹ (XII в.).

Человеческие чувства часто сильнее возбуждаются или смягчаются примерами, чем словами. Поэтому после утешения в личной беседе, я решил написать тебе, отсутствующему, утешительное послание с изложением пережитых мною бедствий, чтобы, сравнивая с моими, ты признал свои собственные невзгоды или ничтожными, или незначительными и легче переносил их <...>. [С. 260]

Такова, о возлюбленный во Христе брат и ближайший спутник в жизни, история моих бедствий, которым я подвергаюсь беспрестанно, чуть ли не с колыбели. Ты теперь впал в отчаяние и мучаешься от сознания причиненной тебе обиды. Поэтому я желаю, как я и сказал в начале этого послания, чтобы рассказанная мною история послужила тебе утешением и чтобы по сравнению с моими ты признал бы свои невзгоды или ничтожными, или легкими и терпеливее бы переносил их... [С. 293]

¹ Абеляр П. История моих бедствий // Августин Аврелий. Исповедь. Петр Абеляр. История... С. 259–294.

Владимир Мономах¹ (около 1117 г.).

Сидя на саях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться <...>. [С. 393]

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет <...>. [С. 403]

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, слава бога со святыми его. [С. 409]

Протопоп Аввакум² (1672–1675).

Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием — понеж отец ему духовной инок, — да не забвению предано будет дело божие; [выделено мной. — М. Р.] и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу Богу нашему <...>. [С. 217]

По сем у всякаго правовернаго прощения прошу; иное было, кажется, про житие-то мне и не надобно говорить, да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова, — апостоли о себе возвещали же, егда что бог соделает в них: не нам, Богу нашему слава. А я ничто ж есм... [С. 239]

Жан-Жак Руссо³ (1765–1770).

Я предпринимаю дело беспрецедентное, которое не найдет подражателя. Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы — и этим человеком буду я.

Я один. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмеливаюсь думать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то, по крайней мере, не такой, как они. Хорошо или дурно сделала природа, разбив форму, в которую она меня отлила, об этом можно судить, только прочтя мою исповедь.

Пусть трубный глас Страшного суда раздастся когда угодно, — я предстану пред Верховным судьей с этой книгой в руках. Я громко скажу: «Вот что я делал, что думал, чем был. С одинаковой откровенностью рассказал я о хорошем и о дурном. Дурного ничего не утаил, хорошего ничего не прибавил; и если что-либо слегка приукрасил, то лишь для того, чтобы заполнить пробелы моей памяти. Может быть, мне случилось выдавать за правду то, что мне казалось правдой, но никогда не выдавал я за правду заведомую ложь. Я показал себя таким, каким был в действительности: презренным и низким, когда им был, добрым, благородным, возвышенным, когда был им.

¹ Владимир Мономах. Поучение // Памятники литературы Древней Руси: начало русской литературы XI — начало XII века. М., 1978. С. 393–413.

² Аввакум. Житие протопопа Аввакума // Русская литература XI–XVIII вв. М., 1988. С. 217–239.

³ Руссо Ж.-Ж. Исповедь // Руссо Ж.-Ж. Избранное. М., 1996.

Я обнажил всю свою душу и показал ее такую, какую Ты видел ее Сам, Всемогуший. Собери вокруг меня неисчислимую толпу подобных мне: пусть они слушают мою исповедь, пусть краснеют за мою низость, пусть сокрушаются о моих злополучиях. Пусть каждый из них у подножия Твоего престола в свою очередь с такой же искренностью раскроет сердце свое, и пусть потом хоть один из них, если осмелится, скажет Тебе: «Я был лучше этого человека».

Я родился в Женеве в 1712 году, от гражданина Исаака Руссо и гражданки Сюзанны Бернар... [С. 7]

Если руководствоваться предложенными признаками, то все вышеназванные произведения придется отнести к мемуарам, поскольку их авторы пишут о прошлом, основываясь при этом на своем личном опыте и памяти.

Но обратим внимание, что произведения Августина Аврелия, Петра Абеляра и Владимира Мономаха относятся к одной эпохе (конечно, можно спорить здесь об отнесении к одной эпохе Августина и Абеляра, но проблема эта отодвигается на второй или даже более далекий план, если мы вспомним, что предметом нашего рассмотрения является корпус исторических источников Нового времени). Объединяет их нравоучительная функция, столь характерная для произведений Средневековья. И весьма существенно отличается по своей нацеленности от них «Житие протопopa Аввакума» — «да не забвению предано будет дело божие», хотя и сохраняет традиционную форму и самоназвание жития.

Все перечисленные признаки мемуаров имеет и относящаяся к иной эпохе — эпохе Просвещения — «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, хотя ее традиционно и справедливо рассматривают как философское произведение.

Эволюционное пространство

Если рассматривать эволюцию мемуаристики с точки зрения видовой модели, выработанной на российском материале, то при обращении к западно-европейской мемуаристике мы также заметим существенные противоречия.

Выше уже было показано, что при последовательном выстраивании модели мемуаристики на основе предложенных критериев мы приходим к тому, что российская мемуаристика возникла на два с половиной века позже европейской, поскольку первыми европейскими мемуарами традиционно считаются «Мемуары» Филиппа де Коммина. При всех исторических модификациях значения этого слова в названии вида источников личного происхождения оно впервые появилось при публикации этого исторического повествования в 1524 г.

Еще раз обратимся к тексту этого исторического источника.

Филипп де Коммин¹ (конец XV в.).

Монсеньор архиепископ Вьеннский, удовлетворяя Вашу просьбу, с коей Вы соблаговолили ко мне обратиться, — вспомнить и описать то, что я знал

¹ Коммин Филипп де. Мемуары. М., 1987.

и ведал о деяниях короля Людовика XI, нашего господина и благодетеля, государя, достойного самой доброй памяти (да помилует его Господь!), я изложил как можно ближе к истине все, что смог и сумел вспомнить... [С. 5]

А теперь вспомним общую схему эволюции российской мемуаристики: мемуаристика с «внутринефамильными» целями — мемуаристика как «фактор идейно-политической борьбы и литературно-общественного движения» — «осознание значимости мемуаров для исторического познания и включение в их целевую установку расчета на будущего историка»¹.

Обратившись к тексту Филиппа де Коммина, мы можем убедиться, что в Западной Европе мемуаристика не только возникает на два с половиной (или на полтора — в зависимости от точки отсчета) века раньше, чем в России, но и первый ее опыт соответствует сразу же последнему из выделенных А.Г. Тартаковским этапу развития российской мемуаристики, поскольку абсолютно очевидно, что произведение Филиппа де Коммина отнюдь не преследует «внутринефамильные» цели, а скорее предназначено для истории.

Конечно, можно возразить, что отдельные примеры ничего не доказывают. Но мы берем не просто примеры, а примеры хрестоматийные, общепризнанную классику мемуаристики как вида исторических источников.

Но все же продолжим сравнение. Приведем еще два хрестоматийных примера (на них, именно в силу их хрестоматийности, мы уже ссылались в предыдущей части), но более близкие друг к другу по времени создания.

*Герцог Луи де Руврэ Сен-Симон*² (июль 1743 г.).

Предисловие. О дозволенности писания и чтения исторических книг, особенно тех, что посвящены своему времени

Во все века изучение истории считалось столь достойным занятием, что, думается, было бы пустой тратой времени приводить в защиту этой истины неслучайные высказывания самых уважаемых и ценимых авторов <...>. [С. 42]

<...> уж если, учась ручному труду, нельзя обойтись без наставника, по крайности без наглядного примера, то тем более нужны они в различных умственных и научных занятиях, где невозможно руководствоваться только зрением и прочими чувствами.

А коль скоро лишь уроки, полученные от других, делают разум способным усвоить то, что он должен усвоить, нет науки, без коей было бы трудней обойтись, нежели история... [С. 44]

Для достойного выполнения своей задачи автор всеобщей или частной истории обязан досконально изучить предмет посредством углубленного чтения, точного сопоставления и верного сравнения других тщательнейше отобранных авторов, разумной ученой критики, и все это должно подкрепляться большой образованностью и остротой суждения. Я именую всеобщей историей ту, что является таковой, ибо обнимает много стран, много веков жизни церкви или

¹ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в... С. 16.

² Сен-Симон. Мемуары: избранные главы: в 2 кн. М., 1991. Кн. 1.

одного народа, несколько царствований либо одно очень давнее или важное религиозное событие. Частной я именую историю, если она относится к временам автора и его стране, повествуя о том, что происходит у всех на глазах; и, будучи более узким по охвату, подобный исторический труд должен содержать гораздо больше мелких подробностей и вводить читателя в гущу действующих лиц, чтобы ему казалось, будто он не читает историю или мемуары, а сам посвящен в тайны того, что перед ним изображают, и воочию видит то, о чем ему рассказывают. Такой жанр требует щепетильной точности и достоверности каждого сюжета и каждой черты <...> особенно же важно, чтобы, описывая события, сочинитель опирался на источники, личные впечатления или рассказы своих близких друзей; в последнем случае самолюбие, дружба, неприязнь и собственная выгода должны приноситься в жертву истинности даже наимельчайших и наименее важных подробностей <...>. [С. 46–48]

Писать историю своей страны и своего времени — значит тщательно и обдуманно воскрешать в уме виденные, пережитые, узанные из безупречного источника события на театре жизни [выделено мной. — М. Р.], различные их механизмы и подчас ничтожные на первый взгляд пустяки, которые привели в движение пружины этих механизмов <...>. [С. 59–60]

Поучительность ее воспитывает для жизни в свете, общения с людьми и в особенности для занятий делами. Примеры, которые почерпывают в ней читатели, направляют и остерегают их тем легче, что живут последние в тех же местах, где произошли события, и во времена, еще недостаточно отдаленные, чтобы нравы и образ жизни, правила обхождения и поступки существенно изменились. Каждый мазок авторской кисти вооружает рекомендациями и советами в отношении изображаемых лиц, поступков, стечений обстоятельств и следствий, ими вызванных, но эти рекомендации и советы насчет предметов и людей извлекаются самими читателями и воспринимаются ими тем легче, что они свободны от многословия, сухости, навязчивости, докучности, кои делают неприятными и бесплодными рекомендации и советы тех, кто навязывает их нам. Итак, я не вижу ничего, что было бы полезнее этой двойной отрадной возможности просвещаться, читая историю своей страны и своего времени, и, следовательно, ничего более дозволительного, чем писать последнюю <...>. [С. 61]

<...> тот, кто пишет историю своего времени, стремясь только к правде и никого не щадя, всячески старается скрыть, чем занимается <...>. Следовательно, автор, ежели только он не решился ума, ни за что не позволит, чтобы его заподозрили в написании истории. Он даст книге созреть, упрятав ее под ключ и надежные замки, также тайно передаст своим наследникам, а те благоразумно выждут одно-два поколения и выпустят ее в свет не раньше, чем время станет ей защитой от преследований... [С. 62]

Андрей Тимофеевич Болотов¹ (конец XVIII в.).

Не тщеславие и не иныя какия намерения побудили меня написать сию историю моей жизни, в ней *нет никаких чрезвычайных и таких достопа-*

¹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 4 т. СПб., 1871–1873. Т. I. Стб. 1 (2-я паг.).

мятных и важных происшествий, которые бы достойны были переданы быть свету [здесь и далее выделено мной. — М. Р.], а следующее обстоятельство было тому причиною.

Мне во всю жизнь мою досадно было, что предки мои были так нерадивы, что не оставили после себя ни малейших письменных о себе известий, и чрез то лишили нас, потомков своих, того приятного удовольствия, чтоб иметь о них и о том, как они жили и что с ними в жизни их случалось и происходило, хотя некоторое небольшое сведение и понятие. Я тысячу раз сожалел о том и дорого бы заплатил за каждый лоскуток бумажки с таковыми известиями, если б только мог отыскать что-нибудь тому подобное <...>. Я винил предков моих за таковое небрежение и, не хотя сам сделать подобную их и непростительную погрешность и таковые же жалобы навлечь со временем и на себя от моих потомков, рассудил потребить некоторые праздные и от прочих дел остающиеся часы на описание всего того, что случилось со мною во все время продолжения моей жизни...

При описании сем старался я не пропускать ни единого происшествия, до которого достигала только моя память, и не смотрел, *хотя бы инья из них и самая маловажный*, случившиеся еще в нежнейшие лета моего младенчества <...>. А как я писал сие не в том намерении, чтоб издать в свет посредством печати, а единственно для удовольствования любопытства моих детей и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведение: то и не заботился я о том, что сочинение сие будет несколько пространно и велико; а старался только, чтобы чего не было пропущено, почему в случае если кому из посторонних случится читать сие прямо набело писанное сочинение, то и прошу меня в том и в ошибках благосклонно извинить...

Мемуары А.Т. Болотова абсолютно явно написаны с внутрифамильными целями и тем самым вполне подтверждают приведенную схему эволюции мемуаристики, но при сопоставлении их с мемуарами Сен-Симона напрашивается странный вывод: при всеобщей убежденности в «общинной» ментальности русского человека наиболее значительные русские мемуары периода расцвета мемуаристики крайне индивидуалистичны, их автор описывает мельчайшие факты своей жизни, совершенно не заботясь, интересно ли это читателю; мемуары индивидуалистичного европейца, напротив, нацелены на читателя, описывают не столько жизнь автора, сколько значимые события истории, современником которых он был.

Зайдя окончательно в тупик противоречий, попытаемся из него выбраться, помня о том, что у тупиков выход находится там же, где вход. А «входом» для нас послужила видовая модель мемуаристики, которую можно условно назвать эволюционной, поскольку в ней разные группы мемуаров (в частности, мемуары с внутрифамильными целями и мемуары, нацеленные на описание современной истории для будущих поколений) рассматриваются не как изначально рядоположенные, а как последовательно возникающие.

Попытаемся скорректировать эту модель. И снова начнем с сопоставления.

Герцог Луи де Руврэ Сен-Симон.

Частной я именуую историю, если она относится к временам автора и его стране, повествуя о том, что происходит у всех на глазах. Писать историю своей страны и своего времени — значит тщательно и обдуманно воскрешать в уме виденные, пережитые, узанные из безупречного источника события на театре жизни <...> я не вижу ничего, что было бы полезнее этой двойной отрадной возможности просвещаться, читая историю своей страны и своего времени, и, следовательно, ничего более дозволительного, чем писать последнюю...

Сильвестр Медведев¹ (конец XVII в.).

...подобает нам содеявшаия в наша времена какие-либо дела не придавать забвению <...>.

<...> писанием оставити вежество, ибо мнози о тех делах глаголют и соперство между себе творят <...> абаче инии истинствовати не могут...

Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же, что содеяся во гражданстве.

Андрей Артамонович Матвеев² (конец XVII — начало XVIII в.).

Сей автор не за любочестие свое и не праздную себе хвалу, но для общей всех памяти о том потщится сей малый труд принять, дабы всегда в Российском государстве благоразумные и любопытные читатели, вразумляющиеся полезно, к будущему известию своему, для познания родящихся сыновей своих от род в род оставляли незабвенно...

Мы не обнаруживаем существенных различий в целеполагании Сен-Симона, с одной стороны, и Сильвестра Медведева и А.А. Матвеева — с другой. И в связи с этим крайне примечательно как название труда Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же, что содеяся во гражданстве», так и его цель — «писанием оставити вежество» (т.е. знание).

Итак, поскольку вполне логичная на русском материале конструкция плохо работает при обращении к западноевропейским источникам, мы и предложили новую по отношению к предшествующей историографии видовую модель источников личного происхождения как в коэкзистенциальной (проблема классификации), так и в эволюционной (проблема периодизации) составляющих. Мы выделили две разновидности мемуаров (мемуары-автобиографии и мемуары — «современные истории»), рассмотрев их не как последовательно возникающие в процессе эволюции мемуаристики, а как параллельно существующие.

¹ Цит. по: Чекунова А.Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII — XVIII в.: опыт источниковедческого анализа. М, 1995.

² Там же.

3.5.2 Газеты

Если мемуары возникают в личной сфере, то газеты — в общественной, также маркируя переход от Средневековья к Новому времени. Сравнительный анализ российских и европейских газет как разновидности периодической печати позволяет обнаружить более существенные отличия социокультурного состояния России и Европы в Новое время, чем анализ мемуаров. И это легко объяснимо с точки зрения принятой нами гипотезы: переход от Средневековья к Новому времени и, соответственно, трансформация видовой структуры корпуса исторических источников связаны с эмансипацией личности и созданием вторичных социальных связей, поэтому источники личного происхождения фиксируют наиболее глубинные основания такого перехода.

При рассмотрении корпуса источников российской истории была предложена видовая модель периодической печати, основные характеристики которой наиболее полно проявляются в такой ее разновидности, как газеты.

Мы выделили три основные функции газетной периодики:

- информационное обслуживание экономической деятельности;
- структурирование общественного мнения;
- идеологическое воздействие со стороны государства.

Очевидно, что не всегда каждая из этих функций реализуется в чистом виде, они могут объединяться, переплетаться, сложным образом взаимодействовать, но тем не менее практически в каждом случае можно выделить системообразующую функцию, что позволяет детализировать видовую классификацию.

Компаративный анализ газетной периодической печати также предполагает коэксистенциальную и эволюционную составляющие.

Вполне очевиден ряд критериев, по которым возможно сопоставление как состояния газетного дела в разных странах, так и сравнение отдельных газет:

- количество изданий, выходящих одновременно;
- тиражи периодических изданий;
- источники финансирования.

Все эти параметры связаны друг с другом. Мы уже отмечали, что если изданий много, то тираж каждого из них может быть меньше, чем если существует лишь одно издание. Например, тираж первой и долгое время единственной российской газеты «Ведомости» мог доходить до 4 тыс. экземпляров. Тиражи английских газет, которых было от одной до двух дюжин, в это время не превышали нескольких сотен экземпляров. Кроме того, «Ведомости» издавало государство, которое не заботилось не только о коммерческом успехе, но и об окупаемости издания и поэтому могло позволить сколь угодно большие тиражи.

Но в основе сопоставительного рассмотрения газет как разновидности периодической печати в Западной Европе и России в Новое время, как в коэксистенциальном, так и по преимуществу в эволюционном планах, лежит анализ соотношения их функций. Поэтому рассмотренный в хронологической последовательности в первой части данного раздела материал по истории

газетного дела в России с элементами сравнения переструктурируем теперь по функциям газет, акцентируя внимание на существенных расхождениях становления и развития газетного дела в России и Европе.

Информационное обслуживание экономической деятельности

По-видимому, эта функция газет была первой по времени возникновения и непосредственно связана с экономическими потребностями периода становления капитализма.

Как уже отмечалось, первая газета появилась в XV в. в крупнейшем центре мировой торговли — в Венеции. В XVI в. газеты издавались во время Франкфуртской и Лейпцигской ярмарок. В России газеты, обслуживающие экономические интересы, появляются лишь в 1830-х годах («Земледельческая газета», «Северный муравей», «Листок промышленности, ремесел, искусств и фабрик» и др.).

Структурирование общественного мнения

Напомним, что этой разновидности газет в некоторых европейских странах предшествует тиражирование и распространение памфлетов (разновидности публицистики). В России публицистика проникает в газетную периодику только в XIX в., что легко объяснимо, если обратиться к первому веку истории российского газетного дела и вспомнить, что в XVIII столетии в России издавались фактически лишь «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», а первая частная газета в России «Северная пчела» Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча начинает выходить в 1825 г.

С конца XVII в. в Великобритании сформировалась партийная печать — газеты вигов и тори. Что касается России, то, естественно, партийная печать не могла появиться раньше, чем политические партии. Принято считать, что первой политической партией (т.е. таким образованием, которое ставит цель борьбы за политическую власть) была Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), основанная в 1898 г.; соответственно, первой партийной газетой считается газета «Искра» (выходила с 1900 г.). Но, проводя это сравнение, необходимо помнить, что РСДРП была подпольной организацией, а «Искра» — нелегальной газетой. Политические партии и их газеты возникают в России только в начале XX в.

Идеологическое воздействие со стороны государства

Газеты издавались также государством для воздействия на подданных в нужном направлении (внедрения государственной идеологии) путем распространения официальной информации. Такого рода газеты возникают в европейских столицах на протяжении XVII в. Например, во Франции «Французская газета» официального характера издавалась с 1631 г.; в Лондоне официальная «Лондонская газета» — с 1666 г. В России именно такой была первая газета «Ведомости» (1703) и такими оставались российские газеты на протяжении XVIII и значительной части XIX в.

Местные газеты появляются позже столичных. Их история во многом воспроизводит историю газет в столицах.

В Великобритании уже в начале XVIII в. провинциальные типографии публиковали дайджесты лондонских газет. Публиковались и местные новости коммерческого характера. Напомним, что в Великобритании за первую половину XVIII в. издавались более 130 местных газет. К началу XIX в. определилось политическое размежевание провинциальных английских газет по политическим партиям.

В России развитие местных газет начинается с официального издания «Губернские ведомости» в 1830-х годах. Частные газеты в российской провинции появляются только с 1860-х годов и имеют преимущественно коммерческий характер.

Таким образом, мы видим, что в России издание газет было инициировано государством, а в других странах они чаще всего возникали для обслуживания экономических интересов и потребностей развития публицистики.

Применив к источникам личного происхождения и к периодической печати метод компаративного источниковедения — сравнения видов исторических источников, структурированных в эволюционном и коэксистенциальном плане по признаку соотношения функций внутри вида, — мы приходим к наблюдению, что структурно эволюция источников личного происхождения в России и Западной Европе аналогична. Что же касается газетной периодики, то в России, в отличие от Западной Европы, долгое время сохранялся ее государственный характер. Функции информационного обеспечения экономической деятельности и структурирования общественного мнения появляются позже. Но самое примечательное, что местная печать повторяет путь столичной: в России в губерниях сначала появляется официальное издание — «Губернские ведомости», а лишь затем различные «ярмарочные листки», которые перерастают в городские газеты.

3.5.3

Законодательство

Если мемуары возникают в личной сфере, газеты — в общественной, то законодательство — в государственной. И его компаративный анализ фиксирует значительные различия в этой сфере между Россией и Европой.

Сравнительный анализ законодательства вызывает особые трудности по целому ряду причин.

Во-первых, законодательство как вид исторических источников, в отличие от источников личного происхождения и периодической печати, не возникает в Новое время, что лишает нас возможности сопоставления времени его возникновения в рамках рассматриваемого нами периода.

Во-вторых, законодательство явно недостаточно изучено именно как вид исторических источников, не прояснено в полной мере само понятие «закон»,

по крайней мере применительно к российской реальности Нового времени, не разработаны характеристики разновидностей внутри этого вида исторических источников.

В-третьих, в историко-юридических исследованиях, в которых законодательные акты рассматриваются в качестве источника права, принята систематизация законодательных норм по отраслям права, что не фиксирует специфику собственно законодательных актов. В свою очередь это порождает опасность подменить сравнительный анализ законодательства сравнительным анализом правовых норм (например, проведением аналогий в уголовном праве, праве собственности и т.д.). В связи с целым рядом особенностей законодательных актов как вида исторических источников Нового времени необходимо предложить принципиально иные подходы к компаративному исследованию законодательства именно как вида исторических источников.

Во-первых, необходимо выявить характеристики российского законодательства XVIII–XIX вв. как законодательства Нового времени и попытаться обнаружить хронологическую грань этого перехода.

Во-вторых, целесообразно соотнести российское законодательство с мировыми системами права.

В первой части настоящего раздела были уже выявлены критерии определения российского законодательства XVIII–XIX вв. как законодательства Нового времени, главные из которых — изменение соотношения обычая и закона как источников права и обусловленные этим принципы «Незнание закона не освобождает от ответственности» и «Закон обратной силы не имеет».

Соотнесение российского законодательства с двумя мировыми системами права — англосаксонской и континентальной, проведенное при рассмотрении истории кодификации российского законодательства после Соборного уложения 1649 г., показало, что, несмотря на безуспешность попыток кодификации, можно утверждать, что уже в период правления Петра I наблюдалось стремление уйти от прецедентного права, базировать право на систематизированном законодательстве.

В начале XIX в. значительные успехи в сфере кодификации были достигнуты во Франции, где издаются пять кодексов (*les cinq codes*): Гражданский кодекс 1804 г. (или Кодекс Наполеона — *Code Civil*, или *Code Napoleon*), Гражданский процессуальный кодекс 1806 г. (*Code de Procedure Civil*), Торговый кодекс 1807 г. (*Code de Commerce*), Уголовно-процессуальный кодекс 1808 г. (*Code de Instruction Criminelle*), Уголовный кодекс 1810 г. (*Code Penal*), построенные на принципиально новой юридической основе.

В России в XIX в. попытки провести кодификацию сначала воплотились в создание Свода законов Российской империи, который, как было показано выше, нельзя расценивать как кодекс, поскольку он не снимал действие предшествующего законодательства. Последовательную кодификацию законодательства провести так и не удалось.

Таким образом, можно утверждать следующее:

- некорректно сравнивать напрямую российский и западноевропейский источники, необходимо сравнение видовых моделей; сопоставление двух источников должно начинаться с определения места сравниваемых источников в этих моделях, поэтому сравнение видов исторических источников как метод сравнительно-исторического исследования предъявляет особо строгие требования к видовой модели;
- проблема периодизации эволюции корпуса исторических источников представляет собой по сути проблему сравнительного исследования, только в этом случае сравнение ведется в собственно историческом, а не в коэкзистенциальном пространстве;
- критерием перехода от одного этапа к другому служит появление новых видов исторических источников и изменение видовой структуры их корпуса;
- для перехода от Средних веков к Новому времени наиболее характерно возникновение мемуаристики (как источника личного происхождения) и периодической печати (как источника общественного происхождения);
- сравнительный анализ российской и западноевропейской мемуаристики позволяет уточнить сформированную в российской историографии (прежде всего в трудах А.Г. Тартаковского) видовую модель, выделить две равноправные разновидности: мемуары-автобиографии и мемуары — «современные истории»;
- различия европейской и российской мемуаристики, кроме общеисторических причин, отчасти объясняются различиями ее истоков: биографика для Западной Европы (в том числе и античные образцы), агиография — для русской мемуаристики;
- сравнительный анализ периодической печати позволяет обнаружить различия, самое существенное из которых состоит в том, что в Европе газетная периодическая печать вырастает во многом из информационных потребностей торговли и из публицистики (памфлетов), в России же периодическая печать на протяжении более века имеет государственное, а не общественное происхождение;
- сравнительный анализ законодательства вызывает особые трудности в силу существенной специфики российского законодательства (и государства), но ряд признаков, системообразующим среди которых выступает приоритет закона как источника права, позволяет охарактеризовать российское законодательство конца XVII — XVIII в. как законодательство Нового времени;
- соотнесение российского законодательства с двумя мировыми системами права приводит к выводу о тяготении российского законодательства к системе, основанной на кодексах;
- проведенная апробация метода позволила уточнить представления о соотношении российского и западноевропейского исторических процессов в Новое время.

ЧАСТЬ III

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИОГРАФИИ***

1

глава

ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

Источниковедение историографии — предметное поле актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. *Объект* источниковедения историографии — система видов историографических источников (произведений историков). *Предмет* — порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальных практиках.

Выделим два фактора, обуславливающих формирование предметного поля источниковедения историографии:

1) социокультурный: размежевание — вплоть до полного отрыва — научного исторического знания и социально ориентированного историописания в актуальной социокультурной ситуации постпостмодерна¹;

2) теоретико-познавательный: поиск оснований строгой научности исторического знания в связи с актуализацией неоклассического типа рациональности в условиях преодоления постмодернистской эпистемологической анархии.

Несмотря на то что в отечественной исторической науке уже несколько десятилетий ведутся споры об историографических источниках, в учебную литературу по источниковедению такой раздел до сего времени не включался.

Задачи данной части учебного пособия — обосновать использование феноменологической концепции источниковедения в теоретическом основании формирующегося предметного поля источниковедения историографии, продемонстрировать возможности источниковедения как метода изучения историографических источников.

* Часть III «Источниковедение историографии» написана при участии Р.Б. Казакова и М.Ф. Румянцевой.

¹ О дифференциации исторического знания на научное историческое знание и социально ориентированное историописание см. гл. 2 данной части наст. изд.

1.1

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

Историю исторического знания во всех его составляющих принято называть историографией. Сюда относится и так называемая проблемная историография, которая играла роль вспомогательной исторической дисциплины в классической европейской модели исторической науки, позволяя исследователю выяснить так называемую степень изученности темы и выявить пробелы (лакуны). Историки, обращавшиеся к прошлому своей дисциплины, старались представить результаты предшествующей историографии и извлечь из нее уроки. В неклассической модели исторической науки, когда, по замечанию П. Нора, история «вступила в свой историографический возраст»¹, исследователи историографии стали рефлексировать о том, что разные истории представляют собой конструкции историков. Такие конструкции не произвольны, а зависимы от той или иной социокультурной ситуации. Изменение в понимании исторического знания вызвало потребность дифференцировать историографию, выделив из нее историю исторической науки и истории иных форм историописания, такие как история исторической мысли, история исторического знания, история историописания. Однако к изучению истории исторического знания по-прежнему применяются понятия «историография» (теперь уже нагруженное новыми смыслами), а также «история исторической науки» и «история историописания». В учебном пособии мы используем эти распространенные понятия как синонимы, но отдаем предпочтение наименее коннотативно нагруженному — «история истории».

Историографический источник — базовое понятие источниковедения историографии.

Актуализация в последней четверти XX в. вопроса об историографических источниках заставила историков предложить определение этого понятия. Так, Л.Н. Пушкарёв считал, что «под историографическим источником следует подразумевать любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки»². А.И. Зевелёв дал несколько иное определение, заметив, что «историографическими источниками являются те исторические источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования»³.

¹ Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 23.

² Пушкарёв Л.Н. Определение, оптимизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 102–103.

³ Зевелёв А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 120.

В российской историографии стало распространенным определение историографического источника, которое сформулировал С.О. Шмидт (1922–2013): «...историографическим источником можно назвать всякий источник познания историографических явлений (фактов)»¹.

В современном учебнике «Историография истории России до 1917 г.» авторы выделяют группы историографических источников и указывают, что к первой можно отнести труды историков «в любой их форме: монографии, статьи, заметки, выступления и дискуссии, а также черновики, отброшенные варианты текстов и др. К другой группе историографических источников относят документацию научно-исследовательских организаций: протоколы съездов, конференций и круглых столов историков, стенограммы их дискуссий, тексты постановлений, материалы о формировании кадров исторической науки. Особый вид историографических источников представляют рецензии на исторические исследования, которые не только отражают процесс утверждения концепции в научной среде, но и содержат новые гипотезы и позитивные решения»². Заметим, что авторы учебника отделили от первой группы историографических источников рецензии на исторические исследования.

В вышеприведенных, не всегда четких определениях историографических источников присутствует общая черта — расширительное толкование понятия «историографический источник» за счет исторических источников иных видов (например, документации научно-исследовательских организаций). Профессиональному историку все-таки необходимо уметь отличать первые от вторых. Более приемлемое определение историографическим источникам дал В.Д. Камынин: ими «выступают труды исследователей, созданные в самых разных формах: монографии, статьи, рецензии, выступления с докладами на научных конференциях, “круглых столах”, дискуссиях»³.

Приведенные определения позволяют говорить о том, что сегодня в исторической науке присутствуют два подхода к историографическому источнику — те же, что и к историческому источнику вообще⁴. Первый: историографический источник — это то, откуда извлекают информацию, пригодную для конструирования историографического процесса. Второй подход, основанный на понимании исторического источника как произведения творческой деятельности человека, продукта культуры, помогает современному исследователю выявить целеполагание автора исторического труда, сознательно осуществлявшего акт историописания, выполнявшего определенную функцию в социуме.

¹ Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 185.

² Клименко А.В. Предмет и задачи историографии // Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ.: в 2 т. / под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2004. Т. 1. С. 23.

³ Камынин В.Д. Теоретические проблемы историографии на рубеже XX–XXI вв. // Известия Уральского государственного университета. 2010. №3 (78). С. 63.

⁴ См. гл 1, ч. II, разд. первый наст изд.

Исходя из последнего, сформулируем определение историографического источника: **историографические источники** — это группа видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания, как научного, так и социально ориентированного.

1.2

СТРУКТУРА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСТОРИКОВ В РАБОТАХ ПО ИСТОРИИ ИСТОРИИ

Уже в период становления европейской классической модели исторической науки историки, начинавшие рефлексировать об истории истории, обратили внимание на важность предварительной критики исторических работ своих предшественников и современников. Осуществляя такую исследовательскую операцию, А.Л. Шлёцер (1735–1809) отмечал:

Я попытаюсь <...> написать историю русской истории, с начала оная до наших времен <...>, где преимущественно замечу бывшие до сих пор препятствия или пропущенные удобные случаи.

По его мнению, именно критика трудов историописателей позволяет определить их достоинства или недостатки, поэтому «на слова их никто не может положиться до тех пор, пока критика не утвердит веры к ним»¹.

Н.М. Карамзин (1766–1826) в небольшом по объему примечании к тексту «Истории государства Российского» смог в нескольких строках дать своеобразный историографический этюд — обзор трудов и мнений историков по тому или иному вопросу, сопроводив их своими оценками. Иногда это совсем короткие упоминания произведений историков, но в некоторых случаях он давал исчерпывающие характеристики трудам своих предшественников и современников:

Таковыми и подобными историческими баснями отличался у нас какой-то Дьякон Холопьяго монастыря (доныне существующего при устье реки Мологи), именем Тимофей Каменевич Рвовский. Он жил и писал около 1699 году. Я нашел его сочинения в Синодальной библиотеке <...>; мы упомянем об нем в других примечаниях.

В карамзинских характеристиках мнений историописателей об остроудискуссионных для XVIII — начала XIX в. проблемах, например происхождения

¹[Шлёцер А.Л.] Нестор. Русские летописи на Древле-Славенском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.Л. Шлёцером. СПб., 1809. Ч. 1. С. ркѳ, рнѳ-рѳ.

славян и руси, призвания варягов, крещения Руси и др., уже можно видеть стремление дать представление читателю о том, как развивалась историческая наука в процессе изучения конкретного сюжета. Так, рассказывая о народах, населявших просторы России в позднеантичные времена и предшествовавших славянам, Карамзин приводил мнения античных авторов (Страбон, Плиний, Тацит и др.), затем ссылаясь на русских историков XVIII в.¹

Историки начала XIX в. актуализируют вопрос о научной критике работ историков. Как считал М.Т. Каченовский (1775–1842), время для критики трудов историописателей уже настало, потому что многие не в состоянии «сказать, чем разнятся между собой истории Татищева, Ломоносова, князя Щербатова, Эмина, Нехачина и почему при таком изобилии в историях мы все еще требуем новой»². Историографической критикой займутся ученики М.Т. Каченовского (С.М. Строев, О.М. Бодянский и др.) и другие историки (А.З. Зиновьев, А.Ф. Федотов), обратившие внимание на критический подход А.Л. Шлёцера и М.Т. Каченовского.

Во второй четверти XIX в. историки стали помещать в учебные пособия обзор не только основных видов источников, но и исторической литературы (историографии) по национальной или мировой истории. «Основательное знание отечественной истории приобретает постоянным изучением всех вообще памятников отечественной старины, или исторических источников, и знакомством с позднейшими изысканиями ученых», — писал Н.Г. Устрялов (1805–1870) во введении к «Русской истории»³, указывая на вспомогательный характер источниковедения и историографии по отношению к национально-государственной истории. В позитивистской исторической науке такое правило соблюдается уже более последовательно, поэтому К.Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897) в начале «Русской истории» отмечал, что важно «представить результаты, добытые русской исторической наукой в полтора десятка лет ее развития, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вместе с тем ввести в круг источников, доступных в настоящее время ученой деятельности»⁴. Это же правило в конце 70-х годов XIX в. рекомендует использовать японцам, приобщающимся к европейской модели историописания, бывший австрийский шпион и журналист Г.Г. Зерффи (1820–1892), заметивший, что, обращая внимание на историю истории и на историков, мы помогаем приобщающимся к изучению этого предмета извлекать уроки из практики исторических исследований⁵.

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 4 кн. Репринт. М., 1988. Кн. 1. Т. 1. Примеч. 5, 20, 32, 91.

² [Каченовский М.Т.] Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке // Вестник Европы. 1811. Ч. 59. № 18. С. 144–145.

³ [Устрялов Н.Г.] Русская история Н. Устрялова: в 4 ч. СПб., 1939–1840. Ч. 1. С. 8.

⁴ Бестужев-Рюмин К.[Н.] Русская история: в 2 т. СПб., 1872–1885. Т. 1. С. I, 208–246.

⁵ Zerffi G.G. The Science of History. L., 1879. P. XI, XIII.

Несмотря на предпринимаемые историками еще первой половины и третьей четверти XIX в. попытки критики трудов предшественников и современников, история истории как рефлексия о процессе конструирования истории возникает вместе с появлением *неклассической модели исторической науки*. Под названиями «история истории», «история самосознания», «историография», «история исторической мысли», «история исторического письма», «история историографии» и т.д. этот вид профессиональной исторической саморефлексии получает распространение среди историков в национальных историографиях Европы и США, а кроме того, как *вспомогательная историческая дисциплина* начинает преподаваться в университетах.

Например, в лекциях по русской историографии, записанных и изданных студентами Харьковского университета, профессор Д.И. Багале́й (1857–1932), определяя место историографии (вместе с источниковедением) как вспомогательное для истории России, говорил:

Историографией называется *вспомогательная историческая дисциплина* [выделено мной. — С. М.], занимающаяся, с одной стороны, обзором разного вида источников, т.е. летописей, хронографов, житий святых, актов, грамот, сказаний иностранцев, писем, мемуаров и проч., а с другой стороны, дающая очерк постепенной разработки и роста русской истории как науки. Таким образом, вторая часть историографии и есть собственно *история русской истории*¹ [выделено автором. — С. М.].

Начиная с последней четверти XIX в. историки стали предлагать разные пути изучения и структурирования историографического материала. Нам важно обратить на это внимание, так как, структурируя историографию того или иного времени, исследователи вынуждены были отбирать определенные историографические источники, позволявшие выстраивать историю истории в зависимости от их представления об историографическом процессе. Выбранная модель посредством учебных пособий позиционировалась в процессе преподавания студентам-историкам. Приведем несколько примеров структурирования историографического материала.

Модель, представленная эволюцией исторического знания посредством цепочки авторитетных историков или «классических авторов», проявляет себя уже в «Лекциях по русской историографии» В.О. Ключевского (1841–1911)². Швейцарский историограф Э. Фютер (1876–1928), признавая, что история историографии должна быть иной, нежели биографический словарь историков, отбирал (как он сам отмечал) только «настоящих первооткрывателей» и важные направления науки представил «важными историками»³. Данный

¹ Багале́й Д.И. Русская историография: лекции, читанные в Харьковском университете. Харьков, 1907. Т. 1. С. 1.

² Ключевский В.О. Лекции по русской историографии // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. 7: Специальные курсы. С. 185–233.

³ Fueter E. Geschichte der Neueren Historiographie. München; Berlin, 1911. S. V–VI.

подход оказался очень удобен для структурирования материала и позволил, в частности, британскому историку Г.П. Гучу (1873–1968) «суммировать» и «оценивать» достижения в области исторических исследований XIX столетия, останавливая внимание главным образом на «мастерах» (т.е. опять классических авторах) исторического ремесла, начиная с Б.Г. Нибура и до Т. Моммзена¹.

Такая модель построения материала совершенно не противоречила теоретическим положениям марксизма-ленинизма в историографической конструкции Н.Л. Рубинштейна (1897–1963), подчеркивавшего, что «действительный путь науки получает свое полное и отчетливое выражение в ее *наиболее ярких и типичных* [выделено автором. — С. М.] представителях», а «изучение сменяющихся исторических направлений возможно лишь через научный анализ творчества основных, наиболее типичных представителей каждого периода, каждой школы»². Несмотря на стремление А.М. Сахарова (1923–1978) структурировать материал (лекции) по классовому принципу (например: «дворянская, либерально-буржуазная, мелкобуржуазная историография после отмены крепостного права (вторая половина XIX в.)»), внутри этих блоков мы все равно находим классиков русской историографии³. И сегодня историки, выстраивая историографический материал, признают пользу такого подхода, отмечая: «Изучение каждого *звездного имени* [выделено мной. — С. М.] в отечественной историографии одновременно проясняло <...> магистральные вопросы развития русской исторической науки». Поэтому в учебное пособие отбираются «классики» русской историографии⁴.

С конца XIX в. исследователи пробовали излагать развитие национальной историографии по иному принципу, поставив задачу выявить, например, русские (М.О. Коялович⁵, 1828–1891) или американские (Дж.Ф. Джеймсон⁶, 1859–1937) особенности в развитии историографии. Благодаря этому в первом случае историография (где были представлены не только классические историки, но писатели и философы) оказалась подчинена не столько научным, сколько социально-политическим идеям о России, во втором случае — зависима от изменений в политической (а не научной) жизни США. Американский историк, выделив четыре периода истории исторического письма в США, разделил их не по периодам развития науки или типов исторического письма, а по периодам политической истории.

¹ Gooch G.P. History and Historians in the Nineteenth Century. 2nd ed. L., 1913. P. V.

² Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 4.

³ Сахаров А.М. Историография истории СССР: досоветский период: учеб. пособие. М., 1978. С. 160–207.

⁴ Лачаева М.Ю. Предисловие // Историография истории России до 1917 г. ... Т. 1. С. 8.

⁵ Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884.

⁶ Jameson J.F. The History of Historical Writing in America. Boston; N.Y., 1891.

Некоторые авторы стремились совместить хрестоматийный принцип с пространным комментированием (Дж.Т. Шотвелл¹, 1874–1965) или с историографическим обзором (А.Дж. Грант², 1862–1948), считая, что такая модель более оригинальна.

Интересный вариант структурирования и изучения материала представил П.Н. Милюков (1859–1943). Он постарался изобразить широкую картину развития, а также смены теорий и взглядов на русскую историю, но обратил внимание на тех, которые, по его словам, «толкали эту мысль вперед, расширяя и углубляя ее главное русло»³, причем в таком «главном русле» историк так же, как и иные авторы, не отделял научное изучение истории от обращения к прошлому, вызванного поиском, в первую очередь, национально-государственной идентичности.

Особняком в этом ряду стоят лекции по истории науки и историографические курсы А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919). Необходимость в специально прочитанных лекциях по истории науки («Лекция, читанная преподавателям средних учебных заведений, съехавшихся в С. Петербург 10–17 июня 1906 г.»), а в их составе — по истории исторической науки, автор объяснял теоретическими и практическими мотивами. Если в первом случае, по мнению А.С. Лаппо-Данилевского, «теоретико-исторический интерес» свидетельствует о том, что «основные проблемы теории исторического знания затрагиваются, а некоторые из них особенно ясно обнаруживаются при изучении истории наук», то практические мотивы исходят из «подъема интереса» к истории науки и «некоторого пренебрежения» историей науки в сфере преподавания⁴.

В изучении истории науки он выделил два уровня: философский (логический), возникший под влиянием позитивизма и изучающий «логическое развитие известного рода идей, последовательно раскрывающихся в действительности и не теряющих своей научной ценности и по настоящее время», и исторический, дающий картину «реального развития науки». «Для выяснения исторического развития науки (а не логического) надо стремиться к познанию исторической действительности во всей ее многосложности и выяснить самые корни данной системы и даже иной раз самые мелкие обрывки научной мысли в их генезисе в зависимости от конкретных условий данного периода (социального быта, обычаев, традиций, техники, практической жизни и т. п.)». И специально подчеркнул, что в изучении истории исторической науки «очевидно, собственно историческая точка зрения должна получить перевес»⁵.

Историографические курсы А.С. Лаппо-Данилевского презентировали слушателям и читателям структуру историографического исследования в сфере

¹ Shotwell J.T. An Introduction to the History of History. NY., 1922.

² Grant A.J. English Historians. L., 1906.

³ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. Т. 1. С. 1.

⁴ Архив РАН. Ф. 113 (А.С. Лаппо-Данилевский). Оп. 1. Д. 180.

⁵ Там же.

истории науки и в сфере истории исторической науки. Более того, изучение истории науки с логической и «собственно исторической точки зрения» выстраивается А.С. Лаппо-Данилевским источниковедчески: через изучение обстоятельств возникновения и эволюции, анализ идей во всей сложности их происхождения, что делалось автором посредством изучения процесса развития науки «во всей конкретности его обстановки». Лекции по историографии дают понятие историографии и трактуют его: «Итак, история научных построений (науки) действительно может служить предметом изучения; она изучает последовательную смену научных построений, приведших к современному научному мировоззрению или способных привести к новому научному мировоззрению»¹.

Другой подход к расположению историографического материала представили нам работы М.А. Алпатов (1903–1980). Автор группировал материал в компаративной перспективе, сравнивая формы исторического письма на Западе и Востоке Европы, при этом он уделил больше внимания историческим представлениям западноевропейских писателей о России и русских авторов (не только историков) о Западной Европе².

В контексте развития европейской историографии пытался рассмотреть развитие отечественной исторической науки в своей последней крупной работе (учебном пособии для студентов-историков) А.Л. Шапиро (1908–1994). Надо признать, что такой подход выглядит довольно перспективным, но в итоге лекции по развитию русской и западноевропейской историографии оказались собранными в книге механически, отдельно друг от друга. Кроме того, А.Л. Шапиро так же, как и предшественники, уделил внимание классикам как русской историографии, так и исторической публицистики, не оговаривая принципы, которые позволяют отличить научную работу историка от непрофессионального историописания³.

Широкую картину этапов развития исторического знания, исторической, общественной и политической мысли не так давно представили Г.Р. Наумова и А.Е. Шикло. Как и в вышеприведенных примерах, здесь мы также находим отсутствие четких границ между типами знания и общественной мыслью, выразившейся плеядой известных русских историков и мыслителей⁴.

Приведенные модели изучения и структурирования историографического материала, как мы уже выше отметили, оказались очень удобными для работ, которые включали в себя значительные периоды развития

¹ Архив РАН. Ф. 113 (А.С. Лаппо-Данилевский). Оп. 1. Д. 180.

² Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973; *Его же*. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985.

³ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.

⁴ Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России: учеб. пособие для студ. вузов. М., 2008. Признавая оригинальность этого труда, следует отметить, что его содержание не соответствует названию и, к сожалению, в нем присутствует масса ошибок и неточностей.

национальной, европейской или мировой историографии. Историкам трудно от них отказаться, так как они комфортны не только для авторов таких работ, но и для читателя, в качестве которого чаще выступают студенты, хорошо знакомые с традиционной линейной национальной/всемирной историей и привыкшие воспринимать историю в линейной перспективе.

Специалисты в области историографии не всегда были удовлетворены структурированием истории подобным образом. Еще в 1919 г. немецкий историк М. Риттер (1840–1923), объясняя читателю принцип расположения в своей работе материала, представленного периодами поступательного развития исторической науки (внутри которых выделил авторитетных историков), решил оправдаться. Сознывая неполноту показанного историографического процесса, он заметил, что никакой другой дороги у него не было¹.

В разных национальных историографических традициях под понятием «историография» разумелась не только история исторической науки (мысли), но также философия и методология истории, история исторического образования, история историков или история изучения отдельных вопросов, проблем и т.д. Нередко под «историографией» понималась историческая мысль, представленная как наукой, так и общественно-политическими идеями, что мы выше отметили, говоря о разных моделях структурирования историографического материала. Такой принцип объяснения историографического процесса давно прижился в российской научно-образовательной традиции. Например, В.О. Ключевский, рассуждая о русской историографии 1861–1893 гг. (рукопись специально не готовилась к печати), связал ее изменение с новой социально-политической пореформенной реальностью Российской империи, но не обратил внимания на меняющийся научный контекст. Поэтому историк написал об отношении русского общества к «новому периоду» истории, об отшумевших «былых богатырских битвах западников и славянофилов», о гипотезах государственников и народников², даже не пробуя заострить внимание на вопросе о том, что было научным историческим знанием, а что принадлежало к иным областям общественного сознания.

Важно подчеркнуть еще одно общее свойство курсов лекций и работ по историографии — они оказались прочно зависимы от традиций политической истории, доминировавшей в XIX в. и предложившей структуру построения материала, состоящую из цепи последовательно сменяющих друг друга классиков историографии, изучавших знаковые эпохи национального прошлого. Работы по истории истории были выстроены в линейной перспективе, и такая вертикальная структура, в которой обращалось внимание, в первую очередь, на приращение нового знания, смягчала *деконструирующий* — по отношению к историческому знанию — эффект истории истории.

¹ Ritter M. Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft an den führenden Werken betrachtet. München; Berlin, 1919. S. III.

² Ключевский В.О. Русская историография 1861–1893 гг. // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 7: Специальные курсы. С. 381–388.

Таким образом, в структуре работ по истории истории их авторы специально не ставили вопроса о научных и ненаучных формах историописания, но, анализируя труды историков, исследователи старались проводить их критику и пытались *систематизировать разные практики написания истории*. Эти опыты во многом предшествовали классификации историографических источников.

Процедура историографической критики долгое время использовалась в небольших *рецензиях* на издававшуюся историческую литературу. Например, в 1771 г. в «Дополнениях к общей немецкой библиотеке» появилась рецензия известного немецкого историка и издателя Ф.К. Николаи (1733–1811) на книгу М.В. Ломоносова «Древняя российская история», где немецкий просветитель отметил важную черту исследовательской работы М.В. Ломоносова — несоответствие ее современным требованиям, предъявляемым к историческим трудам¹.

Историки второй половины XVIII — начала XIX в. предпринимали робкие, но все же попытки систематизации историописателей, например А.Л. Шлёцер назвал критикуемого им французского сочинителя «Histoire de la Russie ancienne et moderne» (1783–1794) Н.Г. Леклерка «историком-философом-живописцем»². Систематизация помогала проводить более строгую научную работу с трудами историков, однако она чаще была произвольной, зависимой от взгляда самого критика на тот или иной вопрос истории.

Внимательное отношение к трудам предшественников можно заметить у историков, манифестировавших так называемую критическую историю. Критический подход к исторической литературе в первой половине XIX в. получил развитие в разных национальных историографиях Европы. В современной «Оксфордской истории историописания» отмечается:

Новый метод исторической критики позволил научной истории предъявить права на объективность и истину, придирчиво исследовать работы предшественников и современников. Поэтому последователи метода исторической критики оказались единственными, кто стал вести разговор о прошлом авторитетно, а значит профессионально <...>. Но, методологически изящно разоблачая многие исторические мифы, они способствовали созданию напряженности между историей (научной) и национальной мифологией³.

В российской научной практике признанным лидером этого направления стал издатель и профессор Московского университета, глава «скептической

¹ Nk. [Nicolai F.] Alte Ruische Geschichte, von dem Ursprung der Ruischen Nation bis auf den Tod des Grosfür sien Jaroslaws des Ersten, oder bis auf das 1054. Abgefast von Michael Lomonossow, Staatsrath, Professor der Chymie, Mitglied der St.-Petersburgischen und der Schwedischen Akademien der Wissenschaften. Aus dem Ruischen ins Deutsche übersetzt Riga und Leipzig 1768 // Anhang zu dem Ersten bis Zwölften Bande der Allgemeinen Deutschen Bibliothek. Berlin; Stetin, 1771. S. 231–236.

² [Шлёцер А.Л.] Нестор. Русские летописи ... Ч. 1. С. рξθ.

³ Berger S. The Invention of National Traditions in European Romanticism // The Oxford History of Historical Writing. N.Y., 2011. Vol. 4: 1800–1945 / eds by S. Macintyre, J. Maiguashca, A. Pók. P. 26–27.

школы» М.Т. Каченовский. Представители «скептической школы», отталкиваясь от научных подходов сначала А.Л. Шлёцера, а затем известного немецкого историка Н.Г. Нибура (1776–1831), критически отнеслись к работам историков, как предшественников, так и современников. Например, С.М. Строев (1815–1840), изучая историческую литературу об истории древней Руси, разделил исследователей на тех, кто 1) не обращает внимания на историческую критику, 2) мечтает о прагматической русской истории, 3) некритично следует за А.Л. Шлёцером и Н.М. Карамзиным, 4) разрабатывает новые подходы в деле исторической критики¹.

Исследовательская практика под названием «историческая критика» позволяла ставить вопрос о научном и ненаучном подходах к изучению истории. Не случайно Н.И. Надеждин (1804–1856) отметил, что нападки на историков, критически разрабатывавших исторические источники (Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер), «были совсем неученые» (М.В. Ломоносов)².

Историки стремились систематизировать исторические работы, относя их авторов к тому или иному направлению в историографии, прослеживая появление научного взгляда на историю или подмену научности литературной риторикой. Однако такая практика оказалась непоследовательной, была зависима от симпатии или антипатии к конкретным историкам прошлого, а не от строго выстроенной системы практик историописания. Так, С.М. Соловьев (1820–1879) назвал М.В. Ломоносова отцом литературного или риторического направления. О князе М.М. Щербатове он заметил, что хотя тот и любитель, но «занимается историей для истории <...>, предчувствует в истории науку». Н.И. Болтин, по его мнению, старался «сделать из истории прямое приложение к жизни», но «талантом стоял гораздо выше Щербатова, обладая светлым взглядом и особенною живостью ума»³. Вторая часть вывода С.М. Соловьева о двух представителях русской историографии XVIII в. М.М. Щербатове и Н.И. Болтине сделана с позиций не истории истории, а истории общественной мысли, так как С.М. Соловьев ранее верно отметил практическое, а не научное отношение Н.И. Болтина к истории.

Вопрос о профессиональных качествах историка — автора того или иного исследования часто подменялся ценностным отношением к истории своего государства и принадлежностью историописателя к какому-либо направлению в общественной жизни. Например, В.О. Ключевский в курсе лекций по русской историографии, в материалах для подготовки к лекциям и статьям,

¹ [Строев С.М.] О недостоверности древней русской истории и ложности мнения касательно древности русских летописей. СПб., 1834. С. 1–2.

² Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 20. С. 95–110.

³ [Соловьев С.М.] Писатели русской истории XVIII века: Манкиев, Татищев, Ломоносов, Тредиаковский, Щербатов, Болтин, Эмин, Елагин, митрополит Платон / статья профессора С.М. Соловьева // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. 2. Отд. 3. С. 40–71.

выделял в историографии XVIII в., кроме таких направлений, как «монографическо-критическое», «панографическо-прагматическое», «сравнительно-апологетическое», еще и «люборусов» со «стародумами»¹. П.Н. Милюков, проводя систематизацию историков того же XVIII в., выделил, например, такое направление, как «патриотическо-панегирическое», а в известном споре Н.И. Болтина со М.М. Щербатовым так же, как и С.М. Соловьев, большими заслугами наделил первого², но не потому, что Н.И. Болтин продемонстрировал лучшие профессиональные навыки, а из-за того, что некоторые его гипотетические догадки (не основанные на исторических источниках) показались ему более дальновидными.

Отсутствие рефлексии о границе между научной историей и общественной мыслью наблюдалось не только в историографической литературе, предназначенной в большей степени для студентов, но и в практике сугубо научной деятельности историков. В этом отношении показателен пример отзыва В.О. Ключевского об исследовании С.Ф. Платонова (1860–1933) «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник». В.О. Ключевский заметил:

Трудно согласиться с автором [С.Ф. Платоновым — С. М.], когда он говорит о келаре Авр. Палицыне и дьяке И. Тимофееве, что оба эти писателя, «не только описывая, но и обсуждая пережитую эпоху, нередко выходили из роли историков и вступали на почву публицистических рассуждений», как будто вдумываться в исторические явления, описывая их, <...> значит выходить из роли историка: суждение не тенденция, и попытка уяснить смысл явления себе и другим не пропаганда³.

Как можно заметить, в данном случае, с одной стороны, С.Ф. Платонов пытался навязать писателям XVII в. правила историка (когда они еще таким не были и не могли быть), с другой стороны, В.О. Ключевский, напротив, игнорирует эти правила, убирая границу между историей и общественно-политической мыслью.

Такая практика продолжилась в советской историографии. Несмотря на то что Н.Л. Рубинштейн, в отличие от иных исследователей истории истории, в ряде мест учебника «Русская историография» (1941) старался отделить научную разработку русской истории от общественно-политической мысли (например, выделяя последнюю в отдельную главу «Народническое направление в исторической литературе»), все равно он не стал твердо придерживаться выбранной линии. Поэтому в его книге можно найти и другую

¹ Ключевский В.О. Лекции по русской историографии... С. 198–204; *Его же. Приложения // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 7. С. 415.*

² Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли... С. 77, 94.

³ [Ключевский В.О.] Отзыв В.О. Ключевского об исследовании С.Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник» (СПб., 1888) // Отчет о 31-м присуждении награды гр. Уварова. СПб., 1890. С. 53–66.

главу «Великие русские просветители Чернышевский и Добролюбов. Шапов и начало народничества», объединившую в своей структуре общественную мысль и научную историю. В последнем случае научные принципы работы указанного им А.П. Шапова, его концепция «областной» истории, выводившая исследование за рамки господствовавшей классической европейской модели историографии (и ставшая основой теоретической базы последующих направлений «областная история», а затем и «региональная история»), оказались подчинены идеологии и «освободительной» (революционной) мысли, а не науке¹.

Интересный пример систематизации исторических работ в конце 20-х годов XX в. предложил в беседе с аспирантами С.В. Бахрушин (1882–1950). В российской историографии XVIII в. он выделил три вида научных исследований: 1) работы, заключающие в себе критический анализ исторических источников (А.Л. Шлёцер); 2) работы, имеющие целью установить и описать исторические факты (Г.Ф. Миллер); 3) работы, ставящие целью обобщение отдельных фактов для установления известной правомерности исторических явлений. При этом он подчеркнул, что чаще всего историк использует разные виды исторического исследования и в чистом виде тот или иной вид встречается редко².

В XX в. получает распространение и другая практика систематизации трудов историков. Американский историк Х.М. Стефенс (1857–1919) в лекциях по историографии систематизировал историков по принципу принадлежности их практик историописания к тому или иному виду истории. Так, он выделил философскую историю: Ф.П.Г. Гизо, Дж. Грот, Т. Карлейль; политическую историю: Т.Б. Маколей, Л.А. Тьер, И.Г. Дройзен и др.; романтическую историю: А. Ламартин, Ж. Мишле, Ф. Паркман и др.³

Еще одна практика систематизации историографического материала, получившая широкое распространение в мировой историографии XX — начала XXI в., предусматривает систематизацию работ историков по направлениям исторической науки. Так, уже в начале XX в. американский историк Дж.М. Винсент (1857–1939) группировал историографический материал по таким направлениям исторической науки, как военная, социальная, политическая, социологическая и другие истории⁴. В российской научно-образовательной практике данный подход к систематизации научных направлений можно найти, например, в учебном пособии «Истории исторического знания» под редакцией Л.П. Репиной⁵.

¹ См.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография... С. 388–410, 367–388.

² Бахрушин С.В. Беседа об исторической науке // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие). М., 1987. С. 80–82.

³ Stephens H.M. Syllabus of a Twelve Lectures on History and Historians. Berkley, 1905. P. 21–27.

⁴ Vincent J.M. Historical Research an Outline of Theory and Practice. N.Y., 1911. P. 3–12.

⁵ История исторического знания: учеб. пособие / под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2013.

1.3

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В позитивистской историографии (подходы которой проявлялись и в марксистской исторической науке) вопрос о специфике базового для истории истории историографического источника рассматривался в привычной плоскости, позволявшей выявлять «первичные» и «вторичные» исторические источники. Вспомним, что, говоря о материалах, на основании которых историк может проводить то или иное научное исследование, И.Г. Дройзен (1808–1884) поставил рядом письменные первичные источники и источники вторичные — исторические исследования¹. Немецкий историк обратил внимание на исследование историка как на источник исходя из сугубо практических целей: он рассматривал труды историков-предшественников (использовавших первичные источники) в качестве источника информации, которой можно воспользоваться при осуществлении конкретно-исторического исследования.

По сути, эту мысль развивал и советский источниковед Л.Н. Пушкарёв, заметивший:

Исследование — это одна из разновидностей повествовательного источника, однако настолько своеобразная и особая, настолько отличающаяся от всех других разновидностей источников, что, определяя источниковедческую ценность исследования, историк должен обратить внимание на выявление и анализ его первоисточников².

Во второй половине XX в. в структуре исторической науки историография стала занимать существенное место. Западноевропейскую и американскую историческую науку перестало удовлетворять «дополняющее» по отношению к истории место историографии в научной и образовательной практиках³. Этот процесс обозначился и в советской исторической науке, в которой, по словам В.А. Муравьева (1941–2009), историография как дисциплина стала выполнять роль определенной «отдушины», позволявшей оттачивать инструментарий научной критики, она «оттягивала» на себя некоторую часть методологических суждений и некоторую часть такой сложной области исторического познания, как история идей, история общественной мысли⁴. В 60–70-х годах

¹ Дройзен И.Г. Энциклопедия и методология истории // Дройзен И.Г. Историка. СПб., 2004. С. 141–145.

² Пушкарёв Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 74.

³ См.: Bentley M. Modern Historiography: An Introduction. L., 1999. P. IX.

⁴ Муравьев В.А. История, исторический источник, историография, история исторического познания (размышления о смысле современных историографических исследований) // Рубеж истории: проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999. С. 21.

XX в. советские историки подняли вопросы, с одной стороны, касающиеся сути истории исторической науки как исторической дисциплины, а с другой стороны, о специфике историографических источников, что свидетельствовало об изменении статуса историографии в структуре исторического знания, об ее трансформации из вспомогательной в самостоятельную дисциплину (субдисциплину) исторической науки.

Как было показано в первом разделе настоящего учебного пособия, в отечественной исторической науке, как ни в какой другой, имелась давняя прочная источниковедческая традиция¹, которая оказала влияние на развитие как общей теоретической базы истории исторической науки, так и ее исследовательских приемов. Не случайно вопрос об источниках историографических исследований был актуализирован именно в советской историографии и в этом процессе активное участие приняли источниковеды.

Одной из черт советской практики изучения истории истории, которая проявляет себя и сегодня, стало внимание (а по сути, продолжение предшествующей практики, что мы видели выше) не только к линейному процессу развития исторической науки, но и к общественной мысли, носителями которой были «непрофессионалы» и которая могла отличаться, например, от «дворянской» или «буржуазной официальной» историографии своей «неофициальностью», а значит, как отмечала ведущий советский специалист в области истории исторической науки М.В. Нечкина (1901–1985), «прогрессивностью»². Конечно, позиция М.В. Нечкиной несет печать своего времени: в курсе историографии истории СССР для исторических факультетов стали изучать А.Н. Радищева, декабристов, Н.Г. Чернышевского и других мыслителей, идеи которых актуализировались советской идеологией. М.А. Алпатов выразил позицию советской историографии таким образом:

Можно ли мириться с ограниченным взглядом на историческую науку как на науку профессионально-академическую [здесь и далее выделено мной. — С. М.], якобы отгороженную от живой действительности и составляющую монополию ученой касты? Принять подобную точку зрения значило бы вычеркнуть из истории науки вклад К. Маркса и Ф. Энгельса, вклад В.И. Ленина, самое передовое, что есть в науках, созданных человечеством. Принять подобную точку зрения значило бы вычеркнуть из истории науки наследие русских революционеров-демократов, представляющее вершину домарксистской науки. Принять подобную точку зрения значило бы вычеркнуть из истории науки во все времена и у всех народов достижения представителей передовой исторической мысли, которые не принадлежали к кругу историков-профессионалов³.

¹ См. гл. 2–3, ч. I, разд. первый наст. изд.

² См.: Нечкина М.В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. М., 1965. С. 14–15.

³ Алпатов М.А. Русская историческая мысль... С. 7.

Таким образом, советский историк не видел актуальности в проведении различия между научной историей и общественно-политической мыслью. Конечно, практика конструирования контекста, представленного общественной мыслью, — важный элемент модели историографического исследования, но, как оказалось, она совершенно не содействовала развитию практики выявления черт профессионализации научной историографии, нивелируя разницу между научной историей и иными формами исторического знания. Поэтому не все советские историки были согласны с приведенным выше мнением М.В. Нечкиной. В частности, в 70-х годах XX в. А.М. Сахаров высказывал отличное от ее мысли мнение о предмете историографии, отмечая, что «нельзя изолировать научное познание прошлого от других форм этого познания, но и смешивать его с ними тоже не следует». Историк подчеркивал, что история исторической науки — историография — «есть прежде всего история научного познания истории. Историческая наука в ее развитии — вот предмет историографии»¹.

Актуализация на теоретическом уровне истории истории концептов «историографический факт» и «историографический источник» вызвала дискуссию среди историков, но, давая им нечеткую формулировку, историки подчас убрали границу между историографическим фактом и историографическим источником, что приводило к подмене произведения историка (как историографического источника), содержащего новое историческое знание, историографическим фактом².

С 70-х годов XX в. советские историки стали обращать внимание уже не столько на изучение трудов историков, сколько на творческую атмосферу, «микроклимат» развития науки, на факторы, сопутствующие развитию историографии и конкретной работе отдельного историка прошлого, а С.О. Шмидтом был актуализирован вопрос о «типологии источников для составления биографии именно историка»³. С начала 2000-х годов такая практика историографического исследования успешно осуществляется омскими историками (проект «Мир историка»), предложившими выделять в историографических источниках «основную группу», куда должны входить научные труды историков, и «вспомогательную», включающую исторические источники иных видов, позволяющие воссоздавать атмосферу творчества, вехи жизни историков, их общественно-политические взгляды, ценностные ориентиры, особенности их характеров и т.д.⁴

Наиболее актуальная задача источниковедения историографии — классификация историографических источников. В советской историографии с ее

¹ Сахаров А.М. Историография истории СССР... С. 8–9.

² См., например: Зевелёв А.И. Историографическое исследование... С. 98.

³ См.: Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 265–274.

⁴ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург, 2000. С. 22.

классовым подходом не только к социально-экономическим и политическим событиям прошлого, но и к истории исторической науки мы находим предложение классифицировать историографические источники по таким принципам: классовому происхождению, авторству и видам¹.

В то же время в истории истории уже стало традиционным применять жанровый подход при классификации таких историографических источников, как произведения историков². В 60-х годах XX в. его применяли О.Л. Вайнштейн и М.В. Нечкина, а сегодня жанры исторических трудов иногда выделяют авторы квалификационных работ по историографии, источниковедению и методам исторического исследования.

Некоторые историки считали целесообразным разделить произведения историков на типы, к которым можно отнести научные работы, историческую учебную литературу, источники, содержащие информацию о жизни и творчестве историков, и т.д.³

Л.Н. Пушкарёв, ранее предлагавший классификационную схему историографических источников по модели классификации исторических источников, выработанной советским источниковедением, высказал предположение, что конкретная процедура классификации историографических источников будет зависеть от целей, которые ставит исследователь⁴. Здесь речь идет фактически о систематизации, а не о классификации историографических источников, поскольку предусматривается лишь активная позиция исследователя и совершенно игнорируется осознанный выбор историка прошлого и культура, в которую было включено его произведение.

В 2002 г. О.М. Медушевская (1922–2007) предложила использовать источниковедческую концепцию в разработке теоретической основы историографических исследований⁵. Один из важнейших принципов этой концепции — рефлексия о чужой одушевленности — позволяет за основу процедуры выделения видовой структуры историографических источников принять принцип целеполагания его автора (Другого), а значит и классифицировать их не по цели современного исследователя (что предлагал Л.Н. Пушкарёв) или произволу библиографа, а по целеполаганию историка прошлого и культуры его времени.

Таким образом, в современном историографическом исследовании применим тот же принцип, что и в источниковедении источников иных видов.

¹ Зевелёв А.И. Историографическое исследование... С. 98.

² См.: Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 457; Нечкина М.В. История истории... С. 10; Игишева Е.А. Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в отечественной историографии: автореф. дисс... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2010. С. 18 и др.

³ Волин И.С. О разнотипности историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 122–123.

⁴ Пушкарёв Л.Н. Определение, оптимизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки... С. 103.

⁵ См.: Медушевская О.М. Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: докл. и тез. XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. М., 2002. С. 22.

Авторы данного учебного пособия исходят из того, что источниковедческий подход выступает базовым в теоретической основе источниковедения историографии.

Феноменологическая концепция источниковедения позволяет выделять виды (монографии, статьи, диссертации, тезисы, рецензии, учебные пособия и т.д.) и группы (по типам исторического знания: научное исследование и социально ориентированное историописание) историографических источников по целеполаганию. Такая практика дает возможность выявлять другой — иной по отношению к научной истории — тип исторического знания, избегая при этом выстраивания иерархии работ историков по их значимости (научные, не совсем научные, совсем не научные и т.д.), заставляя рассматривать группы и виды историографических источников как *рядоположенные*.

2

глава

КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

По типу представленного в историографических источниках исторического знания их целесообразно разделить на две группы:

- 1) группу видов историографических источников научной истории;
- 2) группу видов историографических источников социально ориентированного историописания.

Такое разделение важно для исторической науки, так как применяемый источниковедческий подход позволяет выявлять процесс профессионализации исторического знания, с одной стороны, а с другой стороны, понять иной, не относящийся к научной истории тип исторического знания, который чаще всего презентуется под видом научного и использует фактологию научной истории.

2.1

НАУЧНЫЙ И СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ТИПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Классическая европейская модель научной истории с самого своего возникновения начала выполнять поставленную эпохой Просвещения задачу рационализации человеческого знания вообще и исторического в частности, старалась изгнать из него нерациональное (ненаучное) представление о прошлом и при помощи историографического анализа дискредитировать стратегии ненаучного или практического к нему отношения. В этом плане примечательна мысль А.Л. Шлёцера, рожденная искренним желанием избавить русскую историю от ненаучных представлений о прошлом:

Вдруг и совсем нечаянно Русская история очевидно начала терять ту истину, до которой довели было ее Байер и его последователи, и до 1800 г. падение это делалось час от часу приметнее. *Падение? Роковой ход?* [здесь и далее выделено автором. — С. М.] Как это не естественно, не слыхано! Но вот

доказательства: а) Величайший русский знаток отечественной истории, Болтин, сам возмутил первые оныя тем, что не смотря на летописи, а следуя ТАТ. [В.Н. Татищеву], выдал Руссов за Финнов, а Варяжское море за Ладожское озеро; но еще более тем б) что ложный Иоакимовский отрывок, от которого уже отказались МИЛ. [Г.Ф. Миллер], ЛОМ. [М.В. Ломоносов] и ЩЕРБ. [М.М. Щербатов], объявил за истинный. в) Сии два главные заблуждения, выданные столь важным человеком, ворвались во все книги <...>. д) Хотя многие и говорили, что *не слича* Нестора ни за что не лъзя приняться; однако же ни кто не принимался за такое трудное дело. Эти господа продолжали как и прежде в *свободное* время *заглядывать* в две, три рукописи, сравнивать их слегка и выбирать из разнословий то, которое понравится, не разбирая принадлежит ли это слово Нестору, или вписано глупым переписчиком <...>. Наконец, з) новый русский издатель Георгиева описания народов в России обитающих [А.Л. Шлёцер имеет в виду издателя И. Глазунова, напечатавшего со своим предисловием труд И.Г. Георги¹. — С. М.]), даже вытащил опять из гробов почивших <...> лет 70 тому назад, Мосоха Яфетовича и Скифа, правнука Яфетова...²

Примечательна приведенная мысль не только тем, что ее автор не соглашается с И.Н. Болтиным, И.Г. Георги и др., а тем, что у А.Л. Шлёцера была уверенность в том, что если в русской историографии уже появились примеры «правильной» истории, то все станут ей следовать.

Как показывает практика, сегодня историки продолжают сожалеть по поводу «безответственного» использования прошлого и «злоупотребления историей», правда, при этом подчеркивают, что раньше «злоупотребляли» историей не меньше, чем в настоящем³.

Философы и историки уже давно стали выделять виды исторического письма, связанные с воспитательными, идеологическими или политическими задачами: «прагматическая» (Г.В.Ф. Гегель, Р. Арон, И.М. Савельева, А.В. Полетаев), «практическая» (В.С. Иконников, Б. Кроче, М. Оукшот, Х. Уайт), «политическая» (Дж.Г.Ф. Покок) и другие истории. Однако разговор о разных видах истории ориентирует нас на выявление некоторых способов историописания, но не предполагает акцентировать внимание на целеполагании практики историописания для выявления научного и иных типов исторического знания. Инструментом, позволяющим выявлять целеполагание акта историописания, выступает область историографии, изучающая историю историописания с точки зрения источниковедения, — это источниковедение историографии.

¹ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обырядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 1–4.

² [Шлёцер А.Л.] Нестор. Русские летописи... Ч. 1. С. рог-рое.

³ Vaets A de. The Abuse of History: Demarcations, Definitions and Historical Perspectives // Vision in Text and Image: The Cultural Turn in the Study of Arts / eds by H. Herman, M. Kemperink. Leuven, 2008. P. 159–173.

С XVIII в., со времени формирования классической европейской историографии, в поле исторического знания начинается сосуществование как минимум двух типов письма истории: социально ориентированного и научного. Сама классическая европейская историография, наследовавшая от христианской традиции историописания линейную модель истории, возникла именно как часть предприятия по строительству наций. Поэтому два типа исторического знания, выполняя в европейских обществах одни и те же задачи — конструирование национально-государственной истории и ее трансляцию в общественное сознание, отличались друг от друга по важному принципу — целеполаганию, которое предшествовало процессу историописания и во многом обуславливало его.

Таким образом, при изучении соотношения разных типов исторического знания вполне работает базовый принцип источниковедения, применяемый при определении видовой природы исторического источника, — *целеполагание*. Сосредоточение внимания на типах исторического знания — научном и социально ориентированном — способствует выявлению специфики их сосуществования и помогает выработать критерии, позволяющие в историографическом исследовании (в частности, в предметном поле источниковедения историографии) отличать научное исследование от социально ориентированного историописания. В связи с этим важно уточнить понятие «социально ориентированное историописание».

Понятие «социально ориентированное историописание» имеет терминологический характер. Любое знание как результат познавательной деятельности имеет социальную направленность. Но в социально ориентированной практике историописания социальные функции доминируют над научными (научная история признает приоритет научной функции над социальной). Социально ориентированное историописание не стремится быть нейтральным к прошлому, как того требует наука, оно поддерживается и/или актуализируется историческим сознанием общества, а также навязывающей обществу «нужный» образ прошлого властью.

Вместе с развитием научного знания, удовлетворявшего потребность в строгом знании о прошлом, существовала и существует потребность в специальном конструировании ориентированного на удовлетворение потребностей социума исторического знания, не базирующегося на исторической науке (но особым образом востребующего ее фактологию). Это знание надо отличать, с одной стороны, от общественного (до XX в.) и массового исторического сознания, с другой — от популяризации научного знания.

В XVIII–XIX вв. между носителями научного и социально ориентированного исторического знания нередко возникали дискуссии, их опубликованные материалы составляют один из видов историографических источников — *материалы историографических дискуссий*. Приведем пример одной из них, где оппоненты формулируют черты, свойственные, с одной стороны, научной истории, с другой — социально ориентированному историописанию.

В журнальной публикации, посвященной труду А.Л. Шлёцера «Нестор» (статья имеет видовые признаки рецензии на научную работу и материала историографической дискуссии), М.Т. Каченовский, полемизируя с авторами некоторых публикаций о труде А.Л. Шлёцера, демонстрировавших практику сугубо социальной потребности в строительстве национальной идентичности, высказал мнение о важности исторической критики (как признаке научной работы):

У нас доставляет смелости кричать: нам не надобна ученая критика! мы сами объясним летописи! Шлёцер и последователи его клеветают на предков наших! они для того не верят Иоакимовой летописи [летопись, находящаяся в труде В.Н. Татищева, включавшая мифологемы, господствовавшие в московской книжности XVII в. — С. М.], чтоб унижить предков наших! иноплеменное учение наградило нас одним горестным сомнением о нас самих!¹

Следует обратить внимание, что в этой полемике начала XIX в. М.Т. Каченовский отметил и адресность научных работ историков:

Весьма приятно *извинять свое невежество* [выделено мной. — С. М.] ненадобностью наук и утешительно выдумывать причины, для чего можно без них обойтись; но писатель, занимающийся словесностью, должен трудиться не для сидельцев мучных лавок, не для бородатых защитников двуперстного сложения, не для охотников рассказывать вздор о Бове Королевиче и о Мамаевом побоище, а для читателей образованных².

М.Т. Каченовский искренне считал, что «ученая критика все-таки будет уважаема от всех людей благомыслящих»³. В ходе историографической дискуссии труд М.Т. Каченовского демонстрирует подход научной истории.

Теперь обратимся к материалам историографических дискуссий, относящимся к социально ориентированной истории.

В полемике с М.Т. Каченовским и «скептической школой» последовательно старался отстоять достоверность спорных сообщений летописей, а вместе с ними достоверность древнейших страниц русской истории М.П. Погодин (1800–1875). Отвечая «скептикам» (которых он назвал «легкомысленными писателями»), известный русский историк выстраивал из отбираемых им доказательств вполне логичные суждения, превратив свой публичный ответ в чисто защитительный. Заступился он за ту национальную идентичность, которую историкам уже удалось к концу 1830-х годов выстроить в русском национально-государственном нарративе. Поэтому защиту последнего он начал с того, что критиковал М.Т. Каченовский, не соглашавшийся с тем, чтобы патриотизм подменял собой научную позицию историка. М.П. Погодин выделил русскую историю из круга иных историй, показывая, что она как все быть не может, а только лучше:

¹ Каченовский М.Т. Нестор. Русские летописи... Ч. 59. № 18. С. 148–149.

² Там же. С. 226.

³ Там же. Ч. 59. № 18. С. 148–149; Ч. 59. № 19. С. 226, 230.

Русская история так счастлива [здесь и далее выделено мной. — С. М.], что самые первые ее положения, (*покрытые в других историях мраком неизвестности* или сомнительным светом, перемешанные с баснями до такой степени, что их разделить нельзя) засвидетельствованы иностранцами — современниками и очевидцами¹.

По мнению М.П. Погодина, если зарубежные истории и отличаются баснословием, то русская история — нет, так как русский народ другой. Историк подчеркивал:

...все наши летописатели, даже до 16 века, отличаются добросовестностью и правдолюбием <...>, по характеру своего народа.

Заканчивая свое сочинение, профессор истории прибег к дискурсивной практике, которая усиливала различия в типах исторического знания. На помощь национально-государственному нарративу он призвал не науку, а дух, провозглашая вечную память летописцу Нестору:

Провозгласим ему вечную память и будем молиться ему, чтоб он послал нам духа Русской истории².

Защита складывающегося русского национально-государственного нарратива от «скептиков», с научных позиций критиковавших сомнительные места летописей, вынуждала склонного более к эмпирике с суммами фактов, чем к крупным обобщениям, а тем более размышлениям о сути самой истории М.П. Погодина прибегать к помощи социально ориентированной истории.

Социально ориентированное историческое знание имеет целью конструировать национальное, локальное, конфессиональное прошлое и выполняет практические задачи удовлетворения потребностей общества в нужном (соответственно той или иной ситуации) прошлом, а также контроля над социальной памятью. В качестве основных форм реализации социально ориентированного знания в современной социокультурной ситуации следует назвать искусственную коммеморацию (конструирование «мест памяти»), учебную литературу по национальной (отечественной) истории и местную историю (историческое краеведение).

2.2

СИСТЕМА ВИДОВ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ НАУЧНОЙ ИСТОРИИ

2.2.1

Монография

Один из важнейших видов историографических источников, отвечающих всем требованиям научности, — *монография*. В русскую научную литературу

¹ Погодин М.П. Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839. С. 3.

² Там же. С. 223, 229.

ру слово «монография» пришло из немецкого языка (от греч. *μόνος* — «один» и *γράφω* — «пишу») и начало употребляться в первой половине XIX в.

Монография — научное сочинение по одному вопросу или разделу науки, в котором с наибольшей полнотой исследуется выбранная тема, проводится детальный и глубокий научный анализ интересующей историка проблемы; она характеризуется анализом предшествующей научной литературы по данному вопросу, новизной теоретического подхода, постановкой новой проблемы (формулировкой гипотезы) и ее решением в результате проведенного исследования, обоснованием репрезентативности источниковой базы исследования, целостностью содержания, строгим соблюдением структуры научного текста, наличием разветвленного научно-справочного аппарата, который может включать примечания с библиографическими ссылками, вспомогательные указатели, списки сокращений и т.п. Цель такого труда — получение и презентация нового научного знания. Например, рефлексирующий о таком знании историк В.Г. Ляскоронский (1859–1928) подчеркивал:

Можно сказать, что всесторонняя, подробная разработка истории русских земель только что началась и с каждым годом расширяется и вглубь и вширь все больше и больше, предлагая на суд ученого мира все новые и новые труды.

Разъясняя свой подход, историк отмечает его строго научный характер: необходимо делать выводы «на первоисточниках, но не слепо доверяя им, а принимая их только после тщательной проверки и освещения их с помощью науки. Рефлексия о научности и новом научном направлении (областная история) заставляет его анализировать только научную историческую литературу и игнорировать работы, выполненные в традиции местной истории непрофессиональными авторами¹.

Монография получает большое распространение во второй половине XIX в. в позитивистской науке. Р.Дж. Коллингвуд (1889–1943) писал об этом:

С энтузиазмом включившись в первую часть позитивистской программы, историки поставили задачу установить все факты, где это только возможно. Результатом был громадный прирост конкретного исторического знания, основанного на беспрецедентном по своей точности и критичности исследовании источников <...>. Историческая добросовестность отождествлялась с крайней скрупулезностью в исследовании любого фактического материала. Цель построения всеобщей истории была отброшена как пустая мечта, и *идеалом в исторической литературе стала монография* [выделено мной. — С. М.]².

В качестве примера современных монографических исследований можно привести книги А.Б. Каменского «От Петра I до Павла I. Реформы в России

¹ [Ляскоронский В.Г.] История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия: монография Василия Ляскоронского. Киев, 1897. С. IV–VI.

² Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 122–123.

XVIII века: опыт целостного анализа» (М., 2001), П.С. Стефановича «Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках» (М., 2002), Ю.А. Петрова «Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика» (М., 2002) и др.

В исследовательских практиках XX в. получили распространение так называемые «коллективные монографии», где авторами глав научного исследования, касающегося одной проблемы, выступают несколько ученых.

Исследователь историографии должен внимательно относиться к классификационным характеристикам, которые дают как сами авторы научных работ, так и издательства. Например, книга И.Я. Фроянова «Киевская Русь: очерки отечественной историографии» (Л., 1990) в аннотации обозначена как «монография», а не «очерки», что свидетельствует о несоответствии указанной в подзаголовке и в аннотации видовой принадлежности историографического источника (об исторических очерках см. ниже). То же относится и к книге Б.Г. Литвака «Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX вв.» (М., 1979) и другим изданиям. Указанные историографические источники имеют основные признаки научного исследования, хотя и не отвечают в полной мере всем строгим требованиям, предъявляемым к монографиям. В социокультурной и теоретико-познавательной ситуации постмодерна такие исследования получили существенное распространение, но, несмотря на это, специального термина для их обозначения в историографической практике пока нет. При их характеристике используем в качестве сугубо рабочего весьма широкое понятие «научное исследование», имея в виду, что наиболее строгий вариант его представляют монографии.

В качестве дополнительных соображений о сложности четкого видового определения историографических источников можно привести и некоторые другие разновидности исторических трудов, не укладывающиеся строго в рамки одного вида. К таковым можно отнести, например, энциклопедические статьи монографического характера. Независимо от их объема, часто весьма ограниченного, такие статьи дают пример именно целостной и системной разработки одной проблемы и презентации полученных результатов. Так, значительная часть статей биографических энциклопедических словарей «Русские писатели XVIII века» (редкол.: А.М. Панченко (отв. ред.) и др. Л. (СПб.), 1988–2010. 3 вып.), «Русские писатели, 1800–1917» (гл. ред. П.А. Николаев. М., 1989–2007. 5 т.) выполнены как статьи монографического характера. К таковым можно отнести наиболее крупные статьи национальных универсальных энциклопедий (Большая советская энциклопедия, Британская энциклопедия, Большая российская энциклопедия). Иногда статья монографического характера, ничем по своим признакам не отличающаяся от монографии, может занимать целиком том энциклопедии. Ненумерованный первый том Большой российской энциклопедии содержит одну статью «Россия» (М., 2004. 1008 с.).

2.2.2

Научное исследование

Научное исследование — распространенный вид историографических источников. Четкое определение этому виду до сих пор не дано, его границы не обозначены, не достигнута и терминологическая определенность: в качестве синонимов этого понятия могут выступать «научное произведение», «научный труд», «исследовательская работа» и проч.

Однако научное исследование в *широком понимании* отличается от монографии, и историкам важно понимать это отличие.

Научное исследование характеризуется достаточной для выдвижения научных гипотез источниковой базой, но отсутствием обоснования ее репрезентативности, которое свойственно монографии. В данном виде историографических источников нет четкой системности исследования; в отличие от монографии, в которой с наибольшей полнотой рассматривается та или иная тема, здесь может присутствовать несколько тем, показавшихся исследователю достаточными для презентации актуальной научной проблемы.

Данный вид историографических источников демонстрирует, что видовая принадлежность не всегда адекватно осмысливается авторами научных работ, — здесь целеполагание задается системой, историографической культурой эпохи, в рамках которой производится акт историописания. Такие научные исследования появляются в период трансформации исторического знания, в частности при переходе от модели классической исторической науки к неклассической, но как отдельный вид историографических источников научным сообществом они так и не отрефлексированы. Поэтому часто в библиографическом описании изданного научного исследования мы встречаем в качестве сведений, относящихся к заглавию (подзаголовка), определение «монография», но проведенный источниковедческий анализ показывает, что квалификационные признаки монографии присутствуют не в полной мере. Выше мы привели примеры научных исследований И.Я. Фроянова и Б.Г. Литвака. Обратим внимание еще на несколько работ. Вот например, исследование О.Б. Леонтьевой «Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX вв.» (Самара, 2011). Для того чтобы рассмотреть проблему эволюции исторической культуры и исторических представлений российского общества, историк выбирает показавшиеся ей достаточными сквозные сюжеты коллективной исторической памяти россиян.

Другой пример — научное исследование двух авторов данного учебного пособия (С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой) «История как строгая наука vs социально ориентированное историописание» (Орехово-Зуево, 2013). Несмотря на то что в аннотации работа обозначена издательством как «монография», она четко характеризуется видовыми чертами научного исследования, отличного от монографического. Анализируя проблему соотношения двух

типов исторического знания — научного и социально ориентированного, авторы выбрали ряд актуальных для исторической науки историографических сюжетов, которые позволили им выстроить свою гипотезу. Этот пример приведен здесь для того, чтобы показать, что даже когда авторы четко осознают (что бывает не всегда) видовую природу своего произведения, они иногда вынуждены идти на компромисс (в данном случае с интересами того высшего учебного заведения, которое издает эту работу) при обозначении его видовой принадлежности.

2.2.3

Диссертация и автореферат

Другой вид историографических источников — *диссертация* (от лат. *dissertatio* — «сочинение, рассуждение, доклад»), первоначально небольшое ученое сочинение, имеющее целью доказать одно или несколько научных положений. С XIX в. диссертация стала выполнять роль научно-квалификационного исследования, которое должно осуществляться в строго определенной форме. По своей структуре диссертация (магистерская, кандидатская, докторская) наиболее близка к монографии (упомянутый выше В.Г. Ляскоронский получил степень магистра за исследование «История Переяславльской земли...») и представляет собой подготовленное для публичной защиты научное исследование, имеющее внутреннее единство, содержащее новое научное знание, формулирование гипотезы и ее доказательство, обоснование репрезентативности источниковой базы исследования, соотнесение выводов с ранее известными научными положениями и свидетельствующее о личном вкладе соискателя ученой степени в науку. В качестве примера можно привести магистерскую диссертацию С.М. Соловьева «Об отношениях Новгорода к великим князьям» (1845), изданную отдельной книгой в 1846 г. В ней принадлежность к научной истории выдает поставленная историком цель работы: «прежде всего мы должны определить», «показать» «и потом уяснить причины» и т.д.¹

С диссертациями как видом историографических источников исследователи работают реже, чем с научными исследованиями, монографиями, статьями и т.д. Чаще всего историки обращаются не к самим диссертациям, а к *авторефератам диссертаций* на соискание ученой степени кандидата или доктора наук, которые позволяют судить о результатах научного исследования, проведенного соискателем ученой степени. Структура автореферата соответствует основным положениям, которые имеются в диссертации, в нем выделяются такие разделы, как научная проблема и ее актуальность, цель исследования, объект и предмет исследования, хронологические и территориальные рамки,

¹ [Соловьев С.М.] Об отношениях Новгорода к великим князьям. Историческое исследование С. Соловьева. М., 1846. С. 1.

методологическая основа, источниковая база исследования, новизна работы и т.д., после чего коротко излагается содержание работы, приводится общее заключение, дается список использованных источников и литературы.

Ныне существующая форма автореферата диссертации (печатается в виде брошюры объемом в один-два авторских листа и в обязательном порядке рассылается в крупнейшие национальные библиотеки и библиотеки научных и высших учебных заведений) сложилась в научной практике СССР на протяжении второй половины XX в. В 2000-е годы в России закрепилась практика публикации автореферата диссертации до защиты на интернет-сайте учреждения, где должна пройти защита диссертации и на сайте Высшей аттестационной комиссии (для докторских диссертаций).

Строго говоря, и диссертация, и автореферат диссертации не являются опубликованными трудами, однако вполне устойчива исследовательская практика работать с текстами диссертации и автореферата как с опубликованными работами.

2.2.4

Научная статья

Научная статья как вид историографических источников характеризуется кратким¹, но достаточным для раскрытия темы изложением научных результатов проведенного автором исследования, ее цель именно в этом — ознакомить профессиональное сообщество с результатами исследования. Научная статья, как и иные научные исследования, имеет рабочую гипотезу, которую историк — автор статьи защищает в работе. Для специалиста в области истории истории важно учитывать тип издания, в котором научная статья публикуется (сборник статей, научный журнал и др.), так как авторы стараются включить результаты своего исследования в тематический контекст научного сборника или оформить в соответствии с приоритетами редколлегии научного периодического издания. Не менее важно выяснение адресности издания. Но установление характера издания не избавляет от необходимости анализа целеполагания автора статьи, так как, несмотря на присутствие, например, в библиографическом описании указания «сборник научных статей», только историографический анализ самой статьи позволит (или не позволит) установить ее принадлежность к научному историческому знанию. Напротив, в популярном или научно-популярном издании можно (хотя и очень редко) обнаружить научную статью. В качестве такого примера приведем статью С.И. Архангельского «Локальный метод в исторической науке» в журнале «Краеведение» (1927)², которая вывела ее автора в теоретики краеведения

¹ В современной науке стандартный объем статьи, публикуемой в периодическом издании или в сборнике статей, — 1 п.л. (40 тыс. знаков вместе со сносками) или от 0,5 до 1 п.л.

² Архангельский С.[И.] Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181–194.

так называемого «золотого десятилетия» существования этого общественно-го движения. Источниковедческий и историографический анализ позволяет уточнить, что «локальный метод» С.И. Архангельского представляет собой научный метод исследования истории региональных процессов (региональной истории), а не изучения истории на местах (исторического краеведения).

Статья может быть дополнительно опубликована отдельным оттиском, а не только в составе какого-либо повременного научного издания. Это было распространённым явлением в России в XIX в. Например, многие доклады и некрологи авторства А.С. Лаппо-Данилевского печатались отдельными оттисками. Так, одну из ключевых работ А.С. Лаппо-Данилевского «Основные принципы социологической доктрины О. Конта» можно прочесть в составе сборника «Проблемы идеализма» (М., 1902) и в виде отдельного оттиска (М., 1902. 98 с.).

Близкими видовыми характеристиками обладают *препринты*. Как правило, это предварительная и оперативная публикация результатов проведенного научного исследования для ознакомления с ними научного сообщества. Предполагается, что в дальнейшем материалы, опубликованные как препринт, станут частью какого-либо объемного научного труда. В последние годы сложилась практика размещения текстов в интернет-среде, на сайтах научных или учебных заведений, например в разделе сайта «Препринты НИУ ВШЭ»¹.

2.2.5

Рецензия и отзыв

Следующий вид историографических источников — это *рецензия*. Цель автора рецензии — научная оценка рецензируемой работы, в качестве которой может выступить монография, сборник научных статей, отдельная статья, учебное пособие и т.д. Структура и содержание рецензий разнообразны. В научной рецензии обычно рассматривается тема рецензируемого исследования в контексте актуальной научной ситуации, в связи с тем или иным научным направлением или предметным полем исторической науки, анализируется репрезентативность источниковой базы исследования, доказанность выводов и т.д. В научных периодических изданиях существует практика выделения разделов, посвященных рецензиям.

Рецензия может быть пространной, как, например, рецензия А.С. Лаппо-Данилевского на книгу А.И. Никитского (1842–1886) «История экономического быта Великого Новгорода» — более 50 страниц. Рецензент обратил внимание на актуальную научную ситуацию, связанную с «микроскопическими наблюдениями над явлениями народной жизни», что позволяет проводить более точное изучение. После указания на то, что тема, выбранная Никитским,

¹ Препринты НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. М., cop 1993—2014. URL: <http://www.hse.ru/org/hse/wp/> (дата обращения: 01.07.2013).

в целом соответствует современному представлению о научном исследовании, автор рецензии отметил явный недостаток — отсутствие предисловия, что не дает возможности понять отношение историка к изменяющимся потребностям науки. По мнению А.С. Лаппо-Данилевского, автор не обратил внимания на существенные аспекты экономической жизни Новгорода, поэтому содержание исследования более соответствует названию «история народного хозяйства», но не «экономического быта», многие стороны которого остались не освещенными¹.

Сегодня в научных периодических изданиях чаще встречаются не такие пространные рецензии. Возьмем в качестве примера рецензию И.Ю. Николаевой на книгу К.И. Шнейдера «Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма», опубликованную в альманахе «Диалог со временем» в 2013 г. Рецензия занимает три страницы, но при этом она построена по классической схеме — суждение специалиста о научном исследовании историка. Рецензент рассматривает тему исследования в контексте современной исторической науки, говорит о структуре работы, обращая внимание читателя на важные аспекты той или иной главы рецензируемой книги, подтверждает новизну теоретического подхода К.И. Шнейдера и делает заключение о значимости работы для современной историографии и ее возможной востребованности, в первую очередь специалистами в области отечественной и интеллектуальной истории².

По своим видовым характеристикам к рецензии очень близок **отзыв о диссертации**. Как вид историографических источников он широко распространен в науке, но исследователь историографии с таким источником работает очень редко. Это связано с тем, что отзывы пишутся оппонентами диссертаций и редко публикуются в печати. По своей структуре отзыв напоминает рецензию, но если в рецензии оцениваются достоинства и недостатки той или иной научной работы, то цель отзыва — выявить научную компетентность соискателя, соответствие или несоответствие его диссертации требованиям, предъявляемым не только к той или иной ученой степени, но и к научной специальности («Отечественная история», «Всеобщая история», «Археология», «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» и др.).

В российской ученой практике второй половины XIX — первых десятилетий XX в. отзывами назывались объемные работы, рецензии на труды, представленные на соискание различных премий, например Демидовской премии, вручаемой академией наук, или Уваровской премии, вручаемой за труды по

¹ [Лаппо-Данилевский А.С.] История экономического быта Великого Новгорода. А.И. Никитский. Москва. 1893 // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. Ч. XXXII. Дек. С. 343–396.

² Николаева И.Ю. [Рецензия] // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2013. Вып. 43. С. 365–367. Рец. на кн.: Шнейдер К.И. Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2012. 229 с.

русской истории. Один из отзывов А.С. Лаппо-Данилевского, представлявший собой объемный анализ сочинения П.М. Майкова, опубликован в сборнике «Отчет о XLIV присуждении награды гр. Уварова»¹.

2.2.6

Доклад и тезисы конференций

Доклад — выступление на научной конференции, симпозиуме, конгрессе, круглом столе и т.д. — представляет собой специфический вид историографического источника ввиду того, что его фиксация осуществляется до произнесения доклада, после его произнесения или кратко передается другим участником научного мероприятия (в его интерпретации) для публикации в научном периодическом издании (например, в журнале «Российская история» в разделе «Научная жизнь»).

Доклад как устное сообщение на научном мероприятии по своей структуре близок к научной статье. Его цель — трансляция научному сообществу результатов проведенного исследования. Автор формулирует актуальность исследования, ставит проблему, которую решает в основной части доклада, в конце делает вывод. Устный доклад часто отличается от опубликованного текста.

Сегодня в науке существует несколько практик публикации докладов участников научных мероприятий. В качестве показательного примера приведем практику организации и проведения международных научных конференций «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях» (2012) и «Стены и мосты II»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях» (2013), состоявшихся в Российском государственном гуманитарном университете. В 2012 г. тексты докладов участников конференции были изданы к ее началу в виде сборника материалов научной конференции. В таких случаях участники конференции (ввиду того, что имеется сборник с текстами докладов), как правило, стараются отходить от опубликованного текста, акцентируя внимание слушателей на наиболее важных аспектах или на тех сюжетах, которые не вошли в напечатанный вариант. Таким образом, опубликованный в материалах конференции текст отличается от сообщенного тем или иным историком на самой конференции, и было бы ошибкой исследователю при цитировании какого-либо места из текста указывать, например, «как говорил в своем докладе историк имярек...». Но, если исследователь скажет об общей идее, которую сообщал в своем докладе историк (и которая присутствует в опубликованном материале), он, конечно же, не ошибется. Если для исследователя принципиально указание именно на доклад того или иного участника научного мероприятия, то правильным будет сделать отсылку в следующей форме: «Судя по опубликованному тексту доклада,

¹ Лаппо-Данилевский А.С. И.И. Бецкой и его система воспитания. Отзыв о соч. П.М. Майкова «Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии». СПб., 1904. 65 с.

историк имярек отмечал...». В 2013 г. практика организации и проведения второй научной конференции «Стены и мосты» была изменена. Ее участники выступили с научными докладами, тексты которых организаторы опубликовали после ее проведения. И в этом случае не будет идентичности прочитанного доклада и его публикации, так как участники конференции получают возможность отредактировать свой текст, внести в него уточнения, которые показались актуальными после его обсуждения на научном мероприятии.

Кроме указанных практик публикации текстов докладов, существует еще одна распространенная форма — публикация *тезисов докладов и сообщений* участников научных мероприятий. Тезисы также представляют собой вид историографических источников. Цель написания тезисов — кратко передать основное содержание доклада или сообщения на научном мероприятии. Предполагается, что приводимые в тезисах положения будут развернуты и обоснованы в устном докладе или сообщении. Поэтому тезисы представляют собой совокупность отдельных положений, логически связанных друг с другом. Объем тезисов обычно составляет от одной до трех страниц.

Тезисы чаще всего публикуются до начала конференции, круглого стола и т.д., для того чтобы их участники могли заранее ознакомиться с содержанием выступлений. При публикации докладов в подзаголовке указывается, как правило, «материалы научной конференции», при публикации тезисов в подзаголовке указывается «тезисы докладов (сообщений)». Однако надо иметь в виду, что в последнее время сведения, указанные в подзаголовках изданий, часто не соответствуют строгой классификации историографических источников. Вместо «тезисы докладов (сообщений) (всероссийской, международной и др.) конференции» в подзаголовках нередко ставится «материалы (всероссийской, международной и др.) научной конференции». Такая практика связана с рядом причин: незнанием классификационных показателей или невниманием к ним; желанием повысить статус издания и т.д.

2.2.7

Материалы историографических дискуссий

Материалы историографических дискуссий — особый вид историографических источников, в которых позиционируется отношение историков к спорным вопросам или отдельным проблемам истории. Материалы историографических дискуссий могут быть представлены книгами, что было более характерно в первую очередь для XVIII в., или — чаще — статьями. Для исследователя истории истории они дают возможность изучать отношение к дискуссионному вопросу того или иного участника дискуссии, выявлять научную аргументированность позиций оппонентов. В российской историографии XVIII в. знаковыми примерами материалов историографических дискуссий можно назвать работы М.М. Щербатова, например «Письмо князя Щербатова,

сочинителя Российской Истории, к одному приятелю, в оправдание на некоторый сокрытия и явныя охуления, учиненныя его Истории от господина генерала майора Болтина, творца примечаний на Историю древняя и нынешняя России господина Леклерка» (1789), И.Н. Болтина — «Ответ генерал майора Болтина на Письмо князя Щербатова» (1789) — и другие работы этих историков, инициированные развернувшейся полемикой. Интерес для исследователя истории истории XIX в., выявляющего разные типы исторического знания, могут представлять материалы дискуссии историков «скептической школы» и их противников, опубликованные отдельными книгами и журнальными статьями. В XX в. проходили интересные дискуссии о периодизации советского периода истории СССР, о характере и уровне социально-экономического развития Российской империи накануне Октябрьской революции и др., материалы которых публиковались в научных журналах.

2.2.8

Исторический очерк

Исторический очерк — вид историографических источников, который характеризуется более свободным, чем в научном исследовании (монографии или научной статье), стилем изложения, отсутствием репрезентативной источниковой базы, популярностью текста, доступного для простого читателя, законченностью исторического рассказа. Исторические очерки могут представлять собой исторические повествования, основанные на чужих или своих (более ранних) исторических трудах.

Приведем отрывок из исторического очерка, написанного С.Н. Шубинским (1834–1913):

Ништадтский мир, завершивший так называемую «Северную» войну, продолжавшуюся 21 год, составляет, бесспорно, одно из величайших событий царствования Петра Великого. С этим миром, по меткому замечанию С.М. Соловьева, кончился степной, восточный период русской истории и начался новый — морской, западный. Впервые славяне после обычного отступления своего перед германскими племенами на восток, к степям, повернули на запад и отвоевали у немцев часть берегов Балтийского моря, которое чуть было не сделалось немецким озером. Но этим не ограничивается значение великого события. Швеция потеряла на северо-востоке свое первенствующее положение, которое заняла Россия — держава новая, не участвовавшая прежде в общеевропейской жизни и теперь приносящая европейской истории целый новый мир отношений, держава громаднейшая, границы которой простирались до Восточного океана и сходились с границами Срединной империи, держава, принадлежащая к восточной церкви, естественная представительница славянских племен и защитница народов греческого исповедания. Давно история не видала явления, более обильного последствиями. Северная

война была начата Московским государством и закончена Российской империей. Блистательный для России Ништадтский мир изменил положение Европы: подле Западной Европы для общей деятельности с нею явилась новая Европа — Восточная, что тотчас же отразилось на всем европейском организме — отозвалось всюду, от Швеции до Испании. Напряженные усилия и тяжкие пожертвования, принесенные русским народом для великих целей, указанных русским монархом, были вознаграждены небывалой славой, неожиданными выгодами. Легко понять, какое чувство овладело русскими людьми при известии о заключении Ништадтского мира¹.

Как можно заметить, автор приведенного исторического очерка использует образный литературный стиль изложения, в очерке нет нового исторического знания, его автор выстраивает историческое повествование на основе национально-государственного нарратива С.М. Соловьева и, упоминая его как источник своих сведений, не делает ссылки на его многотомную «Историю российскую с древнейших времен», так как в популярном историческом очерке подобная академическая практика необязательна.

Исторические очерки публикуются как в периодической печати, так и отдельными книгами. Исследователь историографии может столкнуться с практикой переиздания автором ранее опубликованных в периодической печати исторических очерков отдельной книгой. В качестве примера приведем книгу историка права, юриста барона Б.Э. Нольде (1876–1948), который, находясь в парижской эмиграции в 1930 г., издал исторические очерки «Далекое и близкое». Подобная практика не нарушает видовую систему историографических источников, поскольку газетные и журнальные публикации Б.Э. Нольде готовились им как исторические очерки. Однако при подготовке книги автор провел их отбор и систематизацию соответственно задуманным разделам книги: «Старая Россия», «Из истории великой войны», «Из истории русской революции» и т.д.² В таких случаях важно провести текстологический анализ с целью выявить (не)идентичность книжного варианта исторических очерков предшествующим публикациям, но в любом случае книга очерков будет рассматриваться как самостоятельный историографический источник, требующий полноценного историографического анализа.

Принадлежность историографического источника к виду «очерки» также выявляется в ходе исследования. Устойчивое представление о том, что очерки отличает литературность в ущерб научности, и связанная с ним оценка места очерков в научной иерархии как труда гораздо менее значительного, чем монография, отвращают историков (или издателей) от такого определения историографического произведения. Например, многотомное издание трудов

¹ Шубинский С.Н. Празднование Ништадтского мира в Петербурге. 22 октября 1721 // Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. 6-е изд. СПб., 1911. С. 44–45.

² Нольде Б.Э. Далекое и близкое: исторические очерки. Париж, 1930.

Н.И. Костомарова (1817–1885) названо «Исторические монографии и исследования» (СПб., 1863–1872. 12 т.). Но при историографическом анализе выясняется, что произведения Н.И. Костомарова имеют все видовые признаки исторического очерка.

Напротив, общественным сознанием исторические очерки зачастую воспринимаются и соответственно оцениваются по критериям монографического исследования. Не случайно, размышляя о наследии «духа индустриализма» (позитивизма), А. Тойнби (1889–1975) писал:

Налицо явная тенденция недооценивать исторические работы, написанные одним человеком, и эта недооценка особенно заметна, когда речь идет о трудах, касающихся всеобщей истории. Например, «Очерк истории» Герберта Уэллса был принят с нескрываемой враждебностью целым рядом специалистов. Они беспощадно критиковали все неточности, допущенные автором, его сознательный уход от фактологии. Вряд ли они были способны понять, что, воссоздавая в своем воображении историю человечества, Г. Уэллс достиг чего-то недоступного им самим, о чем они и помыслить не смели¹.

Исследователю истории истории приходится встречаться и с ситуациями, когда в авторском самоназвании исторического произведения присутствует слово «очерк», хотя само исследование не отвечает данной видовой характеристике. Основной причиной такой ошибки становится неотрефлексированность цели акта историописания самим автором.

Но есть и примеры рефлексии видовой принадлежности историографического источника самим автором. П.Н. Милюков в названии своей известной работы по истории русской культуры указал «очерки» («Очерки по истории русской культуры»). Чем был вызван такой дискурсивный ход историка? Можно предположить, что, выполняя исследование в рамках культурной истории — этого зарождающегося направления неклассической исторической науки, — П.Н. Милюков осознавал, что его исследование не представляет собой привычную для классической модели исторической науки монографию, нельзя отнести его и к национально-государственному нарративу (о котором речь пойдет ниже), так как в нем рассматривается лишь один из аспектов национальной истории, и поэтому позиционировал свой труд как «очерки». Сохраняя системность исследования, историки конца XIX — начала XX в. начали изучать исторические структуры, которые позволяли не разворачивать в тексте привычную линейную последовательность истории, а анализировать отдельные процессы — социальные, культурные, политические и т.д., которые, по их мнению, оказывали несомненное влияние на историю народа. П.Н. Милюков об этом написал так:

Цель очерков заключается в сообщении читателям тех основных процессов и явлений, которые характеризуют русскую *общественную эволюцию*.

¹ Тойнби А.Дж. Постижение истории: сборник: пер. с англ. М., 1991. С. 15–16.

Составителю казалось, что изображение этих существенных черт русской культурной истории значительно выиграет в ясности и отчетливости, если оставить в стороне хронологические рамки и характеризовать разные стороны исторического процесса в систематическом порядке. Конечно, при таком способе изложения отодвигается на второй план взаимная связь различных сторон социального развития <...>, и автору остается только подчеркнуть <...>, что такая изолированность характеристик объясняется литературной формой «очерков», а вовсе не теоретическими взглядами автора¹.

Итак, в словах П.Н. Милюкова присутствует рефлексия о нелинейности его конструкции прошлого, о выборе в качестве объектов изучения разных (не всегда связанных) структур, каждая из которых может рассматриваться изолированно от других. Кроме того, очерк, как мы отметили выше, обычно предназначается не для узких специалистов, а для более широкой читающей публики. Такую черту своего труда выделил и П.Н. Милюков, говоря о том, что задача «Очерков...» — быть «общедоступными и общеизвестными»².

Однако даже при наличии такой авторской рефлексии позволим себе не согласиться с П.Н. Милюковым и отметим, что его «Очерки по истории русской культуры» обладают всеми видовыми признаками научного исследования.

Приведем еще один аналогичный пример. Историк и этнограф А.С. Грушевский (1877–1943) (брат известного украинского историка М.С. Грушевского) считал недостаточность источниковой базы и дробность разбираемых вопросов причинами, не позволяющими подготовленному им научному труду быть монографией. Поэтому в самоназвании он определил свое произведение как «очерки» и сообщил эту причину читателю: «Неполнота источников делала неизбежными перерывы в историческом изложении»³. В данном случае мы опять столкнулись с тем, что цель автором не была отрефлексирована, в качестве квалификационных признаков он взял явно не основные, фактически же им было подготовлено научное исследование.

2.2.9

Учебная литература по истории

Учебники и учебные пособия по истории — один из наиболее распространенных видов историографических источников⁴. Часть из них целесообразно рассмотреть в связи с историографическими источниками научной истории.

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 ч. Вып. 2. СПб., 1896–1903. Ч. 1. С. 18–19.

² Там же. С. 19.

³ Грушевский А.С. Пинское Полесье. Исторические очерки: в 2 ч. Киев, 1901–1903. Ч. 1. С. 1.

⁴ Наиболее подробно разработана классификация изданий учебной литературы в ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды, термины и определения». При характеристике разновидностей учебной литературы возможно ориентироваться на эту классификацию, хотя она и не охватывает всего корпуса учебной литературы по истории, складывавшегося в России с момента формирования истории как науки, и не вполне отвечает нуждам источниковедения историографии.

Учебники характеризуются систематическим изложением знаний по дисциплине, например «Всемирная история: учебник для вузов» под редакцией Г.Б. Поляка и А.Н. Маркова (М., 2000). Учебники могут быть посвящены отдельному периоду всеобщей истории, например «История средних веков» в двух томах, учебник под редакцией С.П. Карпова (М., 2008); или истории отдельного региона (регионов), например «Новая история стран Европы и Америки», учебник для вузов под редакцией И.М. Кривогуза (М., 2005).

Учебные пособия по истории дополняют или заменяют частично (или полностью) учебник, например «Новейшая история стран Азии и Африки (1945–2004)», учебное пособие, подготовленное В.И. Вузовым (Ростов н/Д, 2005). Цель учебных пособий — также образовательная, но в отличие от учебников они не претендуют на нормативность содержания, а в прямом соответствии с этимологией слова «пособие» помогают изучению учебной дисциплины.

К учебным изданиям относятся и хрестоматии, содержащие тексты исторических источников (отрывки из них), составляющие объект изучения учебной исторической дисциплины, например некогда очень популярная на исторических факультетах «Хрестоматия по истории Древнего Рима» под редакцией С.Л. Утченко (М., 1962).

Здесь мы обратили внимание на учебную литературу по всеобщей истории для высших учебных заведений, об учебной литературе по национальной (отечественной) истории речь пойдет ниже.

2.2.10

Публикации исторических источников

Научная публикация исторических источников (источника) — один из важнейших результатов исследовательской деятельности историка-профессионала по добыванию нового знания и его презентации в научном сообществе — также может рассматриваться как вид историографических источников научной истории. Часто цель научной публикации — ввести в научный оборот исторический источник (иногда новонайденный), хотя нередко историки осуществляют научную публикацию и хорошо известных исторических источников: например, научная публикация в 1950 г. известнейшего источника по истории Древней Руси Повести временных лет¹. В связи с особым местом письменных исторических источников в структуре комплекса исторических источников (что было показано в первом разделе настоящего учебного пособия) речь идет преимущественно об их публикации. Хотя проблемы публикации исторических источников иных типов также поднимаются современным источниковедением².

¹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод / подгот. текста и пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. 406 с.; Ч. 2: Прилож. / ст. и коммент. Д.С. Лихачева. 556 с.: ил.

² Археография музейного предмета: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред.: Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева. М., 2012. 201 с.

Данный вид историографических источников представляет научное исследование в специфической форме — публикации текста исторического источника. Передача текста — один из результатов проведенного источниковедческого исследования публикуемого источника. Результатами научно-исследовательской работы являются и иные составляющие публикации: археографический заголовок и легенда, вступительная статья, презентующая результаты источниковедческого исследования публикуемого исторического источника, а также научно-справочный аппарат, включающий вспомогательные указатели, комментарии и примечания и т.п. Публикация исторических источников — предмет вспомогательной исторической дисциплины археографии¹.

В исследовательских практиках советских историков известны **публикации-исследования** — издания источников, которым предшествует монографическое их исследование. Например: Кучкин В.А. «Повести о Михаиле Тверском: историко-текстологическое исследование (М., 1974. 291 с.); Прохоров Г.М. «Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы» (Л., 1978. 238 с.).

Кроме научных публикаций исторических источников, существуют публикации, преследующие учебные, просветительские и иные цели. Для них, как правило, характерна упрощенная передача текста (на современном русском языке, с соблюдением современных правил орфографии и пунктуации), отсутствие разветвленного научно-справочного аппарата (могут быть минимально прокомментированы непонятные современному читателю реалии).

2.3

СИСТЕМА ВИДОВ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ

Социально ориентированное историописание играло большую роль в формировании национальной/государственной/местной (локальной) идентичностей, поэтому последовательно рассмотрим такие виды историографических источников, относящихся к группе социально ориентированного историописания, как *национально-государственные нарративы, учебная литература по национальной (отечественной) истории и историческое краеведение.*

¹ Вопросы публикации исторических источников рассматриваются в ч. II, разд. третий наст. изд.

2.3.1

Национально-государственные нарративы

Как отдельный вид историографических источников национально-государственный нарратив ранее не выделялся, четкое определение данного вида историографических источников отсутствует.

Национально-государственный нарратив как вид историописания возник в классической европейской модели исторической науки, получив наибольшее распространение в XIX в. Он включает в себя всю известную историю того или иного народа-государства или значительную часть этой истории, выстраиваемой в линейной перспективе. Рассказ об истории государства построен как четкая хронологическая последовательность логически выявляемых периодов по преимуществу политической истории, состоящей из событий, относящихся к сменам правителей, войнам, завоеваниям, переменам в структуре управления государством и проч. Субъектом истории здесь выступает государство, представленное как единое целое с коллективным героем — народом (нацией).

Европейские историки второй половины XVIII — XIX в. выполняли важную задачу конструирования национальных историй, заключающуюся в создании непрерывного повествования о прошлом своих народов (от истоков до настоящего времени). Несмотря на различия в языках, конфессиях, наличие территориальных споров и неразрешенность многих культурных вопросов, национально-государственные нарративы связывали «свои» народы невидимыми нитями, а чаще просто «исторической судьбой». Показательными в этом плане стали истории немецкого самосознания и русского (великорусы, белорусы, малорусы) единства.

Целеполагание такой истории наглядно выразил во второй половине 30-х годов XIX в. Н.И. Надеждин (1804–1856) в статье «Об исторических трудах в России». Не отрицая важности исторической критики в формировании научности в истории, он укорял, например, «скептическую школу» за то, что она не смогла быть снисходительнее к «полу-свету» некоторых «фактов» (т.е. не закрывали глаза на спорные вопросы российской истории). По мнению Н.И. Надеждина, у русской истории есть более высокая, чем строгая научность, цель — формирование нации. Такую позицию он мотивировал защитой национальных, но не научных интересов, заметив, что судьба России имела свою оригинальность, страна, распространившись в силу исторических обстоятельств, затем потеряла часть своей «кровной» территории (Украина, Белоруссия): «Узы кровного родства были разрушены». Ныне «народ российский почти весь соединился в одну семью. И ничего не может укрепить сильнее этого воссоединения, как *ясная память древних веков нашей древности* [здесь и далее выделено мной. — С. М.]». После чего Надеждин подчеркнул: вот

почему «эти века для нас бесценны»¹. Таким образом, признав, что есть критическая история, посеявшая семена скептицизма по отношению к первым векам древнерусской истории, он выбрал другую, ту историю, в которой возможен «полу-свет», — историю социально ориентированную, но внешне выстраиваемую в форме научного типа историописания. Его выбор был связан с гражданской позицией, желанием иметь историю «русского единства».

Профессионализация истории шла рука об руку с процессом конструирования национальных традиций, актуализированных интеллектуальным движением эпохи романтизма первой половины XIX в. По мнению современного историка С. Бергера, в это время «по всей Европе наблюдается усиливающаяся симбиотическая связь письма истории и даже истории как университетской дисциплины с практикой строительства национальных тождеств». Этот сплав историк назвал «историографическим национализмом». Последний особенно проявлялся в практике поиска в первобытности специфических национальных типов европейских этносов: кельтских, германских, романских и славянских. Христианство в его православном, католическом и протестантском вариантах стало одной из самых важных особенностей, определявших в текстах европейских историков национальный дух их народов². Так религиозная составляющая превращалась в один из мифов, введенных в национально-государственные истории.

Именно это можно найти в «Русской истории» (в 5 ч., 1839–1841) Н.Г. Устрялова. Автор включил религию в «миф Европы». По его мнению, добродетели государственного благоустройства «были неминуемым следствием самой религии, и Русь разделила их со всей Европой, обязанную единственно христианской вере перевесом своим над прочими частями света на поприще гражданственности и образованности». После такого замечания русский историк перешел от конструирования общеевропейского к «своему», русскому национальному мифу, начав со слов: «Вместе с тем христианство принесло нашему отечеству другие выгоды, коих не имела Западная Европа...»³.

Заинтересованность историков в конструировании национально-государственной истории принимала безусловные социально ориентированные черты. Попытки включения национальной истории в более широкий международный контекст (для демонстрации мирового величия), в котором действует «свое» государство-нация, подавлялись постоянной актуализацией внимания на чертах суверенности, что приводило к изоляции «своей» истории, противопоставлению ее другим. Н.М. Карамзин (1766–1826) в «Истории государства Российского» писал о «своих»:

¹ Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 20. С. 116–131.

² Berger S. The Invention of National Traditions in European Romanticism // The Oxford History of Historical Writing. N.Y., 2011. Vol. 4. P. 19–37.

³ Устрялов Н.Г. Русская история: в 5 ч. СПб., 1939. Ч. 1. С. 103–104.

Подобно Америке Россия имеет своих диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русскими! надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостью и мужеством снискал господство над девятою частью мира, открыл страны никому до толе неизвестные, внес их в общую систему географии и истории и просветил божественной верой...¹

Свое замечание Н.М. Карамзин пояснял тем, что, завоевывая Азию, Россия «приобрела новое Царство для России, открыла второй новый мир для Европы» и, называя русского завоевателя Сибири именем известного испанского колонизатора, отмечал: «Российский Пизарро, не менее Испанского грозный для диких народов, менее ужасный для человечества»².

Через несколько десятков лет ему вторит британец Т.Б. Маколей (1800–1859), но только уже о «своей» национальной истории («История Англии» в 5 т., 1849–1861), в которой народ создал великое государство, успешно защищавшееся «от внешних и внутренних врагов». Историк стремится описать его благоденствие:

...подобно которому летописи дел человеческих еще ничего не представляли <...>, как в Америке британские колонии быстро сделались гораздо могущественнее и богаче тех государств, которые Кортес и Пизарро присоединили к владениям Карла V; как в Азии британские искатели приключений основали державу, не менее блестящую и более прочную, чем монархия Александра³.

В классической модели историографии «научность» и «объективность» национально-государственной истории связывалась с последовательностью ее изложения и «истинностью» описываемых событий, в которых участвовал народ и его герои. Такое рассуждение о русской истории (относящееся к 1836 г.) можно найти у Н.Г. Устрялова, ставившего задачу, вполне соответствовавшую духу времени и модели европейской истории:

Русская история, в смысле науки, как основательное знание минувшей судьбы нашего отечества должна объяснить постепенное развитие гражданской жизни нашей, от первого начала ее до позднейшего времени <...>, указать, какое место занимает Россия в системе прочих государств...

То, что такая история не только научна, но и объективна, не вызывало сомнения, поэтому Н.Г. Устрялов, отметив ее правильность словом «верная», подчеркнул:

Русская история достигает своей цели *верным* [выделено мной. — С. М.] изображением перемен, случившихся в состоянии Русской державы, с указанием причин тому и следствий⁴.

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. СПб., 1818–1829. Т. 1. С. XII.

² Там же. Т. 9. С. 370, 383.

³ Маколей Т.Б. История Англии. Ч. 1 // Маколей Т.Б. Полн. собр. соч.: в 15 т. СПб., 1866. Т. 6. С. 1–2.

⁴ Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории (писано в 1836 году) // [Устрялов Н.Г.] Русская история Н. Устрялова: в 2 ч. СПб., 1855. Ч. 1. С. 405–408.

Но сама модель национально-государственной истории (несмотря на «верное изображение») оказывалась социально ориентированной, так как каждый такой труд ставил целью поиск национальной идентичности, и осторожный Устрялов этого не скрывал, подчеркивая в переизданной в 1855 г. «Русской истории» в двух частях:

Как верная повесть всего родного, как завет предков к потомству, объясняя рядом картин гений народа, плоды семян добрых и злых, озаряя в неразрывной цепи веков все отечественное, она разовьет идею России во всем объеме ее, покажет истинные свойства народа и потребности государства¹.

В середине XIX в. модель национально-государственной истории приобретает все более респектабельные черты научности, что показывает многоотомный труд С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» (в 29 т., 1851–1879), в котором автор как само собой разумеющееся отметил:

Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века, не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной...².

Надо признать, что большой труд С.М. Соловьева в немалой степени стал еще и исследовательской работой.

Классическая европейская историография XIX в. выступила основным инструментом трансляции в общественное сознание англичан, немцев, французов, русских и т.д. представления об особой ценности собственного государства, прошедшего долгий и нелегкий путь своего строительства.

В неклассической модели исторической науки интерес профессиональных историков к написанию национально-государственных нарративов сменился заинтересованностью в изучении истории отдельных социальных, культурных, экономических, политических процессов, а модель таких исследований уже не соответствовала линейной модели истории, характерной для национально-государственных нарративов. Поэтому в XX в. для написания трудов по национально-государственной истории стали создавать авторские коллективы, в рамках которых каждый из историков писал тот или иной раздел истории, соответствовавший его научным интересам.

В советской историографии крупные проекты написания национально-государственной истории (выполняемые коллективом историков) последовали один за другим в 1950-х — 1970-х годах. Первый, задуманный еще до Великой Отечественной войны, осуществлялся в СССР в 1950-х годах. В 1953–1958 гг. были изданы девять томов «Очерков истории СССР».

Как можно заметить, в самоназвании труда присутствует понятие «очерки» и редакторы томов поясняли свой выбор: например, Б.А. Рыбаков указал, что во втором томе многие вопросы остались спорными «и иногда авторами

¹ Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории... С. 409.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 6 кн, 29 т. СПб., 1896. Кн. 1. Т. 1. С. 1.

разных очерков решались по-разному», а он как ответственный редактор «не стремился к нивелированию авторского текста, так как избранная для данного издания форма очерков позволяет сохранить в ряде случаев различие во взглядах авторов»¹. Несмотря на самоназвание, «Очерки истории СССР» обладают видовыми признаками такого историографического источника, как национально-государственный нарратив, поскольку построены по модели линейной истории, имеют строгую хронологическую структуру и материалы (очерки) последовательно рассказывают о строительстве государства. Кроме того, сам многотомный труд преследовал цель конструирования новой идентичности под названием «советский народ», прошлое которого связано с его главной этнополитической составляющей — Россией и русским народом. Не случайно, об исторической «колыбели» этого народа — Древней Руси — Б.А. Рыбаков начинал писать так:

Русь была передовой страной по сравнению со многими народами северо-востока и степного юга. Русь была своего рода богатырской заставой, зашлюпившей запад от натиска кочевников. Русский народ создал в ту эпоху яркую и самобытную культуру, послужившую впоследствии основой культуры русских, украинцев и белорусов².

Следующий проект «История СССР с древнейших времен до наших дней» в двух сериях и 12 томах (первая серия в шести томах — с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции; вторая серия в шести томах — от Великой Октябрьской социалистической революции до дней написания труда) выполнялся с 1966 г. по 1980 г.³ Последний, 12-й том так и не был издан. Если в первом случае («Очерки истории СССР») советские историки закончили изложение событий национально-государственной истории концом XVIII в. и проект был остановлен, то во втором случае («История СССР») редколлегии и авторам не удалось изложить советскую историю после 1961 г.

Незаконченные проекты по написанию национально-государственной истории, осуществлявшиеся в контексте неклассической исторической науки, свидетельствуют о кризисе национально-государственных гранд-нарративов, который начался вместе с кризисом классической модели исторической науки. П. Нора замечает об этом:

Эта модель истории больше не работает. Ни с точки зрения научной, ни с точки зрения моральной, ни как метод, который она применяет, ни как соответствующая ей философская система. Ее распад начался в эпоху между мировыми войнами...⁴

¹ Предисловие // Очерки истории СССР: в 9 т. / гл. ред. Н.М. Дружинин. М., 1953–1958. Т. 2. М., 1953. С. 5.

² Рыбаков Б.А. Предпосылки образования древнерусского государства // Там же. С. 733.

³ История СССР с древнейших времен до наших дней: в 2-х сериях, 12 т. М., 1966–1980.

⁴ Нора П. Предисловие к русскому изданию // Франция-память... С. 8.

В отечественном историографическом процессе национально-государственная история, создававшаяся трудами историков XIX — начала XX в. как русская история (великорусская, малороссийская, белорусская), была разрушена после 1917 г., ей на смену пришла история СССР и «советского народа», но и последняя начала ломаться к концу 1980-х годов и окончательно оказалась разрушена после 1991 г.

Национально-государственные нарративы, выстроенные в линейной модели и логично структурированные по векам государственного строительства, служили удобным материалом для трансляции исторического знания в образовательном процессе как в высших учебных заведениях, так и в средней школе. Многие европейские историки, конструируя большие национально-государственные нарративы, выступили еще и авторами учебных пособий. П. Нора в качестве примера создания учебника по истории Франции и французского национально-государственного нарратива приводит случай историка Э. Лависса (1842–1922):

Наука и патриотизм <...> шагали в ногу. Эрнест Лависс может быть назван их лучшим певцом, потому что этот великий деятель Республики в области образования являлся одновременно автором школьного учебника, долгое время обладавшего практически полной монополией в школьном преподавании, а именно — «Малого Лависса», издаваемого миллионами экземпляров. И одновременно он был создателем гигантской «Истории Франции» в 27 томах, этого подлинного памятника критической и позитивистской истории. Событийный кадр и хронологический рассказ, заданные этой историей, не утратили своей значимости вплоть до наших дней. Такая историческая модель, тысячи раз повторенная, отвергнутая, опротестованная, но в основном воспринятая, была мощным создателем нашей коллективной памяти и нашего способа совместного бытия¹.

2.3.2

Учебники по национальной истории

Учебная литература по национальной истории широко издавалась уже в XVIII в. В России наиболее популярными были «Синописис» (написанный или отредактированный Иннокентием Гизелем, первое издание в Киеве в 1674 г.; в дальнейшем книга выдержала около 30 изданий в академии наук), «Краткий российский летописец» М.В. Ломоносова (1760), «Перечень российской истории от князя Рюрика до настоящего времени» А.Л. Шлёцера (1783), «Историческая и хронологическая и поколенная роспись всех в России владеющих великих князей, царей, императоров, императриц» Е.Д. Кушелевой (1785), «Краткое описание российского государства, по нынешнему его разделению, изданное в пользу Общества благородных девиц» П.А. Наумова

¹ Нора П. Предисловие к русскому изданию // Франция-память... С. 7–8.

(1799), «Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ» Ф.И. Янковича де Мириево (1799), «Краткая российская история, для употребления юношеству, начинающему обучаться истории, продолженная до исхода XVIII столетия» М.Ф. Берлинского (1800) и др.

Однако именно в XIX в. вместе со становлением модели классического европейского образования, расширением сети учебных заведений и усиливающимся вниманием правительств к народному образованию (не случайно в 1802 г. в Российской империи создается Министерство народного просвещения) и, соответственно, к курсам национальной истории активизируется процесс издания учебников и учебных пособий по этой дисциплине. Наиболее популярными в университетской и гимназической учебных практиках становятся пособия, подготовленные крупными историками. Например, таким стал приведенный выше труд Н.Г. Устрялова «История России» в пяти частях (1839–1841). Первоначально он предназначался автором как дополнение к лекционному курсу в Санкт-Петербургском университете (издание 1837–1839 гг., 4 ч.), а затем выдержал пять изданий.

Для подтверждения социальной ориентированности «Русской истории» Н.Г. Устрялова обратимся к двум первым частям этой работы. Сразу можно отметить, что историк старается «забыть» некоторые «неудобные» страницы истории, где, например, славяне разоряли соседей; он оправдывает князей, захватывавших земли финских и балтских народов, и при этом внушает читателю представление о «миролюбивом» предке. В модели русской истории Н.Г. Устрялов использовал стратегию как оправдания предков и наделенных властью правителей, так и умолчания о некоторых сторонах их деятельности (например, поход Ярослава Мудрого в Польшу), не вписывавшихся в его рассказ о строительстве русского государства. Ярко проявляется имперский характер исторического дискурса Н.Г. Устрялова в сюжетах, описывающих взаимоотношения России с народами северной Азии. В этих рассказах уже нет и намека на какое-либо оправдание экспансии русского народа-государства на территорию других народов. Здесь звучит гордость за проявленный героизм и даже за проявляемую жестокость по отношению к последним¹. Важно отметить, что, по мнению исследователей (например, К. Лоренца), в рамках классической европейской историографии российскую и британскую истории, соединившиеся с историями империй, можно считать одним из вариантов национальной истории, так как обычно они моделировались при помощи прошлого *одной* главной нации².

Для гимназий Н.Г. Устряловым был подготовлен учебник «Начертание русской истории для средних учебных заведений» (1839), издававшийся

¹ Устрялов Н.Г. Русская история... Ч. 1. С. 37–124; Ч. 2. С. 81–90.

² Lorenz C. Unstuck in Time. Or: the Sudden Presence of the Past // Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe / eds by K. Tilmans, F. van Vree and J. Winter. Amsterdam, 2010. P. 78.

до 1857 г. Во введении к нему историк ставил вполне практическую задачу, характерную для социально ориентированной истории, — воспитание лояльности к режиму, указывая:

Изучение русской истории доставляет обильную пищу уму и сердцу. Русские справедливо могут сказать, что предки их, неоднократно застигаемые жестокими бедствиями, спасали себя не случаем, не с чужеземною помощью, а собственными силами, верою в Провидение, усердием к престолу, любовью к отечеству, что они умели выпутываться с честью и славой из самых трудных обстоятельств, что страницы их истории ознаменованы более делами доблести, нежели порока...¹

Учебное пособие для гимназий «Учебная книга русской истории» подготовил и С.М. Соловьев, оно было более научнообразным, чем учебная книга Н.Г. Устрялова, но в обоих присутствовала в общем одинаковая структура — деление русской истории на похожие хронологические периоды, разделы и т.д., а самое главное — их связывает метафора Феникса (история разрушения (монголо-татары) и возрождения восстановления), которая посредством таких учебных изданий и книг последующих авторов утвердится в русской исторической памяти.

Конечно, в учебной книге С.М. Соловьева приоритетное внимание уделяется государству, но в отличие от Н.Г. Устрялова (конструировавшего государство как коллективное целое с лицом «мирного предка») С.М. Соловьев выстраивает схему могучего европейского государства, обуздывавшего «Чужого» — народы Азии — и выполнявшего цивилизаторскую миссию по отношению к Востоку. Если тема истории борьбы Европы в лице России с Азией была одной из центральных в его 29-томной истории, то и в учебной книге он о ней не забыл. Поэтому историк, еще не приступив к изложению русской истории, сразу отметил:

Взглянем на карту России: вот, начиная от того места, где оканчиваются Уральские горы и до Каспийского моря, находится большое ровное, степное пространство, как будто широкие ворота из Азии в Европу. На этом месте и на восток от него живут и теперь еще народы грубые, кочевые, охотники грабить, брать в плен соседей; но теперь этим народам час от часу становится труднее вести такую жизнь, потому что сильное государство Русское не допускает их разбойничать; некоторые из них даже отказались от кочевой жизни и стали заниматься земледелием².

Огромную популярность среди учителей истории начала XX в. приобрела книга С.Ф. Платонова (1860–1933) «Учебник русской истории для средней

¹ [Устрялов Н.Г.] Начертание русской истории для средних учебных заведений: сочинение Н. Устрялова. 10-е изд. СПб., 1857. С. 6.

² [Соловьев С.М.] Учебная книга русской истории: сочинение Сергея Соловьева. 3-е изд. М., 1860. С. 1.

школы», которая с 1909 г. ежегодно переиздавалась. Автор постарался сделать учебник не только доступным, но и наукообразным. Как и в других подобных учебниках по национально-государственной истории, основное внимание уделялось развитию и прогрессивной трансформации государства. Приведем отрывок из учебника С.Ф. Платонова, в котором автор формулирует задачу курса (история народа-государства) и демонстрирует свой взгляд на непрерывность русской истории, представленной последовательностью развития государственного состояния:

Главное содержание курса русской истории должно составлять повествование о том, как из <...> отдельных племен постепенно образовался единый русский народ и как он занял то громадное пространство, на котором теперь живет; как образовалось среди русских славян государство и какие перемены происходили в русском государственном и общественном быту до тех пор, пока он не принял современной нам формы Российской империи. Рассказ об этом естественно делится на три части. В первой излагается история первоначального Киевского государства, объединившего все мелкие племена вокруг одной столицы — Киева. Во второй излагается история тех государств (Новгородского, Литовско-Русского и Московского), которые образовались на Руси вслед за распадением Киевского государства. В третьей, наконец, излагается история Русской империи, объединившей в себе все земли, заселенные русскими людьми [русские, белорусы, украинцы — С. М.] в разные времена¹.

Как можно заметить, если в 30-х годах XIX в. Н.И. Надеждин еще ставил перед национально-государственной историей цель — создание истории «русского единства», то в начале XX в., в частности в учебнике по русской истории С.Ф. Платонова, об этом говорится уже как о само собой разумеющемся.

В начале XX в. в учебных заведениях Российской империи, а также для самообразования использовалось большое число учебников и учебных пособий. Приведем лишь некоторые из них: «Книга для чтения по русской истории», составленная при участии профессоров и преподавателей, под редакцией профессора М.В. Довнар-Запольского (М., 1904); П.Ф. Дворников «Русская история. Руководство для мужских и женских учебных заведений и самообразования» в двух томах (М., 1907); М.М. Богословский «Учебник русской истории» в трех частях (М., 1914); М.А. Давыдкин и И.И. Селезнев «Краткая русская история для народных училищ» (М., 1910); Е.А. Звягинцев «Краткий курс русской истории для двухклассных и высших начальных училищ» (М., 1913); В.Е. Романовский «Учебник русской истории для старших классов средней школы» (М., 1913); И.В. Скворцов «Учебник русской истории: систематический курс для средних учебных заведений» в трех частях (М., 1914) и многие другие.

¹ Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы. 9-е изд. Пг., 1917. С. 1–2.

В Советском Союзе политика государства и коммунистической партии по воспитанию лояльных к режиму граждан становится более целенаправленной, и для этого требовались новые учебники по национально-государственной истории. Приведем пример из школьного учебника, по которому еще учились некоторые авторы данного учебного пособия. Это популярное в советской школе 1970-х годов учебное пособие для седьмого класса «История СССР» (с древнейших времен до конца XVIII в.), подготовленное известным советским историком академиком М.В. Нечкиной и крупным методистом П.С. Лейбенгрубом. Обращение авторов к молодому читателю дает понимание цели учебника — воспитание лояльного гражданина, который на всю жизнь должен усвоить историю своей страны именно в таком виде, как она приведена в книге:

...вам предстоит начать изучение курса, особенно важного для каждого гражданина нашей страны. Вы будете изучать историю своей Родины, своего Отечества — великого Советского Союза.

История нашей Родины особенно важна для нас и для передовых людей мира прежде всего потому, что это история страны, народы которой свергли господство эксплуататоров, первыми построили социализм и ныне прокладывают человечеству путь к коммунизму <...>. Как же не знать ее — историю своего Отечества! Вот мы и начнем изучать ее в VII классе. То, что вы узнаете, должно остаться с вами на всю жизнь [выделено мной. — С. М.]¹.

Структура учебных текстов по национально-государственной истории оказалась очень консервативной. В учебниках меняются идеологические объясняющие конструкции, но сама линейная перспектива истории с набором дат, периодов и выделяемых учебных разделов по отечественной истории остается почти неизменяемой. Для примера проведем сравнение двух учебных книг 1839 и 2006 г. и перечислим выделяемые авторами разделы древнерусской истории.

В книге «Начертание русской истории для средних учебных заведений» Н.Г. Устрялова следуют разделы: основание Руси, княжение Рюрика, Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Владимир Святой, крещение Руси, правление Ярослава и т.д.

В учебнике «История России» для студентов высших учебных заведений (неисторических специальностей), подготовленном А.С. Орловым, В.А. Георгиевым, Н.Г. Георгиевой и Т.А. Сивохиной, находим: образование древнерусского государства, норманская теория, объединение Новгорода и Киева (Рюрик, Олег), князь Игорь, уроки и погосты (Ольга), походы Святослава, Владимир I, принятие христианства, Ярослав Мудрый и т.д.²

¹ Нечкина М.В., Лейбенгруб П.С. История СССР: учеб. пособие для 7 класса. 6-е изд. М., 1971. С. 3–4.

² История России: учебник / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 20–30.

Последние десятилетия наполнены поиском новых идентичностей, русской, российской, государственнической, евразийской (а значит, желанием создания новых соответствующих им учебных текстов), вплоть до поиска механизма, способного прекратить всякие поиски (что можно наблюдать с 2013 г.), т.е. создать «единую концепцию» учебника по отечественной истории.

2.3.3

Историческое краеведение

Работы по историческому краеведению — особый, широко распространенный вид историографических источников, относящийся к группе социально ориентированного историописания. Строго говоря, историческое краеведение представлено разнообразными видами историографических источников: от проспектов и путеводителей до материалов конференций краеведов. Однако, исходя из первичной социальной функции исторического / историографического источника, авторы данного учебного пособия сочли возможным условно определить историческое краеведение как вид историографических источников социально ориентированной истории. Акцент при этом сделан на местном историописании, в котором функция формирования локальной идентичности реализуется наиболее последовательно. В историографии для обозначения этого вида историографических источников используется разная терминология: «провинциальная историография», «историческое краеведение», «местная история» (не говоря о том, что к этому виду историописания неверно причисляют региональную и новую локальную истории). В употреблении этих понятий в современной исторической литературе нет не только научной строгости, но и удовлетворительной определенности. Четкое же понимание их значения задает структуру знания истории определенного места (локуса).

В современной российской литературе по-прежнему наиболее распространенным для обозначения практики изучения исторических объектов, не тождественных государству, можно назвать понятие «краеведение» («историческое краеведение»). Однако оно представляется некорректным применительно к местному российскому историописанию XVIII–XIX вв., а его распространенность (среди краеведов) — результатом «поиска корней» краеведением как мощным общественным движением последней трети XX — начала XXI в. Историческое краеведение как самостоятельная область исторического знания, предмет которой — история места (локуса), конституируется в условиях кризиса линейной модели национально-государственного историописания и в связи со становлением рациональности неклассического типа. Понятие «краеведение» появляется в России в начале XX в.¹

¹ Понятие «краеведение» отсутствует во всех наиболее известных толковых словарях XIX — начала XX в.: В.И. Даля, Брокгауза и Ефрона и в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, братьев Гранат. Оно появляется в академическом «Словаре русского языка» (под ред. А.А. Шахматова, 1891–1916).

Коннотативно мало нагружено (в отличие от «провинциальной историографии») и легко переводимо на европейские языки понятие «местная история» (*local history*), которое к тому же точнее выражает суть обращения жителя определенного места к прошлому его локуса для конструирования локальной исторической памяти. Еще в последней четверти XIX в. тамбовский историк определил цель своей практики историописания так: «с любовью к местной истории»¹. По замечанию современного американского историка Дж.А. Амато, местная история удовлетворяет врожденное желание человека получить знание о месте, в котором он живет, причем знание, формирующее не критическое, а лояльное отношение к образу этого места².

Местная история (как история локуса — определенного места) появилась в европейской историографии в XVIII в. (в Российской империи обратились к изучению отдельных мест государства во второй половине XVIII в.) и как практика историописания присутствует в национальных историографиях, уходящих своими корнями в классическую европейскую историографическую традицию. Обращение к местной истории в значительной мере было инициировано процессами строительства индивидуальной (авторской) и коллективной идентичностей; кроме того, данный процесс зависел не столько от профессиональной (исторической) подготовки того или иного историописателя, а в большей степени от его положения в социальном пространстве — на местном или государственном уровне. Таких писателей истории нередко называли «любителями», а саму практику местного историописания — «любительской». В классической модели исторической науки местная история была включена в иерархическую структуру историописания: она находилась на нижнем уровне иерархии и была подчинена национально-государственному нарративу. Этот фактор обуславливал возможность непрофессионального (любительского) отношения к местному историописанию. Но если понятие «любительской» истории для историографического пространства XVIII в. было нагружено положительными коннотациями, поскольку и национальные истории пока еще писались любителями, то со второй четверти XIX в., со времени появления понятия «научной» истории, любительское (по большей мере провинциальное или местное) историописание стало восприниматься как неквалифицированное занятие историей, а само понятие потеряло былые положительные коннотации.

Практика местной истории определяется конкретным характером ее связи с географией места, с его пейзажами, местной топонимикой, памятниками истории и людьми, жившими в этом месте. О последних ярославский историк-описатель К.Д. Головщиков замечал:

...предлагаю вниманию лиц, которым дорого все родное, которые интересуются этим, ряд очерков о более или менее выдающихся деятелях, родившихся и живших в пределах Ярославской губернии...³

¹ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края: в 6 вып. Тамбов, 1889. Вып. 5. С. 1.

² Amato J.A. Rethinking Home: A Case for Writing Local History. Berkeley; Los Angeles, 2002. P. 4.

³ Головщиков К.Д. Деятели Ярославского края. Ярославль, 1898. Вып. 1. С. II.

Преподаватель вяземской гимназии И.П. Виноградов, адресуя свою книгу местному сообществу, вполне откровенно подчеркивал, что этот труд нужен именно им — вяземцам:

Издавая исторический очерк г. Вязьмы, мы прежде всего имели в виду местное население, потому и включили в него все имеющее местный интерес¹.

Местная история определяется своим локальным характером, и ее отличительная черта — тесная связь с потребностью в поиске локальной идентичности. Практика местного историописания представляет собой индивидуальную деятельность (не случайно наблюдается разобщенность местных историописателей), но в то же самое время она сугубо социальна, так как сам ее смысл заключается в формировании исторической памяти локального сообщества и строительстве нужной (с точки зрения автора или конкретного социума) идентичности. Местные историописатели иногда на это прямо указывали в своих сочинениях, как, например, архангелогородец В.В. Крестинин, отмечавший в конце XVIII в.:

Малое число приключений, которые письменных доводов не имеют [т.е. о них нет сообщений в письменных источниках. — С. М.], но исторической памяти достойны [выделено мной. — С. М.] <...>, занимают место в нашей городской истории.

Местная история пишется для локального сообщества, о чем и сообщает автор, «дабы сограждане мои [архангелогородцы. — С. М.] не могли оскудевать в <...> части человеческого познания»².

Такая практика отличается от исследовательской работы профессионального историка уже тем, что последний опирается в своей работе на метод, посредством которого он в равной степени может изучать прошлое любого локуса; напротив, местный историописатель интересуется только конкретным предметом и конкретной территорией, к которой питает определенное чувство. Как писал тамбовский историописатель И.И. Дубасов, он приступил к своей работе «по совету некоторых образованных любителей местной старины <...>, но более всего — по своей любви к родному краю, прошлые судьбы которого так мало еще известны»³.

Местная история характеризуется довольно поверхностным знанием источниковедческих приемов. Приведем несколько примеров размышлений авторов местных историй об источниковой базе их работ. Еще в самом начале XIX в. историк Переславля-Залесского отмечал:

Что следует до древности заведения города и других строений, равно бывшего в нем княжения, и происхождения во время его и после достопамят-

¹ [Виноградов И.П.] Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно). М., 1890. С. III.

² [Крестинин В.В.] Краткая история о городе Архангельском: сочинена архангелогородским гражданином Василием Крестининым. СПб., 1792. С. IV–V.

³ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края... Вып. 1. С. 3.

ных происшествий <...>, оное почерпнул я из разных книг; а из каких? Читатель усмотрит означение их на каждой, где следует, странице¹.

В середине XIX в. другой местный историописатель В.А. Борисов странно замечал по поводу источниковой базы своего труда:

...я будучи не ученым, зная одну русскую грамоту и имея одну любовь к древностям, своей рукописи не мог дать ученого плана и изложения — и все, мною написанное, почитаю не более как сборником старинных и частию новейших материалов для полнейшей истории г. Шуи. При том же многие сведения помещаю собственно для своих сограждан [т.е. горожан. — С. М.]; многие любознательные найдут в них для себя немало любопытного и нового касательно древнего быта, устройства и управления Шуи. С уверенностью могу сказать, что в описании моем нет ничего неправдоподобного. Ибо все основал я на письменных актах, подтверждаю ими же и преданиями, заслуживающими всякое вероятие².

В краеведении модель конструирования истории остается прежней, такой же, как в практике местной истории XIX в. Чаще всего история места выстраивается на «фактах», что присуще современным работам, авторы которых (в том числе и с научными степенями) могут, например, заметить: «Основой повествования послужили *научно-исторические факты и действительные события* [выделено мной. — С. М.]»³ — или что ими «впервые вводится в научный оборот *значительное количество дат* [выделено мной. — С. М.]»⁴. Некоторые местные исследователи, как и их предшественники, до сих пор не видят разницы между историческими источниками и исторической литературой, помещая в разделе «Источники» названия работ историков и своих предшественников — краеведов⁵.

Местными историками за рубежом и краеведами в России указания на ненаучность их знания часто воспринимаются с обидой. В этой связи специалисты в области исторического краеведения скорее по незнанию современной философии науки и теории исторического познания смешивают разные поля современного исторического знания, а по сути, разные его типы — социально ориентированный и научный. Например, на открытии Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 2007) С.О. Шмидт указал:

Организация Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов [здесь и далее выделено мной. — С. М.] — явление показательное не только в плане

¹ [Плишкин П.] Историческое, географическое, топографическое и политическое описание города Переславля Залесского, сочиненное коллежским асессором П. Плишкиным. М., 1802. С. I–II.

² Борисов В. [А.] Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. М., 1851. С. II.

³ Потапов А.Н. Город-страж на засечной черте: историко-краеведческое повествование о щаской земле и ее людях. Рязань, 2002. С. 9.

⁴ Пыльнев Ю.В., Ширяев О.Ю. Культура Воронежской области: хроника событий 1917–1991. Воронеж, 2002. С. 6–7.

⁵ Например: Докучаев А. Т. Козловка: история старинного русского села. Бутурлиновка, 2003. С. 150.

развития научных знаний, но и как характерный фактор современной жизни, свидетельство возрастающего внимания к проблематике краеведения [замечу, что мероприятие называлось съездом историков-регионоведов. — С. М.] и в среде ученых, и у общественности, и в органах управления¹.

Более четко мысль о том, что научные предметные области, изучающие отдельный локус или регион (новая локальная история, региональная история), по сути представляют собой краеведение, оформил В.Ф. Козлов, добавивший, что настойчивые «попытки отдельных историков подменить (заменить) термин “историческое краеведение” иным, чаще всего калькированным [из зарубежного опыта. — С. М.], термином, скорее всего, обречены на неудачу»². С российским краеведом солидарны некоторые британские специалисты в области местной истории, которые сожалеют, что сегодня новые предметные поля исторической науки «используют специализированную терминологию и не пытаются установить коммуникации с неспециалистами»³. Отсутствие специальной терминологии (что для научного труда было бы странным требованием!) эти авторы расценивают как несомненное достоинство местной истории. Они пишут:

Позитивное качество местной истории — это ее доступность широкой читательской аудитории, что предполагает, что она избегает академический «птичий язык» и чересчур специальную терминологию, чтобы усилить эффективность коммуникации с широкой публикой через выступления, сайты и издания⁴.

Положение местной истории и исторического краеведения в структуре современного исторического знания оказывается более определенным, когда с помощью источниковедческого подхода мы проводим процедуру классификации историографических источников. Такая процедура позволяет выявить: научная история и историческое краеведение относятся к *разным типам исторического знания*, а значит, в процессе классификации историографических источников мы отнесем литературу по местной истории (историческому краеведению) к отдельному виду, принадлежащему к группе историографических источников социально ориентированного исторического писания.

¹ [Шмидт С.О.] Обращение председателя Союза краеведов России, академика РАО Сигурда Оттовича Шмидта // Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 года): в 3 т. / отв. ред. Л.А. Вербицкая, А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеев. СПб., 2010. Т. 1. С. 27.

² Козлов В.Ф. Историческое краеведение как научное направление (о спорах вокруг определения, задач, перспектив развития) // Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов... Т. 1. С. 69.

³ [Dyer C.] Introduction: Local History in the Twenty-First Century / [Dyer C., Hopper A., Lord E., Tringham N.] // *New Directions in Local History since Hoskins* / eds by Christopher Dyer, Andrew Hopper, Evelyn Lord and Nigel Tringham. Hertford, 2011. P. 3–4.

⁴ Ibid. P. 6.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
КАК ИНСТРУМЕНТ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

ЧАСТЬ I

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

Источниковедческое исследование — изучение исторического источника (группы исторических источников) с целью оценки его информационного потенциала в историческом (гуманитарном) исследовании — этап источниковедческого анализа и характеристики его как историко-культурного феномена — этап источниковедческого синтеза.

1

глава

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СИНТЕЗ

Источниковедческий анализ — система исследовательских процедур, нацеленных на установление информационного потенциала исторического источника, выявление и оценку его информации, а также возможностей его использования в историческом (гуманитарном) исследовании.

Ни один из элементов источниковедческого анализа не может быть опущен без ущерба для конечного результата исследования.

Процедуры источниковедческого анализа имеют универсальный характер: их необходимо применять в каждом случае при обращении к любому историческому источнику в процессе научного исследования. При этом вовсе не обязательно прописывать все процедуры в тексте (это требование должно строго выполняться только в квалификационных работах), но последовательное рассмотрение исторического источника в порядке процедур источниковедческого анализа должно происходить у грамотного историка на уровне профессионального инстинкта.

1.1

ЭТАПЫ И ПРОЦЕДУРЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

1.1.1

Структура источниковедческого анализа

В источниковедческом анализе выделяют два этапа: анализ происхождения исторического источника (исторический этап) и анализ содержания исторического источника (логический этап). Все процедуры источниковедческого анализа взаимосвязаны, каждая последующая логично вытекает из предыдущей и опирается как на ее результаты, так и на результаты всех предшествующих процедур. Конечно, изучение конкретного исторического источника может потребовать акцентировать внимание на каких-то отдельных процедурах, но изменение их последовательности возможно только в тех случаях, когда исследователь четко понимает, зачем он это делает, и может четко обосновать предлагаемую им структуру, отличную от стандартной.

Анализ происхождения включает следующие процедуры:

- изучение исторических условий создания исторического источника;
- изучение личности автора (чему предшествует техническая процедура установления авторства);
- выявление конкретных обстоятельств создания исторического источника;
- изучение истории текста исторического источника.

Анализ содержания предполагает:

- интерпретацию исторического источника;
- установление степени полноты и достоверности его информации.

Представленная выше структура — это логическая конструкция, необходимая для контроля над реальным исследовательским процессом, который протекает сложно и малопредсказуемо.

1.1.2

Гипотеза в источниковедческом исследовании

Любое исследование начинается с гипотезы. Эффективное исследование предполагает отрефлексированность гипотезы. Это требование в полной мере относится и к источниковедческому анализу как исследованию исторического источника. Источниковедческий анализ отличает весьма формализованный характер гипотезы: это практически всегда гипотеза о видовой природе исследуемого исторического источника. И действительно, еще до всякой рефлексии

исследователь (да и любой человек, даже и не обладающий профессиональными навыками историка), взяв в руки исторический источник (а чаще — его публикацию), уже «знает», что у него в руках: законодательный акт или сборник статистических материалов, газета или мемуары, летопись или произведение художественной литературы и т.п. И, как правило, не ошибается. Хотя бывают и сложные, и спорные случаи. Например, иногда сложно отличить мемуары от произведения художественной литературы: так, повести М. Горького «Детство», «В людях» (1913–1914), «Мои университеты» (1923), несмотря на то что имеют автобиографическую основу, представляют собой все же художественные произведения; то же самое можно сказать о трилогии Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» (1851–1855); а вот «Детские годы Багрова-внука» (1858) С.Т. Аксакова — скорее мемуары, хотя у М. Горького повествование ведется от первого лица, а у С.Т. Аксакова от третьего.

Нас не должно обмануть и так называемое самоназвание исторического источника, на которое часто и вполне обоснованно ориентируется историк при установлении видовой принадлежности. Например, «Житие протопопа Аввакума», которое на основании самоназвания мы отнесли бы к житийной литературе, будет воспринято в качестве мемуаров, т.е. не только иного вида исторических источников, но и вида, относящегося к другой, нежели жития, видовой системе — историческим источникам Нового времени, как только мы выясним, что автором «жития» выступает сам протопоп Аввакум.

Часто сложность представляет определение видовой принадлежности исторического источника, имеющего эпистолярную форму, особенно пространственную, в частности, в XIX в. в исторических источниках разных видов. В виде писем созданы, например, *мемуары* А.Т. Болотова (подробно проанализированные во второй главе первой части второго раздела), *роман* Ф.М. Достоевского «Бедные люди» (1845), *философские эссе* П.Я. Чаадаева «Философические письма» (1829–1831), *путевые записки* И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» (1858), изначально действительно представлявшие собой письма, отправленные друзьям во время экспедиции под командованием адмирала Е.В. Путятина в 1852–1855 гг.

Сложности с установлением видовой принадлежности могут возникнуть даже при изучении таких исторических источников, как законодательные акты. Например, знаменитый проект «Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии» А.Д. Сахарова (ноябрь 1989 г.) можно ошибочно, на основании его самоназвания, отнести к законодательным источникам. Более того, уверенность в таком выводе подкрепляется обнаружением его на «Сайте Конституции Российской Федерации»¹ и в публикации проектов Конституции 1993 г.² Но знакомство с содержанием этого исторического источника,

¹ Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. М., сор 2003–2013. URL: <http://constitution.garant.ru/history/active/1024/> (дата обращения: 04.07.2012).

² Конституции Российской Федерации (альтернативные проекты). М., 1993. Т. II. С. 118–121.

его автором, обстоятельствами его создания заставит нас отнести проект Конституции А.Д. Сахарова к публицистике.

Но гипотеза на то и гипотеза, что она не обязана быть изначально верной; гипотеза проверяется в процессе исследования. Гипотеза о видовой принадлежности исследуемого исторического источника подтверждается (или опровергается) и уточняется в результате первого этапа источниковедческого анализа — анализа происхождения.

Естественно, что, прежде чем приступить к анализу исторических условий возникновения исторического источника, необходимо провести его датировку и установить авторство, а также убедиться в его подлинности. Но мы позволим себе здесь не останавливаться на этих процедурах по двум причинам. Во-первых, часто современный историк имеет дело с уже атрибутированными историческими источниками. Хотя и в этом случае он должен убедиться в корректности проведенной ранее атрибуции, т.е. ему необходимо знать способы датировки исторических источников и установления их авторства. Но это самостоятельная проблема, требующая отдельного подробного рассмотрения, причем не только в рамках источниковедения, но и в первую очередь в рамках вспомогательных исторических дисциплин — палеографии, текстологии, хронологии, метрологии и др. Во-вторых, оставить столь существенную проблему за рамками учебного пособия по источниковедению нам позволяет принадлежность процедур атрибуции к технике, а не к методам источниковедческого исследования.

В литературе, в том числе и учебной, можно обнаружить множество вариантов соотношения понятий «техника», «методика», «метод», «методология». Не включаясь в дискуссию по этому поводу, предложим простой критерий разграничения исследовательской техники и метода исследования: техника безразлична к мировоззренческим и эпистемологическим основаниям исследования, а метод от них жестко зависим. В самом деле, прочитав скоропись XVII в., установить время создания исторического источника на основании палеографических признаков, в частности изучения филиграней, атрибутировать средневековый исторический источник с применением метода графов или исторический источник Нового времени на основе изучения частотных характеристик его лексики исследователь либо умеет, либо нет. И эти навыки не зависят от его жизненных установок, политических и религиозных убеждений, исследовательского и экзистенциального опыта, чего нельзя сказать об изучении исторических условий возникновения исторического источника, автора и обстоятельств создания в ходе анализа его происхождения.

1.1.3

Анализ происхождения исторического источника

Несмотря на строгий алгоритм источниковедческого анализа, каждая его процедура требует творческого подхода и зависит, как было только что сказано, от парадигмальных установок исследователя. Но можно выявить некоторые универсальные подходы, обусловленные пониманием природы исторического источника и структурированные по видам и системам / группам видов исторических источников.

Изучение исторических условий возникновения исторического источника может быть процедурой весьма трудоемкой или вообще показаться делом нескончаемым, если подойти к нему без четкой исследовательской установки, обусловленной пониманием того, что исторический источник порождается в человеческой деятельности, а виды деятельности, свойственные определенной культуре, фиксирует видовая система корпуса исторических источников, представленная в первой части второго раздела настоящего учебного пособия.

Напомним, что исследовательская гипотеза в источниковедческом исследовании — это предположение о видовой природе исторического источника. Поэтому в первую очередь необходимо, привлекая специальную источниковедческую литературу, установить состояние той области деятельности, которая продуцировала источники данного вида. Например, изучая Полное собрание законов Российской империи, необходимо поместить его в контекст истории кодификации и учесть становление исторической школы права, а изучая советские конституции, — обратить внимание на специфику законотворчества советского государства, как это было сделано в соответствующих разделах учебного пособия. Собственно, корпус источников российской истории был рассмотрен нами в разделе «Источниковедение как метод исторического познания» именно потому, что он презентирует определенным образом российскую историю и дает ключ к изучению отдельных сфер социокультурной реальности на основании однозначно соответствующей ей видовой совокупности исторических источников.

Конечно же, изучение исторических условий возникновения исторического источника не исчерпывается анализом только одной, породившей его, сферы деятельности. Отбор прочих сведений для характеристики исторических условий зависит от исследовательской установки историка и, главным образом, от того, что его заинтересует при изучении автора и конкретных обстоятельств создания исторического источника.

И здесь необходимо привлечение уже не источниковедческих исследований, а разнообразных исторических трудов.

Изучение личности автора. Еще раз подчеркнем, что изучение автора не надо путать с установлением авторства. Если установление авторства — процедура техническая, то его изучение — дело максимально творческое.

Возможно, именно эта исследовательская процедура в наибольшей степени зависит от личности историка и проявляет его мировоззрение, экзистенциальные и исследовательские установки. Ведь автора мы изучаем с точки зрения принципа признания чужой одушевленности, соотнося внешние обнаружения его личности в историческом источнике с предварительно отрефлексированной (в той или иной степени) собственной «душевной жизнью»¹.

К этой проблеме можно попытаться подойти и с иной позиции — осмысленной в постструктурализме позиции «смерти автора». Но в первом разделе настоящего учебного пособия было показано, что современное понимание исторического источника не только как произведения человека, но и как продукта культуры, снимает это противоречие. Данное обстоятельство стоит еще раз особо подчеркнуть: на наш взгляд, предлагаемая в настоящем учебном пособии концепция источниковедения не является альтернативной ни по отношению к так называемой герменевтике бытия (о чем речь пойдет ниже), ни к концепции «смерти автора»; она стремится к соблюдению баланса индивидуального (воплощенного в конкретном историческом источнике) и социокультурного (воплощенного в категории «вид исторических источников»).

Изучение автора, так же как и изучение исторических условий возникновения исторического источника, должно отвечать принципу необходимости и достаточности; в противном случае мы либо упустим какие-нибудь существенные характеристики, что не позволит нам адекватно понять исторический источник, либо, наоборот, потратим слишком много исследовательских усилий и времени на изучение нюансов характера, а в конце этого нелегкого исследовательского пути рискуем заблудиться в деталях, опять же с ущербом для понимания анализируемого исторического источника.

На важность изучения личности автора обращал внимание еще лорд Генри Сент-Джон Болингброк (1678–1751) в «Письмах об изучении и пользе истории» (1730–1750-е годы):

Когда искренность при изложении факта вызывает сомнение, мы добываем истину, сопоставляя различные сообщения, подобно тому как мы высекаем огонь, ударяя сталью о кремень. Когда суждения производят впечатление пристрастных, мы можем сделать выводы самостоятельно или принять суждения авторов, сделав известные поправки. Достаточно немного природной проницательности, чтобы определить, какая нужна поправка — в зависимости от конкретных обстоятельств жизни авторов или общего склада их ума, и тем самым нейтрализовать воздействие этих факторов².

Мы видим, что, утверждая необходимость обращения к личности автора исторического источника, Болингброк, совершенно в духе науки XVIII и затем начала XIX в., основывающей критику исторического источника на здравом

¹ См. с. 46–54, 58–61 наст. изд.

² Болингброк [Г.С.-Дж.]. Письма об изучении и пользе истории: пер. с англ. М., 1978. С. 50.

смысле, считал достаточной для понимания автора «природную пронизательность», но при этом указывал и на необходимость выяснения конкретных обстоятельств создания исторического источника.

Спустя 150 лет, уже в совершенно иной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации, В. Дильтей (1833–1911) в работе «Описательная психология» (1894)¹ рассматривал в связи с задачами описательной психологии как специальной науки о духе вопрос о способе описания индивидуальности, который в источниковедении может быть востребован при изучении автора. Характеризуя описательную психологию как расчленяющую и утверждая, что в области наук о духе «в основе всегда лежит связь душевной жизни как первоначально данное»², т.е. что мы воспринимаем Другого изначально целостно, а лишь затем начинаем «расчленять» это впечатление, В. Дильтей пишет:

Классы [здесь и далее выделено автором. — М. Р.] возникающих таким путем различий образуются прежде всего теми сферами, где в единообразии человеческой природы отграничиваются друг от друга обособления. Возрастные различия здесь в соображение принимать нельзя, так как они в отдельном индивиде составляют развитие его. Наиболее общим из всех различий является различие пола. Это — предмет, спорам о котором, надо полагать, конца никогда не будет, объект поэзии, тесно связанный со всей литературой, оказывающий ныне огромнейшее практическое влияние на все важные жизненные вопросы. При настоящем состоянии нашей культуры наиболее основное различие состоит, очевидно, в том, что у женщины жизнь чувства и мысли складывается на основании близко переживаемых отношений к семье, мужу, детям, тогда как мужчина под влиянием профессионального воспитания строит жизнь на более широких и объективных условиях, но зато менее непосредственно и интимно. Но вопрос о том, насколько подобные различия представляют собой последствия воспитания и насколько они являются непреодолимо данными предрасположениями, может быть постепенно разрешен только путем воспитательного эксперимента, и всякий, кто занимается человеческой природой, должен требовать возможности для разносторонних опытов. Человеческие расы, нации, общественные классы, профессиональные формы, исторические ступени и индивидуальности, — все они являются дальнейшими разграничениями индивидуальных различий в рамках единообразной человеческой природы. Лишь когда описательная психология исследует эти формы особенностей человеческой природы, будет найдено соединительное звено между нею и науками о духе. В науках о природе единообразное является господствующей целью познания; в пределах мира исторического восторг идет об обособлении вплоть до индивида. По шкале этих обособлений мы

¹ См. также с. 49 наст. изд.

² Дильтей В. Описательная психология / пер. с нем. Е.Д. Зайцевой; под ред. Г.Г. Шпета. 2-е изд. М., 1996. С. 16.

не опускаемся, а поднимаемся [выделено мной. — М. Р.]. Жизнь истории заключается в возрастающем углублении своеобразного¹.

Как было уже сказано, набор параметров (вопросник) зависит в значительнейшей степени от установки историка. В советской историографии был распространен так называемый классовый подход. На нем необходимо остановиться, поскольку рецидивы его весьма устойчивы: до сих пор распространено мнение, что личность определена своей социальной принадлежностью. Конечно же, в современных условиях этот подход не столь жёсток, но и не столь явен: если в прежние времена авторы декларировали свою приверженность классовому подходу, то у современных авторов он проникает в исследование зачастую помимо воли самого историка и не рефлексировается им.

В советской историографии считалось, что характеристики личности главным образом обуславливаются ее «классовой принадлежностью». Причем понятие класса не было четко определено. Например, применительно к авторам XIX в., в том числе и авторам историографических источников, часто употребляли характеристики «дворянский» и «буржуазный», но если буржуазию действительно можно охарактеризовать как класс, то дворянство — это сословие, весьма пестрое по своей классовой принадлежности².

Конечно же, социальная характеристика автора чрезвычайно важна. Но для того чтобы ее определить, надо сначала задать сеть координат — осмыслить ту систему социальной стратификации, в которую вы помещаете характеризуемого автора. Это могут быть классы в их ленинском понимании, это могут быть сословия (для тех периодов истории, когда они существовали), это могут быть и микрогруппы, определяемые по самым разнообразным параме-

¹ Дильтей В. Описательная психология... С. 152–153.

² Хотя это и не входит в задачи дисциплины «Источниковедение», но считаем необходимым разъяснить понятие «класс» именно в силу часто возникающей путаницы. По сию пору принято считать, что «класс» — основное понятие марксистской социологии. И это действительно так, но принятое и вошедшее в учебники определение класса («Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства») принадлежит не К. Марксу, а В.И. Ленину, и было дано им 28 июня 1919 г. в работе «Великий почин» (Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15).

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» (1848) используют это понятие в качестве ключевого, но не дают его строгого определения: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов». Такой подход предопределен публицистическим характером этого произведения. К. Маркс в своих работах при необходимости проводит конкретный социологический анализ. Примером такого анализа может служить статья К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

Излишне говорить о том, что в вышеприведенной выдержке из «Описательной психологии» В. Дильтея слово «классы» употреблено не в социологическом смысле, а в науковедческом.

трам: например, выпускники Московского университета, ветераны Афганской войны, арбатская интеллигенция, фанаты «Спартака». Естественно, что при социальной характеристике автора возможно, а часто и необходимо задать систему признаков, выстроив их иерархически.

Кроме социальных (социологических) характеристик, чрезвычайно важны характеристики психологические, принадлежность человека к тому или иному психотипу и типу темперамента: хотя бы на уровне «интроверт — экстраверт», «холерик — меланхолик — флегматик — сангвиник». Эти характеристики исследователи, как правило, вообще не учитывают, но излишне говорить, насколько они важны, причем не только при изучении отдельно взятого исторического источника, но и целых видов. Например, логично предположить, что дневники ведут только люди определенного психологического склада, а типы личности авторов мемуаров-автобиографий и мемуаров — «современных историй» различаются на уровне «экстраверт — интроверт». Но это только предположения, исследования в этом направлении находятся в зачаточном состоянии. Богатый материал здесь могут дать историческая психология и психоистория¹.

Наконец, а может быть и в первую очередь (как у В. Дильтея), стоит вспомнить, что все люди делятся на мужчин и женщин (не будем здесь касаться проблемы так называемого третьего пола). Несмотря на успешное развитие в последние годы гендерных исследований, их результаты пока еще не востребованы в источниковедении.

Итак, при изучении автора историк более или менее волен в выборе параметров при соблюдении баланса социальных и индивидуально-психологических характеристик. Все-таки и при изучении авторства, в частности социального происхождения и социального положения автора, можно дать один универсальный совет — ориентироваться на то, как автор сам себя позиционирует, о ком он пишет «мы» или «наши». Целесообразно также обратиться к той социальной стратификации, которую дают современники, например авторы публицистических произведений или художественной прозы.

Существуют разные типы авторства. Значительная часть исторических источников имеет индивидуального автора. В это понятие укладывается и наличие соавторов, каждый из которых должен быть исследован как отдельный индивидуум. Единственно отметим, что кроме индивидуальной характеристики каждого из соавторов необходимо понять, что их объединяет и как распределены между ними функции.

Индивидуального автора имеют источники личного происхождения и в значительной части источники общественного происхождения — публицистика, газетные статьи и т.п. В случае источников общественного проис-

¹ Психоистория — историческая дисциплина, изучающая мотивацию людей прошлого; ее конституирование связано с выходом книги Ллойда Де Моза (род. 1931) «Основы психоистории» (1982): Де Моз Л. Психоистория. Ростов н/Д, 2000.

хождения обостряется проблема воздействия социального контекста (например, направленность газеты при изучении газетной статьи), который в любом случае учитывается при изучении автора.

Исторические источники, порождаемые в государственной сфере (например, законы, делопроизводственные материалы и проч.), как правило, имеют так называемого коллективного автора, функции которого выполняет та или иная институция. Конечно, и в этом случае сам текст исторического источника пишет один человек или группа соавторов. Здесь исследователь должен решить, насколько необходимо (часто текстологическими методами) устанавливать степень участия конкретного индивидуума в создании исторического источника с коллективным авторством. Это в большинстве случаев зависит от вида и разновидности исторического источника. Например, при изучении законодательного акта мы фиксируем только породившую его институцию, а при изучении проектов законов зачастую необходимо обратиться к личности автора. Выше мы уже приводили пример того, как личность автора и знание конкретных обстоятельств порождения исторического источника приводят к его переквалификации из законодательных источников в публицистику.

Изучение обстоятельств создания исторического источника — исследовательская процедура, логично следующая за изучением автора. В отличие от исторических условий возникновения исторического источника, задающих необходимый социокультурный контекст, конкретные обстоятельства создания исторического источника самым тесным образом связаны с личностью автора и обстоятельствами его жизни. Как и в случае изучения социокультурных условий, историк самостоятельно и творчески определяет необходимые для его исследования характеристики обстоятельств возникновения исторического источника. Но главная задача историка при изучении обстоятельств создания исторического источника — максимально точно выяснить целеполагание, а следовательно, и окончательно (в рамках данного исследования) определить видовую принадлежность анализируемого исторического источника.

Таким образом, реализовав первые три исследовательские процедуры источниковедческого анализа, историк проверяет и уточняет гипотезу о видовой принадлежности исследуемого исторического источника. Видовая принадлежность исторического источника в значительной мере определяет способы анализа содержания.

В ряде случаев анализ происхождения востребует еще одну исследовательскую процедуру — **изучение истории текста**¹. Как правило, оно необходимо, если текст складывался не одномоментно и подвергался правке, редактуре и т.п. В структуре источниковедческого анализа изучение истории текста имеет совершенно определенное прагматическое значение — выбор того варианта текста, на основе которого мы будем изучать содержание исторического источника. Нам могут возразить историки-педанты: необходимо

¹ Фрагмент про изучение истории текста написан при участии Д.А. Добровольского.

изучать всю историю текста — от авторского замысла до последних по времени публикаций. Отчасти с этим нельзя не согласиться: изучение истории текста исторического источника может представлять самостоятельный интерес в рамках исторической и филологической субдисциплины текстологии, может иметь существенное значение при изучении творческой биографии автора, например в рамках интеллектуальной истории, отдельные этапы истории текста могут представлять существенный интерес при изучении истории цензуры, истории отдельных периодических изданий, а также при исследовании археографической практики. Но все же в рамках классического источниковедческого анализа чрезвычайно важно корректно подойти к выбору основного для нас варианта, поскольку это сэкономит массу исследовательских усилий и обеспечит точность последующего анализа содержания.

Не случайно изучение истории текста как исследовательская процедура следует за установлением видовой принадлежности исторического источника. Мы должны выбрать тот вариант текста, который реализует первичную социальную функцию исторического источника, т.е. максимально отвечает его видовой природе. Применительно к Новому, Новейшему и Постновейшему времени стоит помнить, что значительная часть исторических источников изначально создавалась с расчетом на публикацию: от газетных статей до мемуаристики — на том ее этапе, когда она преодолевает внутрифамильные рамки и пишется, чтобы быть опубликованной в виде книги, а иногда и по заказу какого-нибудь журнала или издательства. В этих случаях логично предположить, что наиболее полно социальная функция исторического источника реализуется в опубликованном варианте. Это тем более важно подчеркнуть, что среди части историков по-прежнему распространен своего рода «архивный снобизм»: такие историки глубоко и искренне убеждены, что «истинная наука» делается только в архиве, по неопубликованным, а еще лучше — по никому до поры до времени не известным историческим источникам, которые они извлекут на свет божий (введут в научный оборот). Природа этого явления была выявлена при анализе определения понятия «исторический источник» в первом разделе, и к этому вопросу мы еще вернемся в третьей главе этой части настоящего учебного пособия. Такие историки считают необходимым обращаться к рукописям автора, желательно к самому первому варианту текста исторического источника.

Давайте рассмотрим абстрактный пример. Возьмем статью (очерк), предназначенную для публикации в газете. Историк, придерживающийся вышеописанной позиции, будет искать черновики автора, утверждая, что именно в них наиболее полно и последовательно воплощен авторский замысел, который потом был «испорчен» (или как минимум деформирован) вмешательством цензора, редактора и, может быть, кого-нибудь еще. Но на уровне здравого смысла мы можем, вероятно, исходить из презумпции адекватности автора статьи, понимавшего требования и ограничения, которые накладыва-

ли как социокультурные условия в целом, так и профиль и стилистика конкретной газеты, и, вероятно, принимавшего их, раз уж он решил сотрудничать с этим периодическим изданием. Поэтому логично предположить, что автор уже в момент написания статьи «исказил» свой замысел. Слово «исказил» поставлено в кавычки не случайно, потому что речь идет не об искажении, а о понимании двуединой природы исторического источника как произведения индивидуального творчества и одновременно как продукта культуры, о чем уже много раз говорилось в данном учебном пособии. Но главное даже не в этом: свою публицистическую функцию — воздействие на читателя — статья реализует, только будучи опубликованной в газете. И не стоит забывать еще и о том, что периодическая печать имеет кумулятивный эффект воздействия на читателя и в эту аккумуляцию включается произведение в том виде, в каком оно было опубликовано.

Можно привести абстрактный пример из совершенно иной области — законодательных источников. Конечно же, на стадии выработки закона существенный интерес представляют проекты, поправки, материалы обсуждений, но нормативная функция закона реализуется в его официальной публикации, что подтверждается и тем, что, как правило, закон вступает в силу именно с момента опубликования.

Возможен и иной вариант, затрудняющий выбор текста или даже делающий его вовсе не возможным: автор (издатель) обращается к тексту источника несколько раз на протяжении длительного времени, изменяя текст в той или иной мере при каждом обращении. Так бывает с художественными произведениями или же с неоднократно публикуемыми мемуарами.

Классический пример дает история литературы. Принято считать, что роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир» (а) состоит из четырех томов, (б) содержит в себе значительные по объему вкрапления иноязычных текстов, (в) включает ряд пространных историософских рассуждений. Однако литературоведы знают, что писатель колебался как относительно уместности «употребления французского языка в русском сочинении», так и относительно структурирования текста (в первых двух изданиях, вышедших почти друг за другом в 1868–1869 гг., томов было шесть). Более того, разделив в третьем издании 1873 г. роман на четыре тома (точнее, в аутентичной терминологии, «части»), Л.Н. Толстой одновременно решил заменить все фрагменты на иностранных языках их русскими переводами и вынести «философию» в отдельную «Статью о кампании 12-го года», помещенную в приложение. Иными словами, известный нам со школы «канонический» текст объединяет черты двух редакций «Войны и мира» — редакции первого и второго полных изданий (откуда идет многоязычие и пространные рассуждения о причинах исторических событий, перебивающие основное повествование) и редакции третьего издания 1873 г. (откуда заимствована четырехчастная структура). Существуют прижизненные издания романа, дающие приблизительно то сочетание текстологических

примет, к которому привык всякий прилежный школьник. Это издания 5-е (1886), 9-е (1893) и 11-е (1903). Но подготовкой этих изданий занималась супруга писателя С.А. Толстая, получившая в середине 1880-х годов доверенность мужа на распоряжение всеми его сочинениями. Как относился к «гибридной» версии текста сам Л.Н. Толстой — неизвестно (с определенного момента писатель вообще утратил интерес к судьбе своего крупнейшего произведения). Иначе говоря, «канонический текст» «Войны и мира» является условностью, лишь до известной степени коррелирующей с авторским отношением к написанному, которое к тому же было разным на разных этапах его интеллектуальной биографии. Когда стоит задача познакомиться с романом из общекультурных соображений, условность общепринятого текста — не слишком большая проблема, однако профессиональному исследователю необходимо знать обо всех этапах складывания текста «Войны и мира», тем более что среди мотивов переработки, предпринятой в издании 1873 г., было стремление приблизить текст к восприятию «простого народа», а значит в эволюции текста воплотилось представление Л.Н. Толстого о потенциальных читателях его произведений.

Другой пример. Мемуары выдающегося советского военачальника Г.К. Жукова (1896–1974) «Воспоминания и размышления» публиковались, не считая интернет-публикаций, более десяти раз с 1969 по 2011 г., из них при жизни автора два раза — в 1969 и 1974 г. В 2002 г. издание мемуаров Г.К. Жукова было осуществлено с учетом последней прижизненной правки автора. Дополнительный тираж этого издания вышел в 2011 г.¹

С точки зрения источниковедения историографии любопытен такой пример. Один из ведущих историков сталинской эпохи академик Б.Д. Греков (1882–1953) переиздавал свой *opus magnum* «Киевская Русь» (впервые опубликован в 1935 г. под названием «Феодальные отношения в Киевском государстве») как минимум четырежды², приспособлявая оценки исторических событий IX–XII веков к меняющейся политической конъюнктуре. Два издания «Феодальных отношений в Киевском государстве» Б.Д. Грекова несут на себе непосредственный отпечаток споров о феодализме на Руси, развернувшихся в советской историографии середины 1930-х годов. В свою очередь, в переизданиях монографии, предпринятых автором в 1940-е годы, явственно ощущается характерный для позднего сталинизма поворот к великодержавной и шовинистической риторике.

В литературоведении для таких случаев применялось понятие «последняя авторская воля»³: каноническим чаще всего признавался текст последней при-

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 2 т. М., 2011. 2 т.

² 2-е изд. в 1936 г., 3-е — в 1939 г., 4-е — в 1944 г., 5-е — в 1949 г.; кончина ученого прервала работу над шестым изданием книги, вышедшим посмертно в 1953 г. Кроме того, существует отдельное издание главы VII этого труда: Греков Б.Д. Культура Киевской Руси. М.; Л., 1994.

³ В настоящее время почти не используется.

жизненной публикации. В источниковедении же дело обстоит совершенно иначе, о чем можно догадаться, если вспомнить о первых трех процедурах анализа происхождения в ходе источниковедческого анализа. Для источниковеда каждая такая публикация, включая авторские прижизненные, — отдельный исторический источник, требующий отдельного анализа исторических условий и конкретных обстоятельств создания. Если же исследование посвящено значению того или иного произведения «как исторического источника» (или «как феномена историографии») в целом, то необходимо ознакомиться со всеми версиями текста и так или иначе учесть каждую из них в интерпретации. В идеале следует выстроить ряд интерпретаций, учитывающих каждое новое состояние произведения, а затем предложить некую общую логику, которая охватит их ключевые черты; если же логика не выстраивается, то, возможно, перед нами несколько произведений, лишь механически инкорпорированных в единое целое (возможно, даже помимо воли автора).

Ученого, который восстанавливает историю текста того или иного произведения, ожидают разнообразные проблемы. Есть опасность столкнуться с утратой значительной части необходимых рукописей (нам известна лишь незначительная часть рукописного наследия домонгольской Руси) и даже изданий (особенно плохо сохраняются издания разнообразных подпольных типографий, хотя такого рода книжная продукция составляет неотъемлемую часть общественной жизни России второй половины XIX — начала XX в.). Кроме того, работая с источниками XX в., приходится принимать во внимание особый порядок использования материалов, составляющих государственную тайну, касающихся частной жизни или охраняемых авторским правом. Однако в современной гуманитаристике существует специальная дисциплина — текстология, — в рамках которой накоплен колоссальный опыт решения самых разнообразных проблем истории текста. Ознакомление с этим опытом, благо он обобщен в ряде фундаментальных трудов¹, — необходимый этап становления историка-профессионала.

С развитием компьютерных технологий исследователь сталкивается с совершенно новой ситуацией — отсутствием не только черновиков, но и рукописи как таковой. Вопросы изучения текста таких исторических источников пока не разработаны.

Очень часто исследователь (и не только начинающий, как это принято считать) имеет дело не с самим историческим источником, а с его публикацией. В этом случае необходимо понимать, что на первом этапе исследования для нас историческим источником выступает публикация, т.е. именно та книга (реже публикация в журнале), которую мы держим в руках, и отнестись

¹ В частности: *Томашевский Б.В.* Писатель и книга. 2-е изд. М., 1959; *Основы текстологии* / под ред. В.С. Нечаевой. М., 1962; *Рейсер С.А.* Основы текстологии. 2-е изд. Л., 1978; *Лихачев Д.С.* Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2001; *Его же.* Текстология: краткий очерк. 2-е изд. М., 2006; *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998.

к ней мы должны как к историческому источнику, применив все вышеизложенные процедуры источниковедческого анализа: изучение исторических условий, установление людей и институций, участвовавших в подготовке и осуществлении издания, выявление конкретных обстоятельств. Особое внимание здесь следует обратить на археографические принципы публикации, о которых речь пойдет во второй части настоящего раздела. Итогом такого анализа должно стать соотнесение публикации с публикуемым источником, суждение о том, насколько возможно исследование данного исторического источника по его публикации, какие информационные потери в этом случае неизбежны.

Итак, в ходе анализа происхождения источника мы установили видовую принадлежность исторического источника и выбрали его текст, по которому будем изучать содержание исторического источника.

1.1.4

Анализ содержания исторического источника

На этапе анализа содержания мы в первую очередь стремимся достичь максимальной степени понимания исторического источника, а затем выявляем его информационные возможности, подготавливая тем самым к использованию в дальнейшем историческом исследовании.

Интерпретация исторического источника (от *лат.* *interpretatio* — истолкование, разъяснение) — базовая составляющая процесса исторического познания, смысл которой заключается в достижении понимания исторической (источниковой) реальности на основании системы методологически выверенных исследовательских процедур.

В ходе интерпретации достигается максимально возможное понимание исторического источника. С точки зрения предлагаемой в данном учебном пособии модели источниковедения интерпретация (как это было показано в первом разделе при анализе понятия «исторический источник») представляет собой ключевую процедуру в источниковедческом анализе.

Мы оставим за пределами рассмотрения технические вопросы интерпретации, которые, как и вопросы атрибуции, решаются, как правило, в рамках вспомогательных исторических дисциплин. Вполне очевидно, что, приступая к исследованию, необходимо удостовериться, что вы понимаете язык исторического источника, приводимые в нем датировки, систему мер и т.д. Для выяснения значения незнакомых вышедших из употребления слов необходимо обращаться к историческим словарям (не путая их с толковыми, которые, впрочем, также могут оказать помощь историку), но с приобретением исследовательского опыта историк научается понимать, что, например, в XVIII в. выражение «чинить против государеву указа» означает не политический протест, а как раз наоборот — поступать в соответствии с законом; указанный

в источнике, например, «157-й год» означает не 1157 и это не ошибка писца, а это 7157 г. от сотворения мира и соответственно 1648/1649 г. от Рождества Христова и т.д.

У нас же речь пойдет об интерпретации как методе понимания Другого — автора исторического источника и той культуры, к которой он принадлежал¹.

А.С. Лаппо-Данилевский, определяя смысл и значение исследовательской процедуры интерпретации, писал:

Всякий, кто стремится к познанию исторической действительности, почерпает свое знание о ней из источников (в широком смысле); но для того, чтобы установить, знание о каком именно факте он может получить из данного источника, он должен понять его: в противном случае он не будет иметь достаточного основания для того, чтобы придавать своему представлению о факте объективное значение; не будучи уверенным в том, что именно он познает из данного источника, он не может быть уверенным и в том, что он не приписывает источнику продукта своей собственной фантазии. С такой точки зрения историк, в сущности, приступает и к изучению различных видов источников: он пытается установить, например, остатки какого именно факта или предание о каком именно факте заключаются в данном источнике, что и становится возможным лишь при надлежащем его понимании. Впрочем, если припомнить, кроме того, те принципы, которые лежат в основе понятия о собственном историческом объекте изучения, то и с такой более специфической точки зрения понимание источника станет еще более настоятельной потребностью историка: ведь приступая к изучению исторического материала, он уже исходит из признания того «чужого я», деятельности которого он приписывает возникновение данного источника, и из соответствующего понятия о последнем; следовательно, каждый исторический источник оказывается настолько сложным психическим продуктом отдельного лица или целого народа, что правильное понимание его дается не сразу: оно достигается путем его истолкования.

Итак, в широком смысле можно сказать, что *интерпретация состоит в общезначимом научном понимании исторического источника* [выделено мной. — М. Р].

Научное понимание исторического источника, в свою очередь, нуждается, однако, в некотором разъяснении. Вообще, научно понимать исторический источник значит установить то объективно-данное психическое значение, которое истолкователь должен приписывать источнику, если он желает достигнуть поставленной себе научной цели его исторической интерпретации; но, в сущности, истолкователь может придавать объективно-данное психическое значение своему источнику лишь в том случае, если он имеет основание утверждать, что он приписывает ему то самое значение, которое творец (автор) придавал своему произведению. С такой точки зрения истолкова-

¹ Процедура интерпретации в связи с развитием метода изучения исторических источников была рассмотрена в ч. I, разд. первый наст. изд.. Здесь же мы лишь акцентируем внимание на некоторых важных для нас различиях в позициях историков.

тель и интересуется главным образом психическим значением или смыслом исторического источника и устанавливает его путем интерпретации¹.

Парадигмально различные подходы к историческому познанию, соотносимые с классической и неклассической моделями науки, делают объектом интерпретации либо исторический факт, устанавливаемый путем так называемой критики исторических источников², либо исторический источник как объективированный результат творческой активности индивидуума / продукт культуры, на понимание которого и нацелена историческая интерпретация. Образцы методологической разработки интерпретации исторического факта в XIX в. дали немецкие историки И.Г. Дройзен (1808–1886) и Э. Бернгейм (1850–1942). И.Г. Дройзен определяет: «Сущность интерпретации — увидеть в былых происшествиях реальности во всей полноте их условий, которые требовали своей реализации в действительности»³. И.Г. Дройзен выделяет четыре аспекта интерпретации: прагматическую интерпретацию — реконструкцию картины исторических событий на основе проверенного в процессе критики исторического источника материала; интерпретацию условий — выяснение исторического контекста установленных в процессе исследования фактов; психологическую интерпретацию — выявление волевых актов, породивших исследуемую ситуацию; интерпретацию идей — объяснение нравственных оснований волевых актов⁴. Как мы видели, методологию интерпретации исторического источника наиболее подробно разработал А.С. Лаппо-Данилевский, который утверждал, что исторический факт устанавливается не в процессе критики исторического источника, а в процессе его интерпретации. А.С. Лаппо-Данилевский выделяет четыре взаимосвязанных метода интерпретации исторического источника: психологический, основанный на принципе признания чужой одушевленности, — истолкование исследуемого объекта как реализованного продукта чужой психической жизни, т.е. собственно признание его историческим источником; технический — «истолкование тех технических средств, которыми автор воспользовался для обнаружения своих мыслей»; типизирующий, систематический и эволюционный — соотнесение исторического источника с состоянием культуры (коэксистенциальное измерение) и со стадией культуры (эволюционное/историческое измерение), в которой источник возник; индивидуализирующий — выявление индивидуальных особенностей личности автора и характеристик его творчества⁵. На протяжении XX в. проблематика интерпретации разрабатывалась главным образом в контексте герменевтики.

Под герменевтикой (*греч.* *hermeneutike*) изначально понималось искусство толкования библейских или античных текстов. В течение XIX–XX вв.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 64–65.

² О понятии «критика исторического источника» см. с. 588 наст. изд.

³ Дройзен И.Г. Очерк истории // Дройзен И.Г. Историка. СПб., 2004. С. 475.

⁴ Дройзен И.Г. Энциклопедия и методология истории // Дройзен И.Г. Историка... С. 230–278.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 62–155.

сформировалось и иное понимание герменевтики: (1) методологическая парадигма гуманитарного/исторического знания (XIX в., В. Дильтей); (2) философская дисциплина, в которой выделяется герменевтика сознания (XIX в., Ф. Шлейермахер, В. Дильтей) и герменевтика бытия (XX в., М. Хайдеггер — онтологический аспект, Г.-Г. Гадамер — эпистемологический аспект).

Истоки герменевтики следует искать в Древней Греции, где практиковалось толкование текстов оракулов и Гомера; Аристотелем был создан трактат *Peri hermeneias* («О выражении мыслей»). Наибольшее влияние на становление герменевтики оказало толкование Библии в иудаизме (Филон) и христианстве (Ориген, Августин). Как дисциплина, не только практикующая экзегезу (толкование малопонятных текстов религиозного характера), но и разрабатывающая правила толкования, герменевтика сложилась в раннем протестантизме (Лютер, Меланхтон, Флаций). Понятие *hermeneutica* (лат.) впервые встречается у И.К. Даннхауэра (1629). Становление философской (филологической) герменевтики как учения о понимании как таковом — связано с именами И.М. Хладениуса (1710–1759), Ф. Шлейермахера (1768–1834), А. Бёка (1785–1867). Выделяют разновидности герменевтики: *перевод* (рус. «толмач», англ. *interpreter*), *реконструкция* (применительно к историческому познанию — воспроизведение смысла исторического источника, воссоздание исторической ситуации / исторических обстоятельств) и *диалог* (концепция диалога культур, диалоговый подход в гуманитарном познании). Ряд авторов соотносит разновидности герменевтики с историческими этапами ее становления¹. Первый этап — толкование/перевод воли богов (античность) и Библии (Средние века). Второй этап — реконструкция — преобладает в Новое время и реализуется в филологической герменевтике. Техники реконструкции разработаны Ф. Шлейермахером, А. Бёком. Наибольшее развитие герменевтика как реконструкция получает в концепции В. Дильтея, рассматривающего в качестве основания герменевтики описательную психологию, которой придается характер универсального метода наук о духе, в первую очередь исторической науки. Диалог культур/традиций как порождение новых смыслов преобладает в философии XX в. (Г.-Г. Гадамер, Ю. Хабермас, П. Рикёр).

Мы видим, что исторически сложившееся понимание герменевтики в некоторых его вариантах близко к интерпретации в ее источниковедческом смысле, — особенно если мы обратимся к определению, которое дает предмету герменевтики Э. Тисельтон: «В центре внимания герменевтики находится процесс чтения, понимания и анализа текстов, которые были написаны в совершенно ином историческом контексте»².

Но все же различие герменевтики и интерпретации может быть обнаружено в семантическом различии понимания и объяснения/толкования. Кроме

¹ См., например: *Майборода Д.В.* Герменевтика // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998. С. 160.

² *Тисельтон Э.* Герменевтика / пер. с англ. О. Розенберг. Черкассы, 2011. С. 7.

того, следует особо подчеркнуть, что в качестве практической герменевтики в историческом познании XIX и отчасти XX в. следует рассматривать толкование содержания исторических источников с целью конструирования исторических фактов при их подчинении логике исторического нарратива¹. При этом соотношение исторического факта и исторического нарратива адекватно описывается понятием герменевтического круга.

Герменевтический круг — это, с одной стороны, имманентное свойство понимания, фиксирующее его предпосылочный, *пред-*рассудочный характер, обусловленность, в том числе традицией, с другой стороны, базовое правило герменевтики, которое Г.-Г. Гадамер (1900–2002) описывает так:

Целое надлежит понимать на основании отдельного, а отдельное — на основании целого. Это герменевтическое правило берет начало в античной риторике; герменевтика Нового времени перенесла его из области ораторского искусства на искусство понимания. В обоих случаях пред нами круг. Части определяются целым и в свою очередь определяют целое; благодаря этому эксплицитно понятным становится то предвосхищение смысла, которым разумелось целое².

Истоки герменевтического круга обнаруживаются в античной риторике и патристике (Августин). Флаций (протестантский богослов, 1520–1575) развил учение о взаимосвязи смысла фрагментов текста и текста как целого. В Новое время герменевтический круг становится базовым правилом герменевтики как искусства понимания. Сформулировал проблему герменевтического круга Ф. Аст (1778–1841) в работе «Основные черты грамматики, герменевтики и критики» (1805), где говорит о том, что целое понимается исходя из смысла единичного, а единичное — исходя из смысла целого. Под конечным целым Ф. Аст понимал «дух истории». Проблему конкретизировал Ф. Шлейермахер: круговое движение понимания имеет объективную и субъективную составляющие. Объективная составляющая герменевтического круга — включенность отдельного текста в контекст творчества автора, творчества автора — в контекст литературного жанра и литературы вообще. Субъективная составляющая герменевтического круга — принадлежность текста душевной жизни автора. Этим составляющим герменевтического круга соответствуют «грамматическая» и «психологическая» интерпретации. Проекцию герменевтического круга на историческое познание содержит концепция В. Дильтея: понимание исторического индивидуума (индивидуума, обладающего «историческим разумом») возможно при понимании духовного мира соответствующей эпохи, что, в свою очередь, предполагает понимание «предметных остатков психической жизни». Оригинальную трактовку герменевтического круга применительно к историческому познанию дал И.Г. Дройзен:

¹ Некоторые аспекты этой проблемы рассмотрены в следующей главе.

² Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 72.

...мы понимаем то, что есть, целиком и полностью только тогда, когда познаем и уясняем его становление. Но его становление мы познаем, лишь следуя и постигая как можно точнее, каково оно есть <...>, становление и настоящее бытие мы проявляем из сущего, воспринимая его во времени и разлагая на части, чтобы понять его.¹

В философии М. Хайдеггера (1889–1976) герменевтический круг приобретает онтологический характер как базовое определение условия существования человека. В эпистемологическом плане идеи М. Хайдеггера об «онтологически позитивном смысле» герменевтического круга развил Г.-Г. Гадамер, показавший продуктивность герменевтического круга в процессе познания. Применительно к историческому познанию Г.-Г. Гадамер распознает во временной дистанции «позитивную, продуктивную возможность понимания»:

Дело же заключается в том, чтобы распознать во временной дистанции позитивную, продуктивную возможность понимания. Временной промежуток этот заполнен последовательностью событий, традиции, в свете которой и выступает для нас все предание. Тут можно говорить о подлинной продуктивности того или иного события. Каждый знает, сколь бессильно наше суждение, если временное отстояние не снабдило нас надежной мерой. Так, научное сознание в своих суждениях о современном искусстве чувствует себя порой в высшей степени неуверенным. Очевидно, что мы подходим к таким созданиям с предварительно сложившимися суждениями, недоступными нашему контролю, — они способны наделить эти создания свойством повышенного резонанса, свойством, которое не совпадает с их подлинным содержанием и с их подлинным значением. Лишь когда отомрут все такого рода актуальные связи, выступит их подлинный облик, лишь тогда откроется возможность понимания того, что действительно сказано ими, понимания того, что с полным основанием может притязать на общезначимость. Кстати говоря, сама по себе фильтрация подлинного смысла, заключенного в тексте или в художественном создании, есть бесконечный процесс. Фильтрует временное состояние, а оно пребывает в непрестанном движении, оно увеличивается, и в этом продуктивность его для понимания. В результате предрассудки частного характера отмирают, а выступают наружу те, что обеспечивают истинное понимание².

Эту концепцию развивает далее П. Хаттон, который выявляет продуктивную роль традиции в процессе понимания и анализирует новые условия существования герменевтического круга при постмодернистском разрушении традиции³.

Несмотря на то что в современном гуманитарном познании существует устойчивая тенденция отождествлять герменевтику с интерпретацией, в стро-

¹ Дройзен И.Г. Энциклопедия и методология истории... С. 232.

² Гадамер Г.-Г. О круге понимания... С. 80.

³ Хаттон П. История как искусство памяти: пер. с англ. СПб., 2003. С. 368–397.

гом методологическом смысле *исследовательскую процедуру интерпретации в источниковедении* следует отличать от герменевтического подхода в истории. В историческом познании не следует смешивать герменевтический круг как способ понимания, основанный на *пред-рассудке*, на пробрасывании смысла, с осознанной экспликацией контекста в процессе исторической интерпретации. В неклассической и постнеклассической моделях науки применительно к историческому познанию принципиально важно различать герменевтику и интерпретацию исторического источника, поскольку герменевтические процедуры, преобладающая в XX в. *диалоговая разновидность герменевтики* в строгом смысле имеют целью не научное познание, но истолкование исторического источника с позиции *читателя*, а также истолкование исторических фактов в контексте определенного нарратива.

Еще раз подчеркнем, что различие герменевтического подхода и интерпретации как процедуры научного познания может быть обнаружено в семантическом различии толкования/объяснения и понимания. Следует признать, что необходимое методологическое различие этих понятий не всегда легко реализуемо в исследовательских практиках исторической науки.

Установление достоверности исторического источника. Прежде всего не следует путать *подлинность* и *достоверность* исторического источника. Это совершенно разные понятия, спутать их сложно, но совершенно необъяснимым образом многие поколения студентов испытывают сложности с их различием. Поэтому еще раз разъясим: источник подлинный, если он создан в то время, в том месте и тем автором, как это указано в самом историческом источнике или легко читается по контексту. Понятие, противоположное подлинности, — фальсификация. Подлинность исторического источника устанавливается с применением технических навыков, вырабатываемых преимущественно вспомогательными историческими дисциплинами. При этом излишне пояснять, что фальсификация, будучи выявленной, не утрачивает свойств исторического источника: это исторический источник, созданный в другое время и другим автором, преследовавшим собственные цели.

С тем чтобы не путать подлинность и достоверность, можно уточнить формулировки: если в случае подлинности речь идет о подлинности самого исторического источника, то в случае достоверности корректнее говорить о достоверности его информации. И проблемы здесь уже не технические. Определение понятия «достоверность» выглядит простым только с точки зрения *классического типа рациональности*, для которого задача науки — постижение объективной реальности, в том числе объективной реальности прошлого. В этом случае действительно все очень просто: информация источника достоверна, если она соответствует этой самой «объективной реальности». Способом установления достоверности выступает так называемая критика

исторического источника, основанная на здравом смысле историка и в качестве метода использующая, как правило, лишь сопоставление информации разных источников. Классическое описание этой модели принадлежит уже упоминавшемуся Болингброку:

Защищенный от обмана, я могу смириться с неосведомленностью. Но когда исторические записи не полностью отсутствуют, когда одни из них были утрачены или уничтожены, а другие сохранены и получили распространение, тогда мы подвергаемся опасности быть обманутыми; и поистине должен быть слеп тот, кто принимает за правду историю какой бы то ни было религии или народа, а в еще большей мере — историю какой-либо секты или партии, не имея возможности сопоставить ее с другой исторической версией. Здравомыслящий человек не будет так слеп. *Не на единственном свидетельстве, а на совпадении свидетельств станет он утверждать историческую истину* [здесь и далее выделено мной. — М. Р.]. Если совпадения нет вовсе, он не будет доверять ничему; если оно есть хоть в чем-то немногом, он соразмерит соответственно свое согласие или несогласие. Даже слабый луч света, блеснувший из чужеземного исторического повествования, часто разоблачает целую систему лжи; и даже те, кто заведомо извращает историю, нередко выдают себя в результате невежества или небрежности <...>. Если же говорить о предмете в целом, то во всех этих случаях нас обмануть всерьез нельзя, если мы сами этого не захотим.

Во всех других случаях делать это — еще меньше смысла, ибо когда историй и исторических хроник вполне достаточно, то даже те, что ложны, способствуют обнаружению истины. Вдохновляемые разными страстями и задуманные во имя противоположных целей, они противоречат друг другу, а противореча, — выносят друг другу обвинительный приговор. Критика отделяет руду от породы и извлекает из различных авторов всю историческую правду, которая лишь частично могла быть найдена у каждого из них в отдельности; критика убеждает нас в своей правоте, когда она основывается на здравом смысле и излагается беспристрастно. Если этого можно достичь благодаря историческим сочинениям, авторы которых сознательно стремились к обману, то насколько легче и эффективнее можно сделать это с помощью тех, кто с большим уважением относился к истине? Среди множества авторов всегда найдутся такие, кто неспособен грубо исказить правду, опасаясь разоблачений и позора, в то время как он ищет славы, или же такие, кто придерживается истины, исходя из более благородных и твердых принципов.

Очевидно, что все они, включая даже последних, могут ошибаться. Находясь в плену у той или иной страсти, первые способны время от времени распространять ложь или скрывать правду, подобно тому живописцу, который <...> нарисовал в профиль портрет государя, у которого был только один глаз¹.

¹ Болингброк [Г.С.-Дж.]. Письма... С. 49.

В неклассической модели исторической науки понятие достоверности меняется. Исследователи начинают проявлять интерес не только к «объективным фактам, которые можно извлечь из источника» (по-прежнему распространенный дискурс, маркирующий сохранение классического типа рациональности у современных нам авторов), но и к субъективности автора, его мировидению. Конечно, и в этом случае никто не отменяет проверку так называемой фактической информации исторического источника, но исследователь уже не ставит задачу «отбросить» субъективность автора, но видит в ней самостоятельный предмет исследования, без изучения которого невозможно адекватно воспринять информацию исторического источника. Именно в неклассической модели исторической науки применяется принцип признания чужой одушевленности¹. Неклассический тип рациональности предполагает ответ на вопрос об искренности автора, наличии или отсутствии умышленного искажения реальности (естественно, субъективной реальности автора, а не «объективной реальности истории»). Конечно, этот подход требует более тонкого исследовательского инструментария, который не может быть в полной мере формализован.

Несмотря на то что неклассическая модель науки сменяет классическую в конце XIX в., проявления классического типа рациональности мы обнаруживаем и у авторов весьма недавнего времени. Выше уже приводились слова П.А. Зайончковского из предисловия к указателю «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях современников»: «...ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна»².

Постнеклассический тип рациональности востребует главным образом герменевтическую модель определения достоверности, критерием которой выступает согласование части и целого.

Позиционируемая в настоящем учебном пособии неоклассическая модель источниковедения предполагает рассмотрение проблемы достоверности информации исторического источника через призму понятия «эмпирическая реальность исторического мира», при этом акцентируя внимание как на личности автора, особенностях его мировосприятия, так и на включенности исторического источника в систему видов, свойственную определенной культуре, что позволяет эксплицировать скрытые интенции автора, влиявшие не только на характер представления информации в историческом источнике, но и на отбор ее, что вынуждает поставить проблему полноты информации исторического источника.

Понятие полноты информации исторического источника. При вышеизложенном понимании достоверности очевидно, что понятие полноты с ним связано самым непосредственным образом.

¹ См. с. 46–54, 58–61 наст. изд.

² История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннот. указ. М., 1976. Т. 1. С. 4.

На наш взгляд, применительно к классической модели исторической науки понятие полноты информации исторического источника не может быть определено в принципе. Если в этом случае ставится вопрос о полноте информации исторического источника, то речь идет не о выявлении свойств самого исторического источника, а о соотношении его информации с изучаемым историком «фрагментом исторической реальности».

Понимание исторического источника не как резервуара информации, а как культурного феномена, заслуживающего не так называемую критику, а полноценный источниковедческий анализ, заставляет поставить проблему полноты в двух взаимосвязанных планах: во-первых, полноты по отношению к видовой модели; во-вторых, выявления сознательного замалчивания автором той информации, которой он владел, но не считал нужным включить в созданный им исторический источник, хотя видовая модель такую информацию и предполагает. Например, вполне очевидно, что историк по-разному отнесется к отбору информации в мемуарах-автобиографиях и мемуарах — «современных историях». Полнота кодекса (уложения) или свода законов определима только по отношению к регулируемым ими сферам социальной действительности. В частности, мы можем судить о полноте Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. с точки зрения охвата тех деяний, которые считались преступлениями в период его действия. Для суждения об этом необходимо изучение юридической практики, вновь принимаемых законодательных актов и сравнение с Уголовным уложением 1903 г., в котором была уже предусмотрена, например, ответственность за участие в политическом (революционном) движении. Установление полноты материалов статистического обследования возможно по отношению к его программе и т.д.

Излишне говорить, что с точки зрения позиционируемой в настоящем учебном пособии концепции источниковедения изначальная исследовательская гипотеза о видовой природе исторического источника, проверенная на этапе анализа его происхождения, работает при определении достоверности и установлении полноты изучаемого исторического источника.

Таким образом, анализ содержания имеет своим результатом вывод о возможностях и перспективах использования исторического источника в историческом исследовании. За процедурой источниковедческого анализа в структуре оригинального источниковедческого исследования следует процедура источниковедческого синтеза. Но прежде чем приступить к ее изложению, остановимся на часто упоминавшемся в предшествующих параграфах понятии «критика исторического источника».

Различение понятий «источниковедческий анализ» и «критика исторического источника» имеет принципиальное значение: последнее соответствует пониманию исторического источника в классической модели науки и в современных условиях явно устарело.

1.2

КРИТИКА ПОНЯТИЯ «КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА»

В исторической литературе и еще чаще в устных выступлениях историков мы по сию пору встречаем словосочетание «критика исторического источника». Это понятие, по сути дела, выступает дискурсивным маркером классической модели исторической науки, существовавшей в XVIII–XIX вв., когда в качестве цели изучения исторического источника выступало определение его достоверности, понимаемой как соответствие его информации так называемой «объективной реальности» прошлого.

И.Г. Дройзен среди задач критики исторического источника выделял определение подлинности и достоверности. Результат исторической критики, включая критику исторического источника, по И.Г. Дройзену, — получение проверенного материала для дальнейшего исследования, т.е. исторической интерпретации, о чем шла речь выше. Ш.-В. Ланглуа (1863–1929) и Ш. Сеньобос (1854–1942) выделяли внешнюю (подготовительную) критику исторического источника и внутреннюю критику исторического источника, которую четко не отделяли от интерпретации (герменевтики). Деление критики исторического источника на внешнюю и внутреннюю получило широкое распространение в источниковедении, особенно в дипломатике. Но еще раз подчеркнем, что в современном источниковедении применимы понятия «источниковедческий анализ» и «интерпретация исторического источника» как его важнейшая составляющая.

1.3

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ СИНТЕЗ

Рассмотренные в предыдущих параграфах процедуры источниковедческого анализа, как уже отмечалось, имеют универсальный характер и с необходимостью применимы в любом научном исследовании в качестве подготовительных операций для определения информационных возможностей вовлекаемых в исследование источников. В этом смысле источниковедение и выступает в роли *инструмента исторического исследования*.

Но, как было показано в первом разделе настоящего учебного пособия, на протяжении XX в., начиная со становления неклассического типа рациональности, источниковедение проявляет тенденцию к конституированию в самостоятельную дисциплину (субдисциплину) исторической науки. Маркером такой трансформации выступает превращение исторического источника в самостоятельный предмет исследования. Исторический источник как культурный феномен начинает вызывать самостоятельный исследова-

тельский интерес, реализуемый в ходе источниковедческого исследования, начальным этапом которого становится источниковедческий анализ, а завершающим — источниковедческий синтез. Конечно, рассматривать проблематику источниковедческого синтеза в разделе, посвященном источниковедению как инструменту исторического исследования, не совсем уместно, но мы вынуждены построить изложение именно так, чтобы не разрывать взаимосвязанные процедуры источниковедческого анализа и источниковедческого синтеза.

Источниковедческий синтез — следующая за источниковедческим анализом, завершающая процедура самостоятельного источниковедческого исследования, цель которого — конструирование исторического источника как феномена культуры.

Объектом такого исследования могут выступать как отдельно взятый исторический источник или вид исторических источников, так и группа исторических источников, выделенная по какому-либо, но осмысленному критерию. Например:

- Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов (М., 2004), Маньков А.Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России (Л., 1980); Лурье Ф.М. Хранители прошлого: журнал «Былое» (СПб., 1990);

- Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века (СПб., 2001), Азбелев С.Н. Новгородские летописи XVII века (Новгород, 1960), Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование (М., 2012), Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник (М., 1944), Андреев В.Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. (Л., 1986), Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов (СПб., 2004), Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX в.: источниковедческое исследование (М., 1976), Рыбаков Ю.Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX века (источниковедческие очерки) (М., 1986);

- Ковальский Н.П. Источники по истории Украины XVI — первой половины XVII в. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА: учеб. пособие (Днепропетровск, 1979), Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации: XIX — начало XX вв. (М., 1979), Воронкова С.В. Массовые источники по истории промышленности России конца XIX — начала XX века (М., 1995), Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / отв. ред. И.Д. Ковальченко (М., 1979).

Результат источниковедческого синтеза самодостаточен, в отличие от результата источниковедческого анализа. Результат источниковедческого синтеза — представление исторического источника как социокультурного феномена, выявление его места в видовой структуре корпуса исторических источников, порожденных определенной культурой, и, соответственно, его

функционирования в этой культуре, что позволяет в дисциплинарных рамках источниковедения проводить культурологические компаративные исследования.

Стоит обратить специальное внимание на присутствующие в исследовательской практике типичные формулировки тем источниковедческих исследований, которые маркируют различные подходы к изучению исторического источника. Особенно отчетливо эта специфика проявляется в квалификационных работах.

По-прежнему часто встречаются формулировки, которые выглядят следующим образом (для наглядности возьмем какой-нибудь классически известный исторический источник, например мемуары С.Ю. Витте¹, и рассмотрим варианты).

1. *Что-то как источник по истории чего-то*: «Мемуары С.Ю. Витте как источник по истории российских финансов на рубеже XIX–XX вв.».

2. Или еще более ученический и еще более далекий от научного вариант: *История чего-то по такому-то источнику* (в таком-то источнике): «Финансы России на рубеже XIX–XX вв. по мемуарам С.Ю. Витте».

Такие формулировки на современном уровне состояния науки нельзя признать корректными, причем как с общеисторической точки зрения, так и со специальной источниковедческой. С общеисторической они в очередной раз отсылают нас к классическому типу рациональности, а с источниковедческой — жестко соответствуют рассмотренной в первом разделе парадигме источниковедения, базирующейся на определении «источник — это всё...».

В современном источниковедении сложилось два типа формулировок.

1. *Что-то как исторический источник*: «Мемуары С.Ю. Витте как исторический источник». В такой формулировке наиболее полно воплощается инструментальная функция источниковедения. Выполненное в точном соответствии с ней исследование как раз и предполагает последовательное и полномасштабное выявление информационных возможностей исторического источника для дальнейшего использования в историческом исследовании. От приведенной выше формулировки «Мемуары С.Ю. Витте как источник по истории российских финансов на рубеже XIX–XX вв.» ее отличает отсутствие изначальной заданности и нацеленность на максимально полное выявление информационного потенциала исторического источника.

2. *Наименование исторического источника: источниковедческое исследование*. «Мемуары С.Ю. Витте: источниковедческое исследование». Такую формулировку можно назвать классической в современном источниковедении, поскольку она наиболее полно воплощает цель изучения исторического источника как самостоятельного и самоценного социокультурного феномена.

¹ Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (с 1903 г.), председатель Совета министров (октябрь 1905 — апрель 1906). Мемуары С.Ю. Витте публиковались много раз, наиболее полная публикация: Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. М.: Соцэкгиз, 1960. 3 т.

В отечественной историографии точкой водораздела между приведенными подходами к формулировке темы можно назвать монографию А.Г. Тартаковского «1812 год и русская мемуаристика», а точнее союз «и», который соединяет две составляющие заголовка. В обращении к читателю «Вместо введения» исследователь пишет:

При беглом взгляде на название книги может сложиться впечатление, что ее тема — отражение эпохи 1812 года в русских мемуарах. Но тогда и называться книга должна была бы «1812 год в русской мемуаристике». Между тем она не случайно озаглавлена «1812 год и русская мемуаристика». Эта незначительная, казалось бы, деталь — замена одной, в сущности, буквы — таит в себе принципиально иной смысл: влияние эпохи 1812 года на судьбы русской мемуаристики <...>.

Бесспорно, <...> что мемуаристика представляет интерес не только тем, что и как она отображает, но и самим фактом своего возникновения и существования в качестве длительно бытующей культурно-исторической традиции.

<...> мемуаристика как феномен культуры, как неотъемлемый компонент духовной жизни русского общества — вот под каким углом зрения будет освещаться тема этой книги¹.

Еще один вариант формулировки, который к источниковедческим можно отнести условно: *Исторический сюжет: источники и методы исследования*: «Финансы России на рубеже XIX–XX вв.: источники и методы исследования». От формулировки «Финансы России на рубеже XIX–XX вв. по мемуарам С.Ю. Витте» ее очевидным образом также отличает отсутствие изначальной заданности. Такая формулировка и соответствующее ей исследование правомерны тогда, когда мы имеем дело со столь сложным историческим феноменом, для изучения которого нам трудно задать приемлемую гипотезу и на ее основе сформировать источниковую базу. Такого рода исследования строятся по тем же принципам, что и источниковая база исторического исследования, о чем речь пойдет в третьей главе этой части учебного пособия.

Очевидно, что формулировка темы весьма жестко задает характер и направление исследования. Правда, в исследовательской и особенно в учебной практике автор часто дает название «по шаблону» и не рефлексировать ту специфику исследования, которая изначально задана формулировкой темы.

Все вышесказанное относится и к исследованиям, объектом которых является видовой комплекс исторических источников. Правда, в таких случаях обзор часто — на практике — преобладает над источниковедческим анализом и синтезом.

Внутридисциплинарный результат источниковедческого синтеза, т.е. такой результат, который будет востребован в дальнейших источниковедческих исследованиях, — уточнение видовой модели исторического источника, конкретизация ее применительно к той или иной социокультурной ситуации — историческому периоду, уточнение межвидовых связей и взаимодействий в структуре соответствующего корпуса исторических источников.

¹ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 3.

2

глава

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Источниковедческий подход к изучению историографических источников — это применение метода источникововедения к изучению историографических источников. Источниковедческое изучение историографического источника — исторического произведения предполагает определение его видовой природы, изучение авторства и обстоятельств создания и далее — анализ содержания в контексте породившей данное произведение историографической культуры.

Историки уже привыкли рассуждать о прошлом, как о «чужой стране»¹. В связи с этим вместе с современным историком Дж. Горманом зададим вопрос: насколько приемлемо такое «отчуждение» для историков историографии — ведь историография для нас «в значительной мере та же самая страна»?² Эти слова — не просто красивая фигура речи и не намек на определенную апорию, а утверждение необходимости выработки особых подходов к изучению историографических источников.

2.1

СТРУКТУРА ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Основой источникововедческого подхода к историографическим источникам выступает источникововедческий анализ. Как и при источникововедческом

¹ Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб., 2004.

² Gorman J. Historical Judgement: The Limits of Historiographical Choice. Montreal; Kingston; Ithaca, 2008. P. 120.

изучении исторических источников иных видов, источниковедческий анализ историографических источников имеет несколько этапов:

- анализ происхождения (изучение исторических условий и обстоятельств создания историографического источника, его авторства);
- анализ содержания в соотнесении с историографической культурой его времени;
- историографическая деконструкция (специфичный для историографических источников этап).

Наиболее существенное значение в источниковедческом изучении историографического источника имеет установление его видовой принадлежности. Приступая к анализу историографического источника, исследователь уже имеет определенную гипотезу о его видовой природе. Она появляется при знакомстве с названием историографического произведения, например «История России: учебное пособие» или «История России с древнейших времен» в 29 томах. Названия указанных произведений дают возможность предположить, что первое относится к такому виду историографических источников, как учебные пособия по национально-государственной истории, а второе — к национально-государственным нарративам. Однако историк не должен ориентироваться только на название (подзаголовки), а должен самостоятельно, в ходе источниковедческого анализа, определить принадлежность историографического источника к научной истории или социально ориентированному историописанию и выявить его видовую природу. Видовая принадлежность историографического источника устанавливается на этапе анализа его происхождения.

2.2

АНАЛИЗ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Изучение происхождения историографического источника проходит по той же исследовательской схеме, что и изучение любого другого исторического источника. Обратим внимание лишь на некоторые специфические аспекты.

При изучении исторических условий создания историографического источника необходимо сосредоточить внимание на историографической культуре этого периода¹. Изучение историографической культуры и исто-

¹ Во избежание терминологической путаницы мы используем понятие «историографическая культура», понимая под ней свойственные отдельным культурам социальные функции исторического знания и способы изучения истории и историописания. В литературе встречается понятие «историческая культура», введенное в историческую науку французским историком и куль-

риографического процесса позволит избежать ошибок при изучении личности автора и обстоятельств создания историографического источника. В ряде случаев некоторые затруднения может вызвать установление авторства исторического произведения.

Конечно, мы привыкли к тому, что авторы обычно обозначены на титульном листе книги, в разделе «Содержание» сборника научных статей, тезисов и т.д. Современный исследователь чаще всего имеет дело с атрибутированными историографическими источниками, которые имеют указание на автора, место и год издания. Но если историк обратится, например, к такому небезызвестному историческому произведению, как «Записки касательно российской истории» в шести частях (СПб., 1787–1794), он не обнаружит в заголовке имени автора и сможет его установить (а это императрица Екатерина II), воспользовавшись историографической литературой².

При изучении историографии XVIII–XIX вв. исследователь часто встречается с журнальными статьями, подписанными только инициалами автора. Например, установить автора историографического источника «О пользе истории и о различии между историками древними и новыми (сокращенный перевод, извлечено из Ансильона)», подписанного инициалами «А.Л.», опубликованного в 1826 г. в журнале «Вестник Европы»³, не так просто. Обратив внимание на текст («извлеченный» из историко-философских эссе немецкого историка и политика Ф. Аксильона (1767–1837)), можно отметить, что автор выбрал из работ немецкого историка рассуждения о стремлении новейших историков к поиску научной истины, достижение которой выше узконациональных предубеждений. Историографический анализ и знакомство с научной позицией профессора Московского университета М.Т. Каченовского позволит выявить близость к ней идей, присутствующих в тексте «А.Л.». Это обстоятельство сужает круг поисков, заставляет обратить внимание на студентов этого университета, среди которых был автор перевода А.Ф. Леопольдов (1800–1875, окончил университет в 1826 г.).

Иногда встречаются историографические источники, изданные под псевдонимом: например, «О мнимой древности, первобытном состоянии

турологом Б. Гене. Он предложил в рамках «исторической культуры» рассматривать «историческую культуру историков» и «историческую культуру остальных людей» (см.: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 343–371). По мнению современных историков, «историческая культура» — это явление интеллектуальной сферы того или иного времени, представляющее комплекс теоретических, идеологических, обыденных представлений о прошлом, а также способы его объяснения как на бытовом уровне, так и в рамках «ученой культуры» (см.: Ретина Л.П. Введение. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы начала Нового времени. М., 2006. С. 10).

² Например: *Пейтич С.Л.* Русская историография XVIII в.: в 3 ч. Л., 1961–1971.

³ [Леопольдов А.Ф.] А.Л. О пользе истории и о различии между историками древними и новыми // Вестник Европы. 1826. № 11. С. 193–213.

и источниках наших летописей, сочинение Сергея Скромненко» (СПб., 1835) или «О недостоверности древней русской истории и ложности мнения касательно древности русских летописей» (СПб., 1834), подписанный «С. Скромненко». В данном случае Сергей Скромненко — это псевдоним историка С.М. Строева. Однако чтобы установить авторство (и по ошибке не указать «С. Скромненко»), необходимо как минимум познакомиться с исследованиями, в которых анализируется историографический процесс первой половины XIX в.

При изучении личности автора историографического источника необходимо кроме общих для изучения личности автора характеристик обратить внимание на его профессиональные интересы, его профессиональную деятельность и круг научного общения.

Изучение обстоятельств создания историографического источника — исследовательская процедура, не просто логично следующая за изучением личности автора, но и дополняющая его. Она аналогична процедуре изучения обстоятельств создания любого исторического источника. Конкретные условия создания историографического источника связаны с обстоятельствами жизни создавшего его историка. Так, изучение обстоятельств появления вышеприведенных произведений С.М. Строева дает возможность предположить их полемический характер. Историк как представитель «скептической школы» вел в этих произведениях полемику с ее противниками. Таким образом, знакомство с условиями, вызвавшими конкретную практику историописания, помогает установить целеполагание автора работы «О мнимой древности, первобытном состоянии и источниках наших летописей...», а значит, на уровне гипотезы определить видовую принадлежность изучаемого историографического источника (в данном случае это материалы историографических дискуссий). Окончательно видовая принадлежность может быть установлена при проведении анализа содержания историографического источника.

2.3

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Анализ содержания историографического источника направлен в первую очередь на выявление представленного в нем исторического знания, его типа (научный или социально ориентированный), его парадигмальных оснований и связей с историографической культурой своего времени.

Анализ содержания историографического источника имеет некоторые особенности и нюансы, внимание к которым позволяет решить задачи этого этапа источниковедческого исследования наиболее корректным образом. Следует обратить внимание на задействованные в историческом произведении исторические источники и литературу (ссылки и библиографический список, если они есть), на отношение автора к трудам его предшественников, обоснование им актуальности и новизны собственного исследования, а также на характер дискурса. При анализе содержания статьи следует обратить внимание на соотношение избранного для изучения вопроса / научной проблемы и тематической направленности сборника статей или журнала.

Как правило, анализ этих составляющих труда историка позволяет сделать окончательный вывод о видовой природе историографического источника и принадлежности его к научной истории или социально ориентированному историописанию.

Например, анализ содержания произведения А.П. Щапова (1831–1876) «Великорусские области и Смутное время (1606–1613 г.)», опубликованного в журнале «Отечественные записки» в 1861 г.¹, позволяет определить, что его видовые признаки соответствуют историческому очерку, так как отсутствуют библиографические ссылки и в тексте встречаются нарративные приемы, недопустимые для научной статьи (например, замечание Щапова: «Не знаю, как смотрят на смутное время гг. Костомаров и Погодин»²). Кроме того, современный исследователь не может пройти мимо авторского замечания о своем произведении, помещенного в самом конце теоретического обоснования концепции: «...предлагаю читателям “Отечественных записок” <...> *общий очерк* [выделено мной. — С. М.] политической самодеятельности великорусских областных общин в смутное время (1606–1613 г.)»³.

Проведенная процедура совершенно не лишняя, так как авторы историографических работ иногда, следуя за редакторским указанием в октябрьском и ноябрьском номерах журнала («статья первая», «статья вторая»), называют произведение Щапова статьей⁴ (деконструкцию произведения А.П. Щапова мы проведем ниже).

Исследователь может столкнуться с ситуацией, когда анализ содержания историографического источника позволит ему выявить признаки сразу нескольких видов историографических источников. В качестве примера

¹ Щапов А.П. Великорусские области и Смутное время (1606–1613 г.): Статья первая // Отечественные записки. 1861. Октябрь. С. 579–606; Статья вторая // Там же. Ноябрь. С. 79–118.

² Там же. Ноябрь. С. 84.

³ Там же. Октябрь. С. 586.

⁴ См.: Усанов В.И., Лабузов В.А. Историография отечественной истории с древнейших времен до 1917 г. Курс лекций: в 2 ч. Ч. 2. Эпоха капитализма. Оренбург, 2000. С. 20.

приведем опубликованную в «Вестнике Европы» работу М.Т. Каченовского «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке» (1811). Зная, что в это время публиковался переведенный на русский язык известный труд «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.Л. Шлёцером» (в 3 ч. СПб., 1809–1819), можно предположить, что статья Каченовского (под таким же названием) есть не что иное, как рецензия на произведение А.Л. Шлёцера. Однако анализ содержания историографического источника позволяет установить, что он имеет характер скрытой дискуссии (не названы оппоненты) с теми, кто считает, что историческая критика, подвергающая сомнению не подтверждаемые историческими источниками конструкции прошлого, не нужна русскому читателю¹.

При изучении такого научного исследования, как монография, важно предварительно проанализировать заголовок издания, аннотацию, оглавление, библиографический список, а затем следует познакомиться с введением к работе. Данная процедура очень важна для выявления авторской рефлексии о собственном научном исследовании. Во втором разделе учебного пособия мы уже приводили примеры некорректного определения автором или издательством классификационных характеристик научных исследований. В связи с этим историку на основании анализа научного исследования следует подтвердить его принадлежность к монографии как виду историографических источников или уточнить его иную видовую принадлежность.

Данная процедура применяется ко всем видам историографических источников, но еще раз повторим: в первую очередь к тем, в отношении видовой принадлежности которых у историка имеются сомнения.

2.4

ПРОЦЕДУРА ДЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Более глубокий анализ историографического источника достигается при проведении процедуры деконструкции. Деконструкция (фр. *déconstruction*) — понятие, введенное в современную философию Ж. Деррида² (1930–2004). В нашем случае это не направление постмодернистского кри-

¹ Каченовский М.Т. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке // Вестник Европы. 1811. Ч. 59. № 18–19.

² См., например: Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.

тицизма, а процедура расслоения, разборки структур историографического источника: исторических (построенных на данных исторических источников), теоретических, риторических для уточнения места изучаемой работы в историографической культуре ее времени.

Применяя данную процедуру, историк исходит из того, что прочтение текста (даже специалистом) может быть лишено глубины, необходимой для анализа, так как автор историографического источника пытается быть убедительным и навязывает читателю свое понимание, старается с помощью большей или меньшей доказательности вести его за собой.

Следует заметить, что вопрос об этапах работы историка над текстом, следовательно, и о процедурах анализа текста сегодня остается открытым, и мы выделим несколько мнений. Л.Ж. Голстейн полагает, что историописание — это двухэтапный процесс: *исследование и литературная обработка*¹. По мнению П. Рикёра (1913–2005), для анализа работы историка подходит понятие «*историографическая операция*» (*operation historiographique*)². Она состоит из трех фаз: *документальной, объяснения* (объяснения/понимания) и *литературной*³. Указанные П. Рикёром фазы не означают самостоятельность и расчлененность выстроенных в вертикальной проекции трех процедур, произведенных историком, текст которого мы изучаем, например: сначала первая «оперативная фаза», затем вторая и только потом третья. Вот как об этом пишет сам Рикёр:

Термин «фаза» предлагается для характеристики трех частей историографической операции. Использование этого термина не должно порождать двусмысленности: речь идет не о хронологически различных стадиях, а о методологических моментах, как бы наслаивающихся друг на друга: достаточно указать на то, что никто не обращается к архиву, не имея предварительно собственного проекта объяснения, собственной гипотезы.

Точно так же никто не возьмется объяснять ход событий, не прибегнув намеренно к литературной форме, будь то нарративного, риторического характера — либо заведомо из разряда вымысла. Понятие «оперативная фаза» не должно предполагать какой-либо хронологической последовательности. Фазы становятся стадиями, последовательными этапами линейного развития лишь тогда, когда мы здесь говорим о моментах развертывания историографической операции⁴.

¹ Goldstein L.J. The What and the Why of History: Philosophical Essays. Leiden; N.Y.; Köln, 1996. P. 119–129.

² П. Рикёр заимствовал это выражение у французского историка и антрополога М. де Серто (1925–1986), который использовал его в работе «История как письмо» (см.: *Certeau M., de. L'Écriture de l'histoire*. P., 1975).

³ Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 191–193.

⁴ Там же. С. 192.

Таким образом, каждая оперативная фаза в работе историка связана с двумя другими, зависит от них и довольно часто накладывается на них. Однако при анализе историографического источника, а в данном случае — его деконструкции как исторического текста, рефлексия о фазах историографической операции историка предоставляет возможность проведения процедуры разделения этих фаз и тем самым обеспечивает корректность понимания цели порождения исторического текста и авторской специфики работы.

Например, обратив внимание на документальную фазу работы Б.А. Рыбакова (1908–2001) «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.» (М., 1982), особенно в той части произведения, где автор исследует вопросы возникновения ранней формы государственности и градостроительства у восточных славян (V–VI вв. н.э.), историк придет к выводу, что советский ученый привлек материалы археологических раскопок в Приднепровье, труды римских и византийских писателей, а также древнерусские летописи. Но его отношение к сообщениям последних оказалось зависимым от авторской идеи о раннем происхождении города Кия в V в. Процедура деконструкции текста Б.А. Рыбакова дает возможность обнаружить, что если сообщение киевского летописца, подкреплявшее его идею, он сопроводил словами: «Научная добросовестность [sic! — С. М.] летописца не позволила ему фантазировать на эту тему», то древнерусских книжников (новгородских), писавших иначе, он назвал «провинциальными комментаторами»¹.

Таким образом, выделив в единой связке две оперативные фазы историографической операции — документальную и литературную, мы можем отметить, что риторический прием, демонстрирующий отношение историка к сообщениям авторов исторических источников («научная добросовестность» — «провинциальные комментаторы»), призван утвердить читателя в правильности интерпретации Б.А. Рыбаковым исторических источников и в итоге сделать более убедительным празднование 1500-летия города Киева в 1982 г.

Другой пример позволяет увидеть при деконструкции зависимость документальной фазы историографической операции от идеологии, которая была заложена в основу оперативной фазы объяснения. В книге «Край наш Ставрополье: очерки истории» (1999), автор главы (Д.В. Кочура), посвященной событиям 1917–1920 гг., постарался придать тексту качество максимальной надежности, однако деконструкция текста позволяет обнаружить осознанно выбранную автором стратегию ненаучной работы с историческими источниками. В книге читаем: «По признанию командующего Доброармией, многие офицерские полки, в частности, полки им. Корнилова, Маркова

¹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 92–93.

и другие, имевшие по 5 тыс. человек, выходили из боя при наличии от 200 до 500 человек». После этого дана сноска на «Очерки русской смуты» А.И. Деникина (1872–1947) в журнале «Вопросы истории» (правда, без указания страницы, указан лишь номер журнала)¹. Найдя это место в опубликованном произведении русского генерала, мы обнаруживаем иной смысл сообщения. «Особенно тяжкие потери легли на старые Добровольческие части, — пишет Деникин, — 1-й Офицерский генерала Маркова полк и Корниловский полк. Известно ли вам, господа, что Корниловский полк, насчитывающий сегодня едва 500 бойцов, провел через свои ряды свыше 5 тысяч!» Эти потери, как отметил генерал, следовали не после каждого боя (как представлено в книге «Край наш Ставрополье»), а «за два похода на Кубань»². В данном случае, рассказывая о событиях гражданской войны на Северном Кавказе, историк старался представить победы Красной армии более существенными, чем о них мог сообщить привлеченный им исторический источник.

Конечно, процедура деконструкции данного текста не может ограничиться этим примером; чтобы лучше понять не только целеполагание автора, но и специфику конкретной практики историописания, желательно продолжить разбор документальной фазы его историографической операции и обратить внимание на работу с другими историческими источниками, в частности с материалами делопроизводства. Так, автор в качестве доказательства усиления летом 1917 г. революционного настроения крестьянских масс, который «определенно» нес на себе печать активной деятельности местных большевиков А.А. Пономарева, М.Г. Морозова и др., привел слова из доклада комиссара Временного комитета Государственной думы и Временного правительства по Ставропольской губернии Д.Д. Старлычанова об ухудшении дел в губернии и об открытых заявлениях сельских жителей «о ненужности Временного правительства» и сделал сноску на документ, хранящийся в Государственном архиве Ставропольского края³. Однако в указанном докладе мы не найдем упоминания о деятельности большевиков и заявлений о ненужности Временного правительства. Губернский комиссар указывал, что «сложная сеть взаимоотношений, возникающая на почве всякого рода аграрных и торговых отношений, осложненных многочисленными затруднениями в снабжении населения продуктами обрабатывающей промышленности, дает многочисленные поводы к возникновению беспорядков»⁴.

¹ Край наш Ставрополье: Очерки истории. Ставрополь, 1999. С. 242.

² Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 104.

³ Край наш Ставрополье... С. 228.

⁴ Государственный архив Ставропольского края. Ф. 1867. Оп. 1. Д. 1. Л. 257–258. Данные представлены О.А. Якуниной.

Современный исследователь, конечно, вправе указать на грубую ошибку, подмену сообщений исторических источников, меняющую их смысл, после чего сделать заключение о низком качестве исследовательской работы и вывод, что с такими практиками в исторической науке следует бороться и вообще искоренять их. Но, придя к такому выводу, будет ли исследователь прав?

Начиная с эпохи Просвещения научная история пыталась вытеснить из исторического мышления все, что не подпадало под стандарты рациональности и научности. До сих пор в научном сознании остается не изжитым желание остановить тех, кто «злоупотребляет прошлым»¹, нам продолжают напоминать, что научная история должна бороться с практическим использованием прошлого², и, даже признавая множественность моделей исторического сознания, историки ставят задачу «по разоблачению искажений и мифов»³. Нет, деконструкция предполагает конечной целью не столько поиск ошибок, неточностей, заблуждений авторов исторических сочинений, сколько приближение к пониманию цели конкретной практики историописания, ее объяснение.

Возвращаясь к примеру ставропольского историка, мы можем заключить, что он проводил презентацию сконструированного им прошлого именно таким образом не от незнания правил научной работы, а от того, что цель, которую он ставил перед написанием истории, была другой — не связанной со строгой научностью. Этот историк презентировал социально ориентированный тип исторического знания.

Процесс деконструкции исторического текста, в частности выявление оперативной фазы объяснения, позволяет анализировать теоретическую конструкцию, при помощи которой историк объясняет исторический процесс.

Например, В.С. Борзаковский (1834–?), автор «Истории тверского княжества» (это издание магистерской диссертации Борзаковского было удостоено Уваровской премии), создавая объяснение процесса появления древнерусских городов, сослался на мнения В.В. Григорьева (1816–1881), И.Д. Беляева (1810–1873) и К.Н. Бестужева-Рюмина о причине градообразования⁴, но совершенно не учел, что указанные им известные ученые были сторонниками разных взглядов на этот вопрос. Первый историк — ориенталист — был сторонником торгового происхождения городов (городские укрепления строились уже после)⁵, второй вел их происхождение от нужд

¹ Baets A de. The Abuse of History: Demarcations, Definitions and Historical Perspectives // Vision in Text and Image: The Cultural Turn in the Study of Arts. Leuven, 2008. P. 159–173.

² См.: Тош Дж. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 29–31.

³ См.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С. 38.

⁴ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 5–10.

⁵ См.: Григорьев В.В. О кувических монетах, находимых в России и прибалтийских странах, как источника для древнейшей отечественной истории // Григорьев В.В. Россия и Азия. СПб, 1876. С. 158–166.

обороны¹, а третий — от поселений славянских общин-жуп и княжеской политики². То есть Борзаковский не предусмотрел, что в исторической науке не существовало единого теоретического объяснения причины градообразовательного процесса. Произведение вышеприведенного историка отвечает видовой характеристике такого историографического источника, как монография, однако, как показывает анализ, знание автором российской историографии второй половины XIX в. оказалось поверхностным.

Обратимся еще к одному примеру — произведению Д.И. Иловайского (1832–1920) «Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю» (1876). Этот труд представляет интерес уже тем, что предварительный анализ его названия и структуры дает основание для вывода о неоднозначности такого исторического произведения как историографического источника. В названии автор употребил слово «разыскания», позволяющее предположить, что перед нами научное исследование. Согласно толковому словарю В.И. Даля (1801–1872), слова «разыскать», «разыскивать» означают в том числе «исследовать, доискиваться истины»³. Однако в структуре интересующего нас произведения современный историк найдет не только «исследование» («Болгары и Русь на Азовском поморье. Историческое исследование»), но и «очерк» («Эллино-скифский мир на берегах Понта. Историко-этнографический очерк»), и даже «Записки и ответы». Сам автор предваряет книгу словами, что это начало большой работы по русской истории, «по возможности соответствующей научным требованиям настоящего времени [выделено мной. — С. М.]». Деконструкция произведения Иловайского позволяет выявить очерковый характер не только того раздела, в котором есть указание на «очерк», но и того, который назван «исследованием», кроме того, в книгу включены ранее публиковавшиеся в журналах статьи полемического характера, относящиеся к материалам историографических дискуссий как виду историографических источников.

Разбор литературной фазы историографической операции произведения Иловайского укрепляет уверенность в том, что данное произведение не имеет отношения к научному исследованию. Например, говоря об историографии одного из выясняемых вопросов, историк замечает: «Что касается до пособий [произведений историков. — С. М.], то предмет наш имеет весьма обширную литературу. Назовем только те издания, которые мы имели

¹ См.: *Беляев И.Д.* Города на Руси до монголов. Б. м. и г. С. 4; *Его же.* Рассказы из Русской истории. М., 1865. Кн. 1. С. 6–7.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история: в 2 т. СПб., 1872. Т. 1. С. 46–47; *Его же.* О колонизации великорусского племени // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1867. Июнь. С. 777–778.

³ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 54.

под рукой...»¹. То есть, проводя исследование, Иловайский не стал утруждать себя изучением историографии вопроса. Или такой риторический ход автора: «Открытие новых исторических источников [здесь и далее выделено мной. — С. М.] и особенно местные изыскания, может быть, дадут впоследствии более подробные сведения о судьбах этой Азово-Черноморской Руси»². Для Иловайского важен последний риторический прием, он призван убедить читателя в репрезентативности источниковой базы проведенного исследования, в исчерпанности (по крайней мере, на сегодня) изученной им темы. Но это совсем не так, автор выбирал только подтверждавшие его гипотезу исторические источники, на которые даже не всегда давал указания.

Дополнить проведенный источниковедческий анализ можно включением произведения Иловайского в историографический процесс последней четверти XIX — начала XX в. В год издания Иловайским труда «Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю» и первого тома «Истории России»³ ведущий рубрику «Библиографический листок новых русских книг» в журнале «Русская старина» историк В.С. Иконников (1841–1923) отметил присущие Иловайскому как художественность, так и научность подачи материала, написав: «Простота и художественность изложения, свойственные вообще трудам автора, и строго научное направление — отличительные качества его нового сочинения»⁴. Но уже в 1891 г., когда кроме «Разысканий о начале Руси» выйдут из печати уже три тома «Истории России» Иловайского, другой русский историк, С.Ф. Платонов, укажет именно на их ненаучный (художественный) характер, подчеркнув: «Мы отрицательно отнеслись к той мысли, что труд г. Иловайского может влиять на развитие нашей историографии или отражать во всей полноте ее современные успехи. Но мы далеки от того, чтобы отрицать назидательное значение “Истории” г. Иловайского для среды не-специалистов, для читающей публики...»⁵.

Отметив некоторые существенные моменты историографической деконструкции, теперь предложим пример систематической деконструкции одного историографического источника. Приступая к изучению произведения А.П. Щапова «Великорусские области и Смутное время (1606–1613 г.)» (1861)⁶, исследователь предварительно знакомится с историографически-

¹ Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876. С. 1.

² Там же. С. 181.

³ В 1876 г. Д.И. Иловайский издал первый том «Истории России» (см.: [Иловайский Д.И.] История России. Соч. Д. Иловайского: в 5 т. М., 1876–1905).

⁴ В. И. [Иконников В.С.] Библиографический листок новых русских книг. Заметки профес. В.С. Иконникова // Русская старина. 1876. Т. 17. № 9. С. 186–187.

⁵ Платонов С.Ф. «Историографическое» сочинение нашего времени // Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1883–1902). СПб., 1903. С. 155.

⁶ Щапов А.П. Великорусские области и Смутное время... С. 579–606; Статья вторая // Там же. Ноябрь. С. 79–118. См. также: Щапов А.П. Великорусские области и Смутное время (1606–1613 г.) // [Щапов А.П.] Сочинения А.П. Щапова: в 3 т. СПб.: М.Н. Пирожкова, 1906–1908. Т. 1. С. 648–709.

ми работами, авторы которых анализировали творчество этого историка. Надо сказать, что на данном этапе исследователь сталкивается с необычной ситуацией. Интересующий нас историк существует в трех ипостасях: Щапов-краевед¹ / Щапов-историк² / Щапов — социальный мыслитель³. В аннотации к одному из произведений о А.П. Щапове можно прочесть, что оно «посвящено деятельности и взглядам знаменитого сибирского историка [здесь и далее курсив мой. — С. М.] и активного политического и общественного деятеля, краеведа А. Щапова»⁴.

Выше мы уже уточнили видовую принадлежность указанного историографического источника, отметив, что произведение А.П. Щапова представляет собой исторический очерк. Теперь можно переходить к деконструкции текста и, в частности, к выявлению оперативной фазы объяснения, так как подобная процедура позволит установить, в какой ипостаси в нем выступил историк.

В историческом очерке Щапова фазу объяснения выделить несложно, так как суть концепции «областности» в структуре очерка автор постарался представить до начала рассказа о событиях Смуты. Следует также отметить, что историк, обращаясь к сюжетам вхождения в состав Московского государства тех или иных княжеств и земель, выяснял их взаимоотношения с Москвой, и, таким образом, в каждом случае его объяснения выполняли задачу реконструкции прошлого посредством принятой концепции. Крупномасштабное описание, охватывающее значительный период истории (не только начало XVII в.), позволило Щапову поставить проблему, объяснение которой было противоположно концепциям истории государственного строительства, предложенным русскими историками. Не случайно автор упоминает Н.М. Карамзина (красочно описавшего трагедию Смуты), Н.Г. Устрялова (с его приторным патриотизмом, торжеством православия и единодержавия) и С.М. Соловьева (с концепцией «борьбы государственного наряда с родовым, противогосударственным началом»)⁵.

В процессе деконструкции текста, выявляя в историографическом источнике фазу объяснения, мы должны решить три задачи: найти в произ-

¹ См., например: *Успенский М.И.* Краеведение в сочинениях А.П. Щапова // *Краеведение*. М.; Л., 1926. № 3. С. 317–328; *Маджаров А.С.* Земско-областная (краеведческая) доктрина А.П. Щапова в отечественной историографии 20–30-х гг. XX в. // *Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы*. Ч. 1. Иркутск, 2000. С. 44–50.

² См., например: *Шапиро А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: учеб. пособие. М., 1993. С. 453–456.

³ *Лачаева М.Ю.* Исторические концепции А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и А.П. Щапова // *Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. М.Ю. Лачаевой*. М., 2004. Т. 2. С. 36–38.

⁴ См.: *Маджаров А.С.* Афанасий Щапов. Жизненный путь и творчество историка А.П. Щапова. Иркутск, 1992.

⁵ *Щапов А.П.* Великорусские области... Ноябрь. С. 84.

ведении Щапова основания, позволяющие связать автора с практикой местной истории; выявить в историографическом источнике идеологический фактор, нарушающий научность работы; установить тип презентируемого в произведении исторического знания.

Оперативная фаза объяснения (в данном случае нам важна концепция «областности») начинается с «программного заявления» автора, актуализирующего произведение. У Щапова читаем:

В настоящее время, кажется, уже утвердилось убеждение, что в истории главный фактор есть сам народ, дух народный, творящий историю, что сущность и содержание истории есть жизнь народная. Эту идею начали уже проводить в науке русской истории. Но вот другое начало, на которое еще не обращено должного внимания в нашей исторической науке [выделено мной. — С. М.]: начало провинциализма, *областности* [выделено автором. — С. М.], если можно так выразиться. У нас доселе господствовала в изложении русской истории идея централизации; развилось даже какое-то чрезмерное стремление к обобщению, к систематизации разнообразной областной истории. Все особенности, направления и факты областной исторической жизни подводились под одну идею правительственно-государственного, централизационного развития... Русская история, в самой основе своей, есть по преимуществу история областей, разнообразных ассоциаций провинциальных масс народа — до централизации и после централизации¹.

Мы не встретили здесь упоминания местной истории. Более того, Щапов утверждает: «У нас доселе господствовала в изложении русской истории...». Подобным образом выражая идею научного прогресса, он дает понятие своевременность/новизну своего исследования, но при этом историк совсем не обратил внимания на столетнее существование в Российской империи *местной истории*. Он проигнорировал эту практику историописания (как мы отмечали в третьей части второго раздела настоящего учебного пособия, практика местной истории в России предшествовала историческому краеведению, появившемуся в начале XX в.); не случайно автор написал, что на начала *провинциализма* и *областности* «еще не обращено должного внимания в нашей исторической науке».

Нашу гипотезу о том, что концепция «областности», предложенная Щаповым в очерке «Великорусские области и Смутное время», не имеет отношения к местной истории, подкрепляет мысль историка, которой он закончил обоснование нового подхода к изучению русской истории, предложив свое видение как *научного*, так и *практического* его значения:

Если когда, то особенно в наше время, *науке русской истории* [выделено мной. — С. М.] необходимо уяснить историю, дух, характер и этнографические особенности областных масс народных. <...>

¹ Щапов А.П. Великорусские области... Октябрь. С. 579–580.

В высшей степени желательно, чтобы у нас, по возможности, в каждой провинции возникла своя историческая, самопознавательная литература, и обогащалась областными сборниками, в роде «Пермского», историко-статистическими описаниями губерний и провинций, в роде, например, описания оренбургского края Черемшанского, и под., изданием областных памятников и актов, в роде южно-русской «Основы».

Ниже мы находим у Щапова пояснение того, в чем заключается важность «самопознавательной литературы». Ничего не сказав о науке, цель «самопознавательной литературы» он увидел в воспитании областного гражданского сознания:

Областные сборники, историко-этнографические и статистические описания провинций могут служить не только руководствами нашего областного самопознания, но и органами возбуждения в провинциальных массах идеи политического самосознания и саморазвития в составе целого государственного союза¹.

Теперь мы можем отметить, что Щапов развел цели, которые, по его мнению, должны преследовать научная история и «историческая, самопознавательная литература». Концепция «областности», позволяющая уяснить «историю, дух, характер и этнографические особенности областных масс народных» отнесена им к науке *русской истории* (научной истории). «Самопознавательная литература» — это руководства самопознания, возбуждающие «в провинциальных массах идеи политического самосознания и саморазвития». Такая историческая литература позиционирует социально ориентированный тип исторического знания.

Мы не будем выяснять возможную мотивацию краеведов, связывающих «Великорусские области и Смутное время (1606–1613 г.)» с разработкой А.П. Щаповым концепции местной истории или даже исторического краеведения, это не входит в нашу задачу.

Следующий этап процедуры деконструкции призван уточнить правомерность распространения на исследуемый историографический источник практики, традиционно включающей исторические взгляды Щапова не столько в научный, сколько в общественно-политический процесс третьей четверти XIX в. По иронии научной судьбы, справедливо отмечает Е.А. Вишленкова, Щапов стал историком революционно-демократического направления².

Действительно, современному исследователю уже трудно избавиться от навязанного литературой взгляда на историка как выразителя определенной идеологии, поэтому, продолжая процедуру деконструкции историо-

¹ Щапов А.П. Великорусские области... Октябрь. С. 585.

² Вишленкова Е.А. Историк в условиях демократического подъема 1850–1860-х гг. // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. В.С. Парсамова. Саратов: СГУ, 2003. Вып. 20. С. 78.

графического источника, следует отделить идеологию от концепции «областности». Сразу поясним: на идеологию мы смотрим не как на «ложное» сознание (и не придаем ей никакой отрицательной коннотации), понимая под ней желание индивида социализировать других¹. Наша задача — отделить от фазы объяснения литературную фазу историографической операции Щапова, обратить внимание на пару «идеология — риторика», которую можно отнести к его общественно-политическим взглядам.

Такие пары мы находим, однако в интересующем нас произведении их немного. Например: «результатов великого вопроса освобождения крепостного народа», «силен, неутомим был в областных общинах дух протестации», «На Волге собирались демократические борцы — казаки», «тяжким тяглом тянули <...> к Москве», «тяжелыми оковами, цепями централизации»² и др.

Риторика, порожденная идеологией Щапова, не доминирует в тексте, но усиливает восприятие его концепции читателем. Выдвинем гипотезу, что в данном историографическом источнике автор удачно совместил историю и идеологию (не забываем, что это исторический очерк). Радикальной оказалась сама концепция Щапова, поэтому очерк имеет радикальный характер. Однако этот радикализм не выходит за рамки науки в поле общественной мысли. Подход Щапова направлен не столько против современного ему политического режима, сколько против ставшей уже традиционной модели национально-государственной истории классической европейской историографии. Радикализм операционной фазы объяснения так отчетливо проявляет себя потому, что Щапов в своей истории актуализировал дуализм (воспользуемся терминологией Ф. Ницше) «пользы» и «вреда» истории: «пользу» истории, основанной на концепции «областности», и «вред» традиционной концепции национально-государственной истории. Он обратил внимание на «вред», таящийся в самом становом хребте последней — *истории государственной централизации*. Историк отказался искать точку равновесия, у него получились только «польза» и «вред».

Завершить анализ исторического очерка «Великорусские области и Смутное время (1606–1613 г.)» нам поможет применение метода *компаративной историографии*³, который можно использовать при изучении исто-

¹ В данном случае нам близка мысль известного итальянского медиевиста и писателя У. Эко, заключающаяся в том, что идеология в тексте того или иного автора — это «все то, с чем так или иначе знаком адресат и та социальная группа, которой он принадлежит...». Свои желания и мысли автор сводит в систему условных знаков, «социализируя собственные желания и мысли, приобщая к ним себе подобных», поэтому идеология всегда порождает риторику (см.: Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию: пер. с итал. СПб., 2006. С. 137–138).

² Щапов А.П. Великорусские области... Октябрь. С. 587, 614; Ноябрь. С. 83, 90.

³ По мнению К. Лоренца, компаративная историография становится особым подходом, позволяющим изучать историографическую типологию (Lorenz C. Comparative Historiography: Problems and Perspectives // History and Theory. 1999. Vol. 38. No. 1. P. 25–32).

риографических традиций, генеалогии научных школ, типов исторического знания в национальных историографиях и в рамках европейской научной модели¹, а также при анализе мировой² и глобальной историографии³.

Анализируя историографический процесс второй половины XIX в., мы отмечаем, что национально-государственная история в рамках классической модели исторической науки уже в третьей четверти столетия перестает удовлетворять некоторых историков. Через несколько лет после публикации Шаповым своего исторического очерка Н.И. Костомаров (1817–1885) издает «Северорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки)» (в 2 т. СПб., 1863). В данном случае мы можем говорить о начавшейся тенденции, так как уже в 1862 г. французский историк Э. Семишон (1813–1881) выступил против привычной концепции истории Франции. Он актуализировал вопрос о государственной централизации, противопоставив ей историю «подавления» местных коммунальных обычаев разрастающимся государством⁴. По мнению американского исследователя Е.К.Л. Голда, высказанному в начале 1880-х годов, традиции истории государственной централизации оказались настолько сильными в науке, что внимание ученого склонно концентрироваться на федеральной, а не на местной истории, и эту тенденцию нужно преодолеть⁵.

Начиная с 80-х годов XIX в. в Российской империи выделяется особое поле научной историографии под названием «*областная история*» (В.Г. Ляскоронский, Д.И. Багалей, П.В. Голубовский и др.), исследовательская модель которой напоминает возникшее в начале XX в. во Франции известное направление неклассической исторической науки — региональную историю (А. Берр, Л. Февр, М. Блок и др.).

Краткий компаративный анализ позволяет сделать вывод о начале тенденции, ведущей к утрате интереса к национально-государственной истории и кризису классической модели исторической науки. Одним из первых исторических произведений, маркирующих ее начало, стал исторический очерк «Великорусские области и Смутное время (1606–1613 г.)» А.П. Шапова.

¹ Berger S. The Invention of National Traditions in European Romanticism // The Oxford History of Historical Writing. N.Y., 2011. Vol. 4: 1800–1945. P. 19–40.

² Woolf D. Historiography // New Dictionary of the History of Ideas: in 6 vols. Farmington Hills, 2005. Vol. 1. P. xxxv–lxxxviii.

³ Не совсем удачный опыт изучения глобальной историографии недавно представили Г. Иггерс и Э. Ван (см.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии...).

⁴ Semichon E. Histoire de la Ville d'Atmiale et de ses Seigneurs, Sepuis les Temps Anciens Jusqu'à nos Jours. P., 1862.

⁵ Gould E.K.L. Local Self-Government in Pennsylvania // Prospectus of the Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science / ed. by H.B. Adams. Baltimore, 1883. P. 22.

Историками отмечается такая деталь, как весьма вольное обращение Щапова с историческими источниками¹, это относится и к выбранному нами историческому очерку. Однако данный историографический источник мы все же отнесем к научной истории. Он занимает особое место в историографическом процессе XIX в. Концепция «областности» не только стала протестом против традиционной европейской модели исторической науки, но и, что самое важное, способствовала выработке теоретической базы областной истории (а не местной истории или краеведения), а затем и региональной истории в России².

* * *

Рефлексия о фазах историографической операции при проведении процедуры деконструкции историографических источников оберегает исследователя от того, чтобы приписать изучаемому произведению историка лишний смысл, отличный от задуманного автором. На первый взгляд кажущееся ошибочным и/или иррациональным конструирование прошлого, производимое тем или иным автором, относительно научной практики историописания должно нами рационализироваться в процессе деконструкции историографического источника.

¹ См.: Вишленкова Е.А. Историк в условиях демократического подъема... С. 67–78.

² См.: Маловичко С.[И.], Румянцева М.[Ф.]. История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки // Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Київ, 2013. Вип. 7. С. 43–48.

3

глава

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

От исследования исторического источника как самодостаточного социокультурного феномена вернемся к «вспомогательной» составляющей источниковедения — формированию источниковой базы исторического исследования и анализу вовлеченных в исследование исторических источников.

Необходимо различать понятия «источниковая база исторического исследования» и гораздо реже встречающееся — «источниковедческая база исторического исследования»: о последней можно говорить, когда историк не проводит сам все процедуры источниковедческого анализа, а привлекает к исследованию результаты специальных источниковедческих работ.

3.1

РЕФЛЕКСИЯ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ КАК АТРИБУТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Осознанное/отрефлексированное формирование источниковой базы — непременная характеристика строгого научного исследования. В последние годы очевидным образом на второй план отходят исследования монографического характера, предполагающие строгое отношение к формированию источниковой базы с обязательным обоснованием ее репрезентативности и последовательным выявлением информационных возможностей вовлекаемых в исследование исторических источников. Все большее распространение получают работы эссеистского характера, в которых излагаемая автором идея подкрепляется, а чаще — иллюстрируется отдельными примерами из исторических/

историографических источников¹. Но и в этом случае осознанное отношение к вовлекаемым в исследование историческим источникам не мешает, но будет способствовать большей убедительности предлагаемых автором построений и выводов.

Далее речь пойдет об источниковой базе квалификационной работы, поскольку, во-первых, в ней предъявляются наиболее строгие и отчасти формализованные научным сообществом требования к описанию и анализу источниковой базы, а во-вторых, именно этот вид исследования должен будет выполнить каждый студент (магистрант) на завершающем этапе обучения.

Описание путей формирования и характеристика источниковой базы исследования, наряду с анализом историографии, обычно помещается во введении к работе. Необходимо помнить, что введение — чрезвычайно важная часть работы, имеющая первостепенное значение при *презентации* результатов проведенного исследования, и отнестись ответственно к его написанию². В отдельных случаях характеристика источниковой базы и анализ историографии могут быть вынесены в отдельную главу, что не избавляет от необходимости их краткой характеристики во введении, поскольку именно оно создает первое впечатление о степени фундированности работы.

Если мы обратимся к квалификационным работам разного уровня: от курсовых и дипломных работ студентов (выпускных квалификационных работ бакалавров и магистров) до диссертаций (и их авторефератов) на соискание ученых степеней кандидата и доктора исторических наук, — то обнаружим несколько вариантов наименования той части введения, где речь идет об источниках. Весьма часто встречается «Обзор источников». Такое наименование нельзя признать корректным и, соответственно, его следует избегать: оно неверно передает суть осуществляемой исследовательской операции, поскольку ваша задача не обозреть попавшие в поле вашего зрения источники, а целенаправленно сформировать *источниковую базу для решения поставленной в исследовании проблемы*.

Продумать смысл реализуемой исследовательской процедуры и точно выразить его в названии чрезвычайно важно. В подкрепление этой мысли можно вспомнить афоризм из известного мультфильма: «Как вы яхту назовете, так она и поплывет».

Наиболее точным образом суть проделываемой работы выразит наименование «Формирование источниковой базы исследования и ее характеристика». Впрочем, при отчетливом понимании смысла исследовательских

¹ См. с. 532–533 наст. изд.

² См.: Казаков Р.Б. Введение в источниковедческое исследование: опыт построения // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки». М., 2008. № 4/08. С. 350–367.

процедур это наименование может быть редуцировано до «Источниковая база исследования».

3.2

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБОСНОВАНИЕ ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ

Формирование источниковой базы — один из наиболее важных этапов работы, поскольку от него зависит все последующее исследование. В самом деле, если некорректно подобраны источники, т.е. пропущены важные для решения поставленной в работе проблемы и привлечены лишние, не дающие информации для ее решения, а только создающие информационный шум, то и все дальнейшее исследование пойдет в уже заданном подбором источников направлении.

При формировании источниковой базы можно выделить две стратегии: первая — стремление привлечь как можно больше исторических источников (в идеале — все), имеющих (могущих иметь) отношение к проблематике исследования; вторая — строгий отбор источников в зависимости от целей исследования при соблюдении принципа необходимости и достаточности.

Конечно, второй подход выглядит более привлекательным, поскольку очевидным образом позволяет сэкономить исследовательские усилия, но первый по-прежнему остается весьма востребованным. Давайте попытаемся разобраться в причинах.

Для осмысленного отношения к формированию источниковой базы исследования необходимо понимать его парадигмальные основания. Мы не случайно в первом разделе при определении понятия «исторический источник» уделили столь много внимания не только парадигмальным, но и мировоззренческим различиям в подходах к базовому понятию источниковедения: эти различия проявляются на каждом этапе исследования, в том числе и при формировании его источниковой базы. Стремление вовлечь в исследование как можно больше источников обусловлено представлением о самоценности любого «добываемого» из этих источников исторического факта, который при таком подходе расценивается как устойчивый «кирпичик» как актуального, так и потенциального исторического построения.

Еще в середине XVIII в. Г.Ф. Миллер (1705–1783) утверждал необходимость вовлечения в исследование всей информации источников, даже той, которая, на взгляд историка, не заслуживает доверия:

Я сам себе насилие делаю, когда все в Тобольском летописце описуемые чудеса объявляю: однако ж оных совсем оставить не можно. Должность истории писателя требует, чтоб подлиннику своему в приведении всех, хотя за ложно почитаемых приключений верно последовать. Истина того, что в историях главнейшее есть, тем не затмевается и здравое рассуждение у читателя вольности не отнимает¹.

Но наибольшее распространение такой подход получил в связи с так называемым позитивизмом в исторической науке. Характеризуя исследовательскую программу позитивизма, британский историк Р.Дж. Коллингвуд (1889–1943) пишет:

С энтузиазмом включившись в первую часть позитивистской программы, историки поставили задачу установить все факты, где это только можно. Результатом был громадный прирост конкретного исторического знания, основанного на беспрецедентном по своей точности и критичности исследовании источников. Это была эпоха, обогатившая историю громадными коллекциями тщательно просеянного материала <...>. Лучшие историки этого времени <...> стали величайшими знатоками исторической детали. Историческая добросовестность отождествлялась с крайней скрупулезностью в исследовании любого фактического материала. Цель построения всеобщей истории была отброшена как пустая мечта, и идеалом в исторической литературе стала монография².

Напомним, что другой британский историк А. Тойнби (1889–1975) видел в этой тенденции наследие «духа индустриализма», когда деятельность по добывания исторического сырья рассматривается как ценная сама по себе³. В советской исторической науке этот подход достиг своей вершины в 1970-х годах, когда развернулась дискуссия на тему, означает ли сформулированное В.И. Лениным (1870–1924) в статье «Статистика и социология» (1917) требование «привлечения всей совокупности фактов без единого исключения» необходимость привлечения всей совокупности исторических источников «без единого исключения»⁴. С позиции нынешнего дня эта дискуссия выглядит как историографический казус, впрочем весьма наглядно представляющий некоторые особенности советской исторической науки.

¹ [Миллер Г.-Ф.] Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена: сочинено Герардом Фридериком Миллером. СПб., 1750. Кн. 1. С. 121.

² Коллингвуд Р.Дж. Идея истории // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография: пер. с англ. М., 1980. С. 123.

³ Тойнби А. Постигание истории: сборник: пер. с англ. М., 1991. С. 14–21.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 349–356.

Так как же грамотно сформировать источниковую базу исследования, сэкономив при этом исследовательские усилия?

И снова возвращаемся к определению понятия «исторический источник» и основной классификационной единице источниковедения — виду исторических источников. Исторический источник объективирует автора, действующего в определенной культуре, а саму культуру презентует система видов исторических источников. Исследователь, отчетливо понимающий, какой вид деятельности он собирается изучать, при формировании источниковой базы ориентируется в первую очередь на те виды исторических источников, которые порождены в соответствующей сфере деятельности. Например, выше уже отмечалось, что в случае законодательных источников их видовые характеристики наиболее полно реализуются в официально опубликованном тексте закона, но если мы изучаем законотворческий процесс, то нам потребуются черновые варианты, тексты с редакторской правкой и т.д.

Такой подход к формированию источниковой базы призван также обеспечить ее репрезентативность, т.е. достаточность для корректного решения поставленной проблемы. Естественно, что источниковая база исторического исследования почти никогда не исчерпывается источниками того вида, которые мы признали основным. Но вовлечение в исследование дополнительных источников обуславливается уже не столько постановкой проблемы, сколько намеченными историком путями ее исследования.

3.3

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Характеристика источниковой базы исследования проходит в два этапа: структурирование источниковой базы и выявление информационного потенциала формирующих ее исторических источников.

При структурировании источниковой базы важно четко различать понятия *классификации* и *систематизации*. Напомним, что *классификация* — системообразующая научная процедура распределения объектов познания по группам (таксонам) по присущему самому объекту классификации значимому признаку. *Систематизация* — распределение исследуемых объектов (исторических источников) по группам по признаку, выбранному исследователем в соответствии с целями и задачами исследования, или несколькими таким признакам.

К все еще часто встречающимся, но уже явно устаревшим стереотипам при описании структуры источниковой базы относится деление исторических источников на *архивные* и *опубликованные* или на *опубликованные* и *неопубликованные*. Нахождение исторического источника в архиве или наличие публикации совершенно очевидно не выступают имманентными характеристиками самого источника. С этим стереотипом тесным образом связано дискурсивное клише при характеристике новизны исследования: новизна исследования состоит в том, что в научный оборот вводятся хранящиеся в архиве, ранее не публиковавшиеся исторические источники. Когда предметом особой гордости исследователя становится то, что он вовлек в исследование «новые», «архивные» источники, и именно в этом он видит свою заслугу, хочется задать вопрос: а что изменилось в науке от того, что привлечены новые источники, и если десятки, а то и сотни лет эти источники никто не востребовал, то что за необходимость обращаться к ним именно сейчас, в современной социокультурной ситуации, при актуальном состоянии науки?

В исторических исследованиях по-прежнему весьма распространена систематизация исторических источников по социальной (классовой) принадлежности их авторов или по их мировоззрению. Эту проблему мы затрагивали, рассматривая характеристику автора при изучении происхождения исторического источника в ходе источниковедческого анализа. Здесь же подчеркнем редко осознаваемую историками опасность такого подхода: применяя этот критерий систематизации, историк рискует попасть в замкнутый круг. Например, при изучении общественно-политической направленности российских газет исследователь систематизирует их на дворянские и буржуазные или на демократические, либеральные и консервативные, а потом начинает изучать взгляды, которые выражали эти издания, и неизбежно приходит к «неожиданному» выводу: демократические издания выражали демократические взгляды, либеральные — либеральные, консервативные — консервативные... Чтобы этого избежать, систематизацию источников необходимо продумывать самым тщательным образом, соотнося с целями и задачами исследования.

Но в любом случае при характеристике источниковой базы исторического исследования необходимо провести классификацию исторических источников по типам и видам, что позволит наиболее корректным образом выявить их информационные возможности, в том числе и за счет экспликации социокультурного контекста, представленного системой видов исторических источников. Второй этап — выявление информационного потенциала формирующих источниковую базу исторических источников — проходит по правилам источниковедческого анализа, изложенным в первой главе этой части учебного пособия.

ЧАСТЬ II

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ЭДИЦИОННЫХ ПРАКТИКАХ

Археография (от др.-греч. ἀρχαῖος — древний и γράφω — пишу) — дисциплина, изучающая историю, методику и практику публикации исторических источников. Этот термин был заимствован из западноевропейской исследовательской литературы, в которой, однако, понимался в более узком смысле — как систематическое описание рукописей. Ныне соответствие археографии видится в западноевропейском понятии «публикациеведение» (édition, publication, Editionskunde).

Изучение истории археографии, методики и практики публикации исторических источников реализуется как в специальных исследованиях, так и в виде разработки правил, методических рекомендаций. Часто самостоятельный научный интерес представляют археографические предисловия к публикациям источников.

Дореволюционный опыт археографии был обобщен в «Правилах издания Сборника грамот Коллегии экономии» (1922), разработанных А.С. Лаппо-Данилевским. В дальнейшем издавались правила и методические рекомендации, реализованные в наиболее масштабных публикациях исторических источников и имеющие самостоятельное научное значение: «Проект правил издания трудов В.И. Ленина (1926, сост. С.Н. Валк), «Правила издания исторических документов» (1955), «Методика издания древнерусских актов (1959, сост. А.А. Зимин), «Правила издания документов советского периода» (1960), «Проект инструкции для подготовки к изданию “Писем и бумаг Петра Великого”» (1962, 1975, сост. Т.С. Майкова), «Принципы издания эпистолярных текстов» (1964), «Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики» (1985, сост. А.Л. Хорошкевич, С.М. Каштанов), «Методические рекомендации по изданию “Актов Русского государства”» (1987, сост. С.М. Каштанов), «Правила издания исторических документов в СССР» (1956, 1969, 1990) и др.

Масштабные публикации исторических источников, как правило, сопровождаются археографическими предисловиями, содержащими специально разработанные для них модифицированные, часто оригинальные археографические подходы, — такими как предисловия Л.В. Черепнина (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI в. М.; Л., 1950; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951. Ч. 1), А.Н. Насонова (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.

М.; Л., 1950; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2), М.Н. Тихомирова (Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949, 1959. Т. 25, 26; Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953), И.А. Голубцова (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. 1), А.А. Зимина (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1956. Ч. 2), А.В. Арциховского (Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958), И.А. Булыгина (Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975), Е.А. Мельниковой (Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации. М., 2001), Л.А. Кириченко и С.В. Николаевой (Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. М., 2008).

Специально археографические практики анализировались в трудах Н.П. Лихачева, А.С. Лаппо-Данилевского, С.Н. Валка, С.М. Каштанова, Б.Г. Литвака, Г.И. Королева. Вопросы предмета, задач, понятийного аппарата археографии разрабатывались в трудах С.Н. Валка, М.С. Селезнева, С.О. Шмидта, А.Д. Степанского, В.П. Козлова, Е.В. Старостина, В.А. Черных, Е.М. Добрушкина и других авторов.

БЫТОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ В РУКОПИСНОЙ И КНИГОПЕЧАТНОЙ ТРАДИЦИЯХ

Репертуар рукописной книжности был весьма широк; кроме литературы религиозного содержания в обиходе средневекового читателя находились приключенческие романы, научные трактаты, исторические сочинения и т.д. Единственной возможностью распространения сочинений до изобретения книгопечатания была их переписка. Скриптории действовали при монастырях, но кроме таких крупных центров рукописной книжности размножение рукописей было доступно для всякого, обладающего соответствующими возможностями и способностями.

Формы бытования источников в пределах рукописной традиции: копирование, редактирование, сведение, составление сборников — были обусловлены насущными политическими, экономическими, религиозными, культурными потребностями общества, его структур и ячеек. Летописные своды были призваны изложить историю с точки зрения того или иного феодального центра, либо, напротив, с общерусской позиции. В акты вносились документы о феодальном землевладении, призванные в случае необходимости подтвердить права церковного или светского феодала. Разрядно-родословные сборники содержали документы, подтверждающие высокий статус того или иного рода, древность его службы государю.

Именно такие потребности снимали вопрос о подлинности вводимых в культурную среду источников. Служилые люди изготавливали и представляли фальсификаты, которые должны были подтвердить древность их службы, монастыри — поддельные грамоты о своем землевладении: вкладные, данные, жалованные грамоты. Широко был востребован на Руси «Константинов дар», вошедший в 60-ю главу Стоглава. Фабрикация таких подделок не была любовью к искусству, как у антикваров XVIII–XIX вв. (А.И. Бардина, И.И. Сулакадзева) или у писателей-романтиков, приверженцев неоязычества (впрочем, бескорыстность такой любви остается недоказанной). К историческим источникам средневековые переписчики относились в основном утилитарно.

Возникший в Европе и получивший распространение на Руси типографский способ размножения текстов (который не отменил рукописной репродукции) уже вполне соответствует современному пониманию публикации (в буквальном значении — приведения в известность народу, публике).

Он стал новым способом решения тех же насущных для общества задач, а также возможностью распространения нужных государству идей, часто путем публикации исторических источников.

Важно подчеркнуть, что как до изобретения книгопечатания, так и после размножение (публикация) источников долго не решало научных задач, а было подчинено задачам практическим. Эти практические задачи, продиктованные универсальными, отмечаемыми у различных цивилизаций в разное время потребностями общества, актуальны и сейчас и, вероятно, сохранятся в перспективе.

Так, незадолго до принятия Петром I императорского титула царь инициировал издание на русском и немецком языках грамоты 1514 г. императора Максимилиана I великому князю московскому Василию III¹. Интерес к этому акту понятен — в ней московский великий князь титулуется «великим государем цесарем», «божиею милостью цесарем», т.е. оказывается на равных с императором Священной Римской империи. Публикация доказывала, что «высокое достоинство за толко уже лет всероссийским монархам надлежит». Тираж изданной грамоты составил 310 экземпляров, но и подлинник Петр I показывал, по словам ганноверского резидента Х.Ф. Вебера, «всем и каждому», предоставляя возможность снять с него копии². Таким образом общественное мнение, как внутри страны, так и за рубежом, готовилось к преобразованию России в империю. Публикация исторического источника стала элементом пропаганды.

Изобретение книгопечатания никак не изменило отношения к фальсифицированным источникам: государственная или иная целесообразность не только не исключала, но, скорее, предполагала влияние на общественное сознание посредством заведомых подделок³. Уже упоминавшийся «Константинов дар», разоблаченный на Западе в качестве фальсификата в 1517 г., перешел в печатную Кормчую. Борьба со старообрядчеством, которая, по мнению иерархов Петровской эпохи, оправдывала любые средства, вызвала к жизни четыре (две в 1718 и две в 1720 г.) публикации известного подлога — «Соборного деяния, бывшего в Киеве 1157 г., на армянина Мартина Мниха»⁴. Вероятно, своеобразно понимаемое теми или иными энтузиастами общественное благо служит продолжению этой традиции — уже в век компьютерных технологий тиражируются доказанные подделки: от «Влесовой книги» до «Протоколов сионских мудрецов» и «Плана Даллеса».

¹ Грамота Максимилиана I к великому князю Василию III 1514 г. СПб., 1718. С. [1–5]; *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. СПб., 1862. Т. 2. № 338. С. 429; *Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Описание изданий гражданской печати, 1708 — янв. 1725. М.; Л., 1955. № 298.

² *Вебер Х.Ф.* Записки о России // Русский архив. 1872. № 9. Стб. 1652.

³ Как, впрочем, и объявлением подделками подлинных документов, если вспомнить относительно недавние реакции советской власти на публикации секретного дополнительного протокола к пакту Молотова — Риббентропа: *Фальсификаторы истории (историческая справка)*. М., 1948.

⁴ *Геннади Г.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях. Берлин, 1876. Т. 1. С. 327.

2

глава

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Публикация источников для решения собственно научных задач ознаменовала появление археографии как вспомогательной исторической дисциплины. Так, В.Н. Татищев подготовил первые научные публикации Русской Правды и Судебника 1550 г. В дальнейшем публикациями исторических источников активно занимались Академия наук, Общество истории и древностей российских при Московском университете, Комиссия печатания государственных грамот и договоров, Археографическая комиссия, Русское историческое общество, отдельные специалисты-историки.

В XVIII–XIX вв. сложилось расширительное понимание археографии. Под таковой стали подразумевать не только и не столько публикацию, но и поиск, собирание и описание письменных источников. В таком широком смысле термин «археография» вошел в название Археографической экспедиции Императорской академии наук (1829–1834), затем — аналогичных экспедиций ряда университетов и музеев, Археографической комиссии (с 1834 г. при Министерстве народного просвещения, в дальнейшем в качестве самостоятельного научного учреждения, в 1922–1926 при РАН, с 1956 г. при Отделении истории АН СССР) и ряда аналогичных по уставным функциям структур в столицах и на периферии (Киевская, Виленская, Кавказская археографические комиссии). Уже в XX в. широта и разнородность задач археографии потребовали осмысления структуры этой дисциплины. Стали выделять полевую археографию (практическая деятельность по поиску документов «в поле», т.е. у населения той или иной территории, в провинциальных архивохранилищах), камеральную археографию (описание письменных источников, составление перечней, описей) и собственно археографию, для которой, чтобы отличать ее от выше-названных, был введен термин «эдиционная археография». Сейчас такое членение археографии не представляется особенно удачным. Задачи, стоящие перед полевой и камеральной археографией, либо исключительно практические,

либо совпадают с задачами архивной эвристики и архивоведения. Вычленение из археографии полевой и камеральной потребовало введения непереводаемого на европейские языки понятия «эдиционная» — такое определение для европейских понятий *édition*, *Editionskunde* становится тавтологичным.

Для этого этапа развития археографии характерен подход к источнику как к своего рода резервуару для извлечения фактов, необходимых для историописания. Это диктовало внимание к событийной канве, представленной в публикуемых источниках, и равнодушие к иным их свойствам. Отсюда отличительная черта археографии XVIII–XIX вв. — модернизация графики и грамматического строя публикуемых источников.

Потребовался определенный уровень развития филологии, источниковедения, текстологии, вспомогательных исторических дисциплин, чтобы эти отрасли знания начали задавать свои собственные вопросы источнику, а значит — предъявлять свои собственные требования к его публикации.

Уже в самом конце XIX в. в интересной (и крайне нелюбимой¹) дискуссии между А.И. Юшковым² и Н.П. Лихачевым³ были подняты вопросы об отборе источников для публикации, необходимости и степени вмешательства археографа в текст публикуемого источника, способе обозначения такого вмешательства и т.д.

С конца 1940-х годов и до конца XX в. развитие археографии все больше диктовалось потребностями источниковедения, что повысило интерес публикаторов к внешней стороне рукописи. В основу разрабатываемых археографических принципов легла необходимость максимально представить возможности источника при его публикации для развития широкого спектра исторических дисциплин и филологии. Таким образом стандарт публикации стал включать описание и идентификацию филиграней и почерков, кодикологическое исследование рукописи, развернутый научно-справочный аппарат. Вышедшие из употребления буквы воспроизводились, а не заменялись современными, вмешательство публикатора в текст источника обозначалось условными знаками либо в примечаниях. Это делало публикацию источника достаточно трудоемким процессом, однако образцы реализации таких подходов составили золотой фонд отечественной археографии.

Между тем такой скрупулезный подход, делавший публикацию источника «штучным товаром» и требовавший серьезной профессиональной подготовки

¹ Вероятно, это задавало тон и последующим рецензиям на археографические опыты — их авторы, как правило, демонстрируют сдержанность в отношении академических норм научного общения и эмоциональную окраску аргументации (см., например: *Мошкова Л.А., Турилов А.А.* Плоды ливанского кедр. М., 2003; *Хоруженко О.И.* Lietuvos Metrika. Кнуга Nr. 6 (1494–1506) [Рецензия] // *Новости Литовской Метрики: науч.-информацион. прил. журн. Lietuvos istorijos matraštis* (Ежегодник истории Литвы). Вильнюс, 2009. № 10. С. 5–8).

² Акты XII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собр. и изд. А.[И.] Юшков. М., 1898. Ч. I: 1257–1613. С. X–XV.

³ *Лихачев Н.П.* По поводу сборника А.И. Юшкова «Акты XII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». СПб., 1898.

археографов, шел вразрез с идеологически ориентированными запросами к исторической науке. От историков требовалось оперативно и в больших количествах готовить разнообразные сборники источников по истории гражданской войны, истории освободительной или классовой борьбы и т.д., которые должны были издаваться солидными тиражами и широко использоваться в пропаганде. «Переведенные» с дореволюционной на современную орфографию источники должны были быть понятны максимально широкому кругу потенциальных читателей.

Следствием этих разнонаправленных тенденций стало разделение археографических подходов к публикации источников Средневековья и более поздних. В качестве условной грани в правилах, разработанных в 1948–1949 гг. И.А. Голубцовым, был выбран 1505 г. — дата смерти московского великого князя Ивана III. Произвольность этой даты (в «Правилах издания исторических документов...» 1958, 1969 и 1990 гг. она заменяется «началом XVI в.») вполне признана и, как показывают опыты последующего времени, не всеми учеными она безоговорочно принята в качестве границы, оправдывающей смену подходов.

Дело в том, что в ряде случаев вышедшие из употребления буквы важны не только для адекватной передачи грамматического строя источника и его палеографических особенностей, но и для понимания его смысла. Хрестоматийный пример этому — название «Война и миръ», но не романа Л.Н. Толстого, а поэмы В.В. Маяковского (1916). В русском языке до его реформы в 1918 г. одинаково звучащие слова различались написанием и значением: «миръ» («общество, окружающий мир» — делать что-либо «всемъ миромъ»), «сѣ миру по нитке», «на миру и смерть красна»), «миръ» («противоположность войне, спокойное состояние» — «лучше худой миръ, чемъ добрая ссора»), «мвръ» (ароматическое масло, употреблявшееся с религиозных обрядах — «мвропомазание»). Если Л.Н. Толстой, вопреки распространенной мифологеме, имел в виду противопоставление «война / не война», то В.В. Маяковский использовал здесь игру слов; при модернизации графики замысел автора совершенно не ясен читателю.

Таким образом, проблема сохранения вышедших из употребления букв или замены их современными вряд ли может быть соотнесена лишь с археографией источников Средневековья и раннего Нового времени. Принципиальное значение она приобретает при публикации источников, возникших после петровской реформы кириллического алфавита (1710)¹. Не менее важное значение имеет сохранение вышедших из употребления букв и при публикации источников 1918–1950-х годов — времени, когда активно действовали (сначала в России, затем в эмиграции) противники советской власти. Как известно,

¹ Описание архива князя В.Л. Долгорукова 1730 г. / вступ. ст. и подгот. текста Д.И. Алексеевой // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». 2010. № 7(50). С. 228–238.

реформа русской орфографии 1918 г., хотя она и готовилась еще в дореволюционный период, воспринималась представителями политической и духовной оппозиции большевизму как инициатива советского правительства и лично наркома просвещения А.В. Луначарского. Реформа принципиально не была принята на территориях, контролируемых белогвардейскими правительствами, отвергнута и русским зарубежьем. Кроме политически мотивированного неприятия реформы (И.А. Бунин) она критиковалась с позиций лингвистики (Н.С. Трубецкой), защиты национальной культуры (И.А. Ильин), эстетики (В.И. Иванов).

Получается, что воспроизведение знаменитого высказывания И.А. Бунина («По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевицкого правописания. Ужъ хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию»¹) по нормам собственно «большевицкого» правописания делает это высказывание нелепым и совершенно лишает его смысла.

Модернизация орфографии при публикации источников послереволюционного периода, придерживающихся дореформенных норм орфографии, — прямое насилие публикатора над источником, навязывание автору, сделавшему свой политический, культурный и т.д. выбор, представления публикатора о проблеме. В этом случае вопрос переносится из собственно научной в этическую плоскость, хотя и с точки зрения соответствия публикуемого текста оригиналу такой подход приближается к прямой фальсификации. Ведь понятно, что ни П.Н. Врангель, ни А.И. Деникин, ни иные деятели антибольшевистского движения попросту не могли в такой форме демонстрировать свою поддержку советской реформы орфографии. Таким образом, публикация документов деятелей белогвардейских правительств и русской эмиграции по нормам реформированной орфографии в качестве общего правила недопустима; оправдана она лишь тогда, когда на это «уполномочивают» источник и его автор.

Другим следствием легализации упрощенных подходов к публикации исторических источников, кроме разделения на «археографию до 1505 г.» и «археографию после 1505 г.», стало обособление с 1950-х годов крупных разделов археографии на основе вида или групп видов письменных источников (в основном средневековых), выступающих объектом публикации (актовая археография, археография древнерусской литературы, летописная археография)². Собственные принципы разработала археография берестяных грамот и филология — они весьма далеки от упрощения принципов публикации.

¹ Бунин И.А. Окаянные дни // Собр. соч. [Берлин,] 1935. Т. 10. С. 120.

² Структурирование археографии по принципу разновидности изданий, в которых публикуются источники, например «журнальная археография» (термин В.Ю. Афиани), развития не получило.

В ситуации постмодерна наблюдался отход от академических принципов археографии, сформировавшихся к середине 50-х годов XX в. и совершенствовавшихся впоследствии. Характерно, что критика сложившихся подходов находится во внеучном поле, оперируя трудностями набора, увеличением сроков подготовки публикации, возрастанием возможности ошибки при передаче текста «усложненным» способом и т.п. К аргументам, претендующим на научный характер, с определенной натяжкой можно отнести интересы некоего историка «общего профиля» — обобщенной фигуры «специалиста», которого вслед за историописателями XVIII–XIX вв. интересует лишь «фактическая сторона», «смысловое содержание» источников¹. Тем самым предполагается (а часто и довольно агрессивно навязывается) возврат к археографии периода историописания XVIII–XIX вв. либо даже более раннего времени. Между тем историческая наука (и источниковедение в частности) прошла с тех пор большой путь. Современных историков и источниковедов как раз интересуют те особенности источников, которые предлагается игнорировать. Именно эти особенности способны содействовать приращению исторического знания средствами палеографии, дипломатики, кодикологии, филиграноведения и иных отраслей исторического знания.

Обращение к фактической стороне источника представляется тем более архаичным, что само понимание факта, как оно представлено в историографии прошлых веков, претерпело значительные изменения. Характерно, что именно теоретик и практик археографии специально обратился к изучению факта, придя, во-первых, к выводу о «невозможности чисто механического выделения отдельного факта из потока реальности», во-вторых — к осознанию его многогранности². Для С.М. Каштанова факт не монолитен; исследователь выделяет «факты-поступки», «факты-стремления», «факты-стереотипы», «факты-процессы» и т.д. Не оценивая размышления автора с точки зрения науковедения (похоже, что факт в построении С.М. Каштанова коррелирует с исследовательской задачей), следует взглянуть на них с позиции археографии в ее «упрощенном» варианте. Какой же факт ожидают получить из источника, опубликованного по «упрощенным» правилам, историки «общего профиля»?

И тенденция к упрощению археографических подходов, и тенденция к их совершенствованию выступают хоть и разнонаправленными, но магистральными направлениями археографии. Оба направления сосуществуют в тех

¹ Никитин Н.И. Письмо в редакцию: об «усложненных» и «упрощенных» правилах издания актовых источников // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 120–121. От имени историка, готового «удовольствоваться упрощенным способом передачи текста, поскольку его занимает, главным образом, смысловое содержание памятника», формулирует свое отношение к проблеме и С.Н. Кистерев: Кистерев С.Н. Новое издание о России и греческом мире в XVI веке // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2005. Вып. 9. С. 314.

² Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 196–224.

же познавательных полях, в которых находятся социально ориентированное историописание и научная история.

«Правила издания...» 1990 г. заслуживают отдельного рассмотрения как очевидный итог развития археографии в советский период, обобщивший опыт публикации исторических источников и во многом заложивший существующие сегодня подходы.

«Правила...» различают три типа издания источников, определяемых их целевым назначением. Цель *научных изданий* — не только представить текст, но и исследовать историю источника, внешние особенности рукописи, словом, представить результат историковедческого, палеографического, текстологического, эвристического и т.д. исследования публикуемого текста. Все стороны такого комплексного исследования должны отражать научно-справочный аппарат публикации. *Научно-популярный тип издания* как в принципах передачи текста, так и в построении научно-справочного аппарата адаптирован для широкого круга читателей; издания *учебного типа* подчинены целям преподавания — они должны соответствовать учебной программе, предусматривающей выработку навыков самостоятельной работы учащихся с историческими источниками. «Правила...» подчеркивают, что не только первый, научный, тип издания, но и научно-популярный, учебный типы издания основаны на научных принципах.

Помимо типов изданий «Правила...» определяют их виды: пофондовые, тематические, издания документов одной разновидности или одного лица. Пофондовые публикации «Правила...» относят исключительно к изданиям научного типа, другие виды публикаций могут быть как научными, так и научно-популярными, учебными.

В «Правилах...» издания систематизируются также по формам и способам публикации. Они называют такие формы, как корпус (свод), серия, сборник, моноиздание, альбом, буклет, плакат, публикация в периодических и продолжающихся изданиях, публикация в приложениях к научным или научно-популярным работам либо в их тексте. По способу издания публикации разделяются на типографские (наборные) и факсимильные.

Основной объем «Правил...» посвящен технологии подготовки публикации. Они детально регламентируют такие операции, как выявление и отбор источников для публикации, выбор текста с учетом его редакций, изводов и вариантов, передача текста публикуемого источника. Важный момент публикации — правильное археографическое оформление документа, включающее составление заголовка (он должен включать указания даты, разновидности, автора и адресата, кратко характеризовать содержание) и легенды, задача которой — представить поисковые данные, архивную и археографическую судьбу, а также внешние признаки источника.

Особые требования «Правила...» предъявляют к научно-справочному аппарату издания. Он включает в себя предисловие (с исторической и археогра-

фической частями), примечания (текстуального характера и «по содержанию»; сейчас их принято называть комментариями), указатели (именной, географический, предметный), терминологический словарь, список сокращений, перечни публикуемых документов и используемых источников, оглавление.

«Правила...» 1990 г., составленные союзными научными учреждениями СССР буквально накануне распада Союза, недолго существовали в качестве нормативно-методического документа. Однако они несомненно заслуживают изучения и применения: научные принципы, на которых они основывались, высокие стандарты, задаваемые ими, делают «Правила...» актуальным ориентиром при подготовке публикаций исторических источников.

Компьютерные технологии еще кардинально не повлияли на развитие археологии, но, разумеется, предоставили широкие возможности для реализации обоих (научного и «упрощенного») подходов. В интернет-пространстве можно найти публикации исторических источников. Это страницы публикаций прошлых лет, отсканированные в форматах pdf, djvu или переведенные в формат html. Редкому и крайне дорогому в прошлом фототипическому способу публикации в Интернете соответствуют отсканированные страницы рукописей, представленные главным образом на сайтах архивохранилищ. Развитие этой практики следует приветствовать: она вводит в оборот ценные источники, труднодоступные для исследователей в регионах и за рубежом. При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что задачи археологии в таком виде, в каком они были сформулированы к началу века компьютерных технологий, о чем было сказано выше, не сводятся только к воспроизведению и тиражированию рукописи.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Видовая принадлежность данного историографического источника — учебное пособие, что не предполагает наличия заключения, в котором подводятся итоги и предлагаются выводы из всего вышеизложенного.

Но в завершение курса все же надо сказать несколько слов о тех перспективных направлениях и актуальных проблемах источниковедения, которые авторам пока еще не удалось представить целостно и системно. Причина этого — скудость имеющейся исследовательской практики, не дающей возможностей для обобщений. Очевидным образом эти направления и есть «точки роста» источниковедения в ближайшей перспективе.

В учебном пособии показано, что источниковедение традиционно развивалось как источниковедение письменных исторических источников, что было обусловлено присущим европейской культуре историческим типом социальной памяти, письменным по механизму фиксации информации. Однако существенные социокультурные трансформации последней трети XX — начала XXI в., визуальный и вещный повороты в гуманитарном знании заставляют обратить специальное внимание на иные, нежели письменные, типы исторических источников. И если вовлечение в исследовательскую практику визуальных источников уже началось, и началось успешно, то вещественные источники задействованы слабо, способы вовлечения их в научный оборот не разработаны; отдельные наработки можно обнаружить лишь в сфере музейного источниковедения и в новых направлениях археологии.

Еще одна область, которая требует источниковедческой разработки и нетривиальных исследовательских подходов, — это источники на электронных носителях (в том числе доступные в Интернете). И здесь стоит выделить несколько проблем: типологические характеристики и видовая природа виртуальных источников, способы порождения и сохранения исторических источников этого типа; и отдельная проблема — введение в научный оборот и социальные практики, публикация исторических источников через Интернет.

И наконец, на методологическом уровне необходимо компаративное изучение развития источниковедения и конституализации его дисциплинарного статуса в российской/советской историографии и теории исторического дискурса и практик деконструкции текста в европейской исторической науке второй половины XX в., после лингвистического поворота. В разделе по истории источниковедения мы показали, что в начале XX в. специальное внимание к объекту исторического изучения — историческому источнику — в русской версии неокантианства, в отличие от сосредоточенности неокантианства немецкого (Баденского) на логике исторического построения, на многие десятилетия, практически на век, предопределило существенные характеристики российской/советской исторической науки. Очевидно, что после периода рецепции европейских методологических идей пришла пора более глубокой интеграции и синтеза методологических достижений российской/советской и западной исторической науки, в том числе и в сфере источниковедения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Учебники и учебные пособия

Журавлев С.В. Современные методы и новые источники изучения истории России XX века : учеб.-метод. пособие. — М. : Изд-во РАГС, 2010. — 196 с.

Источниковедение. Проблемные лекции : учеб.-метод. модуль / сост. : Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева ; отв. ред. О.М. Медушевская. — М. : Изд-во Ипполитова, 2005. — 526 с. — (Я иду на занятия...).

Источниковедение. Программы курсов и планы семинарских занятий : учеб.-метод. модуль / сост. : Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева ; отв. ред. О.М. Медушевская. — М. : Изд-во Ипполитова, 2004. — 286 с. — (Я иду на занятия...).

Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. — М. : РГГУ, 1998. — 701 с. — Переизд. : 2000 ; 2004.

Источниковедение истории СССР : учебник / под ред. И.Д. Ковальченко. — М. : Высш. шк., 1973. — 559 с.

Источниковедение новейшей истории России : теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. — М. : РОССПЭН, 2004. — 743 с.

Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества : курс лекций. — М. : РГГУ, 1997. — 385 с.

Курс источниковедения истории СССР : учебник / ред. Ю.В. Готье. — М. : ОГИЗ, 1940. — Т. 1 : Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / М.Н. Тихомиров. — 256 с. ; Т. 2 : Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов) / С.А. Никитин. — 227 с.

Румянцева М.Ф. Теория истории : учеб. пособие. — М. : Аспект Пресс, 2002. — 319 с.

Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. : учеб. пособие. — М. : Соцэкгиз, 1962. — 495 с. : ил.

История источниковедения

Источники

Бернгейм Э. Введение в историческую науку / пер. с нем. В.А. Вайнштока ; под ред. В.В. Битнера. — 2-е изд. — М. : ЛИБРОКОМ, 2011. — 71 с. — (Академия фундаментальных исследований: история).

Бернгейм Э. Введение в историческую науку / пер. с нем. В.А. Вайнштока ; под ред. В.В. Битнера. — СПб. : Вестн. знания (В.В. Битнера), 1908. — 71 с.

Бернгейм Э. Введение в историческую науку / пер. с нем. под ред. С.Е. Сабина. — М. : М.Н. Прокопович, 1908. — 139 с.

Бернгейм Э. Философия истории, ее история и задачи / пер. с нем. А.А. Рождественского. — М. : Н.Н. Ключков, 1910. — 114 с.

Бестужев-Рюмин К.Н. Методы исторических занятий // Журнал Министерства народного просвещения. — 1887. — № 2. — С. 291–319.

Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. — СПб. : тип. А. Траншеля, 1872–1885. — 2 т.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. с фр. Е.М. Лысенко ; примеч. и ст. А.Я. Гуревича. — М. : Наука, 1986. — 256 с. — (Памятники ист. мысли).

Дройзен И.Г. Очерк историка // Дройзен И.Г. Историка / пер. с нем. Г.И. Федоровой ; под ред. Д.В. Складнева. — СПб. : Владимир Даль, 2004. — С. 449–580.

Дройзен И.Г. Энциклопедия и методология истории // Дройзен И.Г. Историка... — С. 39–448.

Источниковедение : теоретические и методические проблемы : сб. ст. / отв. ред. С.О. Шмидт. — М. : Наука, 1969. — 511 с.

Кареев Н.И. Из лекций по общей теории истории. — СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1913. — Ч. I : Историка (Теория исторического знания). — VI, 320 с.

Кареев Н.И. Историка (Теория исторического знания). — 2-е изд. — Пг. : тип. М.М. Стасюлевича, 1916. — VI, 281 с.

Ключевский В.О. Источниковедение : источники русской истории // Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. — М. : Мысль, 1989. — Т. 7. — С. 5–83.

Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / пер. с фр. А. Серебряковой. — СПб. : О.Н. Попова, 1899. — 280 с. — (Образоват. б-ка ; сер. 2).

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. — СПб. : Студ. изд. ком. при Ист.-филол. фак., 1910–1913. — 2 вып. — 802 с. : ил.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории : в 2 т. / подгот. текста : Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. — М. : РОССПЭН, 2010. — 2 т. — (Б-ка отеч. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX века).

Фриман Э. Методы изучения истории / пер. с англ. П. Николаева. — 2-е изд. — М. : К.Т. Солдатенков, 1893. — 344 с.

Фриман Э. Методы изучения истории / пер. с англ. П. Николаева. — М. : ЛИБРОКОМ, 2011. — 199 с. — (Академия фундаментальных исследований : история).

L'Histoire et ses méthodes / sous la dir. de Ch. Samaran, de l'Institut. — Nouv. éd. — Paris : Gallimard, 1961. — XIII, 1771 p. : ill.

Литература

Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин / редкол. : М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. — М. : РГГУ, 2010. — 434 с.

Когнитивная история : концепция — методы — исследовательские практики : ст. и материалы / отв. ред. : М.Ф. Румянцева, Р.Б. Казаков. — М. : РГГУ, 2011. — 506 с. : ил.

Медушевская О.М. История источниковедения в XIX–XX вв. — М. : МГИАИ, 1988. — 71 с.

Медушевская О.М. Источниковедение в России XX века : научная мысль и социальная реальность // Советская историография / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. — М. : РГГУ, 1996. — С. 42–77.

Медушевская О.М. Источниковедение в системе гуманитарного образования : концепция и программа курса / О.М. Медушевская, В.А. Муравьев // Труды Историко-архивного института / редкол. : Старостин Е.В. (гл. ред.) и др. — М. : РГГУ, 1996. — Т. 33. — С. 114–131.

Медушевская О.М. Современное зарубежное источниковедение. — М. : Высш. шк., 1983. — 147 с.

Медушевская О.М. Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. — М. : Наука, 1999. — Т. 2 (120). — С. 100–136.

Проништейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. — Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1991. — 664 с.

Проништейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма. — Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1989. — 414 с.

Простоволосова Л.Н. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин : учеб. пособие / Л.Н. Простоволосова, А.Л. Станиславский ; предисл. Ю.Н. Афанасьева ; отв. ред. О.М. Медушевская. — М. : МГИАИ, 1990. — 71 с. : ил.

Румянцева М.Ф. Эпистемологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского и современная источниковедческая парадигма // Источниковедение : поиски и находки : сб. науч. тр. — Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2000. — Вып. 1. — С. 3–13.

Теория источниковедения

Источники

Вопросы методологии исторической науки : сб. ст. / редкол. : Б.А. Белый и др. — М. : МГИАИ, 1967. — 199 с. — (Труды / Моск. гос. ист.-арх. ин-т ; т. 25).

Грицкевич В.П. Теория и история источниковедения : пособие для студ. / В.П. Грицкевич, С.Б. Каун, С.Н. Ходин. — Минск : БГУ, 2000. — 221 с.

Источниковедение : теоретические и методические проблемы : сб. ст. / отв. ред. С.О. Шмидт. — М. : Наука, 1969. — 511 с.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. — 2-е изд., доп. — М. : Наука, 2003. — 486 с.

Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (к постановке проблемы) // История СССР. — 1982. — № 3. — С. 129–148.

Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. — М. : Наука, 1975. — 281 с.

Литература

Беленький И.Л. Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960–1984 гг.) : аналит. обзор. — М. : ИНИОН, 1985. — 69 с. — Библиогр. : с. 43–69 (350 назв.).

Вжосек В. Культура и историческая истина / пер. с пол. К.Ю. Ерусалимский. — М. : Кругъ, 2012. — 334 с.

Казаков Р.Б. Я иду на занятия... по методологии и теории истории : учеб.-метод. модуль / Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. — М. : РГГУ : Исполитов, 2002. — 199 с.

Медушевская О.М. А.С. Лаппо-Данилевский и современное гуманитарное познание // Археографический ежегодник за 1994 год. — М. : Наука, 1996. — С. 238–255.

Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. — М. : РГГУ, 2008. — 361 с. : ил.

Медушевская О.М. Теория исторического познания : избр. произведения / сост. И.Л. Беленький. — СПб. : Университетская книга, 2010. — 572 с. : ил.

Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А.О. Чубарьян. — М. : Аквилон, 2014. — 575 с.

Источники российской истории XI–XVII веков

Источники

Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. / под ред. Д.С. Лихачева и др. — СПб. : Наука, 1997–2013. — 17 т.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. — СПб. : печатня В.И. Головина ; Л. : Изд. АН СССР, 1872–1927. — 39 т.

Сборник имп. Русского исторического общества. — СПб. : тип. имп. Акад. наук, 1867–1916. — 148 т.

Полное собрание русских летописей. — М. : Языки русской культуры, 1997–2000. — Т. 1–16, 19, 24 ; М. : Языки славянских культур, 2004–2008. — Т. 17, 20–23, 25, 27, 43 ; М. : Знак, 2007–2009. — Т. 18, 29 ; М. ; Л. : Изд-во АН, 1963. — Т. 28 ; М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2006–2009. — Т. 26, 30 ; М. ; Л. : Наука, 1968–1994. — Т. 31–39 ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2002–2003. — Т. 40, 42 ; М. : Археогр. центр, 1995. — Т. 41.

Иоасафовская летопись / под ред. и с предисл. А.А. Зимина. — М. : Изд-во АН СССР, 1957. — 240 с. : ил.

Иоасафовская летопись / сост. и авт. ст. : Ю.Д. Рыков, А.В. Кузьмин ; отв. ред. Ю.Д. Рыков. — М. : Рукописные памятники Древней Руси : ЯСК, 2014. — 242 с. : ил.

Летописец еллинский и римский / осн. сп. подгот. О.В. Твороговым и С.А. Давыдовой ; вступ. ст., археогр. обзор и крит. аппарат изд. подгот. О.В. Твороговым. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. — 2 т.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. — 647 с. : ил.

Пискаревский летописец / подгот. текста, введ. ст., примеч. и указ. О.А. Яковлевой // Материалы по истории СССР / редкол. : А.А. Новосельский (отв. ред.) и др. — М. : Изд-во АН СССР, 1955. — Вып. 2 : Документы по истории XV–XVII вв. — С. 5–210.

Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева ; под ред. В.П. Адриановой-Перетц ; доп. М.Б. Свердловва. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Наука, 1996. — 668 с. — (Лит. памятники).

Приселков М. Д. Троицкая летопись : реконструкция текста / отв. ред. В.В. Яковлев. — 2-е изд. — СПб. : Наука, 2002. — 514 с.

Псковские летописи / подгот. к печ. и ред. А.Н. Насонов. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. — Вып. 1. XIV, 148 с. ; 1955. — Вып. 2. — 364 с. : ил.

«Пчела» : древнерус. пер. / изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева ; отв. ред. А.М. Молдован. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008. — 2 т. — (Памятники славяно-рус. письменности. Нов. сер.).

Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр / отв. ред. М.В. Кукушкина. — СПб. : Глагол ; М. : Искусство, 1994. — 2 кн.

Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / подгот. к печ. и ред. К.Н. Сербиной. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. — 127 с.

Хроника Быховца / отв. ред. М.Н. Тихомиров. — М. : Наука, 1966. — 154 с. : ил.

Шлецер А.Л. Нестор : русские летописи на древле-славянском языке / пер. Д. Языкова. — СПб. : имп. тип., 1809–1819. — 3 ч.

Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года : публикация // Ист. архив. — 1951. — Т. 7. — С. 254–299.

Памятники русского права / под ред. и с предисл. С.В. Юшкова. — М. : Госюриздат, 1952–1963. — 8 вып.

Российское законодательство X–XX веков : [тексты и коммент.] : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М. : Юрид. лит., 1984–1994. — 9 т.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. — М. : тип. Н.С. Всеволожского, 1813–1894. — 5 ч.

Закон Судный людем : [списки краткой редакции и воспроизведение списков] / подгот. к печ. М.Н. Тихомирова, Л.В. Милова. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — 178 с. : ил.

Закон Судный людем пространной и сводной редакции / подгот. к печати М.Н. Тихомирова, Л.В. Милова. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — 286 с. : ил.

Мерило праведное : по рук. XIV в. / изд. под наблюд. и со вступ. ст. М.Н. Тихомирова. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — XIV, 698 с.

Правда Русская / подгот. к печ. : В.П. Любимов и др. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940–1963. — 3 т.

Акты, относящиеся к истории земских соборов / под ред. Ю.В. Готье. — М. : Гос. изд-во, 1920. — 80 с.

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подгот. Я.Н. Шапов. — М. : Наука, 1976. — 240 с.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века : тексты / подгот. текста Р.Б. Мюллер. — Л. : Наука, 1986. — 264 с.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века : комментарии / под ред. Н.Е. Носова, В.М. Панеяха. — Л. : Наука, 1987. — 262 с.

Псковская судная грамота / пер. и коммент. И.И. Полосина. — М. : МГПИ, 1952. — 160 с. — (Учен. зап. / Мос. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. — Т. 65 : Каф. ист. СССР ; вып. 3).

Смоленская «наказная» грамота Всероссийского митрополита Макария : по рук. прот. Александра Горского из собр. МДА № 108 : (из истории Стоглава) / подгот. Т.А. Исаченко. — М. : Археограф. центр, 1996. — 273 с. : факс.

Соборное уложение 1649 года : текст, комментарии / подгот. текста Л.И. Ивиной ; коммент. Г.В. Абрамовича и др. — Л. : Наука, 1987. — 448 с.

Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К.И. Яблонского. — Минск : Изд-во АН БССР, 1960. — 253 с.

Лазутка С. Первый литовский статут (1529 г.) = Pirmasis Lietuvos statutas (1529 m.) : Pirmasis Lietuvos statutas (1529 m.) / С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичюс. — Vilnius : Марги Раштай, 2004. — 522 с. : ил.

Статут Великого княжества Литовского 1588. Тексты. Справочник. Комментарии / редкол. : И.П. Шамякин (гл. ред.) и др. — Минск : Белорус. сов. энцикл., 1989. — 573 с. : ил.

Емченко Е.Б. Стоглав : исслед. и текст. — М. : Индрик, 2000. — 504 с.

Стоглав : Собор бывший в Москве при Вел. государе царе и Вел. князе Иване Васильевиче (в лето 7059) / гл. ред. М.Б. Данилушкин. — СПб. : Воскресение, 1997. — XIII, 287 с.

Судебники XV–XVI вв. / под общ. ред. Б.Д. Грекова. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. — 619 с. : ил.

Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера : описи копийных книг : в 2 т. / отв. ред. Н.Н. Покровский. — Новосибирск : Сиб. хронограф, 1993. — Т. 1. — 250 с.

Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.) / под ред. С.К. Богоявленского, И.С. Рябинина. — М. : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. — XVIII, 240 с.

Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.) / собр. и ред. А.М. Гневушев. — М. : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1914. — XIX, 421 с.

Акты, издаваемые Комиссиею, высочайше учрежденною для разбора актов в Вильне. — Вильна : тип. А.К. Киркора, 1865–1915. — 39 т.

Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. — СПб. : тип. Праца, 1841–1842. — 2 т.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — СПб. : тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. — 5 т.

Акты Московского государства, издаваемые имп. Академией наук / под ред. Н.А. Попова. — СПб. : тип. имп. Акад. наук, 1890–1901. — 3 т.

Акты, относящиеся до юридического быта древней России / под ред. Н. Калачова. — СПб. : тип. имп. Акад. наук, 1857–1884. — 3 т.

Акты, относящиеся к истории Западной России / гл. ред. С.М. Каштанов. — М. ; СПб. : Нестор — История, 2012. — Т. 1 (6) : Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 г. Шестая книга записей Литовской метрики. — 663 с.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб. : тип. II Отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1846–1853. — 5 т.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб. : Б. и., 1863–1892. — 15 т.

Акты Русского государства, 1505–1526 гг. / сост. С.Б. Веселовский. — М. : Наука, 1975. — 435 с.

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. : акты Соловецкого монастыря, 1479–1571 гг. / сост. И.З. Либерзон. — Л. : Наука, 1988. — 274 с.

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. : акты Соловецкого монастыря, 1572–1584 гг. / сост. И.З. Либерзон. — Л. : Наука, 1990. — 328 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. : в 3 т. / отв. ред. Б. Д. Греков. — М. : Изд-во АН СССР, 1952–1964. — 3 т.

Акты феодального землевладения и хозяйства : акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.) / сост. Л.И. Ивина. — Л. : Наука, 1983. — 352 с.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / подгот. к печ. Л.В. Черепнин. — М. : Изд-во АН СССР, 1951–1961. — 3 ч.

Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова / под общ. ред. А.И. Яковлева. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940–1945. — 2 ч.

Антилогов Г.Н. Нижегородские акты XVI века (1588–1600 гг.). — М. : Изд-во МГУ, 1977. — 462 с.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / подгот. В.Г. Гейман, Н.А. Казакова, А.И. Копанев и др. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — 408 с.

Дадыкина М.М. Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI–XVII вв. Исследование. Тексты. — М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2011. — 383 с.

Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. — СПб. тип. II Отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1846–1872. — 12 т.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печ. Л.В. Черепнин. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. — 587 с. : ил.

Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века : внешнеполитические договоры. — М. : Древлехранилище, 2003. — 367 с.

Литовская метрика / ред. : И.И. Лаппо и др. — СПб. : Сенат. тип., 1903–1915. — Отд. 1–2. (РИБ ; т. 20, 27, 30, 33).

Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. — Пг. : тип. «Научное дело», 1916. — VIII, 116 с.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1979. — 318 с.

Акты писцового дела (1644–1661 гг.) / сост. С.Б. Веселовский ; подгот. к печати А.Л. Станиславский, Э.Г. Чумаченко. — М. : Наука, 1987. — 287 с.

Акты писцового дела 60–80-х гг. XVII в. : сборник / сост. С.Б. Веселовский. — М. : Наука, 1990. — 475 с.

Акты писцового дела : материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве / ред. С.Б. Веселовский. — М. : Синод. тип., 1913–1917. — 2 т.

Акты, относящиеся до юридического быта Древней России / под ред. Н. Калачова. — СПб. : тип. имп. Акад. наук, 1857–1884. — 3 т.

Антилогов Г.Н. Рязанские писцовые и приправочные книги конца XVI века : текст. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — 272 с.

Беликов В.Ю. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI — начале XVII вв. / В.Ю. Беликов, Е.И. Колычева // Архив русской истории. — М. : Древлехранилище, 1992. — Вып. 2. — С. 93–121.

Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. / предисл. С.В. Бахрушина. — М. ; Л. : РАНИОН, 1930. — IX, 202, 56 с.

Памятники писцовых описаний дворцовых вотчин Нижегородского края последней трети XVII века / сост. : А.И. Комиссаренко (отв. сост.) и др. — М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2010. — 437 с.

Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / сост., вступ. ст., примеч. В.Н. Глазьева. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1998. — 208 с. : ил.

Переписная книга домового казны патриарха Никона, сост. в 17166 году по велению Царя Алексея Михайловича / сообщ. И.Д. Беляевым // Временник О-ва ист. и древностей российских. — М., 1852. — Кн. 15. — С. 1–136.

Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. / публ. подгот. И.Ю. Анкудинов и др. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 533 с.

Писцовые книги Новгородской земли / сост. К.В. Баранов. — М. : Древлехранилище : Археогр. центр, 1999–2009. — 6 т.

Писцовые книги Оболенского уезда первой трети XVII века / подгот. к публ. : М.С. Валова, О.И. Хоруженко. — М. : ИРИ РАН, 2014. — 431 с.

Писцовые книги XVI века / под ред. Н.В. Калачова. — СПб. : тип. II Отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1872. — 2 отд.

Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века : вотчинные земли / сост. : В.Ю. Беликов, С.С. Ермолаев, Е.И. Колычева. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. — 255 с.

Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века : поместные земли / сост. : В.Ю. Беликов, С.С. Ермолаев. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. — 360 с.

Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда, 1558–1560 гг. — М. : Археогр. центр, 1992. — 155 с. — (Материалы для истории Звенигородского края ; вып. 1.).

Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 годов / РГАДА, Звенигор. ист.-арх. и худож. музей. — М. : Памятники ист. мысли, 1997. — 295 с.

Шумаков С. А. Сотницы, грамоты и записи. — М. : Унив. тип. ; Синод. тип., 1902–1913. — 7 вып.

Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584–1586 гг. Т.А. Хлопова «с товарищи» // Источниковедение отечественной истории, 1984 : сб. ст. / редкол. : В.И. Буганов (отв. ред.) и др. — М. : Наука, 1986. — С. 238–253.

Таможенные книги Московского государства XVII века / под ред. А.И. Яковлева. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1951. — 3 т.

Таможенные книги города Великие Луки, 1669–1676 гг. / подгот. к печ. А.В. Юрасов. — М. : ИРИ РАН, 1999. — 278 с.

Таможенные книги сибирских городов XVII в. / гл. ред. Д.Я. Резун. — Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1997–2004. — 6 вып.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / подгот. Е.Н. Клитина и др. — М. : Наука, 1987. — 440 с. : ил.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Вытные книги. Хлебные, оброчные и переписные книги вотчин Кирило-Белозерского монастыря, 1559–1601 гг. / под ред. А.Г. Манькова. — М. ; Л. : Ин-т истории СССР, 1983. — 3 вып.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря, 1573–1595 гг. / под ред. А.Г. Манькова. — М. ; Л. : Ин-т истории СССР, 1978. — 2 вып.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. / под ред. А.Г. Манькова. — М. ; Л. : Ин-т истории СССР, 1987. — 2 вып.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. / под ред. А.Г. Манькова. — М. ; Л. : Ин-т истории СССР, 1980. — 2 вып.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря, 1574–1600 гг. / под ред. А.Г. Манькова. — М. ; Л. : Ин-т истории СССР, 1979. — 2 вып.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря, 1590–1600 гг. / под ред. А.Г. Манькова. — М. ; Л. : Ин-т истории СССР, 1976. — 3 вып.

Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века / под ред. М.Н. Тихомирова и А.А. Зимина. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. — 172 с. : ил.

Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / сост. С.Б. Веселовский ; подгот. к печати Л.Г. Дубинская, А.Л. Станиславский. — М. : Наука, 1983. — 479 с.

Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / подгот. текста С.Н. Богатырева. — М. : Археографический центр, 1996. — 188 с.

Боярская книга 1627 г. / под ред. и с предисл. В.И. Буганова. — М. : Ин-т истории СССР, 1986. — 207 с.

Боярская книга 1658 года / подгот. текста В.А. Кадик. — М. : Ин-т рос. ист., 204. — 335 с.

Боярская книга 1639 года / предисл. Н.М. Рогожин ; вступ. ст. М.П. Лукичев ; подгот. текста В.А. Кадик и др. — М. : Издат. центр Ин-та рос. истории РАН, 1999. — 264 с.

Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. : указ. состава государева двора по фонду Разрядного приказа / сост., подгот. текста и вступ. ст. С.П. Мордовиной, А.Л. Станиславского. — М. : ГАУ. ЦГА-ДА, 1979. — 2 ч.

Разрядная книга, 1475–1598 / подгот. текста, введ. ст. и ред. В.И. Буганова. — М. : Наука, 1966. — 614 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. В.И. Буганов. — М. : Ин-т истории СССР, 1977–2003. — 4 т.

Разрядная книга 1550–1636 / отв. ред. В.И. Буганов. — М. : Ин-т истории СССР, 1975. — 2 т.

Разрядная книга 1637–1638 гг. / сост. : В.И. Буганов и др. — М. : Ин-т истории СССР, 1983. — 186 с.

Разрядные книги 1598–1638 гг. / отв. ред. В.И. Буганов. М. : Ин-т истории СССР, 1974. — 398 с.

Родословная роспись дворян Палицыных / подгот. С.П. Мордовина, А.Л. Станиславский // Археографический ежегодник за 1989 год. — М. : Наука, 1990. — С. 276–291.

Роспись детей боярских Мещовска, Опакова, Брянска 1584 г. / подгот. А.Л. Станиславский // Археографический ежегодник за 1972 год. — М. : Наука, 1974. — С. 293–301.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подгот. к печ. А.А. Зимин. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. — 456 с.

Восстание в Москве 1682 года : сб. док. / сост. Н.Г. Савич. — М. : Наука, 1976. — 348 с.

Восстание И. Болотникова : док. и материалы / сост. : А.И. Копанев, А.Г. Маньков ; вступ. ст. И.И. Смирнова. — М. : Соцэкгиз, 1959. — 456 с.

Восстание московских стрельцов, 1698 год : (материалы следственного дела) : сб. док. / сост. А.Н. Казакевич ; предисл. В.И. Буганова. — М. : Наука, 1980. — 326 с.

Восстание 1662 г. в Москве : сб. док. / сост. В.И. Буганов. — М. : Наука, 1964. — 306 с. : ил.

Судные списки Максима Грека и Исака Собаки : текст и исслед. / подгот. к печ. Н.Н. Покровский. — М. : ГАУ при СМ СССР, 1971. — 181 с. : ил.

Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. — СПб. : тип. II Отделения Собств. е. и. в. канцелярии 1838. — 511 с.

Государственный архив России XVI столетия : опыт реконструкции : в 3 ч. / подгот. и коммент. А.А. Зимина. — М. : Ин-т истории СССР, 1978. — 3 вып.

Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / сост. С.Б. Веселовский. — М. : Наука, 1994. — 479 с.

История форм труда в Русском государстве первой половины XVII века : материалы по истории ремесленного труда и форм найма на посадах Русского государства : док. по г. Москве / сост. : А.Н. Сперанский (отв. сост.), Н.В. Устюгов, В.И. Шунков ; подгот. Н.Ф. Демидова. — М. : Ин-т истории СССР, 1988–1989. — 3 вып.

Крестьянские челобитные XVII в. : сб. док. : из собр. Гос. ист. музея / сост. : Н.В. Горбушина и др. — М. : Наука, 1994. — 329 с.

Описи архива Разрядного приказа XVII в. / подгот. текста и вступ. ст. К.В. Петрова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. — 808 с.

Описи Саввина-Сторожевского монастыря XVII века / сост. : С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина ; предисл. В.А. Кондрашиной. — М. : Археогр. центр, 1994. — 240 с. : ил.

Описи Соловецкого монастыря XVI века : коммент. изд. / отв. ред. М.И. Мильчик. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — 358 с. : ил.

Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / подгот. публ. С.О. Шмидт. — М. : Изд-во вост. лит., 1960. 195 с.

Опись архива Посольского приказа 1626 года / подгот. к публ. В.И. Гальцов. — М. : Б. и., 1977. — 2 ч.

Опись архива Посольского приказа 1673 года / подгот. к печ. В.И. Гальцов. — М. : ЦГАДА ; Археогр. комис., 1990. — 2 ч.

Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 го-да : Коммент. изд. / сост. З.В. Дмитриева, М.Н. Шаромазов. — СПб. : Петерб. востоковедение, 1998. — 380 с. : ил.

Памятники истории Восточной Европы : источники XV–XVII вв. — Варшава ; М. : Археографический центр, 1998. — Т. 3 : Документы Ливонской войны : (подлинное делопроизводство приказов и воевод), 1571–1580 гг. / сост. : И. Граля и др. — 287 с.

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / подгот. А.И. Плигузов. — М. : Яз. славян. культур, 2008. — 544 с. — (Studia historica).

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века : сборник / под ред. В.И. Буганова. — М. : Ин-т истории СССР, 1986–1992. — 5 вып.

Селифонтов Н.Н. Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII в. Василия Александровича Даудова. — СПб. : Археогр. комис., 1871. — 44, 196 с.

Ярославский архив дворян Викентьевых XVII века : сб. док. / сост. В. Н. Козляков. — Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1989. — 96 с.

Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. — СПб. : тип. II Отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1851–1871. — 10 т.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. — М. : В тип. Н.С. Всеволожского, 1813–1884. — 5 ч.

Посольская книга по связям России с Англией 1613–1614 гг. / подгот. текста Н.М. Рогожина. — М. : Ин-т истории СССР, 1979. — 244 с.

Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. / сост. Д.В. Лисейцев. — М. : Ин-т рос. истории, 2006. — 395 с.

Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. / сост. П.И. Прудовский. — М. : Древлехранилище, 2013. — 576 с.

Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и митрополитами), 1588–1594 гг. / подгот. : М.П. Лукичев, Н.М. Рогожин. — М. : Ин-т истории СССР, 1988. — 196 с.

Посольская книга по связям России с Ногайской ордой, 1489–1508 гг. / подгот. текста и вступ. ст. М.П. Лукичева и Н.М. Рогожина. — М. : Ин-т истории СССР, 1984. — 100 с.

Посольская книга по связям России с Ногайской ордой : (1576 г.) / подгот. В.В. Трепавлов. — М. : Ин-т рос. истории, 2003. — 93 с.

Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 г. : сборник / сост. : Рогожин Н.М., Батмаев М.М. — Элиста : Ин-т рос. истории, 2003. — 315 с.

Проезжая по Московии : (Россия XVI — XVII вв. глазами дипломатов) : сборник / сост. Г.И. Герасимова. — М. : Междунар. отношения, 1991. — 367 с. : ил.

Путешествия русских послов XVI — XVII вв. : статейные списки / подгот. Я.С. Лурье и Р.Б. Мюллер. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. — 491 с. : ил.

Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. / под ред. и с введ. А.В. Ефимова ; сост. : М.И. Белов, А.В. Ефимов, О.М. Медушевская. — М. : Наука, 1964. — XVI, 136 с. : карт., 194 л. карт.

Белокуров С.А. Планы г. Москвы XVII века. — М. : Комис. печатания гос. грамот и договоров, 1898. — 82 с. : ил.

Каиштанов С.М. Чертеж земельного участка XVI в. // Труды / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. — М. : МГИАИ, 1963. — Т. 17 : Вопр. источниковедения истории СССР / под ред. Е.А. Луцкого. С. 429–436 : ил.

Книга Большому Чертежу / подгот. к печ. и ред. К.Н. Сербиной. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. — 229 с.

Кусов В.С. Три новых русских чертежа московских земель XVII века // Археографический ежегодник за 1997 год. — М. : Наука, 1997. — С. 120–127.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году : в 2 т. — Факс. изд. — М. : Федер. служба геодезии и картографии России ; РГБ, 2003. — 175 с. : карт., 48 л. карт.

Александрия : роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. — М. ; Л. : Наука, 1965. — 286 с.

Баранкова Г.С. Шестоднев Иоанна экзарха Богарского : [исслед. и тексты] / Г.С. Баранкова, В.В. Мильков. — СПб. : Алетейя, 2001. — 972 с. : ил.

Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе : кн. Свящ. писания Ветхого и Нового Завета : в 10 т. — М. : Издат. отд. Моск. Патриархата, 1992–1997. — Т. 4, 7–10.

Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека : неизд. тексты. — Л. : Наука, 1984. — 277 с. : ил.

Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. — СПб. ; М. : Археогр. комис., 1868–1912. — 16 вып., сент. — апр.

Воинские повести Древней Руси / сост. Н.В. Понырко. — Л. : Лениздат, 1985. — 495 с.

Временник Ивана Тимофеева / подгот. к печ., пер. и коммент. О.А. Державиной. — Репр. изд. 1951 г. — СПб. : Наука, 2004. — 509 с. : ил.

Домострой / изд. подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. — СПб. : Наука, 1994. — 392 с. : ил.

Древнерусские княжеские жития / подгот. текстов, пер. и коммент. В.В. Кускова. — М. : Кругъ, 2001. — 399 с. : ил.

Древнерусские патерики : Киево-Печерский патерик ; Волоколамский патерик / изд. подгот. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. — М. : Наука, 1999. — 496 с.

Жизнь и житие Сергия Радонежского : сборник / сост., послесл. и коммент. В.В. Колесова. — М. : Сов. Россия, 1991. — 366 с. : ил.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / подгот. текста Н.К. Гудзия и др. — М. : Гослитиздат, 1960. — 479 с. : ил.

Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / сост., подгот. текстов, пер., вступ. ст. Н.И. Прокофьева. — М. : Сов. Россия, 1988. — 527 с. : ил. — (Сокровища древнерус. лит.).

Изборник 1076 года / изд. подгот. : М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Гольшенко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 2 т. — (Памятники славяно-русской письменности. Нов. сер.).

Изборник Святослава 1073 года / науч. ред. Л.П. Жуковская. — Факс. изд. — М. : Книга, 1983. — 266 с. : ил. + Прил. (79 с. факс).

Иосиф Волоцкий. Просветитель : пер. — М. ; Сортавала : Спасо-Преображен. Валаам. м-рь, 1993. — 382 с. — (Памятники церковной письменности).

Истрин В.М. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе : текст, исслед. и словарь. — Пг. : Отд. рус. яз. и словесности РАН, 1920–1930. — 3 т.

Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе : репр. изд. материалов В.М. Истрина / подгот. изд., вступ. ст. и прил. М.И. Чернышевой. — М. : Джон Уайли энд Санрайз, 1994. — 473 с.

Космологические произведения в книжности Древней Руси / подгот. В.В. Мильков, С.М. Полянский. — СПб. : Миръ, 2008. — 2 т.

Книга нарицаема Козьма Индикоплов / изд. подгот. В.С. Гольшенко, В.Ф. Дубровина. — М. : Индрик, 1997. — 776 с. : ил.

Книга хожений : записки русских путешественников XI–XV вв. / сост., подгот. текстов, пер., вступ. ст. Н.И. Прокофьева. — М. : Сов. Россия, 1984. — 447 с. : ил.

Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. — СПб. : Археогр. комис., 1906. — XXXVI, 215 с. : ил.

Крижанич Ю. Политика : тексты и пер. / подгот. текста к печати В.В. Зеленина ; пер. и коммент. А.Л. Гольдберга. — М. : Наука, 1965. — 735 с. : ил.

Литературный сборник XVII в. «Пролог» / подгот. О.А. Державиной и др. — М. : Наука, 1978. — 287 с. : ил.

Малето Е.И. Антология хожений русских путешественников, XII–XV ве-ка : исслед., тексты, коммент. — М. : Наука, 2005. — 438 с.

Малинин В.Н. Старец Елезарова монастыря Филофей и его послания : ист.-лит. исслед. — Киев : тип. Киево-Печер. Успен. лавры, 1901. — VIII, 768, 105 с.

Матвеевко В.А. Книги временные и образные Георгия Монаха / В. Матвеевко, Л. Щеголева. — М. : Наука, 2006. — 2 т. — (Памятники религ.-филос. мысли Древней Руси).

Нил Сорский. Предания и Устав / со вступ. ст. М.С. Боровковой-Майковой. — СПб. : ОЛДП, 1912. — 167 с.

Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / под ред. А.И. Пономарева. — СПб. : Журн. «Странник», 1894–1898. — 4 ч.

Памятники Куликовского цикла / сост. : А.А. Зимин и др. — СПб. : Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1998. — 412 с.

Памятники литературы древней Руси / сост. и общ ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. — М. : Худож. лит., 1978–1989. — 10 т.

Памятники общественной мысли Древней Руси : в 3 т. / сост., авт. вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский. — М. : РОССПЭН, 2010. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

Памятники отреченной русской литературы / собр. и изд. Н. Тихомировым. — М. : тип. г-ва «Обществ. польза», 1863. — 2 т.

Патерик Киево-Печерского монастыря / под ред. Д.И. Абрамовича. — СПб. : Археогр. комис., 1911. — 282 с.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. — 2-е изд. — Л. : Наука, 1981. — 432 с.

Повести Древней Руси XI — XII вв. / сост. Н.В. Поньрко ; вступ. ст. Д.С. Лихачева. — Л. : Лениздат, 1983. — 574 с. : ил.

Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле / исслед. и подгот. текстов М.О. Скрипиля. — Л. : Наука, 1969. — 218 с. : ил.

Повесть о Дракуле / исслед. и подгот. текстов Я.С. Лурье. — М. ; Л. : Наука, 1964. — 211 с. : ил.

Повесть о Земском соборе 1613 года / подгот. А.Л. Станиславский, Б.Н. Морозов // Вопр. истории. — 1985. — № 5. — С. 89–96.

Повесть о Петре и Февронии / подгот. текстов и исслед. Р.П. Дмитриевой. — Л. : Наука, 1979. — 339 с. : ил.

Повесть Симеона Суздальского об осьмом соборе // Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. — СПб. : тип. Акад. наук, 1878. — С. 198–210.

Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси, XI — XIII : исслед., тексты, пер. — СПб. : Наука, 1992. — 216 с.

Послания Ивана Грозного : текст и пер. / подгот. текста : Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье ; пер. и коммент. Я.С. Лурье. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. — 716 с. : ил.

Послания Иосифа Волоцкого / подгот. текста А.А. Зимина, Я.С. Лурье ; вступ. ст. И.П. Еремина, Я.С. Лурье. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. — 390 с. : ил.

Пустозерская проза : сборник / сост., предисл. и коммент. М.Б. Плехановой. — М. : Моск. рабочий, 1989. — 365 с.

Пустозерский сборник : автографы соч. Аввакума и Епифания / изд. подгот. Н.С. Демкова и др. — Л. : Наука, 1975. — XIV, 263 с. ; 193 л. факс.

Русская бытовая повесть, XV–XVII вв. / сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Ужанкова. — М. : Сов. Россия, 1991. — 444 с. : ил.

Русская демократическая сагира XVII века / подгот. текста, ст. и коммент. В.П. Адриановой-Перетц. — М. : Наука, 1977. — 254 с. : ил.

Симеон Полоцкий. Избр. соч. / подгот. текста, ст. и коммент. И.П. Еремина. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. — 282 с. : ил.

Сказание Авраамия Палицына / подгот. текста и коммент. О.А. Державиной и Е.В. Колосовой. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. — 346 с.

Сказание о Борисе и Глебе : факс. воспроизвед. житийных повестей из Сильвестровского сб. (вторая половина XIV в.). — М. : Книга, 1985. — 160 с. : ил. + Прил. (151 с).

Сказание о Мамаевом побоище : лицевая рукопись XVII века из собрания Гос. ист. музея : альбом. — М. : Сов. Россия, 1980. — 270 с. : ил.

Сказания и повести о Куликовской битве : [древнерус. тексты и пер.] / отв. ред. Д.С. Лихачев. — Л. : Наука, 1982. — 422 с. : ил.

Слово о полку Игореве / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. — 484, VIII, 46 с. : ил.

Сочинения Ивана Пересветова / подгот. А.А. Зимин. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. — 388 с. : ил.

Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. — Св.-Троицкая Сергиева лавра : Собств. тип., 1910–1911. — 3 ч.

Физиолог : пер. / изд. подгот. Е.И. Ванеева. — СПб. : Наука, 1996. — 168 с. — (Лит. памятники).

Хождение за три моря Афанасия Никитина / изд. подгот. Я.С. Лурье, Л.С. Семенов. — Л. : Наука, 1986. — 213 с. : ил.

Хождение за три моря Афанасия Никитина / пер., вступ. ст., ред. и коммент. С.Н. Кистерева ; послесл. Л.М. Сориной. — Тверь : Обл. тип., 2003. — 184 с. : ил., факс.

Хождение купца Федота Котова в Персию : крит. текст и пер. / публ. Н.А. Кузнецовой. — М. : Изд-во вост. лит., 1958. — 111 с. : ил.

Художественная проза Киевской Руси XI — XIII веков / сост., пер. и примеч. И.П. Еремина и Д.С. Лихачева ; вступ. ст. Д.С. Лихачева. — М. : Гослитиздат, 1957. — XII, 370 с. : ил.

Revelli G. Monumenti litterari su Boris e Gleb = Литературные памятники о Борисе и Глебе. — Genova : La Quercia, 1993. — XI, 706 p. : ill.

Древнейшие государства Восточной Европы : [ежегодник] / редкол. : Е.А. Мельникова (отв. ред.) и др. — М. : Вост. лит., 1991 — . — Изд. продолж.

Древнейшие государства на территории СССР : материалы и исследования, [1976–1998] / АН СССР. Ин-т истории СССР. — М. : Наука, 1976–2000.

Свод древнейших письменных известий о славянах, [I–IX вв.]. — 2-е изд., испр. — М. : Вост. лит., 1994–1995. — 2 т.

Бибиков М.В. Византийские исторические сочинения. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы : тексты, пер., коммент. — М. : Ладомир, 1997. — 188 с.

Константин Багрянородный. Об управлении империей : греч. текст, пер., коммент. / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. — 2-е изд., испр. — М. : Наука, 1991. — 496 с. : ил.

Лев Диакон. История / отв. ред. Г.Г. Литаврин. — М. : Наука, 1988. — 239 с. : ил.

Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. : сб. док. / подгот. к печ. Г.Е. Кочин. — Л. : Соцэкгиз, 1936. — 219 с.

Проконий из Кесарии. Война с готами / пер. С.П. Кондратьева ; вступ. ст. З.В. Удальцовой. — М. : Изд-во АН СССР, 1950. — 516 с.

Сочинение Константина Багрянородного «О фемах» (De thematibus) и «О народах» (De administrando imperio) / с предисл. Г. Ласкина ; изд. под. наблюд. А.И. Кирпичникова // Чтения в имп. О-ве ист. и древностей российских. — М., 1899. — Кн. 1. — С. 1–262.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения : «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора : тексты, пер., коммент. — М. : Наука, 1980. — 216 с.

ал-Гарнати А.Х. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. — М. : Наука, 1971. — 136 с. : ил.

Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата : тексты, пер., коммент. — М. : Наука, 1988. — 180 с.

Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. : тексты // Древнерусское государство и его международное значение / А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин и др. — М. : Наука, 1965. — С. 387–413.

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. — 194 с. : ил.

Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.) / собр., пер. и объяснил А.Я. Гаркави. — СПб. : тип. имп. Акад. наук, 1870. — VIII, 308 с.

Козин С.А. Сокровенное сказание : монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un Niruca tobciyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. — Т. 1 : Введ. в изуч. пам. Пер., тексты, глоссарии. — 620 с.

Плано Карпини Дж. дель. История Монгалов. — 3-е изд. *Рубрук Г. де.* Путешествие в Восточные страны. — 3-е изд. Книга Марко Поло. — 4-е изд. / вступ. ст. и коммент. М.Б. Горнунга. — М. : Мысль, 1997. — 461 с. : ил.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / отв. ред. В.В. Струве. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946–1960. — 3 т.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / факс., пер., транскр., примеч., исслед. В.П. Юдина ; подгот. Ю.Г. Баранова. — Алма-Ата : Гылым, 1992. — 245 с. : ил.

Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665 : дневник / пер. со старогол. В.Г. Трисман ; предисл. Р.И. Максимовой, В.Г. Трисман ; ред. : Й.Й. Дриссен-ван хэт Реве, Н.П. Копанева. — СПб. : Simposium, 1996. — 270 с. : ил.

Герберштейн С. Записки о Московии / редкол. : А.Л. Хорошкевич (отв. ред.) и др. — М. : Памятники ист. мысли, 2008. — 2 т.

Гордон П. Дневник, [1655–1659, 1659–1667, 1677–1678, 1684–1689, 1690–1695] / пер., ст., и примеч. Д.Г. Федосова. — М. : Наука, 2000–2014. — [5 т.].

Горсей Д. Записки о России, XVI — начало XVII в. / вступ. ст., пер. и коммент. А.А. Севастьяновой. — М. : Изд-во МГУ, 1990. — 288 с.

Дневник Марины Мнишек / под ред. Д.М. Буланина. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. — 200 с.

Колло Ф. да. Доношение о Московии / подгот. текста, пер. на рус. яз., вступ. ст. и коммент. О. Симчич. — М. : Наследие, 1996. — 85 с. : ил.

Маржерет Ж. Состояние российской империи : Ж. Маржерет в документах и исслед. / авт.-сост. : Ан. Берелович и др. — М. : Яз. славян. культур, 2007. — 551 с. — (Studia historica).

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / пер., примеч. и введ. ст. А.А. Морозова. — М. : Соцэргиз, 1937. — 208 с. : ил.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / введ., пер. и коммент. С.А. Аннинского. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. — X, 288 с. : ил.

Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / пер. с лат. В.И. Матузовой ; вступ. ст. М.В. Дмитриева и др. ; коммент. С.В. Думина. — М. : Изд-во МГУ, 1994. — 149 с. : ил., факс.

Олеарий А. Подробное описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / введ., пер. и примеч. А. Ловягина. — СПб. : А.С. Суворин, 1906. — 6, XXXII, 528 с. : ил.

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / пер., вступ. ст. и коммент. Л.Н. Годовиковой. — М. : Изд-во МГУ, 1983. — 271 с. : ил.

Россия в первой половине XVI в. : взгляд из Европы : трактаты / сост., авт. введ. ст., примеч., указ. О.Ф. Кудрявцев. — М. : Рус. мир, 1997. — 405 с. : ил.

Стрейс Я. Три путешествия / пер. Э. Бородиной. — М. : Соцэргиз, 1935. — 415 с. : ил.

Флетчер Дж. О государстве Русском / предисл. К.М. Оболенского. — Изд. 4-е. — М. : URSS, 2014. — XXII, 138 с.

Чанселлор Р. Рассказ капитана Чанселлора о его первом плавании, записанный Клементом Адамом, учителем королевских пажей : новое плавание, возглавлявшееся сэром Хью Уиллоуби, рыцарем, и открытие на северо-востоке в 1553 г. Моск. царства, осуществл. Ричардом Чанселлором, гл. навигатором экспедиции ; Письмо Ричарда Чанселлора к своему дяде Кристоферу Фронтингему, 1554. — Архангельск : Правда Севера, 1998. — 124 с. : ил.

Штаден Г. Записки о Московии / пер. С.Н. Фердинанд. — М. : Древлекхранилище, 2008–2009. — 2 т.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII в. : пер. / под ред. В.Л. Янина. — М. : Изд-во МГУ, 1987. — 261 с. : ил.

Генрих Ливонский. Хроника Ливонии / введ., пер. и коммент. С.А. Аннинского ; предисл. В.А. Быстрянского. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. — XV, 607 с.

Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси : тексты, пер. коммент. — М. : Ладомир, 1996. — 237 с.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе : тексты, пер., коммент. — 2-е изд., в одной кн., испр. и доп. — М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. — 779 с. : ил.

Джанашвили М.Г. «Картлис-Цховреба» — Жизнь Грузии // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис : Изд. Кавказск. учеб. округа, 1905. — Вып. 35. — С. 113–235.

Древнерусские города в древнескандинавской письменности : тексты, пер., коммент. / сост. : Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон. — М. : Наука, 1987. — 207 с.

Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия / под ред. : Т.Н. Джаксон и др. — М. : Рус. Фонд содействия образ. и науке, 2009–2010. — 5 т.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. — М. : Изд-во вост. лит., 1960. — 436 с. : ил.

История Армении Моисея Хоренского / пер. Н.О. Эмина. — М. : Лазарев. ин-т вост. яз., 1893. — XXXVI, 324 с.

Корюн. Житие Маштоца / пер. Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Оганджяна. — Ереван : Айпетрат, 1962. — 164 с. : ил.

Латиноязычные источники по истории Древней Руси : Германия, IX — первая половина XII в. : [сб. текстов] / сост., пер., коммент., предисл. М.Б. Свердлова. — М. ; Л. : Ин-т ист. СССР, 1989. — 206 с.

Латиноязычные источники по истории Древней Руси : Германия, середина XII — середина XIII в. : [сб. текстов] / сост., пер., коммент., предисл. М.Б. Свердлова. — М. ; Л. : Ин-т ист. СССР, 1990. — 398 с.

Летопись Картли : текст / пер. и примеч. Г.В. Цулая. — Тбилиси : Мецниереба, 1982. — 112 с.

Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. : тексты, пер., коммент. — М. : Наука, 1979. — 268 с.

Матузова В.И. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. : тексты, пер., коммент. / В.И. Матузова, Е.Л. Назарова. — М. : Индрик, 2002. 447 с. : ил., карт.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи : новые находки и интерпретации : тексты, пер., коммент. — М. : Вост. лит., 2001. — 496 с. : ил., карт.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи : тексты, пер., коммент. — М. : Наука, 1977. — 276 с. : ил.

Мровели Л. Жизнь картлийских царей : извлечение сведений об абхазах, народах Сев. Кавказа и Дагестана / пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г.В. Цулая. — М. : Наука, 1979. — 103 с.

Хроника Эрика / сост., отв. ред. и ред. пер. А.А. Сванидзе ; пер. со старошвед. А.Ю. Желтухина ; коммент. А.Ю. Желтухина и А.А. Сванидзе. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : РГГУ, 1999. — 252 с. : ил., табл.

Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники : тексты, пер., коммент. — М. : Наука, 1990. — 210 с. : ил.

Литература

Абрамович Г.В. К вопросу о степени достоверности писцовых книг XVI в. и методике ее установления // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1971. — Вильнюс : Минтис, 1974. — С. 31–42.

Абрамович Г.В. Поганая писцовая книга // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1978. — Вып. 9. — С. 173–194.

Абрамович Д.И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. — СПб. : Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. Акад. наук, 1902. — IV, XXX, 213 с.

Аделунг Ф.П. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. — М. : Имп. О-во ист. и древностей российских при Моск. ун-те, 1864. — 2 ч.

Азбелев С.Н. Новгородские летописи XVII века. — Новгород : Б. и., 1960. — 295 с. : ил.

Актовое источниковедение : сб. ст. / редкол. : С.М. Каштанов (отв. ред.) и др. — М. : Наука, 1979. — 272 с.

Алексеев Ю.Г. Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1987. — Вып. 18. — С. 93–110.

Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время : развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. — Л. : Наука, 1980. — 243 с.

Алексеев Ю.Г. Статьи о «вдачестве» : (опыт терминологического анализа древнерусских юридических актов) // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1978. — Вып. 9. — С. 148–173.

Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III : традиция и реформа. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. — 448 с.

Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства : очерк развития аппарата упр. XIV–XV вв. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. — 348 с. : ил.

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа, XII–XVII вв. — М. : Наука, 1973. — 476 с.

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа, XVII — первая четверть XVIII века. — М. : Наука, 1976. — 455 с.

Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного : комплексное кодированное исслед. — М. : Эдиториал УРСС, 1998. — 390 с. : ил.

Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960–1965. — 2 вып.

Андреев А.И. Чертежи и карты России XVII века, найденные в послевоенные годы // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков : сб. ст. / редкол. : И.И. Смирнов (отв. ред.) и др. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960.

Андреев В.Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. — Л. : Наука, 1986. — 145 с.

Анисимова Т.В. Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. — М. : Индрик, 2009. — 463 с. : ил.

Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник / предисл. С.О. Шмидта. — М. : Водолей, 2004. — 352 с. : ил.

Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли» : исслед. и текст. — М. ; Л. : Наука, 1965. — 231 с. : ил.

Белова О.В. Славянский бестиарий : слов. назв. и символики. — М. : Индрик, 2001. — 318 с. : ил.

Белова О.В. Фольклор и книжность : миф и исторические реалии / О.В. Белова, В.Я. Петрухин. — М. : Наука, 2008. — 263 с. : ил.

- Белокуров С.А. Арсений Суханов. — М. : Унив. тип., 1891–1894. — 2 ч.
- Бережков Н.Г. Литовская метрика как исторический источник. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. — Ч. 1. — 179 с.
- Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV века. — СПб. : тип. А. Траншеля, 1868. — 2, VI, 158, 378 с.
- Бибиков М.В. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. — СПб. : Алетейя, 1999. — 314 с.
- Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. — 287 с.
- Буганов В.И. «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени / В.И. Буганов, В.И. Корецкий, А.Л. Станиславский // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — Л. : Наука, 1974. — Т. 28. — С. 231–254.
- Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. — М. : Наука, 1969. — 440 с.
- Буганов В.И. Разин и разинцы. — М. : Наука, 1995. — 367 с.
- Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV–XVII вв. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. — 263 с.
- Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках : (по «житиям святых») / вступ. ст. Л.В. Черепнина. — М. : Наука, 1966. — 392 с. : ил.
- Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.) — М. : Изд-во АН СССР, 1960. — 488 с.
- Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. — 311 с.
- Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. — М. : Наука, 1975. — 215 с.
- Бычкова М.Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика / сост. и вступ. ст. : О.И. Хоруженко. Р.Б. Казаков. — М. : Квадрига, 2012. — 366 с. : ил. — (Ист. исслед.).
- Веселовский С.Б. Сошное письмо : исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства. — М. : Б. и., 1915–1916. — 2 т.
- Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. — 7-е изд. — Пг. ; Киев : Н.Я. Оглоблин, 1915. — VI, VIII, 699 с.
- Вовина В.Г. Новый летописец : история текста. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. — 398 с.
- Гальцов В.И. Кенигсбергский Нестор. — Калининград : Кн. изд-во, 2002. — 192 с. : ил.
- Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси : сравнит. исслед. — М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. — 696 с.
- Гиппиус А.А. История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.) : комплексный анализ и реконструкция : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / РАН, Ин-т славяноведения. — М. : Б. и., 2006. — 44 с.
- Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея» : (опыт текстол. анализа) // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — Л. : Наука, 1974. — Т. 23. — С. 68–97.
- Гольденберг Л.А. К вопросу о картографическом источниковедении // Историческая география России, XII — начало XX в. : сб. ст. к 70-летию проф. Л.Г. Бескровного. — М. : Наука, 1975. — С. 217–233.

Гольденберг Л.А. Картографические материалы как исторический источник и их классификация (XVII–XVIII вв.) // Проблемы источниковедения. — 1959. — Т. 7. С. 296–347.

Гольденберг Л.А. О методике издания картографических источников / Л.А. Гольденберг, О.М. Медушевская // Ист. архив. — 1961. — № 4. — С. 193–203.

Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ, 1642 — после 1720 гг. — М. : Наука, 1065. — 262 с. : ил.

Горский А. А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» : источниковедческие и историко-культурные проблемы. — М. : Ин-т рос. истории, 1992. — 172 с.

Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам : источниковедческий анализ золотоордынских документов. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. — 276 с.

Грицевская И.М. Индексы истинных книг. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — 254 с.

Данилевский И.Н. Повесть временных лет : герменевтические основы изучения летописных текстов. — М. : Аспект-пресс, 2004. — 383 с.

Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. — М. : Наука, 1987. — 228 с.

Демкова Н.С. Житие протопопа Аввакума : (творческая история произведения). — Л. : Изд-во ЛГУ, 1974. — 168 с.

Державина О.А. Древняя Русь в русской литературе XIX века : (сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX в.). Пролог : избр. тексты. — М. : ИМЛИ, 1990. — 416 с.

Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. — Л. : Наука, 1973. — 303 с.

Дмитриев Л.А. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII–XV вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерус. лит. — Л. : Наука, 1970. — С. 208–262.

Дмитриева З.В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — 348 с.

Древнерусская литература : источниковедение : сб. науч. тр. / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л. : Наука, 1984. 272 с. : ил.

Древнерусские письменные источники X–XIII вв. / под ред. Я.Н. Щапова. — М. : Круг, 1991. — 80 с.

Древняя Русь в свете зарубежных источников : учеб. пособие / под ред. Е.А. Мельниковой. — М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. — 622 с. : ил., карт.

Дробленкова Н.Ф. Великие Минеи Четии // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — Л. : Наука, 1985. — Т. 39. — С. 238–243.

Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древнерусской литературы. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. — 327 с.

Еремин И.П. Литература Древней Руси : (этюды и характеристики) / вступ. ст. Д.С. Лихачева. — М. ; Л. : Наука, 1966. 263 с.

Зиборов В.К. Русское летописание XI–XVIII веков : учеб. пособие, хрестоматия. — СПб. : СПбГУ, 2002. — 511 с. — (Студ. б-ка).

Зимин А.А. Источниковедческие проблемы истории раннего нестяжательства // Учен. зап. / Казан. пед. ин-т. — Казань, 1974. — Вып. 121. — С. 87–103.

Зимин А.А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — Л. : Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 12. — С. 160–173.

Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники : очерки по истории рус. общественной мысли сер. XVI в. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — 498 с.

Зимин А.А. Текстология пространной редакции Разрядных книг (за 1475–1537 гг.) / подгот. к печати А.И. Плигузова и В.Г. Зиминной // Архив русской истории. — М. : Древлехранилище, 1992. — Вып. 2. — С. 149–170.

Зимин А.А. Слово о полку Игореве. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. — 516 с.

Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуции, библиография. — Л. : Наука, 1969. — 248 с. : ил.

Ивина Л.И. Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1969. — Вып. 2. — С. 229–240.

Идейно-философское наследие Илариона Киевского : сб. ст. — М. : Ин-т филос. АН СССР, 1986. — 2 ч.

Изборник Святослава 1073 г. : сб. ст. / отв. ред. Б.А. Рыбаков. — М. : Наука, 1974. — 343 с. : ил.

Исследования по истории Литовской метрики : сб. науч. тр. : в 2 вып. / редкол. : В.Т. Пашуто и др. — М. : Ин-т истории СССР, 1989. — 2 вып. — 386 с.

История государства и права СССР : учебник. — М. : Госюриздат, 1961. — Ч. 1 / С.В. Юшков. — Изд. 4-е. — 679 с.

История спора о подлинности «Слова о полку Игореве» : материалы дискуссии 1960-х годов / вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Л.В. Соколовой. — СПб. : Пушкинский дом, 2010. — 792 с.

Источниковедение литературы Древней Руси : сб. ст. / редкол. : Д.С. Лихачев (отв. ред.) и др. — Л. : Наука, 1980. — 295 с. : ил.

Истрин В.М. Александрия русских хронографов : исслед. и текст. — М. : Унив. тип., 1893. — 739 с. разд. паг.

Казакова Н.А. А.А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — Л. : Наука, 1985. — Т. 39. — С. 348–364.

Казакова Н.А. Антифеодальные еретические движения на Руси XV — начала XVI в. / Н.А. Казакова, Я.С. Лурье. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. — 544 с. : ил.

Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения : исслед. и тексты. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. — 363 с. : ил.

Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв. : из истории междунар. культурных связей России. — Л. : Наука, 1980. — 278 с. : ил.

Казакова Н.А. Ливонские и ганзейские источники о внутривосточной истории России в конце XV — начале XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1976. — Вып. 7. — С. 148–166.

Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли : первая треть XVI в. — Л. : Наука, 1970. — 297 с.

Казакова Н.А. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана : (пер. письма Максимилиана Трансильвана) / Н.А. Казакова, Л.Г. Катушкина // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — Л. : Наука, 1968. — Т. 23. — С. 227–252.

Казакова Н.А. Вологодское летописание XVII–XVIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1981. — Вып. 12. — С. 66–90.

Каменский А.Б. К вопросу о родословных росписях конца XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1990. — Вып. 21. — С. 211–225.

Каиштанов С.М. Актовая археография. — М. : Наука, 1998. — 318 с.

Каиштанов С.М. Из истории русского средневекового источника : акты X–XVI вв. — М. : Наука, 1996. — 265 с.

Каиштанов С.М. Исследование о молдавской грамоте XV века. — М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. — 229 с. : ил.

Каиштанов С.М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. — М. : Наука, 2014. — 674 с. : ил.

Каиштанов С.М. На путях к Москве : (по запискам англичан середины XVI века) // Археографический ежегодник за 1997 год. — М. : Наука, 1997. — С. 107–119.

Каиштанов С.М. Очерки русской дипломатики. — М. : Наука, 1970. — 498 с.

Каиштанов С.М. Очерки социально-политической истории России конца XV — первой половины XVI в. — М. : Наука, 1967. — 392 с.

Каиштанов С.М. Русская дипломатика : учеб. пособие. — М. : Высш. шк., 1988. — 231 с. — (Б-ка историка БИ).

Каиштанов С.М. Финансы средневековой Руси. — М. : Наука, 1988. — 248 с.

Кириллина С. А. «Очарованные странники» : арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. — М. : Ключ, 2010. — 564 с. : ил.

Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси : материалы к курсу «Культура древней Руси». — М. : Аспект-Пресс, 1994. — 367 с. : ил.

Клосс Б.М. Избр. тр. — М. : Яз. рус. культуры, 1998–2001. — 2 т.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. — М. : Наука, 1980. — 312 с.

Клосс Б.М. О составе копийной книги московского митрополичьего дома // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1973. — Вып. 5. — С. 107–112.

Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве / послесл. и коммент. А.Н. Медушевского. — М. : Прометей, 1991. — 335 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. : ст., пер. и коммент. — Харьков : Изд-во Харьк. ун-та, 1956. — 347 с. : ил.

Ковальский Н.П. Источники по истории Украины XVI — первой половины XVII в. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА : учеб. пособие. — Днепропетровск : Изд-во ДГУ, 1979. — 73 с. : ил.

Ковальский Н.П. Источники по социально-экономической истории Украины XVI — первой половины XVII века : структура источниковой базы : учеб. пособие. — Днепропетровск : ДГУ, 1982. — 91 с.

Ковальский Н.П. Источниковедение истории Украины XVI — первой половины XVII века : учеб. пособие. — Днепропетровск : ДГУ, 1977–1979. — 4 ч.

Ковальский Н.П. Источниковедение социально-экономической истории Украины (XVI — первая половина XVII в.) : акты о городах : учеб. пособие. — Днепропетровск : ДГУ, 1983. — 70 с.

Коллманн Н.Ш. Соединенные честью : государство и о-во в России ран. нового времени. — М. : Древлехранилище, 2001. — 460 с.

Колмогоров А.Н. Новгородское землевладение XV века. *Бассальго Л.А.* Комментарии к писцовым книгам Шелонской пятины / предисл. В.Л. Янина. — М. : Наука, 1994. — 127 с.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. — М. : Вост. лит., 1999. — 254 с.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. : текст, пер., коммент. — М. : Вост. лит., 2009. — 223 с. : ил. — (Древнейшие источники по ист. Вост. Европы).

Копанев А.И. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. как источник по социально-экономической истории Севера // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1969. — Вып. 2. — С. 240–248.

Корецкий В.И. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени // Славяне и Русь : сб. ст. — М. : Наука, 1968. — С. 282–290.

Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. — М. : Наука, 1986. — 271 с. : ил.

Кудрявцев И.М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. — Т. 8. — С. 158–186.

Кусов В.С. Памятники отечественной картографии : учеб. пособие. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. — 145 с. : ил., карт., факс.

Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском : ист.-текстол. исслед. — М. : Наука, 1974. — 291 с. : ил.

Кучкин В.А. Сказание о смерти митрополита Петра // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — Л. : Изд-во АН СССР, 1962. — Т. 18. — С. 59–79.

Лазутка С.А. I Литовский Статут — феодальный кодекс Великого княжества Литовского. — Вильнюс : Гос. ун-т, 1973. — 211 с. : ил.

Лазутка С.А. Первый литовский статут : палеографический и текстологический анализ списков / С.А. Лазутка, Э. Гудавичюс. — Вильнюс : Минтис, 1983–1985. — Т. 1, ч. 1–2.

Лапто И.И. Литовский статут 1588 года. — Kaunas : Spindulio, 1934–1938. — 2 т.

Латышева Г.Г. Публицистический источник по истории опричнины : (к вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории : сб. тр. — М. : МГПИ, 1974.

Лимонов Ю.А. Герберштейн и русские летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1969. — Вып. 2. — С. 214–229.

Лимонов Ю.А. «Записки о Московской войне» Рейнгольда Гейденштейна и русские летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1976. — Вып. 7. — С. 178–190.

Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. — Л. : Наука, 1967. — 199 с. : ил.

Лихачев Д.С. Великое наследие : классические произведения лит. древней Руси. — М. : Сов. Россия, 1979. — 366 с. : ил.

Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. — 499 с.

Лихачев Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. — Л. : Наука, 1984. — 295 с. : ил.

Лицевой летописный свод XVI века : методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса / сост. : Е.А. Белоконов и др. — М. : РГГУ, 2003. — 223 с.

Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. — 532 с. : ил.

Лурье Я.С. Две истории Руси XV века : ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1994. — 240 с.

Лурье Я.С. Избранные статьи и письма. — СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2011. — 271 с.

Лурье Я.С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в. // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 17. — С. 130–168.

Лурье Я.С. О происхождении Радзивилловской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1987. — Вып. 18. — С. 64–83.

Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. — Л. : Наука, 1976. — 283 с.

Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. — СПб. : Наука, 1998. — 216 с.

Маньков А.Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. — Л. : Наука, 1980. — 271 с.

Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв. : материалы [XII, XV Всерос. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв. : проблемы изучения и издания»]. — Архангельск ; М. : Древлехранилище, 2002–2008. — 2 т.

Медушевская О.М. Пространство и время в науках о человеке : избр. тр. — М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2013. — 463 с. — (Humanitas).

Медушевский А.Н. Боярские списки первой четверти XVIII в. // Археографический ежегодник за 1981 год. — М. : Наука, 1982. — С. 158–163.

Мельников Ю.Н. Источники и происхождение разрядной книги 1559–1605 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1987. — Вып. 19. — С. 69–93.

Мельников Ю.Н. Местнические дела в Разрядном судопроизводстве 80-х годов XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1978. — Вып. 9. — С. 222–236.

Мерзон А.Ц. Писцовые и переписные книги XV–XVII вв. : учеб. пособие. — М. : МГИАИ, 1956. — 34 с.

Мерзон А.Ц. Таможенные книги XVII века : учеб. пособие. — М. : МГИАИ, 1957. — 68 с.

Мещерский А.Н. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. — 578 с. : ил.

Мещерский А.Н. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. — 112 с.

Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. — СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. — 895 с.

Мильков В.В. Кирик Новгородец : ученый и мыслитель / В.В. Мильков, Р.А. Симонов. — М. : Кругъ, 2011. — 537 с. : ил.

Молдован А.М. Слово о законе и благодати Илариона. — Киев : Наук. думка, 1984. — 240 с.

Мопель Э.Л. Приходо-расходные книги Псковской приказной избы в XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1991. — Вып. 22. — С. 204–217.

Мордовина С.П. К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. — М. : Наука, 1970. — С. 127–141.

Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. — М. : Индрик, 2005. — 285 с. : ил.

Морозова Л.Е. Сочинения Зиновия Отенского. — М. : Ин-т истории СССР, 1990. — 320 с.

Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV века. — М. : Наука, 1983. — 295 с.

Муравьева Л.Л. Московское летописание второй половины XIV — начала XV века. — М. : Наука, 1991. — 221 с.

Муравьева Л.Л. Рогожский летописец XV века. — М. : ИРИ, 1998. — 152 с.

Мурьянов М.Ф. Гимнография Киевской Руси. — М. : Наука, 2003. — 451 с. : ил.

Мыцьк Ю.А. Украинские летописи XVII века : учеб. пособие. — Днепропетровск : Изд-во ДГУ, 1978. — 87 с.

Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. : тексты, пер., коммент. — М. : Наука, 1993. — 240 с.

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях : междис. очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. — М. : Языки рус. культуры, 2001. — 784 с., портр.

Насонов А.Н. История русского летописания X — начала XVIII в. — М. : Наука, 1969. — 555 с.

Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. — М. : Памятники ист. мысли, 2001. — 445 с.

Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.) / сост., вступ. ст. Н.М. Рогожина. — М. : Ин-т истории СССР, 1990. — 239 с.

Павлов А.П. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг : (на примере писцовой книги Старицкого у. 1624–1626 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1985. — Вып. 17. — С. 100–120.

Павлов А.П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1978. — Вып. 10. — С. 206–225.

Павлов-Сильванский В.Б. Новый источник по истории вотчинного землевладения в Московском уезде в XVI в. // Источниковедение отечественной истории, 1984 : сб. ст. / редкол. : В.И. Буганов (отв. ред.) и др. — М. : Наука, 1986. — С. 101–127.

Павлов-Сильванский В.Б. Писцовые книги России XVI в. : проблемы источниковедения и реконструкции текста. — М. : Наука, 1991. — 246 с.

Панеях В.М. Кабальное холопство на Руси в XVI веке. — Л. : Наука, 1967. — 160 с.

Панеях В.М. Кабальные книги первой половины XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1979. — Вып. 11. — С. 89–113.

Панеях В.М. Холопство в первой половине XVII в. — Л. : Наука, 1984. — 261 с. : ил.

Панеях В.М. Холопство в XVI — начале XVII века. — Л. : Наука, 1975. — 268 с.

Плигузов А.И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. — М. : Индрик, 2002. — 415 с. : ил.

Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей : к истории рус. лицевого летописания. — М. : Наука, 1964. — 334 с. : ил.

Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (985–1237 гг.) / пер. А.В. Назаренко. — 2-е изд., испр. и доп. для рус. пер. — СПб. : Византинороссика, 1996. — 572 с.

Поздеева И.В. Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. — 2000. — № 6. — С. 112–120.

Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. — Новосибирск : Наука, 1973. — 229 с.

Постников А.В. Карты земель российских : очерк ист. геогр. изучения и картографирования нашего Отечества. — М. : Наш дом — L'age d'homme, 1996. — 192 с. : ил., карт.

Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. — М. : Наука, 1985. — 214 с. : ил.

Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. / подгот. к печати В.Г. Вовиной. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. — 325 с. : ил.

Прокофьев Н.И. Русские хождения XII–XV вв. // Литература древней Руси и XVIII в. : сб. ст. / редкол. : Н.В. Водовозов (отв. ред.) и др. — М. : МГПИ, 1979. — С. 3–264. — (Учен. зап. / Моск. гос. пед. ин-т ; № 363).

Прокофьева Л. С. Выгные книги Кирило-Белозерского монастыря как исторический источник по истории крестьян середины XVI в. // Аграрная история Европейского Севера СССР : сб. ст. — Вологда : Б. и., 1970. — С. 137–162.

Прохоров Г. М. Киприан / Г.М. Прохоров, Н.Ф. Дробленкова // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — Л. : Наука, 1985. — Т. 39. — С. 53–71.

Развитие русского права XV — первой половины XVII в. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. — М. : Наука, 1986. — 288 с.

Раздорский А.И. Конская торговля Москвы в XVII веке : (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). — М. : Старая Басманная, 2011. — 283 с. : ил.

Раздорский А.И. Торговля Вязьмы в XVII веке : (по материалам таможенных и кабацких книг города). — СПб. ; М. : Универсальные информационные технологии, 2010. — 835 с. : ил.

Раздорский А.И. Торговля Курска в XVII веке : (по материалам таможенных и оброчных книг города). — СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. — 768 с. : ил.

Ранчин А.М. Автобиографическое повествование в русской литературе второй половины XVI–XVII вв. : (Повесть Мартирия Зеленецкого, «Записка» Елеазара Анзерского, жития Аввакума и Епифания) // Автопортрет славянина / редкол. : Л.А. Софронова, Т.И. Чепелевская. — М. : Индрик, 1999. — С. 21–42.

Робинсон А.Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания : исслед. и тексты. — М. : Изд-во АН СССР, 1963. — 316 с. : ил.

Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения : (Стрыйковский и его хроника). — М. : Наука, 1966. — 310 с. : ил.

Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV — начала XVII вв. — М. : ИРИ, 1994. — 221 с. : ил.

Рогожин Н.М. Посольский приказ : колыбель российской дипломатии. — М. : Междунар. отношения, 2003. — 432 с.

Розов Н.Н. Повесть о белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV в. // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. — Т. 9. — С. 178–219.

Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. — М. : Наука, 1974. — 111 с.

С.В. Юшков : сборник / вступ. ст. С.И. Штамм. — М. : Юрид. лит., 1989. — 464 с. — (Труды выдающихся юристов).

Салмина М.А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — Л. : Наука, 1974. — Т. 29. — С. 98–124.

Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. — М. : Юрид. лит., 1988. — 176 с. : ил.

Седов П.В. К вопросу о достоверности данных боярских списков // Вспомогательные исторические дисциплины. — СПб. : Наука, 2000. — Вып. 27. — С. 53–63.

Семенов Л.С. Путешествие Афанасия Никитина. — М. : Наука, 1980. — 145 с. : ил.

Семенченко Г.В. Завещания церковных иерархов XV в. как исторический источник // Источниковедение отечественной истории, 1984 : сб. ст. / редкол. : В.И. Буганов (отв. ред.) и др. — М. : Наука, 1986. — С. 154–162.

Семенченко Г.В. О хронологии троицких актов второй половины XV в. // Археографический ежегодник за 1987 год. — М. : Наука, 1988. — С. 45–53.

Семенченко Г.В. О хронологии троицких актов конца XIV — первой половины XV вв. // Археографический ежегодник за 1984 год. — М. : Наука, 1986. — С. 100–109.

Семенченко Г.В. Удостоверительная часть духовных грамот XIV–XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1987. — Вып. 19. — С. 52–65.

Семенченко Г.В. К изучению статьи 100 Судебника 1550 г. // Источниковедение отечественной истории, 1981 : сб. ст. / редкол. : В.И. Буганов (отв. ред.) и др. — М. : Наука, 1982. — С. 256–271.

Сербина К.Н. Двинской летописец // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1973. — Вып. 5. — С. 196–219.

Сербина К.Н. Типографская летопись 1528 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1991. — Вып. 22. — С. 174–187 ; 1993. — Вып. 24. — С. 225–240.

Сербина К.Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. — Л. : Наука, 1985. — 135 с.

Синицына Н.В. Максим Грек в России. — М. : Наука, 1977. — 332 с. : ил.

Советское источниковедение Киевской Руси : историогр. оч. / редкол. : В.В. Мавродин (отв. ред.) и др. — Л. : Наука, 1979. — 246 с.

Солодкин Я.Г. «Временник» Ивана Тимофеева : источниковед. исслед. — Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2002. — 179 с.

Солодкин Я.Г. История позднего русского летописания : учеб. пособие. — М. : МАЛП, 1997. — 200 с.

Солодкин Я.Г. Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. — Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2008. — 237 с.

Солодкин Я.Г. Становление сибирской летописной традиции : (спорные источниковедческие проблемы). — Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2009. — 177 с.

Сотникова С.И. Повседневная жизнь Московии в русских географических чертежах XVII века // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. — М., 2002. — Вып. 9. — С. 288–313.

Ставицкий В. Київ и київське літописання в XIII столітті. — Київ : Києво-Могилянська акад., 2005. — 107 с.

Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. — М. : РГГУ, 2004. — 506 с.

Столярова Л.В. Книга в Древней Руси : XI–XVI вв. / Л.В. Столярова, С.М. Каштанов. — М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. — 448 с. : ил.

Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. : сб. ст. / под общ. ред. А.Н. Сахарова. — М. : Парад, 2000. — 343 с.

Творогов О.В. Переводная беллетристика XI–XIII в. // Истоки русской беллетристики : возникновение жанрового повествования в древнерусской литературе / отв. ред. Я.С. Лурье. — Л. : Наука, 1970. — С. 180–194.

Творогов О.В. Древнерусские хронографы. — Л. : Наука, 1975. — 320 с.

Тихомиров М.Н. Исследование о «Русской Правде» : происхождение текстов. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. — 254 с.

Тихомиров М.Н. Русское летописание / редкол. : С.О. Шмидт (отв. ред.) и др. — М. : Наука, 1979. — 384 с. : ил.

Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева : источники и известия. — М. : Нов. лит. обозрение ; Киев : Критика, 2005. — 544 с.

Толочко А.П. Краткая редакция Правды Русской : происхождение текста. — Київ : Інститут історії України НАН України, 2009. — 136 с. — (Ruthenica. Supplementum 1).

Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. — СПб. : Алетейя, 2003. — 296 с. — (Славянская б-ка).

Трофимова Н.В. Древнерусская литература. Воинская повесть XI–XVII вв. : курс лекций ; Развитие исторических жанров : материалы к спецсеминару. — М. : Флинта : Наука, 2000. — 208 с.

Турилов А.А. Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян. Этюды и характеристики. — М. : Знак, 2012. — 805 с.

Турилов А.А. Христианская литература у славян в середине X — середине XI в. и межславянские культурные связи / А.Н. Турилов, Б.Н. Флоря // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / отв. ред. Б.Н. Флоря. — М. : Яз. славян. культуры, 2002. — С. 399–458.

Ужанков А.Н. «Совестные книги» Древней Руси : (русское летописание и Страшный суд) // Россия–21. — М., 1999. — № 4. — С. 138–177.

Ужанков А.Н. Из лекций по истории русской литературы XI — первой трети XVIII вв. — М. : Инженер, 1999. — 153 с.

Ужанков А.Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 439 с.

Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. — М. : Наука, 1985. — 261 с.

Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. : (греческие рукописи в России). — М. : Наука, 1977. — 245 с. : ил.

Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. — М. : Индрик, 2003. — 512 с. : ил.

Хазанова С.И. Пискаревский летописец : происхождение, источники, авторство / науч. ред. И.Н. Данилевский. — М. : Квадрига, 2014. — 175 с.

Хоруженко О.И. Герб в практиках формирования родовых корпораций русского дворянства XVII–XIX вв. — М. : Квадрига, 2013. — 410 с. : ил. — (Ист. исслед.).

Хоруженко О.И. Метрические данные Росписи польским дорогам и локализация Еголдаева городища // Вестник РГГУ. — М., 2008. — № 4. — С. 302–310.

Черепнин Л.В. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. : (из истории производительных сил и производственных отношений) // Проблемы источниковедения. — 1955. — Т. 4. — С. 307–349.

Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. — М. : Наука, 1978. — 417 с.

Черепнин Л.В. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // Средние века : сборник. — М. : Наука, 1964. — Вып. 25. — С. 176–187.

Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. — М. : Наука, 1969. — 438 с.

Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Ист. записки. — 1948. — Т. 25. — С. 293–333.

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1951. — 2 ч.

Черепнин Л.В. Состав и происхождение Новгородской судной грамоты // Ист. зап. — 1947. — Т. 21. — С. 222–253.

Черепнин Л.В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // История СССР. — 1972. — № 4. — С. 46–64.

Черепнин Л.В. У истоков архивоведения и актового источниковедения («практической дипломатики») в России : (вотчинные архивы и судебная экспертиза документов в XV — начале XVI вв.) // Вопр. архивоведения. — 1963. — № 1. — С. 52–62.

Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. — Т. 4. — С. 9–150.

Шахматов А.А. История русского летописания. — СПб. : Наука, 2002–2003. — 2 кн.

Шахматов А.А. Повесть временных лет. — Пг. : Археогр. комис., 1916. — Т. 1 : Вводная часть. Текст. Примечания. — LXXX, 404 с.

Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб. : тип. М.А. Александрова, 1908. — XX, 687 с. : ил.

Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. — М. : Академический проект ; Жуковский : Кучково поле, 2001. — 879 с. : ил.

Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире : северная деревня конца XVI — начала XVIII века. — М. : Индрик, 2012. — 366 с.

Шеломанова Н.Б. Материалы для истории Москвы XVII в. : [судное дело о поверстании служб и тягла между Барашской и Казенной моск. дворцовыми слободами 1682/83 гг.] // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) : сб. ст. / редкол. : В.А. Кучкин (отв. ред.) и др. — М. : Ин-т рос. истории, 1997. — С. 50–127.

Шмидт С.О. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVIII в. : учеб. пособие / С.О. Шмидт, С.Е. Князьков. — М. : МГИАИ, 1985. — 102 с.

Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия : Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. — М. : Наука, 1984. — 277 с. : ил.

Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. — М. : Наука, 1978. — 291 с.

Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси, XI–XIV вв. — М. : Наука, 1972. — 340 с.

Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. — М. : Квадрига, 2009. — 509 с. : ил. — (Ист. исслед.).

Юрганов А.Л. «Правда» и «вера» русского средневековья / А.Л. Юрганов, И.Н. Данилевский // Одиссей. Человек в истории. 1997 / отв. ред. А.Я. Гуревич. — М. : Наука, 1998. — С. 145–170.

Янин В.Л. Новгородские акты, XII–XV вв. : хронологический комментарий. — М. : Наука, 1991. — 383 с.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения : Средневековый Новгород : учеб. пособие. — М. : Высш. шк., 1977. — 240 с. : ил.

Янин В.Л. Планы Великого Новгорода XVII–XVIII веков. — М. : Наука, 1999. — 108 с. : ил., 25 л. ил.

Справочные издания

Беленький И.Л. Роль географического фактора в отечественном историческом процессе : аналит. обзор. — М. : ИНИОН, 2000. — 113 с.

Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания : обзор советской литературы. — М. : Наука, 1975. — 344 с.

Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей, XIX–XX вв. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. — 927 с.

Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — начала XVII вв. (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). — М. : Археогр. центр ; СПб. : Дмитрий Буланин, 1994–1999. — 3 вып.

Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века : биогр. справ. — М. : Памятники ист. мысли, 2011. — 719 с.

Картографические документы государственных архивов : науч.-справ. пособие / сост. С.И. Сотникова. — М. : ВНИИДАД, 1989. — 87 с.

Каталог писцовых книг Русского государства. VI–XVII вв. : справочник / РГАДА. — М. : Памятники ист. мысли, 2001–2013. — 5 вып.

Клепиков С.А. Библиография печатных планов Москвы XVI–XIX веков / под ред. и со вступ. ст. М.Н. Тихомирова. — М. : Б. и., 1956. — 122 с.

Книги московских приказов в фондах ЦГАДА : опись, 1495–1718 гг. / сост. В.Н. Шумилов. — М. : ЦГАДА, 1972. — 327 с.

Кусов В.С. Московское государство XVI — начала XVIII века : свод. кат. рус. геогр. чертежей. — М. : Рус. мир, 2007. — 700 с. : ил.

Опись документальных материалов фонда № 135 [ЦГАДА] / сост. В.Н. Шумилов. — М. : ЦГАДА, 1971. — 203 с. : ил.

Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря, 1505–1537 / сост. перечня и подгот. науч.-справ. аппарата : С.М. Каштанов и др. — М. : Наука, 2007. — 539 с. : ил.

Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. — Л. : Наука, 1987–2004. — 3 вып., 7 кн.

Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. — 184 с.

Французова Е.Б. Указатель опубликованных писцовых и прочих описаний городов и посадов конца XV–XVI в. // Археографический ежегодник за 1991 год. — М. : Наука, 1994. — С. 248–259.

Фролов А.А. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли : (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов) / А.А. Фролов, Н.В. Пиотух. — М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2008. — 3 т.

Щапов Я.Н. Справочный инструментарий историка России. — М. : Наука, 2007. — 187 с.

Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. : хронол. реестр. — М. : Археогр. центр, 1994. — 261 с.

Источники российской истории XVIII — начала XX века

Источники

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. — СПб., 1830. — 45 т. ; Собрание 2. — СПб., 1830–1884. — 55 т. ; Собрание 3. — СПб., 1885–1916. — 33 т.

Российское законодательство X–XX веков : [тексты и коммент.] : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М. : Юрид. лит., 1984–1994. — 9 т.

Военные уставы Петра Великого / вступ. ст. и коммент. П.П. Епифанова ; под ред. Н.Л. Рубинштейна. — М. : Б. и., 1946. — 80 с. : ил.

Воинские артикулы Петра I. Устав морской : материалы по изуч. истории государства и права России. — М. : Хронограф, 1998. — 167 с. : ил.

Законодательство Петра I / отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. — М. : Юрид. лит., 1997. — 878 с. : ил.

Законодательство Екатерины II : в 2 т. / отв. ред. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. — М. : Юрид. лит., 2000–2001. — 2 т.

Крестьянская реформа в России 1861 г. : сб. законодат. актов : учеб. пособие / сост. К.А. Софроненко. — М. : Госюриздат, 1954. — 500 с.

Реформы Александра II : сб. док. / сост. : О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. — М. : Юрид. лит., 1998. — 460 с.

Городская семья XVIII века: семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / сост., введ. ст. и коммент. Н.В. Козловой. — М. : Изд-во МГУ, 2002. — 607 с. : ил.

История Москвы в документах XII–XVIII веков / авт.-сост. : М.П. Лукичев и др. — М. : Мосгорархив, 1997. — 319 с. : ил.

Уставы Российской Академии наук, 1724–1999 / редсовет : Ю.С. Осипов (предс.) и др. — М. : Наука, 1999. — 287 с.

Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. — М. : Наука, 1999. — 419 с.

Восстание декабристов : док. и материалы. — М. ; Л. : Наука, 1925–1984. — 18 т.

Дело Менделя Бейлиса : материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 года по обвинению в ритуальном убийстве / сост. Р.Ш. Ганелин. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. — 400 с.

Дело петрашевцев / подгот. к печ. В.Р. Лейкина. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1950. — 3 т.

Дело Чернышевского : сб. док. / подгот. текста, введ. ст. и коммент. И.В. Пороха. — Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1968. — 679 с. : ил.

Емельян Пугачев на следствии : сб. док. и материалов / сост. : Р.В. Овчинников, А.С. Светенко. — М. : Языки русской культуры, 1997. — 463 с.

Памятники московской деловой письменности XVIII века / под ред. С.И. Коткова. — М. : Наука, 1981. — 318 с.

Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII в.) / сост. Л.В. Данилова, М.Д. Курмачева. — М. : Ин-т истории СССР, 1987. — 266 с.

Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII в.) / сост. Л.В. Данилова, М.Д. Курмачева. — М. : Ин-т истории СССР, 1990. — 191 с.

Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг. : сб. док. / авт.-сост. Л.Т. Сенчакова. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. — 413 с.

Смилянская Е.Б. Дворянское гнездо середины XVIII века : Т. Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках» : [текст и исслед.]. — М. : Наука, 1998. — 204 с. : ил.

Внешняя торговля России через Петербургский порт, 1764 г. : ведомость об импорте ин. товаров / сост. и авт. введ. А.В. Демкин. — М. : Ин-т рос. истории РАН, 1996. — 124 с. : табл.

Внешняя торговля России через Петербургский порт, 1764 год : ведомость об экспорте рос. товаров / сост. и авт. введ. А.В. Демкин. — М. : Ин-т рос. истории РАН, 1996. — 132 с.

Переписная книга города Твери 1709 года / сост. : Н.В. Середа (отв. сост.) и др. — Тверь : ГЕРС, 2007. — 829 с.

Арсеньев К.И. Статистические очерки России. — СПб. : тип. имп. Акад. наук, 1848. — 10, 503 с. : ил.

Велецкий С.Н. Земская статистика : справочная книга по земской статистике. — М. : М. и С. Сабашниковы, 1899–1900. — 2 ч., 3 т.

Зябловский Е. Статистические описания Российской империи в нынешнем ее состоянии. — 2-е изд. — СПб. : В Морской тип., 1815. — 5 т.

Конская перепись 1882 г. — СПб. : Гл. управ. гос. коннозаводства, 1884. — 4, XLV, 176, 187 с.

Материалы по статистике движения землевладения в России / под ред. А.Е. Рейнбота. — СПб. : тип. В. Киришбаума, 1896–1917. — 25 т.

Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. — СПб. : Б. и., 1905. — 2 т.

Описания отдельных русских хозяйств. — СПб. : тип. С.-Петербур. градоначальства, 1897–1898. — 13 вып.

Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. — М. : Моск. губ. земство, 1877–1902. — 10 т.

Свод отчетов фабричных инспекторов за 1900–1914 г. — СПб. : тип. В.Ф. Киришбаума, 1902–1915. — 15 т.

Список фабрик и заводов Европейской России / сост. под ред. В.Е. Варзара. — СПб. : тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. — 721 с. разд. паг.

Статистика землевладения 1905 г. : свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. — СПб. : ЦСК МВД, 1907. — 272 с. разд. паг.

Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. По данным обследования, произведенного стат. учреждениями М-ва внутр. дел по поручению Стат. совета. — СПб. : ЦСК МВД, 1880–1885. — 8 вып.

Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом за 1900 год / сост. под ред. В.Е. Варзара. — СПб. : тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. — 629 с. разд. паг.

Стоимость производства главнейших хлебов : стат. свед. по материалам, полученным от хозяев. — СПб. : Б. и., 1915–1916. — 2 вып.

Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. / сост. : А.В. Ефимов, М.И. Белов, О.М. Медушевская ; под ред. и с введ. А.В. Ефимова. — М. : Наука, 1964. — XVI, 136 с. : ил., 194 л. карт.

Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. — Киев : Б. и., 1899–1910. — 2 вып. ; 2-я сер., вып. 1.

Открывая землю : редкие печатные карты и атласы из собрания отдела картографии : [альбом репродукций] / Рос. нац. б-ка. — СПб. : Рос. нац. б-ка, 2014. — 53, [27] с. : ил., карт., цв. ил.

Булгарин Ф.В. Видок Фиглярин : письма и агентур. зап. Ф.В. Булгарина в III отделе / подгот. А.И. Рейтблат. — М. : Новое лит. обозрение, 1998. — 700 с. : ил.

Екатерина II. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения / под ред. и с предисл. Н.Д. Чечулина. — СПб. : тип. Акад. наук, 1907. — VI, CLIV, 175 с. : ил.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / вступ. ст. Ю.М. Лотмана ; подгот. текста и коммент. А.Ю. Сегеня // Лит. учеба. — М., 1988. — № 4. — С. 88–142.

Катков М.Н. Имперское слово. — М. : Ред. ж-ла «Москва», 2002. — 502 с. : портр. — (Пути рус. имперского сознания).

Конституционные проекты в России. XVIII — начала XX века / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. — М. : РОССПЭН, 2010. — 640 с. — (Б-ка отеч. общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

Погодин М.П. Сочинения. — М. : Синод. тип, 1872–1876. — 5 т.

Посошков И.Т. «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения / ред., послесл. и коммент. Б.Б. Кафенгауза. — М. : Изд-во АН СССР, 1951. — 410 с. : ил.

Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву ; Вольность : ода / изд. подгот. В.А. Западов. — СПб. : Наука, 1992. — 671 с. : ил., 1 л. портр.

Сперанский М.М. Проекты и записки / подгот. к печ. А.И. Копанев, М.В. Кукушкина. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — 244 с. : ил.

Тургенев Н.И. Россия и русские / пер. с фр. и ст. С.В. Житомирской ; коммент. А.Р. Курилкина. — М. : ОГИ, 2001. — 742 с. : ил.

Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. и с предисл. И.П. Еремина. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — 502 с. : ил.

Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. — СПб. : Изд. В. Врублевского, 1906. — 84 с.

Щербатов М.М. Сочинения. — СПб. : кн. Б.С. Щербатов. — 1896–1989. — 2 т.

Энгельгардт А.Н. Из деревни : 12 писем, 1872–1887 / вступ. ст. П.В. Волобуева, В.П. Данилова. — М. : Мысль, 1987. — 639 с. : портр.

«Колокол» — газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вольная рус. типография, 1857–1867. Лондон — Женева / вступ. ст. Е.Л. Рудницкой. — Факс. изд. — М. : Изд-во АН СССР, 1962–1964. — 2 вып.

«Полярная звезда» — журнал А.И. Герцена и Н.П. Огарева : в 8 кн. 1855–1869. Вольная рус. типография. Лондон — Женева. — Факс. изд. — М. : Наука, 1966–1968. — 9 кн.

Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным : в 4 т. — Факс. изд. — М. : Книга, 1981–1987. — 5 т.

Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В.Г. Чернуха. — СПб. : Пушк. фонд, 2001. — 399 с. : ил., портр.

Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / авт. вступ. ст. М. Семевский. — СПб. : печатня В.И. Головина, 1871–1873. — 4 т.

Венчание с Россией : переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 г. / публ. Л.Г. Захаровой, Л.И. Тютюнник. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. — 183 с.

Герцен А.И. Былое и думы. [Любое изд.]

Греч Н.И. Записки о моей жизни / сост., послесл., коммент. Е.Г. Капустиной. — М. : Книга, 1990. — 395 с.

Екатерина II и Г.А. Потемкин : лич. переписка, 1769–1791 / изд. подгот. В.С. Лопатин ; отв. ред. С.Г. Десятков. — М. : Наука, 1997. — 990 с. : ил.

Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания : (рассказы в стеногр. записи и рукописные заметки) : в 2 т. / сост. Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — 2 т., 3 кн.

Муравьев Н. Письма декабриста, 1813–1826 гг. / подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент. Э.А. Павлюченко. — М. : Памятники ист. мысли, 2000. — 309 с. : ил.

Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, 1857–1861 ; Дневник великого князя Константина Николаевича [1858–1861] / сост., авт. вступ. ст., указ. и коммент. : Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. — М. : Терра, 1993. — 383 с. : ил.

Суворин А.С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / текстол. расшифровка Н.А. Роскиной ; подгот. текста Д. Рейфилда, О.Е. Макаровой. — London : The Garnett press ; М. : Независимая газета, 1999. — 665 с. : ил.

1812 год... : военные дневники / сост. и вступ. ст. А.Г. Тартаковского. — М. : Сов. Россия, 1990. — 461 с.

Юсуфов Ф.Ф. Мемуары : в 2 кн. : до изгнания. 1887–1919 : в изгнании / первый полн. пер. с фр. Е. Кассировой. — М. : Захаров, 2002. — 429 с. : ил.

Литература

Академик Г.Ф. Миллер — первый исследователь Москвы и Московской провинции : сборник / подгот. текста, ст. С.С. Илизарова ; коммент. И.Р. Грениной, С.С. Илизарова. — М. : Янус, 1996. — 255 с. : ил.

Ананьич Б.В. С.Ю. Витте-мемуарист / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин. — СПб. : РТ и Фор, 1994. — 95 с.

Беленький И.Л. Художественная литература и социально-историческое бытие XX века : возможности историко-источниковедческого подхода во второй половине 80-х - 90-х гг. (ст. первая) // Дискурс : коммуникативные стратегии культуры и образования / гл. ред. В.И. Тюпа. — М. : РГГУ, 2000. — Вып. 8/9. — С. 219–233.

Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. — Л. : Изд-во АН СССР, 1952. — 587 с. : ил.

Вдовин Г.В. Становление «Я» в русской культуре XVIII века и искусство портрета. — М. : Наш дом — L'Age d'Homme, 1999. — 253 с.

Вернадский Г.В. Очерк истории права Русского Государства XVIII–XIX вв. : (период империи) / предисл. А.С. Сенина. — М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 1998. — 174 с.

Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. — 7-е изд. — Пг. : Киев, 1915. — VI, VIII, 699 с.

Воробьев Н.Я. Очерки по истории промышленной статистики в дореволюционной России и в СССР : (методы наблюдения и разработки). — М. : Госстатиздат, 1961. — 132 с.

Воронкова С.В. Массовые источники по истории промышленности России конца XIX — начала XX века. — М. : Изд-во МГУ, 1995. — 104 с.

Воронкова С.В. Промышленная статистика в России в последние десятилетия XIX — начала XX вв. : (к проблеме эволюции статистических источников) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин : ст. и материалы / редкол. : И.Д. Ковальченко и др. — М. : Наука, 1984. — С. 95–104.

Воронкова С.В. Российская промышленность начала XX века : источники и методы изучения. — М. : Мосгорархив, 1996. — 242 с.

Гольденберг Л.А. Картографические материалы как исторический источник и их классификация (XVII–XVIII вв.) // Проблемы источниковедения. — М. : Изд-во АН СССР, 1959. — Т. 7. — С. 296–347.

Гольденберг Л.А. О методике издания картографических источников / Л.А. Гольденберг, О.М. Медушевская // Исторический архив. — 1961. — № 4. — С. 193–203.

Гольденберг Л.А. Петровские геодезисты и первый печатный план Москвы / Л.А. Гольденберг, А.В. Постников. — М. : Недра, 1990. — 160 с. : ил.

Дмитриев С.С. Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории, 1975 : сб. ст. — М. : Наука, 1976. — С. 272–305.

Дубин Б.В. Слово — письмо — литература : очерки по социол. совр. культуры. — М. : Новое лит. обозрение, 2001. — 412 с. : ил.

Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века : ист. и теор. жанра. — М. : Флинта : Наука, 2003. — 279 с.

Есин Б.И. Триста лет отечественной журналистики (1702–2002) / Б.И. Есин, И.В. Кузнецов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2002. — 223 с. : ил.

Зайцев А.Д. Петр Иванович Бартенева и журнал «Русский архив». — М. : Моск. учеб. и картолитогр., 2001. — 274 с.

Замуруев А.С. Приемы и методы кодификации при подготовке проекта Уложения Российского государства в 20-е годы XVIII в. : (на примере глав о противоцерковных преступлениях) // Вспомогательные исторические дисциплины. — СПб. : Наука, 1994. — Вып. 25. — С. 117–126.

Зыкова Г.В. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.) : разночинцы в эпоху дворян. культуры. — М. : Диалог-МГУ, 1998. — 129 с.

История и литература : [темат. цикл ст.] / подгот. С.С. Секиринский // Отечественная история. — 2002. — № 1. — С. 3–195.

Кабузан В.М. Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII — первой половины XIX вв. (1718–1858) // История СССР. — 1959. — № 5. — С. 128–140.

Кабузан В.М. О достоверности учета населения России (1858–1917) // Источниковедение отечественной истории, 1981 : сб. ст. — М. : Наука, 1982. — С. 100–117.

Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей : ист. анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. — М. : РГГУ, 2006. — 403 с.

Кащенко С.Г. Реформа 19 февраля 1861 г. на Северо-Западе России. — М. : Мосгорархив, 1995. — 188 с.

Кащенко С.Г. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года : источники и современные методы их изучения : учеб. пособие. — СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2013. — 276 с. : ил.

Кочаков Б.М. Русский законодательный документ XIX — нач. XX веков // Вспомогательные исторические дисциплины : сб. ст. / ред. А.С. Орлов. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. — С. 319–371.

Критский Ю.М. Русская историческая картография (XVIII — начала XX в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1978. — Вып. 10. — С. 169–181.

Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2004. — 547 с. — (Рус. юрид. наследие).

Литвак Б.Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII–XIX вв. : (к постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин : ст. и материалы. — М. : Наука, 1984. — С. 48–55.

Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. — М. : Наука, 1979. — 294 с.

Литвак Б.Г. Перепись населения 1897 года о крестьянстве России : (источниковедческий аспект) // История СССР. — 1990. — № 1. — С. 114–126.

Литвак К.Б. О пределах информативности пообщинных сводок земских переписей при изучении типов крестьянских хозяйств // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях : сб. ст. / отв. ред. И.Д. Ковальченко. — М. : Наука, 1985. — С. 67–81.

Литература и история : (исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.) : сб. ст. / отв. ред. Ю.В. Стенник. — СПб. : Наука, 1992–2001. — 3 вып.

- Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. — 2-е изд., испр. — М. : Искусство, 1995. — 320 с.
- Лотман Ю.М. Избр. статьи. — Таллинн : Александра, 1992–1993. — 3 т.
- Лотман Ю.М. Русская литература и культура Просвещения. — М. : ОГИ, 1998. — 519 с. — (Собр. соч. ; т. 1).
- Лурье Ф.М. Хранители прошлого : журнал «Былое» : история, редакторы, издатель. — Л. : Лениздат, 1990. — 255 с. : ил.
- Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века : (по материалам переписки). — М. : РОССПЭН, 1999. — 301 с. : ил.
- Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма : сб. ст. / отв. ред. И.Д. Ковальченко. — М. : Наука, 1979. — 415 с.
- Медушевская О.М. Пространство и время в науках о человеке : избр. тр. — М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 463 с. — (Humanitas).
- Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию : (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. — 312 с.
- Милиц С.С. Мемуары и российское дворянство : источниковед. аспект историко-психол. исследования. — СПб. : Нестор, 1998. — 260 с.
- Милиц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера : (к постановке проблемы) // История СССР. — 1979. — № 6. — С. 55–70.
- Миронов Б.Н. К вопросу об использовании скрытой исторической информации : (на материалах статистических источников XVIII — начала XX вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1985. — Вып. 17. — С. 17–35.
- Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука : в 2 кн. — М. : РГГУ, 1998–1999. — 2 кн.
- Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе. — М. : Наука, 1982. — 319 с.
- Оболенская С.В. Солдаты читают Л.Н. Толстого // Одиссей. Человек в истории. 2001. — М., 2001. — С. 287–310.
- Овчинников Р.В. По страницам исторической прозы А.С. Пушкина. — М. : Ин-т рос. истории РАН, 2002. — 294 с. : ил.
- Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками : источниковед. исслед. — М. : Ин-т рос. истории, 1995. — 272 с.
- Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй : просвещенный абсолютизм в России. — М. : Юрист, 1993. — 428 с. : ил.
- Островский М.М. Земская статистика помещичьего хозяйства как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1978. — Вып. 10. — С. 285–295.
- Панин С.В. Жанр биографии в русской литературе XVIII — первой трети XIX века : система, эволюция. — М. : Компания Спутник+, 2000. — 206 с.
- Петровская И.Ф. Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра : учеб. пособие. — Л. : Искусство, 1971. — 200 с.
- Петровская И.Ф. Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII — начала XX вв. — 2-е изд., доп. — М. : Музыка, 1989. — 318 с.
- Поппер К. Нищета историцизма : пер. с англ. — М. : Прогресс, 1993. — 186 с. — Особ. : Гл. 31 : Ситуационная логика. Историческая интерпретация. — С. 169–174.

Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII — начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. — М. : URSS, 2013 — 364 с. : ил., карт.

Постников А.В. Карты земель российских : очерк истории географического изучения и картографирования нашего Отечества. — М. : Наш дом — L'age d'homme, 1996. — 192 с. : ил., карт.

Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. — М. : Наука, 1985. — 214 с. : ил., карт.

Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. — М. : Наука, 1989. — 229 с. : ил.

Постников А.В. Русская Америка в географических описаниях и на картах, 1741–1867 гг. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. — 472 с. : ил., карт.

Постников А.В. Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.) : роль ист.-геогр. исслед. и картографирования. — М. : Памятники ист. мысли, 2007. — 460 с. : ил., карт.

Проблемы изучения русской литературы XVIII века : художественный метод и поэтика : межвуз. сб. науч. тр. / редкол. : В.А. Западов (отв. ред.) и др. — Л. : ЛГПИ, 1990. — 163 с.

Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. — М. : ОГИ, 2000. — 367 с.

Проскурин О.А. Поэзия Пушкина, или Подвижный Палимпсест. — М. : Новое лит. обозрение, 1999. — 462 с.

Пушкарев Л.Н. Человек о мире и самом себе : (источники об умонастроениях русского общества рубежа XVII–XVIII вв.). — М. : Биоинформсервис, 2000. — 261 с.

Развитие русского права в первой половине XIX века / отв. ред. Е.А. Скрипилев. — М. : Наука, 1994. — 315 с.

Развитие русского права во второй половине XIX — начале XX века / отв. ред. Е.А. Скрипилев. М. : Наука, 1997. 366 с.

Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. / отв. ред. Е.А. Скрипилев. — М. : Наука, 1992. — 309 с.

Рак В.Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века : ин. источники, состав, техника компиляции. — СПб. : Акад. проект, 1998. — 334 с.

Рак В.Д. Статьи о литературе XVIII века. — СПб. : Пушкинский дом, 2008. — 638 с. : ил.

Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении : ист.-социол. очерки о кн. культуре Пушкинской эпохи. — М. : Новое лит. обозрение, 2001. — 329 с. : ил.

Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. — М. : Новое лит. обозрение, 2009. — 447 с. — (Historia Rossica).

Рейтблат А.И. Писать поперек : статьи по биографике, социологии и истории литературы. — М. : Новое лит. обозрение, 2014. — 415 с. — (Науч. б-ка). — (Науч. приложение ; вып. 124).

Румянцева М.Ф. Для чего люди пишут мемуары? : (мемуаротворчество как способ социализации индивидуума) // Мир психологии : науч.-метод. журн. — М. ; Воронеж, 1998. — № 1 (13). — С. 141–155.

Румянцева М.Ф. Историческая наука и художественная литература : от модерна к постмодерну // История России XIX–XX веков : новые источники понимания / под ред. С.С. Секиринского. — М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2001. — С. 33–40.

Румянцева М.Ф. Источники по истории российского чиновничества второй половины XVIII в. // Археографический ежегодник за 1991 год. — М. : Наука, 1994. — С. 64–74.

Румянцева М.Ф. Российское законодательство XVIII в. : проблема преемственности и новаторства // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI — XIX вв. — М. : Парад, 2000. — С. 278–294.

Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX в. : источниковедческое исследование. — М. : Наука, 1976. — 276 с.

Рыбаков Ю.Я. Промышленное законодательство России XIX века : (к вопросу об эволюции законодательных источников) // Источниковедение отеч. истории, 1989 : сб. ст. — М. : Наука, 1989. — С. 98–132.

Рыбаков Ю.Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX века : (источниковедческие очерки). — М. : Наука, 1986. — 214 с.

Рыбаков Ю.Я. Рабочие расчетные книжки в России XIX века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) : сб. ст. / редкол. : В.А. Кучкин (отв. ред.) и др. — М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997. — С. 191–214.

Рыбаков Ю.Я. Свод законов Российской империи первой половины XIX в. : (к источниковедческой характеристике) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин : ст. и материалы. — М. : Наука, 1984. — С. 61–68.

Свавицкий Н.А. Земские подворные переписи : обзор методологии. — М. : Госстатиздат, 1961. — 355 с.

Сенчакова Л.Т. Крестьянские наказания и приговоры 1905–1907 годов // Судьбы российского крестьянства : сборник / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. — М. : РГГУ, 1996. — Кн. 1. — С. 56–89.

Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй : источниковед. исслед. — М. : Памятники ист. мысли, 2004. — 445 с. : ил.

Смилянская Е.Б. Поругание святых и святынь в России первой половины XVIII века (по материалам следственных дел) // Одиссей. Человек в истории. 1999. — М. : Наука, 1999. — С. 123–138.

Становление российского парламентаризма начала XX века / Н.Б. Селунская и др. — М. : Мосгорархив, 1996. — 283 с. : ил.

Тарасюк Д.А. Поземельная собственность пореформенной России : источниковедческое исслед. по переписи 1877–1878 гг. — М. : Наука, 1981. — 129 с.

Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика : опыт источниковедческого изучения. — М. : Наука, 1980. — 312 с.

Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. : от рукописи к книге. — М. : Наука, 1991. — 288 с.

Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. — М. : Археогр. центр, 1997. — 357 с.

Тихонов Ю.А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства : (по новым источникам первой половины XVIII в.). — М. : Кучково поле, 2008. — 351 с. : ил.

Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина : опыт прочтения. — М. : РГГУ, 1995. — 511 с. : ил.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического : избранное. — М. : Прогресс — Культура, 1995. — 621 с. : ил.

Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. — М. : Наука, 1999. — 222 с. : ил.

Фель С.Е. Картография в России XVIII века. — М. : Геодезиздат, 1960. — 226 с. : ил.

Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. — М. : Наука, 1999. — 419 с.

Чекунова АЕ. Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII вв. : опыт источниковедческого анализа. — М. : Рос. университет. изд-во, 1995. — 136 с.

Чернуха В.Г. Мемуары столичного чиновничества второй половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1983. — Вып. 14. — С. 195–216.

Чернуха В.Г. Паспорт в России, 1719–1917 гг. — СПб. : Лики России, 2007. — 295 с. : ил.

Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. — Л. : Наука, 1989. — 207 с.

Чудаков А.П. Предметный мир литературы : (к проблеме категорий исторической поэтики) // Историческая поэтика : итоги и перспективы изучения / редкол. : М.Б. Храпченко и др. — М. : Наука, 1986. — С. 254–291.

Шепелев Л.Е. Изучение делопроизводственных документов XIX — начала XX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1968. — Вып. 1. — С. 119–138.

Шепелев Л.Е. Некоторые проблемы источниковедческого и историко-вспомогательного изучения делопроизводственных документов XIX — начала XX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1983–1985. — Вып. 15–16.

Яцунский В.К. О применении статистического метода в исторической науке // Исследования по отеч. источниковедению : сб. ст. — М. ; Л. : Наука, 1964. — С. 26–36. — (Тр. / ЛОИИ ; вып. 7).

Справочные издания

Андреева Н.Ф. Русская периодическая печать : (общ. и отрасл. библиогр. указ., 1703–1975) : аннот. указ. / Н.Ф. Андреева, М.В. Машкова. — М. : Книга, 1977. — 183 с.

Беленький И.Л. Роль географического фактора в отечественном историческом процессе : аналит. обзор. — М. : ИНИОН, 2000. — 113 с.

Беляева Л.Н. Библиография периодических изданий России, 1901–1916 / Л.Н. Беляева, М.К. Зиновьева, М.М. Никифоров. — Л. : ГПБ, 1958–1961. — 4 т.

Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801–1917 : в 4 т. / отв. сост. Д.И. Раскин. — СПб. : Наука, 1998–2004. — 4 т.

Государственность России: гос. и церков. учреждения, сосл. органы мест. самоупр., единицы адм.-террит., церков. и ведомст. деления (конец XV в. — февр. 1917 г.) : слов.-справ. / Всерос. НИИ документоведения и арх. дела. — М. : Наука, 1999–2009. — 6 кн.

Григорьев В.Н. Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г. — М. : ЦСУ Союза ССР, 1926–1927. — 2 т. — (Центр. стат. упр. Союза ССР. Из работ Каб. с.-х. статистики им. А.Ф. Фортунатова при науч.-исслед. ин-те с.-х. экономии).

Два века русской картографии (XVIII — нач. XX в.) : кат. выст. [карт и атласов] / сост. и авт. введ. Л.В. Фролова. — СПб. : Изд-во Рос. нац. б-ки, 1997. — 69 с. : ил., карты.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях : аннот. указ. кн. и публ. в журн. / науч. рук., ред. и введ. П.А. Зайончковского. — М. : Книга, 1976–1989. — 5 т.

История русской литературы XIX — начала XX века : библиогр. указ. Общ. часть / под ред. К.Д. Муратовой. — СПб. : Наука, 1993. — 496 с.

История русской литературы XIX века : библиогр. указ. / под ред. К.Д. Муратовой. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. — 966 с.

История русской литературы конца XIX — начала XX века : библиогр. указ. / под ред. К.Д. Муратовой. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. — 519 с.

История русской литературы конца XVIII века : библиогр. указ. / под ред. П.Н. Беркова. — Л. : Наука, 1968. — 500 с.

Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг. : (материалы для истории русской журналистики). — Пг. : Изд. авт., 1915. — XVI, 1067 с.

Максимович Л.М. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оною виде / Л.М. Максимович, А. Щекатов. — М. : в Унив. типогр. у Хр. Клаудия, 1801–1809. — 7 ч.

Масанов Ю.И. Указатели содержания русских журналов и продолжающихся изданий, 1755–1970 гг. / Ю.И. Масанов, Н.В. Никитина, З.Д. Титова. — М. : Книга, 1975. — 439 с.

Машкова М.В. Общие библиографии русских периодических изданий 1703–1954 гг. и материалы по статистике русской печати : аннот. указ. / М.В. Машкова, М.В. Сокурова ; под ред. и со вступ. ст. П.Н. Беркова. — Л. : ГПБ, 1956. — 139 с.

Никитина Н.В. Указатели содержания русских журналов и продолжающихся изданий, 1971–1985 гг. — Л. : ГПБ, 1987. — 175 с.

Путеводитель по научным обществам России / сост. И.И. Комарова ; с предисл. Э. Касинца. — Нью-Йорк : Norman Ross Publ. Inc., 2000. — XVIII, 883 с.

Раздорский А.И. Общие печатные списки должностных лиц губерний и областей Российской империи (1841–1908) : библиогр. указ. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. — 94 с.

Российская историческая картография (XV — нач. XX вв.) : крат. слов.-справ. / А.Н. Ерошкина (отв. исполн.) и др. — М. : Науч. кн. : ВНИИДАД, 1997. — 206 с. : табл.

Русская периодическая печать (1702–1894) : справочник / под ред. А.Т. Дементьева и др. — М. : Госполитиздат, 1959. — 835 с. : ил.

Русская периодическая печать, 1728–1995 : указ. содерж. / сост. : Н.В. Никитина. — СПб. : Изд-во РНБ, 1998. — 799 с.

Русская философия : мал. энцикл. слов. / редкол. : А.И. Алешин (отв. ред.) и др. — М. : Наука, 1995. — 624 с.

Русские писатели, 1800–1917 : биогр. слов. / гл. ред. П.А. Николаев. — М. : Большая рос. энцикл., 1989–2007. — 5 т.

Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. : (кн. и период. изд.). — М. : ГБЛ СССР им. В.И. Ленина, 1971. — 9 ч.

Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. : листовки. — М. : ГБЛ СССР им. В.И. Ленина, 1977. — 3 ч.

Семенов-Тянь-Шанский П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. — СПб. : изданием чл.-соревнователя А.Н. Турубаева, 1863–1885. — 5 т.

Словарь русских писателей XVIII века / редкол. : А.М. Панченко (отв. ред.) и др. — Л. : Наука, 1988–2010. — 3 вып.

Справочники по истории дореволюционной России / под ред. П.А. Зайончковского. — 2-е изд. — М. : Книга, 1978. — 638 с.

Указатели содержания русских дореволюционных газет : библиогр. указ. / сост. : С.А. Кузьмин и др. — Л. : БАН, 1986. — 128 с.

Указатель русской литературы по описанию русских частновладельческих хозяйств, 1765–1902 гг. / сост. П.М. Богданов. — СПб. : тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. — 124 с.

Черепанов М.С. Русская периодическая печать (1895 — окт. 1917) : справочник / М.С. Черепанов, Е.М. Фингерей. — М. : Госполитиздат, 1957. — 351 с. : ил.

Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917 : биобиблиогр. справ. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. — 936 с.

Шилов Д.Н. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906 : биобиблиогр. справ. / Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2007. — 992 с.

Источники российской истории XX века

Источники

Аппарат ЦК КПСС и культура, 1973–1978 : док. : в 2 т. / сост. : С.Д. Таванец (отв. сост.) и др. — М. : РОССПЭН, 2011–2012. — 2 т. — (Культура и власть от Сталина до Горбачева. Документы).

Архив русской революции : в 22 т. / изд. Г.В. Гессеном. — М. : Современник, 1991–1993. — 22 т.

Документы внешней политики СССР / Мин-во ин. дел СССР ; А.А. Громыко и др. — М. : Госполитиздат, 1957–2000. — 24 т.

Красное или белое? : драма Августа–91 : факты, гипотезы, столкновение мнений : сборник / сост. Л.Н. Доброхотов и др. — М. : Терра, 1992. — 472 с.

Минувшее : ист. альманах. — М. ; СПб. : Прогресс Феникс, 1990–1999. — 25 вып.

Национальный вопрос на перекрестке мнений : 20-е гг. : док. и материалы / сост. В.А. Горный и др. — М. : Наука, 1992. — 269 с.

НЭП : взгляд со стороны : сборник / сост. и авт. предисл. В.В. Кудрявцев. — М. : Моск. рабочий, 1991. — 304 с.

Оглашению подлежит. СССР — Германия, 1939–1941 : док. и материалы / сост.-пер. Ю. Фельштинский ; предисл. В. Дашичева. — М. : Моск. рабочий, 1991. — 367 с. : ил.

Скрытая правда войны : 1941 год: неизвестные док. : сборник / сост. П.Н. Кнышевский. — М. : Рус. кн., 1992. — 382 с. : ил.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. : в 6 т. / гл. ред. комис. : А.А. Громыко (гл. ред.) и др. — М. : Политиздат, 1978–1984. — 6 т.

Андропов Ю.В. Избр. речи и ст. — М. : Политиздат, 1983. — 320 с., 1 л. портр.

Брежнев Л.И. Ленинским курсом : речи и ст. — М. : Политиздат, 1974–1983. — 9 т.

Горбачев М.С. Собр. соч. — М. : Весь Мир ; Горбачев-Фонд, 2008–2014. — 24 т.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. : в 55 т. — М. : Политиздат, 1960–1965. — 55 т.

Сталин И.В. Сочинения. — М. : Госполитиздат ; Тверь : Союз, 1946–2006. — 18 т.

Хрущев Н.С. Мир без оружия — мир без войны. — М. : Госполитиздат, 1960. — 2 т.

Хрущев Н.С. О внешней политике Советского Союза, 1960 год. — М. : Госполитиздат, 1961. — 2 т.

Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 8 т. — М. : Госполитиздат, 1962–1964. — 8 т.

Черненко К.У. Вопросы работы партийного и государственного аппарата. — М. : Политиздат, 1982. — 448 с.

Черненко К.У. Избр. речи и ст. — М. : Политиздат, 1984. — 670 с., 1 л. портр.

Черненко К.У. Народ и партия едины : избр. речи и ст. — М. : Политиздат, 1984. — 496 с., 1 л. портр.

Черненко К.У. По пути совершенствования развитого социализма. — М. : Политиздат, 1985. — 431 с., 1 л. портр.

Черненко К.У. Утверждать ленинский стиль в партийной работе. — М. : Политиздат, 1983. — 574 с., 1 л. портр.

Декреты Советской власти. — М. : Госполитиздат, 1957–1989. — Т. 1–13 ; М. : Археогр. центр, 1997. — Т. 14 ; М. : Эдиториал УРСС, 1999. — Т. 15 ; М. : РОССПЭН, 2004–2009. — Т. 16–18.

История советской Конституции : (в док.), 1917–1956 / предисл. и общ. ред. С.С. Студеникина. — М. : Госюриздат, 1957. — 1046 с.

Конституция (Основной Закон) Российской Федерации — России : принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апр. 1978 г., с изм. и доп., внесенными Законами РСФСР от 27 окт. 1989 г., от 31 мая; 16 июня и 15 дек. 1990 г., от 24 мая и 1 нояб. 1991 г. и Законом Российской Федерации от 21 апр. 1992 г. — М. : Верховный Совет Российской Федерации : Известия, 1992. — 111 с.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. С изм. и доп., принятыми на седьмой сессии Верховного Совета СССР шестого созыва : законы и законодательные акты. — М. : Юрид. лит., 1966. — 32 с.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные Законы) Союзных Советских Социалистических Республик. — М. : Юрид. лит., 1978. — 573 с. : ил.

Конституция Российской Федерации : по состоянию на 2014 год : с комментариями юристов компании «Гарант» / сост. : А.А. Кельцева, Н.А. Наххас. — М. : Эксмо, 2014. — 75 с. : ил. — (Гарант : достоверно и актуально).

Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. — М. : Юрид. лит., 1993. — 63 с.

Первые декреты Советской власти : сб. факс. воспроизвед. док. / сост. : Д.И. Антоноук и др. — М. : Книга, 1987. — 335 с. : ил.

Сборник законодательных актов Российской Федерации, 5 марта 1992 г. — 21 мая 1993 г. — М. : Республика, 1993. — 254 с.

Свод законов РСФСР. — М. : Сов. Россия, 1983–1989. — 9 т.

Собрание законодательства Российской Федерации : еженед. изд. — М. : Юрид. лит., 1994.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 15 т. — 9-е изд., доп. и испр. — М. : Политиздат, 1983–1989. — 15 т. ; 1990. — Справ. том. — 223 с.

РКП(б). Съезд (7; 1918; Петроград). Стенографический отчет. — М.: Политиздат, 1962. — ХLI, 401 с. : ил.

РКП(б). Съезд (8; 1919; Москва). Стенографический отчет. — Пг. : Коммунист, 1919. — 415 с.

РКП(б). Съезд (9; 1920; Москва). Стенографический отчет. — М. : Госиздат, 1920. — VII, 412 с.

РКП(б). Съезд (10; 1921; Москва). Стенографический отчет. — М. : Госполитиздат, 1963. — 915 с. : ил.

РКП(б). Съезд (11; 1922; Москва). Стенографический отчет. — М. : Госполитиздат, 1961. — XXII, 873 с. : ил.

РКП(б). Съезд (12; 1923; Москва). Стенографический отчет. — М. : Политиздат, 1968. — XXII, 903 с. : ил.

РКП(б). Съезд (13; 1924; Москва). Стенографический отчет. — М. : Политиздат, 1963. — XXIV, 883 с.

ВКП(б). Съезд (14; 1925; Москва). Стенографический отчет. — М. ; Л. : Госиздат, 1926. — VIII, 1029 с.

ВКП(б). Съезд (15; 1927; Москва). Стенографический отчет. — М. : Госполитиздат, 1961–1962. — 2 ч.

ВКП(б). Съезд (16; 1930; Москва). Стенографический отчет. — М. ; Л. : Госиздат, 1930. — VIII, 782 с. : ил.

ВКП(б). Съезд (17; 1934; Москва). Стенографический отчет. — М. : Партиздат, 1934. — 716 с.

ВКП(б). Съезд (18; 1939; Москва). Стенографический отчет. — М. : Госполитиздат, 1939. — 742 с.

КПСС. Съезд (20; 1956; Москва). Стенографический отчет. — М. : Госполитиздат, 1956. — 2 т.

КПСС. Съезд (21; 1959; Москва). Стенографический отчет. — М. : Госполитиздат, 1959. — 2 т.

КПСС. Съезд (22; 1961; Москва). Стенографический отчет. — М. : Госполитиздат, 1962. — 3 т.

КПСС. Съезд (23; 1966; Москва). Стенографический отчет. — М. : Госполитиздат, 1966. — 2 т.

КПСС. Съезд (24; 1971; Москва). Стенографический отчет. — М. : Политиздат, 1971. — 2 т.

КПСС. Съезд (25; 1976; Москва). Стенографический отчет. — М. : Политиздат, 1976. — 3 т.

КПСС. Съезд (26; 1981; Москва). Стенографический отчет. — М. : Госполитиздат, 1981. — 3 т.

КПСС. Съезд (27; 1986; Москва). Стенографический отчет. — М. : Госполитиздат, 1986. — 3 т.

КПСС. Съезд (28; 1990; Москва). Стенографический отчет : в 7 т. — М. : Политиздат, 1991. — 2 т.

Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР. Стеногр. отчет : в 3 т. — М. : Верховный Совет СССР, 1990. — 3 т.

Второй съезд народных депутатов СССР, 12–24 дек. 1989 г. Стеногр. отчет. — М. : Верховный Совет СССР, 1990. — 6 т.

XIX Всесоюзная конференция КПСС, 28 июня — 1 июля 1988 г. Стеногр. отчет : в 2 т. — М. : Политиздат, 1988. — 2 т.

XIX съезд профессиональных союзов СССР, 23–27 окт. 1990 г. Стеногр. отчет. — М. : Профиздат, 1991. — 573 с.

Из истории образования СССР. Стеногр. заседания секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. — 1991. — № 3. — С. 169–182; № 4. — С. 158–176; № 5. — С. 154–176.

Крестьянские истории : российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / сост., авт. предисл. С.С. Крюкова. — М. : РОССПЭН, 2001. — 232 с. : ил.

Лаврентий Берия. 1953 : стеногр. июл. пленума ЦК КПСС и др. док. / сост. : В. Наумов, Ю. Сигачев. — М. : Междунар. фонд «Демократия», 1999. — 509 с.

Отчетные материалы о деятельности Президиума Российской академии наук в 1997–2001 гг. — М. : Наука, 2001. — 192 с. : табл.

Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая — 9 июня 1989 г. Стеногр. отчет. — М. : Верховный Совет СССР, 1989. — 5 т.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : в 2 т. / предисл. А.А. Громыко. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1986–1989. — 2 т.

Пленум ЦК КПСС окт. 1987 года : стеногр. отчет // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 2. — С. 209–287.

Протоколы заседаний ЦК РКП(б) : 15, 20, 31 марта, 7, 26 апр., 3, 13, 18, 19 мая ; 16 сент. ; 2, 22, 25 окт. 1918 г. ; 16 янв. ; 5 февр. ; 14, 16, 17, 20 марта 1919 г. // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 3. — С. 102–110 ; № 4. — С. 143–146 ; № 6. — С. 154–172 ; № 7. — С. 146 ; № 8. — С. 156–173.

Протоколы пленарных заседаний ЦК РКП(б) : 25 марта, 13 апр., 4 мая, 7, 10, 11, 15 июня 1919 г. // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 12. — С. 133–174.

Протоколы Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства : сб. док. — М. : Наука, 1991–1993. — 2 ч.

Протоколы Президиума Госплана СССР, 1923 г. : сб. док. : в 2 ч. / редкол. : В.П. Воробьев (отв. ред.) и др. — М. : Экономика, 1991. — Ч. 1. — 365 с.

Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик, 1919–1924 / редкол. : М.П. Ким (гл. ред.) и др. — М. : Наука, 1985. — 231 с.

Российская Федерация. Федеральное Собрание. Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Весенняя сессия. — М. : Республика, 1994–1995. — 10 т.

Российская Федерация. Федеральное Собрание. Совет Федерации. Заседание (2–21; 1994–1995). [Второе — двадцать первое] заседание Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Стеногр. отчет. — М. : Республика, 1994–1995. — 20 вып.

Стенограмма февр.-март. (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б) (23 февр. — 5 марта) // Военно-исторический журнал. — 1993. — № 1. — С. 60–63.

Учредительное собрание, Россия 1918 : стеногр. и др. док. / сост. и авт. предисл. Т.Е. Новицкая. — М. : Недра, 1991. — 161 с.

Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях : доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 3. — С. 128–170.

Четвертый съезд народных депутатов СССР, 17–27 дек. 1990 г. Стеногр. отчет. — М. : Верховный Совет СССР, 1991. — 4 т.

Всесоюзная перепись населения 1939 года : осн. итоги : Россия / сост. В.Б. Жиромская. — СПб. : БЛИЦ, 1999. — 207 с.

Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг. : стат. сб. — М. : Информ.-издат. центр, 1990. — 235 с.

Народное хозяйство СССР в 1988 г. — М. : Финансы и статистика, 1989. — 765 с.

Народное хозяйство СССР в 1989 г. — М. : Финансы и статистика, 1990. — 766 с.

Народное хозяйство СССР в 1990 г. — М. : Финансы и статистика, 1991. — 750 с.

Народное хозяйство СССР за 70 лет : юбил. стат. ежегод. — М. : Финансы и статистика, 1987. — 768 с.

Советский Союз : [геогр. описание : в 22 т.] — М. : Мысль, 1967–1972. — 23 т.

Бухарин Н.И. Проблемы теории и практика социализма : [сборник]. — М. : Политиздат, 1989. — 512 с., 1 л. портр.

Валентинов Н.В. Наследники Ленина : [сборник] / ред.-сост. и авт. предисл. Ю.Г. Фельштинский. — М. : Терра, 1991. — 240 с.

«Не представляли себе... всех трудностей, связанных с войной» : доклад наркома обороны СССР Ворошилова об итогах советско-финской войны 1939–1940 гг. // Военно-исторический журнал. — 1993. — № 5. — С. 45–50.

Рыжков Н.И. Перестройка : история предательств. — М. : Новости, 1992. — 399 с. : ил.

Рыжков Н.И. Я из партии по имени «Россия». — М. : «Обозреватель» : РАУ — Корпорация, 1995. — 440 с. : ил.

Рыков А.И. Избр. произведения / редкол. : Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др. — М. : Экономика, 1990. — 495 с. : ил.

Рютин М.Н. На колени не встану : [сборник] / вступ. ст. Б.А. Старкова. — М. : Политиздат, 1992. — 351 с. : ил.

Сахаров А.Д. Тревога и надежда : сборник. — М. : Интерверсо : Междунар. отношения, 1991. — 335 с. : ил.

Судьбы русской интеллигенции : материалы дискуссий 1923–1925 гг. / отв. ред. В.Л. Соскин. — Новосибирск : Наука, 1991. — 219 с.

Суханов Н.Н. Записки о революции : в 3 т. / предисл. и примеч. А.А. Корникова. — М. : Политиздат, 1991–1992. — 3 т.

Троцкий Л.Д. К истории русской революции / сост., авт. предисл. и прим. Н.А. Васецкий. — М. : Политиздат, 1990. — 447 с., 1 л. портр.

Троцкий Л.Д. Уроки октября : (с приложением крит. материалов 1924 г.) / сост. Ю.А. Прохвятилов ; вступ. ст. В.И. Старцев. — СПб. : Лениздат, 1991. — 364 с. : портр.

«Я прошу записывать меньше: это не должно попасть в печать» : выступление В.И. Ленина на IX конференции РКП(б) 22 сент. 1920 г. // Исторический архив. — 1992. — № 1. — С. 12–30.

Яковлев А.Н. Горькая чаша : большевизм и реформация России. — Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1994. — 461 с.

Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия : перестройка : надежды и реальность. — М. : Новости, 1991. — 366 с. : ил.

Яковлев А.Н. Предисловие. Обвал. Послесловие / предисл. А. Ципко. — М. : Новости, 1992. — 286 с.

Меньшевистские и эсеровские листовки 1917–1918 года // Отеч. история. — 1993. — № 1. — С. 15–173.

Газеты первых лет Советской власти, 1917–1922 : свод. библиогр. каталог. — М. : ГБЛ, 1990. — 4 ч.

Газеты СССР, 1917–1960 : библиогр. справочник / Всесоюз. кн. палата. М. : Книга, 1970–1984. — 5 т.

Периодическая печать СССР, 1917–1949 : библиогр. указ. : журн., тр., бюл. / ред. : Я.И. Додзин, А.Б. Велижева. — М. : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1955–1963. — 10 т.

Политические партии, неформальные самодеятельные организации и независимая пресса СССР : (каталог-справочник) / отв. ред. В.Ф. Левичева. — М. : Б. и., 1990. — 307 с.

Русская эмиграция в Европе : свод. каталог период. изд., 1855–1940 / Etabli par T. Ossorgine-Bakounine. — Paris : Institut d'études slaves, 1990. — 354 p.

Амальрик А.А. Записки диссидента. — М. : Exlibris, 1991. — 432 с.

Андрей Дмитриевич : воспоминания о Сахарове. — М. : Terra : Газ. «Кн. Обзорение», 1990. — 367 с. : ил.

Буковский В. «И возвращается ветер...» ; Письма русского путешественника / предисл. А. Аджубея. — М. : Демокр. Россия, 1990. — 464 с.

Вернадский В.И. Собр. соч. : в 24 т. / под ред. Э.М. Галимова. — М. : Наука, 2013. — Т. 13–24.

Вишневецкая Г.П. Галина : история жизни. — СПб. : Библиополис, 1994. — 526 с. : ил. Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910–1930-е годы / сост. А.Б. Рогинский. — М. : Книга, 1989. — 479 с. : ил.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. — М. : Политиздат, 1989–1991. — 8 т.

Врангель П.Н. Воспоминания : в 2 ч. — М. : Центрполиграф, 2006. — 783 с. : ил.

Гиппиус З.Н. Петербургский дневник. — М. : Сов. писатель, 1991. — 127 с.

Громыко А.А. Памятное : в 2 кн. — М. : Политиздат, 1990. — 2 кн.

Из переписки А.М. Горького (1930–1935 гг.) // Известия ЦК КПСС. — 1991. — № 8. — С. 151–157.

Из переписки А.М. Горького : письма ЦК РКП(б) В.И. Ленину (1921) // Известия ЦК КПСС. — 1991. — № 6. — С. 152–156.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте : мемуары. — М. : Terra : Кн. лавка-РТР, 1996. — 511 с.

Махно Н.И. Воспоминания / вступ. ст. С.С. Волка ; коммент. С.С. Волка, И.А. Цыганова. — М. : Республика, 1992. — 334 с.

Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. / сост., вступ. ст. М.Г. Вандалковской ; коммент. А.Н. Шаханова. — М. : Современник, 1990. — 2 т.

Михайловский Г.Н. Записки : из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. : в 2 кн. — М. : Междунар. отношения, 1993. — 2 кн.

Октябрьская революция : мемуары / сост. С.А. Алексеев. — М. : Орбита, 1991. — 426 с.

Переписка Бориса Пастернака / сост., подгот. текста и коммент. Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернак ; вступ. ст. Л.Я. Гинзбург. — М. : Худож. лит., 1990. — 575 с.

Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине : [сборник] / сост. и авт. предисл. Л. Лазарев. — М. : Правда, 1990. — 428 с.

Сорокин П.А. Дальняя дорога : автобиография / пер. с англ., общ. ред., сост., предисл. и примеч. А.В. Липского. — М. : Terra : Моск. рабочий, 1992. — 304 с. : ил.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь : опыт автобиографии / вступ. ст. Н.С. Симонова. — М. : Панорама, 1991. — 622 с., 1 л. портр.

Троцкий Л.Д. Портреты революционеров / предисл. и примеч. М. Куна. — М. : Моск. рабочий, 1991. — 365 с.

Троцкий Л.Д. Дневники и письма / под ред. Ю. Г. Фельштинского ; предисл. А. Авторханова. — М. : Изд-во гуманит. лит. : Изд-во стандартов, 1994. — 256 с.

Хрущев Н.С. Пенсионер союзного значения / [о Н.С. Хрущеве] С. Хрущев. — М. : Новости, 1991. — 414 с. : ил.

Чернов В.М. Перед бурей / вступ. ст. С. Сергеева. — М. : Междунар. отношения, 1993. — 407 с. : ил.

Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым : из дневника Ф. Чуева / послесл. С. Кулешова. — М. : Терра, 1991. — 604 с. : ил.

Литература русского зарубежья. Антология : в 6 т. / авт. вступ. ст. и науч. ред. А.Л. Афанасьев. — М. : Книга, 1990–1991. — 2 т.

Актовое источниковедение : сб. ст. / редкол. : С.М. Каштанов (отв. ред.) и др. — М. : Наука, 1979. — 272 с.

Белая Г.А. Дон Кихоты революции — опыт побед и поражений : [синкретическое исследование русской литературы, критики и эстетики 20-х годов]. — [2-е изд., доп.]. — М. : РГГУ, 2004. — 621 с.

Борисова Л.В. Протоколы Президиума ВСНХ (1917–1920 гг.) : опыт источниковедческого анализа // Исторические записки. — 1988. — Т. 116. — С. 228–255.

Ваксер А.З. Персональные дела членов КПСС как исторический источник // Отеч. история. — 1992. — № 5. — С. 91–116.

Генетическая критика во Франции : антология / редкол. : А.Д. Михайлов (отв. ред.) и др. — М. : ОГИ, 1999. — 287 с.

Генкина Э.Б. Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник для изучения государственной деятельности В.И. Ленина. — М. : Наука, 1982. — 193 с.

Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917–1991. — М. : РОССПЭН, 2002. — 399 с.

Гриф секретности снят : потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах : стат. исслед. / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. — М. : Воениздат, 1993. — 416 с. : ил.

Дробижев В.З. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры : (опыт структурного анализа по материалам профсоюзной переписи 1918 г.) / В.З. Дробижев, А.К. Соколов, В.А. Устинов. — М. : Изд-во МГУ, 1974. — 224 с. : ил.

Дробижев В.З. У истоков советской демографии. — М. : Мысль, 1987. — 222 с.

Дробижева Л.М. Материалы конкретных социологических исследований как исторический источник : (к постановке вопроса) // Источниковедение отечественной истории : сб. ст. — М. : Наука, 1973. — Вып. 1. — С. 318–336.

Дубин Б.В. Классика, после и рядом : социологические очерки о литературе и культуре. — М. : Новое лит. обозрение, 2010. — 344 с. : ил. — (Нов. лит. обозрение : науч. прил. ; вып. 88). — (Науч. б-ка).

Дубин Б.В. Россия нулевых : политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. — М. : РОССПЭН, 2011. — 391 с. : ил.

Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого» : к социологии советского и постсоветского исторического романа. — М. : ГУ ВШЭ, 2003. — 43 с.

Дубин Б.В. Слово — письмо — литература : очерки по социологии соврем. культуры. — М. : Новое лит. обозрение, 2001. — 412 с. : ил. — (Науч. б-ка). — (Нов. лит. обозрение : науч. прил. ; вып. 26).

Жиromская В. Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения // История СССР. — 1990. — № 3. — С. 84–104.

Журавлев В. В. Декреты Советской власти 1917–1920 гг. как исторический источник : законодательные акты в сфере обобществления капиталистической собственности. — М. : Наука, 1979. — 399 с.

Злоказов Г. И. Обсуждение проекта Конституции 1977 г. : (обзор материалов центральных газет) // Исторические записки. — 1983. — Т. 109. — С. 203–237.

Ирошников М. П. В. И. Ленин и советские декреты (окт. 1917 — июль 1918 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1976. — Вып. 7. — С. 3–28.

Источниковедение истории советского общества : в 4 вып. / АН СССР. Ин-т истории СССР. — М. : Наука, 1964–1982. — 4 вып.

Кабанов В. В. Между правдой и ложью : отечественные мемуары XX века. — М. : ИРИ РАН, 2004. — 284 с.

Кабанов В. В. Разработка основного закона о социализации земли // Октябрь и советское крестьянство, 1917–1927 гг. : сб. ст. / редкол. : И. М. Волков (отв. ред.) и др. — М. : Наука, 1977. — С. 78–111.

Казак В. Лексикон русской литературы XX века. — М. : Культура, 1996. — 491 с.

Карпенко С. В. Разведсводки штабов Красной Армии как источник по истории внутренней контрреволюции и интервенции : (на примере врангельщины) // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1989. — Вып. 20. — С. 63–78.

Комиссаров Ю. П. Бюджеты рабочих 20-х годов как исторический источник : (вопросы источниковедения и методики обработки) / Ю. П. Комиссаров, Т. И. Славко // История СССР. — 1987. — № 2. — С. 108–120.

Коптилова Е. Ю. Уставы добровольческих культурно-просветительных обществ Ленинграда первой половины 20-х гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1987. — Вып. 18. — С. 248–256.

Коржихина Т. П. Законодательные источники по истории общественных организаций СССР (1917–1936 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1987. — Вып. 18. — С. 221–248.

Кочетков И. В. Статистика хлебной торговли в СССР (1923–1926 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. — Вып. 27. — С. 249–262.

Кулегин А. М. Некоторые вопросы изучения листовок 1917 г. с работами В. И. Ленина : (по материалам коллекции музея Великой Октябрьской социалистической революции) // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1989. — Вып. 20. — С. 50–63.

Курнов А. А. Собираание документов личного происхождения участников Великой Отечественной войны : система ценностей, тенденции и проблемы // Археографический ежегодник за 1990 год. — М. : Наука, 1992. — С. 3–8.

Лукьянова Е. А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917 — 1993). — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 190 с.

Луцкий Е. А. Декрет о земле // Ленинский декрет о земле в действии : сб. ст. / редкол. : И. И. Минц (отв. ред.) и др. — М. : Наука, 1979. — С. 11–47.

Луцкий Е.А. Проект закона о земле Всероссийского Учредительного собрания (1917 — 1918 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1982. — Вып. 13. — С. 90–108.

Лучин В.О. Указы Президента РФ : осн. соц. и правовые характеристики / В.О. Лучин, А.В. Мазуров. — М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2000. — 303 с.

Массовые источники по социально-экономической истории советского общества : сб. ст. / отв. ред. И.Д. Ковальченко. — М. : Изд-во МГУ, 1979. — 374 с.

Михайлов О.Н. Литература русского зарубежья. — М. : Просвещение, 1995. — 431 с.

Михайлова Н.М. О подготовке Истпартом издания протоколов съездов и конференций коммунистической партии // Археографический ежегодник за 1990 год. — М. : Наука, 1992. — С. 137–147.

Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны : (окт. 1917 — 1920 гг.). — М. : Издатпрофпресс, 2002. — 271 с.

Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России : (октябрь 1917 — 1920 гг.). — М. : Посев, 2001. — 159 с.

Петров В.А. Газета трудового коллектива как исторический источник : (на материале газеты «Кировец») // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1990. — Вып. 21. — С. 66–73.

Покровский Н.Н. Источниковедение советского периода : документы Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) первой половины 1920-х годов // Археографический ежегодник за 1994 год. — М. : Наука, 1996. — С. 18–46.

Рогов В.В. Основные виды банковских счетов в кредитных учреждениях Советской России (1917–1985 гг.) : (к постановке вопроса) // Энцикл. ежегод. ист. права и правоведения, 2000. — М. : МГИУ, 2000. — Вып. 1. — С. 74–85.

Романовский В. К. Письма рабочих как источник для изучения социального облика рабочего класса 20-х гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1990. — Вып. 21. — С. 54–65.

Свищев М.А. Налоговая статистика как источник для изучения социальной структуры города 20-х гг. // История СССР. — 1985. — № 6. — С. 128–142.

Стрекопытов С.П. Журнал «Социалистическая реконструкция и наука» («СО-РЕНА») как источник по истории организации науки в системе ВСНХ — Наркомтяжмаша СССР 1931–1936 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л. : Наука, 1991. — Вып. 22. — С. 73–87.

Тамм И.Е. К изучению делопроизводственных документов первых лет Советской власти : (о классификации и археографическом заголовке) // Археографический ежегодник за 1981 год. — М. : Наука, 1982. — С. 188–201.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати : учеб. пособие. — М. : Аспект Пресс, 2002. — 320 с.

Фельштинский Ю.Г. К истории нашей закрытости : законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. — М. : Терра, 1990. — 184 с.

Черноморский М.Н. Мемуары как исторический источник : учеб. пособие. — М. : МГИАИ, 1959. — 80 с.

Яров С.В. Доклады агитаторов как источник для изучения политического протеста крестьян Северо-Запада Советской России в 1918–1919 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — Вып. 28. — С. 391–411.

Источниковедение истории советского общества : указ. лит. — М. : Ин-т ист. СССР, 1987–1989. — 2 ч.

Беленький И.Л. Проблемы биографического жанра в советской исторической науке : науч.-аналит. обзор. — М. : ИНИОН АН СССР, 1988. — 28 с. — (Сер. : Методол. пробл. истории).

Беленький И.Л. Роль географического фактора в отечественном историческом процессе : анализ. обзор. — М. : ИНИОН, 2000. — 113 с.

История : библиография. Дневники, воспоминания, документы / сост. : Николюкин А.П., Макаренко В.А., Беленький И.Л. и др. // Образ России. Русская культура в мировом контексте. — М. : Азбуковник, 1998. — С. 226–307.

Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР : материалы к источниковедению и историографии (1917–1990 гг.) / ред. С.П. Стрекопытов. — М. : РГГУ, 1992. — 236 с.

Коржихина Т.П. Общественные организации в СССР : материалы к источниковедению и историографии / отв. ред. С.П. Стрекопытов. — М. : РГГУ, 1992. — 179 с.

Компаративное источниковедение как метод сравнительно-исторического исследования

Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании : тез. докл. и сообщений науч. конф. / редкол. : В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. — М. : РГГУ, 1996. — 448 с.

Источниковедческая компаративистика и историческое построение : тез. докл. и сообщений XV науч. конф. / редкол. : В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. — М., 2003. — XI, 373 с.

Румянцева М.Ф. Компаративное источниковедение // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании : тез. докл. и сообщений науч. конф. / редкол. : В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. — М. : РГГУ, 1996. — С. 35–49.

Румянцева М.Ф. Теория истории : учеб. пособие. — М. : Аспект Пресс, 2002. — 319 с.

Источниковедение историографии

Беленький И.Л. Русская история в XIX — начале XX в. : трансформация историографических представлений в советскую и постсоветскую эпохи // Россия XX столетия в исторической науке : взгляды, концепции, ценностные подходы : сборник. — М. : ИНИОН, 2000. — С. 23–59.

Запрянова А. Типология источников историографического исследования // Харківський історіографічний збірник. — Харків : ХНУ, 2010. — Вип. 10. — С. 41–52.

Ипполитов Г.М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2011. — Т. 13, № 3. — С. 501–509.

Ипполитов Г.М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки : непростая диалектика // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2013. — Т. 15, № 1. — С. 184–195.

Казаков Р.Б. Классификация историографических источников: опыт соотнесения библиографического и источниковедческого подходов / Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева // 150 лет на службе науки и просвещения : сб. материалов Юбилейной междунар. науч. конф. Москва, 5–6 дек. 2013 г. — М. : ГПИБР, 2014. — С. 421–430.

Камынин В.Д. Теоретические проблемы историографии как научной и учебной дисциплины на рубеже XX–XXI вв. // Известия Уральского государственного университета. — 2010. — № 3 (78). — С. 54–66.

Маловичко С.И. Этический поворот в изучении истории истории // Харківський історіографічний збірник. — Харьков : ХНУ, 2012. — Вып. 11. — С. 53–66.

Маловичко С.И. Феноменологическая концепция источниковедения как теоретическая основа источниковедения историографии // Диалог со временем : альманах интеллектуал. истории. — М. : ИВИ РАН, 2013. — Вып. 44. — С. 112–126.

Маловичко С.И. Историографическое произведение как объект источниковедческого изучения в предметном поле источниковедения историографии // Библиотека в контексте истории : материалы 10-й Всерос. с междунар. участием науч. конф. Москва, 3–4 окт. 2013 г. : в 2 ч. / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева ; сост. М.Я. Дворкина. — М. : Пашков Дом, 2013. — Ч. 1. — С. 9–21.

Маловичко С.И. История как строгая наука vs социально ориентированное историческое описание / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева. — Орехово-Зуево : МГОГИ, 2013. — 254 с.

Медушевская О.М. Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания : докл. и тез. XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. — М. : РГГУ, 2002. — С. 20–36.

Муравьев В.А. История, исторический источник, историография, история исторического познания : (размышления о смысле современных историографических исследований) // Рубеж веков : проблемы методологии и историографии ист. исслед. : сб. ст. / отв. ред. Е.Б. Заболотный. — Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. — С. 19–27.

Нечкина М.В. История истории : (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. — М. : Наука, 1965. — С. 6–26.

Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С.О. Путь историка : избр. тр. по источниковедению и историографии. — М. : РГГУ, 1997. — С. 177–205.

Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Шмидт С.О. Путь историка : избр. тр. по источниковедению и историографии. — М. : РГГУ, 1997. — С. 119–129.

Источниковедческое исследование

Казаков Р.Б. Введение в источниковедческое исследование : опыт построения // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки». — М. : РГГУ, 2008. — № 4/08. — С. 350–367.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории : в 2 т. / подгот. текста : Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. — М. : РОССПЭН, 2010. — 2 т. — (Б-ка Отеч. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX века).

Медушевская О.М. Источниковедение : теория, история и метод : учеб. пособие. — М. : РГГУ, 1996. — 79 с.

Медушевская О.М. Источниковедение социалистических стран : учеб. пособие. — М. : МГИАИ, 1985. — 103 с.

Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. — М. : РГГУ, 2008. — 361 с. : ил.

Медушевская О.М. Теория исторического познания : избр. произведения / сост. И.Л. Беленький. — СПб. : Университетская книга, 2010. — 572 с. : ил.

Исторический источник в эдиционных практиках

Нормативные и методические издания

Каштанов С.М. Методические рекомендации по изданию «Актов Русского государства» // Каштанов С.М. Актовая археография. — М. : Наука, 1998. — С. 143–232.

Правила издания исторических документов в СССР. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ГАУ при СМ СССР, 1990. — 187 с.

Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / сост. : А.Л. Хорощкевич, С.М. Каштанов. — М. ; Вильнюс : Б. и., 1985. — 133 с.

Литература

Валк С.Н. Избранные труды по археографии : науч. наследие / предисл. М.П. Ирошникова. — СПб. : Наука, 1991. — 366 с.

Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению : науч. наследие / сост. : В.Н. Гинев и др. — СПб. : Наука, 2000. — 664 с. : ил.

Валк С.Н. Советская археография. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. — 291 с.

История советской археографии : учеб. пособие / под ред. М.С. Селезнева. — М. : МГИАИ, 1966–1967. — 6 вып.

Каштанов С.М. Актовая археография. — М. : Наука, 1998. — 318 с.

Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов : лекции, читанные слушателям «Архивных Курсов» при Петроград. археол. ин-те в 1918 г. / предисл. А.И. Андреева. — Пг. : Б. и., 1920. — 2, 189 с.

Лихачев Н.П. Дипломатика : (из лекций, чит. в С.-Петербур. археол. ин-те) : из лекций по сфрагистике. — М. : ГПИБ, 2001. — 332 с. : ил.

Лихачев Н.П. По поводу сборника А.И. Юшкова «Акты XII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». — СПб. : Синод. Тип., 1898. — [2], 15 с.

Софинов П.Г. Из истории русской дореволюционной археографии : краткий очерк. — М. : Б. и., 1957. — 157 с.

Степанский А.Д. Археография отечественной истории XX века. — М. : РГГУ, 2004. — 211 с.

Советская археография : аннот. каталог науч.-метод. лит. (1917–1980). — М. : ВНИИДАД, 1974–1987. — 4 вып.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Данилевский Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ.

Добровольский Дмитрий Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ.

Казakov Роман Борисович — специалист факультета истории НИУ ВШЭ.

Маловичко Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории исторического факультета Московского государственного областного гуманитарного института.

Румянцева Марина Федоровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ.

Хоруженко Олег Игоревич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Швейковская Елена Николаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Учебное издание

Игорь Николаевич ДАНИЛЕВСКИЙ
Дмитрий Анатольевич ДОБРОВОЛЬСКИЙ
Роман Борисович КАЗАКОВ
Сергей Иванович МАЛОВИЧКО
Марина Федоровна РУМЯНЦЕВА
Олег Игоревич ХОРУЖЕНКО
Елена Николаевна ШВЕЙКОВСКАЯ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *М.А. Янушкевич*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка и графика: *Л.П. Рочева*
Корректор *Я.Т. Лебедева*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (495) 611–15–52

Подписано в печать
05.12.2014. Формат 70 × 100/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 55,9. Уч.-изд. л. 41,9
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1698. Заказ № .

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru
тел.: 8 (495) 988-63-76, тел./факс: 8 (496) 726-54-10

ISBN 978-5-7598-1092-6

9 785759 810926